

VII ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

ISBN 978-5-9624-2316-6

УДК 008(-11)(5)(063)

ББК 71.082л0

Г73

Публикуется по решению ученого совета Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ

Редакционная коллегия:

Е. Ф. Серебренникова, д-р филол. наук (отв. ред.); П. П. Дерюгин, д-р социол. наук;

А. Д. Калхман, д-р физ.-мат. наук; Л. А. Лебединцева, д-р социол. наук;

О. В. Кузнецова, канд. филол. наук; Е. В. Кремнёв, канд. социол. наук;

Н.Ю. Хлызова, канд. пед. наук; А.В. Чайкисова, канд. филол. наук;

И. В. Шалина, канд. ист. наук; Т. Е. Шишмарева, канд. филол. наук;

Ван Ланьцзюй, канд. филол. наук (Циндаоский приморский институт, КНР)

VII Готтлибовские чтения : Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 1–3 октября 2024 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2024. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2316-6.2024.1-560>

ISBN 978-5-9624-2316-6

Основной тематикой чтений, посвященных памяти и развитию научного наследия выдающегося российского китаевода Олега Марковича Готлиба (1951–2016), стали фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), разрабатываемые в рамках регионоведения, языкознания, педагогики и лингводидактики, истории, культурологии, философии, политологии, экономики, социологии, правоведения, этнологии.

Адресовано преподавателям, аспирантам, магистрантам, научным работникам, специализирующимся в области регионоведения, языкознания, лингводидактики и других социогуманитарных наук, связанных с комплексным изучением АТР.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Сборник включен в договор о размещении материалов в наукометрической базе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Иркутский государственный университет»

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 521-900

Издательство ИГУ, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru

Подписано к использованию 15.11.2024. Тираж 13 экз. Объем 9,6 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:

32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше

Оперативная память (RAM):

256 МБ

Необходимо на винчестере:

320 МБ

Операционные системы:

ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X

Видеосистема:

Разрешение экрана 1024x768

Акустическая система:

Не требуется

Дополнительное оборудование:

Не требуется

Дополнительные программные средства:

Adobe Reader 6 или выше

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2024

© СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 2024

VII ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

ISBN 978-5-9624-2316-6

VII ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

ISBN 978-5-9624-2316-6

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ
КАФЕДРЫ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ АТР, ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, КИТАЕВЕДЕНИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ АТР
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ЦЕНТР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

VII ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Материалы
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 1–3 октября 2024 г.

УДК 008(-11)(5)(063)

ББК 71.082л0

Г73

Публикуется по решению ученого совета
Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ

Редакционная коллегия:

Е. Ф. Серебренникова, д-р филол. наук (отв. ред.);
П. П. Дерюгин, д-р социол. наук; А. Д. Калхман, д-р физ.-мат. наук;
Л. А. Лебединцева, д-р социол. наук;
О. В. Кузнецова, канд. филол. наук; Е. В. Кремнёв, канд. социол. наук;
Н.Ю. Хлызова, канд. пед. наук; А.В. Чайкисова, канд. филол. наук;
И. В. Шалина, канд. ист. наук; Т. Е. Шишмарева, канд. филол. наук;
Ван Ланьцзюй, канд. филол. наук (Циндаоский приморский институт, КНР)

Рецензенты:

Л. Е. Бляхер, д-р. филос. наук
Т. П. Калихман, д-р геогр. наук

Г73 **VII Готлибовские чтения:** Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 1–3 октября 2024 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2024. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.

<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2316-6.2024.1-560>

ISBN 978-5-9624-2316-6

Основной тематикой чтений, посвященных памяти и развитию научного наследия выдающегося российского Китаеведа Олега Марковича Готлиба (1951–2016), стали фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), разрабатываемые в рамках регионологии, языкознания, педагогики и лингводидактики, истории, культурологии, философии, политологии, экономики, социологии, правоведения, этнологии.

Адресовано преподавателям, аспирантам, магистрантам, научным работникам, специализирующимся в области регионологии, языкознания, лингводидактики и других социогуманитарных наук, связанных с комплексным изучением АТР.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Сборник включен в договор о размещении материалов в наукометрической базе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

УДК 008(-11)(5)(063)
ББК 71.082л0

ISBN 978-5-9624-2316-6

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2024

© СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 2024

Посвящается памяти
выдающегося российского китаевода
Олега Марковича Готлиба
(20.10.1951–08.06.2016)

ВОПРОСЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ. ПАМЯТИ О. М. ГОТЛИБА

Аннотация. Представлена попытка моделирования этимологического анализа китайских иероглифических знаков, которую автор осуществил на основе опыта грамматологических исследований О. М. Готлиба, а также подходов и терминологии китайской филологической традиции. В рамках теоретической концепции этимологической реконструкции выделены пять взаимосвязанных и взаимоверифицирующих этапов: фонетическая, формально-графическая, грамматологическая реконструкции, семантический, идеосемантический анализ.

Ключевые слова: этимологический анализ, грамматологические исследования О. М. Готлиба, китайская филологическая традиция, пятикомпонентная модель этимологизации китайского иероглифического знака

N. Terekhova

Irkutsk State University, Irkutsk

MODELLING ISSUES OF ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF CHINESE HIEROGLYPHIC CHARACTERS (IN MEMORY OF O. M. GOTLIB)

Abstract. This paper presents an attempt to model the etymological analysis of Chinese hieroglyphic signs, which the author carried out on the basis of the experience of grammatological research by O. M. Gotlib, approaches and terminology of the Chinese philological tradition. Within the framework of the theoretical conception of etymological reconstruction, five interrelated and mutually verifying stages are identified: phonetic, formal-graphical, grammatological reconstructions, semantic, ideosemantic analysis.

Keywords: etymological analysis, grammatological research by O. M. Gotlib, Chinese philological tradition, five-component model of Chinese character etymologisation.

В российской синологии проблема этимологизации китайских иероглифических знаков была актуализирована и рассмотрена как дополнительный аналитический параметр грамматологии китайского письма выдающимся отечественным китаеведом О. М. Готлибом. В своих исследованиях он, опираясь на работы известного американского лингвиста и специалиста по теории письма И. Гельба, а также французского философа Ж. Дерриды, впервые предложил использовать термины «грамматология» и «грамматологический анализ/подход» для комплексного научного рассмотрения китайского письма. Опираясь на теоретические и практические характеристики китайского письма в работах О. М. Готлиба, мы функционально разделили этимологию и грамматологию китайского иероглифического знака. Грамматологическое изучение, по нашему мнению, направлено: 1) на осуществление структурно-семантического анализа знака – выделение значимых структурных графических элементов и описание их отдельного и совокупного значений; 2) проведение структурно-функционального анализа знака: определение его категориального

статуса на основании выделенных функций графических элементов (или его знакообразовательной модели в терминологии Сюй Шэня) либо обоснование авторской категоризации. Данный тип анализа также предполагает выявление структурно-иерархических параметров китайского иероглифа в рамках порождающей модели его образования от более простых (базовых, первичных) к более сложным (составным, поздним) формам. Грамматологический анализ осуществляется как для ранних форм знака, так и для его поздних и современных вариантов, являясь обязательным компонентом этимологического анализа.

В свою очередь этимологический анализ подразумевает выявление и описание первичной графической формы знака или группы наиболее ранних его форм, соотнесение данной формы с ее ранними толкованиями, филологическими описаниями и историко-культурологическими данными, а также рассмотрение эволюции развития семантики знака с целью выявления устойчивых взаимосвязей и степени влияния ранней графики и ее значений на поздние графические формы и семантику иероглифа.

О. М. Готлиб представил анализ китайского письма в логико-методологической рамке лингвосемиотики и грамматологии. Очевидно, что известный древнекитайский словарь «Шо вэнь цзе цзы» являлся основополагающим источником для его работ с точки зрения общеконцептуальной опоры, терминологической базы, базовых принципов структурно-семантического и структурно-функционального анализа китайских иероглифических знаков. Наряду с этим профессор учитывал, что в «Шо вэнь цзе цзы» используется уже высокоразвитое иероглифическое письмо, прошедшее продолжительную графическую эволюцию, и на этом основании словарь не может являться первичным этимологическим источником.

О. М. Готлиб, опираясь на доступные на момент написания монографии «Основы грамматологии китайской письменности» китайские источники¹, рассмотрел раннюю графику, представленную на разных (описанных в его работе) носителях, проработал этимологические интерпретации знаков в современных китайских этимологических словарях и исследованиях «Шо вэнь цзе цзы». Таким образом, вслед за китайскими исследователями китайской эпиграфики и теории китайского письма он актуализировал в отечественной синологии вопрос стратегии поиска и

¹ 许慎.说文解字.北京,中华书局出版,1996.

曹先擢、苏培城.汉字形义分析字典.北京,北京大学出版社,2000.

董莲池.说文部首形义通释.长春,东北师范大学出版社,2000.

邹晓丽.基础汉字形义释源(«说文»部首今读本义).北京,北京出版社,1990.

尹黎云.汉字字源系统研究.北京,中国人民大学出版社,1998.

王宏源.汉字字源入门.北京,华语教学出版社,1994.

黄沛荣.电脑古文字形—金文编.国立台湾大学中国文学系.中华民国八十九年.

Moliky Character Map. Version 2.026. 1998.

выявления этимологического толкования китайских знаков [Готлиб, 2007, с. 99–282].

Отметим, что словарь Сюй Шэня является не только ценным справочником по приведенным в нем знакам, датированным рядом периодов в эволюции китайской письменности, но в определенном смысле и ключом к дешифровке вновь открываемых древних знаков. Изучение палеографических и археологических памятников и дешифровка древних знаков в Китае традиционно осуществлялись через сопоставление с «Шо вэнь цзе цзы». Своды древних написаний иероглифов, составленные по результатам дешифровок, например, надписей на гадательных костях и бронзовых сосудах, часто строятся как уточняющие комментарии к «Шо вэнь цзе цзы» и исходят из списка его знаков.

В словаре демонстрируются знаки с композиционными, порой кардинальными изменениями состава сложного знака. Характер толкований Сюй Шэня показывает, что они сформулированы под влиянием социально-культурных, философских и идеологических взглядов эпохи династии Хань. В своих толкованиях Сюй Шэнь использовал активные значения знака *шун* 实义, наиболее релевантные представленной в словаре графике знака, а также выделенным Сюй Шэнем структурно-семантическим и структурно-функциональным характеристикам иероглифа, общей системологии, концептуальным и дискурсивным задачам словаря.

На основе соотнесения китайской традиционной типологии знаков и теории о видах знаков Ч. С. Пирса (а также широкого контекста китайской лингвистики) О. М. Готлиб определил три ключевых типа китайских письменных знаков: пиктограмму, идеограмму, символюграмму, которые одновременно представляют этапы семиозиса.

Считаем, что в типологическом смысле О. М. Готлиб на основе базовых подходов знакообразования, принципов комбинаторики и богатой вариативности сочетаний структурных элементов китайских иероглифических знаков выделил базовую единицу китайского письма – логограмму, обосновав логографичность китайского письма. Его идеографичность рассматривал исходя из структурных характеристик лексикона, последовательно реализованных в китайском словаре гипер-гипонимическими связями. Стоит отметить, что О. М. Готлиб подчеркивает «независимость системы письменности от системы языка и их самодостаточность до известной степени», выносит за скобки последовательного исследования фонетический компонент китайского иероглифического знака и рассматривает его как «системнонейтральный, необлигаторный фактор в процессе семиозиса» [Готлиб, 2007, с. 51]. Однако автор признает, что большая часть (более 80 %) логограмм современного состояния китайской письменности включает в свой состав фонетический компонент, что, по его мнению, является фактором сращения письменной и фонетической (зву-

ковой) форм существования языка. Фонетические компоненты могут участвовать в формировании значения письменного знака. Вместе с тем их функция графического сигнала звуковой оболочки языковой единицы, своеобразная транскрипция очевидны и заслуживают анализа [Готлиб, 2007, с. 61]. В подтверждение функциональной значимости фонетиков профессор приводит парадигму примеров с фонетическим компонентом fāng 方 [Готлиб, 2007, с. 61] и отмечает, что данный компонент далеко не всегда точно передает звуковую оболочку знака как в сегментном, так и в надсегментном плане и даже может по-разному читаться. Добавим, что данное положение справедливо и для семантических компонентов китайского иероглифа; семантический детерминатив часто обладает обширным и порой слабо связанным с общей семантикой знака значением, кроме того, может выполнять функцию фонетика. Приведенная профессором выборка сложных знаков, включающих знак 衣 «одежда» [Готлиб, 2007, с. 67], подтверждает данный тезис.

Отдельно отметим, что в предпринятой О. М. Готлибом реконструкции исследований отечественной грамматологической школы отмечалось, что многие ведущие отечественные китаисты-грамматологи (В. П. Васильев, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин, А. Ф. Кондрашевский) установили идео-фонографический характер китайского письма.

Опираясь на вышеизложенные результаты исследований О. М. Готлиба в области вопросов, касающихся этимологизации китайских знаков, представим наш вариант создания модели этимологического анализа китайского иероглифического знака. При ее разработке учитывались положения, терминология, базовые принципы, принятые в китайском традиционном и современном языкознании, а именно в монографиях, посвященных исследованиям древнекитайской филологической науки *сюньгусюэ* 训诂学 и китайской письменности. Такого рода ключевым положением, безусловно, является принцип триединства китайского иероглифического знака, включающим графическую форму *син* 形, значение *и* 義, чтение (или фонетический образ) *шэн* 声.

Авторская модель этимологического анализа китайского иероглифа состоит из нескольких взаимосвязанных этапов/видов этимологических реконструкций: фонетического, формально-графического, грамматологического или структурно-семиотического, семантического (в том числе идеосемантического).

На этапе **фонетической реконструкции** осуществляется описание развития фонетического образа китайского знака на основе данных группы наиболее авторитетных фонетических реконструкций древнекитайского языка.

На этапе **формально-графической реконструкции** осуществляется верификация разнописей *итицзы* 异体字 (использование разных иероглифических знаков с одинаковым чтением для одного и того же значения), заимствованных знаков *цзецзы* 借字 (заимствовался имеющийся знак со сходными фонетическими характеристиками для обозначения некоей реалии); выявление первичного знака *бэньцзы* 本字 по отношению к заимствованному иероглифу *цзецзы*. Первичный знак *бэньцзы* – знак, значение которого в силу каких-либо обстоятельств в какую-либо эпоху закрепилось за иным фонетически схожим знаком [康殷. 文字源流钱说, 1979, с. 154; 王宁. 训诂学原理, 1996, с. 40; 2002, с. 41]. При соотнесении графики заимствованного иероглифа и значения, для фиксации которого иероглиф заимствовался, можно установить тип их корреляции, а также принципы формирования фонетических компонентов знаков.

Выявление всей парадигмы наиболее ранних графических форм знака *биш* 笔意 осуществляется в соответствии с выделенными периодами развития китайской иероглифики. Измененная (более поздняя) графическая форма иероглифа называется *биши* 笔势 [陆宗达、王宁. 训诂方法论, с. 78; 王宁. 训诂学概念, 2002, с. 41]. С течением времени структура иероглифов изменялась, становилась либо более детальной, либо более простой, графика стремилась к схематизации, стандартизации, символизации, утрачивая первоначальное изображение, пиктографичность.

Если задачей формально-графической реконструкции является выявление и ранжирование целостных форм данного знака, то **грамматологическая реконструкция** направлена на изучение структурно-семантических и структурно-функциональных характеристик иероглифа.

Мы полагаем, что по аналогии с концепцией построения семантического поля в европейской лингвистике всю парадигму ранней графики китайского иероглифического знака можно рассматривать как его графосемантическое поле. В качестве ядра выступают более или менее постоянные графические элементы ранних вариантов знака либо образуемый из них самостоятельный знак. Периферию будут представлять все знаки с дополнительными, вариативными компонентами иероглифа. Инвариантные и вариативные элементы наиболее ранних знаков в совокупности составляют собирательный графический смыслообраз иероглифа, связанное последовательное толкование которого и представляет собой базовое этимологическое значение знака *бэньи* 本义.

Ввиду того что в древнекитайской письменности внутри выделенных исторических этапов (*цзягувэнь*, *цзиньвэнь*) довольно сложно построить хронологический ряд развития графической формы знака, мы считаем целесообразным описывать собирательный графический смыслообраз знака с учетом всей парадигмы наиболее ранних знаков, выделяя

в нем условно инвариантную, постоянную, базовую графическую часть, встречающуюся в большинстве ранних знаков (графосемантическое ядро этимологизированного знака) и вариативные компоненты.

Для описания графосемантических характеристик китайского иероглифического знака мы предлагаем использовать термин «графический смыслообраз иероглифического знака» *цзаои* 造意 [王宁. 训诂学概念, 2002, с. 43–44], который соотносится, по нашему мнению, в западноевропейской лингвистике с понятием внутренней формы слова. А. А. Потебня назвал внутреннюю форму «ближайшим этимологическим значением», которое создается живыми словообразовательными связями производного слова. «Дальнейшее этимологическое значение» – это самая ранняя из доступных для реконструкции мотивация корня слова. Внутренняя форма слова является способом выражения значения в слове [Маслова, 2007]. Она выступает как группа референтных либо как целостный образ, дающий нам представление о глубинных истоках национальной культуры. Именно внутренняя форма слова, существующая в семантике конгломерата производных слов, является исторической памятью языка, тем, что Н. Б. Мечковская называла следом вчерашнего видения предмета, оттеняющим его сегодняшнее понимание. Смысловая значимость слова, воплощенная в образах, реализованных во внутренней форме языковых единиц, содержит в себе этнокультурные начала, которые человек воспринимает на неосознанном уровне [Харитонов, Хоружая, 2008, с. 22–23].

Внутренняя форма (графический смыслообраз *цзаои*) иероглифа может рассматриваться как графосемантическая структура, позволяющая объяснить связь его графики и значения, способ выражения, визуализации значения в знаке, идеографический способ осмысления (концептуализации) объекта мира. *Цзаои* (графический смыслообраз знака) – замысел, идея о некоем предмете, явлении, реализованная в графике знака. Состав графических элементов иероглифа представляет группу либо единый образ, на которых основана этнокультурная номинация некоего явления посредством данного иероглифического знака. Изучение и описание компонентов графического смыслообраза знака является, по нашему мнению, одной из ключевых стратегий в этимологизировании иероглифа.

Следует отметить, что термин «смыслообраз» впервые был использован в искусствоведении для описания двуединства зрительного образа и его смысла в некоем художественном произведении. Смыслообраз – это символизированный смысл или образно и понятийно осмысленный символ. На наш взгляд, использование данной категории применительно к иероглифическому знаку оправдано тем, что, по мнению А. М. Карапетьянца, знаки древнекитайской письменности по своему написанию, построению и функционированию занимали положение, промежуточное между знаками письма в обычном понимании этого слова и памятниками изобразительного искусства [Карапетьянц, 2010, с. 52–73].

Грамматологический анализ позволит осуществить системную структурно-семантическую и структурно-функциональную верификацию графических элементов ранних форм знака, выявить графосемантические связи между графическими элементами иероглифического знака, создать целостное описание графического смыслообраза знака *цзаои*, включая анализ инвариантных (базовых) и вариативных графических элементов, определить знакообразовательную модель (или модели), формирующую траекторию семиозиса знака. Особую роль для этапа грамматологической реконструкции играют толкования знаков, представленные в «Шо вэнь цзе цзы» и комментариях к нему, так как данный словарь является конституирующим источником китайской системной грамматологической концепции и в целом традиции.

Семантический анализ позволит раскрыть степень влияния первичных графосемантических характеристик знака на его последующее развитие в китайском языке. В рамках семантического и идеосемантического анализа знака проводится исследование древнеисторических, социально-культурных реалий, отражающих смысловые характеристики древнего знака, осуществляется описание активных (фактических) значений знака *шши* в древнекитайской письменной литературе, его синонимических и антонимических связей в древнекитайском языке. Данный анализ поможет уточнить этимологическое значение иероглифического знака.

Активные значения *шши* 实义 отражают семантические характеристики данного иероглифа в фактическом языке, включая всю парадигму значений, закреплённых за ним на определенном этапе либо на протяжении всей истории развития китайского языка. Активные, фактические значения слова имеют большой потенциал вскрытия непрерывного действия этимологических связей. Случаи возрождения или оживления этимологии в языке называются реэтимологизацией слова [Трубачев, 1988, с. 181].

Связь идеи и знака является одним из ключевых принципов идеографического письма, поэтому, помимо детального анализа графики, важным аспектом в исследовании этимологического значения выступает описание этносемантических характеристик знака. Формирование и развитие значения слова подчинено определенным принципам, отражающим закономерности осознания человеком предметов общественного опыта и практики в изменяющихся условиях хозяйства, быта, материальной культуры, мировоззрения. Семантика слова встает перед языковедом-историком в двух аспектах: 1) как общеобязательный минимум смысловых функций, определяющий современное коммуникативное использование слова (это малая семантика, которую можно назвать также семантикой сигнальной или технической); 2) как сумма тех сопутствующих познавательных, эмоциональных, идеологических представлений, в которых отражается сложная внутренняя жизнь слова в его прошлом и насто-

ящем (это большая семантика). Для последнего, более широкого понимания семантики В. И. Абаев предложил в свое время термин «идеосемантика». Этимологический анализ вскрывает идеосемантику, а устанавливаемая идеосемантика, в свою очередь, уточняет этимологическое значение [Соснина, 2013, с. 22; Абаев, 1948].

Исследование идеосемантики раннего иероглифического знака предполагает, наряду с верификацией его графики, версий ее толкования, изучение активных значений знака *шшш*, представленных в древнекитайской литературе, социально-культурологических, идеологических реалий, в которых тем или иным способом отражается семантика древнего иероглифа. Идеосемантическое содержание знака определяется не только тем, что он означает, но и тем, чему он противопоставляется (оппозиционная связь) и с чем ассоциируется (симпатическая связь).

Представленная модель этимологического анализа китайских иероглифических знаков является теоретической концепцией, включающей ряд последовательных взаимосвязанных и взаимоверифицирующих этапов этимологической реконструкции. Данная модель носит междисциплинарный характер и в рамках своей практической реализации должна опираться на положения лингвокультурологического, лингвосемиотического, лингво-когнитивного, историко-культурологического анализов.

Опыт грамматологических изысканий О. М. Готлиба является важной вехой в развитии отечественной научной школы изучения китайского письма. Работы ученого, написанные в преемственной связи с выдающимися отечественными китаеведами-грамматологами, китайской и западно-европейской традицией развития теории письма, являются носителями ценного аналитического опыта первичной инновационной разметки и освоения сложного и широкого исследовательского поля под названием «лингвосемиотика китайского письма». На наш взгляд, его исследования определили:

1) стратегию взаимной конвертации западно-европейской научно-исследовательской базы лингвосемиотики / теории письма и китайской филологической традиции;

2) многоаспектное исследование китайской лингвистической школы, в том числе базовых источников китайской грамматологической традиции с точки зрения проблематизации, переосмысления их статуса, концептуальных оснований, области влияния и отражения в китайской науке и культуре; осмысления системных, типологических, структурно-семантических и структурно-функциональных характеристик китайского письма;

3) этимологизацию китайских иероглифических знаков и поиск траекторий ее реализации как методологического инструмента постижения китайской письменности.

Работам О. М. Готлиба уже пара десятков лет, но они поныне рожают живой интерес, вдохновение.

Библиографический список

Абаев В. И. Понятие идеосемантики // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 11, вып. 1. М.: 1948. С. 13–18. URL: <http://philology.ru/linguistics1/abaev-48.htm> (дата обращения: 23.10.2018).

Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М.: Восток-Запад, 2007. 284 с.

Карапетянц А. М. Изобразительное искусство и письмо в архаических культурах (Китай до III в. до н. э.) // У истоков китайской словесности. М.: Вост. лит., 2010. С. 52–73.

Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2007. 169 с.

Соснина А. Е. Идеосемантика как один из компонентов этимологического анализа // Критика и семиотика. 2013. № 2 (19). С. 14–30.

Трубачев О. Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительноисторическое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988. С. 197–222.

Харитонов Е. М., Хоружая С. В. Образность смысла и смысл образа в культуре // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3 (28). С. 21–24.

康殷。文子源流钱说。大连，荣宝斋出版社，1979。

陆宗达、王宁。训诂方法论。南通；中国社会科学出版社，1983。

王宁。训诂学原理。中国国际广播出版社，1996。

王宁。训诂学概念。上海 %：上海教育出版社，2002。

РАЗДЕЛ I

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 378.4(73):316

Е. В. Ватолина, О. Ю. Вербицкая
Иркутский государственный университет, Иркутск

ПОДХОДЫ К СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ: ОПЫТ АНАЛИЗА

Аннотация. Рассматриваются особенности американской социологической науки. Анализируются подходы к социологическим исследованиям трех американских университетов: Чикагского, Колумбийского, Гарвардского, которые являются наследниками соответствующих социологических школ. Выявлено, что текущие подходы к социологическим исследованиям в данных вузах продолжают соответствующие научные традиции. Установлены общие черты социальных исследований в указанных университетах, а именно: структурное разделение на количественно-прикладное направление и классическую социологию, а также функционирование самостоятельного направления междисциплинарных и кросс-дисциплинарных социальных исследований.

Ключевые слова: социология, американские социологические школы, социологические исследования, Чикагская социологическая школа, Колумбийская социологическая школа, Гарвардская социологическая школа.

E. Vatulina, O. Verbitskaya
Irkutsk State University, Irkutsk

APPROACHES TO SOCIOLOGICAL RESEARCH IN MODERN AMERICAN INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION: AN EXPERIENCE OF ANALYSIS

Abstract. The article examines the features of American sociological science. The authors examine approaches to sociological research at three American universities – Chicago, Columbia, Harvard, which are the “heirs” of the corresponding sociological schools. It has been revealed that current approaches to sociological research in these universities continue the corresponding scientific traditions. The authors have also identified some common features of social research at these universities, namely the structural division of sociological research into quantitative-applied direction and classical sociology, as well as the functioning of an independent direction of interdisciplinary and cross-disciplinary social research.

Keywords: sociology, American sociological schools, sociological research, Chicago sociological school, Columbia sociological school, Harvard sociological school.

Становление социологической науки и исследований в США происходило отличным от европейского путем. Если в Европе социология базировалась на университетской философии, а первые социологи препода-

вали на факультетах философии, то в США данное направление сразу завоевывало самостоятельные академические позиции. С конца XIX в. именно в США начинают открываться первые социологические факультеты и кафедры (так, в 1892 г. в Чикагском университете были открыты первые в мире кафедра и факультет социологии). Итак, в США социологию сразу признали самостоятельной академической дисциплиной, завоевавшей статус университетской науки.

Другое отличие американских социологических исследований от европейских заключается в том, что в США они сразу уходят в русло эмпирического изучения. Уже к окончанию первого десятилетия XX в. в США проводятся тысячи эмпирических исследований. В Европе же социология с самого начала определения ее как самостоятельной науки тяготела к макроуровневым теориям, теоретическим изысканиям, попыткам объяснения существования и функционирования социума. Первых же американских социологов интересуют именно практические насущные проблемы современного им общества (урбанизации, городских гетто, иммиграции, расовые проблемы, социальные девиации, преступность). Именно они находятся в фокусе внимания видных представителей Чикагского направления американской социологической школы – Р. Парка, Э. Бёрджесса, А. Смолла, У. Самнера и др. Для консервативного американского общества начала XX в. такие темы были достаточно прогрессивными, даже маргинальными.

Уже для ранних американских социальных исследований важен человек, его практическая, повседневная жизнь. В знаменитой и важнейшей для всей мировой социологии работе Т. Знанецкого и У. Томаса «Польский крестьянин в Европе и Америке» изучение проблем иммиграции осуществляется с помощью впервые широко примененного биографического метода с изучением личных семейных связей на материале переписки польских иммигрантов в США с оставшимися на родине семьями.

Ключевой для американских социальных исследований интерес к повседневной жизни человека проявляется и в развитии направления символического интеракционизма (Дж. Г. Мид, Ч. Кули), и в драматургическом направлении И. Гофмана, и в этнометодологии (Г. Гарфинкель). Вместе с тем исследования не ограничиваются микроуровнем – американскую социологию интересуют и проблемы функционирования общества в целом как системы. Т. Парсонс, а также Р. Мертон, опираясь на исследования европейских классиков социологии, развивают теорию структурного функционализма.

В середине XX в. в контексте назревания социальных проблем, и особенно в 1960-е гг. (годы подъема социальных движений, роста критического отношения к власти), государство начинает признавать социологию важной для страны наукой, выдаются первые государственные гран-

ты на социологические исследования. В 1960-х гг. президент Л. Джонсон начинает ряд социальных реформ, основывает и реализует программу борьбы с бедностью и другими проблемами. Для осмысления существующих социальных проблем необходима поддержка профессиональных социологических исследований. Американская социология получает признание на официальном, государственном уровне.

Таким образом, исторически сложилось, что американские социальные исследования характеризуются следующими чертами:

- формированием в рамках университетов;
- эмпирической направленностью;
- практичностью и ориентацией на актуальные проблемы современного американского общества;
- вниманием к повседневному, жизненному миру и межличностным взаимодействиям;
- интересом к личности.

В современных социальных исследованиях в американских университетах прежде всего выделяется разделение социальных исследований на две широкие группы – Social Sciences и Sociology. Это разделение характерно и для европейских университетов. Под Social Sciences понимаются социальные эмпирические исследования, проводимые с помощью количественных методов, с применением программ компьютерной обработки, работа с большим объемом данных. Классическая же социология выделяется в направление Sociology. В настоящее время в Чикагском университете, историческом форпосте социологии в США, функционируют следующие структурные подразделения (departments):

- Social Sciences (компьютерная обработка данных, работа с большим числом данных);
- Sociology (факультет, основанный в 1892 г., продолжение классической традиции);
- The Crown Family School of Social Work, Policy, and Practice (социальная работа);
- Social Thought (междисциплинарные социальные исследования на стыке философии, истории, экономики, антропологии, социологии) [University of Chicago].

Анализ тем публикаций сотрудников факультета социологии (Sociology) за 2021–2024 гг. показывает сохранение традиционных для американской социологии направлений.

1. Проблемы города, городская сегрегация, геттоизация и джентрификация.
2. Расово-этнические проблемы.
3. Социальная политика и городские службы города.
4. Гендерные проблемы.

5. Проблемы рынка труда.
6. Преступность, пенитенциарная система.
7. Вопросы религии.
8. Проблемы доступа к здравоохранению [University of Chicago].

Вместе с тем значительное количество публикаций посвящено вопросам, которые актуализировались именно в последнее время, в частности связанным с искусственным интеллектом, большими данными, открытым программным обеспечением, а также исследованиям, посвященным социальным последствиям коронавирусной пандемии.

В третий крупный блок выделим теоретические изыскания в рамках социополитических, геополитических, политико-философских, историкополитических и историко-социальных направлений, в частности, проблемы наследия колониализма, функционирование капиталистической системы, исторические проблемы капитализма и др.

Таким образом, в рамках социологических исследований Чикагского университета находим продолжение традиций ранней американской социологии (Чикагской социологической школы) с их интересом к проблемам города, иммиграции, расы. Вместе с тем новые актуальные проблемы привносят необходимость социологического осмысления коронавирусной пандемии, искусственного интеллекта, что успешно решается в рамках проводимых исследований. По-прежнему заметна ориентация на микромир, повседневные взаимодействия людей в сообществах. В то же время в фокусе внимания остается широкий социополитический контекст, историческое наследие.

Значительный вклад в развитие мировой социологии внесла Колумбийская социологическая школа. Социологическое отделение Колумбийского университета стало вторым, основанным в США после Чикагского, и было основным его академическим соперником. На сегодняшний день в Колумбийском университете функционируют следующие структурные подразделения по направлению социологических исследований: School of Social Work (социальная работа), факультет социологии (Sociology), а также социологическое отделение при женском колледже Барнард. Направления исследований факультета социологии отличаются комплексностью, объединяя и количественную, и качественную методологию [Columbia University]. Среди направлений исследований в Колумбийском университете, как и в Чикагском, выделяется традиционное для американской социологии поле: проблемы иммиграции, урбанизации, расово-этнические проблемы. Однако Колумбийская социологическая школа исторически отличалась фундаментальностью, стремлением осознать сами принципы устройства глобальных и локальных политических и социальных институтов, их исторической основы. Следует отметить и политический, политико-философский уклон, характерный для данной

школы. Анализ тем публикаций сотрудников факультета социологии (Department of Sociology) за 2018–2024 гг. позволил выявить пять ключевых направлений.

1. Проблемы города, городская сегрегация.
2. Расовые проблемы.
3. Преступность, пенитенциарная система.
4. Проблемы образования.
5. Гендерные проблемы.

Такие направления в целом совпадают с исследованиями социологического факультета Чикагского университета. Отличительной же чертой социологического факультета Колумбийского университета выступает более явная политизация тем, заметный уклон в сторону политической философии, политической социологии, политэкономии. Возможно, в связи с этим большее внимание уделяется не остроактуальным, а фундаментальным, устойчивым проблемам. Тем не менее на запросы сегодняшних реалий технологизации, компьютеризации, алгоритмизации находятся ответы. Так, на факультете действует семинар (workshop) по социологии алгоритмов [Columbia University].

В целом можно отметить, что в современной социологической школе Колумбийского университета поддерживается исторически сложившаяся тенденция к фундаментальному, комплексному взгляду на социальные исследования с опорой на политико-философскую и политэкономическую основы.

Крупнейшей социологической школой США на протяжении десятилетий остается Гарвардская школа социологии. Одним из наиболее знаменитых представителей был Питирим Сорокин, создатель теории социальной стратификации и социальной мобильности. Другой известный представитель –Толкотт Парсонс, основатель школы структурного функционализма. В качестве отличительных черт Гарвардской социологической школы можно назвать ее фундаментальность, теоретизированность, уклон в макроуровневую социологию и универсальные теории макроуровня, фокус на изучении социальных структур и систем, системный подход. В настоящее время в Гарвардском университете функционирует крупное структурное подразделение, объединяющее целый ряд общественных наук (the Division of Social Science). В это отделение входят африканские и афроамериканские исследования, американистика, антропология, экономика, государственное управление, история, история науки, психология, социальные исследования, социология, гендерные исследования [Harvard University]. Факультет социологии (Department of Sociology) был основан в 1930-е гг. В 1960 г. учрежден также междисциплинарный центр социальных исследований (Committee on Degrees in Social Studies), который приглашает к совместной кросс-дисциплинарной

работе студентов и сотрудников разных подразделений университета, чьи научные интересы сосредоточены в социальном поле [Там же].

Сегодня исследования на факультете социологии Гарвардского университета подразделяются на несколько кластеров (самим университетом). Помимо таких традиционных для американской социологии тем, как урбанизация и проблемы города, иммиграция и расовые проблемы, неравенство, проблемы здравоохранения, гендерные и проблемы семьи, преступность, крупным блоком выступают теоретические темы в рамках политической, экономической, культурной, сравнительной социологии, теории социальных изменений [Там же]. Такое наблюдение позволяет подтвердить сохранение исторической традиции Гарвардской школы с ее упором на теоретическую социологию, а также на функциональность и изменения социальных структур и систем.

В целом по результатам анализа функционирования социологических отделений Чикагского, Колумбийского и Гарвардского университетов, наследников знаменитых социологических школ, можно сделать вывод о том, что на них заметно продолжение научной традиции, сохраняются исторические отличительные черты этих школ. Общими же особенностями социальных исследований в указанных университетах выступают: подразделение социологических исследований на количественно-прикладное направление (Social Sciences) и классическую социологию (Sociology), а также функционирование самостоятельного направления междисциплинарных и кросс-дисциплинарных социальных исследований.

Библиографический список

Columbia University : офиц. сайт. URL: <https://sociology.columbia.edu>. (дата обращения: 05.05.2024).

Harvard University : офиц. сайт. URL: <https://sociology.fas.harvard.edu/pages/research-clusters> (дата обращения: 04.05.2024).

University of Chicago : офиц. сайт. URL: <https://sociology.uchicago.edu>. (дата обращения: 05.05.2024).

КРОСС-ДИСЦИПЛИНАРНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ: ОБРАЩЕНИЕ К КИТАЙСКОМУ ЗНАКУ

Аннотация. Статья нацелена на обоснование научной перспективности рассмотрения китайского иероглифа в рамках синтезированного подхода, включающего применение семиотической теории вкупе с культурно-исторической психологией, на примере исследования китайского иероглифического знака 人 человек. Было выявлено, что китайский иероглиф в статусе единства «знак–артефакт» обуславливает функционирование иероглифа как культурной единицы, участвующей в передаче и консервации культурных знаний и являющейся инструментом перехода в символический режим мышления.

Ключевые слова: китайский знак, иероглиф, семиотический подход, культурно-историческая психология, артефактный подход, китайская письменность, артефакт, символический режим мышления, культурная схема.

S. Dambueva

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

CROSS-DISCIPLINARY METHODOLOGY: ADDRESSING THE CHINESE SIGN

Abstract. The article aims to justify the scientific prospects (necessity) of considering the Chinese character within the framework of a synthesized approach, including the application of semiotic theory coupled with cultural-historical psychology, using the example of the study of the Chinese hieroglyphic sign 人 man. In the course of the study, it was discovered that the Chinese character in the status of unity "sign-artifact" determines the functioning of the hieroglyph as a cultural unit involved in the transfer and preservation of cultural knowledge and is an instrument of transition to a symbolic mode of thinking.

Keywords: Chinese sign, hieroglyph, semiotic approach, cultural-historical psychology, Chinese writing, artifact, symbolic mode, cultural scheme.

Китайская иероглифика, безусловно, представляет собой уникальное явление среди современных типов письменности. Очаги иероглифического письма были обнаружены на Ближнем и Дальнем Востоке, в Центральной Азии и Центральной Америке, однако дошли до настоящего времени лишь как памятники прошлого, и только китайская письменность смогла адаптироваться к внешним обстоятельствам и оставаться по сей день, как выразился один из выдающихся Китаистов Б. Карлгрен, «основой всей китайской культуры и скрепами, которые объединяют народ в одну большую страну» [Karlgrén, 1923, p. 14–15].

Базовой единицей китайской письменности является иероглиф, который, согласно определению О. М. Готлиба, является базовой номинативной единицей китайского этносознания. «Иероглифы формируют тот самый “панцирь”, который во многом определяет всю типологическую специфику китайского языка, и китайское мировидение» [Готлиб, 2019, с. 43]. Следовательно, иероглиф как единица, определяющая китайский менталитет, ценности и культуру, в качестве объекта исследования входит в область изучения не только лингвистики, но и других научных дис-

циплин. Однако среди множества работ по исследованию китайского знака относительно мало тех, которые исследуют иероглиф как семиотический и культурный феномен. Таким образом, цель данной статьи – обосновать, что китайский письменный знак недостаточно рассматривать только с точки зрения лингвистики. В качестве обоснования приводится пример синтезированного подхода, включающего применение семиотической теории вкупе с культурно-исторической психологией при исследовании китайского письменного знака.

На сегодняшний момент иероглиф не вполне корректно изучать исключительно с точки зрения лингвистики. Во-первых, по причине того, что сам знак по определению не является абсолютно лингвистическим явлением, тем более если речь идет о китайском, имеющем отличную природу от алфавитных типов письменности. Во-вторых, пиктографический (идеографический) способ записи автоматически подразумевает привлечение не только семиотики, но и других направлений, таких как логика, культура, психолингвистика, когнитивистика и др. К примеру, первый этап трансформации реальности в идеографический знак основывался на схематичном отображении действительности, более того, это изображение не только было похоже на денотат, но и отображало некие культурные особенности того периода. Например, иероглиф *女* *женщина* изображена с подогнутыми коленями и сложенными на груди руками в знак покорности, что соответствует представлениям о социальном положении женщин в Древнем Китае.

Примеры использования синтезированного подхода, применяемого к китайскому знаку, можно обнаружить у Х. Шима в исследовании «Когнитивные функции китайских иероглифов на основе семиотики письма», где автор использовал когнитивный и семиотический подходы для разработки модели перцептивного распознавания иероглифов на основе их семиотических особенностей [Shim, 2021, p. 31–41]. О. М. Готлиб в своей монографии «Основы грамматики китайской письменности» анализирует базовые классы китайских письменных знаков в русле современных грамматологических и семиотических теорий [Готлиб, 2019, с. 312]. В работе Ю. Дзя и С. Дзя китайский знак исследуется с точки зрения психолингвистики и семиотики. Авторы отмечают, что все виды письменных знаков отражают культуру, социальные реалии, а также человеческое мышление: «Уникальные семиотические характеристики иероглифической письменности на протяжении тысячелетий помогали организовывать и формировать сознание китайцев так же, как это делает язык» [Jia, 2005, p. 151–157]. В их работе пиктографическая и идеографическая природа иероглифов подчеркивает инаковый характер восприятия письменных текстов: китайцы сначала визуализируют и только затем выходят на значение слова путем аналогии.

В рамках нашего исследования представляется необходимым дополнить семиотическую теорию культурно-историческим подходом, что может обеспечить новый взгляд на иероглифический знак и приподнять завесу над связью между китайской культурой, историей и письменностью.

Семиотический аспект синтезированного подхода в данной работе представлен трехчастной моделью знака Ч. С. Пирса: *a* – объект (референт), *b* – законоситель и *c* – интерпретанта. Знак в данном случае не явление, а процесс семиозиса, где первичным этапом становится объект (референт), вторичным – законоситель и третичным – интерпретанта (рис. 1).

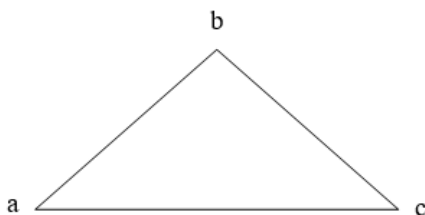

Рис. 1

У Ч. С. Пирса внешняя и внутренняя формы знака (*b* и *c*) являются двумя отдельными компонентами (к первым в алфавитном письме относятся фонемы или слоги), однако уже в самом иероглифическом знаке заложены идеи или понятия. Таким образом, иероглиф представляет собой знак-двуединство, влито репрезентирующий идеи и понятия, в то время как в алфавитном письме они изолированно стоят за внешней формой знака [Дамбуева, 2023, с. 5].

Культурно-исторический подход представлен теорией артефактов М. Коула. Последователь русской культурно-исторической психологии (А. Р. Лурии и Л. С. Выготского) М. Коул идет вслед за идеей орудийного опосредования мира. Функция орудия на первых порах заключается в том, что оно помогает человеку подчинить себе природу, а впоследствии начинает влиять на самого человека, порождая в нем психические изменения. М. Коул применяет термин «орудие» в рамках своей теории и расширяет его понятие до артефакта культуры, заимствуя уровневую классификацию артефактов М. Вартофского. В качестве первичных артефактов М. Вартофский выделяет материальные объекты – дубинки, чаши и т. д.; вторичные представляют собой способы передачи и консервации культуры (например, обычаи и ритуалы), т. е. все действия, связанные с первичным артефактом; третичные представлены мирами воображаемой практики [Коул, 1997, с. 207].

М. Коул дополняет классификацию артефактов М. Вартофского и вслед за Кэтрин Нельсон уточняет суть вторичного артефакта как «культурной схемы», т. е. некоего сценария, в котором есть действующие лица, их роли, последовательность действий, а также объекты, с которыми происходит взаимодействие [Там же, с. 94].

Для иллюстрации сути третичного артефакта М. Коул приводит в качестве примера топор как символическую репрезентацию казни как наказания за преступление [Cole, 2019, p. 6]. Таким образом, третичный артефакт, следуя за логикой М. Коула, может представлять собой тот этап орудийного опосредования, когда орудие начинает влиять на человеческую психику через мышление вокруг символа как аксиологической категории.

Основанием понимания третичного артефакта как некоей символической интерпретации является сама сущность символа по У. Эко, Ю. Лотману: символ как знак находится на самой дальней дистанции от референта в сравнении с иконой и индексом, в силу чего не материализуется в определенном знаке [Лотман, 2019, с. 167–183; Есо, 1983, p. 162–163]. Символ есть режим мышления, когда человек переключает режим интерпретации на символический, он выходит из физического пространства в пространство идей, тем самым расширяя среду своего существования [Бразговская, 2018, с. 42].

Теперь проиллюстрируем вышеописанный синтезированный подход, в рамках которого иероглиф выступает как слитое единство *знак–артефакт* (рис. 2). Например, иероглиф *人 человек*, в котором его графическая форма (паттерн) выступает в роли первичного артефакта, являясь, согласно модели Ч. С. Пирса, материальным знаконосителем. Его объектом, т. е. тем, на что указывает знак, становится значение слова, включая культурные схемы (сценарии), т. е. вторичный артефакт: *人 человек* и *木 дерево* = *休 отдых*; *人 человек* и *人 человек* = *从 следовать*; *人 человек* и *二 два* = *仁 человеколюбие*. Третичный артефакт соотносится с пирсовской интерпретантой, т. е. с тем, как человек воспринимает и интерпретирует знаки, в нашем случае в символическом режиме мышления.

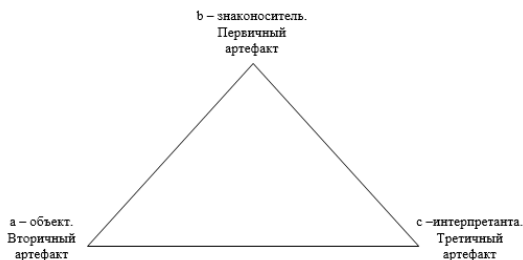

Рис. 2

Рассмотрим иероглиф 人 *человек* на уровне третичного артефакта в статусе символической семантики на примере первой строчки стихотворения великого китайского поэта Ван Вэя «Долина магнолий»:

木末芙蓉花，
山中发红萼。
涧户寂无人，
纷纷开且落。

Итак, изучим первую строку: 木末芙蓉花 («Как будто раскрылись лотосы на ветвях...») (в пер. А. В. Матвеева). Визуально она похожа на раскрытие бутона цветка, так как каждый следующий иероглиф имеет больше черт, чем предыдущий: таким способом читатель воспринимает процесс как в комиксе или на киноплёнке. Пиктографическая природа иероглифа наглядно демонстрирует и внешней и внутренней формой знака идею распускания магнолии. Второй аспект анализа символического режима заключается в том, что концептуально композиционная структура иероглифа, а именно простые иероглифы, они же графемы, могут быть в структуре других сложных, это открывает новые возможности для эксплицитного выражения символа. Во всех иероглифах первой строчки

木末芙蓉花 присутствует графема 人 *человек*, более того, последний иероглиф 花 *цветок* включает в себя графему 化 *изменения, трансформация*. Перейдя в символический режим интерпретации (третичный артефакт, интерпретация по Ч. С. Пирсу), читатель воспринимает эту строку не только как распускание лотоса на ветвях магнолии, но и как поэтапный процесс совершенствования человека. На основании вышеизложенного можно резюмировать, что такие отличительные особенности иероглифа, как пиктографичность, концептуально-композиционная структура вкупе с семиотической особенностью знака-двуединства, влитое репрезентирующие идеи и понятия, дают иероглифической письменности дополнительные возможности в выражении символов в тексте. Иероглиф, помимо скрытого способа актуализации символа, также способен эксплицитно визуально подсказывать символную семантику внутри текста.

Применение методологии артефактной практики в синтезе с семиотической теорией для интерпретации китайского знака дает возможность развернуто исследовать иероглиф, учитывая одновременно его семиотические и историко-культурные характеристики. Таким образом, доказываем, что знак в целом и иероглифический знак в частности представляет собой сложный и многогранный объект, подлежащий изучению с использованием различных научных подходов. Как базовая номинативная единица китайской письменности иероглиф уникален, выступая в роли основы устойчивой культуры Китая. Будучи инструментом для записи, возникшим несколько тысяч лет назад, китайский знак к настоящему мо-

менту перерос функцию простой фиксации идей и понятий (*законоситель – первичный артефакт*), он способен сохранять и передавать культурные ценности (*объект – вторичный артефакт*), а также влиять на людей, выводя их из физического мира в пространство символических интерпретаций (*интерпретанта – третичный артефакт*).

Библиографический список

- Бразговская Е. Е. В лабиринтах семиотики. Очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства. М., Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. 224 с.
- Готлиб О. М. Основы грамматологии китайской письменности. М. : ВКН, 2019. 312 с.
- Дамбуева С. В. Китайский иероглиф как знак-артефакт // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14, № 4. С. 1–9.
- Коул М. Культурно-историческая психология. М. : Когитоцентр, 1997. 432 с.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука-Аттикус, 2019. 448 с.
- Cole M. Recovering the Idea of a Tertiary Artifact // In A. Edwards, M. Fleer, L. Bottcher. Cultural-Historical Approaches to Studying Learning and Development. Singapore : Springer, 2019. P. 303–322.
- Eco U. Semiotics and the philosophy of language. Bloomington : Indiana University Press, 1983. P. 162–163.
- Jia Y., Jia X. Chinese Characters, Chinese Culture and Chinese Mind // Intercultural Communication Studies. 2005. Vol. 15, N 1. P. 151–157.
- Karlgren B. Sound and Symbol in Chinese. London : Oxford University Press, 1923. 122 p.
- Shim H. A study of the cognitive function of Chinese characters based on the semiotics of writing // Journal of Chinese Writing Systems. 2021. Vol. 5, N 1. P. 31–41.

П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

С. Д. Куражев

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург

К. А. Карапетян

Иркутский государственный университет, Иркутск

Юй Ян

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ДИАГНОСТИКА СВЯЗАННОСТИ СТРУКТУР ДОПОЛНЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ: ПИЛОТАЖ СЕТЕВОЙ МЕТОДИКИ²

Аннотация. Цель статьи – построение и апробация методики диагностики, способной адекватно отражать степень связанности структур дополненной социальности. В качестве технологии выявления, анализа и моделирования результатов выбран сетевой подход. Показаны основные характеристики социальности различной природы (институты, интеракции, сети и потоки), описаны индикативные показатели как ценности материального благосостояния, политической власти, социального единства, культуры, личности и базовых правил. Представлен опыт методики, использованной для проведения пилотажного исследования среди ИТ-специалистов. Обобщены первые результаты использования методики.

Ключевые слова: диагностика, дополненная социальность, институты, интеракция, сети, потоки.

P. Deryugin

St. Petersburg State University, St. Petersburg
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences –
branch of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences

O. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences –
branch of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences

S. Kurazhev

St. Petersburg State Electrotechnical University (LETI), St. Petersburg

K. Karapetyan

Irkutsk State University, Irkutsk

Yu Yang

St. Petersburg State University, St. Petersburg

² Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00261 Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности.

DIAGNOSTICS OF CONNECTIVITY OF AUGMENTED SOCIALITY STRUCTURES: PILOTING A NETWORK TECHNIQUE

Abstract. The purpose of the article is to build a diagnostic technique that can adequately reflect the connectivity of the structures of augmented sociality. A network approach has been chosen as a technology for identifying, analyzing and modeling results. The main characteristics of sociality of various nature (institutions, interactions, networks and flows) are shown, indicative indicators such as indicators of material well-being, political power, social unity, culture, personality and basic rule are described. The experience of the methodology used for conducting a pilot study is presented. The first results of using the technique are summarized.

Keywords: diagnostics, augmented sociality, institutions, interaction, networks, flows.

Введение

Современный российский социум характеризуется противоречивым сочетанием социальных локаций с различными типами интегрированности. В чем-то он отражает формы и обычаи традиционного общества, где-то происходят явления и события, характерные для постиндустриальных, продвинутых, виртуального и сетевого обществ. Так, конгломерации Москвы и Санкт-Петербурга характеризуются особой интегрированностью, а периферия интегрирована по другим основаниям. Есть различия форм интеграции не только между центром и окраинами, но также между промышленными и аграрными регионами, населением северных и южных городов, молодыми и пожилыми людьми, социальными объединениями и т. д. Они неизбежно формируют множество неравенств, что само по себе сказывается на бесчисленных проблемах консолидации. Поэтому изучение и диагностика различных конфигураций интегрированности социума, фиксирующая наличие, сочетание и динамику различных видов интеграции общества, составляет одну из перспективных исследовательских и методических задач современной социологии. В любом случае можно констатировать, что в настоящий исторический период интегративные характеристики участков российского общества многомерны и выстраиваются на основе факторов и условий различной социальной природы [Иванов, 2020].

Проблема исследования

Регионы, профессиональные и социальные группы интегрируются по-разному. Это обстоятельство предполагает разработку методик исследований, раскрывающих как особенности внутригрупповой интеграции, так и методик, отражающих интегративные характеристики различных видов социальности. В целом проблема заключается в отсутствии методик эмпирических исследований диагностики связанности локаций дополненной социальности и их восприятию среди различных групп респондентов.

Методология

В основе концептуальной позиции разрабатываемой методики лежат теоретические идеи профессора Санкт-Петербургского государственного университета Д. В. Иванова о конфигурации социальных реальностей

различной природы, по-особому отражающих взаимосвязь с дополненной социальностью, что предполагает диагностику новых показателей социального развития [Иванов, Асочаков, Богомякова, 2021]. По мнению автора, конфигурация интеграции социальных реальностей современного социума отражает четыре типа социальных образований, формирующихся на базе влияния различных факторов и условий интеграции.

1. *Институциональные*. Главный результат влияния таких факторов и условий на интеграцию общества заключен в формировании тотальной социальности, т. е. признания абсолютной роли социальных институтов, глобально влияющих на любые элементы социальной структуры, включая сами институты, организации и личности [Андреева, 2023].

2. *Интеракционных* (от *интеракция* – взаимодействие, взаимное влияние людей). Социальный мир таких сообществ исследуется через изучение отношений – связей. В данном случае это уже не тотальная интеграция, а частичная, или частная социальность, возникающая на основе общественных отношений и допускающая определенную независимость социальных групп и индивидов [Титаренко, 2022, с. 151].

3. *Сетевые*. Это относительная социальность, интегрирующая только тех, кто подключен к сетевым сообществам, обладающая еще большей степенью личной свободы человека [Саяпин, 2016, с. 140–141].

4. *Потоковые*. Альтернативный, альтерсоциальный мир, мир абсолютной свободы индивида, где люди рассматриваются не как фиксированные сущности, но как потоки (Б. Латур).

Подчеркнем, что в современном обществе могут фиксироваться различные типы интеграции и их конфигурации, свойственные различным формам социальности [Иванов, 2020, с. 41].

Каждой из показанных реальностей присущи экзистенциальные признаки как особые характеристики интеграции. В частности к ним относятся: понимание основных источников материального благосостояния; представления о сущности политической власти, социальном единстве и культуре; базовые характеристики человека как современной личности, а также толкование главного правила жизни в такой социальности, принципа жизни – жизненного кредо. Так, в условиях институциональной реальности источником материального благосостояния выступают *объемы материальных ресурсов*; сущность политической власти определяется как способ обеспечения *государственной монополии на управление обществом*; социальное единство понимается как *равенство социальных групп* на основе ответственности; роль культуры заключена в *формировании общих идеалов* и интересов социума; базовой характеристикой человека как современной личности предполагается *социализация* [Дерюгин, Колесникова, 2012]; главное правило жизни (кредо) заключено в достижении

стабильности. Эти же индикаторы были выявлены и охарактеризованы для других социальных реальностей – интеракций, сетей, потоков (табл. 1). Далее они будут показаны в виде ответов на вопросы анкеты.

Таблица 1

Основные характеристики социальности различной природы

	Институты	Интеракции	Сети	Потоки
Материальное благосостояние	Объемы материальных ресурсов	Экономическое сотрудничество	Сетевые связи предприятий	Доступность и передвижение любых ресурсов
Политическая власть	Обеспечение государственной монополии	Договоренность политических элит	Интернет-технологии мобилизации	Устранение преград для глобальной консолидации
Социальное единство	Солидарность и ответственность социальных групп	Диалог и взаимодействие в социуме	Горизонтальные связи	Свобода перемещения людских, материальных и информационных потоков
Культура	Общие идеалы и интересы	Обмен ценностями	Расширение ценностных горизонтов	Принятие ценностей различных сообществ
Современная личность	Социализация	Общение	Свобода	Поток информации
Правило жизни	Стабильность	Коммуникации	Владение информацией	Все течет, все изменяется

Построение методики

Первый шаг. На основе выявленных основных характеристик социальности различной природы построена анкета (табл. 2). Исследовательский вопрос формулировался таким образом, чтобы респонденты выполнили процедуру проранжирования показателей от 1 до 4 баллов, считая, что 1 – это самый высокий ранг. Ранжирование осуществлялось относительно своего и старших поколений.

Второй шаг. По результатам опроса формировалась матрица весов индикаторов и проводился корреляционный анализ данных. Затем строился граф, показанный на рисунке. Сплошные линии характеризуют положительную корреляционную связь, пунктирные линии – отрицательную связь.

Результаты

Построение методики диагностики дополненной социальности позволяет моделировать представления социальных групп респондентов и проводить сравнительный анализ множественности в восприятии различных социальностей в рамках современного общества.

Таблица 2

Анкета-опросник

ПРОРАНЖИРУЙТЕ ПО СТЕПЕНИ ВАЖНОСТИ индикаторы (ценности, установки, ориентации)	Старшее поколение	Мое поколе- ние
1. Основными источниками материального благосостояния выступают ...		
объемы <i>материальных ресурсов</i> общества		
различные формы <i>экономического сотрудничества</i> , в том числе междуна- родного		
<i>сетевые связи</i> между предприятиями внутри общества и за его пределами		
<i>свободный доступ и передвижение</i> любых мировых ресурсов		
2. Политическая власть – это ...		
способ обеспечения <i>государственной монополии</i> на управление обществом		
результат <i>договоренности</i> политических элит общества		
ресурс применения <i>интернет-технологий</i> для мобилизации людей		
инструмент <i>устранения преград</i> для глобальной консолидации народов мира		
3. Социальное единство общества обеспечивается ...		
равенством социальных групп на основе <i>равной ответственности</i>		
возможностью <i>диалога и взаимодействия</i> в социуме		
развитием сетей <i>горизонтальных связей</i> (социальными сетями)		
<i>перемещением</i> людских, материальных и информационных потоков		
4. Культура современного общества перспективна, если она обеспечивает ...		
формирование <i>общих идеалов и интересов</i> социума		
<i>обмен</i> ценностями между различными социальными группами		
расширение ценностных горизонтов участников взаимодействия в <i>социаль- ных сетях</i>		
адекватное восприятие (принятие) ценностей <i>различных сообществ</i>		
5. Другой человек – современная личность, если для него основное – это ...		
<i>социализация</i>		
<i>общение</i>		
<i>свобода</i>		
<i>информация</i>		
6. Кредо – главное правило жизни, главный принцип:		
опытные согласны на <i>стабильность</i>		
люди переходят к насилию, потому что не могут <i>коммуницировать</i>		
кто владеет <i>информацией</i> , тот правит миром		
все течет, <i>все изменяется</i>		

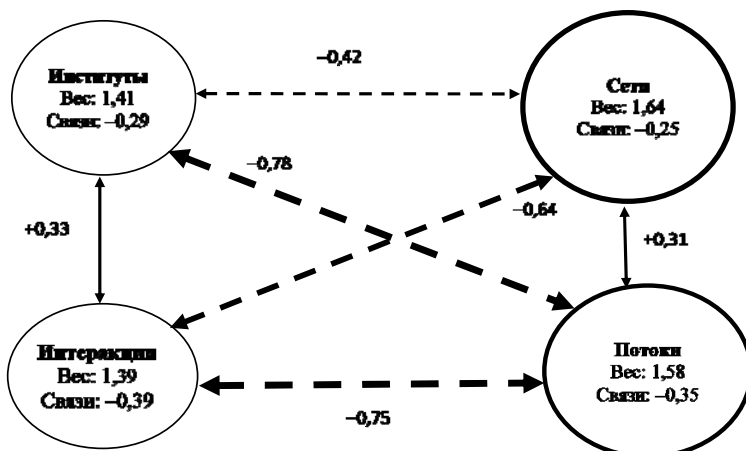

Рис. Связанность и взаимодополнительность социальностей в представлениях ИТ-специалистов

Во-первых, нам представляется закономерным результатом признание ИТ-специалистами сетей в качестве ведущей формы социальности. По полученным результатам сети набирают максимальный вес (1,64) и связаны положительной связью с потоковым представлением о социальности (вес – 1,58). В другой профессиональной группе данные по сетям и потокам оказались значительно ниже.

Во-вторых, взаимосвязь *сетей – потоков* и *институтов – интеракций* во всех случаях оказалась отрицательной. На наш взгляд, этот факт показывает особое восприятие современного общества социально-профессиональной группой ИТ-специалистов.

Заключение

Созданная и апробированная методика диагностики может быть использована в качестве инструментария изучения связанности структур дополненной социальности. Применение среди социальных групп разного возраста, профессий, мест проживания позволит выявить и проанализировать противоречия восприятия, что в свою очередь послужит основанием для принятия адекватных решений. В частности это важная исследовательская задача касается изучения и анализа различий развития российских регионов [Кремнёв, Кузнецова, Лесникова, 2020].

Библиографический список

Андреева Т. А. Оценка роли институциональных механизмов в формировании и функционировании мезоэкономических систем на примере кластерных образований // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2023. № 10. С. 1743–1750.

Дерюгин П. П., Колесникова Ю. А. Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля // Вестник СПбГУ. Серия 12, Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 3. С. 230–235.

Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.

Иванов Д. В., Асочаков Ю. В., Богомякова Е. С. Новые показатели социального развития: включенность в интернет-коммуникации и креативность на сетевых платформах // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 49–68.

Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 155 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Саяпин В. О. Сетевое общество как матрица современной структуры социальной виртуальности // Манускрипт. 2016. № 1 (63). С. 140–141.

Титаренко Л. Г. Зачем социологии нужна новая интегративная парадигма? // Социологический журнал. 2022. № 3. С. 151–165.
УДК 81'42:070(470.41)

И. Л. Ильичева

Минский государственный лингвистический университет, Минск

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СМИ (НА ПРИМЕРЕ БРЕСТСКОГО РЕГИОНА)

Аннотация. Рассматриваются языковые способы конструирования региональной идентичности в региональном медийном пространстве. Анализу подвергаются тематические рубрики и заголовки поликодовых медиатекстов, представляющие информацию о социальной реальности с учетом этапа конкретно-исторического развития региона. Устанавливается, что важную роль в территориальной идентификации играют региональные топонимы. Подчеркивается, что топонимические практики активно работают на конструирование региональной идентичности и управляют локусом восприятия региона.

Ключевые слова: региональная идентичность, поликодовый медиатекст, топонимические практики, урбанонимы, коды культуры.

I. Ilyicheva

Minsk State Linguistic University, Minsk

CONSTRUCTION OF REGIONAL IDENTITY IN THE MEDIA (ON THE EXAMPLE OF BREST REGION)

Abstract. The purpose of the article is to consider linguistic methods of constructing regional identity in the regional media space. In this regard, thematic headings and headings of polycode media texts presenting information about social reality, taking into account the stage of concrete historical development of the region, are subjected to analysis. During the analysis, it is established that regional names play an important role in territorial identification. Toponymic practices actively work on the construction of regional identity and manage the locus of perception of the region.

Keywords: regional identity, polycode media text, toponymic practices, urban names, cultural codes.

Постановка проблемы. В современном социуме процессы глобализации накладывают отпечаток практически на все сферы деятельности человека, значительно видоизменяя их содержание, конфигурацию и динамику развития. Параллельно с интеграцией наблюдается возрастающий интерес к проблемам регионального характера. Как справедливо отмечает Е. В. Головнева, «региональная идентичность, несмотря на процессы глобализации, сохраняет свое значение и выражает глубокую потреб-

ность региональных сообществ в сооружении разного рода конструкторов, мифологем, которые помогают регионам выделиться и предложить миру свой отличительный образ» [Головнева, 2018, с. 3].

Важным средством трансляции региональной идентичности служат средства массовой коммуникации, которые «представляют собой важный социальный институт, обеспечивающий взаимодействие общественных субъектов, модифицирующий восприятие человеком общественных событий и влияющий на мотивацию и активность аудитории» [Биюмена, 2022, с. 10].

Методы и материал исследования. Эмпирическим материалом послужили 50 поликодовых медиатекстов, отобранные методом сплошной выборки из выпусков региональных медиаизданий за 2020–2023 гг.

Обсуждение результатов. Идентичность всегда представляет собой результат самоидентификации, а «наличие регионального самосознания и региональной идентичности является формирующим признаком региона как субкультурного локуса» [Казакова, 2008, с. 16].

В медийном пространстве «конструирование региональной идентичности чаще всего основано на особой региональной истории, мифах и традициях, таких составляющих культуры, как литература, музыка, изобразительное искусство, известных деятелях искусства, проживавших и проживающих на территории данного региона» [Левочкина, 2016, с. 451]. В связи с этим в ходе анализа материала нами были выделены и проанализированы следующие доминантные векторы региональной идентификации: географический, исторический, культурный.

Мы полагаем, что изучение и описание механизмов конструирования региональной идентичности в СМИ требуют не только социологического, но и лингвистического осмысления. Важным представляется ономаσιологический подход, позволяющий интерпретировать региональную идентичность с помощью ономастических единиц. Собственные имена в семиотическом ландшафте региона способны не только маркировать пространственные объекты, но и «транслировать историко-культурную информацию, привнося в портрет города черты исторической глубины и региональной или локальной индивидуальности» [Голомидова, 2019, с. 13].

Пространственная идентификация служит отправной точкой для любого вида территориальной идентичности. Топонимы осуществляют «символическое конструирование территориальной идентичности» [Полушкевич, 2017, с. 80]. По словам М. В. Голомидовой, «топонимия и региональная идентичность жителей территории связаны глубинными отношениями благодаря самой природе социального освоения и присвоения пространства» [Голомидова, 2022, с. 161]. В данном случае первым идентификатором регионального пространства служат сами названия городских и районных газет: *«Брестский курьер»*, *«Брестская газета»*,

«Брестский вестник», «Пінскі веснік», «Навіны Камянеччыны», «Кобрынскі веснік», «Лунінецкія навіны».

Наличие тематических рубрик и проектов – важная черта региональных медиаизданий, поскольку они помогают структурировать информацию и активно участвуют в формировании образа региональной идентичности: *«Ляховичский райисполком инициировал историко-патриотический проект “Разам пазнаем Ляхавіцкі край”»*; *«В Бресте презентуют выставочный проект “Брестчина этнографическая”»*; *«В Брестской области запустили проект “Память поколений”»*; *«Проект “История за чаем”: еврейский след в прошлом Бреста и Брестчины»*; *«В Бресте открывается выставка “Брэст на старадаўніх картах і планах”»*. Как видно из приведенных примеров, используемые в заголовках топонимические единицы сразу управляют восприятием адресата и указывают на территориальную принадлежность.

Узнаваемыми символами региональной идентичности в ландшафте любого региона являются коммеморативные урбанонимы (памятники, обелиски, стелы, скульптуры), «их символическая нагрузка в сочетании с именем пространственного объекта служит отправной точкой соотнесенного с локацией месседжа о человеке или событии» [Голомидова, 2019, с. 15]. Полисемiotические урбанонимические комплексы, увековечивающие важные исторические события, выполняют символическую и культурообразующую функцию, формируют образ региональной среды, вступающей в своеобразный диалог с жителями региона.

Событийная коммеморация находит свое отражение в медийном пространстве Брестского региона на регулярной основе. В качестве примеров можно привести следующие заголовки медиатекстов: *«На площади Свободы состоялось возложение цветов к памятнику “Освобождение”»* («Вечерний Брест», 28.07.2023); *«Могила генерала. В Бресте есть редкий памятник, хранящий отголоски событий века»* («Вечерний Брест», 25.04.2023); *«Памятный знак “Живая память благодарных поколений” будет установлен в Брестской крепости»* («Вечерний Брест», 17.01.2024); *«Музей истории Бреста покажет скульптуру воеводы, защитившего город от набега в 1282 году»* («Кобрынскі веснік», 20.02.2023). Подобные публикации производят значительный эффект на жителей региона, поскольку апеллируют к историческому прошлому Брестчины и вызывают совместное переживание опыта.

Культурный вектор региональной идентичности в медийном пространстве позиционируется посредством освещения этнокультурной событийности региона. Многочисленные фестивали, праздники-конкурсы выставки народного творчества, обряды (*«Адвечная ягада журавіна»*, *«Мелодии Ясельды»*, *«З народнымі традыцыямі ў новы век»*, *«Хмелевская Семуха»*, *«Золото полей»*, *«Ваджэнне Кусты на другі дзень Тройцы»*,

«Конікі», «Лунінецкія клубніцы») служат ключевым механизмом, с помощью которого жители постоянно транслируют коллективную идентичность и связь с местом. Публикации, посвященные культуре региона, помогают сформировать общие представления об идентичности: «Как проходит старинный обряд “Коники” в Давид-Городке» («Заря», 19.01.2019); «“Хмэлевская Сёмуха”: веселились и стар и млад» («Заря», 13.06.2022); «В Лунинецком районе сегодня состоится региональный праздник “Лунінецкія клубніцы”» («Заря», 25.06.2022).

Заключение. Таким образом, современный медийный кластер региона создает определенный образ Брестчины, учитывая ее территориальную, историческую и культурную ценность. Семантическое наполнение медийного контента осуществляется посредством использования значительного количества ономастических единиц, которые не только транслируют региональную идентичность, но и являются средством ее конструирования.

Библиографический список

Биомена А. А. Прагматические категории печатного медиадискурса. Минск : Изд-во МГЛУ, 2022. 264 с.

Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13. Екатеринбург, 2018. 339 с.

Голомидова М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 11–30.

Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 1. С. 160–179.

Казакова Г. М. Российская региональная идентичность: современный культурологический дискурс // Вестник МГУКИ. 2008. № 6. С. 16–20.

Левочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1. С. 446–453.

Полошкевич О. А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. № 11 (107). С. 80–94.

Е. В. Кремнёв, О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

Е. В. Ватолина

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: КОМПЛЕКСНОЕ VS ДОМИНАНТНО-ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ЗНАНИЕ

Аннотация. Целью статьи является выявление основных тенденций развития регионологического знания в России. На основе изучения истории отечественной регионологии и ее современных научных школ авторы указывают на тенденции изучения регионов в рамках комплексных и доминантно-дисциплинарных направлений. Обращается внимание на развитие и других смежных наук, в частности востоковедения, лежащего в основе некоторых школ регионологических исследований. Делается вывод о том, что современные науки такого рода все чаще обращаются к трансдисциплинарности как основе дальнейшего развития.

Ключевые слова: трансдисциплинарная регионология, регионологическое знание, комплексность, доминантно-дисциплинарное знание, востоковедение.

E. Kremnyov, O. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk
Sociological Institute of FCTAS RAS

E. Vatulina

Irkutsk State University, Irkutsk

REGIONOLOGY RESEARCH FIELD IN RUSSIA: COMPLEX VS DOMINANT-DISCIPLINARY KNOWLEDGE

Abstract. The aim of the article is to identify the main trends in the development of regionological knowledge in Russia. Based on the study of the history of Russian regionology and its modern scientific schools, the authors point out two main trends: the study of regions within the framework of complex and dominant-disciplinary directions. Attention is drawn to the development of other related sciences, in particular, oriental studies, which is the basis of some schools of regionology. It is concluded that modern research fields of this kind are increasingly turning to transdisciplinarity as the basis for their further development.

Keywords: transdisciplinary regionology, regionological knowledge, complexity, dominant-disciplinary knowledge, oriental studies.

Русское регионологическое знание, если рассматривать его в русле континуальности науки, прошло в своем развитии три крупных периода: проторегионологический, систематический и институционального регионологического знания.

В период *проторегионологического знания* (XI–XVII вв.) основными источниками можно считать русские летописи, греческие и южнославянские книги, хождения и страноведческие описания Сибири, Дальнего Востока и Восточной Азии, переписные книги и карты и т. д. [Лесникова, Кремнёв, 2020].

Систематическое регионологическое знание начинается в России с момента проникновения наук из Европы в XVIII–XIX вв. На XVIII в. приходится наиболее активный период развития страноведения в русле описательной географии. Экспедиционная деятельность дала значитель-

ный толчок развитию истории, географии и этнографии. Как полагает М. В. Иванова, это, в первую очередь, стало возможно благодаря таким исследователям, как Г. Миллер, И. Гмелин, В. Беринг, П. Паллас, И. Фальк, И. Лепехин, И. Георги и др. Описательная география развивалась усилиями С. П. Крашенинникова, П. И. Рычкова, И. К. Кирилова, В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова [Иванова, 2008]. Что касается формирования системы регионологических знаний о зарубежье, то «в рамках крепнущей российской науки XVIII в. появилась возможность широко-масштабного изучения и перевода западных источников. Кроме того, как уже указывалось выше, освоение Дальнего Востока, не только российского, но и зарубежного, в значительной степени повлияло на становление регионологического знания» [История ... , 2020], что в дальнейшем сделало востоковедение и китаеведение основой развития для многих регионологических школ.

В XIX в. начинаются новые процессы в сфере хозяйствования: появляется новая хозяйственная география России, выделяются промышленные и сельхозрайоны, растет значимость территориального разделения труда. Все это стимулировало развитие экономического районирования как инструмента исследования изменяющейся географии производительных сил и выработки рекомендаций по повышению их эффективности. В эту сферу, среди прочих, наибольший вклад внесли К. А. Арсеньев, Н. П. Огарев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. И. Менделеев и др. [Иванова, 2008].

Если подвести некоторый промежуточный итог в осмыслении досоветского наследия, то проторегионологическое и систематическое регионологическое знание на этом этапе можно охарактеризовать как комплексное, предвещающее дальнейшую междисциплинарность и трансдисциплинарность, и как имеющее явный востоковедческий ориентир [Лесниковская, 2020].

Переходя к советскому периоду, можно выделить как минимум два комплексных направления, заложивших основу для дальнейшего развития регионологии: экономическая география как таковая и сформировавшаяся внутри нее районная школа Н. Н. Баранского, представителями которой были также Н. Н. Колосовский, Т. М. Калашникова, С. Я. Нымик, Ю. Г. Саушкин, А. Т. Хрущев и др.; страноведение, в том числе экономико-географическое, к которому, кроме уже упомянутого Н. Н. Баранского, следует отнести И. А. Витвера, И. М. Маергойза, В. М. Гохмана, Я. Г. Машбица и др. (двое последних также развивали комплексное проблемное страноведение).

Этап *институционализации регионологического знания* по большей части пришелся на постсоветский период. Вместе с тем «предложения по созданию новой науки звучали еще в 1980-е гг. Еще тогда начался поиск

термина, который обозначил бы это направление. Как оказалось, прийти к согласию в выборе термина российская наука не сможет вплоть до настоящего времени. В активном научном лексиконе фигурируют как минимум три термина: регионология, регионалистика и регионоведение» [История ... , 2020].

Если анализировать сегодняшний день, то в отечественной науке существуют разновекторные и неоднородные направления регионологии.

Фактором, способствующим развитию отечественного регионологического знания, стало формирование в российской системе высшего образования такого направления, как «Регионоведение». Создание профильных подразделений в образовательных учреждениях простимулировало исследовательскую работу. Тормозящим фактором следует считать незакрепленность регионологии в правовом поле российской науки: в номенклатуре специальностей научных работников нет отдельной отрасли для такого рода исследований, поэтому защиты проходят в рамках других специальностей. Это заставляет научные центры и вузы России самим искать векторы пути институционализации регионологии [Лесниковская, 2020].

Выбор подобного пути основывается на привязке регионологической школы к конкретной научной дисциплине или придании своему направлению подчеркнуто меж-/мультидисциплинарного характера.

Среди доминантно-дисциплинарных направлений можно выделить несколько наиболее востребованных, представленных как монорегиональными школами (т. е. направленными на изучение конкретного региона), так и трансрегиональными³ [История ... , 2020].

1. *Регионоведение как региональная география.* Распространенный подход, исходящий из предпосылки, что «по своему характеру регионоведение тяготеет, прежде всего, к географии и может рассматриваться в качестве ее субдисциплины (т. е. вспомогательной дисциплины)» [Алепко, 2019, с. 3].

2. *Политическая регионалистика.* Указанная проблематика разрабатывается в большом количестве вузов и научных центров, в одной только Высшей школе экономики можно назвать Лабораторию региональных политических исследований (Р. Ф. Туровский, М. Н. Шестакова и др.) и Международную лабораторию исследований мирового порядка и нового регионализма (А. В. Лукин, Д. П. Новиков, А. С. Пятачкова и др.).

3. *Образовательное/педагогическое регионоведение.* Примером трансрегиональной деятельности может быть работа НИИ образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (руководитель НИИ – историк и энцик-

³ Список не исчерпывается перечисленными единицами.

лопедист В. В. Яковлев) [Научно-исследовательский ...], монорегиональной деятельности – выпуск журнала «Педагогическое регионоведение» в Борисоглебском филиале Воронежского государственного университета; журнал ставит своей целью активизацию комплексного изучения, сохранения и дальнейшего развития уникальной территории, называемой Воронежским Прихоперьем.

4. *Филологическая/лингвистическая/литературоведческая регионалистика*. Эта проблематика разрабатывается, в частности, на факультете филологии и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина (руководитель направления филологической регионалистики – Н. Ю. Желтова, д-р филол. наук, профессор, филолог-литературовед, среди представителей – филологи Е. Н. Бармина, Э. Н. Дзайкос, Я. В. Иконникова, Л. В. Полякова, Н. Е. Солопова, С. А. Старостина и др.). Есть и монорегиональные учреждения по данному профилю, например, научно-исследовательская лаборатория филологической регионалистики «Курское слово» Курского государственного университета (М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко, И. С. Климас, С. К. Константинова, Н. В. Беляева, Н. О. Косицына и др.) [Курское слово ...].

5. *Историческое регионоведение*. Сосредоточено на бытии региона во всем его разнообразии в различные периоды времени. Такого рода исследования ведутся, в частности на кафедре исторического регионоведения СПбГУ (ведущие представители – Ю. В. Кривошеев, В. И. Хрисанфов, Е. И. Лелина, А. А. Мещенина, Р. А. Соколов, А. С. Сухорукова и др.) и в учебно-научном центре региональной истории, краеведения и москвоведения РГГУ (ведущие специалисты – С. О. Шмидт, В. Ф. Козлов, Д. М. Абрамов, М. Д. Ковалева, С. Ю. Шокарев и др.).

6. *Социокультурное регионоведение*. Это направление развивается, в частности, в рамках Центра по изучению взаимодействия культур при факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова; выпускается журнал «Россия и Запад: диалог культур», проводится конференция с одноименным названием (ведущие представители направления – С. Г. Тер-Минасова, И. В. Павловский, А. В. Павловская и др. [Социокультурное регионоведение...]).

Среди представителей другой группы школ, относящихся к *междисциплинарным/мультидисциплинарным*, имеется большое количество также выбирающих себе научную доминанту в качестве основы. Среди них⁴:

- Мордовская школа регионологии (НИИ регионологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, г. Саранск, директор – С. В. Полутин); концепция регионологии как новой интегративной дисциплины была предложена А. И. Сухаревым в 1981 г. и изначально

⁴ Список далеко не исчерпывается перечисленным. – *Прим. авт.*

предполагала междисциплинарный подход [Доленко, 2011, с. 4]. Вместе с тем, как уже указывалось выше, мультидисциплинарность и здесь имеет отправную точку – конгломерат социологии, экономики и политологии. Это подтверждается и набором отраслей наук, в рамках которых осуществляет публикацию статей журнал «Регионоведение»;

- Мировое комплексное регионоведение. Направление под руководством А. Д. Воскресенского. Определяется как «исследовательский подход, сформированный на стыке теории международных отношений, сравнительной политологии и страноведения» [Колдунова, 2016, с. 64];

- Школа пространственных исследований (под руководством А. Г. Гранберга). Ее корни относятся к советскому периоду и связаны во многом с Сибирским отделением АН СССР. Разработка моделей пространственного развития экономики СССР началась в 1960-е гг. В качестве отправной точки подход рассматривает экономику;

- авторский коллектив учебного пособия «Регионоведение» (В. А. Ачкасова, И. Н. Барыгин, Н. М. Межевич, И. Н. Белобородова, А. В. Дука под руководством И. Н. Барыгина), изданного второй раз в 2019 г., представил «оригинальную интерпретацию предмета регионоведения в рамках междисциплинарного и мультипарадигмального подходов, что соответствует важнейшей тенденции интеграции научного знания» [Регионоведение, 2019, с. 13]. Доминантой этого подхода является конгломерат политологии, экономики и социологии, обогащаемый географическими и социокультурными концепциями;

- Школа Южного федерального университета (под руководством Ю. Г. Волкова). Возникла в 1998 г. с появлением отделения регионоведения в структуре ИППК РГУ. Следует сказать, что эта школа, несмотря на акцент на регионе Северного Кавказа и Юга России, активно разрабатывает проблематику глобальных трансформаций регионов, региональной и национальной безопасности, межнациональных отношений, применяя междисциплинарный, социологический и проблемный подходы [Волков, 2004; 2015, с. 112–113].

В настоящее время идет формирование новых школ и направлений, активно развивающих регионоведческое знание в научном и образовательном ключе. Все больше профильных подразделений крупных вузов делают ставку на комплексные, интегративные подходы, предпринимая попытки объединить на своей базе ученых из разных научных школ. В качестве примера можно привести деятельность департамента зарубежного регионоведения Высшей школы экономики (руководитель – О. В. Волосюк).

На основе анализа российских школ и направлений можно выделить несколько характерных особенностей, наблюдаемых у регионоведческого знания в России. Во-первых, это полярное разделение на имеющие

строгий уклон в одно направление или же базирующиеся на нескольких науках. Во-вторых, имеет место высокий уровень контекстуализации региональных исследований. В-третьих, многие школы проявляют особый интерес к процессам централизации и федерализации. В-четвертых, наблюдается их стремительное развитие в попытке следовать наиболее актуальным трендам регионологических исследований [История ... , 2020].

Показанную в статье поляризацию (мультидисциплинарность/ доминантно-дисциплинарность) можно также трактовать как попытку российской науки «разорваться» между Востоком с ее комплексными и синтетическими основаниями системы знаний и Западом, который делает ставку на конкретность и аналитичность научного знания. Как мы полагаем, решением этой проблемы в XXI в. становится набирающая значимость трансдисциплинарность, дающая возможность объединить оба подхода. Авторы данной работы рассказали об этом в серии монографий «Трансдисциплинарная регионология», выпущенной в 2020 г., и отмечают, что их подход встречает все больше поддержки, в том числе в рамках востоковедения, которое является смежной с регионологией дисциплиной, ставшей во многом основой для выработки подходов регионологического знания. Так, директор Института востоковедения РАН А. А. Аликберов в своей статье о будущем востоковедения подчеркнул, что у этой науки есть серьезные перспективы развития в трансдисциплинарном поле [Аликберов, 2022]. Нам видится, что на этой базе могут быть решены как проблема избыточной комплексности, которая, по мнению многих ученых, не дает развиваться профессионализму и специализации научного знания, так и проблема избыточного уклона и поиска отправной точки. Трансдисциплинарность обеспечивает системные связи между смежными дисциплинами, что выводит регионологию и востоковедение на новый уровень интегративности.

Библиографический список

Алепко А. В. Основы регионоведения : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Хабаровск : Изд-во ХГИК, 2019. 335 с.

Аликберов А. К. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы // Ориенталистика. 2022. Т. 5, № 4. С. 722–733.

Волков Ю. Г. Регионоведение и его роль в интеграционных процессах на Юге России // Высшее образование в России. № 8–9. 2015. С. 109–116.

Волков Ю. Г. Регионоведение : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д : Феникс, 2004. 448 с.

Доленко Д. В. Александр Иванович Сухарев и развитие регионологии // Регионология. 2011. № 3. С. 4–8.

Иванова М. В. Введение в регионоведение. Томск : Изд-во ТПУ, 2008. 177 с.

История и методология региональных исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе / под науч. ред. Е. Ф. Серебrenниковой ; отв. ред. О. В. Кузнецова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 287 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Колдунова Е. В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5 (50). С. 63–69.

Курское слово. Научно-исследовательская лаборатория филологической регионалистики. URL: https://kursksu.ru/labs/information/kursk_word (дата обращения: 02.09.2023).

Лесниковская Е. В., Кремнёв Е. В. Регионология, регионалистика, регионоведение и другие академические пространства российских региональных исследований. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. 287 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Научно-исследовательский институт образовательного регионоведения. URL: <https://www.herzen.spb.ru/about/struct-uni/sci-inst/nii-obrazovatel'nogo-regionovedeniya/> (дата обращения: 02.09.2023).

Регионоведение / В. А. Ачкасова, И. Н. Барыгин, Н. М. Межевич [и др.]. М.: Юрайт, 2019. 391 с.

Социокультурное регионоведение // Центр по изучению взаимодействия культур. URL: <http://regionalstudies.ru/> (дата обращения: 02.09.2023).

УДК 316

**Сюй Луньхуэй, П. П. Дерюгин,
Лю Тяньси, Л. А. Лебединцева**

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ РЫНКОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В КИТАЕ⁵

Аннотация. Рассматриваются первые шаги в развитии китайской экономической социологии и одновременно рыночной экономики в Китае. В связи с этим анализируются разработанные китайскими социологами интегрированные этапы становления и развития экономической социологии и современного рынка в стране.

Ключевые слова: экономическая социология, рынок, китайские социологи, этапы развития экономической социологии в Китае.

Xu Lunhui, P. Deriugin, Liu Tianxi, L. Lebedintseva
St. Petersburg State University, Saint Petersburg

MARKET ECONOMIC SOCIOLOGY: BACKGROUND FOR THE THEORETICAL DEVELOPMENT IN CHINA

Abstract. The purpose of the article is to consider the first steps in the development of Chinese economic sociology and, at the same time, the development of a market economy in China. In this regard, the integrated stages of the development of economic sociology and the modern market in China, developed by Chinese sociologists, are analyzed.

Keywords: economic sociology, market, Chinese sociologists, stages of development of economic sociology in China.

Исследование рынка всегда было важной темой и задачей для экономических социологов. В процессе изучения китайскими экономическими социологами местного рынка мы обнаружили интересный факт: развитие дисциплины экономической социологии и академических ис-

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01448).

следований в Китае практически совпадает по времени с созданием современной рыночной системы и развитием рыночной экономики. Можно сказать, что обозначенные процессы тесно переплетены. Это открытие также подтверждает, что история экономической социологии неразрывно связана с социальной, отражая во многом историю государства.

В своих исследованиях китайские экономические социологи Фу Пин и Ян Диан сосредотачиваются на анализе этапов развития китайской экономической социологии как науки и одновременно на изучении процесса развития рыночных систем в Китае после начала реформ и открытости. С конца 1970-х по настоящее время было выделено три этапа в развитии науки и рынка [Fu Ping, Yang Dian, 2021]. Первый – 1979 – нач. 1990-х гг.; второй длился до начала 2000-х гг. Этот период социологи описывают как «зарождение – возникновение». С началом XXI в. китайская экономическая социология вступила в третий этап – участия и переориентации, когда она начинает совместно с западной переосмысливать и исследовать новые направления в экономической социологии. Это был самый насыщенный период, характеризующийся быстрым развитием и накоплением знаний, которые другой китайский социолог Ван Хэцзянь описал как этапы введения и имитации западных новейших парадигм исследования в экономической социологии [汪和建, 2021]. Китайские социологи считают, что именно в это время исследователи экономической социологии в старне перестали слепо руководствоваться иностранными теориями и западными академическими дискурсами. Вместо этого они стали больше внимания уделять местным условиям, стремясь к созданию теории и концепций, основанных на местных реалиях [符平, 杨典, 2020].

По мнению Фу Пин и Дуань Синьсин, процесс создания и развития рынка находится в тех же временных рамках, что и экономическая социология. Ученые также разделили его на три периода. Конец 1970-х – нач. 1990-х гг. – начальный период создания современных рыночных систем, когда, несмотря на укрепление роли рынка, реформы все еще проводились в рамках плановой экономики [符平, 段新星, 2023]. Следующие два десятилетия (1992–2012 гг.) – период совершенствования рыночных систем, когда роль рынка в экономике значительно увеличивалась, что сопровождалось реформами, затрагивающими государственные, коллективные, частные предприятия, иностранный капитал и рынки всех видов производственных факторов [Хун Инь, 2019]. С 2013 г. начался период глубокой реформы рыночных систем.

Исходя из исследований упомянутых ученых, мы можем интегрировать развитие экономической социологии и современного рынка в Китае в три периода.

1. Период зарождения (1980–1990-е гг.).

В это время в Китае быстро распространялись учебные материалы и работы иностранных исследователей по экономической социологии, что сыграло просветительскую роль для китайских ученых [符平, 杨典, 2019]. Китайский рынок только начинал формироваться, он все еще находился в рамках плановой экономики.

2. Период совершенствования и подъема (1990–2010-е гг.).

В течение этого времени реформы рыночной экономической системы и построение системы социалистической рыночной экономики китайского образца постепенно достигли стадии совершенствования [王琳 et al., 2019]. Этот процесс обогатил китайских исследователей в области экономической социологии большим опытом, особенно учитывая, что рост китайского рынка в эти годы стимулировал развитие исследований, начиная с конца 1990-х гг. Исследования таких локальных экономических явлений, как реформы коммунальных, государственных предприятий и активное развитие частного сектора, привели к всплеску прикладной научной активности. С конца 1990-х гг. началось серьезное изменение подходов: стали проводиться эмпирические исследования, а применение западных теорий для анализа китайского рынка начало подвергаться коррективке [符平, 杨典, 2019].

3. Период углубленного исследования (с 2013 г. до наст. времени).

Исследователи экономической социологии в Китае начали осознанно формировать теории и концепции, основанные на местных, локальных условиях. Одновременно в Китае создаются условия для развития экономики, основанной на внутреннем большом цикле с взаимным стимулированием внутреннего и международного рынков, для лучшего использования механизмов рыночной конкуренции и стимулирования экономического роста [符平, 段新星, 2023, с. 87]. В китайских академических кругах преобладает мнение, что саморегулирующийся рынок – это миф, другими словами, рынок «конструируется», а не существует сам по себе [Fligstein, 2001; 2008, p. 131–156; Polanyi, 2001; Massot, 2021]. Во многом китайские экономические социологи именно так оправдывают свою позицию относительно параллельного и одновременного рассмотрения развития китайской экономической социологии и китайского рынка как взаимосвязанных процессов. Современный рынок, будь то рынок с китайскими социалистическими особенностями или китайская экономическая социология, сконструирован благодаря сознательным усилиям социологов и экономистов. Считается, что без глубоких изменений, произошедших в Китае в 1970–80-е гг. на всех уровнях, не было бы современного китайского рынка, как и китайской экономической социологии. Развитие экономической социологии в Китае, стимулированное экономическими реформами и расширением рынка, обогатило отрасль необходимыми материалами для дальнейшего развития и помогло построить теории, учи-

тывающие местные условия, что привело к возникновению многочисленных теоретических подходов, основанных на реалиях Китая.

Библиографический список

Хун Инь. Развитие социалистической рыночной экономики: практика китайской рыночной экономической трансформации // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2019. Т. 9, № 2. С. 25–30.

Fligstein N. Myths of the Market // The Institutions of the Market: Organizations, Social Systems, and Governance, in Alexander Ebner, and Nikolaus Beck (eds). Oxford : Oxford University Press. 2008. P. 131–156.

Fligstein N. The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies // N. Y. : Princeton Univ. Press, 2001.

Fu Ping, Yang Dian. Economic sociology in China: Past and promises // Economic Sociology. Perspectives and Conversations, Max Planck Institute for the Study of Societies. 2021. Vol. 23, Iss. 1. P. 5–10.

Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. Boston : Beacon Press, 2001.

Massot P. The state of the study of the market in political economy: China's rise shines light on conceptual shortcomings // Competition & Change. 2021. Vol. 25, N 5. P. 534–560.

符平, 段新星. 市场制度的中国探索: 以经济社会学为视角 / 华中师范大学学报 (人文社会科学版), 2023. 第62卷第2期. 81–95页.

符平, 杨典. 中国经济社会学40年: 传统、当下与未来 / 江海学刊, 2019. 第6期. 96–103页.

符平, 杨典. 中国经济社会学四十年 / 符平, 杨典主编.北京: 社会科学文献出版社, 2020. 7–11页.

汪和建. 再思“经济与社会” –经济社会学转向发展的的问题与抉择 / 江海学刊, 2021. 第1期. 112–122页.

王琳, 冯璐, 李皎. 中国特色社会主义市场经济体制改革的深化探索研究 / 上海财经大学学报, 2019. 第21卷第4期. 41–53页.

РАЗДЕЛ II

ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 94+329

А. В. Алепко

Хабаровский государственный институт культуры, Хабаровск

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ФИЛИППИН Ф. МАРКОСА В 1965–1986 гг. : ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ

Аннотация. Рассмотрены социально-экономические реформы правительства Филиппин, связанные с периодом правления президента Фердинанда Маркоса-старшего; основные этапы и особенности в становлении его политической карьеры. Выявлена связь его социально-экономических преобразований с тотальной правительственной практикой получения иностранных кредитов, главным образом от США. Раскрыты причины трансформации внутренней политики Ф. Маркоса от либеральных начал к военной диктатуре. Определена бесперспективность социально-экономических преобразований в стране в условиях бесконтрольной правительственной коррупции, прогрессирующей инфляции и повсеместного обнищания большей части населения.

Ключевые слова: госдолг, девальвация, диктатор, импичмент, инфраструктура, президент, преобразования, радикальный, финансирование.

A. Alepko

Khabarovsk State Institute of Culture, Khabarovsk

SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS OF THE PHILIPPINE PRESIDENT F. MARCOS IN 1965–1986: MAIN DIRECTIONS AND RESULTS

Abstract. The purpose of the article is to consider the socio-economic reforms of the Philippine government associated with the period of the reign of President Ferdinand Marcos Sr. The main stages of the peculiarities in the formation of his political career are considered. The connection of his socio-economic transformations with the total governmental practice of obtaining foreign loans, mainly from the United States, is revealed. The reasons for the transformation of F. Marcos's domestic policy from liberal principles to military dictatorship are revealed. The futility of socio-economic transformations in the country in the context of uncontrolled government corruption, progressive inflation and widespread impoverishment of the majority of the country's population is determined.

Keywords: national debt, devaluation, dictator, impeachment, infrastructure, president, transformations, radical, financing.

Роль десятого президента Филиппин Фердинанда Эммануэля Эдралина Маркоса⁶ (30.12.1965–25.02.1986) в социально-экономическом развитии страны оценивается современными историками неоднозначно. С одной стороны, его характеризуют как жестокого диктатора-коррупционера, а с другой стороны, как реформатора, осуществившего значительные преобразования на Филиппинах. Материал данной статьи, основанной в том числе на оценках филиппинских историков, посвящен некоторым аспектам деятельности Ф. Маркоса-старшего на посту президента страны.

Фердинанд Маркос-старший родился 11 сентября 1917 г. в городе Саррат, провинции Северный Илокос, в семье юриста и конгрессмена Мариано Маркоса. В 1939 г. он с отличием окончил юридический колледж Университета Филиппин, получив диплом бакалавра права. Летом 1941 г. как офицер запаса был призван в звании лейтенанта армейской разведки в одно из подразделений Вооруженных Сил США на Филиппинах [Francia, p. 219]. В 1942 г. он попал в плен к японцам, однако вскоре был освобожден по ходатайству его отца М. Маркоса, активно сотрудничавшего с японской военной администрацией на Филиппинах в период оккупации [Ferdinand Marcos].

В 1944–1945 гг. в период освобождения страны Ф. Маркос состоял на военно-юридической службе «Сил армии Соединенных Штатов на Дальнем Востоке» (далее USAFFE). Закончил войну в звании майора 14 пехотного полка USAFFE. Был членом «Партизанского совета Северного Лусона по проверке политической благонадежности членов партизанских отрядов». Тем не менее в современной филиппинской историографии подчеркивается роль Ф. Маркоса-старшего как активного участника кровопролитных боев на острове Коррехидор, а также в качестве выжившего военнопленного в период «Баатанского марша смерти» в 1942 г. [Canoy, p. 172].

В 1946 г. после объявления США независимости Филиппин был утвержден новым правительством страны в качестве специального прокурора при Генеральной прокуратуре. Ему было поручено судить «по закону и справедливости» всех обвиняемых в сотрудничестве с японцами [Ferdinand Marcos].

С 1949 по 1959 г. (в течение трех сроков) являлся депутатом 2-го округа Илокос-Норте в Палате представителей в Маниле. В 1959 г. Ф. Маркос выиграл выборы в Сенате, в котором вскоре стал лидером меньшинства, заняв в 1961 г. пост исполнительного вице-президента Либеральной партии. С 1963 по 1965 г. он являлся президентом Сената [Abinales, p. 194].

⁶ Далее по тексту – Фердинанд Маркос-старший, Ф. Маркос-старший. Президентом современных Филиппин является его сын Фердинанд Маркос-младший, известный среди народа страны как Бонгбонг (по его семейному имени). – *Прим. авт.*

В 1965 г. Ф. Маркос принял участие в предвыборной президентской кампании. Как «мастер популистских образов» он продемонстрировал молодость и мужественность, фотографируясь с крестьянами на рисовых полях. Также он позиционировал себя участником Второй мировой войны, утверждая, что является «самым награжденным» среди героев войны на Филиппинах. Таким образом Фердинанд Маркос-старший победил в президентских выборах, набрав 51,94 % голосов. 30 декабря 1965 г. он вступил в должность в качестве десятого президента Филиппин [Agoncillo, p. 239].

Следует заметить, что до его президентства Филиппины были второй по величине экономикой в Азии, уступая только Японии. Маркос проводил программу форсированного развития инфраструктуры страны, финансирование которой осуществлялось за счет иностранных кредитов.

С помощью так называемых обязательных займов за счет «иностранной помощи» и «льготных кредитов» Ф. Маркос под предлогом стимулирования промышленного развития страны начал целенаправленное формирование группы лояльных ему предпринимателей и промышленников, делая из них богатых и могущественных единомышленников в ущерб правящему классу крупных землевладельцев. Стремясь ослабить прочные патронажные связи, которые филиппинские крестьяне имели с представителями провинциальной и местной администрации, Маркос создал «Президентское управление по развитию сообществ» (PACD), функция которых заключалась в инициировании новых проектов развития экономики на уровне баррио⁷ и муниципальных органов власти [Tadem, p. 187–188].

Стремясь сохранить власть на второй президентский срок, администрация Маркоса брала крупные иностранные займы для финансирования «риса, дорог и школьных построек» (основной лозунг для новой кампании по переизбранию). Заметим, что Ф. Маркос-старший поставил себе в заслугу резкое увеличение производства риса, вызванное введением в севооборот в 1968 г. нового сорта чудо-риса – IR8 Международным научно-исследовательским институтом риса в муниципалитете Лос-Баньос филиппинской провинции Лагуна. В то же время необходимо отметить тот факт, что научно-исследовательская программа IRRI, в рамках которой был разработан этот сорт, была продуктом Международного консорциума [Ferdinand Marcos]. Первые ее разработки были начаты еще

⁷ Баррио – самоуправляющееся подразделение сообщества в сельской или городской местности Филиппин. Принятый в 1975 г. закон заменил слово *barrio* на *барангай*, местную административную единицу Филиппин с населением в пределах 2500 человек. Тем не менее слово «баррио» по-прежнему широко используется как синоним к слову «барангай». Эти два термина относятся как к сельским поселениям, так и городским муниципальным округам. – *Прим. авт.*

в 1962 г. при администрации предшественника Маркоса президента Диосадо Макапагала (28.09.1910–21.04.1997).

В то же время попытка привлечения значительных средств в экономику страны за счет принятия конгрессом в 1969 г. «Сводного налогового закона» не увенчалась успехом. Поэтому именно иностранные займы в период 1966–1970 гг. обеспечили увеличение финансирования затрат на развитие экономической инфраструктуры Филиппин на 70 % по сравнению с расходами администрации Д. Макапагала в 1961–1965 гг. Иностранные займы, полученные администрацией президента Ф. Маркоса, обеспечили строительство скоростной автомагистрали в Северном Лусоне и шоссе Махарлика. Благодаря им также было построено 58 745 открытых и 38 705 обычных школьных зданий [Ferdinand Marcos].

Грандиозные инфраструктурные проекты первого срока Ф. Маркоса включили также комплекс зданий и парковой зоны Культурного центра Филиппин, который был назван населением страны «главной стройкой» Фердинанда Маркоса и его жены – первой леди Имельды Маркос [Canoy, p. 184–186]. Надо заметить, что проекты грандиозной общественной инфраструктуры были приоритетными для государственного финансирования в первую очередь из-за их общественно-политической и пропагандистской ценности [Tadem, p. 191–192; Agoncillo, p. 239–240].

Дефицит бюджета Филиппин в период первого президентского срока Ф. Маркоса был на 72 % выше годового дефицита правительства Филиппин в 1961–1965 гг. [Ferdinand Marcos]. Подобная практика государственных расходов, финансируемых за счет иностранных кредитов, была продолжена администрацией Ф. Маркоса-старшего вплоть до ее отстранения от власти в 1986 г. [Canoy, p. 182–183]. Подобное положение дел привело страну к повторяющимся периодам экономической нестабильности, которая ощущается до сегодняшнего дня, а также к долгам, которые, по мнению отдельных экспертов, Филиппинам придется выплачивать до 2025 г.

Выборы 1969 г. состоялись 11 ноября, Маркос выиграл беспрецедентный второй полный срок на посту президента Филиппин. Быстрые расходы на предвыборную кампанию были настолько значительными, что стали причиной кризиса платежного баланса 1970 г. [Mojares, p. 133–134]. В прессе сообщалось, что Маркос потратил 100 филиппинских песо на каждое песо, потраченное его ближайшим конкурентом, израсходовав 24 млн песо только в регионе Себу [Ferdinand Marcos].

К 1971 г. правительство Маркоса не смогло выплатить долги и решило заключить соглашение о реструктуризации долга с Международным валютным фондом. План стабилизации, предусмотренный соглашением, включал такие многочисленные макроэкономические вмешательства, как значительная девальвация филиппинского песо. Инфляционный

эффект, который эти вмешательства оказали на местную экономику, вызвал социальные волнения, которые послужили причиной объявления военного положения в 1972 г.

Именно в этот период стали формироваться две основные оппозиционные группы: 1) умеренные – призывавшие к политическим реформам; 2) радикальные – придерживающиеся более леворадикальной идеологии. К первой относились церковные группы, борцы за гражданские свободы и политики-националисты, которые планировали добиться перемен в стране посредством политических реформ. Радикалы, включавшие ряд рабочих и студенческих групп, хотели более широких, системных политических реформ. Наиболее существенными политическими акциями вышеупомянутых групп стала серия протестов, произошедших несколько ранее в январе-марте 1970 г. известными в истории Филиппин как «Буря первого квартала» [Canoy, p. 174–175].

О введении военного положения общественности стало известно 23 сентября 1972 г., когда Ф. Маркос-старший указом № 1081 от 21.09.1972 г. объявил военное положение в стране [Francía, p. 226] (о нем по радио сообщил пресс-секретарь Франсиско Татад). Вышеупомянутым указом Ф. Маркос практически ликвидировал свободу прессы и другие гражданские свободы, закрыл Конгресс и учреждения СМИ, и приказал арестовать лидеров оппозиции и активистов-боевиков [Jose, p. 221]. Он также объявил, что военное положение было прелюдией к созданию «Нового общества», основанного на новых социальных и политических ценностях. Для продвижения этой идеи установленный военный режим подготовил ряд пропагандистских материалов, включавших речи, книги, лекции, лозунги и многочисленные пропагандистские песни. Под «Новым обществом», согласно идеи Ф. Маркоса, понималось народное движение, призывавшее как бедных, так и привилегированных граждан работать единым целым для достижения целей общества и освобождения филиппинского народа путем самореализации [Canoy, p. 179–180].

В то же время Ф. Маркос издал декрет № 86 о гражданском плебисците представителей барангаев и созыве народного референдума для принятия новой конституции страны. Голосование прошло в январе 1973 г. Из более чем 22,8 млн зарегистрированных избирателей более 19,9 млн человек участвовали в конституционном референдуме, из которых более 14,9 млн человек проголосовало за принятие новой Конституции Филиппин, текст которой был ратифицирован президентским № 1102 от 17 января 1973 г. [Rosales, p. 102].

В целях построения «Нового общества» военно-государственная администрация учредила молодежную организацию «Кабатаанг Барангай», которую возглавила старшая дочь Маркоса – Эйми. В апреле 1975 г. был принят указ, который призвал филиппинскую молодежь в возрасте от

15 до 18 лет вступать в вышеупомянутую организацию и стать ее волонтерами [Anarchy of families, p. 17].

В октябре 1974 г. военная администрация Ф. Маркоса заключила с Коммунистической партией Филиппин соглашение о национальном единстве, согласно которому филиппинские коммунисты обязались поддерживать такие новые общественные программы, как земельная реформа, реформа профсоюзов и оживление отношений с Советским Союзом и его союзниками [Tiu, p. 207].

В то же время для привития патриотизма гражданам Филиппин и предотвращения распространения иностранной идеологии в обществе, связанным с ростом в стране числа китайских школ, Ф. Маркос издал указ № 176, запрещавший создавать на Филиппинах учебные заведения для иностранцев, а также разрабатывать учебные программы исключительно для иностранцев. Вышеупомянутый указ также ограничивал преподавание китайского языка в школах не более чем 100 мин. в день [Duka, p. 311–313].

Необходимо отметить тот факт, что финансовые расходы администрации Ф. Маркоса-старшего в значительной степени зависели от государственного долга Филиппин США со времени первого срока его правления в 1960-х гг. Подобное положение дел сделало Филиппины уязвимыми, особенно в 1980–1982 гг., когда высокая инфляция вынудила США повысить процентные ставки. Экономическая и политическая нестабильность страны после убийства Бениньо Акино-младшего в 1983 г. в совокупности привели к катастрофической рецессии в 1984 и 1985 г., когда экономика Филиппин сокращалась на 7,3 % в течение двух лет подряд, а уровень бедности составил 49 % [Ferdinand Marcos].

В августе 1985 г. 56 членов парламентской Ассамблеи подписали резолюцию, призывающую к импичменту президента Маркоса за предполагаемое использование американской помощи в личных целях, ссылаясь на опубликованное в июле 1985 г. в газете San Jose Mercury News разоблачение многомиллионных инвестиций и собственности Маркоса в Соединенных Штатах. В числе объектов недвижимости, принадлежавших его семье, были Crown Building, Lindenmere Estate и ряд жилых квартир (в Нью-Джерси и Нью-Йорке), торговый центр в Нью-Йорке, особняки (в Лондоне, Риме и Гонолулу), поместье Хелен Кнудсен на Гавайях и три кондоминиума в Сан-Франциско. Члены Ассамблеи также включили в жалобу нецелевое использование средств на строительство Манильского киноцентра, где демонстрировались порнографические фильмы, противоречащие общественной морали, филиппинским обычаям и традициям [Ferdinand Marcos]. Однако вышеупомянутая попытка импичмента не получила реальной поддержки в правительстве и вскоре была оставлена.

Тем не менее нельзя не отметить тот факт, что 21-летний период экономической истории Филиппин при правлении Ф. Маркоса-старшего со времени его избрания в 1965 г. до свержения в 1986 г. был периодом значительных экономических взлетов и падений страны.

Годовой валовой внутренний продукт Филиппин вырос с 5,27 млрд долл. в 1964 г. до 37,14 млрд долл. в 1982 г. В 1985 г. после двух лет экономического спада, вызванного политической нестабильностью после убийства Ниноя Акино ВВП страны снизился до 30,7 млрд долл. Причем значительная сумма из этих средств досталась семье и друзьям Ф. Маркоса в виде целевых займов. Кроме того, Ф. Маркос направлял крупные суммы государственных денег в фонды предвыборной кампании своей партии.

В период с 1972 по 1980 г. среднемесячный доход представителей наемного труда упал на 20 %. К 1981 г. самые богатые 10 % населения Филиппин получали в два раза больше доходов, чем беднейшие, составлявшие 60 % населения страны [Ferdinand Marcos].

За время правления Маркоса общий внешний долг страны вырос с 2,3 млрд долл. США в 1970 г. до 26,2 млрд долл. в 1985 г., что превратило Филиппины в одну из стран Азии с наибольшей финансовой задолженностью. Такое положение дел привело страну к кризису обслуживания долга, который, по мнению отдельных экспертов, может быть преодолен не ранее 2025 г. Период правления Ф. Маркоса-старшего был омрачен резкой девальвацией курса филиппинского песо с 3,9 до 20,53 за 1 долл. Экономисты отметили, что уровень бедности вырос с 41 % в 1960-х гг., когда Маркос занял президентский пост, до 59 %, когда он был отстранен от власти [Ferdinand Marcos].

Будучи бывшей колонией Соединенных Штатов, Филиппины в значительной степени зависели от американской экономики в закупке ею сельскохозяйственных товаров, таких как сахар, табак, кокос, бананы и ананас. Согласно данным Всемирного банка, годовой валовой внутренний продукт Филиппин увеличился в четыре раза с 8 млрд долл. в 1972 г. до 32,45 млрд долл. в 1980 г. при среднем темпе роста с поправкой на инфляцию в 6 % в год, в то время как к концу 1980 г. долг составлял 17,2 млрд долл. Тем не менее, по данным Фонда наследия США, Филиппины достигли наивысшего экономического развития после 1945 г. в период с 1972 по 1979 г. [Ferdinand Marcos].

Одной из важнейших экономических программ страны в 1980-х гг. стало «Движение за средства к существованию и прогресс». Она была запущена в сентябре 1981 г. Ее цель заключалась в оказании содействия экономическому развитию барангаев путем поощрения их жителей к участию в собственных проектах по обеспечению средств к существованию. Однако экономика Филиппин, в значительной степени зависящая от экс-

порта в США, сильно упала после убийства Ниноя Акино 21 августа 1983 г. [Сапоу, р. 194].

В попытке запустить программу восстановления национальной экономики, несмотря на свою растущую изоляцию от американского бизнеса, Маркос распорядился сократить государственные расходы и использовал часть сбережений для финансирования Sariling Sikap (Самообеспечение), программы обеспечения средств к существованию, которую он основал в 1984 г. Тем не менее большинство так называемых государственных программ развития так и не были реализованы. Государственные средства часто выкачивались Ф. Маркосом или его приближенными. Провал программы восстановления был еще более усугублен гражданскими беспорядками, безудержным взяточничеством и коррупцией в правительстве, а также отсутствием доверия к Маркосу. Уровень безработицы вырос с 3,9 % в 1975 г. до 12,6 % в 1985 г. [Ferdinand Marcos].

В 1985–1986 гг. в последние месяцы своего правления Ф. Маркос-старший наладил долгосрочные отношения с СССР, который впоследствии стал единственной влиятельной страной, официально поздравившей Ф. Маркоса с победой на выборах в 1986 г. В свою очередь Ф. Маркос разрешил Коммунистической партии Филиппин посетить СССР для консультаций.

В конце 1985 г. перед лицом растущего общественного недовольства и под давлением иностранных союзников Ф. Маркос назначил досрочные выборы, которые состоялись 7 февраля 1986 г. Комиссия по выборам (COMELEC) объявила Маркоса победителем. По ее данным, Ф. Маркос победил, набрав 10 807 197 голосов против 9 291 761 голоса Корасон Акино. Однако по частичному подсчету Национального движения за свободные выборы (NAMFREL), аккредитованного наблюдателя за опросами, победил К. Акино, набрав 7 502 601 голос против 6 787 556 голосов Маркоса. В то же время в прессе широко распространились сообщения о насилии и фальсификации результатов выборов [Сапоу, р. 197].

25 февраля 1986 г. состоялись президентские инаугурации двух соперников, но когда сторонники К. Акино захватили часть Манилы и государственную телекомпанию PTV-4, Ф. Маркос-старший был вынужден бежать из страны [Laga, p.212].

Следует заметить, что сын Ф. Маркоса-старшего – Фердинанд Бонгбонг Маркос-младший (р. 1957), президент Филиппин с 2022 г., в период правления своего отца был назначен губернатором провинции Илокос-Норте, сменив на этом посту свою тетю Элизабет Маркос-Кеон. Он занимал эту должность с марта 1983 г. до февраля 1986 г. [Маркос Бонгбонг].

В целом социально-экономические преобразования Ф. Маркоса-старшего обеспечили определенное поступательное развитие страны, которое в то же время оказалось тесно связанным с рядом негативных

явлений, впоследствии существенно сказавшихся на уровне жизни основной массы населения Филиппин. Сегодня только в одной филиппинской провинции (Беннет) из 75 уровень жизни сопоставим с уровнем жизни в развитых странах мира, а в 49 провинциях страны он находится на неудовлетворительном, низком или очень низком уровне развития [Список провинций Филиппин, 2024].

Библиографический список

Маркос Бонгбонг. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Маркос_Бонгбонг (дата обращения: 27.07.24).

Список провинций Филиппин по индексу человеческого развития 2024. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_провинций_Филиппин_по_индексу_человеческого_развития (дата обращения: 27.07.24).

Abinales P., Amoroso D. State and Society in the Philippines. 2nd ed. Quezon City : Ateneo de Manila University Press, 2017. 412 p.

Agoncillo T. Introduction to Philippino History. Quezon City : Garotech Publishin, 1974. 308 p.

Anarchy of families: state and family in Philippines / ed. by Alfred W. McCoy. Quezon City : ADMU Press; Wisconsin : University of Wisconsin Center for Southeast Asian Studies, 1993. 542 p.

Canoy R. An Illustrated History of the Philippines. Oxford : John Beaufooy Publishing Limited, 2022. 244 p.

Duka C. Struggle for Freedom. A Textbook on Pilippine History. Manila : Rex Book Store, 2010. 422 p.

Ferdinand M. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Ferdinand_Marcos (дата обращения: 27.07.24).

Francia L. A History of the Philippines. From Indios Bravos to Filipinos. N. Y. : The Overlook Press, 2010. 352 p.

Jose R. T. The Philippines Army, 1935–1942. Quezon City : ADMU Press, 1998. 268 p.

Lara Jr. F. Insurgents, clans, and states: political legitimacy and resurgent conflict in Muslim Mindanao, Philippines. Quezon City : Ateneo de Manila University Press, 2014. 340 p.

Mojares R. Interrogations in Philippine cultural history. Quezon City : Ateneo de Manila University Press, 2017. 191 p.

Rosales A. Understanding Philippine History: Readings and Discourse. Quezon City : Lorimar Publishing, 2020. 240 p.

Tadem T. Philippine politics and the Marcos technocrats: the emergence and evolution of a power elite. Quezon City : Ateneo de Manila University Press, 2019. 244 p.

Tiu M. Davao: reconstructing history from text and memory. Davao City : Research and Publication Office, Ateneo de Davao University and Mindanao Coalition of Development NGOs, 2005. 388 p.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «РЕГИОНАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ ЯПОНИИ, КНР, США, КАНАДЫ

Аннотация. Представлены результаты анализа репрезентации концепта «региональное управление» в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона на материале научных англоязычных статей. В результате анализа автор приходит к выводу, что концепт находит активную разработку в медийном англоязычном дискурсе выбранных стран, представляет значимое в экологии и экономике явление. Выделенные тенденции и специфика репрезентации представляются в виде наглядных фрейм-схем.

Ключевые слова: региональное управление, концепт, фрейм, регион, медийный дискурс, трансдисциплинарная регионология.

E. Veryuzhskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

REPRESENTATION OF THE «REGIONAL GOVERNANCE» CONCEPT IN THE ENGLISH- LANGUAGE MEDIA DISCOURSE OF JAPAN, CHINA, USA, CANADA

Abstract. The purpose of the article is to present the results of analysis of «regional governance» concept in some APR countries basing on English-language scientific articles. As the result of the analysis the author comes to the conclusion that the concept is being actively represented within English-language media discourse of the chosen countries, and it also represents a significant economic and ecological phenomenon. Tendencies and specificities of the representation found during the analysis are reflected by frame-schemes.

Keywords: regional governance, concept, frame, region, media discourse, transdisciplinary regionology.

Важнейшие процессы управления во многом определяют развитие региона и степень его интеграции в мировое пространство, поэтому их изучение имеет большое значение. Одним из способов исследования процесса регионального управления является изучение репрезентации концепта в медийном дискурсе. Такой анализ позволяет сделать выводы о тенденциях и особенностях развития процесса в регионе и каждой стране отдельно.

Для того чтобы провести анализ, прежде всего, определим ядерную зону анализируемого концепта, которая не всегда может быть обозначена одним словом [Максимовских, 2015, с. 53]. Так, ядро концепта, ставшего объектом нашего исследования, – «региональное управление». Для его анализа в англоязычном научном медиадискурсе были выбраны такие эквиваленты, как *regional management*, *regional governance*.

В ходе работы в англоязычном научном медиадискурсе Китая, Японии, США и Канады методом сплошной выборки был отобран корпус из текстов, включающих рассматриваемый концепт в своей теме, на основе анализа авторских способов репрезентации выбранных концептов были сделаны выводы об особенностях понимания концепта в конкретной стране.

Для анализа авторских способов репрезентации концептов был выбран метод фреймов. В нашем исследовании они выступают в качестве структуры представления знания, фрейм-схема является инструментом представления результатов анализа когнитивной структуры [Соколова, 2007, с. 236]. В качестве фреймов выступают научные сферы, в рамках которых было зафиксировано употребление концепта в научной работе; концепты, с которыми в соотношении употребляются анализируемые нами «региональное управление» и «региональное планирование», а также периферийные части изучаемых концептов, используемых в работах. Графически фрейм-схема представляет собой систему пересеченных друг с другом окружностей-фреймов, на которой красным цветом выделены научные области, желтым – иные концепты, термины и феномены, использующиеся во взаимосвязи с изучаемыми, синим – периферийные части изучаемого концепта.

Одной из задач анализа, соответствующих проблемному полю трансдисциплинарной регионологии, является выявление глобальных и локальных тенденций в употреблении изучаемых концептов. Кроме того, процесс создания фрейм-схем можно отнести к научному творчеству. В связи с этим представляется возможным соотнести используемую модель анализа с трансдисциплинарной парадигмой [Кремнёв, Кузнецова, Лесниковская, 2020, с. 39, 43; История ... , 2020].

В результате проведенного анализа мы пришли к следующим выводам. К общим тенденциям репрезентации анализируемого концепта можно отнести превалирующее употребление термина *government* в сочетании «региональное управление». Все статьи, благодаря особенностям лексического значения словосочетания «региональное управление», соотносятся со сферой менеджмента, но, анализируя предмет исследования, мы можем сделать вывод о том, что к менеджменту, как правило, присоединяется еще одна или несколько сфер, что формирует особенности репрезентации концепта в той или иной работе. Самой часто встречающейся в использовании концепта стала сфера экологии: из 42 статей 17 связывают с ней (36 %); экология является единственной сферой соотношения в девяти статьях; в пересечении с экономикой – в четырех статьях; с биологией – в двух; в трех статьях экология выступает во взаимосвязи с геологией, археологией или социологией. Вторая сфера по частоте соотношения концепта «региональное управление» – экономика, к ней относятся 12 из 42 проанализированных (25 %); семь статей обращаются только к сфере экономики, в одной встречается взаимосвязь экономики и истории. Девять проанализированных статей относятся к сфере менеджмента без взаимосвязи с другими научными полями (19 %). Третьей по частотности обращения становится сфера медицины, в которой концепт используют авторы четырех статей (8 %). Четвертое и пятое место делят

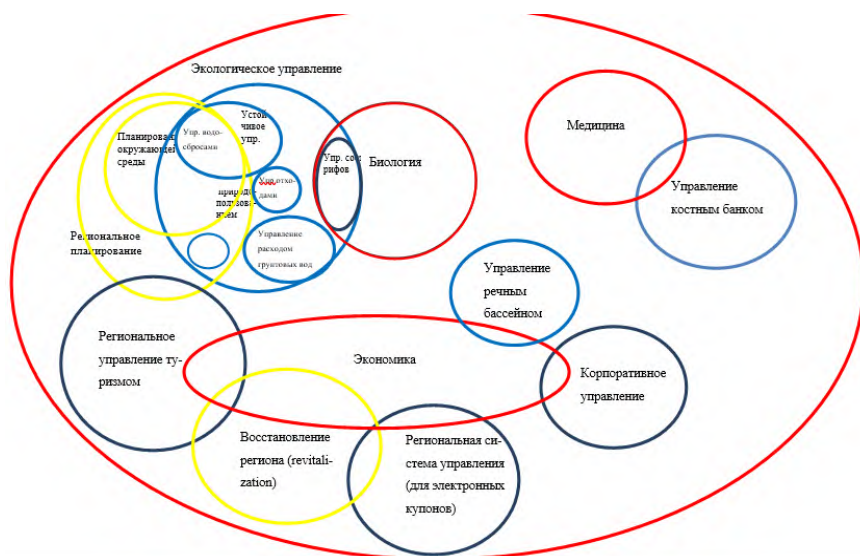
история и ТМО, к каждой из которых обращались трижды (6 %). Концепт «региональное управление» связывается с концептом «региональное планирование» и разными его видами в девяти рассмотренных статьях (22 %), пять обращений к концепту «региональное развитие» (12 %). За исключением проанализированного японского сегмента, в статьях англоязычного медиадискурса Китая, США и Канады по два раза соответственно встречалось обращение к понятиям городского регионализма (14 %), рассмотрение городов – регионов. Всего изучаемый концепт связали с управлением городом – регионом шесть раз (14 %).

Определяя особенности репрезентации концепта в разных странах, отметим специфичный термин, с которым соотносится «региональное управление» в Японии – «оживление региона» (revitalization), который встречается в проанализированных работах японских авторов дважды (в 18 % японского сегмента). Оживление ставится одной из главных задач местного управления, мероприятия по достижению которой призваны повышать привлекательность и направлять потоки населения в отдаленные малонаселенные регионы.

Говоря о специфике репрезентации концепта в Китайской Народной Республике, стоит упомянуть о введении в статьи цитат лидера государства. Так, в работах, посвященных экологии, авторы апеллируют к понятию национальной экологической цивилизации, введенному в дискурс Си Цзиньпином. Концепт «региональное управление» представляется в двух разновидностях: внешней (участие страны в управлении внешним регионом – глобальным миром или объединением определенных стран) и внутренней (управление внутригосударственными процессами). В статьях, посвященных управлению внешним регионом, прослеживается идеологическая окраска текста. Встречается еще одно яркое понятие, характерное исключительно для китайского сегмента англоязычного медийного дискурса – «Шанхайский дух». Рассматривая второй вид регионального управления, авторы обращаются к проблеме неравномерного распределения власти по территории государства.

К особенностям репрезентации концепта «региональное управление» в США относится превалирующая критическая оценка дробления власти и внедрения усиленного государственного контроля в процессы управления регионами. Альтернативную версию регионального управления авторы рассмотренных статей видят в организации кооперации разных субъектов управления (как правительственных институтов, так и негосударственных акторов) в коллективном процессе принятия решений. Метафорически этот процесс представлен как переход от правительства к управлению. Наряду с экологической, в репрезентации концепта в медиатекстах США в качестве лидирующей выделяется сфера управления городом – регионом (по четыре рассмотренные статьи (40 %) на каждую сферу).

Для наглядного и более подробного отображения репрезентации концепта «региональное планирование» в Японии, КНР, США и Канаде, представим фрейм-схемы репрезентации (рис. 1–4).

57

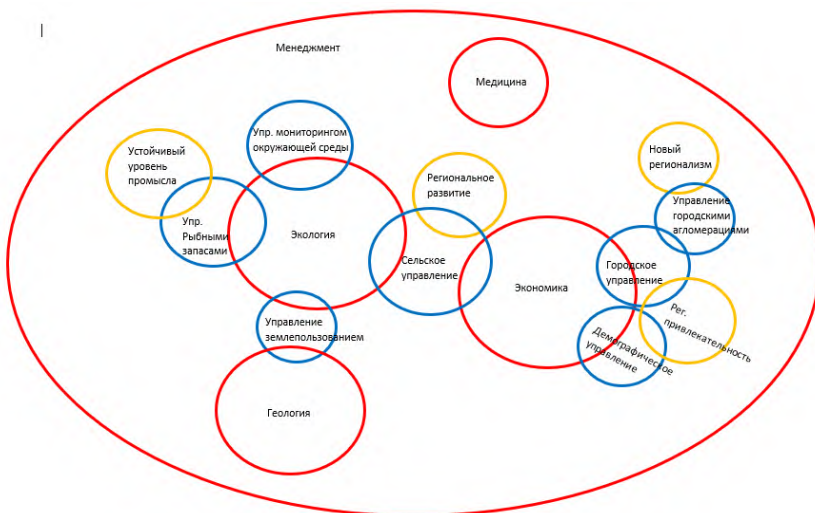

Рис. 4. Репрезентация концепта «региональное управление» в англоязычном медийном дискурсе Канады

Библиографический список

История и методология региональных исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе : колл. монография / науч. ред. Е. Ф. Серебrenникова, отв. ред. О. В. Кузнецова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 287 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Кремнёв О. В., Кузнецова Е. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология: монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 155 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Максимовских А. Г. Концепт и средства его репрезентации // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 15. С. 53–57.

Соколова О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. 2007. № 1. С. 236–239.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ И США

Аннотация. Выявляется уровень сформированности экологической культуры личности в России и США. Рассматриваются различные подходы к понятиям «экологическая культура» в России и «инвайронментализм» в США, сравниваются такие основные элементы их структуры, как экологическое сознание vs экологическая обеспокоенность, экологическая деятельность vs экологическое поведение, анализируется статистика опросов общественного мнения по поводу осведомленности населения об экологических проблемах в этих странах. Обзор данных индекса экологической эффективности позволяет автору сделать вывод о том, что экологическая культура населения стран Азиатско-Тихоокеанского региона еще недостаточно развита.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экологическая культура, экологическое сознание, экологическая деятельность, инвайронментализм, экологическая обеспокоенность, экологическое поведение, адаптивное поведение к изменению климата, индекс экологической эффективности.

A. Ignatieva

Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE LEVEL OF HUMAN ENVIRONMENTAL CULTURE IN RUSSIA AND THE USA

Abstract. The purpose of the article is to identify the level of formation of the ecological culture of the individual in Russia and the USA. The author compares the main structural elements of these concepts, such as ecological conscience vs environmental concern, ecological activity vs environmental behavior, and also analyzes the statistics of public opinion polls on public awareness of environmental issues in these countries. A review of the data on the environmental performance index of the Asia-Pacific countries allows the author to conclude that the ecological culture of the population in these countries is not yet sufficiently developed.

Keywords: sustainable development, ecological culture, ecological conscience, ecological activity, environmentalism, environmental concern, environmental behavior, climate change adaptive behavior, environmental performance index.

Проблемы экологии сегодня остро стоят перед человечеством. Самыми серьезными из них являются изменение климата, глобальное потепление, загрязнение атмосферы, Мирового океана, почвы, уменьшение площади лесов, уничтожение многих биологических видов растений, животных и т. д. Основной причиной необратимых природных изменений, угрожающих существованию живых организмов на планете, является в первую очередь низкий уровень экологической культуры населения – недостаток или отсутствие знаний, установок и ценностей, а также экологически пассивное поведение, безынициативность, отсутствие действий, направленных на решение экологических проблем своего региона.

Актуальность темы исследования продиктована необходимостью изучения феномена экологической культуры человека, его содержания, способов формирования, проявления, а также его значения для достиже-

ния целей устойчивого развития общества, которые должны быть достигнуты к 2030 г. всеми странами. Среди 17 целей можно выделить сугубо экологические, такие как «дешевая и чистая энергия, чистая вода и санитария, ответственное потребление и производство, борьба с изменением климата, сохранение морских экосистем, сохранение экосистем суши, а также ряд других целей» [Take ... , 2024]. Экологическая культура общества в данном случае является условием для успешного достижения этих целей.

Экологическая составляющая прослеживается и в основной задаче Концепции, принятой на заседании ООН 1 января 2016 г., заключающейся в проведении «комплекса мер, направленных на удовлетворение потребностей нынешнего поколения, не ставя под угрозу возможности будущего поколения удовлетворять свои потребности» [The Sustainable ... , 2024]. Иными словами, развитие и благополучие современного общества не должно препятствовать развитию, благополучию и жизни будущих поколений. При этом в основе данной концепции лежит равновесие трех ключевых «взаимосвязанных и имеющих решающее значение для благополучия отдельных граждан элементов: экономического рост, социальная ответственность и защита окружающей среды» [Там же].

В научной литературе существуют различные подходы к определению термина «экологическая культура». Он рассматривается в педагогической литературе [Гагарин, 2021; Назарова 2019; Новик 2020], юридической [Зеленова, Сидельникова, 2020; Попов, 2018; Васильчук, 2022], в работах по социологии [Ермолаева, 2011; Марар, 2011; Пахомов, 2003] и философии [Стукаленко, 2015; Лещинская, 2014].

О. И. Марар рассматривает экологическую культуру как «сложную систему, включающую совокупность экологических знаний, норм, ценностей и стандартов, вырабатываемых в общественном сознании и реализуемых в экологическом поведении» [Марар, 2011]. А. В. Гагарин определяет ее как «вершину личностного роста в стремительно изменяющихся сегодня глобальных экономических, социальных и экологических условиях» [Гагарин, 2021].

В своей работе мы понимаем экологическую культуру вслед за П. О. Ермолаевой как «особый "срез" общей культуры общества, транслирующий гармоничный способ взаимодействия общества с окружающей средой и характеризующий сознательное отношение к природе и практическое участие в улучшении природопользования» [Ермолаева, 2011, с. 29].

Высшая ступень развития экологической культуры, по мнению Ю. Н. Пахомова, способствует появлению «экочеловека, осознавшего необходимость и выработавшего потребность в сохранении жизни и заботе о социоприродной среде своего обитания и в своих действиях руководствующегося принципом минимизации негативных воздействий на природу» [Пахомов, 2003, с. 6].

В американской научной среде термин «экологическая культура» заменяется смежным – «инвайронментализм» (environmentalism), понимаемым как «общественное движение и активная гражданская позиция, подчеркивающие взаимосвязь человека и природы и направленные на защиту окружающей среды как важнейшего ресурса» [Environmentalism ... , 2024].

Многие исследователи указывают на то, что инвайронментализм – это в первую очередь идеология, общественное движение: «активизм, направленный на защиту окружающей среды или улучшение ее состояния» [Schlosberg, 2008; Environmentalism definition ... , 2024]. В отличие от российской концепции, инвайронментализм в большей степени ориентирован на динамичное, активное проявление гражданской позиции в области защиты окружающей среды, в то время как экологическая культура включает как ценностную, так и деятельностьную составляющие.

Каждое из понятий – «экологическая культура» и «инвайронментализм» – содержит в себе два очень важных структурных компонента: экологическое сознание и экологическую деятельность, образующих экологическую культуру человека. Экологическая обеспокоенность, экологическое поведение являются ключевыми элементами инвайронментализма. Рассмотрим понимание этих терминов российскими и американскими исследователями.

В российской науке под экологическим сознанием понимают «определенный уровень озабоченности населения состоянием окружающей среды, сформированность экологического знания, наличие у субъекта набора постматериальных ценностей и установок» [Ермолаева, 2011, с. 16]. Выделяют антропоцентрическое и эоцентрическое экологическое сознание. Первое направлено на взаимодействие человека с природой для удовлетворения своих прагматических потребностей, второе предполагает «оптимальное удовлетворение как потребностей человека, так и потребностей всего природного сообщества» [Там же, с. 91]. Стоит отметить, что сегодня в условиях устойчивого развития необходимо стремиться к формированию в обществе эоцентрической модели поведения, без которой невозможно достичь гармоничных отношений с окружающим нас миром.

Термин «экологическое сознание» в американской и европейской научной среде чаще всего заменяется термином «экологическая обеспокоенность» (environmental awareness / concern), под которым понимается «восприятие экологических проблем как серьезных вызовов, поддержка усилий правительства по защите окружающей среды, а также участие в действиях, направленных на улучшение качества окружающей среды» [Liere van, Dunlap, 1980, p. 188].

Второй, не менее важный элемент экологической культуры, экологическая деятельность, является индикатором сформированного экологи-

ческого сознания, потому как предполагает не только владение экологическими знаниями, но и активные действия по защите окружающей среды. Многие исследователи указывают на то, что одних знаний, развитого экологического сознания недостаточно, необходимо действовать, и начинать нужно с себя [Васильчук, 2022; Гагарин, 2021; Ермолаева, 2011].

В европейской, в том числе американской социэкологической традиции, вместо термина «экологическая деятельность» чаще всего используется словосочетание «экологическое поведение» (*environmental / pro-environmental / green / sustainable / environmentally friendly behavior*), под которым понимается «поведение, объединяющее ценности, нормы, убеждения, чувство ответственности людей в осознанных действиях, направленных на обеспечение благополучия всех живых существ, включая нынешнее и будущие поколения» [Andic, 2014].

В журнале *Journal of Environmental Psychology* данный термин определен как «любое антропогенное воздействие, которое может влиять на качество окружающей среды положительным или отрицательным образом, в результате намеренных или случайных действий» [Journal ... , 2014].

К экологической деятельности (поведению) относят ответственное отношение к отдыху на природе, переработку бытовых отходов, а также адаптивные меры реагирования на воздействие изменения климата, включающие приобретение экологически чистых продуктов, экономию воды, электрической энергии, использование для своего передвижения велоспорта или электромобилей, строительство автономного дома и т. д.

В последнее время к экологической культуре человека относят еще одно понятие, появившееся в результате необратимого антропогенного изменения климата – «адаптивное поведение к изменению климата» (*climate change adaptive behavior*). Под ним понимается «поведение людей, направленное на смягчение последствий изменения климата и обеспечение экологической устойчивости» [Valkengoed van, Steg, 2019, p. 159; Carman, Zint, 2020]. К мерам адаптивного поведения относят переселение людей на более возвышенные местности во избежание повышения уровня воды в море и близлежащих водоемах, высадку новых культур, способных вырасти в условиях меняющегося климата, использование новых строительных технологий и т. д. В российском национальном плане адаптации указывается, что приспособление к климатическим изменениям необходимо для того, чтобы «не допустить их негативного влияния на отрасли экономики и качество жизни людей» [Об утверждении ... , 2023]. К таким мерам причисляются «совершенствование механизмов страхования на случай стихийных бедствий, разработка новых национальных стандартов, подготовка профессиональных кадров в области климатических рисков, повышение осведомленности общества о мерах адаптации к изменениям климата, мониторинг грунтов в Арктике» [Там же] и др.

Для определения уровня развития экологической культуры общества, в частности уровня экологического сознания / обеспокоенности и экологической деятельности / экологического поведения, рассмотрим результаты социальных опросов, проводимых в России и США.

Например, проведенный ВЦИОМ мониторинг восприятия людьми экологической ситуации в России в 2024 г., показывает, что в целом россияне оценивают экологическую ситуацию в мире и стране на три из возможных пяти. 48 % россиян считают себя ответственными за состояние экологии, при этом 46 % опрошенных главным способом решения экологических проблем считают формирование экологической грамотности населения. Действия, которые россияне предпринимают в качестве основных, включают раздельный сбор отходов, участие в субботниках, минимизацию отходов, экономию электроэнергии, воды и некоторые другие [Экологическая ... , 2024]. Другое исследование, посвященное анализу экологической активности россиян, показывает, что 52 % опрошенных не предпринимали никаких действий для решения экологических проблем за последний год, при этом из 48 % принимавших такие действия наиболее активными оказались россияне с высшим образованием (64 %), жители крупных городов (59 %) и регулярные пользователи интернета (57 %). Опрошенные также предлагают внедрить методы поощрения, которые позволяют вовлечь население в экологическую деятельность. К ним отнесли льготы на ЖКХ и общественный транспорт, скидки на досуговые мероприятия, а также возможность взять дополнительный выходной [Экоактивизм ... , 2023].

Статистика по результатам опросов, проведенных центром исследования общественного мнения Пью (Pew Research Center) в США, показывает, что американцы также обеспокоены состоянием окружающей среды – 45 % из них считают, что проблемы окружающей среды являются приоритетными в работе президента и конгресса в 2024 г. [Jackson ... , 2024]. Исследование, посвященное отношению американцев к проблеме изменения климата, показывает, что 46 % американцев считают деятельность человека основной причиной потепления Земли, при этом 26 % говорят, что оно вызвано естественными причинами, а 14 % считают, что нет научных доказательств того, что Земля нагревается [Pasquini ... , 2024]. В другом подобном исследовании 63 % американцев считают, что изменение климата отразится на их жизни в ближайшем будущем, семь из десяти американцев расстроены экологическими проблемами, при этом половина опрошенных заявила, что они почувствовали мотивацию к действиям для борьбы с изменением климата, когда узнали об этой проблеме из новостей [Tyson ... , 2023]. В исследовании, посвященном отношению американцев к электротранспорту, 38 % из них заявляют, что они серьезно рассматривают покупку электромобиля [Spencer ... , 2023].

Более информативными, на наш взгляд, являются результаты мониторинга индекса экологической эффективности (Environmental Performance Index), изучающего «экологическую политику государства, которая складывается из здоровья его граждан, разнообразия экосистем и политики в области изменения климата» [EPI results ... , 2022]. Такое положение дел также является отражением и уровня экологической культуры в данном социуме, поскольку успешная политика какой-либо страны в области экологии – это внешнее проявление степени сформированности экологической культуры, это говорит не только о правильных и серьезных действиях правительства, но и о целенаправленном, экологически настроенном, ответственном поведении граждан той или иной страны. Итак, в 2022 г. многие страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) не вошли в топ-20 стран с лучшим уровнем экологии. Среди них Япония – на 25-й, США – на 43-й, Южная Корея – на 63-й, Россия – на 112-й, Китай – на 160-й строках рейтинга. Лидерами списка являются такие Североевропейские страны, как Дания, Великобритания, Финляндия, занявшие соответственно, 1, 2 и 3 позиции. Единственная страна Азиатско-Тихоокеанского региона, вошедшая в топ-20 стран с развитой экологической политикой, – Австралия, расположившаяся на 17-й строке рейтинга [Там же]. Здесь стоит отметить, что Австралия, входя в состав Британского Содружества, не отстает от Великобритании в плане проведения успешной экологической политики.

На наш взгляд, данное исследование в полной мере передает общую картину состояния экологии в разных странах, в том числе и уровень развития экологической культуры, который, как видно по результатам исследования, во многих странах АТР низкий.

Что делать в такой ситуации? Очевидный ответ – поднимать уровень экологической культуры населения. Принято считать, что в этом могут помочь экологическое воспитание и образование. Первое представляет собой привитие определенных ценностей, взглядов, убеждений, а второе – развитие знаний, умений и навыков, направленных на бережное отношение к окружающей среде. Основными инструментами реализации экологического воспитания и образования являются различные социальные институты общества, которые в идеале должны передавать знания и прививать ценностные ориентации человеку в условиях непрерывности и преемственности в последовательности: семья – дошкольное заведение – школа – вуз. Сюда также подключаются СМИ, экологические организации и социальные сети, которые также вносят свой вклад в формирование экологической культуры личности.

Итак, как можно видеть из приведенного анализа российской и американской научной литературы, экологическая культура – это важный элемент общей культуры современного человека, живущего в условиях меняющегося от антропогенного воздействия мира, необходимый для

достижения целей устойчивого развития и сохранения природы для будущих поколений. Несмотря на различную терминологию, принятую в разных странах, вопросы экологической культуры относятся к разряду актуальных научных исследований. Они широко представлены в российских и зарубежных работах и являются чрезвычайно острыми, поскольку от их решения зависит жизнь всего живого на планете. Как показывает исследование, уровень развития экологической культуры в России и США нельзя назвать высоким, хотя США явно опережает Россию по экологическим показателям. Одно из решений данной проблемы видится в активном задействовании социальных институтов общества, которые должны помочь человеку в формировании его экологической культуры и развить у него понимание важности сопричастия каждого участника социума в общем деле – деле сохранения и защиты окружающей среды.

Библиографический список

Васильчук Ю. В. Экологическая культура – модный тренд или жизненная необходимость? // Экологическая культура в фокусе общественного внимания. Форум «Сообщество». Тверь, 9–10 июня. 2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WVaQbiblayg> (дата обращения: 01.05.2024).

Гагарин А. В. Экологическая культура как вершинное достижение личности: мировоззренческие, компетентностные и дидактические траектории развития // Вестник МАН РС. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-kultura-kak-vershinnoe-dostizhenie-lichnosti-mirovozzrencheskie-kompetentnostnye-i-didakticheskie-traektorii> (дата обращения: 29.04.2024).

Ермолаева П. О. Особенности формирования экологической культуры российских и американских студентов: кросс-культурный проект : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Казань, 2011. 285 с. URL: <https://core.ac.uk/reader/197389180> (дата обращения: 20.04.2024).

Зеленова Д. А., Сидельников А. Г. Экологическая культура: понятие и формирование в современных условиях // Аграрное и земельное право. 2020. № 10 (190). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-kultura-ponyatie-i-formirovanie-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 04.02.2024).

Лещинская В. В. Экологическая культура: несколько шагов к пониманию понятия. Роль библиотек России в формировании экологической культуры // Лига культуры. 2014. № 4. С. 168–171. URL: https://rgub.ru/professional/published/article.php?article_id=272 (дата обращения: 10.04.2024).

Марар О. И. Экологическая культура в современном российском обществе : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.06 / Рос. акад. народного хозяйства гос. службы при Президенте РФ. М., 2011. 41 с.

Назарова Л. П. Формирование экологической культуры личности в системе образования // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ekologicheskoy-kultury-lichnosti-v-sisteme-obrazovaniya> (дата обращения: 01.04.2024).

Новик И. М. Формирование и развитие экологической культуры учащихся на основе использования местного материала : материалы Междунар. науч.-метод. конф. «Экологическое образование и устойчивое развитие. Состояние, цели, проблемы и перспективы». МГЭИ им. А. Д. Сахарова. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k5bw-68IJI> (дата обращения: 22.04.2024).

Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 11 марта 2023 г. № 559-р // Собр. законодательства РФ. 2023. № 12 (20 марта). Ст. 2055. URL: <http://static.government.ru/media/files/DzVPGLI7JgT7QYRoogphpW69KKQREGTB.pdf> (дата доступа: 12.04.2024).

Пахомов Ю. Н. Экочеловек как субъект социоприродного развития : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.01. СПб., 2003. 36 с.

Попов А. Г. Общая характеристика нормативной основы экологической функции государства // Право и государство: теория и практика. 2018. № 4 (160). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-harakteristika-normativnoy-osnovy-ekologicheskoy-funktsii-gosudarstva> (дата обращения: 14.04.2024).

Стукаленко Н. М. Развитие экологической культуры как фактора общественного прогресса в целях устойчивого развития // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 12 (5). С. 929–931.

Экоактивизм: вовлеченность, мотивация, потенциал. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkoaktivizm-vovlechenost-motivaciya-potencial> (date of access: 10.04.2024).

Экологическая ситуация в России: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-2> (дата обращения: 02.04.2024).

Andic D. Interdisciplinary Approaches to Sustainable Development in Higher Education: A Case Study from Croatia // Handbook of Research on Pedagogical Innovations for Sustainable Development. 2014. P. 67–115. URL: <https://www.igi-global.com/dictionary/interdisciplinary-approaches-to-sustainable-development-in-higher-education/39093> (date of access: 23.04.2024).

Environmentalism. American Psychology Association. URL: <https://dictionary.apa.org/environmentalism> (date of access: 10.04.2024).

Environmentalism definition, origin and examples. URL: <https://study.com/academy/lesson/environmentalism-overview-movements.html> (date of access: 10.04.2024).

Jackson A. State of the Union: where Americans stand on the economy, immigration and other key issues. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/03/07/state-of-the-union-2024-where-americans-stand-on-the-economy-immigration-and-other-key-issues/> (date of access: 01.02.2024).

Journal of Environmental Psychology. 2014. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/environmental-behavior#definition> (date of access: 24.04.2024).

Liere van D., Dunlap R. The Social Bases of Environmental Concern: A Review of Hypotheses, Explanations and Empirical Evidence // The Public Opinion Quarterly. 1980. Vol. 44, N 2. P. 181–197. URL: https://www.researchgate.net/publication/31263683_The_Social_Bases_of_Environmental_Concern_A_Review_of_Hypotheses_Explanations_and_Empirical_Evidence (date of access: 27.04.2024).

Pasquini G. Why some Americans do not see urgency on climate change. URL: <https://www.pewresearch.org/science/2023/08/09/why-some-americans-do-not-see-urgency-on-climate-change/> (date of access: 01.04.2024).

Schlosberg D., Bomberg E. Perspectives on American environmentalism // Environmental Politics. 2008. № 17 (2). P. 187–199. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09644010801936073> (date of access: 03.04.2024).

Spencer A. How Americans view electric vehicles. 2023. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2023/07/13/how-americans-view-electric-vehicles/> (date of access: 25.04.2024).

Take Actions for the Sustainable Development Goals. Sustainable Development Goals. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/> (date of access: 15.04.2024).

The Sustainable Development Agenda. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/development-agenda/> (date of access: 15.04.2024).

Tyson A., Kennedy B. How Americans view future harms from climate change in their community and around the US. 2023. URL: <https://www.pewresearch.org/science/2023/10/25/how-americans-view-future-harms-from-climate-change-in-their-community-and-around-the-u-s/> (date of access: 25.04.2024).

Valkengoed van A., Steg, L. Meta-analyses of factors motivating climate change adaptation behaviour. Nature Climate Change. 2019. N 9. P. 158–163. URL: https://www.researchgate.net/publication/330367612_Meta-analyses_of_factors_motivating_climate_change_adaptation_behaviour (date of access: 20.04.2024).

EPI results. Environmental Performance Index. 2022. URL: <https://epi.yale.edu/epi-results/2022/component/epi> (date of access: 01.04.2024).

А. М. Кадыров

НИЦ «Научные основы проблемы развития экономики Узбекистана»
при Ташкентском государственном экономическом университете, Ташкент

А. Т. Ахмедиева, Ш. Одилов

Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Целью статьи является изучение перехода к экономике знаний, который требует формирования в стране интегрированной системы, эффективно преобразующей новые знания в новые технологии, продукты и услуги, которые, в свою очередь, находят своих реальных потребителей на национальных или глобальных рынках. В связи с этим устанавливаются основные ключевые идеи изменения структуры экономики в сторону увеличения доли наукоемких и высокотехнологичных отраслей, повышения роли компетенций, профессионализма и способностей к творчеству как важнейшей характеристики развития человеческого капитала, необходимого для модернизации и технологического развития экономики страны.

Ключевые слова: экономика, ИКТ, модернизация, мировой рынок, трансформация, наука, интеграция, технология инновация, цифровизация, конкурентоспособность.

A. Kadyrov

Research Center "Scientific foundations of the problem of economic development of Uzbekistan" at
Tashkent State Economic University, Tashkent

A. Akhdieva, Sh. Odilov

Tashkent State Economic University, Tashkent

IMPROVING THE COMPETITIVENESS OF THE NATIONAL ECONOMY ON THE BASIS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT

Abstract. The purpose of the article is to study the transition to a knowledge economy, which requires the formation of an integrated system in the country, effectively transforming new knowledge into new technologies, products and services that find their real consumers in national or global markets. In this regard, the main key ideas of changing the structure of the economy towards increasing the share of knowledge-intensive and high-tech industries, increasing the role of competencies, professionalism and creative abilities as the most important characteristics of the development of human capital necessary for the modernization and technological development of the country's economy are established.

Keywords: economy, ICT, modernization, global market, transformation, science, integration, technology innovation, digitalization, competitiveness.

Развитие экономики в Республике Узбекистан свидетельствует о движении общества по направлению к вариативности в моделях экономических контактов, кроме того, можно сказать о том, что происходит формирование национального рынка в контексте глобальной экономики. Отражением этих тенденций являются трансформации процессов производства и экономических взаимоотношений, также наблюдаются изменения в структуре экономики страны.

Особенности проведения модернизации в Узбекистане имеют свою специфику. Мы говорим не только об укреплении экономической конку-

рентоспособности, национальная экономика становится все более либерализованной, кроме того, появляется новая институциональная среда. В настоящее время, когда во всем мире мы можем наблюдать определенные трудности финансово-экономического характера, вполне очевидно требование проведения серьезной научной аналитической работы по исследованию ключевых сложностей на пути обеспечения конкурентоспособности экономики. Добавим, что речь идет о фазе трансформации рынка, во время которой обнаруживается определенный перечень факторов субъективного и объективного характера, служащих детерминантами, обеспечивающими преимущество государства в плане конкурентоспособности [Кадыров, 2004].

В глобализованном обществе, переживающем последствия глобального кризиса в финансово-экономической сфере, анализ роли науки в экономическом развитии становится крайне востребованным. Так, в экономической науке «стало широко использоваться понятие жизненного цикла научно-технического прогресса, а применительно к базовым технологиям вошел в оборот термин “технологический уклад”, который характеризует уровень базовых технологий, используемых в конкретный исторический период в тех или иных крупных отраслях экономики» [Китлова, 2013].

Отмечается, что «...в последние более чем 200 лет, в истории технологической эволюции мировой экономики, сложилось пять технологических укладов, жизненный цикл каждого из которых проявляется в виде соответствующей длинной волны» [Глазьев, 1991].

Переход к экономике знаний требует формирования в стране целостной системы, эффективно преобразующей новые знания в новые технологии, продукты и услуги, которые находят своих реальных потребителей на национальных или глобальных рынках. В таком случае в структуре экономики происходят трансформации, возрастает процент наукоемких и высокотехнологичных отраслей.

Без современной технологии рыночная экономика не может обеспечить повышение конкурентоспособности национальной экономики. «Определяющим элементом проводимых в Узбекистане реформ служит разработка государственной политики поддержки технологических инноваций, основанных на новых принципах, включающая также замену административного управления рыночными механизмами. В этой ситуации достаточно высокий научный потенциал республики большей частью нейтрализуется низкой эффективностью инновационных процессов» [Касымов, Рахимова, 2018].

Для того чтобы мобилизовать интеллектуальный потенциал страны с целью активизации принятия решений по актуальным проблемам социально-экономического и научно-технического развития, необходимо вы-

делить теоретико-методологические подходы к формированию стратегии инновационного развития, а также создать новую институциональную среду, которая могла бы способствовать повышению эффективности организации данных процессов в обстановке глобализации [Абдулаева, 2005].

Вектор стратегии, о которой шла речь, должен быть направлен на комплексные и целенаправленные усилия государства, частного бизнеса и институтов гражданского общества по обеспечению динамичного развития Узбекистана в области науки и инноваций на перспективу.

Актеры, обладающие развитой инфраструктурой и институтами, которые могут обеспечить коммерциализацию инноваций, неизбежно одержат победу в глобальной конкуренции. В настоящее время в ситуации, когда каждая страна в мире в определенной степени испытывает на себе последствия финансово-экономического кризиса, становится очевидно, что именно те страны, которые своевременно примут меры по перевооружению производства и освоению новых технологий, обеспечению за счет этого выпуска конкурентоспособной продукции с наименьшими издержками, потерпят наименьшие потери [Дежина, 2013].

Опыт развитых стран показывает, что на первом этапе важно развивать четыре базовые системы инновационной экономики в любой стране:

- научные и инжиниринговые организации, использующие мировой опыт и знания в экономике;
- доступ компаний к информации с низкими издержками;
- образование и навыки населения, способного работать с новым оборудованием и производить конкурентоспособную продукцию;
- деловая среда, стимулирующая отечественные и иностранные предприятия для создания и использования существующих технологий [Там же].

Следует отметить, что базовые знания, которые могут обеспечить решение наиболее актуальных задач по экономическому развитию, давно существуют в других странах и эффективно используются, тем не менее пока что они еще не находят своего применения в Узбекистане. Отечественные вложения в разработку знаний, которые будут новыми для мира в целом, гораздо менее окупаемы и эффективны, нежели использование механизма поглощения уже имеющихся технологий. Необходимо четко разграничивать два понятия, а именно новые знания для всего мира (т. е. инновации) и новые знания исключительно для компаний (т. е. поглощение технологий). Данные процессы различны и требуют параллельного использования [Аскарова, 2019].

Основная проблема заключается в том, что в настоящее время в Узбекистане все еще наблюдаются сложности с имплементацией в производство уже разработанных технологий. Ключевой причиной для этого является нехватка стимулов для внедрения, применения и продвижения

новых технологий. Соответственно, для преодоления данной проблемы необходимо в первую очередь информировать компании о новых технологиях, а также предоставить им доступ к финансам. Так, ежегодная республиканская ярмарка инновационных идей и проектов стала одним из способов продвижения подобной информации [Аскарова, 2019].

В данном случае можно обратиться к опыту ведущих в плане инновационной деятельности стран, при условии, что их опыт является подходящим. Так, согласно модели стран Юго-Восточной Азии, первоначально должны произойти получение, абсорбция и адаптация иностранных технологий, параллельно с этим необходимо осуществлять вложения в собственную науку и высшее образование, а затем появляются возможности имитировать, усовершенствовать и создавать новые для всего мира технологии [Там же].

Таким образом, представляется, что если задаться целью обнаружить возможные трудности и препятствия на пути модернизации и поглощения инноваций, в первую очередь необходимо осуществить диагностику предприятий и научных учреждений страны.

Можно выделить два принципа, соблюдение которых будет способствовать решению системной проблемы далее. Первый подразумевает под собой аккумуляцию бюджетных средств на финансирование ключевых направлений НИОКР [Там же]:

- расширенное воспроизводство фундаментальных знаний;
- повышение качественного уровня “человеческого капитала” – одного из основных конкурентных преимуществ Узбекистана;
- выполнение прикладных разработок по ограниченному числу приоритетных направлений для обеспечения их конкурентоспособности, включая увеличение доли капитализируемой части получаемых результатов;
- создание инновационной экосистемы, обеспечивающей преобразование знаний в рыночный продукт.

Под вторым принципом понимается применение стратегии частно-государственного партнерства. Данный контекст подразумевает, что модернизация технологий будет производиться представителями бизнеса, в то время как государство будет задействовано в осуществлении прикладных разработок и создании инновационной инфраструктуры.

Для достижения этого требуется запустить масштабные целевые программы, в которых также примут участие представители бизнеса. Основная цель данных программ будет заключаться в том, чтобы найти применение сектору исследований и разработок с целью действенного достижения национальных приоритетов технологического развития, в то же время упомянутый сектор будет трансформироваться в производящую отрасль так называемой новой экономики.

Стратегия должна определять систему взаимосвязанных целевых программ, отдельных проектов и внепрограммных мероприятий. При этом надо выделить следующие основные задачи [Аскарова, 2019]:

- создание конкурентоспособного сектора исследований и разработок, включая условия для его расширенного воспроизводства;
- формирование эффективной национальной инновационной системы;
- развитие институтов использования и защиты прав интеллектуальной собственности (ИС);
- модернизацию экономики на основе технологических инноваций.

Бесспорно, если говорить о задаче по формулированию основных векторов исследований, которые носят фундаментальный характер, в данном вопросе ключевая роль принадлежит всему академическому сообществу. Тем не менее полагаем, что именно на стимулирование конкурентоспособности национальной экономики должны быть нацелены как развитие фундаментальной науки, так и обеспечение эффективности расходов из бюджетных средств. Требуется специальная программа модернизации функций, структуры и механизмов финансирования академического сектора науки. Прежде всего надлежит найти инструменты для перехода от управления затратами к управлению результатами в сфере фундаментальной науки.

В этой связи возрастает необходимость разработки теоретических подходов к формированию инновационной модели национальной экономики в условиях посткризисного развития. При этом требуется изучение следующих основных аспектов данной проблемы:

- инновационных концепций конкурентоспособности стран и отраслей, влияния инноваций на динамику их развития;
- комплексной оценки современного уровня и стратегии развития инновационной политики в контексте повышения конкурентоспособности;
- основных факторов инновационного развития мировой экономики и предпосылок к формированию национальной инновационной системы в республике;
- системы мер, направленных на активизацию процесса освоения научно-технических новшеств в национальной экономике;
- концептуальных подходов к стратегии интеграции научно-инновационного комплекса республики в мировой рынок научно-технологической продукции;
- направлений совершенствования институциональной базы в целях создания благоприятных условий для развития инновационного типа экономики;
- социальных факторов инновационной деятельности и возможностей их эффективного использования;

- стратегии по созданию стимулов к переходу на инновационный путь развития в условиях повышения конкурентоспособности национальной экономики [Там же].

Результаты, полученные в ходе этих исследований, расширяют научно-методологические подходы к формированию концепции инновационной модели развития национальной экономики, созданию новых условий и источников повышения конкурентоспособности страны, а также механизма их адаптации к вызовам глобализации мировой хозяйственной системы. Также они могут иметь и практическое применение. Речь идет о создании государственной программы, нацеленной на инновационное развитие экономики страны. Подобная программа носит долгосрочный характер и сформирована с учетом как региональных, так и отраслевых факторов, в ней декларируются ключевые векторы научно-технологического развития и механизмы его обеспечения.

В свою очередь формирование системы инструментов регулирования и поддержки инновационной деятельности осуществляется путем создания соответствующей законодательной базы, а также формирования инфраструктуры, реализующей элементы государственной политики в области поддержки инноваций. Следующим этапом формирования и развития инновационной экономики в Узбекистане послужит Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2022–2026 годы» № УП-165 от 06.07.2022. Так, в Стратегии неразвитыми направлениями были отмечены «коммерциализация научных и инновационных разработок, уровень сотрудничества между наукой, образованием и промышленностью в реальном секторе экономики» [Об утверждении Стратегии ... , 2022].

Таким образом, государственная научно-техническая политика, осуществлявшаяся за годы независимости в Республике Узбекистан, была направлена на сохранение и обеспечение развития научно-технического потенциала, формирование инновационной деятельности, концентрацию усилий в решении социально-экономических проблем в условиях глубокой трансформации экономики. Успешное решение этих актуальных проблем обеспечит эффективность создания и реализации стратегии инновационного развития в интересах дальнейшего подъема экономики страны и повышения ее конкурентоспособности на мировом рынке.

Библиографический список

Об утверждении Стратегии инновационного развития Республики Узбекистан на 2022–2026 годы : указ Президента Респ. Узбекистан № УП-165 от 06.07.2022. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=142494 (дата обращения: 10.09.2022).

Длинные волны: научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие / С. Ю. Глазьев, Г. И. Микерин, П. Н. Тесля [и др.]. Новосибирск, 1991. 224 с.

Абдуллаева М. Н. О роли стратегического планирования в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий // Общественные науки в Узбекистане. 2005. № 5–6. С. 57–59.

Дежина И. Государственная политика в сфере развития инновационной деятельности // Экономика переходного периода. М. : Дело; ИЭПП, 2013. С. 682–697.

Кадыров А. М. Стратегия и приоритеты повышения конкурентоспособности национальной экономики Узбекистана. URL: <https://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/1350.html> (дата обращения: 25.10.2023).

Китлова Е. Д. Роль государства в организации производства знаний. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstva-v-organizatsii-proizvodstva-znaniy> (дата обращения: 25.10.2023).

Касымов Р. С., Рахимова Д. Н. Узбекистан: реформы ради народа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uzbekistan-reformy-radi-naroda> (дата обращения: 25.10.2023).

Аскарова М. Т. Инновационное развитие и его взаимосвязь с повышением конкурентоспособности национальной экономики. URL: https://ejournal.tsue.uz/index.php/iqtisodiy_xavfsizlik/article/view/47 (дата обращения: 25.10.2023).

УДК 314.74

Э. О. Леонтьева, Н. Ван

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

Аннотация. Поднимается проблема существования китайской диаспоры в России на примере Хабаровского края. По данным Росстата рассматриваются количественные оценки китайской миграции в Россию с точки зрения соответствия статусу диаспоры по численности. Делается вывод о том, что этот критерий не является определяющим. Предлагается считать более важными для оценки диаспоры не количественные, а качественные характеристики (длительность проживания, стабильность бизнеса, наличие связей внутри сообщества и т. д.)

Ключевые слова: китайские мигранты, диаспора, Дальний Восток.

E. Leontyeva, N. Van

Pacific National University, Khabarovsk

CHINESE DIASPORA IN KHABAROVSK REGION

Abstract. The problem of the existence of the Chinese diaspora in Russia is raised using the example of the Khabarovsk region. Using the results of a population census according to Rosstat data, the authors examine quantitative assessments of Chinese migration to Russia in terms of its numerical correspondence to diaspora status. It is inferred that this criterion is not determinative. Instead, it is suggested to consider qualitative characteristics to be more significant (length of stay, business stability, connections within the community etc.).

Keywords: Chinese migrants, diaspora, the Far East.

Китайская диаспора имеет давнюю историю в Хабаровске и соответствующий этому периоду обширный исследовательский опыт. Преимущественно эти исследования освещают жизнь диаспоры в ретроспективе, так как именно в конце XIX – начале XX в. китайцы являлись самой заметной, второй по численности этнической группой Дальнего Востока, в разные периоды составляя от 20 до 30 % населения. При этом ее количе-

ственная оценка была затруднительной во все периоды существования. Так, даже в рамках одного издания авторы приводят весьма противоречивые цифры относительно одного и того же периода 1897–1901 гг., называя численность в 4609 мужчин и 57 женщин в 1897 г., 8153 чел. в 1900 г., 2100 мужчин и 7 женщин в 1901 г. [Константинов, Ляшковский, 2019, с. 15, 42, 54]. Для исследователей такие перепады в цифрах не удивительны, здесь в качестве самых важных факторов, отмечалось отсутствие специального учета и сезонная подвижность миграции [Ларин, 2009, с. 23–28].

Существующие трудности в оценках миграции становятся более заметными, если речь идет о диаспоре как наиболее устойчивой миграционной группе, которая и является предметом нашего интереса в этой работе. Здесь мы обращаем внимание на дискуссионный вопрос, также получивший широкое освещение в современной литературе, о том, можно ли считать китайских мигрантов в России диаспорой [Киреев, 2011; Ларин, 2009]. Наш небольшой кейс, построенный на пятилетнем наблюдении, интервьюировании и этнографических методах, показывает, что китайские мигранты в Хабаровске, особенно после пандемии COVID-19, вполне соответствуют статусу диаспоры, хотя количественные оценки еще оставляют сомнения в этом.

Поскольку речь идет о диаспоре, нас интересует статистический учет не всего мигрантского потока, а той его части, которая длительно проживает на территории либо имеет стабильный бизнес в трансграничье. Если в отношении численности мигрантов точную оценку в принципе дать затруднительно, в отношении такой группы получить какие-то внятные цифры почти невозможно. Тем не менее важно понять, насколько Дальневосточный регион репрезентативен в отношении китайского присутствия. С этой целью приведем некоторые хоть и косвенные, но существенные для нас оценки.

Существует несколько источников, каждый из которых дает свою картину или ее часть. Так, Росстат позволяет оценить приблизительную численность мигрантов той или иной этнической группы по двум показателям – через данные переписей, и через регистрацию прибывших и убывших по территории за определенный период. В данных переписей населения разные показатели также не очень хорошо согласуются между собой. Так, по итогам переписи 2020 г. по показателю «временно проживающие на территории России» насчитывается всего 4325 чел., указавших в качестве страны постоянного проживания Китай. Из них почти 70 % (2999 чел.) приходится на Дальневосточный федеральный округ.

Другой важный показатель из данных переписи населения, дающий представление о примерной численности китайских мигрантов на территории России, – это гражданство. При всей условности такой оценки можно исходить из того, что попавшие в перепись населения граждане

КНР с большой степенью вероятности будут относиться к мигрантам, проживающим в России в течение какого-то определенного (достаточно длительного) времени. По этим оценкам на территории России в 2021 г. проживало 10 256 граждан КНР, половина из которых (5124 чел.) – в Дальневосточном федеральном округе. Распределение этих категорий мигрантов по субъектам округа показано в таблице.

Приведенные цифры показывают, что общая численность китайских мигрантов, которые могут относиться к представителям диаспоры, ничтожно мала – не более 10 с небольшим тысяч человек. Большинство как временно проживающих жителей, так и граждан КНР сосредоточены на Дальнем Востоке. Если обратить внимание на цифры распределения таких лиц по субъектам ДВФО, то мы видим, что самые заметные диаспоры из числа граждан КНР должны сложиться во всех крупных городах региона: Якутске, Владивостоке, Благовещенске. Хабаровск в этом ряду занимает скромную четвертую позицию.

Таблица

Примерная численность китайских мигрантов,
проживающих на территории Дальневосточного ФО⁸

№	Субъект ДВФО	Временно проживающие на территории России, указавшие страной постоянного проживания КНР, кол-во человек	Численность граждан КНР, кол-во человек
1	Республика Бурятия	93	162
2	Республика Саха	188	2785
3	Забайкальский край	379	197
4	Камчатский край	20	23
5	Приморский край	525	894
6	Хабаровский край	87	362
7	Амурская область	1658	642
8	Магаданская область	18	27
9	Сахалинская область	8	13
10	Еврейская АО	93	19
11	Чукотский АО	0	0
	Всего	2 999	5 124
	% от общей численности группы в России	69,3	49,9

Главное, что позволяют оценить эти весьма приблизительные данные, – это так называемый порядок цифр. Так, приблизительная оценка численности китайской диаспоры в дальневосточном городе составляет от нескольких сот человек в среднем, но в отдельных случаях (Якутск) может доходить до полутора тысяч. В любом случае выявленный поря-

⁸ Источник: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom6_Migraciya_naseleniya.

док цифр показывает, что даже в регионе с самыми большими по численности диаспорами это не сотни и даже не десятки тысяч китайцев, несущих угрозу заселения российских территорий с убывающим населением (как иногда приходится читать в материалах СМИ).

И еще момент, важный для понимания возможной динамики роста диаспоры: есть ли основания считать, что указанный порядок цифр может измениться в обозримом будущем? Обратим внимание на такой показатель, как сальдо миграции по Хабаровскому краю в динамике с 2006 г., который показывает нам, сколько мигрантов каждый год остается на территории и потенциально может пополнить диаспору. Мы видим, что для этого процесса характерна определенная цикличность, однако даже в самом максимальном значении, наблюдаемом в постпандемийный 2021 г., это количество составляло 1387 чел., в остальные привлекательные для мигрантов годы – около 1 тыс. (2007 г. – 1023 чел., 2012 – 1149 чел., 2014 – 828 чел.). Постпандемийный рост, закончившийся буквально на следующий год, по нашему мнению, вызван возвращенцами, т. е. мигрантами, которые не смогли выехать из-за внезапного закрытия границ в 2020 г. Наши интервью показали, что среди тех, кто давно проживает в России и имеет связанный с Китаем бизнес, таких было немало. На рисунке показана динамика миграционного прироста в Хабаровском крае.

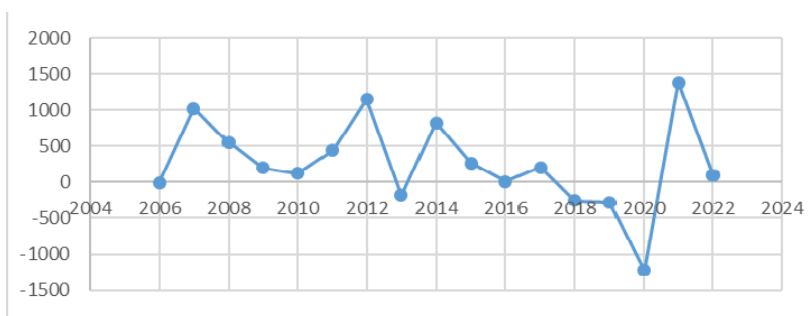

Рис. Динамика миграционного прироста в Хабаровском крае (китайское направление, сальдо миграции, количество человек)⁹

Таким образом, количественные данные показывают, что сомнения в существовании китайской диаспоры как особого типа сообщества обоснованы. Поэтому особенно важно посмотреть на ситуацию с китайскими мигрантами в разрезе других данных.

⁹ Источник: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028>.

При существующем многообразии подходов к определению понятия «диаспора» большинство авторов все-таки сходится на том, что это сообщество, отличающееся устойчивостью, которая поддерживается несколькими поколениями и особыми внутренними связями, т. е. той или иной степенью самоорганизованности (диаспоральности) [Дятлов, 1999; Киреев, 2011; Ларина, 2009; Тощенко, Чаптыкова, 1996]. Следовательно, для ответа на вопрос о том, в какой степени китайские мигранты соответствуют этому статусу, следует ориентироваться на критерии, отражающие эти признаки. В качестве таковых мы рассмотрим длительность проживания на территории, устойчивость бизнеса и межпоколенные связи. Нашими информантами в процессе сбора данных стали 35 семей китайских мигрантов, проживающих в дальневосточных городах (в основном в Хабаровском крае), с которыми мы находимся в постоянном контакте в течение пяти лет, собирая информацию об истории миграции, жизни в России, особенностях ведения бизнеса, изменениях за последние годы (например, в связи с пандемией, современными геополитическими проблемами). Приведем здесь несколько нарративов, показывающих существование многопоколенного китайского бизнеса уже укоренившихся на Дальнем Востоке семей.

Семейственность – то важное свойство, благодаря которому китайский бизнес носит «цепной» характер, что обеспечивает его устойчивость и диаспоральность. Типичный пример – первые мигранты, еще в 1990-е гг. занявшие прилавки на оптовом рынке, торгуя овощами и фруктами, приглашают родственников, которые сначала помогают поддерживать предприятие, а затем отделяются и открывают собственное дело. Второй сценарий – вновь приехавшие родственники начинают отвечать за уже налаженный бизнес, который расширяется, его первые владельцы уходят на новый уровень/место, передавая эстафету соотечественникам. И тот и другой сценарии укрепляют диаспоральность, так как основаны на семейно-родственных связях. Так, в Хабаровске большинство занимающихся изготовлением ключей и ремонтом обуви – выходцы из городка Учан.

Один из наших респондентов Л. живет в Хабаровске уже больше 15 лет, его отец приехал сюда еще в 1990-е гг. Л. женат на китайке, имеет дочь, которая родилась в России и ходит в местную школу. Несмотря на то что их семейный бизнес в сфере ремонта не выдержал испытания пандемией, так как был полностью ориентирован на китайских рабочих, семья осталась в России. Л. после пандемии стал работником китайской компании, инвестирующей в строительство газопроводов на Дальнем Востоке, приобрел жилье. В итоге мы видим крепко укорененную семью в трех поколениях. У них не получилось наладить свой бизнес, однако множество других примеров в нашем наблюдении показывают, что его наличие способствует расширению семьи и укреплению диаспоральности за счет вовлечения разных поколений в одно предприятие.

Таких примеров много. Один из типичных – семья Я., отсчитывающая историю своей миграции с 1990-х гг., когда родители Я. приехали в Хабаровск по рекомендации одного дальнего родственника, арендовали точку на рынке (сейчас рынок «Многорядов») и начали бизнес. Потом к ним присоединился Я., далее – его младший брат с женой, затем жена Я. и ее младшая сестра. Теперь каждый из них с семьями и детьми, включая двоюродного брата Я. и его семью, живут и работают в Хабаровске, подавая пример крепкого диаспорального клана, успешно конкурирующего с другими этническими группами на этом рынке.

Для самих китайцев семейный фактор очень важен как в повседневной жизни, так и в поддержке бизнеса. Семейные ценности, идущие от конфуцианских традиций уважения старших и приоритета расширенной семьи, также очень важны и для мигрантов. Для них, как и для китайцев вообще, очень важна помощь старшего поколения – бабушек и дедушек – в уходе за внуками. Общепринятым является мнение, что в то время как молодое поколение должно усердно работать, старшие (особенно свекровь) помогают им с детьми.

«Мама моего мужа (свекровь) обязана ухаживать за своим внуком, потому что, когда она будет старая, ведь мне и ее сыну надо будет ухаживать за ней, а сейчас пусть она помогает мне. К тому же моя задача – это родить для их семьи сына, а вырастить – это уже не моя обязанность. Я еще молодая, мне нужно работать, зарабатывать и копить деньги для будущего, откладывать деньги на сад, школу, институт, свадьбу и т. д. своему сыну, и может и своему внуку». (Я., женщина, 25 лет, оптовая торговля овощами).

Поэтому часто бывает так, что когда мигрантки собираются в России рожать детей, то приезжают их свекрови/матери помогать первое время. Дальше два варианта: либо они остаются сидеть с внуками в России до двух – трех лет, т. е. до садика, либо забирают внуков и обратно возвращаются в Китай. В случае с нашей респонденткой Ч., которая родила сына в Хабаровске, сначала приехала на три месяца ее свекровь, а потом родители, сама же Ч. сразу вышла на работу. Во время пандемии она с семьей оказалась в Китае, так как не успела вернуться в Хабаровск после Нового года и рассказывала нам о том, что хочет вернуться.

Истории абсолютно всех из 35 наших респондентов – интересные и яркие примеры того, как семейная поддержка помогла им в миграции, а истории как минимум семи из них – это ветвистые семейные деревья, показывающие как эти связи переплетены с разными сферами бизнеса и как они работают на укрепление межпоколенных традиций, тем самым способствуя внутренней консолидации диаспоры.

Библиографический список

- Дятлов В. И. Диаспора: попытка определиться в термине и понятии // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8–23. URL: <http://www.archipelag.ru/text/132.htm> (дата обращения: 05.05.2024).
- Киреев А. А. Диаспоризация китайских мигрантов на территории российского Дальнего Востока // Известия Восточного института. 2011. С. 80–90.
- Константинов Г. Д., Ляшковский В. Н. Китайская диаспора в Хабаровске 1858–1938. Хабаровск : Приамур. ведомости, 2019. 368 с.
- Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М. : Вост. кн., 2009. 512 с.
- Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33–42.

УДК 327

Луань Вэй

Забайкальский государственный университет, Чита

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК ВНУТРЕННИЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Рассмотрена концепция культурной «мягкой силы» в Китае. Исследования, проводимые в китайских академических кругах, основаны на национальных условиях и подчеркивают китайские особенности. Обоснование особенностей «мягкой силы» основано на теоретической системе, которая включает «восемь пар категорий» и «шестнадцать проблемных областей» с точки зрения стратегического позиционирования.

Ключевые слова: «мягкая сила», культурная безопасность, культурная уверенность, культурная инновация.

Luan Wei

Transbaikalian State University, Chita

SOFT POWER AS AN INTERNAL MECHANISM FOR THE FORMATION OF CULTURAL SECURITY

Abstract. Studies of "cultural soft power" in Chinese academia are based on China's national context and emphasize Chinese characteristics. Since soft power is a strategy, the rationale for soft power in research is based on a theoretical framework that includes "eight pairs of categories" and "sixteen problem areas" in terms of strategic positioning.

Keywords: soft power, cultural security, cultural confidence, cultural innovation.

Чжан Гоцзо отмечает, что в отчете 17-го Национального конгресса КПК Китая было указано, что «культурная мягкая сила является важным компонентом всеобъемлющей национальной силы» [Чжан Гоцзо, 2023]. Он делает акцент на то, что китайская партия, в документы которой впервые была включена концепция «мягкой силы», и правительство, как правило, используют данный термин с добавлением слова «культура». По его мнению, это можно расценивать как призыв к инновациям в исследовании теории «мягкой силы» в Китае.

Гоцзо отмечает, что с академической точки зрения, предложение американского исследователя Джозефа Ная определения концепции

«мягкой силы», несомненно, является ценным. Оно ярко суммирует «мягкую» общность влияний таких категорий, как мысль, культура, дух, эмоции, система, право слова и национальный имидж. Но «мягкая сила» не только повышает роль мнений, культуры и политики, но и отражается в их способности на реализацию, о чем Джозеф Най не говорит.

Чжан Гоцзо пишет, что Джозеф Най воспринимает культуру только как один из источников «мягкой силы», с чем Гоцзо не согласен. Он говорит о культуре, которая должна пронизывать каждое звено и элемент «мягкой силы», конкретизируя, что понимание нами статуса и роли культуры в ней недостаточно глубоко. Поэтому в последующем он напишет, что культурная «мягкая сила» Китая в основном проистекает из китайского национального духа и духа времени.

В своем обосновании культурной «мягкой силы» Чжан Гоцзо отмечает, что, когда концепция «мягкой силы» распространилась в Китае, ученые изучали и интерпретировали ее на основе национальной культуры и получили теоретические результаты с китайской спецификой. Обобщая исследования культурной «мягкой силы» в академических кругах, Чжан Гоцзо отмечает, что были сформированы позиции о теоретических инновациях культурной «мягкой силы».

Это пять пар категорий, из которых мы выделяем четвертую – отношения между древней традиционной и современной культурной «мягкой силой»; взаимосвязь между основными социалистическими ценностями и взаимосвязь между общими человеческими ценностями и пятую – взаимосвязь между разнообразным и единым руководством культурной «мягкой силы», как отражение идеи о «мягкой силе» – внутреннем механизме культурной безопасности.

Китайскими учеными была определена функция культурной «мягкой силы», которая состоит в том, чтобы влиять на сердца людей, формировать концепции и руководить ценностной ориентацией ненасильственным путем, что по смыслу соответствует культурной безопасности. Это и дает основание рассматривать «мягкую силу» как внутренний механизм культурной безопасности, т. е. как движущую силу.

Традиционно идеи безопасности, в том числе и культурной, тем более те, которые появляются в Китае, продолжают быть областью научных интересов.

Нил Ренвик и Цин Цао отмечают, что поиск Китаем расширенного потенциала «мягкой силы» привлек международное внимание. В то время как одни утверждают, что у Китая есть потребность в «мягкой силе», другие пришли к выводу, что стремление Китая к «мягкой силе» более успешно, чем у некоторых других государств [Neil Renwick, Qing Cao, 2008]. По их мнению, концепция культурной безопасности имеет дискурсивный потенциал в попытках Китая развивать «мягкую силу» [Там же].

Дискурс о культурной безопасности сделал ее новым и важным компонентом национальной безопасности современного Китая, само ее понятие стало дискуссионным (как и соотношение культурной и национальной безопасности).

Ян Сюй по этому поводу пишет, что по сравнению с другими элементами безопасности культурная является более глубокой. Поэтому западные державы всегда рассматривали культуру как важный инструмент для поддержания своей национальной безопасности и становления культурной гегемонии [Ян Сюй. Укрепление национальной ...].

Положение о культурной безопасности в трудах китайских ученых сформировано на основе исторического опыта и заботы о будущем. Как замечает [Чжан Фугуй], самая сильная культура – это самая безопасная культура, которая достигается посредством практической логики культурного доверия, открытости, инноваций и развития. Поэтому безопасность – это не только защита нынешнего статуса и ценности местной культуры, но и вера в будущий потенциал и определение выбора направления ее развития.

Ян Сюй характеризует культурную безопасность как состояние, при котором духовная культура страны и основные системы социальной жизни, языковых символов, традиции знаний, религиозные верования и другие основанные на ней элементы защищены от эрозии, разрушения и подрывной деятельности [Ян Сюй. Укрепление национальной ...].

В историческом процессе репрезентация Китая как культурной системы очень сильна. Китайская культура сплочена, консервативна и исключительна.

Необходимо иметь позитивное и всестороннее понимание терминов «культурная безопасность» и «культурная мягкая сила», которые были сформированы, чтобы лучше реагировать на вызовы и возможности культурных конфликтов.

Так как сущность культурной «мягкой силы» заключается во влиянии системы ценностей на мир и степени глобального признания, то смысл ее как внутреннего механизма культурной безопасности заключается не только в продвижении традиций, но и в интеграции традиционной, современной и человеческой культуры.

С теоретической точки зрения оценка культуры и безопасности должны иметь разные шкалы ценностей. Культура как вид духовной деятельности или как ее практическая форма не может измеряться такими социальными оценочными стандартами, как стабильность и безопасность. А безопасность как социальная форма заключается в том, чтобы создать надежную систему для поддержания разумного порядка. Если безопасность направлена на поиск угрозы, то культура – на сохранение наследия. Совпадение начинается в тот момент, когда люди игнорируют

ценностные ориентации, заменяют или подменяют другой ценностную шкалу. Это неизбежно ведет к ослаблению общества.

Основой социальных изменений является изменение людей и идей. Когда ценностная теория длительное время несовместима со всеми практическими моделями поведения, возникает необходимость изменить ее [Чжан Фугуй]. По сути, пишет Чжан Фугуй, культурные потери – это дислокация и конфликт между неизменными ценностями и меняющимися культурными практиками. При изменении ценностей неизбежно изменится и сущностная оценка объекта. По сравнению с «упорядоченностью» идеологии и культуры до реформ и открытости, сегодняшний «беспорядок» показывает, что пространство культурного выбора людей расширилось [Там же].

В настоящее время китайское общество находится в ситуации конфликта и интеграции множества культур: современной и традиционной, иностранной и местной, городской и сельской, элитной и массовой, официальной и народной и др. [Там же]. В этих столкновениях играют роль такие факторы, как история, интересы, концепции и системы. Они часто усиливаются, уменьшаются и трансформируют друг друга, тем самым усугубляя сложность конфликтов и делая их более долгосрочными.

Цели культурной безопасности в данной ситуации – это строительство и равновесие. Культурное строительство – это признание различий культур. Речь идет о толерантности, принятии многообразия, из этого вытекает понятие культурного равновесия. Для достижения этих целей лучшим способом является «мягкая сила», которая выражается через культурную идентичность и интеграцию.

Проблема культурной безопасности понимается не только как внешняя угроза (иностранного культурного вторжения), но и как внутренняя. Это объясняется тем, что культурная безопасность – это сохранение национальных культурных особенностей и человеческого культурного разнообразия. Для ее поддержания необходимы культурные инновации и открытость, основанная на доверии.

И как замечает Чжан Фугуй, стратегия культурной безопасности, которой не хватает открытости и инноваций, может быть лишь негативной стратегией культурного консерватизма [Там же]. Упор на защиту культуры при одновременном страхе говорить о ее открытости и переменах является проявлением отсутствия доверия. Следовательно, если говорить о том, что «мягкая сила» не является внутренним механизмом культурной безопасности, обеспечивающей ее рефлекссию, не будет и культурной открытости.

Культурная открытость и толерантность – это не беззащитность, а проявление доверия. Чтобы занять сильную позицию, культура должна развиваться, а для этого она должна быть открытой.

Чжан Фугуй говорит о проблеме инноваций, которые представляют собой позитивную концепцию культурного развития и основную силу для реализации и обеспечения культурной безопасности. Инновации (как мысль воплощенная), о которых в данном случае можно говорить как о «мягкой силе», рассматриваются в качестве механизма культурной безопасности. Следовательно, необходимо говорить о содействии культурным инновациям, которые являются прежде всего инновациями культурных идей, а не системы управления (существенным значением культурной «мягкой силы» является влияние идей и ценностей). Нация, желающая улучшить свою культурную «мягкую силу» в условиях сегодняшней все более жесткой культурной конкуренции, не сможет сделать этого с медленными инновациями или совсем без них.

По этому поводу Чжан Фугуй пишет, что оценка культурной «мягкой силы» – это не просто количественный показатель ценности культурной продукции, а система ценностей и ее влияния. Следовательно, культурный экспорт без влияния идей и ценностей – это всего лишь разновидность товара. Поэтому можно сказать, что «мягкая сила» как внутренний механизм культурной безопасности – это идея сохранения смысла системы ценностей.

Смысл сказанного раскрывают слова У Юйцзюнь, по мнению которого, нация, у которой нет общего языка, общей исторической памяти и общего стремления к ценностям, т. е. культурной идентичности, потеряет культурную основу, от которой зависит ее существование, и ей будет трудно держаться на своих позициях [У Юйцзюнь].

Так как культура обладает «мягкой силой», то можно сказать, что содержанием культурной «мягкой силы» является не просто традиционная культура, а синтез превосходной традиционной, современной и передовой человеческой культуры страны [Чжан Фугуй]. Следовательно, задача «мягкой силы» как внутреннего механизма формирования (становления, выражения и т. п.) культурной безопасности состоит в том, чтобы человек и общество осознали это единство, так как являются его носителями. У Юйцзюнь и Хань Чжэнь отмечают, что чем больше люди отождествляют себя с культурой своей страны, тем больше они укрепляют ее единство [У Юйцзюнь, Хань Чжэнь].

В широком смысле «мягкую силу» культурной безопасности можно определить как направленность на острое осознание национальной культуры как центрального компонента всеобъемлющей мощи Китая. По мере того как страна превращается из просто большой в могущественную, культурный смысл становится богаче, а сила основных ценностей – сильнее. Этот процесс обеспечивается «мягкой силой» и поддерживается культурной безопасностью. В узком смысле это можно понять, как раз-

витие местной культуры в сильную. Однако это становится возможно при условии инноваций.

Сущность «мягкой силы» культурной безопасности заключается, во-первых, во влиянии системы ценностей на мир и, во-вторых, в степени глобального признания культуры. Поэтому, отмечает Чжан Фугуй, китайская модель будущего развития в итоге должна быть идеологической и культурной [Чжан Фугуй].

Следовательно, если смысл культурной «мягкой силы» заключается не только в продвижении традиций, но и в интеграции традиционной, современной и человеческой культуры, то смысл «мягкой силы» культурной безопасности раскрывается уже в культурной рефлексии, так как мы уже говорили, что и «мягкая сила», и культурная безопасность – это идея. Подтверждение этим словам мы видим у Чжан Фугуй, утверждающего, что необходимо иметь позитивное и всестороннее понимание положений «культурной безопасности» и культурной «мягкой силы», которые сформированы на историческом опыте, что и обеспечивает возможность реагировать на вызовы и возможности культурных конфликтов.

Чжан Фугуй, размышляя о культурной безопасности, говорит и о культурной открытости, основанной на доверии, следовательно, о «мягкой силе» культурной безопасности.

Нет сомнений в том, что настоящая культурная уверенность не является самовыражением, а основана на психологии толерантности и признания. Культурная уверенность является не только подтверждением текущей ценности местной культуры, но также исходит из веры в потенциал будущего развития культуры. Поэтому культурная самоуверенность является проявлением зрелой стратегии культурного развития и имеет глубокий и правильный идеологический подтекст. Культурная уверенность в себе без рациональной и передовой идеологии является всего лишь эмоциональным призывом и политической декларацией. Поэтому стратегия культурной безопасности, которой не хватает открытости и инноваций, может быть только негативной и консервативной.

Таким образом, культурная безопасность Китая – это национальный дух, идеалы и убеждения страны, основная система ценностей, определяющая культурный суверенитет государства, относительно свободного от опасностей внутренних и внешних угроз. Регулятором культурной безопасности, координатором с функцией ценностных ориентиров выступает «мягкая сила», которая в своей сущности (воплощение идеи) пересекается с ней, что явилось основанием для рассмотрения «мягкой силы» как внутреннего механизма культурной безопасности.

В ходе процесса исследования теоретического обоснования культурной безопасности Китая в теориях и концепциях выявлено следующее:

- в западных и российских научных исследованиях становление теории культурной безопасности Китая находится в стадии развития. Хотя

западные авторы и отмечают возросший интерес к проблемам культурной безопасности Китая, сегодня нет принятых научным сообществом теоретических положений, освещающих динамику становления, сущность, направленность, специфичность и особенность культурной безопасности Китая. Определено, что в западных исследованиях преобладает трактовка культурной безопасности в контексте политических интересов. В российской научной школе при исследовании культурной безопасности преобладает культурологический уклон. Но при характеристике культурной безопасности Китая обе позиции сходятся во мнении, что она обусловлена особенностями стратегического мышления страны;

- предыдущий вывод подтверждается результатами анализа теоретических позиций китайских авторов, обосновывающих культурную безопасность как устойчивый, обладающий эффективным реагированием на угрозы и вызовы и устраняющий их механизм, направленный на защиту и сохранение культуры, формирующий практическое мышление, которое противодействует культурной ассимиляции;

- культурная безопасность Китая способна достичь и реализовать свои функции благодаря тому, что является выражением национального духа, а ее стратегия направлена на сохранение культурного наследия; защиту культурных ценностей; культурную независимость и равноправие. Реализация стратегии становится возможной благодаря культурной самодостаточности, культурной «мягкой силы» как инструмента противодействия западному влиянию, как механизма культурного обмена, системы культурной безопасности;

- так как стратегия культурной безопасности совмещается с сущностью культурной «мягкой силы», которая регулирует, направляет, регламентирует действия, то обосновано, что «мягкая сила» выступает внутренним механизмом культурной безопасности, а стратегия культурной безопасности Китая – это культурная «мягкая сила».

Библиографический список

Neil Renwick, Qing Cao. China's Cultural Soft Power: an Emerging National Cultural Security Discourse. *American Journal of Chinese Studies*. 2008. Vol. 15, N 2. P. 69–86. URL: https://www.researchgate.net/publication/303232730_China's_Cultural_Soft_Power_an_Emerging_National_Cultural_Security_Discourse (date of access: 10.11.2022)

Чжан Фугуй. Парадокс культурной безопасности и правильный путь мягкой силы = 张福贵. 文化安全的悖论与软实力的正途. URL: <http://www.nopss.gov.cn/n/2013/0423/c362315-21251623.html> (дата обращения: 14.01.2024) (на кит. яз.)

Чжан Гоцзо. Теоретические инновации китайской культурной мягкой силы – Анализ мысли Джозефа Ная о «мягкой силе» // Китайские социальные науки. 2023. № 5. = 张国祚. 中国文化软实力理论创新 [J] 《中国社会科学》2023 年第 5 期. URL: https://www.cssn.cn/dkzgx/zgxpg_zgshkx/2023nd5q/202306/t20230630_5664393.shtml (дата обращения: 20.02.2024) (на кит. яз.)

У Юйцзюнь. Используйте культурную самобытность, чтобы построить прочный барьер для защиты национальной безопасности = 吴玉军. 以文化认同筑牢维护国家安全的坚实

屏障. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2024/0419/c40531-40219165.html> (дата обращения: 15.01.2024) (на кит. яз.)

У Юйцзюнь, Хань Чжэнь. Укрепить культурное доверие и улучшить национальную культурную мягкую силу = 吴玉军、韩震. 坚定文化自信 提高国家文化软实力. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-07/04/c_1124709449.htm (дата обращения: 24.02.2024) (на кит. яз.)

Ян Сюй. Укрепление национальной культурной «мягкой силы» и культурной безопасности. = 颜旭. 提升国家文化软实力与文化安全. URL: <http://www.rmlt.com.cn/2017/0830/492938.shtml> (дата обращения: 20.09.2023) (на кит. яз.)

УДК 327

В. Ф. Печерица

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

СТРОИТЕЛЬСТВО ЛЕДОКОЛЬНОГО ФЛОТА – ВАЖНОЕ ЗВЕНО В МОДЕРНИЗАЦИИ И РАЗВИТИИ АРКТИЧЕСКИХ МАРШРУТОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Анализируется обостряющаяся конкуренция по строительству ледоколов и других судов для освоения Арктики. Российская Федерация намного опережает США и другие арктические страны в ледокольной гонке. Делается вывод, что в ходе дальнейшего освоения Арктического региона и его морских коммуникаций конкуренция и соперничество арктических и околоарктических государств несомненно будет возрастать. Обобщение опыта и прогностические расчеты показывают, что российское арктическое судоходство, гарантированное хорошей ледокольной проводкой, еще долго будет оставаться на самом высоком уровне.

Ключевые слова: Арктика, Россия, российское арктическое судоходство, Китай, Ледовый Шелковый путь.

V. Pecheritsa

Far Eastern Federal University, Vladivostok
Sociological Institute of FCTAS RAS

CONSTRUCTION OF THE ICEBREAKER FLEET IS AN IMPORTANT LINK IN THE MODERNIZATION AND DEVELOPMENT OF ARCTIC ROUTES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. The article analyzes the intensifying competition in the construction of icebreakers and other vessels for the development of the Arctic. The Russian Federation is far ahead of the United States and other Arctic countries in the icebreaker race. The author comes to the conclusion that in the course of further development of the Arctic region and its sea communications, competition and rivalry between Arctic and near-Arctic states will undoubtedly increase. Analysis of experience and predictive calculations show that Russian Arctic navigation, guaranteed by good icebreaker support, will remain at the highest level for a long time.

Keywords: Arctic, Russia, Russian Arctic shipping, China, Ice Silk Road.

Важнейшая роль в развитии мировой торговли в XXI в. принадлежит морским торговым путям, связывающим главные экономические центры планеты – Азию, Европу и Северную Америку.

До сих пор основным традиционным морским маршрутом является Южный – из Средиземного моря через Суэцкий канал, Индийский океан, Малаккский пролив в быстроразвивающиеся страны Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии (ЮВА и СВА). Огромное значение для мирохозяйственных связей имеет также путь из Европы через Атлантику в США, Канаду, Мексику и другие страны Западного полушария. Однако в последние годы эти морские коммуникации сталкиваются с возрастающими рисками и вызовами: они небезопасны, дороги и протяженны. Существенный их недостаток – наличие узких мест в виде перегруженных Суэцкого и Панамского каналов. Вот почему ведущие мировые торговые державы, в том числе Китай, Индия и др., для которых рентабельность, безопасность и сроки мореплавания выходят на первый план, все больше внимания обращают на новые, прежде всего северные морские, маршруты, имеющие значительные преимущества по сравнению с южными. Речь идет об Арктических маршрутах, в том числе Северном морском пути (СМП), Северо-Западном проходе и перспективном Ледовом Шелковом пути. Обслуживание этих маршрутов, пролегающих в тяжелых климатических и ледовых условиях, требует адекватной для Крайнего Севера инфраструктуры: удобных портов, терминалов, судов и ледоколов. Если навигация на СМП более-менее обеспечивается российскими ледоколами, то для обслуживания Северо-Западного прохода и особенно строящегося Ледового Шелкового пути (ЛШП) необходимо гораздо больше мощных, в первую очередь атомных ледоколов. Ведущий российский эксперт по этим вопросам, главный научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» В. Е. Петровский считает, что для создания иностранным судам привлекательных условий на ЛШП необходимо модернизировать и увеличить состав ледокольного флота, создать подробные и надежные карты и лоции всей акватории северных маршрутов и развернуть широкую сеть метеостанций с параллельным внедрением спутниковых систем мониторинга и климата Арктики [Выступление на конференции ... , 2023].

Монополистом ледокольного флота на Севере является Россия, имеющая самую большую протяженность арктической территории, шельф, проливы острова в Северном Ледовитом океане (СЛО). Сегодня ледокольный флот Российской Федерации насчитывает около 40 ледоколов и десятки судов ледового класса. Ключевыми являются атомные ледоколы, обеспечивающие круглогодичную навигацию по СМП. В действии их около десяти, примерно столько же находится на разных стадиях строительства и спуска.

Многие годы Запад и в первую очередь арктические страны НАТО во главе с США с тревогой и завистью наблюдали, как осуществляется российская программа ледокольного строительства. Они признают, что США отстают от России в этих вопросах на 15 и более лет.

Многие годы строительство ледоколов, в том числе атомных, не было острой необходимостью для США, считают американские эксперты [Conley, Kraut, 2010]. Эта проблема, как и вся арктическая тематика, оставалась как бы на периферии внимания Вашингтона. Однако в условиях усиливающейся активности арктических и околоарктических стран, в первую очередь РФ и КНР, администрация США под давлением Пентагона и ЦРУ постепенно усиливает внимание к освоению Арктики, в том числе к строительству ледоколов. Впервые это нашло отражение в модернизированной «Национальной стратегии для арктического региона», опубликованной 10 мая 2013 г. [White House Website, 2013].

Вопрос о строительстве ледоколов поднимается и в новой дорожной арктической карте Пентагона, разработанной весной 2014 г. Этот документ предусматривал создание в Арктике мощной инфраструктуры, включая строительство глубоководных портов и новых ледокольных мощностей [Печерица, 2021, с. 112]. При этом Пентагон признавал ограниченные возможности плавания в водах СЛО как военных, так и гражданских судов (отсутствие ледоколов, опорных портов, недостаточное финансирование всей арктической инфраструктуры и др.). В ведении Береговой охраны США находилось всего два устаревших ледокола, которые с большим трудом обеспечивали проходку судов. Это свидетельствует о том, что арктическая политика США до 2014 г. была недостаточно конструктивной и неперспективной.

В докладе американского Center for a New American Security (CNAS) с тревогой отмечалось, что «ни одна другая арктическая нация, кроме США, не демонстрирует столь вопиющего пренебрежения к ключевой для дальнейшего сохранения статуса сильной полярной державы проблемы создания дееспособного и современного ледокольного флота» [Wiker, Titley, Rosenberg, 2014].

Вашингтон многие годы был занят решением других глобальных и региональных проблем, в том числе на Ближнем Востоке, в Азии и других районах земного шара. Он считал освоение Арктики непервоочередной задачей, тем более оттуда не исходили угрозы национальной безопасности США. Такая противоречивая и недальновидная американская политика, по мнению экспертов, до поры до времени устраивала Вашингтон. Не являясь полноправным участником Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.) и слабо влияя на работу Арктического Совета, США, с одной стороны, вынуждены были оставаться в арьергарде процессов управления арктическим регионом, а с другой стороны, имели определенные преимущества, так как при форсировании национальной политики в отношении Арктики, они в меньшей степени были ограничены международными обязательствами, пишет российский эксперт П. Н. Гудев [Гудев, 2013, с. 59].

Американцы «проснулись» тогда, когда увидели, как другие арктические державы и даже околоарктические страны (Китай и др.) стали активно осваивать Арктику, развивать арктические маршруты и строить ледоколы.

Чтобы не отстать от этой гонки, Вашингтон в 2015–2021 гг. наметил ряд мероприятий по более активному освоению Арктики, в том числе по строительству нескольких ледоколов. Американские эксперты были тревогу, констатировали, что в забитых тяжелыми льдами Чукотском, Беринговом морях и других водах, омывающих Аляску, затруднена навигация, что требует работы мощных ледоколов и других кораблей ледового класса с укрепленной или двойной обшивкой. Имеющиеся в этих водах маломощные дизельные ледоколы не могут обеспечить навигацию. Самый мощный из них дизельный ледокол «Хили» спущен на воду в 2000 г. [Печерица, 2021, с. 119]. Всего в 2019 г. в Северном Ледовитом океане работало девять дизельных ледоколов США, большая часть которых технически устарела и не приспособлена обеспечивать круглогодичную навигацию [Зеленков, 2019, с. 61–62]. Учитывая это, под давлением Пентагона администрация Вашингтона вынуждена была переходить от общих рассуждений к практическим действиям по строительству ледоколов. К этому его призывали общественность и судоходные компании штата Аляска. «Россия в следующем году завершает программу национальных атомных ледоколов нового поколения, что гарантирует ей наличие нескольких тяжелых ледокольных судов далеко за пределами 2020 г.», — сообщил конгрессменам командовавший Береговой охраной США адмирал Тад Аллен. Он заявил о необходимости для США вкладывать больше средств в строительство новых ледоколов, так как срок эксплуатации имеющихся подходит к концу» [Печерица, 2021, с. 120–121]. Позицию Аллена поддержал конгрессмен-республиканец Дональд Янг, призвавший конгресс «выделить необходимые сотни миллионов долларов для нового арктического флота ради будущего нашей великой страны». Конгрессмен-демократ Рик Ларсен заявил, что США уступили свои позиции другим арктическим государствам: «В арктической гонке участвуют пять государств, и мы занимаем последнее место» [США готовится ... , 2008].

Серьезное отставание от Российской Федерации в развитии ледокольного флота потребовало от Вашингтона принятия срочных мер. Эти вопросы остро обсуждались на слушаниях в обеих палатах конгресса и в правительстве США. Озабоченность по поводу отставания США в ледовой гонке проявили большинство представителей обеих политических партий в конгрессе. Эту позицию поддержала и администрация Д. Трампа.

Летом 2019 г. Вашингтон опубликовал новую Арктическую стратегию, в которой акцент сделан на арктическое соперничество России и Китая. Эти государства в стратегии были обозначены как «основной источник долгосрочных угроз национальной безопасности США и их дальнейшему процветанию».

Эта стратегия ознаменовала начало нового этапа по перевооружению арктического флота в Америке. Упор был сделан на строительство атомных подводных лодок, надводных кораблей, способных плавать в суровых климатических условиях, и ледоколов. Для работы в ледовых условиях строились новые патрульные корабли прибрежных действий класса «Лодженд».

Возвращаясь в ледокольную гонку, Вашингтон соперничает не только с Россией, но и Китаем, который резко активизировал свое участие в разработке ресурсов Арктики, освоении новых арктических маршрутов, но и наращивает свое военное присутствие в регионе [Голубь, 2023]. Китаю нужны не только российские, но и собственные ледоколы. На заседании Арктического Совета в мае 2019 г. госсекретарь США М. Помпео, намекая на Китай, заявил: «Хищные державы делают набеги на этот регион..., хотим ли мы, чтобы СЛО превратился в новое Южно-Китайское море?» [Гутенев, 2019, с. 139]. «Использование КНР в военных целях островов в Южно-Китайском море, – пишет профессор В. Ф. Печерица, – видится многими военными Америки, как репетиция Пекина к вторжению в Арктику» [Печерица, 2021, с. 124].

В июне 2020 г. президент США Д. Трамп поставил задачи к 2029 г. построить в Америке мощный ледокольный флот с развитой портовой инфраструктурой, что позволит США максимально укрепить свои позиции в Арктическом секторе [Memorandum on ... , 2020].

С приходом к руководству США администрации Дж. Байдена антикитайская и антироссийская компания резко усилилась. Пропагандисты из Вашингтона запугивают западного обывателя все возрастающей военной угрозой со стороны России и Китая в Арктике. Они безапелляционно утверждают, что ядерный Северный флот России, действие которого обеспечивают и ультрасовременные ледоколы, которых у России более 20, парализуют арктические маршруты и Арктику, превращая ее в свой полигон [Печерица, 2021, с. 125].

Особенно «достается» СМП, беспрепятственную работу которого круглый год обеспечивают российские атомные ледоколы. Его называют угрозой всему цивилизованному миру. Цинично утверждая, что СМП должен стать международным, США в то же время наращивает свое военное присутствие вдоль этого маршрута. Это нашло закрепление в новой Арктической стратегии Военно-морских сил (ВМС) США (январь 2021 г.) под названием «Голубая Арктика». Градус озабоченности запад-

ных партнеров в вопросе успешного развития СМП демонстрирует, насколько он является выгоден для России и является объектом зависти и претензий со стороны США.

Основные претензии к России и КНР по вопросам милитаризации Арктики выливаются в требования Вашингтона наказать их за стремление овладеть богатствами этого региона, закрепить за собой арктические маршруты. Все это делается под лозунгом свободы мореплавания и навигации в СЛО. Выдавить Россию с арктических маршрутов, считают в Вашингтоне, Америка должна и с помощью мощных ВМС, действие которых обеспечат современные ледоколы. По программе военного строительства США к 2035 г. планируется «построить флот безраздельного океанского господства», что в принципе может создать возможности для нанесения из зоны Заполярья первого «обезоруживающего удара» по стратегическим силам России [Там же, с. 130].

К 2030 г. ВМС США должны получить 355 современных кораблей, а к 2040 г. их численность должна возрасти до 400. Упор сделан не только на строительство атомных подводных лодок, беспилотных кораблей, самолетов, но и ледоколов, в том числе оснащенных современным вооружением [Там же, с. 130]. В начатой в 2021 г. модернизации ВМС США особое внимание уделяют усилению арктической группировки. Нынешнее десятилетие (2021–2030 гг.), считают в Вашингтоне, определит баланс сил в Северном Ледовитом океане. Особое место в этом балансе отводится современным ледоколам и кораблям ледового класса.

Администрация Дж. Байдена продолжает политику Д. Трампа, ориентированную на строительство новых подводных атомных лодок, ледоколов и кораблей арктического класса. В 2021–2023 гг. резко выросли расходы Пентагона на эти цели, а также на создание постоянных баз для них [Печерица, 2021, с. 130]. В качестве главных баз США рассматривают Аляску и Гренландию, а в перспективе – остров Врангеля, если удастся отвоевать его у России.

Следовательно, США в последние годы возвращаются в арктическую гонку, в том числе реализуют новую программу строительства ледоколов и других судов ледового класса. Очередное противостояние Вашингтона и Москвы вновь подтверждают: две великие ядерные державы считают друг друга главными конкурентами в вопросе об освоении Арктики, полярных торговых путей, а также в развитии атомного ледокольного флота.

Несмотря на отставание в строительстве ледоколов, американское издание *Politico* заявило в конце декабря 2023 г., что США сумеют переломить ситуацию и через 10–15 лет выйдут в лидеры. Таким образом, гонка в строительстве ледоколов продолжается, она захватывает других участников и прежде всего Китай.

Осваивая Арктику и ее морские маршруты, Китай не хочет отставать от ведущих арктических государств и в этом вопросе. Он разрабатывает и успешно реализует программу строительства собственных ледоколов и их покупки за рубежом, в том числе в Финляндии, Республике Корея и в России. Известно, что программы закрытые и информация о них скудная. Китай надеется на техническую помощь Российской Федерации. Стороны обсуждают некоторые вопросы и совместные программы, так или иначе связанные со строительством ледоколов и судов ледового класса и их эксплуатации. В 2019 г. было подписано соглашение между «НОВАТЭК», China COSCO SHIPPING Corporation Limited, «Совкомфлот» и Фондом Шелкового пути о создании транспортного предприятия «Морской арктический транспорт», деятельность которого будет направлена на создание танкеров ледового класса и обеспечение безопасной круглогодичной транспортировки СПГ с предприятий «НОВАТЭК» по сжижению природного газа в Арктике [Пряхин, 2023]. Естественно, программа строительства китайского ледокольного флота рассчитана, прежде всего, на обслуживание Ледового Шелкового пути. Вкладывая большие инвестиции в строительство ледоколов, Китай фактически создает сегодня современный арктический флот [Морозов, Клименко, 2015, с. 42]. Кроме ледоколов, в КНР строятся десятки крупных танкеров и контейнеров ледового класса. Уже в декабре 2018 г. китайская судоходная компания Guangzhou Shipyard International Company LTD (GSI) спустила на воду танкер для перевозки конденсата дедевейтом 44,5 тыс. т, который рассчитан на работу при температуре до -50°C и самостоятельное плавание во льдах толщиной до 1,8 м. Судно, построенное по проекту Aker Arc-212, имеет класс Arc7 и предназначено для проекта «Ямал СПГ». Оно обеспечивает круглогодичную транспортировку газового конденсата по Северному морскому пути. Корабль предназначен для движения вперед по открытой воде и тонкому льду, но с разворотом на 360° и движением назад. Кроме того, два азимутальных подруливающих устройства позволяют кораблю ломать лед с помощью специальных лопастей, сохраняя навигационную скорость более 12 узлов. Этот танкер (длина – 214 м, ширина – 35 м, ледовая осадка – 12 м, название – «Борис Соколов») стал третьим судном, построенным GSI для проекта по производству СПГ на Ямале. Кроме этого, компания GSI предоставила проекту два рабочих корабля, которые могут совершать зимнюю швартовку в порту Сабетта [Xu, 2018].

А пока китайские перевозки в основном обслуживаются российскими ледоколами. С их помощью уже к 2022 г. по СМП прошло около 15 % китайского внешнеторгового грузопотока, в основном в виде контейнерных перевозок. Освобождение арктического региона ото льда придает импульс судоходству КНР по пути в Европу. При этом Пекин акцентирует свое внимание на самом сложном участке этого пути – восточном, где

обновляются порты Чукотки, Камчатки и Сахалина. Для этих же целей Пекин арендует у КНДР два порта – Чонгкинг и Райан.

Будучи великой торговой державой, Китай все больше ориентируется на северные морские маршруты, которые имеют существенные преимущества. КНР не только активно сотрудничает с Россией в развитии СМП, но и пытается построить, как мы уже отмечали, более мощный собственный «Ледяной Шелковый путь». Успешная эксплуатация этих северных маршрутов в тяжелых климатических и ледовых условиях требует мощных ледоколов. Пекин уже не удовлетворяет аренда российских ледоколов на проводке своих транспортов и круизных судов. Это дорого, неэффективно и ущемляет национальные интересы страны, считают в КНР. Сегодня нужна целая линейка собственных китайских и не только дизельных, но и атомных ледоколов, а также других судов ледового класса. Необходимость их строительства заявлена в «Белой книге арктической политики Китая» (2018 г.) и успешно начато. Этим актом Китай продемонстрировал всему миру, что он активно включился в арктическую гонку и соперничество мировых лидеров России и США по строительству современных ледоколов.

Как и США, Китай не готов пока конкурировать с Российской Федерацией в строительстве ледоколов, тем более атомных. Но времена меняются и уже сделаны первые шаги.

Помимо строительства собственных судов, правительство России, несмотря на западные санкции, продолжает заказывать их в других странах: в Республике Корея, Сингапуре, Социалистической Республике Вьетнам, Индии, Турции и в Китае. По сообщениям британских СМИ, 9 декабря 2022 г. российская государственная компания «Совкомфлот» тайком закупила за рубежом 100 нефтеналивных танкеров для экспорта нефти в обход ограничений. Благодаря этой покупке Россия удвоила свой танкерный флот, что позволяет ей успешно конкурировать на мировом рынке нефтепродуктов.

Итак, в обостряющейся конкуренции по строительству ледоколов и других судов для освоения Арктики, Россия продолжает оставаться лидером. Она намного опережает США и другие арктические страны в ледокольной гонке. В последние годы в эту гонку пытается включиться и Китай, для которого освоение арктических маршрутов, особенно Ледового Шелкового пути, является стратегическим приоритетом.

В ходе дальнейшего освоения Арктического региона и его морских коммуникаций конкуренция и соперничество арктических и околоарктических государств несомненно будет возрастать. Успех той или иной державы в этом процессе во многом будет зависеть от наличия у нее мощных транспортных ресурсов, торговых судов различного класса и, конечно, обеспечивающих их проход в тяжелых заполярных условиях

ледоколов. Анализ опыта и прогностические расчеты показывают, что российское арктическое судовождение, гарантированное хорошей ледокольной проводкой, еще долго будет оставаться на самом высоком уровне.

Библиографический список

Выступление на конференции: В центре внимания экспертов России и Китая по Арктике – вопросы стратегического сотрудничества // Санкт-Петербургский государственный университет. 2023. 13 июня. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/v-centre-vnimaniya-ekspertov-rossii-i-kitaya-po-arktike-voprosy> (дата обращения: 02.02.2024).

Голубь Ю. Полярный шелковый путь. Китай занялся Арктикой // REGNUM.RU. 2023. 26 февр. URL: <https://regnum.ru/article/3782844> (дата обращения: 29.01.2024).

Гудев П. Приоритеты США в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 9. С. 49–60. DOI: 10.20542/0131-2227-2013-9-49-60

Гутенев М. Ю. Арктика во внешней политике США // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 2 (49). С. 133–143. DOI 10.24866/1998-6785/2019-2/133-143

Зеленков М. Состояние и перспективы развития ледоколов в США // Znanstvena Misel Journal. 2019. № 35. С. 61–62.

Морозов Ю. В., Клименко А. Ф. Китай и другие государства СВА в «Арктической гонке» // Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Т. 20, вып. 20. М., 2015. С. 173–191.

Печерица В. Ф. Открывающаяся Арктика в мировой политике и международных отношениях. Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2021. 338 с. : ил.

Пряхин В. Россия и Китай в Арктике // Российский совет по международным делам (РСМД). 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/vpryahin/rossiya-i-kitay-v-arktike/> (дата обращения: 02.02.2024).

США готовится к войне за Арктику // Дни.ру. 2008. 17 июля. URL: <http://dni.ru/polit/2008/7/17/145832.html> (дата обращения: 25.05.2024).

Wiker A., Titley D., Rosenberg E. Arctic 2015 and Beyond. A Strategy for U.S. Leadership in the High North // Center for a New American Security. Dec. 2014. URL: <https://www.enas.org/publications/reports/arctic.2015-and-beyond-a-strategy-for-u-s-leadership-in-the-high-north> (date of access: 17.05.2021).

Conley H. C., Kraut J. U. S. Strategic Interests in the Arctic. Wachington CSIS. Apr. 2010. National Strategy for the Arctic Region // White House: Website. 2013. May 10.11 p. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (date of access: 25.05.2024).

Memorandum on Securing the National Interests of the United States in the Arctic and Antarctic. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/memorandum-safeguarding-u-s-national-interests-arctic-antarctic-regions/> (date of access: 25.05.2024).

Xu Hailin. Guangzhou firm builds world's first ice class condensate oil tanker // Global Times. 2018. 5 Dec. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201812/1130534.html> (date of access: 14.05.2024).

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ РЕГИОНАЛЬНОГО К ГЛОБАЛЬНОМУ: «МЕССИАНСКАЯ» РОЛЬ КИТАЯ

Аннотация. Рассмотрен теоретический и практический опыт Китайской Народной Республики с момента прихода к власти Си Цзиньпина. Анализируются внешнеполитические шаги КНР к новым моделям, в том числе попытка выстроить «новый идеальный мировой порядок», который к настоящему моменту собран из нескольких концепций, в основном озвученных в выступлениях руководства на съездах КПК и на таких мероприятиях, как форум в Боао. Показана преемственность и связь концепций Си Цзиньпина с опытом предыдущих поколений руководителей.

Ключевые слова: КНР, внешняя политика, международные отношения, концепция, теория, сообщество единой судьбы человечества.

E. Savkovich

Tomsk State University, Tomsk

THE CHALLENGE OF TRANSITION FROM REGIONAL TO GLOBAL: THE MESSIANIC ROLE OF CHINA

Abstract. The purpose of this article is to review the theoretical and practical experience of the People's Republic of China since Xi Jinping came to power. Consistently analyzed are the PRC's foreign policy steps towards new models, including the attempt to build a "new ideal world order", which by now has been assembled from several concepts, mainly voiced in the speeches of the leadership at the CPC Congresses and such venues as the Boao Forum. The continuity and connection of Xi Jinping's concepts with the experience of previous generations of leaders is shown.

Keywords: PRC, foreign policy, international relations, concept, theory, Community of Common Destiny.

Долгое время внешнеполитические концепции Китая были связаны с приходом к власти определенного поколения руководителей, которые озвучивали собственные инициативы. Так, у Дэн Сяопина ключевой стала концепция мира и развития (*хэтин юй фачжэнь*), у Цзян Цзэминя – концепция трех представительств (*саньгэ дайбяо*), которая во многом была внутривнутриполитической), Ху Цзиньтао попробовал принять концепцию мирного возвышения Китая (*хэтин цзюэци*), однако она была практически сразу же негативно воспринята в мире и в итоге была заменена на концепцию гармоничного мира (*хэсе шицзе*), которая была сразу и внутривнутри- и внешнеполитической. Си Цзиньпин, представляющий пятое поколение руководителей, выступил сразу с несколькими внешнеполитическими инициативами, часть из которых была адресована всему миру.

Первым и очевидным изменением во внешней политике начиная с 2000-х гг. оказалось расширение участия в деятельности разнообразных региональных объединений в Восточной Азии, включая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Восточноазиатский саммит (ВАС), АСЕАН+3, АСЕАН+6, Азиатско-Тихоокеанское экономическое

сотрудничество (АТЭС), модели трехстороннего диалога (КНР – Республика Корея – Япония), Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и ряд других. При этом ценность участия могла меняться на протяжении десятилетий, а сами объединения во многом были ситуативны и отражали существующие на данный конкретный момент задачи государств-участников. Так, часть подобного рода механизмов прекратила существование (трехсторонний диалог, Транстихоокеанское партнерство), другие находятся в перманентном кризисе (АТЭС). Сохранение и поддержание на высоком уровне контактов других механизмов также во многом «завязано» на Китае (ВРЭП, АСЕАН+3, АСЕАН+6, ВАС, выходящие за рамки Восточной Азии БРИКС, G-20, Шанхайская организация сотрудничества и т. д.). Также расширение участия стало отражением практики условного «открытого регионализма» Китая в отличие от «закрытых» форматов (Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD), и трехсторонний пакт AUKUS). В этом плане Китай последователен и ведет себя как «ответственная большая держава» [李慧明, 2008], об этом говорит и Си Цзиньпин, выступая на различных площадках [习近平外交思想 ..., 2021].

Собственно, уже после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) Китай становится значительно сильнее с точки зрения внешнеэкономической деятельности и претендует на роль регионального лидера.

Приход к власти в КНР Си Цзиньпина знаменует собой переход к концептуально новым внешнеполитическим императивам. В частности, задача китайских властей состояла в расширении участия в глобальном управлении, а также в смене вектора и переходе от идеи регионального к глобальному лидерству. Частично Китай на этом этапе устраивало использование элементов глобализации, а также существующие механизмы, в том числе доминирование доллара в международных платежах и золотовалютных резервах различных стран. При этом предлагалось и форматирование существующих моделей, в том числе международных организаций. В этой связи в КНР начинает обсуждаться даже реформа Организации Объединенных Наций [Freeman, 2023], а представители Китая попадают во многие структуры ООН, где занимают важные посты. Основной задачей КНР становится повышение роли во внешней политике, соизмеримое с ее ролью в мировой торговле. Для этого были предложены различные модели, названные в Китае инициативами. Собственно, инициативами они и являлись, предлагая различным государствам обсуждение конкретных шагов и механизмов. По умолчанию КНР не была в курсе ключевых проблем государств, а предложения включали инфраструктурную и финансовую составляющие. Так, в 2013 г. появляется инициатива «Один пояс, один путь» (или «Пояс и путь»), отражавшая

именно эту логику. Китай как бы приглашал к сотрудничеству, выбрав модель, отличную от западной, но при этом не отказываясь от конкуренции. Частично ее можно описать как модель вовлечения через расширение участия в проектах, которые, с одной стороны, предлагала китайская сторона, с другой – оставляла простор для участия других государств. В данном случае Китай выходит за условные границы Восточной Азии (например, в проекте Азиатского банка инфраструктурных инвестиций принимает участие 106 государств [Members and Prospective ... , 2023]), соединяя транспортными транзитными коридорами различные регионы мира, поддерживая процессы глобализации, даже когда очевидным становится ее кризис.

С онтологической точки зрения данная инициатива была недостаточной, поэтому появляются новые:

- концепция сообщества единой судьбы человечества (*жэньлэй минъюнь гунтунти*), первоначально озвученная еще Ху Цзиньтао в 2007 г. и дополненная Си Цзиньпином в 2012 г. [坚持推动构 ... , 2023];
- инициатива глобального развития (*цюаньцю фачжэнь чанъи*) появляется в сентябре 2021 г. [习近平出席第七十六届 ... , 2021];
- инициатива глобальной безопасности (*цюаньцю аньцюань чанъи*), озвученная председателем КНР Си Цзиньпином и уже отражающая кризисную ситуацию на Украине и соответствующий кризис международных отношений в Европе, появляется в апреле 2022 г. [全球安全倡议 ... , 2023];
- инициатива глобальной цивилизации появляется в марте 2023 г. [全球文明倡议 ... , 2023].

Собственно, набор инициатив показывает глобальные задачи Китая и его новую «мессианскую» роль в мире. Несмотря на то что представленные выступления адресованы всем государствам мира, ранние документы преимущественно обращаются к нескольким ключевым акторам современного мира, в том числе к США, и выглядят попыткой поиска обоснования для создания нового мирового порядка как диалога и поиска единства (отсюда – единая судьба человечества). И если до 2012–2013 гг. у КНР были возможности создания некоторого механизма взаимодействия с США (Экономический и стратегический диалог, Чимерика), то после этого периода большинство инициатив Китая адресованы скорее не Соединенным Штатам, а Глобальному Югу. Как отмечают некоторые зарубежные авторы, эволюция китайских внешнеполитических инициатив – от национальных к региональным и до глобальных [Глобальная инициатива ... , 2024] – отражает текущее состояние и задачи китайской нации – стать и поддерживать статус «великой державы».

Библиографический список

Глобальная инициатива КНР в области безопасности расходится с действиями // FORUM. Indo-Pacific Defence. 2024. URL: <https://ipdefenseforum.com/ru/2024/03/глобальная-инициатива-кнр-в-области-б/> (дата обращения: 09.05.2024).

Freeman C., Tsering L. As China Looks to Reform Global Governance, How Does It Approach the U.N.? // United States Institute of Peace. 2023. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/09/china-looks-reform-global-governance-how-does-it-approach-un> (date of access: 08.05.2024).

Members and Prospective Members of the Bank // ABII. 2023. URL: <https://www.aiib.org/en/index.html> (date of access: 08.05.2024).

李慧明. 冷战后中国构建负责任大国身份的背景分析// 内蒙古大学学报. 社会科学版. 2008. 10 册. N 3. P. 64–67.

习近平外交思想为新时代中国特色大国外交举旗定向 // 中华人民共和国外交部, 29.12.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjbxw_673019/202112/t20211229_10476768.shtml (date of access: 08.05.2024).

坚持推动构建人类命运共同体. 习近平外交思想研究中心// 共产党员网, 03.04.2023. URL: <https://www.12371.cn/2023/04/03/ART11680515779155322.shtml> (date of access: 08.05.2024).

习近平出席第七十六届联合国大会一般性辩论并发表重要讲话 // 中华人民共和国外交部, 22.09.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202109/t20210922_9584018.shtml (date of access: 08.05.2024).

全球安全倡议概念文件（全文）// 中华人民共和国中央人民政府, 21.02.2023. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-02/21/content_5742481.htm (date of access: 08.05.2024).

全球文明倡议//. 习近平外交思想和新时代中国外交, 15.03.2023. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2023-08/04/content_97741364.shtml (date of access: 08.05.2024).

УДК 504.064.36:574

Л. П. Сеитова

НИЦ «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана»
при Ташкентском государственном экономическом университете, Ташкент

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Аннотация. Рассматривается региональный социально-экологический мониторинг как инструмент социально-экономического развития регионов. Анализируются теоретические основы и методологические подходы к региональному социально-экологическому мониторингу, а также его роль в обеспечении устойчивого развития регионов. Особое внимание уделяется вопросам разработки и реализации системы регионального социально-экологического мониторинга, а также его информационному обеспечению. Представлены практические примеры использования регионального социально-экологического мониторинга для решения задач социально-экономического развития регионов.

Ключевые слова: региональный социально-экологический мониторинг, устойчивое развитие регионов, социально-экономическое развитие, информационное обеспечение, система мониторинга, практическое применение.

**REGIONAL SOCIO-ECOLOGICAL MONITORING AS A TOOL
FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS**

Abstract. This paper examines regional socio-ecological monitoring as a tool for the socio-economic development of regions. The author analyzes the theoretical foundations and methodological approaches to regional socio-ecological monitoring, as well as its role in ensuring sustainable development of regions. Particular attention is paid to the development and implementation of a system of regional socio-ecological monitoring, as well as its information support. The work also presents practical examples of the use of regional socio-ecological monitoring to solve problems of socio-economic development of regions.

Keywords: regional socio-ecological monitoring, sustainable development of regions, socio-economic development, information support; monitoring system, practical application.

Географическими особенностями Республики Узбекистан являются отсутствие морского выхода, общая площадь 448 978 км², расположение в Центральной Азии, границы с Казахстаном, Туркменистаном, Афганистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном [Обзор ... , 2023, с. 3]. Узбекистан является самой населенной страной в Центральной Азии. Так, в 2022 г. население составило 36 млн человек. Согласно данным отчета, подготовленного в рамках совместной инициативы Программы развития ООН (ПРООН), Французского агентства развития (ФАР) и Министерства экономики и финансов Республики Узбекистан, «ВВП Узбекистана выросло на 7,4 % в 2021 году, после сокращения роста до 1,9 процента в 2020 году. Узбекистан входит в число 30 стран по количеству полезных ископаемых, включая природный газ, золото, медь, уран и уголь» [Там же]. Отмечается, что «с учетом того, что стоимость полезных ископаемых на душу населения составляет 5045 долларов США (оценка 2018 года), полезные ископаемые Узбекистана находятся на втором месте после Казахстана в регионе Центральной Азии, а также существенно выше среднего значения для стран с уровнем доходов ниже среднего» [Там же, с. 3].

По данным приведенного исследования, изменение климата имеет решающее значение для будущего развития Узбекистана. Именно эта экологическая проблема угрожает природным ресурсам страны, сельскому хозяйству, продуктивности земель и воды, а также увеличивает риски стихийных бедствий. В краткосрочной перспективе экономические издержки, связанные с физическими последствиями изменения климата, оцениваются в 1 % ВВП к 2030 г., при этом наибольшее воздействие будет оказываться на сельское хозяйство. Затем последуют потеря водных ресурсов и биоразнообразия, снижение производительности и усиление суровых погодных условий [Там же, с. 3].

На сегодняшний день очевидно, что необходимо отслеживать экологическую обстановку в конкретном регионе. В качестве одного из методов получения информации такого рода используется экологический

мониторинг. «Объектом регионального социально-экологического мониторинга является региональная социозкосистема, включающая в качестве основополагающих элементов экосистему и сферу общественных отношений, призванную обеспечивать динамическое равновесие взаимодействий между ними» [Куравин, 2009, с. 12].

А. Л. Куравин предлагает рассматривать «систему регионального социально-экологического мониторинга как совокупность обученного персонала и специализированных видов обеспечения, создаваемую на региональном уровне в интересах периодического объективного изучения отражения экологических проблем на жизнедеятельности социальных общностей и влияния социальных процессов в данных общностях на возникновение и разрешение экологических проблем» [Там же, с. 12].

Можно сделать вывод, что социально-экологический мониторинг является важным элементом управления социально-экологической средой региона, поскольку его направленность на выявление экологических факторов риска и очагов социальной напряженности, препятствующих поддержанию высокого уровня социально-экологической безопасности, является необходимым и важнейшим условием для нормальной жизнедеятельности людей, проживающих в этом регионе [Там же, с. 9]. Именно такой контроль нивелирует экологические проблемы в регионах.

Уникальная модель регионального социально-экологического мониторинга в управлении социально-экологической средой региона была разработана А. Л. Куравиным [Там же, с. 17], который считает важным:

- мониторинг социально-экологической ситуации – определение текущего состояния, анализ и прогноз дальнейшего развития социально-экологической ситуации в регионе и подготовку рекомендаций по ее улучшению;
- мониторинг общественного мнения – оценку состояния и динамики общественного мнения населения региона о социально-экологической ситуации и экологических проблемах;
- мониторинг социально-экологической напряженности – анализ социальной напряженности и фактов проявления социально-экологических конфликтов, подготовку рекомендаций по их урегулированию;
- мониторинг экологической грамотности – анализ состояния регионального экологического образования и просвещения, подготовку рекомендаций по их совершенствованию и пропаганде экологических знаний;
- мониторинг экологической культуры – определение уровня экологической культуры местного сообщества и подготовку предложений по активизации экологических инициатив;
- мониторинг институтов регулирования социально-экологической ситуации – анализ деятельности институтов, участвующих в управлении социально-экологической средой региона, и разработку практических рекомендаций по ее совершенствованию [Там же, с. 17].

Преимущества такой модели состоят в корреляции жизни социума и природопользования, привлечении населения к ситуации с окружающей средой. Общественное мнение рассматривается основной формой исследования через отражение оценки экологических проблем в общественном сознании. Цель подобного контроля – своевременное принятие действенных решений.

Исследуя экологические проблемы, выделим общерегиональные проблемы, которые мы наблюдаем на территории Узбекистана, и специфические региональные проблемы, характерные для определенного региона в соответствии с типом.

В ресурсных регионах Узбекистана с преобладающей долей промышленного производства, где расположены такие предприятия, как Амалыкский горно-металлургический комбинат, АО «Максам-Чирчик», АО «Ферганаазот», АО «Навоиазот», Навойский горно-металлургический комбинат, Джизакский завод пластмассовых труб и др., имеются рискованные экологические проблемы. Объясняется сложившаяся ситуация влиянием экономического фактора, наблюдается чрезмерная эксплуатация природных ресурсов, нерациональное природопользование, ведущее к ухудшению экологической обстановки и снижению показателей здоровья населения.

По мнению А. М. Волкова, «решение перечисленных проблем невозможно без формирования гибкой системы управления экологической сферой на региональном и местном уровнях власти, препятствующей усилению сложившихся неблагоприятных эколого-экономических трендов возникновению новых» [Волков, Лютягина, 2016]. С этим нельзя не согласиться. Без регулирования и контроля на государственном уровне сложно добиться выравнивания экологической ситуации.

Что касается факторов, провоцирующих потенциальное усугубление экологических проблем в регионе с учетом уровня социально-экономического развития и его дальнейших перспектив, исследователи выделяют следующие:

- местные неблагоприятные природно-климатические условия;
- широкий набор привлекательных для размещения в регионе экологически значимых производственных объектов, характеризующихся крупными и даже уникальными производственными мощностями;
- сложность решения проблем борьбы с загрязнением окружающей среды производственных мощностей промышленных объектов и необходимости создания для них систем очистки;
- предполагаемая высокая территориальная концентрация производства в отдельных ареалах с соответствующим ростом антропогенной нагрузки на окружающую среду [Бурматова, 2021, с. 258].

В Узбекистане к таким регионам можно отнести Кашкадарьинскую область, в которой находятся Кунградский содовый завод и Uzbekistan GTL.

Как справедливо отмечает О. П. Бурматова, анализируя Нижнее Приангарье, «экологические вызовы и угрозы во многом складываются из-за отсутствия комплексного подхода к прогнозированию формирования пространственной структуры экономики региона с учетом эколого-экономических взаимодействий, недостаточной проработки стратегических аспектов развития региональной экономики, слабой государственной экологической политики, не ориентированной на стимулирование природоохранной деятельности и внедрение новых ресурсосберегающих и экологически безопасных технологий, отсутствия увязки инвестиционных и финансовых приоритетов с экологическими интересами и других причин» [Там же, с. 259].

Регионы, богатые минеральными ресурсами и лесами, должны уделять приоритетное внимание экологическим ограничениям в использовании этих ресурсов [Lavrikova, Malysh, 2014, с. 122].

Таким образом, необходимо учитывать конкретные региональные условия: для промышленных регионов с высоким уровнем строительства оптимальным вариантом является внедрение инновационных разработок в сфере очистительных сооружений, направленных на сохранение окружающей среды. Это актуально для нефтехимии, производства нефтепродуктов, тяжелого машиностроения.

Библиографический список

Бурматова О. П. Экологические вызовы в регионе: анализ, пути предотвращения рисков и снижения угроз // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 1. С. 249–261.

Волков А. М., Лютягина Е. А. Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды : учебник и практикум для акад. бакалавриата. М. : Юрайт, 2016. 325 с.

Куравин А. Л. Социально-экологический мониторинг в управлении социоприродной средой региона (на материалах Белгородской области) : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08. Белгород, 2009. 218 с.

Обзор климатических расходов и институциональная оценка в области изменения климата: Узбекистан. URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/202401/cpeir_uzbekistan_2023_rus.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

Lavrikova Yu. G., Malysh E. V. The green economy in cluster development // Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravleniye. 2014. Vol. 3. P. 120–133.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД БАНКОВ РАЗВИТИЯ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Анализируется деятельность трех банков развития. Рассмотрены актуальные стратегии Азиатского, Межамериканского и Нового банков развития с целью определения основных векторов их работы, направленной на устойчивое развитие в регионе.

Ключевые слова: банк развития, стратегия, регион, АТР, устойчивое развитие.

E. Skribchenko

Irkutsk State University, Irkutsk

STRATEGIC APPROACH OF DEVELOPMENT BANKS TO ENSURE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ASIA-PACIFIC COUNTRIES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the activities of three development banks. The current strategies of the Asian, Inter-American and New Development Banks are considered in order to identify the main vectors of their work aimed at sustainable development in the region.

Keywords: regional development bank, strategy, region, Asia-Pacific region, sustainable development.

Региональные банки развития – это многосторонние учреждения, которые предоставляют финансовую и техническую помощь в целях развития странам с низким и средним уровнем дохода в пределах своих регионов, а также способствуют устойчивому развитию, которое находится сегодня в фокусе внимания по обе стороны Тихого океана [Кузнецова, 2020; Кремнёв, 2020]. Финансирование заключается в выдаче займов и грантов под низкие проценты для целого ряда таких секторов развития, как здравоохранение и образование, инфраструктура, государственное управление, развитие финансового и частного секторов, сельское хозяйство, а также охрана окружающей среды и управление природными ресурсами [Ottenhoff, 2011, p. 15].

Региональные банки развития способствуют взаимному росту стран-участниц и преодолению негативных последствий финансовых кризисов. Помимо этого, их деятельность основывается на четко направленной работе – они дополняют интеграцию правительства в экономическую и социальную сферы, поддерживают внешнеторговые связи.

Для эффективной и целенаправленной работы региональные банки развития проводят комплексный анализ своей деятельности, всевозможных актуальных данных в социальной и экономической сферах и, в связи с этим, составляют стратегии, определяющие курс их работы на определенный срок.

В данной статье репрезентируется деятельность Азиатского банка развития, Межамериканского банка развития и Нового банка развития на основе анализа стратегий этих организаций.

Азиатский банк развития

Азиатский банк развития (АБР), созданный в 1966 г., является многосторонним региональным банком развития и включает в себя 67 государств, 48 из которых входят в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), и 19 стран, не являющихся региональными участниками, но входящими в ООН или ее специальные учреждения. Как и другие банки развития, АБР ставит своей целью содействие экономическому и социальному развитию стран-членов АТР, путем финансирования малого и среднего бизнеса, инфраструктуры, развития человеческого капитала, а также поддержки реформ в области управления и экономического развития. Банк активно участвует в проектах по развитию сельского хозяйства, здравоохранения, образования, транспорта и энергетики. Помимо этого, АБР сотрудничает с другими международными организациями, такими как Всемирный банк, Международный валютный фонд, Европейский банк реконструкции и развития, и участвует в совместных проектах [Creutz, 2023, p. 341].

Для осуществления своей миссии, которая состоит в оказании помощи развивающимся странам-членам в снижении уровня бедности, улучшении условий и качества жизни населения, Азиатский банк развития использует такой метод стратегического управления, как управление по результатам. Он основан на стратегическом планировании, определении целевых показателей для оценки эффективности деятельности, установлении ответственности за отсутствие необходимых результатов, оценке результативности деятельности и дальнейшем использовании полученной информации в целях разработки стратегии дальнейшего развития и рационального использования ресурсов. Для успешной интеграции данного метода специалисты каждые три года разрабатывают *План действий управления по результатам*. Данный документ состоит из конкретных целей, задач и показателей, в соответствии с которыми осуществляется оценка его реализации. В дальнейшем, исходя из полученных данных, составляется план на последующие три года [Азиатский ... , 2012].

В рамках стратегического подхода, деятельность АБР осуществляется в соответствии с «долгосрочной стратегией Азиатского банка развития». Данный документ создается каждые десять лет после проведения ряда консультаций со всеми странами-участниками и пересмотра предыдущей версии документа. На данный момент актуальным документом является Стратегия 2030, определяющая курс деятельности АБР в ответ на меняющиеся потребности региона.

Как и в большинстве подобных организаций, главной целью деятельности АБР стоит искоренение нищеты в регионе, в связи с чем ставятся задачи экономического и социального характера, а именно: поддержка качественного экономического роста и создание рабочих мест, в особенности для уязвимых слоев населения; повышение качества образо-

вания и обучения; обеспечение социальной защиты нуждающихся. В своей нынешней стратегии АБР отмечает, что продолжит уделять особое внимание беднейшим и наиболее уязвимым странам региона.

Из числа прочих приоритетных задач в первую очередь выделяется ускорение прогресса в обеспечении гендерного равенства путем продвижения экономических прав и возможностей женщин; укрепления гендерного равенства в принятии решений и лидерства; сокращения дефицита времени у женщин; укрепления устойчивости женщин к внешним потрясениям.

Помимо этого, отмечается важность повышения удобства городов для проживания путем привлечения новых и увеличения существующих источников финансирования; повышения качества инклюзивного городского планирования; повышения устойчивости к изменению климата и управления рисками стихийных бедствий.

Также считается важным уделять внимание содействию развития сельского хозяйства и обеспечению продовольственной безопасности путем улучшения рыночных связей и производственно-сбытовых сельскохозяйственных цепочек; повышению производительности сельского хозяйства и укреплению продовольственной безопасности.

Кроме того, в Стратегии отмечается необходимость совершенствования систем государственного управления и повышения институционального потенциала путем поддержки реформ государственного управления и вклада Азиатского банка развития в обеспечение финансовой стабильности в странах региона; улучшения качества оказания государственных услуг; укрепления потенциала и совершенствования стандартов.

Содействие региональному сотрудничеству и интеграции путем расширения коммуникационных возможностей и усиления конкурентоспособности; развития региональных общественных благ; укрепления сотрудничества в финансовом секторе; укрепления субрегиональных инициатив также отмечается в Стратегии как одна из нынешних приоритетных задач [Strategy ... , 2018, p. 8–9].

Помимо проблем внутри региона, Азиатский банк развития отмечает в своей Стратегии необходимость выполнения глобальных обязательств и укрепление устойчивого развития с помощью проектов в социальных сферах и инфраструктуре. Организация считает важным расширять свою деятельность в образовании, здравоохранении и социальной защите, а также отмечает, что именно инфраструктура играет жизненно важную роль в экономическом росте и социальном развитии, поэтому проектам в этой области необходимо уделять значительное внимание. Здесь же стоит отметить стремление АБР к противодействию последствиям изменения климата, подготовленности к ним, а также управлению рисками стихийных бедствий и укреплению устойчивости окружающей среды [Там же, p. 12].

Для отслеживания Стратегии, контроля за ее осуществлением и оценки функционирует корпоративная система анализа результатов, данный способ позволяет определить уровень достижения главных целей, планировать дальнейшую эффективную деятельность и принимать решения, основанные на полученной информации. Процесс мониторинга и оценки ежегодно проводится Департаментом независимой оценки. Сотрудники департамента не привлечены непосредственно к осуществлению работы АБР, что позволяет судить об объективности оценки. Результаты освещаются в Отчете об эффективности развития, что также способствует составлению Стратегии на последующие десять лет, так как в нем отражаются сильные и слабые стороны текущей деятельности, из чего представляется возможным сделать вывод, развитию каких сфер деятельности в дальнейшем следует уделить большее внимание.

Таким образом, АБР играет большую роль в устранении разрыва в связности Азиатско-Тихоокеанского региона, хотя и не способен самостоятельно или даже совместно с другими региональными банками развития в полной мере удовлетворить огромные потребности. Это соответствует его мандату, который заключается в содействии экономическому росту и сотрудничеству в регионе. Выполняя свой мандат, банк способствует привлечению инвестиций из частных и государственных источников для содействия развитию путем определения приоритетности проектов, способствующих гармоничному экономическому росту региона, принимая во внимание существующие особые потребности. Согласно информации, размещенной на сайте банка, он «стремится к достижению процветания, инклюзивности, устойчивости и стабильности Азиатско-Тихоокеанского региона, одновременно поддерживая усилия по искоренению крайней бедности». Другие явные приоритеты банка касаются координации планов развития, а также работы над улучшением пользования ресурсами, в дополнение к продвижению торговли, особенно в Азии [Who We ... , 2022].

Межамериканский банк развития

Межамериканский банк развития (МБР), созданный в 1959 г., имеет в своем составе 48 государств-участников, среди которых в том числе и такие нерегиональные страны, как Израиль, Япония и страны Европы. Первоначально целью создания данной организации было содействие экономическому и социальному развитию стран Латинской Америки и Карибского бассейна, в процессе развития организации и формулирования стратегических принципов были поставлены три основные задачи развития, подразумевающие социальную интеграцию и равенство, производительность и инновации, экономическую интеграцию [Lessambo, 2015].

Основными инструментами МБР в финансовом секторе ранее являлись льготные кредиты с низкими процентными ставками и длительными сроками возврата, в настоящее время организация снабжает государственный и частный сектора, национальные и местные органы власти и организации гражданского общества стран-участниц финансовыми и техническими ресурсами. Таким образом, сейчас основными инструментами являются крупные кредиты, выдаваемые на реформирование сектора, мелкие займы микропредприятиям, выдача грантов и др.

В социальной сфере особое внимание уделялось мероприятиям, направленным на повышение продуктивной занятости, а также МБР усиленно занимался реализацией проектов развития сельских районов. В настоящий момент проблема бедности в регионе стоит на первом месте, в связи с чем банк находится в постоянном поиске новых средств для решения данного вопроса. Создаются новые инструменты для повышения качества и объема кредитования бедных слоев населения: фонды социальных инвестиций, способствующие быстрому направлению ресурсов в обедневшие сообщества; системы социальной защиты, помогающие бедным слоям населения региона во время экономического спада или стихийных бедствий и др. В совокупности все силы обеспечивают основу для устойчивого регионального развития, постоянного сокращения бедности и направлены в основном на бедные и небольшие государства [The path ... , 1998].

Как уже было сказано, основными задачами МБР являются социальное и экономическое развитие, а именно искоренение бедности и стремление к устойчивому развитию в регионе. Помимо этого, в Стратегии выделяются так называемые области стратегического внимания и стратегические вопросы, являющиеся актуальными в нынешнем документе, составленном на 2020–2023 гг.

В связи с активным развитием технологий области стратегического внимания затрагивают вопрос продвижения инноваций и технологий. Данный пункт Стратегии выделяет следующие шаги, способствующие эффективной реализации деятельности в данной области:

- ускорение и увеличение инвестиций в отрасль цифровых технологий;
- содействие применению современных технологий и инноваций во всех секторах деятельности, где это необходимо;
- разработка и внедрение инструментов, способствующих развитию инноваций;
- поддержка стран в создании, переквалификации и повышении квалификации первоклассных специалистов;
- оказание помощи странам в поддержке перехода от обучения к работе и от работы к обучению;

- содействие распространению цифровых технологий в государственном и частном секторах.

Исходя из этого, становится понятно, что МБР серьезно настроен развивать отрасль технологий и инноваций, активно задействуя человеческий капитал, что в свою очередь имеет благоприятное воздействие на социальную составляющую, в том числе в виде появления новых рабочих мест и повышения качества уровня жизни населения.

В качестве еще одной области стратегического внимания выделяется увеличение мобилизации ресурсов. Мобилизация в данном случае определяется как процесс, посредством которого Межамериканский банк развития привлекает партнеров и привлекает финансовые и нефинансовые ресурсы для поддержки проектов развития в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Достижение целей устойчивого развития требует мобилизации большого объема инвестиций всех видов, а именно государственных, частных, национальных и глобальных как в капитал, так и в потенциал, поскольку ресурсы, необходимые для преодоления бедности, защиты окружающей среды и улучшения жизни в регионе, намного превышают текущие финансовые потоки. Данный процесс также отражен в Стратегии в виде перечня действий, которые необходимо осуществить в рамках ее деятельности. Среди них выделяется усиление мобилизации средств от традиционных и нетрадиционных партнеров, что подразумевает расширение партнерства с двусторонними и многосторонними финансовыми организациями, корпоративными и институциональными частными инвесторами, благотворительными фондами. В то же время МБР также предоставляет аналогичным частным и государственным донорам и инвесторам свой опыт, инфраструктуру, услуги и системы для содействия мобилизации ресурсов для финансирования целей устойчивого развития в странах Латинской Америки и Карибского бассейна.

Помимо этого, отмечается необходимость в содействии мобилизации внутренних ресурсов, что подразумевает расширение масштабов своей работы для помощи странам в максимальном использовании своих ресурсов, посредством предоставления консультации по вопросам в данной области, а также необходимость в стимулировании частного финансирования [Resource ...].

Таким образом, работая над объединением основного капитала, частного и государственного финансирования, Межамериканский банк развития сможет возглавить новое поколение усилий по мобилизации средств для поддержки Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и целей стран в рамках Парижского соглашения.

Помимо вышеперечисленных направлений деятельности организации, несомненно, стоит отметить и сквозные вопросы, решение которых не менее важно для успешного развития региона. Как отмечается в Стра-

тегии, МБР добился больших успехов в решении данных задач, однако они все еще препятствуют развитию региона. Среди них выделяется продвижение гендерного равенства, разнообразия и инклюзивности.

В вопросе гендерного равенства в Стратегии отмечаются три приоритетные области, в рамках которых должна осуществляться работа: операции и мероприятия по поддержке и формированию политики, которая активно содействует равенству полов, расширению прав и возможностей женщин и экономическому росту; инновационные подходы к снижению уровня насилия в отношении женщин и предоставлению качественных услуг пострадавшим; содействие развитию женского лидерства как в государственном, так и в частном секторах.

Особое внимание уделяется решению проблемы изменения климата и экологической устойчивости. В рамках данного вопроса делается акцент на повышении потенциала для управления рисками стихийных бедствий и климатическими рисками, использовании возможностей для повышения устойчивости к климатическим изменениям и адаптации к ним, разработке долгосрочных путей декарбонизации и обеспечении справедливого и инклюзивного перехода к низкому уровню выбросов парниковых газов и устойчивому к климатическим изменениям развитию. Помимо этого, организация продолжает оказывать поддержку развитию устойчивых городов в регионе, что позволяет повысить качество и устойчивость городских услуг, укрепить безопасность граждан, защитить окружающую среду, улучшить управление природными ресурсами, а также смягчить последствия изменения климата и адаптироваться к ним.

Кроме того, считается важным укреплять институциональный потенциал и верховенство закона. В рамках данного вопроса решаются такие задачи, как: усиление поддержки международных стандартов и обязательств в области прозрачности, честности, борьбы с коррупцией и управления; обеспечение открытого правительства и прозрачности с использованием технологий; интеграция прозрачности и честности в деятельность, улучшение взаимодополняемости государственного и частного секторов; усиление внутренней координации [Second ... , 2020, p. 30].

Выполняя всю вышеперечисленную деятельность в области регионального развития, Стратегия руководствуется шестью принципами, на которых основывается работа МБР: оперативность; многосекторальность; эффективность и результативность; рычаги и партнерство; знания и инновации, а также стратегическая согласованность [Там же, p. 16]. Совокупность всех факторов способствует эффективной работе организации.

Здесь следует упомянуть «Систему оценки эффективности в области развития», которая способствует формированию стандартов и показателей для оценки эффективности деятельности банка, помимо этого, благодаря ей у сотрудников банка складывается комплексное понимание стан-

дартов деятельности, а также она способствует составлению дальнейшего плана действий для успешного достижения показателей, установленных в системе результатов [Ruiz, 2013].

Подводя итоги анализа деятельности Межамериканского банка развития, можно сделать вывод, что благодаря стратегическому подходу организации удастся эффективно координировать свою работу в соответствии с вызовами современности и проблемами, которые особенно актуальны для региона. С помощью множества инструментов и комплексной оценки эффективности МБР удастся выстраивать необходимую стратегию, в соответствии с которой в странах региона постепенно решаются важные задачи и создаются условия для устойчивого регионального развития.

Новый банк развития

Новый банк развития (НБР), созданный в 2014 г., на данный момент включает 8 стран-участниц: пять стран, входящих в БРИКС, образовавших данную организацию, которые являются основными акционерами и имеют равные доли в капитале банка (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), а также Бангладеш, Объединенные Арабские Эмираты и Египет. Данная организация была создана в связи с тем, что страны БРИКС изъявили желание способствовать устойчивому развитию в рамках возможностей стран-участниц без влияния и ресурсов западных стран и организаций [Suchodolski, Demeulemeester, 2018, p. 579].

Функции Нового банка развития включают финансирование проектов в таких областях, как энергетика, транспорт, связь, инфраструктура, сельское хозяйство и др. Банк также осуществляет поддержку и сотрудничество между странами-участниками, предоставляет экспертную помощь и техническое консультирование. Как и в других банках развития, рассмотренных нами ранее, основными целями НБР являются укрепление экономического сотрудничества между участниками и другими развивающимися странами, а также содействие международной финансовой стабильности и устойчивому развитию. Банк осуществляет свою деятельность на основе принципов открытости, справедливости и равноправия между своими акционерами.

Новый банк развития, стремясь к достижению своих целей и максимального вклада в общественное благо, прибегает к стратегическому подходу, основанному на компетентности, инновациях и непрерывном улучшении [New development ... , 2022, p. 7].

Первым и важным пунктом стратегического подхода НБР является принцип компетентности. Банк выстраивает свою стратегию на базе экспертизы и глубокого знания финансового сектора, сосредотачиваясь на высоком уровне профессионализма своих сотрудников. Команда банка осознает важность компетентности и индивидуальных навыков в достижении стратегических целей, поэтому регулярно инвестирует в развитие

сотрудников, обеспечивая им обучение и возможности для самосовершенствования.

Вторым ключевым элементом стратегического подхода НБР является инновационная составляющая. Новый банк развития постоянно ищет свежие идеи и подходы, чтобы эффективно решать вызовы, стоящие перед организацией и всем сообществом. Банк активно следит за инновационными технологиями и методиками, которые могут помочь улучшить качество работы организации в деятельности, направленной на устойчивое региональное развитие.

Еще одно направление стратегического подхода НБР, которое мы считаем важным отметить, – постоянное улучшение. Организация стремится к перманентному росту и совершенствованию во всех сферах деятельности путем активного взаимодействия со странами-участницами, анализа экономических тенденций и обновления стратегии, что позволяет ей эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям и выстраивать дальнейший курс деятельности [Daldegan, Borba, 2023, p. 10].

На данный момент действующим документом является Новая Общая Стратегия Нового банка развития на период 2022–2026 гг. Согласно данной Стратегии, основные направления, на которые будет сделан упор в деятельности НБР в указанный период, следующие: экологическая составляющая, развитие транспортной, цифровой и социальной инфраструктур, водоснабжение и санитария [New development ... , 2022].

В области экологии организация нацелена поддерживать проекты, предусматривающие сохранение и восстановление ключевых экосистем, содействующие более эффективному управлению природными ресурсами, способствующие предотвращению и снижению загрязнения окружающей среды, а также проекты, нацеленные на снижение негативного воздействия социально-экономической деятельности на окружающую среду. Помимо этого, упоминается необходимость развития альтернативных источников энергии, которые также необходимы для сохранения окружающей среды.

Что касается деятельности в рамках развития инфраструктур, ключевым фактором является транспортная инфраструктура. В Стратегии делается акцент на необходимости расширения внутригородских и внутрирайонных транспортных сетей, а также инфраструктуры, способствующей развитию региональных связей и облегчающей перемещение людей, товаров и услуг, такой как дороги, порты и аэропорты. Банк также намерен уделять приоритетное внимание проектам в области разумного транспорта и логистики, в которых используются технологии, позволяющие повысить эффективность и сократить выбросы парниковых газов.

Пункт, затрагивающий социальную инфраструктуру, подразумевает поддержку строительства школ, больниц, повышение доступности жилья и прочие аспекты социального развития, способствующие улучшению

качества и уровня жизни населения в регионе. Здесь же следует отметить цифровую инфраструктуру, инвестирование в которую будет способствовать увеличению доступности технологий недостаточно обслуживаемым районам и в целом развитию данной области, что, несомненно, важно в современных реалиях.

Немало внимания уделяется водоснабжению и санитарии, в рамках данной задачи НБР планирует поддерживать проекты, способствующие всеобщему доступу к чистой питьевой воде и поддержанию надлежащих санитарных условий. Помимо этого, предполагается, что проекты в данной области будут способствовать справедливому и устойчивому управлению водными ресурсами и снижению уязвимости и подверженности бедствиям, связанным с водой, особенно тем, которые вызваны изменениями климата – засухи и наводнения [Там же].

В целях эффективного стратегического планирования НБР отмечает признание и извлечение уроков из опыта Банка неотъемлемой его частью. Банк подвел итоги опыта, полученного в ходе первого стратегического цикла (2017–2021 гг.), и определил ряд инициатив и шагов, которые будут реализованы в ходе второго цикла (2022–2026 гг.). Работая в сотрудничестве со странами-членами, банк будет периодически проводить специальные встречи с заинтересованными сторонами, консультации с руководством, чтобы выявить возможности, определить конкретные потребности стран-членов и приоритетность действий. Все это также необходимо для того, чтобы в долгосрочной перспективе направить НБР в нужную стратегическую нишу и русло в соответствии с его мандатом.

Таким образом, Новый банк развития стал важным игроком в мировой финансовой системе и активно способствует развитию и сотрудничеству стран БРИКС и других развивающихся государств. Его деятельность направлена на поддержку инфраструктурных проектов и содействие экономическому прогрессу, способствуя устойчивому развитию и повышению качества жизни в различных регионах мира.

Подводя итог, мы приходим к выводу, что Азиатский и Межамериканский банки развития, ввиду давности их деятельности и весомому составу стран-членов, имеют наиболее комплексные стратегии, нацеленные на решение множества всесторонних проблем внутри региона. Что касается деятельности Нового банка развития, в ходе анализа становится понятно, что он имеет большой потенциал, однако для его развития требуется время.

Библиографический список

Азиатский банк развития: опыт стратегического управления. URL: <https://вэб.пф/common/upload/files/veb/analytics/strman/sm201202adb.pdf?ysclid=lpd7f20oi205789869> (дата обращения: 20.12.2023).

Кремнёв Е. В. Региональные исследования в Японии. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 181 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Кузнецова О. В., Карачева Н. С. Основные этапы формирования и становления Международной ассоциации региональной науки // Теория и практика регионоведения : тр. II Междунар. науч.-практ. регионвед. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 44–51.

Creutz K. Multilateral development banks as agents of connectivity: the Asian development bank (ADB) and the Asian infrastructure investment bank (AIIB) // East Asia: an international quarterly. 2023. Vol. 40. P. 335–356.

Daldegan W., Borba V. The development concept in BRICS: an analysis of projects financed by the NDB // International organisations research journal. 2023. Vol. 18, N 4. P. 7–33.

Lessambo F. I. International financial institutions and their challenges. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2015. 261 p.

New development bank general strategy for 2022–2026. Institutional document. 2022. 36 p.

Ottenhoff J. Regional development banks // CGD Brief: The ABCs of the IFIs. 2011. P. 15–18. Resource mobilization. URL: <https://www.idbinvest.org/en/solutions/resource-mobilization>. (date of access: 23.12.2023).

Ruiz N. The Development effectiveness overview // The development effectiveness framework and the development effectiveness overview. 2013. 78 p.

Second update to the institutional strategy // Institutional document. 2020. 50 p.

Strategy 2030: achieving a prosperous, inclusive, resilient, and sustainable Asia and the Pacific // Institutional document. 2018. 46 p.

Suchodolski S. G., Demeulemeester J. M. The BRICS coming of age and the new development bank // Global Policy. 2018. Vol. 9, N 4. P. 578–585.

The path out of poverty: The Inter-American development bank's approach to reducing poverty // Institutional document. 1998. 48 p.

Who We Are. URL: <https://www.adb.org/who-we-are> (date of access: 23.12.2023).

УДК 008+130.2

Чэнь Хунли

Забайкальский государственный университет, Чита

ТЕНДЕНЦИЯ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ДИНАМИКИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В XXI В. В КИТАЕ

Аннотация. В XXI в. человеческая цивилизация оказалась на беспрецедентном перепутье, столкнувшись с двойной путаницей экономического и экологического кризиса. Страны Запада, Россия и Китай пытаются найти способ справиться с этим. На первый взгляд, эти проблемы вызваны нерациональным экономическим развитием и несбалансированным распределением ресурсов, но на самом деле, на более глубоком уровне они являются культурной проблемой. В модернизационных процессах разные страны и регионы сталкиваются с разными проблемами и препятствиями из-за различий в географии, истории, культуре и т. д. Поэтому углубленное размышление о взаимосвязи между ними стало предметом исследования.

Ключевые слова: модернизация, традиционная культурная идентичность, тенденции, взаимное влияние.

THE TREND OF MUTUAL INFLUENCE OF MODERNIZATION PROCESSES AND THE
DYNAMICS OF TRADITIONAL CULTURAL IDENTITY IN THE XXI CENTURY IN CHINA

Abstract. In the 21st century, human civilization finds itself at an unprecedented crossroads, facing the double confusion of economic crisis and environmental crisis, and Western countries, Russia and China are trying to find a way to cope with this. At first glance, these problems are caused by unsustainable economic development and unbalanced distribution of resources, but in fact, at a deeper level, they are a cultural problem. In the process of modernization, different countries and regions face different challenges and obstacles due to differences in geography, history, culture, etc.

Keywords: modernization, traditional cultural identity, trends, mutual influence.

Причина, по которой традиционная культура признана большинством людей, заключается в том, что она прошла испытание историей и является наследием материальной и духовной цивилизации, накопленным страной опытом в многолетней социальной практике. С точки зрения исторического происхождения развития китайской культуры, доциньский период является началом китайской культуры, который известен как эпоха «ста школ мысли», конфуцианства, даосизма, легизма, моистизма и других школ мыслителей и философов. Конфуций, Лао-цзы, Мэн-цзы, Мо-цзы, Чжуан-цзы, создав ряд школ мысли и философских систем, выдвинули понятия *доброжелательность любит других* (仁者爱人), *добро к другим* (与人为善), *даосизм и природа* (道法自然), *самосовершенствование* (自强不息) и др., ставшие важной частью китайской традиционной культуры. Одной из важнейших характеристик эволюции древней китайской цивилизации является непрерывность цивилизационного развития [陈来, 2013, с. 58–19].

Немецкий философ К. Ясперс разделил историю человеческой культуры на четыре эпохи: доисторическую, древнюю эпоху высокой культуры, осевую и научно-техническую. Особое внимание он уделяет анализу осевой эпохи, в которой параллельно происходили кардинальные идеологические и культурные изменения в разных регионах. По его теории, Китай – это достигшая высоты человеческая цивилизация, которая равнозначна западной и индийской, что дает нам новую перспективу для понимания истории мировой цивилизации.

Когда человеческое общество вступило в современную эпоху, модернизация стала направлением эволюции цивилизаций во всех странах мира. Это был период встречи китайской традиционной культуры и модернизации, поэтому традиционная культурная идентичность находилась в серьезном кризисе. Это повлекло за собой в научных исследованиях обращение к таким явлениям, как критика, отрицание, оставление, наследование и продвижение по службе, ставшим модификаторами, заставляющими людей смотреть на традиционную культуру. Цянь Му по этому поводу писал, что «если вся традиционная культура будет ниспровергнута, у

простого народа больше не будет чувства общего уважения и доверия к прошлым традициям своей страны» [钱穆, 2001, с. 168]. На протяжении более 100 лет взаимосвязь между модернизацией и традиционной культурной идентичностью была важным вопросом, на который обращали внимание китайские философы. Его суть состояла в необходимости объяснения: вступает ли китайская традиционная культура (например, конфуцианство, даосизм и т. д.) в противоречие с современностью, или она является препятствием, или она является духовной движущей силой модернизации Китая?

Модернизация – это сложное и многомерное понятие, понимание которого различно при разных национальных условиях. Американский ученый К. Е. Блейк определяет модернизацию как «динамическую форму длительного процесса реформ, обусловленного взрывным ростом знаний в последние столетия» [С·Е·布萊克, 1988, с. 11]. Некоторые ученые считают, что путь развития цивилизации, сформировавшейся еще в Древнем мире, свойственен для всех народов, поэтому он становится основой современной мировой цивилизационной концепции. В то же время западная и китайская цивилизации имеют разные исторические процессы и разные модернизационные концепции, сформированные на этой основе. Поэтому китайская цивилизация в полной мере демонстрирует историческую неизбежность для понимания концепций цивилизационного развития и модернизации [刘文明, 2023, с. 18–19]. В любом случае реальность доминирования современной цивилизации определяет, что независимо от того, в каком состоянии сейчас находится развивающаяся страна, она будет двигаться в сторону модернизации.

В модернизационных процессах важнейшей целью развития традиционной культурной идентичности является сочетание наследования и инноваций. Ло Жунцзюй, анализируя данный процесс, отметил основные позиции, которые должны характеризовать процесс взаимообусловленности модернизации и культурной идентичности. Он утверждает, что в мире нет такой модернизации, которая разорвала бы все связи с традицией. Поэтому вопрос о культурной идентичности не может быть равнозначным, тождественным культурным проблемам, модернизация – это не вестернизация, а сохранение традиций – это не антимодернизация. Ло Жунцзюй приходит к выводу, что только нация, уважающая свои великие традиции, может завоевать истинное уважение других народов мира. Только продолжая модернизацию прекрасных традиций нашего народа, мы можем внести свой вклад в модернизацию мировой цивилизации [罗荣渠, 1989, с. 7–9].

Каждая культура является наследственной (традиционной) и инновационной. Традиционная культура обеспечивает духовную поддержку для разрешения противоречий и проблем, возникающих в процессе модерни-

зации. В то же время научно-технический прогресс также создает реальные условия для модернизации традиционной культуры. Объективно это подтверждает выявление взаимозависимости и взаимообусловленности модернизационных процессов и динамики традиционной культурной идентичности.

С глобальной точки зрения, модернизация с китайской спецификой охватывает огромное население, насчитывающее более 1,4 млрд человек, и содержит в себе ценностную ориентацию на всеобщее процветание для всех людей. Дун Дэфу и Ци Пэйцюань писали, что «в модернизационных процессах мы должны опираться на плодородную почву китайской прекрасной традиционной культуры, культивировать мораль, этику, историческую мудрость и духовную силу, содержащиеся в традиционной культуре Китая» [董德福, 齐培全, 2022, с. 59–60], поэтому необходимо использовать ее в качестве глубокой основы для различных начинаний модернизации с китайской спецификой.

В 2017 г. на национальном уровне были опубликованы «Мнения о реализации проекта по наследованию и развитию китайской прекрасной традиционной культуры», в которых всесторонне развернуто наследие и развитие китайской традиционной культуры, а также уточнена цель: «К 2025 г. система наследования и развития китайской прекрасной традиционной культуры будет в основном сформирована, а исследования и интерпретация, популяризация образования, защита и наследование, инновации и развитие, коммуникация и обмен будут скоординированы, и будут достигнуты важные результаты» [中共中央办公厅, 2017]. Также в этом документе было отмечено, что культурные сознание и уверенность значительно укрепляются, фундамент национальной культурной «мягкой силы» становится более прочным, а международное влияние китайской культуры значительно усиливается.

В настоящее время ученые продвигают изучение превосходной традиционной культуры Китая, которое шире по масштабу более ранних исследовательских проектов. Сегодня не только ученые, но и общество единодушно поддерживают пропаганду китайской прекрасной традиционной культуры. Но чтобы способствовать модернизации с китайской спецификой, необходимо не только изучать и знать свою культуру, но и учиться у выдающихся культур народов мира, так как это будет способствовать культурным обменам и взаимному обучению между цивилизациями.

В модернизационных процессах традиционная культурная идентичность не статична, а динамична. Это говорит о том, что нельзя рассматривать модернизацию как антитрадиционное направление, а традиционную культуру как «прошлую историю». Ло Жунцюй отметил, что модернизация не является чем-то совершенным и не является конечной целью человеческого развития, поэтому человечество однажды превзойдет ее. Теперь,

пишут Хань Сипин, Хао Цзинчжи, ясно, что модернизация, безусловно, не идеальна, и что она порождает возникновение различных кризисов в своем развитии и в явлениях: «отчуждение» и реакция Китая на «прорыв в модернизационных процессах двойственных ценностей «Запада и Востока», «Прогресса и отсталости», «Цивилизации и невежества», «Города и страны», «Равенства и дифференциации» [韩喜平,郝婧智, 2021, с. 51–52]. Но китайские концепции *гармонии, различия* (和而不同), *единства человека и природы* (天人合一) содержат в себе важные идеи для решения проблем, стоящих перед современным человечеством.

Гармония без различия – это логическое единство гармонии и различия. Человеческая история и цивилизация имеют долгую историю, и все страны и национальные цивилизации имеют свои преимущества и сильные стороны. Основой гармонии и различий является равенство, и не существует стандарта, по которому одна цивилизация сравнивается с другой. Каждая имеет свою ценность и заслуживает уважения и наследования. Но в современном мире мы должны не только уважать другую цивилизацию, но и придерживаться собственной традиционной культуры. Многообразие человеческой цивилизации является фундаментальной чертой мира и источником человеческого прогресса. Она инклюзивна, учитывая незаменимую роль, которую играет каждая цивилизация в своем времени и пространстве.

Концепция *единства человека и природы* имеет далеко идущие исторические корни в традиционной китайской культуре и оказала глубокое влияние на китайское общество. Концепция *единства неба и человека* восходит к ранним этапам древнекитайской философии, например в «Книге перемен» (易经) подчеркивается идея *единства неба и человека*, утверждающая, что человек должен подчиняться законам природы, координироваться с ней и достигать гармоничного сосуществования. Чжуан-цзы (庄子) также упоминает идею *единства неба и человека*, утверждая, что дао молчит, и человек должен рассматривать природу как часть себя. Основой единства природы и человека является уважение к человеку и к природе; к экологическим проблемам, которые необходимо решать на этапе развития различных цивилизаций; к усилиям разных стран и народов в совместном решении экологических проблем, в эффективном реагировании на глобальные экологические проблемы; изменение климата, загрязнение морской среды, биологическая защита.

Ценности *доброжелательности* (仁爱), *честности* (诚信) и *гармонии* (和谐) обеспечивают моральный кодекс для создания лучшего будущего для человеческого общества. Является ли в XXI в. традиционная мораль ценностью? В академическом сообществе идет дискуссия по этому вопросу. На самом деле ответственность за всевозможные серьезные социальные проблемы, связанные с развитием науки и техники,

лежит не на развитии самой науки и техники, а на людях, которые развивают их, на ценностных ориентациях современного человека.

Культура, безусловно, может быть понята в широком смысле, как все то, что создано человеком, но следует четко указать, что ее ядро лежит в основных моральных нормах, которые регулируют отношения между человеком и природой, между людьми.

Доброжелательность, целостность и гармония в традиционной китайской культуре имеют определенную степень совместимости с концепциями свободы, равенства и демократии в современном обществе и могут обеспечить духовную поддержку и культурную силу для процесса модернизации.

Однако мы должны трезво осознать, что Китай – страна с огромной территорией и неравномерным региональным развитием, неравномерным развитием городов и сельских районов, поэтому сталкивается со многими вызовами в модернизационных процессах. Особенно в отдаленных районах сложнее содействовать модернизации сельских территорий и сельскому образованию. Сельские учителя, будучи «мостом» и «медиумом», соединяющим прошлое и будущее, традиции и современность, не только стремятся унаследовать и продолжить сущность прекрасной традиционной культуры, но и обеспокоены тем, что чрезмерный консерватизм мешает сельским учащимся адаптироваться к потребностям развития современного общества. Эта дилемма отражается не только в их методах преподавания и выборе содержания, но и в их понимании, мастерстве взаимосвязи модернизационных процессов и динамики традиционной культурной идентичности.

Библиографический список

- 陈来.春秋时期的人文思潮与道德意识[J].中原文化研究, 2013, 1 (02): 5–19.
- 钱穆.中国历代政治得失[M]. 北京: 三联书店, 2001. 168.
- [美]C·E·布莱克.现代化的动力[M]. 段小光(译). 成都: 四川人民出版社, 1988. 11.
- 刘文明.从全球文明观念史看中国式现代化[J].历史研究, 2023. (02): 18–29.
- 罗荣渠.传统与现代化问题的理论思索[J].北京大学学报(哲学社会科学版), 1989. (03): 7–9.
- 董德福,齐培全.论中国式现代化道路的独特性与超越性[J].思想教育研究, 2022. (04): 57–63.
- 中共中央办公厅 国务院办公厅印发《关于实施中华优秀传统文化传承发展工程的意见》[OL]. https://www.gov.cn/zhengce/2017-01/25/content_5163472.htm
- 韩喜平,郝婧智.人类文明形态变革与中国式现代化道路[J].当代世界与社会主义, 2021. (04): 49–56.

Avril Nerissa Adonna Edwards
Central China Normal University, St. George's

Tendai Kaponda
Central China Normal University, Harare

THE HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT OF BRICS MEMBER STATES THROUGH EDUCATION: AN ANALYSIS OF WOMEN'S EMPOWERMENT IN INDIA

Abstract. The paper explores the role of women's education in the human capital development of BRICS countries, with a particular focus on India. The paper identifies challenges and opportunities associated with promoting women's education and emphasizes its significance for human capital growth and empowerment. A review of relevant literature and case studies revealed the need for prioritization of education and promotion of economic empowerment for women. The paper recommends collaboration among the BRICS nations to address gender disparities and increase women's participation in the economy.

Keywords: Human Capital Development, BRICS, Education, India, Gender Equality.

Аврил Нерисса Адонна Эдвардс
Педагогический университет Центрального Китая, Сент-Джорджес
Тендай Капонда
Педагогический университет Центрального Китая, Хараре

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СТРАН – ЧЛЕНОВ БРИКС ПОСРЕДСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ. АНАЛИЗ РАСШИРЕНИЯ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН В ИНДИИ

Аннотация. Исследуется роль образования для женщин и его связь с развитием человеческого капитала в странах БРИКС, в частности в Индии. Определяются проблемы и возможности, связанные с продвижением женского образования, обосновывается его важность для роста человеческого капитала и расширения прав и возможностей личности. В обзоре соответствующей литературы и тематических исследований приоритетное внимание уделяется образованию и расширению экономических прав и возможностей женщин. Доказана необходимость сотрудничества между странами БРИКС для устранения гендерного неравенства и расширения участия женщин в экономике.

Ключевые слова: развитие человеческого капитала, БРИКС, образование, Индия, гендерное равенство.

The BRICS abbreviation signifies a partnership of emerging economies encompassing Brazil, Russia, India, China, and South Africa. Since their initial summit in 2009, these nations have assembled annually to strengthen collaboration on a range of global concerns, including but not limited to global health, sustainable development, and economic growth. Their ascension as economic powerhouses has garnered major attention to their approaches to human capital development, acknowledged as a fundamental driver of global competitiveness [Minhaj, 2023]. The concept of human capital has emerged as a pivotal factor in the economic development of countries. Education, a cornerstone of human capital, plays a key role in shaping the economic landscape of a country. BRICS member states have acknowledged the significance of education in promoting sustainable economic growth and have undertaken significant initiatives in this domain.

Among the BRICS countries, India has made substantial efforts to enhance women's access to education and employment. However, these efforts have been hindered by deeply ingrained traditional norms and discriminatory practices that have historically disadvantaged women. By leveraging the BRICS platform, India can collaborate with and learn from other member states to address these issues. The human capital theory (HCT), initially proposed by Theodore Schultz and further developed by Gary Becker, emphasizes the role of education, training, and health in enhancing productivity and driving economic growth [Nurrachmi, 2020]. At the core of HCT is the idea that individuals possess a stock of knowledge, skills, and experience that can be improved through investment in education and training [Williams, 2013]. Williams [2013] underlines the crucial role of education as a catalyst for democratic development, highlighting its ability to cultivate critical thinking, civic participation, and informed citizenship among the people. This theory has been supported by empirical evidence, with studies showing a strong correlation between schooling attainment and human capital in various economies [Bretton, 2014]. The concept of human capital, as shown in Figure 1, has also been expanded to include the role of health, knowledge, skills, and motivation in the labor process. Increased investment in education leads to higher production and wages for individuals, as well as considerable social rates of return [Galiakberova, 2019].

HCT suggests that governments should invest in education and training programs to enhance the productivity and earning potential of their citizens. By doing so, governments can foster economic growth and improve the overall well-being of their populations. Rodrigues [Rodrigues, 2018], and Hanushek and Welch [Hanushek, Welch, 2006] underline the need for policies that promote inclusivity and resolve gaps in access to quality education.

As portrayed in Figure 1, the Human Capital Theory posits that education and training enhance individual and economic productivity. It views education as an investment with returns in the form of economic growth. The theory advocates for equal educational opportunities to reduce disparities and promote development [World Bank, 2018]. It emphasizes that the quality of education, aligned with market needs, is critical [Hanushek, Woessmann, 2012; Acemoglu, Pischke, 1999]. Lifelong learning is also encouraged to adapt to changing economic conditions [Desjardins, 2008]. Incentives like grants and scholarships are seen as key to educational investment [Lange, 2007]. HCT also links education to health improvements [Lleras-Muney, 2005] and technological advancement, as educated individuals are more likely to engage in research and development [Aghion, Howitt, 1992]. Education can also drive migration for better opportunities [Mountford, 2011], influencing resource distribution. HCT comprehensively explains the role of education in human capital development, considering access, quality, relevance, incentives, health, technology, mobility, and policy. It suggests that societies focusing on these aspects can enhance welfare and growth.

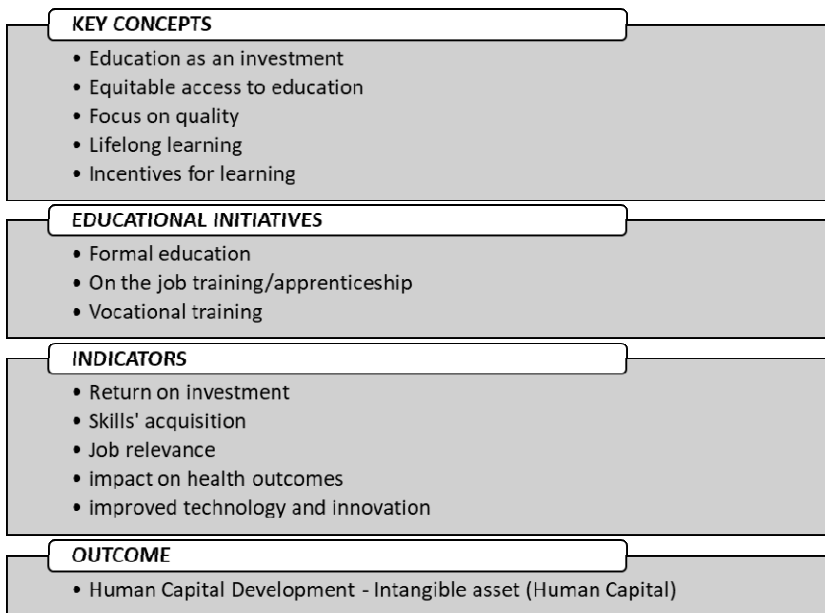

Fig. 1. Human Capital Development Concept Derived from HCT

The economic development of a nation is contingent upon the comprehensive human capital development of its citizens. Within the paradigm of gender-based disparities, India serves as a relevant case study. Women's inequality in India stems from its patriarchal society and gender stereotypes, leading to restricted access to education and employment [Gender Discrimination ..., 2022]. Traditionally, women have been confined only to domestic roles, perpetuating discrimination and limiting their professional growth [Vyas-Doorgapersad, 2021]. Discriminatory laws have also enforced gender-based oppression [Visser, 2018]. Overcoming these deep-seated issues necessitates challenging outdated societal norms, promoting gender equality, and empowering women through education and employment. India's pursuit of economic prosperity and social change underscores the critical role of developing human capital, with women's empowerment through education a key strategic focus.

The advancement of women in Indian education has been a slow but substantial journey, marked by progress and ongoing obstacles. Through initiatives like the National Policy for Education, the Sarva Shiksha Abhiyan initiative, the establishment of a Ministry of Women and Child Development, the Girls' Education Movement (GEM), the Beti Bachavo and Beti Padavo initiatives, there has been improved literacy and school enrollment for girls [Vyas-

Doorgapersad, 2018]. In 2000, only 39.58 % of female students were enrolled in secondary education in India, with a marginal increase to 47.60 % by 2015 as shown in Figure 2 [Pandey, Sergeeva, 2022]. India also witnessed a significant rise in female students in tertiary education, increasing from 37.77 % in 2000 to 47.19 % by 2015 [Pandey, M. K., & Sergeeva, I. G., 2022].

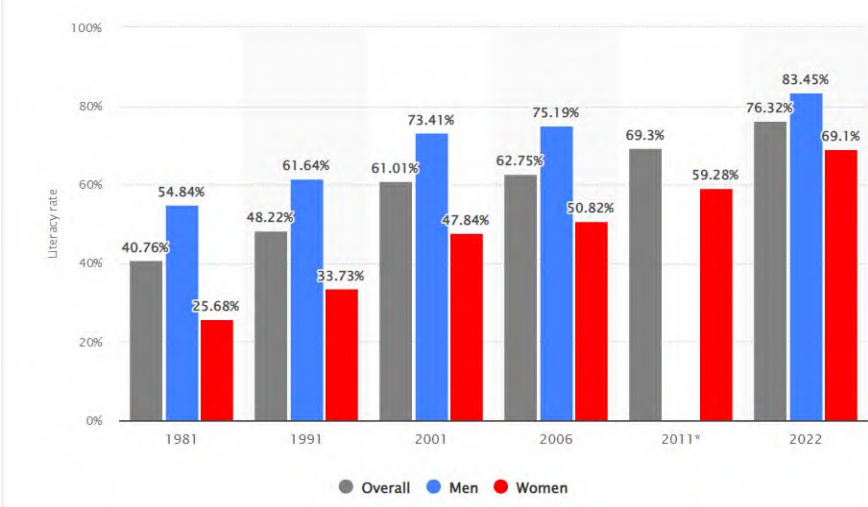

Fig. 2. India’s literacy rate by gender from 1981 – 2022 [Statistica, 2024]

Despite increased access to education, there is still a substantial disparity in literacy rates between men and women in India. India exhibits the lowest literacy rates for women among the BRICS countries, with only 59.28 % literacy in 2010, which marginally increased to 65.79 % in 2018. This indicates a significant gender gap in literacy [Madhavi, 2020] suggesting the need for increased awareness to promote girls' education.

Additionally, women’s workforce participation in India remains low. In 2000, the participation rate was 30.41 %, dropping further to 20.79 % by 2019 [Pandey, Sergeeva, 2022]. Therefore, there is a problem translating education into employment opportunities. India has implemented initiatives like the Disha program to economically empower women and improve their employability through education and skills training [Kumar, Arora, 2022]. Despite these efforts, women still face workplace discrimination, segregation, and glass ceiling effects [Carrim, 2021]. This indicates a need for policy reforms to bridge the gap. India must continue to challenge these barriers to ensure gender equality and promote national human capital development and economic growth.

The BRICS countries encompass a substantial amount of the world's population, geography, and economic production. Albeit differing in economic status and while negotiating issues such as scale, diversity, and resource restrictions, the BRICS are jointly committed to developing the educational landscape inside their various nations. They have a shared focus on education and human capital development as drivers of sustainable growth and societal advancement. Zhiltsova [Zhiltsova, 2015] highlights that by prioritizing education as a fundamental engine of innovation, productivity, and economic growth, BRICS nations stand a better chance of increasing their place in the global knowledge economy and securing sustainable development routes.

The BRICS nations of Brazil, Russia, China, and South Africa have actively engaged in efforts to bridge the education gap for women, as highlighted by Madhavi (2020). Consequently, there has been a marked improvement in women's literacy rates, with some nations nearing complete literacy. India, as a member of BRICS, is presented with a golden opportunity to innovate and address gender inequalities in education and female labor force participation, as emphasized by Shuangshuang [The Impact ... , 2023]. By doing so, India can significantly contribute to national human capital development and economic progress. The BRICS framework facilitates knowledge exchange and partnership, enabling India to learn from the progress of other member states in achieving gender equality, as stated by the ILO [ILO ... , 2019]. Collaboration with fellow member states can enhance women's educational and economic agency in India, as Vyas-Doorgapersad [Vyas-Doorgapersad, 2021] suggests.

Each BRICS member state has tailored its strategic priorities to its unique cultural context, educational requirements, and projections for developmental growth. For instance, Brazil has implemented various measures to promote gender equity in education, such as offering free education from kindergarten to college and establishing quotas for low-income students, as reported by Rodrigues [2021]. Furthermore, the national high school curriculum now includes subjects like sociology, philosophy, African history, and human rights, emphasizing social justice [Rodrigues, 2021]. These efforts have enabled Brazilian women to narrow the gender gap in education, now making up nearly two-thirds of university graduates, as indicated by the World Bank [World Bank, 2017] and the Malala Fund [Malala Fund].

Similarly, Russia has made significant strides in improving women's access to education and achieving gender equality in educational outcomes. High enrollment rates in preschools, reaching 7.44 million children in 2020, reflect Russia's commitment to early childhood education for all students [World Bank, 2020]. Russian students, including girls, consistently rank among the top performers globally in assessments like TIMSS, showcasing the country's success in providing foundational skills to all students [OECD, 2021]. To enhance access and equity, Russia has invested in digital learning, educational technol-

ogy, and curriculum modernization, ensuring students are equipped with 21st-century skills. These endeavors demonstrate Russia's dedication to advancing gender equality in education.

South Africa has also made progress in advancing women's access to quality education, supported by a constitution that guarantees the right to education for all genders [Department of Forestry, Fisheries and the Environment, 2022]. By 1999, women accounted for 55 % of university students and 46 % of technical college students, although their representation in science and engineering remains low [Department of Forestry, Fisheries and the Environment, 2022]. South Africa is actively addressing gender stereotypes in education and career choices to transform gender relations [Department of Forestry, Fisheries and the Environment, 2022; Inkululeko, 2021] and prioritizing women's access to health services and protection of their human rights [Department of Forestry, Fisheries and the Environment, 2022].

China has emerged as a global leader in advancing girls' and women's education, as evidenced by initiatives like the UNESCO Prize for Girls and Women's Education and hosting key international conferences [FMPRC, 2021]. Domestically, policies such as the “civilization project” and compulsory education laws have boosted female enrollment rates [China Daily, 2020; Atlantis Press, 2021]. Despite persistent gender disparities, China's efforts have laid a strong foundation for women's empowerment through education [King's College London, 2022]. Recent data indicates a steady rise in the number of female college students, projected to reach 26.197 million by 2033 [SHS Web of Conferences, 2023].

India can draw valuable insights from each of these member states. Firstly, India can learn from Brazil's efforts to advance women's education through the provision of free public education from kindergarten through college, along with their college quotas for marginalized groups like low-income students, which underscores the value placed on ensuring universal access to quality education [Rodrigues, 2021]. Incorporating subjects focused on social justice and human rights into the curriculum reflects Brazil's commitment to transforming gender norms [Ibid]. Addressing the intersectional challenges faced by Afro-Brazilian women highlights the need for India to adopt an intersectional lens in its policies [Malala Fund, 2023].

Secondly, Russia's approach to empowering women through education offers valuable lessons for India. Russia's focus on early childhood education and high enrollment rates in preschools lay a strong foundation for future learning [World Bank, 2020]. Its holistic approach to achieving gender equality in educational outcomes, coupled with efforts to enhance digital learning infrastructure and modernize teaching methods, can inform India's strategies to empower women [OECD, 2021; World Bank, 2021].

Thirdly, South Africa's comprehensive approach to women's empowerment, including political representation and social welfare, provides further insights for India [Duflo, 2011; Ojo, 2020]. India can, like South Africa, aspire to prioritize women's access to health services [Department of Forestry, Fisheries and the Environment, 2022].

Lastly, learning from China, India can focus on increasing women's participation in the workforce, enhancing their education and skills, and promoting their economic independence [Dash, Chakraborty, 2023; Houston et al., 2014; Asaleye, Strydom, 2022]. China's policies supporting women entrepreneurs have contributed to their economic empowerment and the country's overall development [Dash, Chakraborty, 2023; Houston et al., 2014; Asaleye, Strydom, 2022].

The study concludes that education is a critical component of human capital development, with Human Capital Theory emphasizing its role in driving economic growth. India has made efforts to improve women's access to education, but challenges remain in the form of low literacy rates and underemployment. Other BRICS countries, such as Brazil, Russia, China, and South Africa, have made progress in advancing women's education and reducing gender gaps. India can draw lessons from these countries to strengthen its efforts to promote women's education and empowerment. Collaboration within the BRICS framework is seen as an opportunity for India to address gender inequalities in education and enhance women's economic participation, contributing to human capital development and economic growth.

References

- Acemoglu D., Pischke J. S. The structure of wages: What explains the pattern of compensation? // *Journal of Political Economy*. 1999. Vol. 107, N 1. P. 285–315.
- Aghion P., Howitt P. A. Model of Growth Through Creative Destruction // *Econometrica*. 1992. N 60. P. 323–351.
- Asaleye A. J., Strydom K. Assessing Productivity Channels of Human Capital in the Southern African Development Community: New Insights from Women's Empowerment // *Journal of Risk and Financial Management*. Vol. 15, N 11. P. 533.
- Atlantis Press. Compulsory Education in China: Achievements, Challenges and Policy Implications // *Advances in Social Science, Education, and Humanities Research*. 2021. N 516. P. 1–6.
- Bretton T. R. A Human Capital Theory of Growth: New Evidence for an Old Idea // *Center for Research in Economics and Finance [CIEF]*. 2014. Working Paper. P. 14–13.
- Carrim N. M. H. Sandwiched Between Groups: Upward career experiences of South African Indian women. // *South African Journal of Business Management*. N 52. URL: https://www.researchgate.net/publication/353551949_Sandwiched_between_groups_Upward_career_experiences_of_South_African_Indian_women/citation/download (date of access: 27.04.2024).
- China Daily: China's Achievements in Women's Development Over 70 Years. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202003/06/WS5e61f8a2a31012821727d0d5.html> (date of access: 25.04.2024).
- Das S., Chakraborty B. Women Empowerment, Parental Education and Future Human Capital Formation (Evidences from Urban Slum Area in India), 02 June 2023, PREPRINT (Version 1) available at Research Square <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-2998544/v1> (date of access: 16.04.2024).

Department of Forestry, Fisheries and the Environment: South Africa's National Policy Framework for Women's Empowerment and Gender Equality. URL: https://www.dffe.gov.za/sites/default/files/docs/national_policy_framework.pdf (date of access: 02.05.2024).

Desjardins R. The importance of Lifelong Learning: Why Lifelong Learning is Important for Individuals, Employers, and Society. In *International Handbook of Lifelong Learning* Springer. 2008. P. 31–50.

Duflo E. Women's Empowerment and Economic Development / National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w17702> (date of access: 16.04.2024).

FMPRC: Position Paper on China's Cooperation with the United Nations. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/wjzcs/202110/t20211022_9609380.html (date of access: 30.04.2024).

Galiakberova A. A. Conceptual Analysis of Education Role in Economics: The Human Capital Theory // *Journal of History Culture and Art Research*. 2019. Vol. 8, N 3. P. 410–421.

Hanushek E. A., Welch F. Efficiency in Schools: Empirical and Theoretical Perspectives // *Handbook of the Economics of Education*. Elsevier, 2006. Vol. 2. P. 1039–1083. URL: <https://econpapers.repec.org/scripts/redir.pf?u=http%3A%2F%2Fwww.elsevierdirect.com%2Fproduct.jsp%3Fisbn%3D9780444513991;h=repec:eee:eduhes:1> (date of access: 22.04.2024)

Hanushek E. A., Woessmann L. Do Better Schools Lead to More Growth? Cognitive Skills, Economic Outcomes, and Causation // *Journal of Economic Growth*. 2012. Vol. 17, N 2. P. 267–296.

Houston J. E., Huguley H. The Role of Nutrition and Women's Empowerment in Human Capital Development // *Journal of Food Distribution Research*, Food Distribution Research Society. 2014. Vol. 45, N 1. P. 1–6.

ILO: A Quantum Leap for Gender Equality for a Better Future of Work for All. URL: https://webapps.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_674831.pdf (date of access: 25.04.2024).

Inkululeko: Access and Outcomes: Women's Education in South Africa. URL: <https://www.inkululeko.org/latest-news/access-and-outcomes-womens-education-in-south-africa> (date of access: 01.04.2024).

King's College London: Women's Education in China: Progress, Challenges and Opportunities. URL: <https://www.kcl.ac.uk/women-education-china> (accessed on 25.04.2024).

Kumar A., Arora S. Female Economic Participation: A Comparative Analysis of BRICS Nations // *Hans Shodh Sudha*. 2022. Vol. 2, N 4. P. 51–64.

Lange F. The Speed of Skill Formation and The Economic Importance of Coding vs. Sorting // *The Review of Economics and Statistics*. 2007. Vol. 89, N 3. P. 499–513.

Llera-Muney A. The Relationship Between Education and Adult Mortality in the United States // *The Review of Economic Studies*. 2005. Vol. 72, N 1. P. 189–221.

Madhavi Dr. A Study on Gender Comparison among BRICS Countries // *IOSR Journal of Humanities and Social Science*. 2020. Vol. 25, N 12. P. 50–56.

Malala Fund. Brazil. URL: <https://malala.org/countries/brazil> (date of access: 02.05.2024).

Minhaj N., Ahmed R. Impact of Human Capital Development and Economic Growth on Global Competitiveness // *Global Economics Science*. 2023.

Mountford A. Migration as a Way to Understand the Effects of Labor Demand Shocks Over The Business Cycle // *Journal of Labor Economics*. 2011. Vol. 29, N 1. P. 49–73.

Nurrachmi R. A Survey Study of Human Capital and Educational Attainment // *Airlangga International Journal of Islamic Economics and Finance*. 2020. Vol. 2, N 2. P. 85–96.

Ojo T. A. A Study of Financial Inclusion and Women's Empowerment in South Africa: The Case of Female Entrepreneurs in Gauteng. Unpublished Doctoral Thesis, University of Pretoria. URL: <https://repository.up.ac.za/handle/2263/78103> (date of access: 03.05.2024).

Pandey M. K., Sergeeva I. G. A Research on the Role of Women in Economic Development in the BRICS Countries // *Journal of New Economy*. 2022. Vol. 23, N 1. P. 43–65.

Rodrigues J. N. BRIC's Education Challenge to Economic Development // *Journal of Education and Social Policy*. 2018. Vol. 5, N 3.

Rodrigues E. B. Gender-Equitable Schooling in Brazil. Oxford Research. 2021. URL: [https://scholar.google.com/scholar?q=Rodrigues,+E.+B.+\[2021\].+Gender-Equitable+Schooling+in+Brazil.+Oxford+Research&hl=en&as_sdt=0&as_vis=1&oi=scholar](https://scholar.google.com/scholar?q=Rodrigues,+E.+B.+[2021].+Gender-Equitable+Schooling+in+Brazil.+Oxford+Research&hl=en&as_sdt=0&as_vis=1&oi=scholar) (date of access: 03.05.2024).

SHS Web of Conferences. Forecasting the Number of Female College Students in China. SHS Web of Conferences. 2023. N 165.

The Impact of Education and Digitalization on Female Labor Force Participation in BRICS: An Advanced Panel Data Analysis / Y. Shuangshuang, W. Zhu, N. Mughal, [et al.] // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. № 10(598).

Gender Discrimination in Employment: BRICS Countries Overview / E. Sychenko, M. Laruccia, D. Cusciano [et al.] // BRICS Law Journal. 2022. Vol. 9, N 2. P. 30–71.

Visser A. Narratives of Child Trafficking Survivors in Rehabilitation: Conceptualizations of Freedom for Human Rights Education, Northwest University. URL: [https://repository.nwu.ac.za/bitstream/handle/10394/30865/Visser %2C %20A %2020669003 %20.pdf?sequence=1](https://repository.nwu.ac.za/bitstream/handle/10394/30865/Visser_%2C_%20A_%202020669003%20.pdf?sequence=1) (date of access: 02.05.2024).

Vyas-Doorgapersad S. Global Governance Reforms to Achieve Sustainable Development Goal One [no poverty] in BRICS // Africa's Public Service Delivery and Performance Review. 2021. Vol. 9, N 1. Art. 545.

Williams J. E. Higher Education in the BRIC Countries: Promoting Democratic Development. URL: [https://www.semanticscholar.org/paper/Higher-Education-in-the-BRIC-Countries %3A-Promoting-Williams/1661243008f2559a71ee6125bfff59bc258b942f8](https://www.semanticscholar.org/paper/Higher-Education-in-the-BRIC-Countries-%3A-Promoting-Williams/1661243008f2559a71ee6125bfff59bc258b942f8) (date of access: 17.04.2024).

World Bank: What Does It Mean to Be a Woman in Brazil? The Answer Will Surprise You. 2017. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2017/03/08/ser-mujer-brasil> (date of access: 17.04.2024).

World Bank: World Development Report 2018: Learning to Realize Education's Promise. Washington, DC: World Bank. 2018. URL: https://reliefweb.int/report/world/world-development-report-2018-learning-realize-education-s-promise?gad_source=1&gclid=Cj0KCQjwltKxBhDMARIsAG8KnqWASfjvHNe1g4OTBgeEC8jY3WGDhsvxlbIkKweCcpB8zKVR_colgUaAvyPEALw_wcB (date of access: 17.04.2024).

World Bank. Russia Education Sector Policy Note: Adapting to the COVID-19 Pandemic. World Bank. World Bank: World Development Indicators. 2020 URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (date of access: 17.04.2024).

Zhiltsova. Education as a Competitive Differentiator of the BRICS Countries, Central and Eastern European Online Library. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=465342> (date of access: 17.04.2024)

УДК 378

Bian Jiahao

Shandong Technology and Business University, Yantai

CURRENT STATUS AND PROSPECT OF SINO-RUSSIAN EDUCATIONAL COOPERATION

Abstract. Nowadays, international cooperation has become the key to promoting global social progress and exchanges among civilizations. In the context of globalization, China and Russia are committed to strengthening educational cooperation. This paper aims to study the development trend of Sino-Russian educational cooperation, focusing on the areas of cooperation, the results of the projects and their impact on the both sides. At the same time, the paper will further analyze the potential opportunities of Sino-Russian educational cooperation in the future, in order to provide more inspiration and suggestions for the educational cooperation between the two countries.

Keywords: China-Russia educational cooperation, China-Russia relation, China-Russia people-to-people exchanges.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Аннотация. Рассматриваются тенденции развития образовательного сотрудничества между Россией и Китаем, его отдельных сфер, результатов совместных проектов и их влияния на обе стороны. Анализируются потенциальные возможности такого сотрудничества с целью подготовки расширенных рекомендаций по его развитию.

Ключевые слова: сотрудничество в области образования между Россией и Китаем, российско-китайские отношения, российско-китайский гуманитарный обмен.

Introduction

Nowadays, international cooperation has become an indispensable factor in promoting global social progress and cultural exchanges. Educational collaboration plays a pivotal role in this regard, providing robust support for fostering mutual understanding and interaction between different countries and cultures, facilitating knowledge sharing, and nurturing talent development. Such collaboration not only fosters the advancement of science, technology, literature, and art on a global scale but also contributes to the establishment of a more inclusive and diverse international community. Sino-Russian educational cooperation is an issue with a long-standing history and significant contemporary relevance. The deepening of such collaboration holds profound significance in enhancing intercultural learning and promoting shared development between the two nations.

The current status of educational cooperation between China and Russia

As an important part of the long-term friendly relations between the two countries, China-Russia educational cooperation has been developing for more than 30 years, and has achieved positive progress and results in such aspects as cooperation paths, inter-school exchanges, academic exchanges and personnel exchanges. But at the same time, it also faces some problems and challenges [Zhao, 2020].

Inter-school exchanges and cooperation between China and Russia

As an important way to promote the friendship between the two countries, strengthen mutual trust, China-Russia inter-school exchanges and cooperation in running schools have made remarkable progress and shown great potential.

The "Belt and Road" Initiative has become an important platform for promoting China-Russia education cooperation. On October 17, 2015, under the initiative of the Gansu Provincial government and initiated by Lanzhou University, 47 universities from eight countries and regions along the "Belt and Road" jointly issued the Dunhuang Consensus, officially establishing the "Belt and Road" university alliance [Ju Yunsheng, 2019]. As of 2018, the alliance has more than 170 member universities, including Russia's Ural State University of Economics.

The international education platform proposed and led by the Russian side has also attracted attention. Among them, the "Shanghai Cooperation Organization University" was established on the initiative of Russian President Vladimir Putin at the Bishkek Summit of the Shanghai Cooperation Organization on August 16, 2007, and consists of 74 institutions, including 20 Chinese institutions and 21 Russian institutions. At present, the institutions under the SCO University program have held a number of bilateral cooperation meetings and seminars of presidents, held in-depth discussions on the construction concept, teaching system and development prospects of the university, and held consultations on issues such as student exchange and scholarship programs.

The establishment of these multilateral cooperation mechanisms has provided more opportunities and platforms for China-Russia educational cooperation, strengthened educational exchanges and cooperation between the two countries, and promoted the development of knowledge sharing, cultural exchanges and international cooperation. These measures not only help the interaction between the universities of the two countries, but also promote the development of the global education field and provide a broader stage for training future intellectual elites.

China-Russia cooperation in running schools has become an important carrier of China-Russia cooperation and exchanges. At present, "the number of cooperative educational institutions and projects has increased to 116, and 80 joint laboratories and research centers have been built, and cooperation in various fields has continued to deepen." [Jiang Xiaoyan, 2019] The Sino-Russian Cooperative University Alliance was established in Jiangsu Normal University on May 15, 2019. At present, the number of members of the Sino-Russian cooperative university Alliance has reached 28, and from 2021 to 2022, the number of Sino-Russian joint school projects has increased by 20 %, from 79 to 95.

Sino-Russian cooperation in running schools has become one of the key areas of Sino-Russian cooperation and exchange. The continuous expansion of the joint venture has not only improved the quality of education, but also enhanced the social influence and injected new vitality into the friendly relations between the two countries. Under the mechanism of China-Russia cooperation in running schools, the scale of exchange of students and personnel between China and Russia has been continuously expanded, the number of scholarship programs has increased significantly, and the fields of cooperation between universities have been continuously expanded. As of 2019, 150 Russian universities have established partnerships with about 600 Chinese universities, and a total of about 950 cooperation agreements have been signed. However, the professional direction and educational level of Chinese and Russian students still need to be improved. At present, more than 70 % of Russian students in China choose Chinese literature majors, while Chinese students in Russia mainly choose social science majors such as linguistics and literature.

The collaboration between educational institutions in China and Russia for language acquisition

Language learning plays a vital role in the relations between countries. It is not only the basis of mutual understanding and the bridge of cross-cultural communication, but also an important tool to promote international friendship, economic cooperation and political and diplomatic activities. With the acceleration of globalization and the increasing interconnections between different countries, the importance of language learning is becoming more and more obvious. Both Chinese and Russian are the working languages of the United Nations and are related to important civilizations in the world. Their cooperation in learning and education is not only conducive to enhancing mutual understanding, respect and cooperation between China and Russia, but also plays a positive role in promoting the development of the diversity of civilizations in the world.

In 2017, Chinese was listed as a national unified foreign language examination subject in Russia, and it was officially implemented in 2019. In China, the emphasis on Russian subjects in basic education has already begun. Of the 12.91 million students who will take the national college entrance exam in 2023, nearly 50,000 will take Russian as a foreign language test subject.

At present, more than 200 primary and secondary schools of different sizes in Russia are teaching Chinese, and there are 19 Confucius Institutes and 4 Confucius classrooms in Russia. At the same time, Russia has set up "Russian Centers" in China to provide Russian courses, promote academic exchanges between students and scholars of the two countries, and actively promote Russian literature, art and culture. At present, there are 35 Russian centers, Russian cultural centers and Russian studies centers in China, including Beijing Foreign Studies University, Shanghai International Studies University, Heilongjiang University and Shenzhen Beili Moscow University. This series of cooperation measures is of epochal significance, strengthening mutual understanding between China and Russia, promoting cooperation in the fields of education and culture, and laying the foundation for future China-Russia friendly relations and international exchanges [Gao Chunyan, 2016].

HSK is one of the most important Chinese language proficiency tests in China, which is used to assess the level of Chinese language skills of non-native Chinese speakers. The HSK test has been widely promoted worldwide, and 24 HSK test centers have been set up in universities and language schools across Russia, distributed in 14 regions. Statistics show that in March 2023, there are about 1,500 candidates in Russia to take the HSK exam, while the Moscow State University of Languages test site alone has 1,050 candidates, their age range from 8 to 61 years old [Wang Lei, 2020].

In 2023, the number of universities in China offering undergraduate education in Russian reached 182. In addition, 163 universities in China have mas-

ter's programs in Russian, and 43 universities have doctoral programs in Russian [Wang Huiyao, Miao Lu, 2021]. At present, 120,000 people in China are learning Russian, while 60,000 people in Russia are learning Chinese. This two-way trend of language learning helps promote deeper cultural exchanges and cooperation between China and Russia.

China-Russia academic exchanges and personnel exchanges

In the extensive cooperation between China and Russia in the fields of politics, economy, culture and education for a long time, academic exchanges and cooperation occupy a special position. In addition to the aforementioned University alliance meetings, academic forums between the two countries have also become an important way to deepen bilateral relations and enhance mutual trust.

Today, the China-Russia academic Forum has expanded to cover a wide range of disciplines, including political science, economics, culturology, environmental science, linguistics, sociology, etc. The interdisciplinary nature of the forum helps to promote cooperation in different fields and promote the development of academic research. Shanghai International Studies University, for example, has held more than 20 forums and conferences related to Russian studies and China-Russia relations in the past decade. These include the academic seminar on "Russian, Eastern European and Central Asian Studies from an Interdisciplinary Perspective" to be held every two years from 2017 and "The Situation in Central and Eastern Europe under the Great Power Game" in 2023. These China-Russia academic forums and conferences not only provide a platform for scholars to exchange ideas, but also help the two countries deepen cooperation in various fields and jointly cope with global challenges.

In addition, inter-governmental student exchanges and scholar exchanges are also key channels for academic exchanges between China and Russia. According to the Russian Ministry of Education and Science, in the 2022/2023 academic year, the government of the Russian Federation provided 940 government-funded study places to Chinese citizens. This number is expected to increase to 1,000 in the 2023/2024 school year. There are four main ways for Russian students interested in studying in China to receive scholarships: Chinese Government scholarships, Confucius Institute Scholarships, UNESCO Foundation scholarships and independent scholarships established by Chinese universities [Li Jinfeng, 2019].

According to Chinese Ministry of Education, 1,640 Russian students are studying in China at the beginning of the 2022–2023 academic year, a 30-percent increase over the beginning of the 2021/2022 academic year. About 80 percent of these Russian students are self-supporting on a contract basis, while the other 20 percent study through scholarship schemes.

Prospects of Sino-Russian educational cooperation

Sino-Russian education cooperation has faced many challenges in the past, including cultural differences, language barriers and policy changes. At

present, Sino-Russian educational cooperation still maintains a strong momentum of development. With the rapid development of the Internet and digital technology, transnational educational cooperation has ushered in new opportunities, making it easier for students and teachers to participate in transnational educational projects.

Education cooperation between China and Russia will embrace broad prospects. With the continuous development of the two countries in the fields of economy, science, technology and culture, the cooperation between the two sides will be further deepened. It will continue to expand in a number of areas, including higher education, research cooperation, cultural exchange, language learning and technology transfer. The two countries will explore new areas of collaboration, such as innovation and science and technology cooperation, to jointly address global challenges. In terms of innovation and scientific research cooperation, China and Russia will further strengthen cooperation in the field of scientific research and jointly promote scientific and technological innovation. Joint research projects and transnational research centers will serve as important platforms for both sides to enhance their innovation capabilities. Cooperation is conducive to promoting exchanges between teachers and students on both sides, so exchange programs between students and teachers should be continuously increased. China and Russia will provide more scholarships and exchange programs to encourage more students and educators to participate in exchanges between the two countries. Cultural mutual learning will be promoted and cultural exchanges will be deepened to promote mutual understanding and friendship between the two peoples.

Sino-Russian educational cooperation will also become a part of international cooperation, promoting global educational cooperation and coordinated development among major countries. In a word, China-Russia education cooperation has a bright future, providing huge opportunities for cultural exchanges, scientific and technological cooperation and personnel training between the two countries. As relations between the two countries continue to strengthen, it is expected that more cooperation projects will emerge to further promote the common prosperity and development of both sides.

References

- Zhao M. Sino-Russian Relations // *International Relations Research*. 2020. Vol. 3. P. 22–38.
- Ju Yunsheng: «Internationalization of Russian talent training Model under the framework of the 'Belt and Road'» // *Heilongjiang Higher Education Research*. 2019. Vol. 8. P. 24–26.
- Jiang Xiaoyan. Current Situation and Vision of Sino-Russian Education Cooperation // *Guangming Daily*. 2019. Vol. 4. P. 6–10.
- Gao Chunyan. Analysis of the Current Situation and Prospects of Sino-Russian Educational Cooperation // *Journal of Weifang University*. 2016. Vol. 2. P. 6–12.
- Wang Lei. Current Situation and Development Trend of Chinese Language Education in Russia // *Siberian Studies*. 2020. Vol. 1. P. 8–13.
- Wang Huiyao, Miao Lu. Report on the Development of Studying Abroad in China (2020–2021) [M]. Beijing: Social Sciences Academic Press (China). 2021. P. 32–34.
- Li Jinfeng. Shanghai Cooperation Organization Development Report // Beijing: Social Sciences Academic Press (China). 2019. P. 69–78.

Kakpovi Géovanny Laurias

Anhui University, Cotonou

Ngaloubali Ken Jhontony

Central China Normal University, Brazzaville

RESOLUTIONS DES CONFLITS ET INGERENCES POLITIQUES: EXEMPLE DE LA CEMAC ET DE LA CEDEAO

Abstract. La frontière entre la résolution des conflits et les ingérences politiques est très minime. Plusieurs États africains se trouvant confrontés à des conflits, les organisations régionales se retrouvent dans l'obligation d'agir et d'intervenir. C'est à ce défi que font face les organisations sous-régionales telles que la CEMAC et la CEDEAO. Cet article va parler des mécanismes de résolutions de conflits institués dans ces organisations, des ingérences vers lesquelles cela peut tendre. Cette étude va discuter de l'impact sur la stabilité politique que ces missions ont engendrée.

Keywords: Afrique, Ingérences Politiques, Résolutions de Conflits, Organisations Régionales, Stabilité Politique.

Какпови Джованни Лауриас

Аньхойский университет, Котону

Нгалубали Кен Джонтони

Педагогический университет Центрального Китая, Браззавиль

УРЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОВ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ АФРИКИ

Аннотация. Рассмотрена проблема тонких границ между разрешением конфликтов и политическим вмешательством. Конфликты между африканскими государствами вынуждают региональные организации искать способы их разрешения. Функция урегулирования конфликтов лежит на Экономическом сообществе стран Центральной Африки (ЭКОЦАС) и Экономическом сообществе стран Западной Африки (ЭКОВАС). Анализируются механизмы разрешения конфликтов, применяемые этими сообществами, а также влияние этих миссий на политическую стабильность.

Ключевые слова: Африка, политическое вмешательство, разрешение конфликтов, региональные организации, политическая стабильность.

La conduite des affaires mondiales est rythmée par la résolution des conflits à divers niveaux. A cet effet, des organisations de coopération économique, culturelle et politique sont créées avec des objectifs qui leur sont assignés par les pays fondateurs. Dans la zone Asie, l'Organisation de coopération de Shanghai est l'une des plus en vues. La Chine, la Russie, l'Inde sont entre autres les pays membres de cette organisation de type coopération politique et développement économique.

Dans la région africaine, ces organisations sont créées en fonction des zones géographiques. La Sadc pour la zone australe de l'Afrique, la Cemar pour l'Afrique centrale et la Cedeao pour l'Afrique de l'ouest.

La CEMAC est la Communauté économique et monétaire de l'Afrique centrale. C'est une organisation sous-régionale de six pays dont la principale mission est de développer un espace intégré et d'y promouvoir un développement harmonieux [La Cemar en bref, 2000]. Créée le 16 mars 1994 à N'djamena au Tchad en remplacement de l'Union douanière et économique

de l'Afrique centrale (UDEAC) cet espace est composé du Cameroun, de la République centrafricaine (RCA), du Tchad, de la République du Congo, du Gabon et de la Guinée équatoriale. La CEMAC se veut être «un espace économique intégré, émergent, où règnent la sécurité, la solidarité et la bonne gouvernance» [Ibid].

La Communauté économique des États de l'Afrique de l'Ouest (CEDEAO), ECOWAS en anglais, a été créée le 28 mai 1975 à Lagos au Nigéria. Pour promouvoir l'intégration économique, le Bénin, le Burkina Faso, le Cap-Vert, la Côte d'Ivoire, la Gambie, le Ghana, la Guinée, la Guinée-Bissau, le Liberia, le Mali, le Niger, le Nigeria, la Sierra Leone, le Sénégal et le Togo se sont regroupés pour créer un espace commercial dynamisé par la coopération économique. En plus de vouloir un développement économique de ces pays membres, la Cedeao se veut être «une région gouvernée selon les principes de la démocratie, de l'État de droit et de la bonne gouvernance» [À propos..., 2000].

Les conflits en Afrique proviennent le plus souvent d'élections contestées, de crises politiques majeures et de coups d'État militaires ou civils. À ces conflits, il est opposé le plus souvent des mécanismes traditionnels de gestion de conflits en fonction de l'ampleur dudit conflit. Ces mécanismes sont confiés à des acteurs traditionnels que représentent le plus souvent les chefs traditionnels, les anciens, les griots ou des personnalités provenant de castes ou de groupes sociaux professionnels avec des pouvoirs de persuasion reconnus [Niagalé Bakayoko, 2017, p. 41].

Il est d'ailleurs arrivé que des organisations régionales, notamment la CEDEAO, aient utilisé les services de chefs religieux. C'est le cas lors du récent coup d'État au Niger où l'ancien émir de Kano, Muhammadu Sanusi a entrepris des discussions avec le chef des Putschistes [Niger, 2023].

De façon plus politique, des mécanismes juridiques et institutionnels de résolutions ont été mis en place par les deux organisations politiques. Les mécanismes juridiques sont des documents, des traités de non-agression et/ou de soutien mutuel en cas d'agression de l'un des pays membres. C'est donc une dynamique qui promeut la création d'une mission dès lors qu'un conflit apparaît. De ce fait, la CEDEAO a par exemple créé la force d'attente appelée Economie Community of West African States Cease-fire Monitoring Group, ECOMOG. Une force composée de milliers de soldats qui peut intervenir en cas d'échec de missions de bons offices [La Cedeao, 2012].

Ces derniers sont la première étape de résolutions de conflits dans les régions ouest et centre de l'Afrique. Les récents coups d'État en Afrique de l'Ouest ont activé des missions de bons offices dirigées par des personnalités politiques de haut rang. Des pourparlers qui n'ont pas forcément abouti au rétablissement de l'ordre politique et constitutionnel dans ces pays. Il en est de même pour le Gabon qui a connu en septembre une mission conduite par le

président centrafricain, Faustin Touadéra. Une mission qui n'a pas permis de rétablir l'ordre constitutionnel [Le Président...., 2023].

Par ailleurs, au sein de la CEDEAO et de la CEMAC, il existe un département chargé des affaires politiques et de façon plus large chargé de la paix et de la sécurité. Ces départements se chargent essentiellement d'activer le processus de règlements de conflits en lien avec la Conférence des chefs d'États et de gouvernement qui se réunit pour décider du plan d'action à adopter dans chaque situation. La Conférence des chefs d'États et de gouvernements peut décider de l'envoyer d'une mission de bons offices et de la convocation des chefs d'États-majors afin de préparer un plan de résolution militaire.

La CEMAC a par exemple déployé des missions de maintien de la paix dans des pays tels que la République centrafricaine. La Force Multinationale de l'Afrique Centrale (FOMAC) a déployé plus de 350 soldats en République centrafricaine en octobre 2022, à l'issue d'un sommet des chefs d'États de la CEMAC. Ce déploiement a été fait sous le nom de Force multinationale des États d'Afrique centrale. À cette époque, la situation en Centrafrique a été marquée par une intensification des oppositions religieuses, avec un très grand risque d'implosion massive dans tous les domaines. Suite à cette situation, des affrontements avaient également eu lieu partout dans le pays, entraînant des pertes en vies humaines et des représailles meurtrières. La situation a été décrite comme pré-génocidaire. Cette action a été effectuée dans le but de la mission de maintien de l'ordre et de la paix en Centrafrique, pour tenter de mettre fin aux vagues de violences qui opposaient les chrétiens et les musulmans [Marthe Rubio, 2012].

De son côté, la CEDEAO a participé à plusieurs actions de maintien de la paix, des interventions militaires en Gambie, en Sierra Leone et en Côte d'Ivoire. Ces interventions ont permis de restaurer la sécurité et la stabilité politique dans ces pays.

La force d'attente a été activée en Gambie suite aux élections présidentielles de décembre 2016 pour faire respecter les résultats des urnes face aux velléités de Yahya Jammeh de rester au pouvoir.

En Sierra Leone, la CEDEAO, avait effectué une intervention en 1998 pour chasser les rebelles de la capitale Freetown, pour rétablir le président Ahmad Tejan Kabbah, qui était renversé par un coup d'État un an plus tôt. Ce coup d'État militaire avait fait naître un climat de violence et d'insécurité, à la fois à Freetown, capitale de la Sierra Leone et dans d'autres parties du pays. Cette intervention de la CEDEAO avait permis de restaurer l'ordre et de rétablir le pouvoir légitime. À propos de la Côte d'Ivoire, une intervention militaire, comprenant environ 1 300 soldats, a été déployée en 2003 pour répondre à la rébellion qui sévissait dans le pays depuis septembre 2002. Les soldats avaient pour but de restaurer l'ordre et la sécurité. Cette mission a été

intégrée à une opération de l'ONU, qui s'est achevée en 2017 [Sierra Leone, 2023].

Suite à cela, des questionnements ont été soulevés quant à l'ingérence politique et à la souveraineté nationale [La Cédéao..., 2011].

La médiation diplomatique et l'intervention militaire sont perçues comme des ingérences politiques de la part des pays concernés. Ces actions sont souvent au centre des débats quant à la légitimité et à l'efficacité de telles ingérences, mais elles montrent également de la volonté des organisations régionales à jouer un rôle actif dans la résolution des conflits. Ces formes d'ingérence se manifestent à différents niveaux, particulièrement sur le plan individuel, organisationnel ou international. Sur le plan individuel et organisationnel, l'ingérence politique se caractérise à travers des interventions ou des actions non sollicitées et non désirées dans les affaires d'autrui, que ce soit au niveau politique, économique, social, culturel, religieux ou humanitaire. En droit international, l'ingérence est le fait qu'un État ou une organisation internationale intervienne dans les affaires intérieures d'un pays tiers, sans son consentement ou sans son accord. Cette intervention va à l'encontre de la notion de pleine et entière souveraineté des États [Hadrien Valat, 2023].

Les interventions de la CEMAC et de la CEDEAO en Afrique ont connu des succès notables et remarquables, mais elles ont aussi été confrontées à des défis considérables, tels que la coordination des efforts, le financement des opérations et la légitimité des interventions. Ces défis ont eu un impact sur la stabilité régionale, mettant en avant la complexité des enjeux liés à la résolution des conflits et à l'ingérence politique.

La CEDEAO n'a pas toujours atteint tous ses objectifs ; en 2011, « son incapacité à apporter une solution militaire ou politique à la crise ivoirienne, dont le règlement fut mené par le Conseil de sécurité et la France », en est un exemple [Etudes ..., 2019].

Au fil des années, la CEMAC et la CEDEAO ont mené à bien plusieurs actions importantes en Afrique. Sur le plan économique, scientifique et politique, la CEMAC et la CEDEAO ont résolu plusieurs problèmes qui ont permis le développement et la prospérité de plusieurs régions en Afrique. Sur le plan économique, la CEMAC a joué un rôle crucial dans la propagande du commerce interrégional et de l'intégration économique. Grâce à des politiques concertées et des programmes de développement, la CEMAC a contribué à renforcer les liens commerciaux entre les pays membres, mettant en avant la croissance économique et la création d'emplois en Afrique.

Sur le plan scientifique, la CEDEAO a soutenu des recherches et des innovations à travers des initiatives visant à améliorer les infrastructures scientifiques et technologiques dans la région [CEDEAO, 2024].

En encourageant la coopération scientifique et les échanges d'expertise, la CEMAC a contribué à stimuler le progrès scientifique et technologique au

sein de ses pays membres. Sur le plan politique, la CEMAC et la CEDEAO ont toutes les deux œuvré à résoudre plusieurs problèmes transfrontaliers et à promouvoir la paix et la stabilité, la sécurité dans certains pays en Afrique. En facilitant le dialogue et la coopération entre les États membres, ces deux institutions ont contribué à atténuer les tensions et à prévenir les conflits, renforçant ainsi la gouvernance et la sécurité dans la région.

La CEMAC et la CEDEAO font face à de nombreux enjeux sociaux en Afrique depuis de nombreuses années. Ces deux institutions sont le plus souvent confrontées à des défis majeurs à tous les niveaux de la société. Des problèmes complexes qui touchent directement les populations et les pays composants chacune d'elles.

Au niveau économique, la CEMAC rencontre des défis tels que la diversification économique, la faible industrialisation de certains pays africains et la dépendance excessive à l'égard des exportations de matières premières. Ces facteurs ont un impact considérable sur la stabilité économique des pays membres et sur le bien-être de leurs citoyens. Face à cela, elle doit faire face à des soucis de gouvernance, de corruption et de gestion des ressources naturelles, qui empêchent le développement économique et social [Afrique centrale, 2023].

Sur le plan social, les populations de la CEMAC sont confrontées à des défis majeurs tels que la pauvreté, le chômage, l'accès limité aux services de santé et à l'éducation, à cela s'ajoutent les inégalités croissantes. Ces défis sociaux sont intensifiés par des problèmes environnementaux qui sont la déforestation, la désertification et les changements climatiques, qui ont un impact direct sur la vie quotidienne des citoyens de la région [Les Echos, 2023].

Il est important de noter que la CEMAC est confrontée à des défis de sécurité, précisément le terrorisme, les conflits armés et les flux migratoires. Ces problèmes ont tous des répercussions graves sur la vie des populations.

En conclusion, la résolution des conflits et les ingérences politiques sont des défis considérables pour la CEMAC et la CEDEAO, mais au fil des années, ces deux organisations ont démontré leur aptitude à s'engager activement pour la stabilité, la paix et la sécurité régionale. Les dispositifs de résolution des conflits et les formes d'ingérences politiques adoptées par ces deux organisations sont le reflet de leur volonté de jouer un rôle crucial dans la promotion de la paix et de la sécurité en Afrique.

La CEMAC et la CEDEAO ont été confrontées à plusieurs défis en matière de résolution des conflits, allant des guerres politiques internes aux conflits frontaliers. Pourtant, ces deux organisations régionales ont su démontrer leur engagement en déployant des efforts concertés pour prévenir les conflits, faciliter la médiation et superviser les processus de paix. Leurs actions ont contribué à limiter l'escalade des conflits et à favoriser la stabilité

dans la région. En ce qui concerne les ingérences politiques, la CEMAC et la CEDEAO ont adopté des approches variées visant à promouvoir la démocratie et à prévenir les crises politiques. En définitive, la CEMAC et la CEDEAO ont surmonté de nombreux obstacles pour devenir des acteurs incontournables dans la promotion de la paix et de la sécurité en Afrique. Leurs efforts continus pour la résolution des conflits et les ingérences politiques témoignent de leur détermination à instaurer un environnement pacifique et stable, essentiel au développement socio-économique de la région.

References

Communauté Économique Et Monétaire De L'Afrique Centrale. URL : <https://www.pref-cemac.org/ceamac-en-bref.php> (visité le: 29.04.2024).

À propos de la CEDEAO. URL : <https://www.ecowas.int/a-propos-de-la-cedeao/?lang=fr> (visité le: 02.05.2023).

Niagalé Bakayoko : Les mécanismes traditionnels de de gestion des conflits en Afrique. Juin 2017. P. 41. URL : https://dandurand.uqam.ca/wpcontent/uploads/2017/06/Rapport_Recherche_2_FrancoPaix.pdf (visité le: 15.04.2024).

Agence France Presse : Niger, un ex émir du Nigéria annonce être à Niamey pour une médiation avec les militaires. URL : <https://www.mediapart.fr/journal/fil-dactualites/090823/niger-un-ex-emir-du-nigeria-annonce-etre-niamey-pour-une-mediation-avec-le-regime-militaire> (visité le: 04.05.2024).

Marthe Rubio, Le Monde Afrique, Qu'est-ce que la Cedeao ? URL : https://www.lemonde.fr/afrique/article/2012/09/06/qu-est-ce-que-la-cedeao_1756007_3212.html (visité le: 16.04.2024).

Xinhua Net : Le Président Centrafricain en ,issions de bons offices au Gabon. URL : <https://french.news.cn/20230906/60dff90c69cc430f9544630e89243430/c.html> (visité le: 19.04.2024).

Rédaction Africanews avec AFP : Sierra Leone : la CEDEAO prête à déployer des soldats "si nécessaire". URL : <https://fr.africanews.com/amp/2023/11/28/sierra-leone-la-cedeao-prete-a-deployer-des-soldats-si-necessaire/> (visité le: 06.05.2024).

France 24 : La Cédéao va-t-elle intervenir militairement en Côte d'Ivoire ? Publié le : 06/01/2011. URL : <https://www.france24.com/fr/20110106-cedeao-intervenir-militairement-cote-ivoire-scenario-catastrophe-nigeria> (visité le: 12.04.2024).

Hadrien Valat. La Cedeao, une organisation économique rompue aux interventions militaires. URL : <https://www.lesechos.fr/monde/afrique-moyen-orient/la-cedeao-une-organisation-economique-rompue-aux-interventions-militaires-1969793> (visité le: 15.04.2024).

Moutou Sébastien Marcel, Etudes comparatives de deux processus d'intégration régionale économique en Afrique Subsaharienne : le cas de la CEMAC et de la CEDEAO. URL : <https://www.caim.info/revue-civitas-emopa-2013-2-page123.htm> (visité le: 30.04.2024).

CEDEAO – Communauté Economique Des Etats de l'Afrique de l'Ouest. URL : <https://archive.uneca.org/fr/oria/pages/cedeao-communaut%C3%A9A9-economique-des-etats-de-l%E2%80%99afrique-de-l%E2%80%99ouest> (visité le: 05.05.2024).

Les Echos. Santé : des inégalités croissantes dans l'accès aux soins, selon les Français. URL : <https://www.lesechos.fr/economie-france/social/sante-des-inegalites-croissantes-dans-lacces-aux-soins-selon-les-francais-1962506> (visité le: 22.04.2024).

PENALTIES FOR CORRUPTION AND RELATED OFFENSES

Abstract. The article aims to analyze various penalties for corruption in different countries, closely focusing on the African continent. It provides an analysis of cases where corruption activities have been sanctioned as part of anti-corruption policies implemented by a government, which allows for an understanding of the prevalence of corrupt practices and the seriousness of the issue at both the local and international levels.

Keywords: corruption, anti-corruption initiatives, international cooperation, penalties.

Нгалубали Кен Джонтони

Педагогический университет Центрального Китая, Браззавиль

НАКАЗАНИЯ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Аннотация. Представлена попытка анализа наказания за коррупцию в разных странах, особое внимание уделено африканскому континенту. Рассмотрена проблема инструментов правительства для борьбы с преступлениями коррупционной направленности в рамках антикоррупционной политики. Данный материал позволяет оценить распространенность коррупционной практики и серьезность проблемы как на местном, так и на международном уровнях.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционные инициативы, международное сотрудничество, правонарушения.

Corruption hampers the proper functioning of many countries around the world. Corruption is a crime that is universally prosecuted. To implement an effective anti-corruption policy, it is crucial to put in place reliable sanctions and penalties for corrupt individuals. However, due to historical factors, political events, and uneven development in some countries corruption presents a bigger problem. In certain African countries, some forms of corruption have become widely accepted practices or even a part of social rituals. One example of corruption that is accepted as the norm in some parts of Africa is the practice of “appreciation” which is a bribe. It became an integral part of everyday life and the process of receiving services or resolving issues. In certain African countries, individuals must offer bribes to obtain medical care, educational opportunities, or business licenses. These bribes may not only be monetary payments, but also tangible benefits such as gifts or favors. This practice has become so pervasive in society that it has not only become accepted but also has been normalized by both those who offer and those who receive [La corruption ... , 2003]. Therefore, the implementation of sanctions in Africa becomes a delicate process.

Penalties for corruption can vary depending on the country's laws and regulations. However, in general, all possible sanctions can range from minor to more severe.

In some cases, civil servants and officials who are found guilty of corruption may face disciplinary sanctions such as warnings, reprimands, or temporary suspensions from office. These actions may be taken when the corruption does not have serious consequences, or when there is limited evidence. In Côte d'Ivoire in 2022, Mr. Goli Bi Mathurin, Minister found several doctors and nurses guilty of fraud and extortion for the Promotion of Good Governance and the Fight against Corruption. Due to the limited evidence some of them received warnings and some were temporarily suspended [Corruption ... , 2022].

Administrative penalties such as the imposition of fines are a common method of punishment for corruption offenses. Fines may be assessed based on the severity of the violation and can range from small sums of money to substantial fines that can have significant financial consequences for those found guilty. Termination and removal from office are other administrative punishments. In instances of serious corruption, public servants or officials may be terminated from their employment or removed from their positions. This may also include a prohibition on holding public office in the future. In South Africa, the government introduced disciplinary and administrative measures against corruption linked to the fight against COVID-19. At the time, President Cyril Ramaphosa announced that penalties would be taken against officials involved in embezzlement, fraud, and corruption in connection with public contracts to combat COVID-19. As a result, 224 civil servants accused of corruption were subjected to disciplinary sanctions and 330 to administrative sanctions [Afrique ... , 2022].

Corrupt activities can be prosecuted under criminal law. Because of the trial, perpetrators may be sentenced to incarceration. The duration of imprisonment will depend on the severity of the offense. In Somalia, for example, President Hassan Sheikh Mohamud was accused of dissolving several anti-corruption bodies, and many people involved in the offense were imprisoned. This action caused concern among the population and led to a deterioration in economic and humanitarian conditions for Somalis [Somalie ... , 2015].

In certain instances, when found guilty of corrupt activities, the court may order the seizure of assets obtained unlawfully. This may encompass real estate, funds in accounts, automobiles, and other property. In 2019 the prosecutor's office confiscated a collection of 25 unique cars from the Vice President of Equatorial Guinea, Teodoro Nguema Obiang, accused of money laundering, which was later sold at Bonhams auction for 27 million Swiss francs [Deveaux, 2019].

Where corrupt activities cross borders, judicial authorities may seek the extradition of offenders to bring them before justice in other nations where the crimes took place. In 2022, Interpol announced the arrest of 11 people suspected of involvement in fraud for \$800,000. The arrests were made as part of an

operation aimed at countering cybercrime in Africa. According to Interpol, law enforcement agencies from 27 countries took part in the operation. The official press release says that the operation carried out in close cooperation with Afripol, lasted from July to November of this year [African ... , 2022].

While corrupt activities are present to varying degrees in different parts of the world, some factors may explain why Africa has higher levels of corruption. First, some African countries have experienced long periods of colonialism, and this can have a lasting impact on their institutions and governance systems. During colonial times, administrators may have established corrupt systems to control or exploit resources, leaving behind a legacy of corruption that continues to affect the country today. Second, certain African countries face challenges with undeveloped institutions, including law enforcement agencies, the judicial system, and administrative authorities. Third, African countries face economic challenges, such as low income, high unemployment, and inequality. These challenges motivate people to engage in corrupt activities to survive or improve their economic situation.

However, it should be acknowledged that there is corruption in even more developed countries. While the corrupt actions of some individuals on the local level may not always be actively reported in the media, when it comes to organizations, particularly those involved in international affairs, such incidents can become high-profile news events. Organizations that engage in corrupt activities are subject to various degrees of penalties.

Administrative sanctions may reduce certain rights or benefits. For example, the suspension or revocation of subsidies, tax advantages, or other benefits granted by the State. These measures deprive corrupt companies of the economic and financial benefits to which they are entitled. An investigation into the activities of the Canadian gold mining corporation Kinross Gold in West Africa for violations of the U.S. Foreign Corrupt Practices Act (FCPA) ended with a fine of less than \$1 million and the termination of the campaign [Intégrité ... , 2018]. In combating corruption and related crimes, administrative sanctions occupy an essential place. Unlike criminal sanctions, which come under the jurisdiction of the courts, government bodies whose mission is to regulate and fight corruption in all its forms directly impose administrative sanctions.

On a global scale, international sanctions play an essential role in the fight against corruption. They reinforce national measures, enabling countries to punish corrupt nationals abroad and targeting transnational corruption networks. These sanctions have the possibility of being imposed using legislation approved by countries to condemn acts of corruption committed abroad by their citizens or companies.

International organizations play a crucial role in enforcing sanctions and deterring corrupt individuals worldwide. For example, the United Nations has established the United Nations Convention against Corruption. This conven-

tion encourages member states to adopt legislative measures and to cooperate in preventing, detecting, and punishing corruption. These international sanctions take a variety of forms, including trade restrictions, the freezing of illegal assets, or limiting access to international markets. In Asia, the fight against corruption is a very important situation and this process involves the implementation of several very serious anti-corruption laws and recommendations such as the introduction of administrative sanctions and the consolidation of efforts to ensure the proper investigation and prosecution of corruption cases. Prosecutions and convictions are necessary to implement anti-corruption strategies in the Asia-Pacific region [Lutte ... , 2023].

In the event of international bribery, individuals or institutions engaged in this illegal activity are subject to sanctions such as extradition, and severe restrictions such as restrictions on international business activities. In China, the fight against corruption is a very important issue. By 2021, Deutsche Bank, a universal German bank, is present in over 75 countries. The bank allegedly tried to curry favor with China by bribing political figures. The bank had paid millions of dollars to Chinese consultants who had access to politicians, and hired more than 100 relatives of high-level Communist Party members for positions at the bank, even though they did not meet the required conditions. It was fined \$122.9 million for offenses in several countries, including China [SKAN ... , 2021].

Trade restrictions are among the most common forms of international sanctions. They take the form of trade embargoes or bans on the import and export of goods and services from or to countries implicated in acts of corruption. These measures aim to reduce the economic opportunities of countries engaged in corrupt activities and to isolate them on the international trade scene.

The confiscation of illicit assets is another form of sanction applicable at the international level in the fight against corruption. This involves freezing assets belonging to individuals or institutions implicated in acts of corruption. These measures aim to deprive the corrupt of their illegal financial resources and prevent the circulation of funds deriving from activities resulting from corruption.

All countries of the world are engaged in efforts to combat corruption in one form or another, at all levels of government, and in various forms, it may manifest. According to Transparency International, an international non-governmental organization dedicated to fighting corruption and researching the level of corruption globally, only four countries – the US, UK, Switzerland, and Israel – accounted for 16.5 % of global exports and actively enforced anti-bribery legislation abroad. Other major exporting nations have not been as successful in combating external corruption. Transparency International reports that many countries do not effectively investigate cases of bribery abroad. Businesses from rich countries often bring corruption to poorer nations, undermining local institutions and development [Foreign ... , 2019].

Transparency International experts have criticized Germany, the third largest exporter in the world, for implementing only moderate levels of anti-corruption measures. Experts have made similar claims from France, Italy, and Spain [La corruption ... , 2022].

In conclusion, the effectiveness of criminal sanctions depends on their rigorous application and enforcement. To achieve this, countries' judicial systems need to be fully independent, impartial, and transparent, to ensure that the alleged perpetrators of corruption are prosecuted and convicted. It is also necessary to strengthen the capacity of law enforcement and judicial institutions to investigate corruption cases transparently and to ensure that sanctions are applied fairly and under the law.

Penalties play an important role in the fight against corruption and related offenses. Considered illegal and criminal acts, corruption should be prosecuted. It can dissuade those involved in corruption from continuing with this illegal practice. Moreover, the penalty should depend on the seriousness of the offense, considering the extent of the corruption, the harm caused to society, and the illicit personal enrichment.

References

Afrique du Sud: poursuites dans 940 affaires de Corruption liées au Covid. URL: <https://www.voaafrrique.com/a/afrique-du-sud-poursuites-et-sanctions-dans-940-affaires-de-corruption-li-%C3%A9es-au-covid/6411792.html> (date of access: 10.04.2024).

Corruption et Infractions Assimilées dans le Secteur de la Santé : Le Gouvernement Sanctionne les Coupables. URL: <https://www.google.com/amp/s/www.bbc.com/afrique/region-45987173.amp> (date of access: 20.15.2024).

Deveaux J. Quand les sanctions internationales heurtent les populations en Afrique. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/zimbabwe/quand-les-sanctions-internationales-heurtent-les-populations-en-afrique_4921325.html (date of access: 10.04.2024).

Foreign Corrupt Practices Act. Sobol Shapiro LLP URL: https://www.hbsslaw.com/wb/foreign-corrupt-practices-act?utm_source=google&utm_medium=cpc&utm_campaign=secgen&utm_id=238382299&agname=FCPA&utm_term=foreign%20corrupt%20practices%20act&mt=b&gad_source=1&gclid=CjwKCAjw48-vBhBbEiwAzqrZVG7CsY9mbSB4184Ib2ZlOcJOOFIAif-X58WqkiO3DLse8gZjM273eRoCvXsQAvD_BwE (date of access: 10.04.2024).

Intégrité et Lutte Contre la Corruption. URL: <https://www.afdb.org/fr/about-us/organisational-structure/integrity-and-anti-corruption> (accessed on 20.04.2024).

La corruption pille les ressources en Afrique et appauvrit les Africains. 2022. URL: <https://www.voaafrrique.com/a/l-afrique-du-sud-est-le-pays-le-plus-in%C3%A9galitaire-au-monde-selon-la-banque-mondiale/6477557.html> (date of access: 25.10.2024).

La corruption quotidienne en Afrique de l'Ouest. 2003. URL: <https://www.ifeas.unimainz.de/files/2019/07/corruption.pdf> (date of access: 25.10.2024).

Lutte contre la corruption des règles plus strictes pour lutter contre la corruption dans l'UE et dans le monde. URL: https://france.representation.ec.europa.eu/informations/lutte-contre-la-corruption-des-regles-plus-strictes-pour-lutter-contre-la-corruption-dans-lue-et-2023-05-03_fr (date of access: 05.05.2024).

SKAN Outlook. Chine évolution des lois anticorruption et points de vigilance, ce qu'il faut savoir en 2021. URL: <https://outlook.skanl.fr/2021/03/29/corruption-chine-evolutions-reglementaires-et-bonnes-pratiques-adopter-extraterritorial-fcpa-sapin2-sanction-duediligence-evaluation-tiers/amp/> (date of access: 15.04.2024).

Somalie des députés tentent de destituer le président Hassan Cheikh Mohamoud. URL: <https://www.voaafrrique.com/a/somalie-des-deputes-tentent-de-destituer-le-president-hassan-cheikh-mohamoud/2925582.html> (date of access: 11.04.2024).

РАЗДЕЛ III

ТУРИСТИКА И УРБАНИСТИКА

УДК 378.147

Л. П. Владимирова

МГИМО университет Министерства иностранных дел России, Одинцово

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Рассмотрены вопросы обучения иностранным языкам специалистов в сфере современного туризма. Особое внимание уделено межкультурной коммуникации в постоянно меняющемся мире. Современные цифровые технологии определили новые тенденции языкового образования и изменили характер взаимодействия людей разных культур. Облачные технологии, различные сетевые устройства позволяют жителям разных стран быстро устанавливать связь друг с другом, общаться, знакомиться с новыми культурами. Для успешного пребывания в другой стране, необходимы знания иностранного языка и основ культурных традиций.

Ключевые слова: туризм, иностранные языки, тенденции, коммуникация, цифровые технологии.

L. Vladimirova

MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Odintsovo

CURRENT TRENDS IN LANGUAGE EDUCATION IN THE TOURISM SECTOR

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of teaching foreign languages to specialists in the field of modern tourism. The author pays special attention to intercultural communication in an ever-changing world. Modern digital technologies have defined new trends in language education and changed the nature of interaction between people of different cultures. Cloud technologies and various network devices allow residents of different countries to quickly connect with each other, communicate, and get acquainted with new cultures. For a successful stay in another country, knowledge of a foreign language and the basics of cultural traditions are required.

Keywords: tourism, foreign languages, trends, communication, digital technologies.

Туризм как социальное явление играет важную роль в сближении народов и культур. История его развития берет начало с Античности, Средневековья и Нового времени, когда основные тенденции отдыха определила промышленная революция [Овчаров, 2020, с. 108]. Современный туризм продолжает свое развитие на более высоком уровне. В данной статье использование иностранных языков в туристической сфере рассматривается в трех направлениях.

1. *Сфера обслуживания индустрии туризма* включает в себя специалистов различного рода. Основным требованием к профессиональной компетенции работников является обязательное владение иностранными языками. Принято выделять три основные группы потенциальных пользователей в профессиональном секторе туризма: 1) сотрудники низшего звена (сопровождающие тургрупп, администраторы гостиниц, спортивные инструкторы и др.), для которых достаточен минимальный уровень владения иностранным языком – А2 (в соответствии с Общеввропейской системой владения иностранными языками); 2) специалисты среднего звена (менеджеры туризма) – уровень владения иностранным языком – В1; 3) руководители турбизнеса – уровень владения иностранным языком – В2/С1 (Артюшевская, 2015, с. 153].

Следует выделить особую группу сферы туризма, в которую должны входить гиды-переводчики, чей уровень владения иностранным языком должен соответствовать высокому уровню В2 или С1. *Гид-переводчик* – это специалист, в совершенстве владеющий иностранным языком (английским или языком группы туристов из другой страны). В его задачи входит сопровождение гостей и их знакомство с культурой, традициями, историей страны посещения. Гид-переводчик должен уметь переводить информацию различной тематики из разных областей деятельности человека.

Межкультурная коммуникация как взаимодействие представителей разных народов в различных сферах жизнедеятельности также имеет свою давнюю историю. Как отмечают ученые, первые контакты относятся еще к эпохе становления древнейших цивилизаций. Языковое образование необходимо для успешной межкультурной коммуникации. Язык может способствовать установлению контактов и адаптации в новой межкультурной среде. Изучение языка другой страны невозможно без знакомства с ее культурой. В настоящее время общество находится во власти интернета, социальных сетей, цифровых объектов, интернета вещей и искусственного интеллекта. Все сферы деятельности человека связаны с цифровыми технологиями, в том числе и образование.

2. *Обучение иностранным языкам в цифровую эпоху.* Цифровые технологии открывают новые возможности изучения иностранных языков и картин мира. Наиболее обсуждаемыми вопросами в современном образовании являются технологии интернета вещей (Internet of Things, IoT) и искусственного интеллекта. Интернет вещей, как правило, связан с предметами, объектами, которыми можно управлять дистанционно – «умные города», «умные дома», «умные бытовые предметы», промышленный интернет и т. д.

Существует множество путей применения IoT-технологий в образовании. Различные типы устройств (персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны и др.) собирают информацию с помощью множе-

ства датчиков и сенсоров. Подключенные «умные устройства» могут взаимодействовать друг с другом и обмениваться информацией. Интернет вещей в образовательном учреждении может использоваться как инструмент для изучения или исследования определенной темы (проблемы), для виртуального взаимодействия студентов и преподавателей. Во многих образовательных учреждениях широко используются интерактивные платформы на основе IoT для дистанционного обучения. Обучение иностранным языкам дистанционно открывает огромные возможности для изучения особенностей языка и культуры, используя голосовые и визуальные датчики и создавая ситуации, приближенные к реальным условиям общения с носителями языка.

Так, благодаря IoT университеты и исследовательские центры могут беспрепятственно обмениваться информацией в режиме реального времени. И это уникальная возможность для межкультурного взаимодействия. Кроме того, интернет вещей тесно связан с искусственным интеллектом.

Искусственный интеллект (ИИ) – это автоматическая динамическая операционная система, способная собирать и анализировать большие объемы данных в целях последующего использования результатов для создания алгоритмов действий. В научных работах П. В. Сысоева представлен анализ внедрения ИИ в образование и возможные пути его применения в учебном процессе. Он считает, что ИИ может разрабатывать и реализовывать методики обучения конкретным дисциплинам, имитировать речемыслительную деятельность человека для решения учебных, коммуникативных и профессиональных задач, осуществлять автоматизированный контроль знаний обучающихся [Сысоев, 2023, с. 15].

Инструментарий ИИ (ChatGPT, корпусные технологии, чат-боты и др.) может взять на себя часть функций преподавателя. Технологии ИИ могут подобрать текстовый материал определенной тематики и уровня сложности, разработать задания и тренировочные упражнения. Лингвисты используют чат-боты, корпусные технологии для формирования фонетических, лексико-грамматических навыков речи. Многие педагоги отождествляют инструменты ИИ с современными информационно-коммуникационными технологиями: блоги, вики, Moodle, дополненную реальность и т. д., которые используются как средства обучения. Однако существует и другое мнение: «Очевидно одно: на определенном этапе ИИ будет (должен) восприниматься не в качестве средства, а в качестве третьего субъекта образовательного процесса наряду со студентом и преподавателем» [Сысоев, 2023, с. 17].

Межкультурная коммуникация требует понимания различий в языке, культуре и обычаях. Считается, что интернет вещей является носителем культуры и средством ее распространения. Технологии IoT позволяют преодолевать языковые и культурные барьеры посредством устройств, которые могут собирать, обрабатывать и передавать данные из разных

культур, обеспечивая глобальную связь. Интернет вещей выступает в качестве технологического моста между многонациональными группами людей. Современные цифровые технологии способствуют формированию социокультурной компетенции, необходимой для специалистов сферы туризма. В межкультурном взаимодействии важно учитывать этические стандарты каждой культуры, а при использовании технологий IoT соблюдать неприкосновенность личной жизни и достоверность данных.

3. *Отношение клиентов туризма к изучению иностранных языков.* Знание хотя бы одного иностранного языка снимает многие трудности во время путешествий по миру. Именно поэтому люди начинают изучать английский как язык международного общения или стремятся освоить азы национального языка выбранной ими для туристической поездки страны. Современные информационно-коммуникационные и цифровые технологии, включая искусственный интеллект, являются отличными помощниками в изучении иностранного языка. Желющие изучать его для комфортного путешествия – одна категория людей, стремящаяся овладеть способностью самостоятельно взаимодействовать с представителями других стран и культур.

Существует и другая категория людей, которые считают, что для посещения какой-либо страны не обязательно изучать ее язык, как и знать английский, так как современные цифровые технологии в считанные секунды позволяют найти нужную информацию, перевести ее на другой язык и даже озвучить при необходимости. То есть можно вести диалог с представителем другой страны с помощью искусственного интеллекта. Данная ситуация похожа на диалог с роботом. Однако живое общение с эмоциями, мимикой, жестами все еще не уступает свои позиции искусственному интеллекту. А знания иностранных языков открывают новые возможности для реального общения представителей разных культур.

Таким образом, культурные различия в мировоззрении, ценностях, социальных нормах, языке могут вызывать сложности в общении между многонациональными группами людей. Важным фактором межкультурного взаимодействия является знание хотя бы одного иностранного языка (английского как языка международного общения), а также языка выбранной для путешествия страны. Лингвострановедческая компетенция имеет огромное значение для специалистов туристической сферы. Иностранный язык необходим всем сотрудникам туристической индустрии (в зависимости от занимаемой должности): от обслуживающего персонала, гидов-переводчиков, менеджеров до руководителей турбизнеса.

Современные тенденции языкового образования в нашей стране, включая профессиональное образование сферы туризма, отражают общие тенденции развития мирового пространства. Прежде всего, смещается центр выбора иностранных языков из стран Европы (немецкий, французский, итальянский, испанский и др.) на языки восточных стран (китай-

ский, арабский, турецкий и др.). Расширяется круг специалистов туристической индустрии, к которым предъявляются повышенные требования к уровню владения иностранным языком в соответствии с Общеввропейской системой владения иностранными языками (от A2 до C1). Меняется методика обучения иностранным языкам: современные методы обучения с цифровыми технологиями интегрируются с традиционными. Туризм все активнее привлекает людей, которые интересуются образом жизни других народов. Благодаря современным цифровым технологиям расширяются возможности изучения иностранных языков и культуры.

Библиографический список

Артюшевская С. В. Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам будущих специалистов сферы туризма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalno-orientirovannoe-obuchenie-inostrannym-yazykam-buduschih-spetsialistov-sfery-turizma/viewer> (дата обращения: 25.04.2024).

Овчаров А. О., Махов С. Ю. История развития туризма в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-turizma-v-rossii> (дата обращения: 24.04.2024).

Сысоев П. В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 10. С. 9–33.

УДК 81'42

О. А. Каверина

Иркутский государственный университет, Иркутск

МАРКЕТИНГОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ПРОДВИЖЕНИЕ ТУРИСТСКОЙ ДЕСТИНАЦИИ В КИТАЕ

Аннотация. Проведен анализ «продвигающих» текстов как маркетинговых продуктов рекламного дискурса. Реклама является одним из приоритетных элементов маркетинговых коммуникаций. Маркетинговая медиакommunikation обеспечивает создание и поддержание постоянных связей поставщика продукта/услуги с внешней средой, информируя целевую аудиторию о продукте, его брендовой уникальности с целью формирования положительного имиджа и привлечения внимания и, следовательно, продвижения и стимулирования продаж.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, рекламный дискурс, «продвигающий» текст, дестинация.

O. Kaverina

Irkutsk State University, Irkutsk

MARKETING COMMUNICATIONS IN ADVERTISING DISCOURSE: THE PROMOTION OF THE TOURIST DESTINATION IN CHINA

Abstract. The article analyzes «promoting» texts as marketing products of advertising discourse. Advertising is a primary element of marketing communications. Marketing media communication ensures the creation and maintenance of permanent relations of the product/service provider with the external environment, informing the target audience about the product, its brand uniqueness, in order to form a positive image and attract attention, and, consequently, to promote and stimulate sales.

Keywords: marketing communications, advertising discourse, «promoting» text, destination.

Основу маркетинговой деятельности составляет теория коммуникации, целью которой является передача особо значимой с точки зрения маркетинга информации [Гусейнова, 2019]. По определению Американской маркетинговой ассоциации, маркетинг включает в себя комплекс практик и процессов, направленных на разработку, коммуникацию, доставку и обмен предложениями, которые обладают ценностью для клиентов, партнеров и общества в целом [АМА]. Комплекс практик и процессов, другими словами, стратегии и планы маркетинга реализуются за счет более широкого комплекса инструментов, а именно четырех взаимосвязанных элементов – товара, цены, места и продвижения. Таким образом, для того, чтобы информация о продукте или услуге стала известной и привлекательной, прибегают к маркетинговым коммуникациям как деятельности, обеспечивающей обмен информацией, необходимый для создания обществом коллективного знания (образа мыслей, жизни, привычек, стереотипа, имиджа, бренда и др.)

Реклама является одним из приоритетных элементов маркетинговых коммуникаций наряду со стимулированием сбыта, PR, личными продажами и др. Цель рекламной деятельности – сообщить потребителю информацию о продукте, вызвав к нему интерес, и убедить покупателя приобрести его. Рекламная деятельность реализуется в СМИ, которые предлагают широкий набор информационных площадок для позиционирования и продвижения продукта. Объектом нашего внимания является туристский продукт – дестинация (китайский город Харбин), информация о которой представлена в государственном новостном журнале *Beijing Review* Китайской международной издательской группы.

Понятие «дестинация» входит в сферу географии и туризма, обозначая место с его ресурсами [БРЭ]. С точки зрения туризма дестинация не только привязана к территории, но имеет ряд условий, а именно: аттракции (природные и культурные, естественные и искусственно созданные, специальные события); инфраструктуру (средства размещения, систему питания, магазины); доступность (транспорт, виза); мероприятия (различные туристские активности и развлечения); вспомогательные услуги (платежные системы, системы здравоохранения и безопасности) и др. [Морозова, 2014].

Являясь территорией экономической выгоды, дестинация должна постоянно находиться в пространстве маркетинговой медиакommunikации, которая обеспечивает создание и поддержание постоянных связей предприятия (в нашем случае правительства провинции и города) с внешней средой, информируя целевую аудиторию о продукте, его брендовом отличии от конкурентов, с целью стимулирования продаж и формирования имиджа посредством СМИ [Желтухина, 2019].

Имидж представляет собой сформировавшийся в психике людей образ объекта, к которому у них возникает оценочное отношение в форме мнения [Штефан, 2019]. Имидж дестинации – это комплекс представлений, впечатлений, убеждений, идей, оценок и других модусов, связанных с определенной территорией.

Основным материалом для исследования послужила статья в рубрике «Туризм» журнала *Beijing Review*, опубликованная в январе 2024 г. под заголовком *Warm Winter Welcome* [Warm Winter ...]. На первый взгляд, статья представляет собой презентацию определенной локации. Однако при более внимательном ее прочтении заметна приоритизация рекламной структуры текста (заголовок, основной текст/слоган, концовка) и рекламного содержания, особое место в котором отводится лексике, способной формировать потребности человека и воздействовать на чувства и ориентации потребителя. Текст данной статьи целесообразно отнести к «продвигающим», которые, по словам Л. В. Уховой, функционируют в пространстве маркетинговых коммуникаций и служат целям эффективного воздействия на целевую аудиторию – привлечь внимание, сформировать определенное эмоциональное отношение к текстовой информации и побудить к действию, оперируя системой релевантных вербальных и невербальных средств их (текстов) усиления/оптимизации [Ухова, 2012]. Привлекательность заголовка актуализирована в таком стилистическом приеме, как анафора, где слова имеют одинаковую букву в начале. Кроме стилистического приема, автор увлекает читателя смысловым содержанием – фразеологизмом *теплый прием*.

Массмедийные тексты характеризуются обилием оценочных слов, а именно: преобладанием оценочной лексики, эмоционально-оценочных слов, дескриптивных слов с эмоционально-оценочными коннотациями, рационально-оценочной лексики, рационально-оценочных слов с эмоциональными коннотациями, номинативно-квалификативных слов, лексики альтернативной семантики [Суздальцева, 2017].

Эмоционально-оценочная лексика и дескриптивные слова с эмоционально-оценочными коннотациями представлены в использовании языковых единиц, выражающих авторское положительное отношение к описываемым объектам: *sought-after travel destination* (имеющее большой спрос, престижное туристическое направление), *renowned destination* (знаменитая дестинация), *distinctive Baroque-style architecture* (самобытная архитектура в стиле барокко), *awe-inspiring ice* (впечатляющий лед), *frosty splendor* (морозное великолепие), *quintessential winter allure* (особое зимнее очарование), *beloved landmark* (любимая достопримечательность), *local culinary delight* (местный кулинарный изыск), *unique heritage* (уникальное наследие), *unforgettable encounters* (незабываемые встречи).

В статье заметно выделяется использование метафор, построенных на лексике, характерной для музыкального, сценического и изобразительного искусства, например, *a symphony of ice and warmth* (симфония льда и тепла), *the city's tourist boom reached a crescendo* (городской туристический бум достиг крещендо), *spun a real-life winter fairy-tale* (развернуть настоящую зимнюю сказку), *snow spectacles* (зимние сцены), *rich tapestry of ethnic cultures* (богатый гобелен этнических культур), *a treasure trove of novel attractions* (кладезь новых достопримечательностей), *the city's affectionate embrace* (теплые объятия города), что придает образу дестинации изобразительности, возвышенности и сказочности.

Метафоры со словами, имеющие сему «звук», подчеркивают динамичность, драматический рост популярности дестинации, достигнутого прогресса в создании высококачественной и комфортной инфраструктуры города, например, *the city's tourism boom* (городской туристический бум), *social media buzz* (ажитаж в социальных сетях), *tourism explosion* (туристический взрыв), *tourism swell* (туристический всплеск). Вместе с тем реальный шум от транспортных средств маскируют лексемы с положительной коннотацией *thrill – the thrill of hovercrafts* (трепет судна на воздушной подушке) и *charm – the charm of ice bicycles* (очарование ледяных велосипедов).

Прогресс в развитии привлекательности и экономического успеха дестинации представлен оценочными прилагательными *record-breaking – a record-breaking 3.05 million tourists* (количество туристов) и *unprecedented – an unprecedented revenue* (беспрецедентный, небывалый доход), а также идиомами *hit an impressive milestone* (достичь внушительной отметки, важных показателей) и *stroke of luck* (улыбка фортуны, счастливая случайность, неожиданное везение), говоря, что *this success is no stroke of luck* (этот успех не случайная удача), а целенаправленная подготовка в течение года (*Harbin has been strategically preparing for this moment throughout the year*). Также привлекает внимание авторская интерпретация идиомы *to bring to light* (пролить свет, обнаружить) – *... has brought the city of Harbin into spotlight* (... сделало Харбин центром всеобщего внимания).

Показатели значимой и успешной деятельности департамента по культуре и туризму провинции Хэйлунцзян передают динамические глаголы, предполагающие силу в своей семантике, компонент волитивности субъекта: *implement* (внедрять, выполнять), *become* (становиться), *provide* (обеспечивать), *offer* (предлагать), *invigorate* (укреплять), *capture* (увлекать, завлекать), *emphasize* (выделять, акцентировать), *enhance* (усиливать, увеличивать), *expand* (расширять), *attract* (привлекать), *discover* (открывать, раскрывать), а также экспрессивные выражения *more than that – What Harbin has done is more than that* (То, что сделал Харбин, – это нечто большее) и *even go so far as – Harbin even went so far as to create an artificial moon* (Харбин дошел до того, что создал искусственную луну).

Климатические и погодные условия Харбина актуализированы с помощью оценочных прилагательных с метафорическим значением, например *biting cold* (суровый мороз), *Harbin's notorious winter chill* (пресловутый Харбинский холод). Автор заведомо использует экспрессивные прилагательные для создания контраста с другими сезонами дестинации, а именно: *enchantment of Harbin's autumnal beauty* (очарование осенней красоты Харбина), *autumn presents a milder alternative* (осень предлагает более мягкую альтернативу), *delightful as a summer retreat* (восхитительный летний отдых).

В репрезентации гостеприимства Харбина автор также использует идиоматическую лексику, например *They go out of their way to ensure every visitor feels at home* (Они стараются изо всех сил, чтобы гарантировать каждому посетителю ощущение дома); оценочные наречия и прилагательные: *generously welcomed* (щедро встречаемые), *very hospitable* (очень гостеприимные), *incredibly welcoming* (невероятно доброжелательные), *great hospitality* (радушное гостеприимство), *warm reception* (теплый прием), *feel cherished* (чувствовать любимым), *comfortable and memorable stay* (комфортное и памятное пребывание); метафоры в сочетании с оценочным прилагательным: *affectionate embrace of locals* (теплые объятия местных жителей), *the city's affectionate embrace* (теплое объятие города), *the city's spirit of hospitality is all-encompassing* (всеобъемлющий дух городского гостеприимства). Даже дискуссионная номинация *southern small potato* (южная маленькая картошка), так называют местные жители Харбина приезжих с юга Китая, которые боятся морозов и носят легкую для холода одежду, символизирует, по мнению автора, радушие и гостеприимство (*became a symbol of the city's affectionate embrace*).

Оценочные наречия *generously*, *pleasantly*, *incredibly*, *strategically*, *successfully*, *swiftly*, *satisfyingly*, *deliciously* категоризируют взаимодействие человека с внешним и внутренним миром. Именно оценочные наречия являются «гибким, креативным, емким и экономным способом категоризации эмоционального состояния» [Дюндик, 2011, с. 10], которыми оперирует автор статьи с целью передачи личностного отношения к дестинации.

Ценовая доступность объектов дестинации выражается оценочными прилагательными *mere*, *only*, *little* в сравнительной степени, например, *an eight-dish meal at fancy restaurant that cost a mere 186 yuan* (блюдо из восьми наименований в изысканном ресторане стоит меньше 186 юаней); *a variety of snacks that satisfyingly filled them for less than 100 yuan* (их досыта кормили разнообразными закусками менее, чем за 100 юаней досыта); *they secured a pair of gloves for only 5 yuan* (они приобрели пару перчаток всего за 5 юаней); *stewed goose and fresh vegetables in a big iron pot, all for 400 yuan, including beverages* (тушеный гусь со свежими овощами в большом железном горшочке, включая напитки, за 400 юаней). Автор

искусно сообщает о некоторых ценах на товары и услуги, как будто делая акцент на их доступности, при этом называет их реальную стоимость.

Воздействующей функцией обладают и цитации, вводимые автором статьи в целях акцентирования достоверности сообщаемой информации, передаваемой из первых уст. При этом автор цитирует нескольких участников маркетинговой коммуникации – потребителей (туристов) – *The affordability was that struck us the most* (Доступность – вот, что поразило нас больше всего); *Everybody in the city from the taxi drivers to regular locals, is very hospitable to us tourists* (Все, от водителей такси до простых местных жителей, очень гостеприимны к нам, туристам); поставщиков услуг (гида) – *Some social media influencers started showcasing Harbin's stunning autumn scenery back in September, however, it was ultimately Harbin's quintessential winter allure that truly sparked the tourism explosion* (Некоторые пользователи социальных сетей начали демонстрировать потрясающие осенние пейзажи Харбина еще в сентябре, но в конечном итоге именно зимняя привлекательность Харбина вызвала настоящий туристический взрыв); представителя власти (директора департамента по культуре и туризму провинции Хэйлуцзян) – *We emphasize with the tourists, paying close attention to their feedback on our social media posts* (Туристы для нас в приоритете, мы внимательно следим за их отзывами на наши посты в социальных сетях), *Whenever tourists point out areas for improvement, we act swiftly to enhance their experience* (Если туристы указывают на то, что нужно исправить, мы оперативно принимаем меры, чтобы улучшить их впечатление).

В ходе анализа статьи были выявлены лексические средства репрезентации туристской дестинации – города Харбина в китайской провинции Хэйлуцзян, которые, на наш взгляд, передают значимую маркетинговую информацию – привлекательно описывают продукт и его локацию (сам город *Harbin*, парк развлечений *The Ice and Snow World*, собор Святой Софии *The Saint Sophia Cathedral*, центральную прогулочную улицу города *Central Avenue*), способствуя их продвижению. Акцентируя внимание на доступности цен на товары и услуги дестинации, тем не менее читатель получает информацию и о самих ценах, как и о других услугах – трансфере из аэропорта (*a convoy of Rolls Royce to provide complimentary transportation for guests*), городской инициативе обеспечить бесплатную доставку туристов до мест отдыха местными жителями (*a city-wide initiative where residents provide free rides to tourists*), популярном блюде – тушеном гусе с овощами (*goose and fresh vegetables simmered together in a big iron pot*).

Стоит также отметить еще один маркетинговый прием, используемый в рекламе с целью удержания интереса потребителей к продукту – повторе информации. Так, электронная версия журнала *Beijing Review* в начале февраля размещает статью под заголовком *Tourism economy booms*

this winter, акцентируя внимание на значительном росте числа туристов в Харбине. В конце февраля выходит статья *It's cold, it's hot: Exhibition on icy and iconic Harbin City opens in Beijing*. Как видно из названия, выставка, призванная продемонстрировать привлекательный ландшафт Харбина, обещает стать актуальным, модным, успешным (*hot*) событием [The free dictionary]. Следом выходит статья *China reaps fruits far beyond ice-snow sports at National Winter Games*, рапортуя о результатах Национальных зимних игр, в которой сообщается, что Харбин, столица северо-восточной китайской провинции Хэйлунцзян, примет IX зимние Азиатские игры, способствуя росту энтузиазма к занятию зимними видами спорта и развитию местной экономики (*Next year, Harbin, capital city of northeast China's Heilongjiang Province, is to stage the 9th Asian Winter Games, which will continue to fuel the enthusiasm for winter sports and the local economy*) [Beijing Review]. Как следует из примеров выше, Харбин как привлекательная туристская дестинация активно продвигается в медиапространстве.

Эмоционально-оценочная лексика, метафорические и идиоматические выражения, цитаты, выполняют важную маркетинговую функцию – привлечь внимание целевой аудитории ради продвижения и продажи продукта (дестинации). «Продвигающие» тексты выступают важными инструментами в маркетинговых коммуникациях, способными продвигать продукт (туристскую дестинацию), формировать у потребителя определенное знание о продукте и инициировать интерес и желание его приобрести (посетить).

Библиографический список

БРЭ – Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/?ysclid=luh3xz6bhq860968657> (дата обращения: 07.03.2024).

Гусейнова И. А. Маркетинговая коммуникация: основные характеристики // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста. М. : Флинта; Наука, 2019. С. 97–99.

Дюндик Ю. Б. Наречие оценки и категоризация опыта. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2011. 179 с.

Желтухина М. Р. Смежные сферы: маркетинговая семиотика, риторика, коммуникативистика // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста. М. : Флинта; Наука, 2019. С. 66–96.

Морозова Н. С. Информационное обеспечение туризма. М. : Федеральное агентство по туризму, 2014. 288 с.

Суздальцева В. Н. Оценочная лексика в политическом дискурсе: семантико-стилистические разряды, воздействующий результат // Стилистика сегодня и завтра. 2017. С. 324–327.

Ухова Л. В. Эффективность рекламного текста. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. 375 с.

Штефан Л. В. Организация и брендинг туристических дестинаций. Минск : Изд-во БГУФК, 2019. 95 с.

AMA – American Marketing Association. URL: www.ama.org (дата обращения: 12.03.2024).

Warm Winter Welcome // Beijing Review. 2024. N 33. URL: https://vk.com/doc16929061_675654004?hash=IjFZJC0T0Iplm7PPGYIpnMyVZxXJzPYUtZoBmVfZyCH&dl=8Im6CzdBjuRzynfLlXfXYIurvFWryLA7HxeCzCIW0z (date of access: 07.02.2024).

Beijing Review. URL: www.bjreview.com (date of access: 16.04.2024).

The free dictionary. URL: [https://www.thefreedictionary.com/hot#:~:text=hot%20-%20used%20of%20physical,and%20tired""3B%20"a%20hot%20forehead](https://www.thefreedictionary.com/hot#:~:text=hot%20-%20used%20of%20physical,and%20tired) (date of access: 10.04.2024).

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ТУРИЗМ»)

Аннотация. Описана проектная деятельность как эффективная технология, обеспечивающая личностно ориентированное воспитание и обучение. Представлен проект Living Sustainably in Harmony with our Environment, посвященный приобщению молодежи к экологичному образу жизни. Участниками проекта являются русские и индонезийские студенты. Показано, как проектная деятельность способствует развитию коммуникативной компетенции обучающихся, повышению мотивации в изучении английского языка.

Ключевые слова: технология, проект, проектная деятельность, коммуникативная компетенция, обучающийся, сотрудничество.

M. Kazachkova

Moscow State Institute of International Relations (the Odintsovo Branch), Odintsovo

FROM THE EXPERIENCE OF ORGANIZING COOPERATION IN PROJECT ACTIVITIES (USING THE EXAMPLE OF PREPARING BACHELORS IN THE FIELD OF “TOURISM”)

Abstract. The article describes project activities as an effective technology that provides person-centered education and training. The project “Living Sustainably in Harmony with our Environment” was presented, dedicated to introducing young people to an environmentally friendly lifestyle. The project participants are Russian and Indonesian students. It is shown how project activities contribute to the development of students’ communicative competence and increase motivation in learning English.

Keywords: technology, project, project activities, communicative competence, student, cooperation.

На сегодняшний день существует огромное количество интернет-технологий, которые успешно применяются при изучении иностранного языка, позволяют совершенствовать владение им независимо от места жительства, активно участвовать в онлайн-встречах с обучающимися из других стран для создания общих проектов различного уровня и направленности.

Благодаря информационным технологиям можно развивать коммуникативную компетенцию, расширяя профессиональное направление. А умение общаться, как известно, является отличной гарантией успеха и благополучия в жизни.

Что же означает термин «технология»? Слово происходит от греческого *techne* – «искусство», «мастерство», «умение» и *logos* – «наука», «закон» [БСЭ]. Технология определяется как совокупность приемов и способов получения, обработки и переработки определенных изделий; как научная дисциплина, разрабатывающая и совершенствующая такие приемы и способы.

Технология обучения – движущая сила модернизации образовательного процесса [Faure, 1972], включающая упорядоченное множество опе-

раций и действий, обеспечивающих педагогическое целеопределение, содержательные и процессуальные аспекты, направленные на усвоение знаний, приобретение профессиональных умений и формирование личностных качеств студента, заданных целями обучения [Юсупова, 2017].

Одной из эффективных технологий, обеспечивающей личностно ориентированное воспитание и обучение, является метод проектов, так как он практически вбирает в себя современные технологии, например обучение в сотрудничестве.

Сегодня термин «проект» используется столь широко, что трудно назвать область, где бы он не применялся. Так, «Словарь русского языка» определяет его значение как: 1) разработанный план сооружения, устройства чего-н.; 2) предварительный текст какого-н. документа; 3) план, замысел [Ожегов, 1986].

Мы рассматриваем проект как целенаправленное управляемое изменение, фиксированное во времени. Основной его характеристикой является целеполагание. Цель не абстрактно-теоретическая, а конкретная, описываемая в терминах ожидаемого результата [Поливанова, 2011].

Проанализировав и обобщив опыт разных учебных заведений по применению метода проекта в вузах, мы предлагаем нашу разработку по личностно ориентированному обучению со студентами Одинцовского филиала МГИМО.

Известно, что МГИМО выполняет определенный заказ МИДа по подготовке кадров со знанием того или иного языка. Целью обучения языку профессии студентов по направлению «Туризм и индустрия гостеприимства» является формирование профессиональной коммуникативной компетентности, позволяющей им эффективно использовать английский язык в своей профессиональной деятельности, а именно: вести монолог, диалог, переговоры; применять цифровые средства взаимодействия с другими людьми для достижения поставленных целей; демонстрировать толерантное восприятие социальных и культурных различий, уважительное и бережное отношение к историческому наследию и культурным традициям.

Студенческие проекты в качестве практической цели обучения иностранному языку обеспечивают широкие возможности для формирования коммуникативной компетенции, поскольку основаны на личностно ориентированном подходе к обучению и воспитанию, развивают познавательный интерес к различным областям знаний, являются уникальным средством обеспечения сотрудничества между обучающимися и преподавателями, формирует коммуникативные навыки. В процессе осуществления проектной деятельности происходит усвоение позитивного социального опыта, реализации собственных замыслов, создаются условия

для самовыражения, формирования социальных качеств, разностороннего общения [Полат, 2010].

Организация сотрудничества в проектной деятельности

Реализация проекта Living Sustainably in Harmony with our Environment была запланирована на ноябрь 2023 г.

Цель: привлечение молодежи к экологичному образу жизни.

Задачи: изучить и структурировать материал по выбранной теме, создать макет постера, утвердить его, подготовиться к выступлению и выступить перед участниками онлайн-встречи.

География: Российская Федерация, государства Юго-Восточной Азии – Малайзия и Индонезия.

Этапы работы

1. На *подготовительном* этапе были утверждены участники проекта, тематика; определены цель, задачи, сроки исполнения. Языком-реципиентом выбран английский, поскольку он исторически отнесен к категории первого иностранного языка в Индонезии и Малайзии.

2. *Основной* этап – выполнение задач проекта. Интерес к теме «Устойчивая жизнь в гармонии с окружающей средой» неслучаен, он обоснован тем, что проблемы экологии актуальны и вопросы защиты окружающей среды часто поднимаются в современном мире.

В начале ноября состоялась онлайн-встреча и защита проектов. Студенты МГИМО представили постер Save Ecology, Save your Health и рассказали о существующей проблеме. Было отмечено, что страны в погоне за экономическим процветанием приносят в жертву окружающую среду. Доказано, что до 80 % заболеваний прямо или косвенно связаны с факторами внешней среды. Это тревожный сигнал, призывающий человечество разумно относиться к окружающему нас миру.

Во время встречи обсуждались следующие актуальные вопросы: экосистемный подход к управлению ресурсами и охране окружающей среды; ограничение выброса мусора и поиск путей его переработки; использование вторсырья как фактора сохранения исчерпаемых ресурсов; воздействие деятельности человека на окружающую среду; выработка экологических привычек и др.

Встреча длилась более трех часов. Это был первый опыт общения с представителями Юго-Восточной Азии. Каждое выступление носило проблемный и дискуссионный характер и вызывало живой интерес среди присутствующих.

По завершению встречи участники пришли к выводу, что есть необходимость обмена опытом в решении экологических проблем, а также необходимо привлекать молодежь в продвижение экопривычек.

3. На *заключительном* этапе проекта были подведены итоги, проанализированы результаты. Проектная деятельность дала возможность знакомства с культурой стран Юго-Восточной Азии и более осмысленное

понимание особенностей своей культуры; появилась естественная мотивация совершенствовать английский язык: обратить внимание на увеличение словарного запаса, разнообразие использования грамматических структур, расширение таких средств языка, как формы выражения согласия/несогласия, выработки совместного компромиссного подхода к решению проблемы и др.

Реализация первого проекта стимулировала организацию и развитие клуба иноязычного общения, в деятельность которого вовлечены студенты факультета финансовой экономики МГИМО Одинцовского филиала, а также обучающиеся курса разговорного английского *Road to Speaking Fluency* из Индонезии (руководитель и преподаватель курса – Деисий Анна Батунан).

Цели клуба: 1) содействие распространению объективной информации о Российской Федерации и Индонезии, культуре и истории стран, а также выдающихся соотечественниках; вовлечение участников встреч в деятельность клуба; 2) развитие коммуникативной компетенции обучающихся, владеющих английским языком на базовом уровне.

Темами обсуждения дальнейших онлайн-встреч послужили: *Russian Holidays and Traditions / Unique Extinct Cultures from Indonesia: What Can We Learn about Them?*; *Easter. History and Traditions of the Orthodox holiday in Russia / Diving Into Unique Cultures from Indonesia*; *Russian cuisine as a part of culture / Enchanting story of Nutmeg: An Endemic Plant from Indonesia*; *April 12, 1961: A remarkable date in human history / Mane'e: An Ancient Guard from North Sulawesi to Conserve Indonesia's Sea Water*; *The corporate culture and etiquette in Russia / How to become a nurse in Indonesia?*; *Winter sports in Russia / Are You Still Chasing Your Dreams?*; *Extreme tourism in Russia / Tourism Attraction in Siau Island*.

Конечно, у индонезийцев есть огромное желание познакомиться Москвой и Санкт-Петербургом, с неповторимой природой нашей огромной страны, в том числе природой Дальнего Востока и Русского Севера. Они хотят увидеть своими глазами настоящую Россию, узнать ее колорит, народные традиции и убедиться, что русофобская пропаганда не имеет ничего общего с реальностью.

Подводя итог, отмечаем, что применение проектной деятельности в образовательном процессе способствует не только усвоению учебного материала, но и благоприятствует интеллектуальному и нравственному развитию обучающихся, их самостоятельности, доброжелательности по отношению друг к другу, коммуникабельности, желанию помочь другим [Казачкова, Галимова, 2023]. Осваивая новые социальные роли участников межкультурной коммуникации и культурных ассимиляторов, они приобретают востребованные на современных рынках труда социальные, коммуникационные, языковые и межкультурные компетенции.

Библиографический список

- БСЭ – Владимиров О. А., Пархоменко А. А. Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Технология?ysclid=lvktd08nk435218918> (дата обращения: 29.04.2024).
- Казачкова М. Б., Галимова Х. Н. Студенческий проект в процессе преподавания иностранного языка. // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 6 (135). С. 53–61.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1986. Изд. 18. 797 с.
- Полат Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. М. : Академия, 2010. С. 193–200.
- Поливанова К. Н. Проектная деятельность школьников : пособие для учителя. М. : Просвещение, 2011. 192 с.
- Юсупова А. М. Проектная методика как новая педагогическая личностно-ориентированная технология // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-2. С. 112–118.
- Faure E. Learning to be // The world of Education today and tomorrow : UNESCO, 1972. 313 p.

УДК 338.482

Е. Е. Калиш

Иркутский государственный университет, Иркутск

ИТАК, ТУРИЗМ. С ЧЕГО НАЧАТЬ ДАТА-МАЙНИНГ?

Аннотация. Проведен обзор базовых источников, предоставляющих современную информацию по туризму. Поиск и анализ данных туристкой сферы автор называет дата-майнингом, чтобы подчеркнуть сложность и итеративность процесса информационного поиска в такой комплексной сфере, как туристическая индустрия. Даются рекомендации относительно отправных направлений поиска данных, с которых следует начать работу (с анализа нормативно-правовых документов, официальной статистики, сайтов профессиональных туристских организаций, каналов, приложений, агрегаторов и т. д.).

Ключевые слова: туризм, дата-майнинг, поиск информации.

E. Kalish

Irkutsk State University, Irkutsk

DATA-MINING IN TOURISM. WHERE DO WE START FROM?

Abstract. The purpose of the article is to review the basic sources providing up-to-date information on tourism. The author uses the term “data mining” in order to emphasize how intricate the information search can be in such a complex sphere as tourism industry. Some recommendations are given in the article from where one should start the data mining, namely, the analysis of regulatory documents, official statistics, websites of professional tourism organizations, channels, applications, aggregators, etc.

Keywords: tourism, data mining, information search.

Поиск актуальной и современной информации по тому, что происходит в сфере туризма и индустрии гостеприимства в мире и в России можно охарактеризовать модным сейчас словом «дата-майнинг» (есть также варианты раздельного написания на русском языке). В туристической индустрии используется очень много англицизмов, что не всегда оправданно, но в данном случае полагаем, что именно данное словосочетание удачно передает сложный процесс не столько поиска информации, сколько ее добычи и последующего критического осмысления.

Дата-майнинг от английского словосочетания data mining буквально означает «добыча или раскопка данных». В Кембриджском словаре дата-майнинг определяется, как «the examination of large amounts of information stored in a computer in order to look for patterns, changes, etc. / изучение большого объема информации, хранящейся на компьютере с целью нахождения закономерностей, изменений и т. д.»¹⁰ [CD ...]. Словарь современного английского языка Лонгмана дает определение дата-майнингу с указанием на то, что в результате этого процесса происходит приращение нового и неочевидного на первый взгляд знания, выводимого в результате анализа большого объема информации: «the process of using a computer to examine large amounts of information, for example about customers, in order to discover things that are not easily seen or noticed / процесс использования компьютера для изучения большого объема информации, например о покупателях, для того, чтобы обнаружить что-то, что не дано непосредственному наблюдению и не сразу может быть замечено» [LDOCE ...].

Необходимость обращаться к большому объему информации (причем неоднократно) при дата-майнинге по туризму обусловлена рядом причин. Во-первых, комплексностью самой сферы, охватывающей до пятидесяти смежных отраслей (экономика, география, образование, социология, психология, культура и т. д.), что предполагает знание того, что происходит в данном информационном поле. Во-вторых, большой динамикой количественных и качественных изменений в туризме, что также объясняется сложностью индустрии, на которую влияет масса внешних и внутренних воздействующих факторов. В-третьих, активным внедрением инноваций и цифровизации в туристической индустрии, заставляющей быть в курсе последних событий и новшеств. Это также касается знания нововведений и последних поправок в законодательстве, регулирующем туристскую деятельность.

Получение более или менее точных данных по развитию туризма возможно только благодаря анализу ряда источников, краткий обзор которых предлагается ниже.

Прежде всего, знакомство с современными трендами, направлениями развития туризма следует начать с анализа нормативно-правовых документов, регулирующих туристскую деятельность на всех уровнях управления, от федерального до муниципального.

На федеральном уровне нормативно-правовые документы в сфере туризма представлены следующими основными правовыми актами: федеральным отраслевым законом № 132 «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996; Стратегией развития ту-

¹⁰ Здесь и далее перевод Е. Е. Калиш.

ризма в РФ на период до 2035 г. от 20.09.2019; государственной программой «Развитие туризма» от 24.12.2021; национальным проектом «Туризм и индустрия гостеприимства» (в том числе тремя федеральными проектами: «Развитие туристической инфраструктуры», «Повышение доступности туристических продуктов» и «Совершенствование управления в сфере туризма»); различными постановлениями Правительства РФ (например, Концепцией федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации на период до 2025 г.», Постановлением Правительства РФ от 07.04.2022 № 616 «О внесении изменений в Положение о классификации гостиниц» и т. д.; нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти.

Все нормативные правовые документы можно найти на информационно-правовых порталах Гарант.ру [Информационно-правовой ...] и КонсультантПлюс [Справочная правовая ...]. Поскольку современный туризм в России представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся и быстро трансформирующихся сфер деятельности, необходимо сверяться с последней версией нормативного правового акта, отслеживая внесенные в него поправки.

Напомним, что с 20 сентября 2022 г. Министерство экономического развития РФ стало правопреемником упраздненного указом президента Ростуризма, поэтому одним из основных источников актуальной информации по государственному управлению и регулированию туризма является сайт Минэкономразвития РФ [Официальный сайт Минэкономразвития ...].

В разделе «Документы» сайта Минэкономразвития можно найти, помимо вышеупомянутых базовых документов, частные и более узконаправленные нормативные правовые акты: стратегии, концепции и приказы, имеющие непосредственное отношение к туризму. Также есть отдельный раздел по туристическим реестрам (турагентов и туроператоров, туристско-информационных центров (ТИЦ), гидов-переводчиков, национальных туристических маршрутов, организаций, уполномоченных проводить аттестацию инструкторов-проводников) и данные о национальных туристических маршрутах.

Для анализа территориального устройства и возможностей развития туризма в субъектах Российской Федерации интерес представляет раздел «Инвестиционная карта России», показывающая, какие инвестиционные площадки с какой инфраструктурой, какие промышленные, земельные участки под сельское хозяйство, малый бизнес, особые экономические зоны (ОЭЗ), технопарки и т. д. существуют в каждом из субъектов РФ. Карта имеет ряд фильтров для поиска интересующих объектов. Цель ее создания, как видно из названия, заключалась в информировании и привлечении потенциальных инвесторов (для туристского рынка в том числе), которые в одном месте могут найти интересующую информацию и подобрать подходящее место развития бизнеса.

Официальные сайты, порталы субъектов РФ, регионов / муниципальных образований, отдельных городов представляют собой источник нормативных правовых документов регионального и муниципального уровней. Так, на сайте Иркутской области через ключевые слова «туризм», «документы» и «областное законодательство» [Официальный сайт Иркутской ...] можно найти постановления правительства Иркутской области в сфере туризма, туристский паспорт региона и входящих в него муниципальных образований, дорожную карту качества туристских услуг, реестры, информацию по аккредитации туристских организаций области и т. д. Знакомство с сайтом органа власти, регулирующим туризм в определенном субъекте РФ, также даст полезную информацию о том, какие мероприятия проводятся по развитию и поддержке туризма на региональном уровне. Информацию относительно Иркутской области можно получить на сайте регионального агентства по туризму [Официальный сайт Агентства ...].

Второе направление поиска информации по туризму – это, безусловно, статистика. Можно, конечно, спорить по поводу того, насколько корректна та или иная методология подсчетов туристских показателей, и отражает ли статистика реальную ситуацию в туристской индустрии без искажений. Тем не менее в совокупности различные способы подсчета и получения статистических данных дают понимание динамики и вектора развития туризма. Здесь правомерно начать поиск с сайта Федеральной службы государственной статистики (Росстата) [Официальный сайт Федеральной службы ...], где по туризму предоставлены ключевые статистические показатели по разным годам, при этом есть данные, касающиеся отдельных субъектов РФ. Так, доступна информация по количеству въездных и выездных туристских поездок с 2014 г. помесечно, поквартально и по годам, туристскому потоку с 2022 г. по числу поездок и количеству ночевок; данные по отдельным показателям деятельности организаций туристской индустрии разных лет (турфирмы, коллективные средства размещения (КСР), общественное питание в сфере туризма); сведения по платным услугам в сфере туризма, экономические показатели деловой активности (оценки спроса на туристские услуги), валовая добавленная стоимость туристской индустрии, средние потребительские цены на туристские ассоциированные товары и услуги. Также интерес представляет ежегодно публикуемый Росстатом бюллетень ко Всемирному дню туризма, где можно найти более обширные данные по вкладу туризма в мировой ВВП, экспорту туристических услуг, расходам на путешествия, вклад туризма в экономику России в динамике и т. д. Информация частично дублируется с рассмотренной выше, но преимущество бюллетеня в том, что динамика отдельных показателей наглядно представлена графиками, диаграммами, есть сопоставительные рейтинги, где российские показатели даны в сравнении с данными о туристской деятельности ряда других стран.

Статистику по поездкам граждан Российской Федерации также публикует пограничная служба ФСБ РФ [Официальный сайт Пограничной ...].

Что касается международной статистики, существует ряд базовых источников, предоставляющих сводные данные по туризму по странам мира. Во-первых, это отчеты таких крупных организаций, как Всемирная туристская организация (ЮНВТО/UNWTO) [Официальный сайт Всемирной туристкой ...]. Членство России в ЮНВТО закончилось в конце апреля 2022 г., поэтому последние статистические данные по нашей стране отсутствуют. Также необходимо отметить, что сайт ЮНВТО представляет собой, скорее, уже вторичный статистический источник, поскольку страны-участники сами подают статистические данные, на основе которых строятся наглядные графики, сопоставительные диаграммы и т. д.

Всемирный совет по туризму и путешествиям (WTTC) предоставляет наглядные статистические данные по туризму по многим странам мира, включая Россию [Официальный сайт Всемирного совета ...], но, в связи с политическими событиями, последние данные по Российской Федерации датируются 2021 г.

Мировой рейтинг конкурентоспособности стран в сфере туризма регулярно составляется в рамках Международного экономического форума (МЭФ) в Давосе. Россию также исключили из списка стран, принимающих участие в получении внешней экспертной оценки. По последним данным, в 2019 г. Российская Федерация заняла 39 место из 140 стран, оценивавшихся по позициям, так или иначе связанным с приемом зарубежных туристов. Аналогом МЭФ в России сейчас служит Петербургский международный экономический форум, проводимый совместно с Министерством экономического развития РФ.

Статистическая служба Европейского союза (Евростат) [Статистическая служба Европейского ...] и Всемирный банк [Официальный сайт Всемирного банка] также предоставляют для анализа материалы по экономике и по международному туризму.

В России крупнейший финансовый конгломерат Сбербанк имеет свою аналитическую платформу «СберАналитика», где можно найти результаты уже собранных и проанализированных больших объемов данных. Сервис позволяет увидеть данные по запросам в интерактивном режиме, а также предлагает уже сформированные отчеты с результатами тематических исследований по туризму [Статистический сервис СберИндекс].

Для того чтобы быть в курсе последних новостей и событий в сфере туризма, удобно обращаться к сайтам таких профессиональных туристских союзов и ассоциаций, как Российского союза туриндустрии (РСТ) [Официальный сайт Российского союза ...], Ассоциации туроператоров (АТОР) [Официальный сайт Ассоциации туроператоров]. Размещенная на них информация носит новостной характер, и при интересе к определенной теме всегда можно продолжить поиски первоисточника, тем бо-

лее в анонсах часто дается упоминание источника использованной статистики или органа, принявшего определенное решение, утвердившего нормативный правовой документ и т. д.

Неиссякаемым источником информации по последним новостям в туризме служат разнообразные профессиональные каналы, как правило, являющиеся продолжением крупных проектов или освещающие работу профессиональных сообществ. В качестве примера можно привести телеграм-канал, агрегатор новостей «Нацпроект ТУРИЗМ», авторские телеграм-каналы «МетОда для Экскурсовода», «Интерпретация наследия» Сибирской Ассоциации Интерпретации природного и культурного наследия.

Что касается непосредственно туристских предложений, маршрутов, предлагаемых туристских услуг, упорядоченную информацию о них имеет смысл начать искать с национального туристического портала Russia Travel, объединившегося с московским сервисом Russpass [Национальный туристический ...].

В целом сейчас все большую популярность набирают платформы или суперприложения для планирования путешествий, где в одном месте вы можете, по сути, создать свой турпродукт с подходящим трансфером, проживанием и сопутствующими услугами по питанию, развлечениям и т. д. Некоторые сотовые операторы, например, МТС [Сервис путешествий ...], при сотрудничестве с несколькими партнерами, специализирующимся на бронировании отелей, авиабилетов и туров, создали свои туристические сервисы, своеобразные агрегаторы партнеров, позволяющие планировать путешествие и даже получать кешбэк.

Планирование путешествий становится гораздо проще, если у вас есть тревел-гид (гайд), где для туриста уже составили маршруты, сделали подборку отелей и интересных мест, собрали полезную информацию под данный маршрут. Стартап Travel Inspirator [Гайды по Москве ...] хорошо зарекомендовал себя в нише организации турпоездок со времен пандемии. Приобретение тревел-гида – платная услуга, что оправдывается индивидуальным подходом к планированию маршрута в отличие от стандартных программ и мест, узнать о которых можно, например, на сайтах ТИЦ определенного города или муниципального образования.

Очевидно, что источников информации по туризму огромное множество, и в данной статье были перечислены лишь некоторые направления дата-майнинга по туриндустрии. Тем не менее полагаем, что перечисленные источники могут служить отправной точкой поисковых запросов для отслеживания актуальных новостей в сфере туризма и будут полезны не только начинающим, но и опытным исследователям.

Библиографический список

Гайды по Москве и миру. URL: <https://inspirator.travel/?ysclid=lw3i07itk4107276539> (дата обращения: 10.05.2024).

Информационно-правовой портал Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/?ysclid=1w3d8aknbz426039253> (дата обращения: 01.05.2024).

Национальный туристический портал Russia Travel. URL: <https://russia.travel/?ysclid=1w3hr452id847355309> (дата обращения: 10.05.2024).

Сервис путешествий по всему миру. URL: <https://travel.mts.ru/> (дата обращения: 10.05.2024).

Официальный сайт Агентства по туризму Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru/sites/tour/?ysclid=1w3gkoht17290072927> (дата обращения: 06.05.2024).

Официальный сайт Ассоциации туроператоров. URL: <https://www.atorus.ru/?ysclid=1w3hdho0tp541990462> (дата обращения: 09.05.2024).

Официальный сайт Всемирного совета по туризму и путешествиям. URL: <https://wtcc.org> (дата обращения: 08.05.2024).

Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 09.05.2024).

Официальный сайт Всемирной туристской организации. URL: <https://www.unwto.org/tourism-data/un-tourism-tourism-dash-board> (дата обращения: 08.05.2024).

Официальный сайт Иркутской области. URL: <https://irkobl.ru> (дата обращения: 06.05.2024).

Официальный сайт Минэкономразвития РФ. URL: <https://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 02.05.2024).

Официальный сайт Пограничной службы ФСБ РФ. URL: <http://ps.fsb.ru/> (дата обращения: 08.05.2024).

Официальный сайт Российского союза туриндустрии. URL: <https://rst.ru/?ysclid=1w3hc9ds1f756967695> (дата обращения: 09.05.2024).

Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 07.05.2024).

Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/?ysclid=1w3fv9t7nu61496699> (дата обращения: 29.04.2024).

Статистический сервис СберИндекс. URL: <https://sberindex.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

Статистическая служба Европейского союза. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 09.05.2024).

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/data-mining?ysclid=1w3bjm8a9t73355599> (date of access: 03.05.2024).

LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://slovar-vocab.com/english/longman-vocab/data-mining-6904368.html> (date of access: 03.05.2024).

ТЕКСТ ГОРОДА КАК ЗНАКОВО-СМЫСЛОВАЯ ПРАКТИКА¹¹

Аннотация. Рассматривается актуальность исследования городского текста как знаково-символической коммуникативной структуры, охарактеризованы основные подходы к этому исследованию, его актуальная и перспективная предметные направленности. Дается характеристика городской семиотики как многоаспектного, динамичного и общественно значимого явления, предпринимаются попытки обосновать необходимость исследования городского текста как уникального по форме и содержанию, личностно и общественно обусловленного.

Ключевые слова: городской текст, семиотика города, городской дискурс, семиотика достопримечательностей, знаково-смысловая система города.

Yu. Kozlova

Moscow City Pedagogical University, Moscow

THE TEXT OF THE CITY AS A SYMBOLIC AND SEMANTIC PRACTICE

Abstract. The article examines the relevance of the study of the urban text as a symbolic and symbolic communicative structure, characterizes the main approaches to this study, its current and promising subject orientation. The characteristic of urban semiotics as a multidimensional, dynamic and socially significant phenomenon is given, attempts are made to justify the need to study the urban text as unique in form and content, personally and socially conditioned.

Keywords: urban text, semiotics of the city, urban discourse, semiotics of sights, sign-semantic system of the city.

Проблема городского текста является актуальной для гуманитарного знания, социально-культурных практик и управления коммуникациями. Термин «городской текст», первоначально введенный в оборот Н. П. Анциферовым применительно к Санкт-Петербургу [Анциферов, 1926; 1991], традиционно интерпретировался в отечественной науке с семиотических позиций.

Реалии города, отраженные в разных видах искусства, в работах профессиональных исследователей становятся больше, чем просто архитектурные памятники, функциональные застройки, природный и рукотворный ландшафт. В них фиксируется летопись жизни этого города и его жителей, сопряженная с событиями других городов, страны и мира в целом. Выдающийся советский культуролог и графоведа Н. П. Анциферов называл города узлами, связывающими социальную сферу и экономику, центрами реализации общественной активности, проявления форм культуры [Анциферов, 1991].

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики». URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>.

Модель мира, действительная для ряда поколений, для представителей одной культуры, фиксируется в структуре города. Именно поэтому, являясь административным, хозяйственным, экономическим и социальным субъектом, город прежде всего является формой сообщества, цивилизационным признаком. Город как социальный организм, макросистема, развивающаяся по объективным законам, – предмет изучения урбанистики [Каган, 2006].

Понятие городского текста имеет аспект, связанный с литературным и общекультурным отражением городских явлений. В большей степени это свойственно мегаполисам, городам с богатой историей, столичным, пограничным городам [Лотман, 2001].

События, герои и объекты таких городов и сами по себе, вне актуального контекста, являются своеобразной книгой памяти, в которой закреплён культурный код народа. Каждый памятник и культурный объект, включённый в коммуникативно-символическое пространство города, имеет смысловую нагрузку, требует для своего понимания подготовки и является носителем ценностных, экзистенциальных смыслов.

Примечательно, что историческое и инновационное, активно развивающееся и законсервированное постоянно соседствует в городе, почти в каждой локации, в каждом временном отрезке. Нейтральные для жителя привычные наименования, городские маршруты – не только элементы городской инфраструктуры и маркеры обыденности. Горожанин находится в непрерывном взаимодействии с ними, включая их в ткань своих восприятий и воспоминаний.

Таким образом, затёртое выражение «городской пейзаж» наполняется новым смыслом, если речь идет о символическом, смысловом пейзаже или тексте.

Каждый город по-своему формирует тип личности, заданный эпохой, имеющий значительную долю конкурентности и творческого начала, ориентированный на поддержание огромного количества социальных контактов и реализацию множества социальных ролей.

В современном городе люди объединены не уровнем доходов, возрастом или профессией, а теми культурными формами, которые они выбирают и способны использовать в социальной практике.

В некоторой степени это процесс естественный, связанный с гражданским и общественным самоопределением, но в то же время создание сообществ, ассоциаций, объединений в городе и по городской проблематике даёт возможность совместного опыта создания и интерпретации городского текста.

Таким образом, если говорить о структуре текста города, то это:

- семантическая составляющая (названия отдельных объектов, мест, пространств, маршруты, адреса и т. д.);

- смысловая составляющая, структурным элементом которой является наполненная символическими кодами городская среда, континуум;
- утилитарная составляющая, связанная с решением практических задач городских сообществ.

Пространственно-географическое измерение города – это отдельные постройки и комплексы во взаимосвязи с природным ландшафтом, памятники и достопримечательности. Говоря о памятниках, важно помнить, что каждому из них предписан определенный социально значимый смысл, контекст и способ действия. Для взаимодействия с городскими памятниками недостаточно знать о их существовании и местоположении, не хватит и просто формальной исторической справки.

Памятники фиксируют, аккумулируют (а иногда и демонтируют) в общественном сознании соответствующие смыслы. Именно благодаря этому межгрупповая (например, межпоколенная или иерархическая) преемственность закрепляется в символических событиях.

Достопримечательности обогащают городскую повседневность, позволяя создавать и поддерживать связь с особенными событиями или выдающимися людьми разных эпох. Помимо того, что достопримечательность аккумулирует объект, его историю, значение для наблюдателя и предполагаемый способ действия, она позволяет по-новому объединять городские знаки.

Исследование знакового пространства происходит поэтапно:

- 1) выбор объекта, фиксация прагматики и связанного с ним смыслового содержания;
- 2) повышение значимости объекта, маркировка поощряемых значений;
- 3) материальное тиражирование объекта в виде размещения его символа на разных носителях;
- 4) ментальное тиражирование смыслов в форме массовых мероприятий, дизайн-кодирования, формирование определенного отношения [Медведева, 2020].

Проводя аналогию с текстом, можно говорить, что смысловой единицей городского пространства является архитектурный объект, помимо функциональности имеющий стилевую, историческую, экономическую и культурную отнесенность. Каждый городской объект, от наследия древнего зодчества до безликой многоэтажки в стиле Ле Корбюзье, от промышленного гиганта до придомовой детской площадки, является комплексом семиотических кодов и требует от интерпретатора не только осведомленности о значении, но и готовности создавать собственные значения и интегрировать их в свою ценностно-мотивационную систему.

Уникальность текста в том, что он порождает, сохраняет и передает смыслы, которые определяют субъективное переживание лица и характера города. Город не мыслится как нечто антропоморфное, некий прообраз

высокотехнологичного будущего под эгидой искусственного интеллекта, он является своеобразным отражением актуальных запросов жителей. Для этого смыслы группируются вокруг значимых городских объектов, объединяют их и в итоге побуждают к рефлексивному освоению отдельных элементов и всего городского текста в целом.

Библиографический список

- Анциферов Н. П. Душа Петербурга // Непостижимый город... СПб. : Лениздат, 1991. С. 24–176.
- Анциферов Н. П. Книга о городе. Л. : Брокгауз и Ефрон, 1926. 224 с.
- Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб. : Паритет, 2006. 477 с.
- Лотман Ю. М. Семiosфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.
- Медведева Е. В. Семiotика достопримечательностей и ее роль в формировании текста города // Вестник МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 134–141.

УДК 379.851

М. В. Новосёлова

Иркутский государственный университет, Иркутск

КОНТЕНТНЫЙ ТУРИЗМ: АКИХАБАРА, «ЛЁД» И BTS

Аннотация. Рассмотрено явление контентного туризма, определено его значение и место в современном мире. Контентный туризм набирает популярность благодаря процессам глобализации, существованию трансмедийного пространства и повествования. Трансмедийное пространство позволяет широкому кругу потребителей получить более полный опыт, узнать о герое или истории. Трансмедийные технологии вовлекают аудиторию (фанатов) в процесс создания и пересоздания повествования. Миропостроение является основной целью трансмедийного повествования.

Ключевые слова: туризм, контентный туризм, культурный туризм, массовая культура, трансмедийное повествование, вымышленные миры, иммерсивность.

M. Novosyolova

Irkutsk State University, Irkutsk

CONTENTS TOURISM: AKIHABARA, 'ICE', AND BTS

Abstract. The phenomenon of content tourism is considered, its significance and place in the modern world are determined. Contents tourism is gaining popularity due to the processes of globalization, development of transmedia space and transmedia narrative. The transmedia space lets a wide range of media consumers get more complete experiences about heroes, idols or stories. Transmedia technologies involve the audience in the process of creating and re-creating a narrative. The main purpose of transmedia storytelling is worldbuilding.

Keywords: tourism, contents tourism, cultural tourism, mass culture, transmedia storytelling, fictional worlds, immersiveness.

Контентный туризм представляет собой поведение туриста, частично или полностью мотивированное повествованием, героями, локациями и другими творческими элементами популярной культуры, включающей фильмы, телевизионные сериалы, манги, аниме, романы и компьютерные игры [Yamamura, 2017].

Контентный туризм в полном его понимании – это явление, ставшее возможным только в XXI в., благодаря всем возможностям, которые человечество получило в цифровую эпоху. Например, объединение фанатов из разных стран в так называемые фандомы (fandom); форумы и фанфики (fanfiction), т. е. любительское сочинение по мотивам популярных произведений; спутниковые системы навигации; хэштеги в социальных сетях; встречи фанатов в реальном мире.

Контентные туристы путешествуют с определенной целью, они знают, зачем едут в ту или иную страну и строят маршрут сами или выбирают тур по конкретным запросам. Если турист случайно оказывается на месте, связанном с определенным повествованием, например заезжает на станцию Кинг-Кросс в Лондоне, но не испытывает трепета, не связывает это с миром Гарри Поттера, то это не контентный турист.

Помимо этого, контентный туризм стал возможен на глобальном уровне и продолжает набирать популярность благодаря процессам глобализации, существованию трансмедийного пространства и повествования.

Трансмедийное повествование (transmedia storytelling) представляет собой процесс, в котором неотъемлемые части художественного произведения проникают в разные каналы передачи информации, чтобы создать общий и согласованный развлекательный опыт. В идеале каждый канал делает собственный уникальный вклад в развитие определенной истории [Jenkins, 2007].

Для контентного туризма, основанного на трансмедийном повествовании, большим плюсом является мультимодальность восприятия информации. То, что определенные каналы передачи информации популярны среди разных возрастных групп, пронизательно подметили специалисты по рекламе и продвижению товаров, маркетологи и продюсеры. Трансмедийное пространство позволяет широкому кругу потребителей получить более полный опыт, узнать о товаре, услуге или истории. Важно, что технологии вовлекают аудиторию в процесс создания и пересоздания повествования, истории.

Трансмедийные повествования, как правило, не строятся вокруг одного события или героя, а скорее основываются на сложных вымышленных мирах, в которых взаимодействуют разные герои с переплетающимися историями. Именно поэтому многотомные издания, многосерийные блокбастеры, саги, истории с приквелами и сиквелами, т. е. истории, в которых создается и развивается вымышленный мир: фантазийный, мир будущего, параллельный мир, стилизованный под прошлое и т. д., становятся источниками контентного туризма.

Миропостроение и есть основная цель трансмедийного повествования. «Хороший» мир может вместить множество персонажей и их переплетающиеся истории, а «хороший» персонаж может выдержать множе-

ство нарративов и сюжетных поворотов» [Jenkins, 2006]. «Для повествования необходимо, во-первых, сотворить некий мир, как можно подробнее обустроив его, продумав до мелочей» [Эко, 2012].

Контентный туризм имеет огромный потенциал развития, так как имея в основе трансмедийное повествование, получает доступ к любой аудитории, разным поколениям по множественным каналам передачи информации. Вселенная произведения расширяется посредством разных каналов и, что интересно, туристические места тоже способствуют расширению вселенной. Отсюда следует очень важный вывод – конвергентность (convergence – взаимодействие, взаимопроникновение) является базовой характеристикой контентного туризма.

Несложно назвать самые популярные истории, которые мотивируют людей путешествовать по местам съемок, в места, описанные или показанные в произведении, в тематические парки и музеи и пр. Это «Звездные войны», «Зимняя соната», «One Piece. Большой куш», «Властелин колец», «Гарри Поттер» и мн. др.

Можно предположить, что туры, поездки по мотивам произведений (например, о Гарри Поттере) – это проявление литературного, или кинотуризма. На самом деле это и кинотуризм, и литературный, и, конечно, контентный туризм. История о мальчике, который выжил, давно переросла литературное или кинопроизведение, это поезд «Хогвартс-экспресс», платформа 9 и $\frac{3}{4}$ на лондонском вокзале Кингс-Кросс, реальные места съемок в Великобритании и Ирландии, тематические парки, десятки кафе, где можно заказать блюда, приготовленные по мотивам произведения, театральные постановки, популярные фанфики, мерчи и пр. Таким образом, вселенная, созданная Дж. Роулинг, существует в разных медиапространствах, форматах, т. е. является трансмедийным повествованием. Более того, многие герои получают «второе дыхание» в отдельных, посвященных только им историях.

Итак, контентный туризм основан на выдуманном мире или даже целой вселенной, которую создают различные произведения в различных формах. Важно подчеркнуть, что они создаются не для того, чтобы специально побуждать путешествия или стимулировать туризм, но тем не менее делают это. Иногда туристы совсем неожиданно приезжают на места, которые специально для них не предназначены, но ассоциируются с контентом. Эти локации могут быть непредсказуемыми, но очень популярными среди фанатов. В то же время какие-то объекты для привлечения турпотока, построенные специально, могут не пользоваться популярностью.

Интересно отметить, что художественные произведения могут стимулировать популярность разных видов туризма. Так, например, после выхода в свет повести «Пикник на обочине» братьев Стругацких, а через несколько лет ее экранизации А. Тарковским возник большой интерес к

новому виду развлечения – индустриальному туризму, целью которого стало исследование и созерцательное наслаждение от вида разрушенных индустриальных объектов, заброшенных районов, городов-призраков [Алгави, 2020].

Сейчас контентный туризм развивается повсеместно, но родиной его считается Япония. В 2004 г. японское правительство отметило, что огромное количество японцев посетили Южную Корею, а причиной популярности направления стала южнокорейская дорама «Зимняя соната». С 2005 г. власти Японии взяли курс на поощрение местных властей и контентмейкеров в самом широком смысле слова на создание и развитие контента и инфраструктуры с целью привлечения иностранных туристов в страну. Контентный туризм является, по сути, манифестацией «мягкой силы». Огромную популярность в глобальном масштабе сначала получили японские аниме, фильмы и сериалы. Впоследствии термин «аниме-туризм» в Японии перерос в «контентный туризм». Контентный туризм наиболее развит в странах Азии (Япония, Южная Корея, Китай), США и некоторых европейских странах.

Квартал Акихабара в Токио является местом притяжения тысяч местных и иностранных туристов – фанатов аниме и манги: повсюду торговые центры, где продают аниме, манги, фигурки героев, коллекционные карточки, значки, стикеры, одежду. Здесь играют в настольные игры по мотивам любимых сюжетов, испытывают удачу на игровых автоматах, покупают диски с фильмами и обедают в мэйдо-кафе (maid-cafe) или манга-кафе.

Нельзя не заметить огромную популярность современной корейской культуры во всем мире, особенно среди молодежи. Имя этой небывалой популярности – корейская волна, или Халлю, которая приносит значительный доход в бюджет страны. Считается, что толчком для ее развития стали слова президента Южной Кореи в 1994 г., который назвал индустрию культуры важным вектором развития. Корейские сериалы, популярная музыка, национальная кухня, видеоигры, литература, одежда и язык – составляющие, которые способствовали развитию контентного туризма в Южной Корее. В 2002 г. ее посетили почти 3 млн туристов, а в 2012 г. – уже 11 млн, к 2027 г. планируется принять 30 млн гостей [2023–2024 годы ... , 2023].

Ярчайшим примером популярности и огромным толчком для развития контентного туризма в Южной Корее стала k-поп группа BTS. По оценкам, музыкальная группа способствует увеличению турпотока в страну на более чем 800 тыс. туристов ежегодно [BTS 10th anniversary ...]. Фанаты ездят на концерты группы, в города, где родились или живут айдолы (idol), в места, показанные в музыкальных клипах. Городские власти, привлекая туристов, создают инсталляции из клипов группы, специаль-

ные фотозоны, чтобы туристы приезжали, фотографировались, а заодно, конечно, бронировали отели, обедали в ресторанах, покупали сувенирную продукцию и т. д. Различные туристические агентства по всему миру предлагают сотни туров по местам, так или иначе связанным с группой.

Американская массовая культура остается популярной во всем мире на протяжении многих десятилетий – это киноиндустрия, музыкальные группы, живые концерты и туры, каверы популярных песен и групп, телевизионные шоу, франшизы, одежда, рестораны быстрого питания, и это далеко не полный список.

Термин «контентный туризм» появился и стал активно использоваться в начале XXI в., а как явление возник гораздо раньше. Практика посещения мест, важных людям из-за мифа, легенды, предания, истории или героя, существует давно. Сюда относятся религиозное паломничество, путешествия по памятным и значимым местам, по местам жизни и смерти реальных или вымышленных героев. Вспомним произведение А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане», в котором корабельщики рассказывают царю о чудном острове, и тот намеревается посетить это место, удивленный его красотой и чудесами. Нарратив не ограничивается одним описанием, гости четыре раза докладывают царю об острове, каждый раз развивая и дополняя свой рассказ. Не отправиться в путешествие становится невозможным:

Царь Салтан дивится чуду.

«Коли жив я только буду,

Чудный остров навещу

И у князя погощу».

Контентный туризм является выгодным для всех сторон, вовлеченных в процесс. Туристы получают то, ради чего отправляются в путешествие – эмоции, воспоминания, впечатления. Предприниматели, создающие, продвигающие и продающие контент, а именно: локации, тематические парки, гостиницы, одежду, стикеры и пр., получают прибыль, а принимающая страна – турпоток, медийную популярность, а значит деньги, сейчас и в будущем.

Самые популярные на сегодняшний день виды туризма в России: пляжный, культурно-познавательный и природный. Такие туристы обеспечивают больше половины турпотока в стране [Большие планы ..., 2022]. В Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. приоритетными направлениями названы детский, культурно-познавательный, горнолыжный, круизный, экологический и деловой виды туризма [Стратегия ..., 2019]. Почему, несмотря на все вышеупомянутые преимущества, контентный туризм не развивается в России? Очевидно, ввиду того, что у нас пока нет масштабных трансмедийных проектов.

Во-первых, нет героев-кумиров, которые бы жили в разных нарративах и о которых создавались бы фанатские повествования. Опрошенными нами соотечественники разных возрастов называли таким героем Чебурашку. По формальным признакам персонаж, созданный Э. Успенским, имеет все шансы, чтобы стать объектом контентного туризма: о Чебурашке написано восемь книг, создано более десяти мультфильмов и сериалов, причем некоторые совместно с японскими аниматорами. К слову, в Японии Чебурашка пользуется популярностью, вероятно, из-за схожести с персонажами из манги и аниме. Чебурашка – герой многих анекдотов, талисман олимпийской сборной России, персонаж нескольких компьютерных игр; в Ялте, Раменском, Хабаровске и еще ряде городов установлены памятники Чебурашке. В 2022 г. на большие экраны вышел полнометражный фильм «Чебурашка», который имел феноменальный успех, став самым кассовым фильмом в истории российского кинопроката. Однако вопросы о том, с какой локацией ассоциируется персонаж, куда поехать, чтобы стать ближе к любимому герою, где посвященные ему тематические парки остаются без ответов.

Во-вторых, вокруг Чебурашки нет тщательно сконструированного мира, как, например, мир Дж. Толкина или вселенная Marvel, которая постоянно развивается и пополняется новыми мирами. Приходят на ум Москва из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», фантастические миры Стругацких. Однако они не получают развития, не являются трансмедийными проектами.

Мы упомянули фильм «Лёд» в заголовке в связи с тем, что, выйдя в прокат в трех сериях, имея неплохой кассовый сбор и реальную локацию – озеро Байкал, фильм мог бы стать стимулом для создания трансмедийного нарратива: фигурное катание является очень популярным видом спорта в России, истории о преодолении себя и победе интересны людям, виды Байкала завораживают. Каждый последующий фильм, тур актеров, саундтреки могли бы стать элементами пиар-кампании турам на Байкал. Однако в фильме не обошлось без ляпов – спортсмены выходили тренироваться на лед напрямую из Иркутска, что, конечно, невозможно, ибо ближайшая точка озера от Иркутска находится в 70 км. Кроме того, третья часть почти полностью сюжетно повторяла первую, т. е. идея изжила себя и вряд ли получит продолжение и трансмедийное воплощение.

В-третьих, в России не развита культура фанатства, нет российских идиолов, и очень немногие колесят за своими кумирами из города в город и из страны в страну; чего не скажешь об уже упомянутом направлении в музыке k-поп или американской популярной музыке.

Итак, контентный туризм имеет хороший потенциал развития посредством трансмедийного повествования. Он популярен в Японии, Южной Корее, США и некоторых европейских странах, а вот для России это пока неосвоенная область, требующая неординарных идей и взаимной работы контентмейкеров и правительства.

Библиографический список

Алгави Л. О., Аль-Ханаки Д. А.-Н. Феномен трансмедиа // Медиакоммуникации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации. Челябинск : ИЦ ЮУрГУ, 2020. С. 14–54.

Большие планы: как будет развиваться туризм в России до 2035 года. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/635bc11b9a79477ff93ecfbc?from=copyhttps://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/635bc11b9a79477ff93ecfbc> (дата обращения: 29.03.2024).

2023–2024 годы объявлены «годами посещения Южной Кореи» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/01/08/2023-2024-gody-obiavleny-godami-poseshcheniia-iuzhnoj-korei.html> (дата обращения: 20.04.2024).

Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. URL: http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPA_shEulYxmWSpB_4lr_M.pdf (дата обращения: 21.03.2024).

Эко У. Заметки на полях «Имени розы». URL: <http://philosophy.ru/library/eco/zametki.html> (дата обращения: 20.02.2024).

Jenkins H. Convergence Culture: Where old and New Media Collide. New York University Press, 2006. 368 p.

Jenkins H. Transmedia Storytelling 101. URL: <http://goo.gl/T0ksLe> (дата обращения: 20.03.2024).

BTS 10th anniversary celebration to supercharge domestic economy // The Korea Times. 2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2024/04/602_35_3041.html (дата обращения: 20.04.2024).

УДК 316.334.56

И. А. Савченко

Московский городской педагогический университет, Москва

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ZERO WASTE В УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹²

Аннотация. Раскрыта взаимосвязь процессов урбанизации в Восточной Азии и трансформирования общественного сознания в сторону «города без отходов». Приведены примеры исследовательских проектов Zero Waste, разработанных китайскими, тайваньскими, японскими учеными. Установлено, что современное обучение горожан Zero Waste имеет высокотехнологичную природу, связанную с интернетом вещей, смарт-технологиями и инструментами контроля над поведением горожан в отношении отходов. Сделан акцент на вариантах решения проблемы выбора приоритетов между чистым городом и личной автономией.

Ключевые слова: Zero Waste, Восточная Азия, умный город, обучение, интернет вещей, мусор, отходы, урбанизация, личная информация, контроль.

I. Savchenko

Moscow City University, Moscow

ZERO WASTE DESIGN IN THE URBAN DYNAMICS OF EAST ASIA

Abstract. The interrelation between the processes of urbanization in East Asia and the transformation of public consciousness towards a "waste-free city" is revealed. Examples of Zero Waste research projects developed by Chinese, Taiwanese, and Japanese scientists are given. It has been established that modern Zero Waste education of citizens has a high-tech nature associated with the Internet of things, smart technologies and tools to

¹² Исследование выполнено в рамках проекта «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», поддержанного грантом РНФ № 23–18–00288. URL: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>.

control the behavior of citizens in relation to waste. The emphasis is placed on options for solving the problem of choosing priorities between a clean city and personal autonomy.

Keywords. Zero Waste, East Asia, smart city, education, Internet of things, garbage, waste, urbanization, personal information, control.

Восточная Азия сегодня переживает бум урбанизации. Города становятся все более перенаселенными, растут агломерации, сельская местность начинает развиваться по городскому образцу. Урбанизированные территории производят огромное количество отходов: разрушенные здания, испорченные продукты, непригодная бытовая техника, биологические отходы человеческой жизнедеятельности. Поэтому сегодня все более актуальными и востребованными становятся прикладные научные проекты, основанные на идее Zero Waste – ноль отходов. В китайской, тайваньской, японской науках проблеме города и отходов отводится отдельное место. И здесь явно прослеживаются как определенное единство тематики и определенная (восточноазиатская) специфика научных интересов [Кузнецова, Карачева 2020, с. 48], так и отличительные особенности, свойственные научным взглядам ученых из разных восточноазиатских стран.

Ученые-практики поднимают и стараются решить ряд важных вопросов.

- Как отходы вписываются в городское пространство?
- Как изменить сознание людей для того, чтобы внедрение культуры обращения с отходами не воспринималась принуждением [Кузнецова 2004, с. 51]?
- Какую роль играют цифровые технологии и интернет вещей в формировании урбанизированных пространств Zero Waste?
- Как «умный город» может решить проблему отходов?
- Каким образом культура обращения с отходами связана с превращением села в город?

Ю. Симидзу, К. Карасава и другие исследователи на примере внедрения технологий Zero Waste в японских городах показывают то, каким образом сервисы «умного города» собирают большие объемы персональной информации об обращении горожан с отходами, и как на основе этих данных разрабатываются планы развития «города без отходов» [How do people ... , 2021]. Ученые устанавливают, что люди не всегда положительно относятся к сервисам «умного города». В отношении камер с искусственным интеллектом и сбора мусора были отмечены опасения со стороны горожан. Они состояли в том, что конфиденциальность будет обеспечена не в достаточной степени, и люди будут вовлечены в «общество слежки». Опрошенные горожане, как правило, демонстрировали весьма сдержанное отношение к сервисам, позволяющим собирать большой объем личной информации. Японские исследователи показали, насколько важное значение имеют их выводы для операторов, ведущих

проекты «умного города», а также в целом для всех участников городского планирования.

Если японские авторы фокусируют внимание на проблемах психологии горожан и ищут наиболее безболезненные пути внедрения «умных» инструментов, то китайские авторы скорее ищут пути воздействия на общественное сознание с целью его изменения, адаптации к ситуациям, когда «неправильное» поведение в отношении мусорных отходов будет зафиксировано. Активно разрабатываются все новые методы контроля с целью формирования культуры обращения с отходами.

Так, в исследовательском проекте группы китайских ученых аргументируется тезис, что в информационную эпоху все более заметной в экономической жизни города становится технология интернета вещей как важная часть информационных технологий нового поколения. В этой системе в качестве отдельного инструмента выделяется управление сбором твердых бытовых отходов и их транспортировкой [Evolutionary game ..., 2022]. По мнению авторов, интернет вещей стал эффективным средством управления переработкой отходов и создания высококачественной городской зеленой инфраструктуры в сфере охраны окружающей среды.

В реальности интернета вещей, как установили авторы, экологические неправительственные организации приобретают все большее значение как организованная общественная сила в области обращения с твердыми бытовыми отходами, ограничивающая влияние государства на окружающую среду. В данном контексте целью китайских исследователей стало выявление роли экологических неправительственных организаций, участвующих в надзоре за внедрением информационных систем классификации отходов. Авторы пытаются оценить характер взаимодействий между экологическими неправительственными организациями, местными органами власти и предприятиями по переработке мусора, используя метод теории игр для построения трехсторонней эволюционной модели. На основании полученных результатов авторы утверждают, что уверенный прямой надзор, финансовая поддержка и наказание, а также меры давления со стороны неправительственных организаций могут способствовать внедрению технологий интернета вещей.

Тайваньский автор К. Чен продолжает развивать идею интеграции интернета вещей с уборкой мусора [Chen, 2022]. Информационно-коммуникационные технологии, как показывает К. Чен, позволяют «умному городу» обмениваться информацией с общественностью и предоставлять местным жителям более качественные услуги. Сбор отходов, считает автор, играет важную роль в обслуживании «умного города», а технологии обладают огромным потенциалом для повышения эффективности и качества сбора мусора. Привычной в этих обстоятельствах стала, по мнению автора, пустая трата ресурсов, при которой мусор выбрасыва-

ется наполовину, городские ресурсы используются не по назначению, а бензин в автомобилях расходуется впустую. Высокая стоимость и низкая эффективность, по мнению исследователя, – две основные проблемы, связанные с уборкой мусора в городе. К. Чен предлагает решить их с помощью вторичной переработки, поскольку это сокращает количество мусора, подлежащего утилизации, и защищает ценное место для его хранения. Хотя показатели переработки отходов растут, по оценкам, которые приводит ученый, современные люди производят больше мусора, чем когда-либо прежде. Использование интернета вещей предлагается Ченом для интеллектуального управления отходами в «умном городе». Устройства, работающие от интернета вещей, могут быть установлены в контейнерах для мусора, включая баки, и они будут предоставлять данные о поведении людей при образовании отходов в режиме реального времени. Обработка изображений может использоваться для расчета индекса мусорности свалки. Они дают четкое представление о тенденциях в области сбора отходов и их переработки, а также формируют предложения по повышению производительности в «мусорной индустрии». Чен собрал самые последние достижения в области машинного обучения, связанного с переработкой отходов.

Наконец, коллектив китайских авторов применительно к сельским местностям провинции Цзянсу показал, какое значение имеют урбанистические процессы для формирования культуры утилизации и сортировки отходов [Sustainable development ..., 2023]. Ученые пишут о территориальном образовании, которое условно можно было бы назвать «умной деревней». На основании данных микрообследования 2228 домохозяйств изучается цифровизация сельских территорий и их уподобление «умным городам». Показаны потенциалы влияния смарт-технологий на готовность жителей «умного села» к уборке мусора и на их действия, основанные на концепции, которую авторы называют теорией запланированного поведения. Исследователи установили, что существует расхождение между готовностью и поведением. Девяносто процентов опрошенных фермеров были готовы заняться сортировкой мусора, но лишь 53 % осуществляли такую сортировку в действительности.

В то же время обнаружилось, что веб-технологии положительно влияют на готовность фермеров сортировать мусор, что, по мнению авторов статьи, также может способствовать желанию изменить поведение людей. Речь в данном случае идет не просто о доступе к интернету, а об информационных источниках, вживленных в пространственную среду урбанизируемой сельской территории. Авторы статьи обнаружили, что мобильный и смешанный доступы в интернет с использованием урбанизированных смарт-площадок могут оказывать положительное влияние на готовность и поведение фермеров в отношении классификации мусора, в

то время как домашний интернет не оказывает на это существенного влияния. Обучение Zero Waste становится одной из ведущих составляющих урбанистического процесса.

Итак, мы можем наблюдать, как исследователи, представляющие страны Восточной Азии, активно включаются в решение практических задач, связанных не только с переработкой и уборкой мусора, но и с развитием особой культуры Zero Waste, способствующей развитию города и превращению села в город.

Китайские авторы предлагают политические рекомендации по укреплению аппаратной и программной базы «умной деревни», внедрению «умных технологий общественного контроля и сдерживания» [Ibid, p. 850] в смарт-среду урбанизируемых территорий. Японские исследователи, предлагая новые технологические решения, настаивают на необходимости внимания к человеку, его тревогам и потребностям.

Проекты в области индустрии Zero Waste ставят перед исследователями сложные вопросы, которые, безусловно, не ограничиваются дискурсом восточноазиатского города. Можно ли представить себе город будущего без мусора или отходы – неотъемлемая составляющая городского пространства и, как следствие, всей нашей жизни? В данном случае неизбежно актуализируется проблема информационных отходов. Можем ли мы проектировать город (в особенности «умный город») не только без лишних предметов, но и без лишних слов, без избыточной информации, слов-паразитов? Будет такой город утопическим или антиутопическим проектом? Вероятно, культура Zero Waste, как и любая другая, должна являться продуктом человеческого интеллекта и творчества, а не только инструментом контроля.

Библиографический список

Кузнецова О. В. Что полезно одному, то вредно другому // Вестник ИГЛУ. 2004. № 3. С. 46–52.

Кузнецова О. В., Карачева Н. С. Основные этапы формирования и становления международной ассоциации региональной науки // Теория и практика регионоведения : сб. тр. II Междунар. науч.-практ. регионвед. конф. 2020. С. 44–51.

Chen X. Machine learning approach for a circular economy with waste recycling in smart cities // Energy Reports. 2022. Vol. 8, N 1. P. 3127–3140.

Evolutionary game analysis of non-governmental organizations participating in garbage management under the background of internet of things / N. Cui, J. Li, Ju. Tu, M. Zhou // Sustainability. 2022. Vol. 14, N 20. Art. 13008.

How do people view various kinds of smart city services? focus on the acquisition of personal information / Y. Shimizu, K. Karasawa, S. Osaki, T. Hashimoto // Sustainability. 2021. Vol. 13, N 19. Art. 11062.

Sustainable development of rural human settlements in the information age: can internet use drive farmers to participate in garbage classification? / D. Xu, Ch. Qing, Ya. Chen [et al.] // Agriculture. 2023. Vol. 13, N 4. P. 846–861.

РАЗДЕЛ IV

РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

УДК 791.43

Н. А. Анганаева

Иркутский государственный университет, Иркутск

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЦЗЮНЬ-ЦЗЫ В КИТАЙСКИХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СЕРИАЛАХ

Аннотация. Исследуются ключевые характеристики конструирования образа героя цзюнь-цзы («благородный муж») разной половой принадлежности в рамках современного китайского исторического сериала. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к китайской массовой культуре, в особенности к историческим сериалам. Представлены основные сходства и различия в вопросах формирования облика благородного человека с точки зрения конфуцианской философии.

Ключевые слова: китайские сериалы, цзюнь-цзы, конфуцианство, гендерные особенности.

N. Anganaeva

Irkutsk State University, Irkutsk

ON THE QUESTION OF GENDER PECULIARITIES OF THE FORMATION OF THE IMAGE OF JUN-ZI IN CHINESE MODERN HISTORICAL SERIES

Abstract. The subject of the research in the article is the key characteristics of the construction of the image of jun-zi (or "noble man") from the point of view of the gender of the characters in the framework of a modern Chinese historical TV series. The relevance of the research is caused by the growing interest in Chinese popular culture, especially historical series. The author provides the main similarities and differences in the formation of the image of a noble person from the point of view of Confucian philosophy.

Keywords: Chinese TV series, jun-zi, Confucianism, gender characteristics.

Конфуцианство представляет собой философское течение, зародившееся на территории Китая в Период Весен и Осеней (722–481 г. до н. э.) и оказавшее большое влияние на формирование общественной жизни не только в Китае, но и в ряде близлежащих стран (например, Кореи и Японии) [Абраамян, Агаркова, 2017, с. 13]. Окончательно укоренившись в сознании китайского народа, конфуцианство стало полноценной духовно-нравственной парадигмой, сформировавшей в умах людей представления о жизненных приоритетах и моральных принципах [Кобжицкая, 2015].

Основопологающие ценности данной философии выражены в так называемых категориях конфуцианства, включающих такие понятия, как: *жэнь* (кит. 仁, rén, «гуманность»), *ли* (кит. 礼, lǐ, «этикет, ритуал, церемония»), *и* (义, yì, «честь, долг»), *чжи* (кит. 智, zhì, «ум, мудрость»), *син* (кит. 信, xìn, «верность, преданность»), *сяо* (кит. 孝, xiào, «сыновья почитательность, уважительное отношение к старшим»). Данные характеристики, в свою очередь, формируют конфуцианское понимание идеального человека, именуемого *цзюнь-цзы* (кит. 君子, jūnzǐ, «благородный муж») [Долгих, 2003, с. 101], прообразами которого считаются древнекитайские правители Чжоу-гун и Вэнь-ван, предстающие в конфуцианских канонах в качестве примеров идеальных государей [Малявин, 2007, с. 41–55]. Этот образ культивируется в управленческой культуре Китая и сегодня [Кремнёв, 2006], однако со временем понятие цзюнь-цзы перестало ограничиваться фигурой правителя, и стало применяться ко всем людям в принципе.

В исторических сериалах, которые являются стремительно развивающейся частью современной восточной массовой культуры в целом [Кузнецова, 2020] и китайской в частности, данный образ очень распространен. Так, намечается тенденция появления героев цзюнь-цзы, которыми выступают не только мужчины, но и женщины. Традиционно фигура цзюнь-цзы и вся конфуцианская философия в целом имеет мужскую природу и не подразумевает применение своих ключевых понятий в отношении женщин. В Древнем Китае женщины имели низкое положение в социальной иерархии, чьей зоной ответственности являлась исключительно семья, в то время как мужчина был занят служением государству. Таким образом, можно сказать, что ролевой моделью для мужчин был «благородный муж», а для женщины – «добродетельная жена» (кит. 义妻, yìqī) [Павлова, 2020, с. 43].

Примечательно, что конфуцианские ценности фактически являлись универсальными, несмотря на отсутствие четкого письменного закрепления этой самой универсальности. Так, для всех людей было обязательным уважительное отношение к старшим, следование общепринятым правилам поведения, приоритет общественного блага и т. д. Однако цзюнь-цзы отличается наличием определенной образовательной подготовки или обладанием одобряемыми конфуцианством знаниями. Доступ к ним имели преимущественно мужчины, а также ограниченная группа женщин (представительницы императорской семьи, наложницы, выходцы из аристократических семей, придворные дамы), имевших возможность получить образование, приближенное к мужскому.

Использование образа цзюнь-цзы в китайском историческом сериале представляется одним из эффективных способов формирования облика положительного, а также отрицательных (противопоставленных ему)

героев. Речь идет о противостоянии правильного и ложного цзюнь-цзы – одном из самых распространенных мотивов, на основе которого создатели сериалов формируют динамику развития своих персонажей (как мужчин, так и женщин). Суть двух вариаций образа состоит в следующем: правильный цзюнь-цзы – это представление о герое, который своими внешними и внутренними характеристиками соответствует конфуцианским принципам, в то время как ложный выражается лишь внешним обликом, игнорируя добродетельные моральные качества. Авторы посредством создания так называемых сюжетных испытаний проверяют своих героев на компетенцию именоваться цзюнь-цзы. И в качестве сюжетных испытаний обычно выступают темы любви, мести, кризиса духовных ценностей, дружбы и т. д.

В плане гендерных различий героев цзюнь-цзы существенным является выбор ими приоритетных сфер жизни. Как правило, мужчинам предоставляется выбирать между обществом и собственной личностью, в то время как женщинам – между семьей и обществом.

Мужской персонаж часто начинает осознавать ценность собственных идеалов, которые могут противоречить общественным. Так, например, Вэй Усянь и Лань Ванцзы из сериала «Неукротимый: Повелитель Чэньцин» (кит. 陈情令, Chén Qíng Líng), будучи представителями благородных кланов, дают отпор устаревшим общественным установкам и исходящей от них несправедливости, при этом сохраняя в себе качества конфуцианской благодетели. Когда лидеры одного из кланов были повержены в ходе мятежа, в живых осталось множество членов, не разделяющих радикальных взглядов своих лидеров и отказавшихся присоединиться к мятежу. Несмотря на это, они были подвергнуты дискриминации и гонениям из-за самого факта принадлежности к восставшему клану. Вэй Усянь раскритиковал действия благородных кланов, ополчившихся против невинных людей, тем самым подвергнув сомнению их благородство. Лань Ванцзы, будучи лучшим другом Вэй Усяня, в ходе данного конфликта испытал сильный духовный кризис, разрываясь между близостью с идеями друга и общественными установками. Герой был гордостью своей семьи, настоящим воплощением добродетельного человека и имел неоспоримый авторитет, но его личностные сомнения привели к окончательному противостоянию обществу. В 43 серии за неповиновение Лань Ванцзы был подвергнут многочисленным телесным наказаниям. Во время одного из них он произносит фразу, наиболее ярко выражающую духовные смятения: “敢问叔服，孰正孰邪，孰黑孰百”，что можно перевести как «Осмелюсь спросить дядю¹, кто праведен, а кто

¹ Лань Ванцзы в данный момент речи общается со своим дядей, который собственнически инициировал процесс наказания для племянника. – *Прим. авт.*

порочен; где белое, а где черное?». В итоге Лань Ванцзы присоединяется к Вэй Усяню, и вместе они начинают свой путь по установлению справедливого мира.

Говоря о женщинах, как уже было сказано, перед ними встает выбор между семьей и обществом. В сериале «Покорение дворца Яньси» (кит. 延禧攻略, Yán xǐ gōng lüè), действия которого происходят в эпоху династии Цин, одной из сюжетных линий являются взаимоотношения между госпожой Сянь, супругой императора Цяньлуна, и ее семьей. В одной из серий отца и брата госпожи арестовывают за коррупцию. Мать героини обращается к ней в надежде, что дочь уговорит государя помиловать ее близких. Сянь, будучи образованной и добросовестной женщиной, осознает губительность поступка отца и брата, за которым неизбежно должно последовать суровое наказание, однако она искренне любит их и желает помочь. В то же время в тюрьме заболевает ее брат, необходимо найти денежные средства на лекарства. Сянь находит нужную сумму, однако ее отец тайно использует деньги для дачи взятки за досрочное освобождение. После этого Сянь полностью разочаровывается в семье и их высоком статусе, придя к выводу, что ее единственная ценность и призвание – служение императору и народу в качестве официальной супруги правителя.

Вместе с тем цзюнь-цзы в обоих случаях выражает современную интерпретацию традиционного образа праведного человека. В новом понимании мужчина цзюнь-цзы осознает свою значимость как личности. Герои начинают задумываться о личном понимании долга и чести, не оглядываясь на укоренившееся восприятие мужчины как слуги государства. Авторы показывают, что общественное мнение периодически может подавлять человеческую индивидуальность, которая не является свойственной китайскому менталитету. Посыл сводится к следующему: в силу менталитета общественные ценности нерушимы, однако человек является личностью и вправе следовать личному духовному пути (только в том случае, если он не противоречит существующему законодательству).

Новое видение женщин цзюнь-цзы в сериалах призвано сформировать представление о них как о полноправных членах общества. С распространением феминистических идей и понятий гендерного равенства женщины в сериалах уже не предстают в роли второсортных людей. Примечательно, что значительная часть современных исторических сериалов снимается на основе произведений интернет-литературы (так называемые веб-новеллы), авторами которых являются преимущественно женщины. В последующем этих женщин привлекают к созданию сериалов в качестве сценаристок. В итоге формируется своего рода женский взгляд на сериалы. Сам термин «женский взгляд» в искусствоведении был сформулирован под влиянием работ английской исследовательницы

кино Лоры Малви, которая в своем эссе «Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф» дает определение мужскому взгляду на кино, в котором мужчина выступает ключевой фигурой, а женщина – предметом объективизации и лицезрения, лишенным смысловой нагрузки [Герасименко, 2017, с. 43–45]. Героини цзюнь-цзы перестают быть легкомысленными персонажами, чья ценность заключается во внешней красоте, послушании и смирении. Они отходят от своей первоначальной роли любовного интереса мужских персонажей и стремятся проявить свои способности на благо общества.

Таким образом, в современных китайских сериалах мужские и женские персонажи цзюнь-цзы призваны сформировать актуальные понятия человеческого благородства. Так, мужчина цзюнь-цзы продолжает нести в себе универсальный образ конфуцианского праведного человека, но вместе с тем искореняет устаревшие общественные установки, развивая общечеловеческие понятия об искренности, сострадании и верности своим идеалам. Героини цзюнь-цзы представляют собой персонажей, разрушающих стереотипный образ женщины как второсортного человека, они способны быть духовно равными с мужчинами, традиционными носителями образа цзюнь-цзы.

Библиографический список

Абрамян Т. С., Агаркова В. Э. Конфуцианство в Китае – тогда и сейчас // Будущее науки : материалы V Междунар. молод. науч. конф. В 4 т. Т. 2. Курск, 26–27 апр. 2017 г. / отв. ред. А. А. Горохова. Курск : Унив. кн., 2017. С. 13–15.

Герасименко И. Е. «Мужской взгляд» и теория феминистского кино // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2017. № 4 (24). С. 42–51.

Долгих О. М. Конфуцианство: традиции и современность // Вестник ЧелГУ. 2003. № 1 (2). С. 101–110.

Кобжицкая О. Г. Роль конфуцианства в формировании личностно-психологических особенностей китайцев // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 18–23 мая 2015 г. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2015. С. 367–369.

Кремнёв Е. В. Традиционные аспекты современной управленческой культуры государственных служащих КНР // Вестник ЧитГУ. 2006. № 4 (41). С. 137–141.

Кузнецова О. В. Корейские региональные исследования: мир о Корее и Корея о мире: монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 193 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Малыгин В. В. Конфуций. М. : Молодая гвардия, 2007. 368 с.

Павлова В. Н. Наставления женщинам в древнем и средневековом Китае: отношение, положение, правила // Архивариус. 2020. № 5 (50). С. 42–45.

А. В. Бояркина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

КИТАЙСКАЯ ШКОЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЯ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Рассматривается теория международных отношений в Китайской Народной Республике. Пройдя длительный исторический путь развития, исследования международных отношений в Китае достигли высокого уровня. Теория международных отношений стала независимой академической дисциплиной. В результате в стране начали развиваться три классических направления: реализм, либерализм и конструктивизм, которые исследовали подъем Китая и его интеграцию в международное сообщество. Теоретики пытаются переосмыслить традиционную древнекитайскую политическую стратегию и представить отчетливый взгляд Китая на современные международные отношения.

Ключевые слова: Китай, международные отношения, теория международных отношений, китайская школа международных отношений, школа реализма, либерализм, традиционная политическая культура.

A. Boyarkina

Far Eastern Federal University, Vladivostok
Sociological Institute of FCTAS RAS

CHINESE SCHOOL OF INTERNATIONAL RELATIONS: HISTORY, TRENDS, AND PROSPECTS

Abstract. The article examines the development of the theory of International Relations in the People's Republic of China. Having gone through a long historical path of development, research on international relations in China has reached a significant level. Theories of international relations have become an independent academic discipline. As a result, three classical movements began to develop in the country: realism, liberalism and constructivism, which explored the rise of China and its integration into the international community. Theorists are trying to rethink traditional ancient Chinese political strategy and present a distinct Chinese perspective on modern international relations.

Keywords: China, international relations, theory of international relations, Chinese School of International Relations, realism, liberalism, traditional political culture.

Исследования теории международных отношений (ТМО) в Китае активно развиваются в последние несколько десятилетий. Открыты направления по международным отношениям в вузах, «мозговые центры», которые анализируют международные проблемы и предлагают их решения. Исследование публикационной активности китайских теоретиков в этой области выявило разнообразие тем исследований. Повышенный интерес они проявляют к западным либеральным теориям международных отношений и международной политической экономике, соотношению баланса сил крупных держав, что является предметом изысканий школы реализма [Shambaugh, p. 339].

Прежде отметим, что сама теория международных отношений в Китайской Народной Республике (КНР) развивается, начиная с периода политики реформ и открытости (с 1978 г.). Этому предшествовал дотеоретический период с 1949 по 1978 г. Исследования международных отно-

шений, как и остальные социальные науки, пострадали в 1950–1970-е гг. от влияния реализации маоистской политики, значительно повлиявшей на систему высшего образования. Большинство кафедр политологии и международных отношений были закрыты в 1952 г. в ходе реорганизации высшего образования.

В 1952–1964 гг. в Народном университете был учрежден правительственный отдел по международным исследованиям. Первый институт иностранных языков, созданный в 1941 г., продолжал свою деятельность после основания Китайской Народной Республики. Также в конце 1950-х гг. Министерство иностранных дел КНР и следственный отдел КПК учредили собственные институты для анализа разведывательной информации: Институт международных исследований (国际问题研究所) и Ин-

ститут международных отношений (国际关系研究所). Шанхайский институт международных исследований также был основан в 1960 г. при муниципальном правительстве Шанхая. В 1964 г., после возвращения премьера КНР Чжоу Эньлая из Африки, исследования международных отношений получили новое развитие, поскольку председатель Мао поддерживал предложение Чжоу Эньлая создать сеть учреждений для подготовки молодых дипломатов и исследователей. Очевидно, область исследований международных отношений серьезно подверглась идеологическому воздействию марксистско-ленинского учения, влиянию Советского Союза и общей изоляции Китая от внешнего мира. Серьезные исследования проводились только в финансируемых государством научно-исследовательских институтах и в основном в целях разведки. С конца 1970-х гг. расширяется институциональный корпус теоретизации международных отношений. Так, основаны Академия общественных наук КНР; ряд институтов региональных исследований США, Японии, Западной Европы, Советского Союза, Восточной Европы, Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Латинской Америки.

Итак, в 1949–1978 гг. китайские ученые проводили исключительно политический анализ и исследования государственной идеологии [Qin, p. 198]. Исследования международных отношений в Китайской Народной Республике в первые 30 лет еще не сформировали науку. Внутренняя политика оказала негативное влияние на эту сферу. Более того, общая изоляция Китая ограничивала круг контактов с иностранными специалистами и учеными, что привело к интеллектуальной изоляции страны [Shambaugh, p. 340–342].

Первый этап формирования кийской теории международных отношений начался после того, как Дэн Сяопин приступил к реализации своих реформ в начале 1980-х гг. Это совпало с открытием Китая внешнему миру и установлением дипломатических отношений с зарубежными

странами. Исследования в сфере международных отношений возобновились в Пекинском, Народном и Фуданьском университетах, а также в Институте иностранных дел. В 1983 г. факультет международной политики при Пекинском университете открыл свои двери для иностранных студентов.

Развитию международных отношений в 1980-е гг. в немалой степени способствовала поддержка правительства США и американских благотворительных фондов. Фонды Форда, Рокфеллера, Азиатский фонд и другие финансовые организации объединились в единый орган, известный как Комитет по исследованиям международных отношений с Китайской Народной Республикой. Позже его переименовали в Программу международных исследований Азии, затем в Партнерство по международным стратегиям Азии. Комитет по исследованиям международных отношений с Китайской Народной Республикой функционировал с 1984 по 1992 г. и инвестировал 4 млн долл. США в исследования международных связей в Китае. Был сформирован стипендиальный фонд для 102 китайских ученых, которые отправились за границу для обучения в аспирантуре, получения магистерской или докторской степени [Shambaugh, p. 343].

События 1989 г. оказали негативное влияние на исследования международных отношений, а также на американскую филантропическую деятельность в Китае. В тот период американские фонды рассматривались как подрывные агенты-provokatory. Теоретизация международных отношений отражала тенденции того времени: новый акцент на марксистско-ленинском учении, исследования проблемы политического доминирования США и причин падения восточноевропейских режимов и Советского Союза.

Второй этап – знакомство Китая с западными теориями – приходится на период с 1991–2000-х гг. (理论学习阶段初期). Период 1992–1998 гг. ознаменован незначительным увеличением количества новых исследований. Китайские теоретики начали изучать тенденции в реализации внешнеполитической теории «мира и развития» на Земле Дэна Сяопина; многополярность; экономическую глобализацию; стратегическое партнерство; международные организации; международную политическую экономику; международную безопасность; азиатский путь развития и азиатские ценности; права человека и международное вмешательство; «столкновение цивилизаций», теорию «демократического мира» и совокупную национальную мощь [Zhang, p. 104].

С 2000 по 2012 г. начинается третий этап – углубленное изучение Китаем западных теорий (理论学习阶段深化期). Китайские исследования международных отношений отмечены концептуальным обогащением. Значительно ослаблены идеологические и политические ограничения,

китайские ученые исследуют широкий спектр новых тем. Примечательно, что с 2007 г. китайские ученые проявляют все больший интерес к концепциям школы либерализма, а именно: глобализации, глобальному управлению, международному сотрудничеству, взаимозависимости, мультилатерализму и международным организациям. Так, в 2007–2009 гг. мировое сообщество озабочено развитием ядерной политики Ирана, изменением климата, проблемой национальной идентичности, что привлекает внимание китайских исследователей. Однако в 2009 г. интерес к этим темам постепенно угасает [Shambaugh, p. 351]. Незначительное внимание китайские ученые уделяют таким темам, как контроль над вооружением, нераспространение ядерного оружия, космос, этнические конфликты и нетрадиционная безопасность. Глобальный экономический кризис 2008 г. вызывает широкую дискуссию либеральной экономической школы. Однако увлечение либеральными концепциями не поддерживается китайским политическим руководством. Наоборот, наблюдается снижение количества публикаций и исследований, посвященных концепциям нового мирового порядка. Проблема прав человека, северо-корейская ядерная проблема, восточноазиатский процесс нового регионализма и «мягкая сила» не являются темами для широкого обсуждения [Shambaugh, p. 350–351].

В 2005 г. известный китайский философ Чжао Тинян предлагает переосмыслить систему взаимоотношений стран Восточной Азии в своей концепции «тянься» (天下). Это целая система-утопия, которая существовала в древности и воспринималась странами региона, как мировая. Ученый ставит проблему отсутствия единого всемирного института для решения глобальных политических проблем и обосновывает необходимость формулирования мировой философской концепции управления миром и построения общей судьбы всех стран и народов [Zhao]. Отметим, что общее будущее и народов Запада, стран Европы и народов Востока всегда вызывало дискуссию в научных кругах [Печерица, Бояркина].

В то же время возрастает интерес к социальному конструктивизму. Профессор Цинь Яцин определяет два типа понимания *теории* в китайском контексте и разрабатывает авторскую «теорию отношений». Первый служит стратегическим руководством к действию, например, курс «держаться одной стороны» и теория «трех миров», выдвинутые Мао Цзэдуном. Примером второго понимания служит баланс сил государств К. Уолтца и теория международного порядка Х. Булла. Они трактуют *теорию* как абстрагирование от фактов повседневных событий в попытке определения взаимодействия государств на основе правовых и политических норм [International Relations Theory ... , p. 59; Transformation of Foreign ... , 1978–2008, p. 430]. Согласно идее Уолтца, анархия приводит к сохранению баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где Китай

пытается найти союзников с целью противостояния угрозе со стороны США. При условии регионального лидерства Китая другие игроки не способны ему противостоять [International Relations Theory and the Asia-Pacific, p. 59, 165]. Следовательно, в контексте АТР исторически чрезвычайно важна была иерархия держав и сохранение баланса сил.

Одновременно с этим после 2010-х гг. усиливается тенденция заимствования политических идей Древнего Китая. Для многих китайских ученых-политологов примером служит идеология управления Поднебесной и межгосударственных отношений доциньского периода. Китайское научное сообщество начинает формировать качественно новое знание, синтезируя традиционные идейные основы Поднебесной и Восточной Азии. Тогда в Китае происходили сложные процессы рождения новой государственности. Как следствие, китайские мыслители того времени занимаются поиском новых теоретических идей, которые могли бы лечь в основу внешнеполитического курса и стабильного государства. Это приводит к появлению феномена *китайских дебатов*, или *китайскому спору* (中国学派»的争论). Такие исследователи, как Янь Сюэтунь, Цинь Яцин, Сюй Тяньбо, Ши Иньхун предлагают историко-культурный подход к пониманию международных отношений [孙学峰, 阎学通; Wang].

Наряду с этим в первом десятилетии XXI в. в Китае наблюдается и увеличение числа высших учебных заведений, аналитических центров, количества преподавателей и студентов, объема журнальных и книжных публикаций, повышение качества исследований и усиление взаимодействия с государственными руководителями в области международных отношений. Показательно, что в последние годы, несмотря на развитие глобальной сети Интернет и расширение доступа к различным источникам информации о развитии международной ситуации, многие китайские исследователи все еще отражают и отстаивают позицию политического руководства КНР.

Тенденция к расширению круга научных изысканий международных отношений показывает, что китайское научное сообщество приобретает новый опыт и в некоторой степени все больше сближается с исследовательскими центрами международного сообщества. Но в то же время такое сближение с западной теорией беспокоит многих китайских специалистов по международным отношениям, которые считают, что Китаю не следует столь активно вовлекаться в зарубежную повестку, а необходимо попытаться найти собственную исследовательскую стратегию и сформировать китайскую школу теории международных отношений. Дискуссия о путях развития китайской теории международных отношений и китайской школе развернулась в конце 1980-х гг. и была инициирована профессором Лян Шоудэ (заведующим кафедрой международной политики Пекинского университета). Он и другие китайские ученые видят необхо-

димось в разработке новой методологии и теории международных отношений с целью выйти за рамки западных течений реализма, либерализма и конструктивизма. Они выступают за укоренение (本土化) китайских исследований международных отношений, т. е. за внедрение уникальных древнекитайских философских концепций в том числе, но не копирование западных методов. Это свидетельствует о глубоком чувстве превосходства китайской цивилизации и неудовлетворенности от необходимости взаимодействовать в мире, где международные нормы и институты приняты и учреждены западными государствами. Профессор Янь Сюэтуан, декан Института международных отношений Университета Цинхуа, представитель школы реализма и сторонник использования западных количественных методов анализа в международных отношениях, выступает против развития китайской школы международных отношений, поскольку сначала необходимо серьезно сосредоточиться на изучении содержания теории, а не преждевременно институализировать ее [Shambaugh, pp. 365–366]. Особенностью в развитии китайских теорий международных отношений ученые считают изучение и внедрение философских основ китайского мировоззрения: гармонии (和谐), морали и этики (德) и добродетельного правления (王道). В то время как китайские ученые стремятся к уникальности, большинство современных школ и парадигм теории международных отношений (например, английская, копенгагенская школы и др.) на самом деле являются транснациональными, а не национальными – в этой связи вызывает сомнение способность китайского руководства и ученых сформировать национальную школу международных отношений.

Хотя западные концепции глубоко проникли во внутренний дискурс Китая, обратный процесс неочевиден. Китайские ученые практически не оказывают значительного влияния на развитие науки о международных отношениях. Некоторые западные специалисты связывают закрытость или изолированность академического дискурса внутри Китая с языковым барьером и недостатком публикаций на английском или других иностранных языках в зарубежных научных изданиях. В основном мир получает пропагандистские материалы о таких концепциях, как *мирное развитие* и *гармоничный мир*, которые не заменяют серьезных интеллектуальных и политических дискуссий. Лишь относительно небольшая группа китайских ученых участвует в международных научных мероприятиях. Они часто разделяют официальную позицию руководства КНР и не выражают объективного мнения по существующим проблемам [Shambaugh, p. 366].

Итак, период начала XXI в. отмечен увеличением разнообразия тематики китайских исследований международных отношений, высших учебных заведений и попыткой сформировать китайскую школу теории международных отношений. По-прежнему мало освещались такие темы, как критический анализ внешней политики Китая, права человека или гуманитарная интервенция.

После прихода к власти лидера пятого поколения руководителей КНР Си Цзиньпина в 2013 г. можно говорить о переходе исследований международных отношений на следующий уровень. Заметные перемены в дипломатическом и внешнеполитическом курсе Китая, более решительный стиль китайской дипломатии на мировой арене, ее стратегия партнерских отношений становятся предметами дискуссии в научных кругах. Более активно публикуют труды в международных рецензируемых научных изданиях уже ставшие известными Ван Цзисы, Янь Сюэтунь, Чжу Фэн, Шэнь Динли и другие ученые-политологи. Их исследования направлены на теоретическую и, главное, практическую выработку механизмов наиболее выгодной и приемлемой реализации внешнеполитического курса, который приведет к успешному подъему страны в условиях переломного момента.

Янь Сюэтунь в 2017 г. публикует масштабное исследование, где пристально рассматривает международную систему, порядок, структуру, дает определения понятиям «международные акторы», «национальный суверенитет», «национальная идентичность», «государственные интересы», «мощь», «подъем великих держав» и т. п. Ученый делает особый акцент на необходимости развития научного подхода в международных отношениях в КНР [阎学通、何颖, с. 6–7]. Кроме того, он определяет термин «международные отношения» как «сложную сумму (совокупность) отношений между различными международными акторами (государства, международные организации, неправительственные организации, транснациональные корпорации или индивидуальные лица и т. д.), которые путем разных подходов (конфликты, сотрудничество и т. д.) реализуют цели или преследуют свои интересы (выживание, сила, богатство и т. д.); в процессе формирования системы международных отношений трансграничные социальные явления выступают предметом исследования» [阎学通、何颖, с. 7].

Все чаще китайские ученые ставят вопрос о дальнейшем развитии концепции международных отношений с китайской спецификой и актуальности ее построения [席来旺]. Они обращают внимание на *горячие точки* (актуальные проблемы) и новые тенденции в исследованиях международных отношений. Под *горячими точками* китайские ученые и дипломаты понимают отношения с крупными державами, что является

наиболее важным аспектом международных отношений. Исследование развития взаимоотношений с крупными государствами не означает сосредоточения внимания исключительно на Соединенных Штатах Америки. Научное сообщество призывает понять природу этих отношений, роль силы/власти и переосмыслить содержание китайской области исследований [全球政治与安全报告, 2021].

Новыми тенденциями они считают четыре направления: *регионоведение, глобальное управление, международные организации и проблемы Китая* [全球政治与安全报告, 2021]. В области *региональных исследований* ученые по-прежнему озабочены общим развитием регионов, в основном Европы, Африки, Восточной Азии и Латинской Америки. Кроме того, они начали собственную серию специальных исследований Индо-Тихоокеанского региона с национальной и региональной точек зрения. В области *глобального управления* вспышка пандемии COVID-19 обострила дискуссию о существующей системе глобального управления, и ученые стали уделять больше внимания вопросу самостоятельности принятия решений государствами. Фокус исследований *международных организаций* постепенно смещается от изучения их природы, целостности и внешнего влияния к конкретным видам деятельности, включая анализ организационной структуры и моделей взаимодействия между организациями и их членами. Более глубокими и подробными становятся и исследования региональных организаций. Четвертое направление – *возрастающее политическое и экономическое влияние Китая на развитие международных отношений* – по-прежнему является предметом китайских исследований. В то же время остро стоит вопрос восприятия и понимания мировым сообществом культурного подъема Китая. Так, известный китайский литератор Ван Мэн¹ в ответ на появление теорий *китайской угрозы, крушения Китая, ловушки Фукидида, ловушки среднего дохода* предлагает переосмыслить отношение к подъему Китая через призму его культурного наследия, начиная с зарождения письменности, эволюции традиционной культуры и до современного периода. В его книге «Китайский образ мышления. Понимание Китая. Китайский опыт и пути решения» (2018 г.) делается акцент на взаимосвязи традиционной и современной национальных культур, способствующей достижению устойчивости китайской цивилизации, укреплению ее культурного ядра; единении китайского народа [Wang, p. 3–23, 323, 327].

Таким образом, сложный процесс становления и укрепления теории международных отношений в Китае сопровождался серьезными трудностями и вызовами, обусловленными причинами внешнего и внутреннего

¹ Китайский писатель, в 1986–1989 гг. занимал пост министра культуры КНР.

характера. Мы полагаем, что в связи с изменением в структуре стратегической конкуренции США с Китаем дискуссии ученых в большей степени будут сосредоточены на вопросах сдерживания экономического, политического и культурного развития Китая. Причем, Соединенные Штаты Америки начали стратегическую конкуренцию с Китаем на трех уровнях: цивилизационном, системном и геополитическом. Некоторые специалисты полагают, что американское руководство во главе с президентом Дж. Байденом не способно решить институциональные проблемы и пытается влиять на дальнейшее развитие Китая, разрушить модель его развития, что, безусловно, говорит об ухудшении американо-китайских отношений [Интерфакс]. Представляется, что отечественное и зарубежное научные сообщества откроют перспективы развития китайской ТМО и новые вызовы, заключенные именно в «горячих точках» и тенденциях.

Библиографический список

Печерица В. Ф., Бояркина А. В. Представления европейских ученых и политиков о «единой судьбе» народов: в прошлом и настоящем: монография. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2021. 172 с.

Противостояние Китая и США: «обратная ловушка Фукидида» // Интерфакс. 2023. 9 июня. URL: <https://www.interfax.ru/russia/905588> (дата обращения: 08.08.2023).

International Relations Theory and the Asia-Pacific / ed. by G. J. Ikenberry, M. Mastanduno. N. Y. : Columbia University Press, 2003. Vol. IX. 450 p.

Qin Yaqing. Development of international relations theory in China // International Studies. 2009. Vol. 46, Iss. 1 & 2. P. 185–201. DOI: 10.1177/002088171004600212

Shambaugh D. International relations studies in China: history, trends, and prospects // International Relations of the Asia-Pacific. 2011. Vol. 11. P. 339–372. DOI: 10.1093/irap/lcr013

Transformation of Foreign Affairs and International Relations in China, 1978–2008 / ed. By Wang Yizhou. Brill, 2011. Vol. 6. (Series: Social Scientific Studies in Reform Era China).

Wang Meng. The Chinese way of thinking. Understanding China. Chinese wisdom and solutions. Beijing : Foreign Languages Press, 2018. 341 p.

Zhang Yongjin. International Relations theory in China today: the state of the field // The China Journal. 2002. N 47. P. 101–108.

Zhao Tingyang. A political world philosophy in terms of All-Under-Heaven // Diogenes. 2009. Vol. 56, Iss. 1. P. 5–18. DOI: 10.1177/0392192109102149

全球政治与安全报告 (2021)/张宇燕主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2021。

席来旺. 构建中国特色国际关系理论的新探索//中国社会科学网. 2022–12–27. URL: https://www.cssn.cn/gjgc/lbt/202212/t20221228_5574790.shtml (дата обращения: 03.05.2024).

СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В ИРКУТСКЕ

Аннотация. Рассматриваются вопросы истории советско-китайского взаимодействия в области культуры и искусства. В центре внимания – вопросы взаимного знакомства с достижениями музыкального, танцевального, песенного, драматического творчества двух народов. Проблема рассмотрена на примере Иркутской области, где в 1950-х гг. часто выступали творческие коллективы из КНР, китайские рабочие знакомили иркутян с искусством Китая на встречах дружбы и концертах художественной самодеятельности.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, сотрудничество в сфере искусства, Иркутск.

V. Datsyshen

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Krasnoyarsk

SOVIET-CHINESE INTERACTION AND COOPERATION IN THE FIELD OF CULTURE AND ARTS IN IRKUTSK

Abstract. The article examines the history of Soviet-Chinese interaction in culture and art. The focus is on issues of mutual acquaintance with the achievements of musical, dance, song, and dramatic creativity of the two peoples. The problem is considered using the example of Irkutsk region, where in the 1950s creative groups from the People's Republic of China often performed; Chinese workers introduced Irkutsk residents to Chinese art at friendship meetings and amateur art concerts.

Keywords: Soviet-Chinese relations, cooperation in the field of art, Irkutsk.

Взаимодействие в области культуры и искусства в XX в. занимало важное место в общей системе русско-китайских отношений. Знакомство с достижениями музыкального, танцевального, песенного, драматического творчества позволяет глубже понять соседей, способствует взаимопониманию между двумя народами, делает более эффективным и успешным сотрудничество между странами на всех уровнях.

В современной исторической науке наблюдается большой интерес к вопросам международного сотрудничества в сфере культуры и искусства. Однако вопросам взаимодействия Иркутска с Китаем в этой области по-прежнему уделяется очень мало внимания. Сохранившиеся в фондах Государственного архива Иркутской области документы и материалы периодической печати позволяют восстановить историческую картину русско-китайского взаимодействия в области культуры и искусства в Иркутске во второй половине XX в.

После провозглашения в 1949 г. Китайской Народной Республики советско-китайские отношения начали новый этап своего развития. Иркутск в системе этих отношений традиционно играл важную роль. В советский период значение Иркутской области как одного из самых больших и экономически развитых регионов РСФСР в отношениях с Китаем

не ослабло. Историко-культурная и природно-географическая привлекательность региона, через который проходили связывающие две страны транспортные коммуникации, делали Иркутск важнейшим областным центром русско-китайских отношений.

Основное внимание в части сотрудничества Иркутска с Китаем в сфере культуры и искусства из-за ряда факторов уделяется художественной литературе и изобразительному искусству. Первым председателем Иркутского отделения Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) был избран писатель Г. Ф. Кунгуров. В числе активистов были писатель В. В. Киселев и директор университетской библиотеки Л. К. Жилкина. Ярким событием была организованная в сентябре 1959 г. в Научной библиотеке Иркутского государственного университета книжно-иллюстративная выставка «Народный Китай». Переводы произведений китайских литераторов публиковались в журнале «Сибирские огни». После возобновления Иркутского отделения ОСКД в 1986 г. председателем правления был избран народный художник РСФСР В. С. Рогаль². И уже в 1987 г. в Иркутске была организована выставка картин китайских художников³.

Взаимодействие в сфере культуры и искусства, знакомство иркутян с музыкальным, танцевальным, песенным творчеством Китая резко активизировалось уже в 1949–1950 гг. Большое значение для развития сотрудничества между СССР и КНР имело посещение Мао Цзэдуном Советского Союза в конце 1949 – начале 1950 гг. Глава нового Китая вместе с Чжоу Эньлаем и другими китайскими деятелями останавливался в разных городах Сибири. Однако в отличие от Новосибирска, Красноярска или Читы, в Иркутске лидеры китайских коммунистов не посетили учреждений культуры и выступлений творческих коллективов. Тем не менее Иркутск все же стал региональным центром взаимодействия в сфере культуры и искусства.

Иркутяне смогли познакомиться с китайским искусством благодаря тому, что по Транссибирской магистрали ехали на Запад на разные мероприятия и гастроли китайские делегации и творческие коллективы. Летом 1949 г. через Сибирь в Будапешт для участия во Всемирном фестивале молодежи проехала группа китайских артистов. Летом 1952 г. через Сибирь проследовали творческие коллективы для участия в III Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине. По пути китайские артисты дали концерты в Иркутске⁴. В газетах разместили рекламу Иркутской областной филармонии: «В Облдрамтеатре только два дня концерты артистов Китайской Народной Республики (состав 130 человек)» 5 и 7

² ЦДНИ ГАИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 214Б. Л. 11.

³ ЦДНИ ГАИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 228. Л. 51.

⁴ Советская молодежь. 1952. 11 июля. С. 2.

июля⁵. Действительно, в отчете о концертах в Иркутске артистов КНР говорилось: «В переполненном зале областного драматического театра иркутяне горячо приветствовали молодых работников искусства свободного Китая <...> В них приняли участие хор, певцы, хореографический коллектив, артисты цирка, оркестр народных инструментов» [Флавианова, 1952]. Приезд китайских молодых артистов в Иркутск поспособствовал знакомству китайской молодежи с советским балетом. Газета сообщала: «Часть артистов Китайской Народной Республики посмотрела балет “Бахчисарайский фонтан” и прослушала оперный спектакль “Кармен” в Государственном ордена Ленина Бурят-Монгольском театре оперы и балета»⁶.

В 1950-х гг. в Иркутской области нередко выступали ансамбли песни и пляски, народных инструментов, другие музыкальные и песенные коллективы. 30 декабря 1954 г. в Иркутск приехал гастролеровавший по СССР ансамбль песни и пляски НОАК⁷. Его выступления произвели большое впечатление на иркутян. Летом 1956 г. на гастроли приехал ансамбль народной песни и танца городов Порт-Артура и Дальнего. Возглавлял творческий коллектив из 75 человек руководитель Ша-цин⁸. В мае 1959 г. газета «Восточно-Сибирская правда» сообщала: «Вчера вечером в Иркутск прибыл Гуандунский оркестр народных инструментов в составе 25 человек под руководством Чжоу Го-цзиня. Оркестр едет из Китая в Москву и пробудет у нас до 18 мая. Китайские артисты дадут в Иркутске и Ангарске четыре концерта»⁹.

В начале 1950-х гг. у советских режиссеров появился интерес к постановке произведений китайской драматургии. Иркутск был здесь в числе пионеров. В областном драматическом театре по пьесе классика китайской литературы Ван Шифу был поставлен спектакль «Пролитая чаша». В середине 1950-х гг. оценить эту работу могли и китайские зрители. Например, в 1956 г. в Иркутске ее посмотрели члены китайской молодежной делегации из Шэньяна (11 человек), многие из которых видели спектакль по этой пьесе в своем театре. Вот фрагмент из отзыва китайцев: «Хотя музыку к пьесе “Пролитая чаша” написал советский композитор Корчмарёв, она очень напоминает наши народные мотивы <...> мы увидели чудесный китайский пейзаж, умело выполненный художником Д. Фомичевым. <...> В костюмах действующих лиц, как и в декорациях, тоже хорошо передан наш национальный стиль, обычай одеваться

⁵ Восточно-Сибирская правда. 1952. 5 июля. С. 4.

⁶ Восточно-Сибирская правда. 1952. 9 июля. С. 3.

⁷ Восточно-Сибирская правда. 1954. 31 декабря. С. 1.

⁸ Восточно-Сибирская правда. 1956. 19 августа. С. 3.

⁹ Восточно-Сибирская правда. 1959. 10 мая. С. 4.

<...> игра артистов настолько выразительна, что все происходящее на сцене нам было понятно и без переводчика <...>»¹⁰.

В 1958 г. Министерство культуры СССР пригласило Центральный экспериментальный оперный театр КНР из Пекина посетить Советский Союз с гастрольями с 17 ноября по 21 декабря 1958 г. В Иркутск приехал Китайский экспериментальный оперный театр во главе с директором театра Лу Су и главным дирижером Ли Гоцюань. В репортаже о встрече китайских артистов 19 декабря на вокзале Иркутска говорилось: «И слышалось то и дело: “Приехала ли Цзоу Дэхуа? А Ли Хуань?”. То иркутяне заинтересованно расспрашивали об артистах, покоровивших за эту поездку зрителей Ленинграда, Москвы, Новосибирска, о тех, кому предстоит и в Иркутске исполнять основные роли в опере “Песня степей”. И Цзоу Дэхуа, “звонкий степной колокольчик”, и Ли Хуань, обладающий завидным драматическим тенором, здесь, в кругу будущих зрителей» [Земляк Ив, 1958]. Если в 1956 г. в составе гастрольной труппы было 75 чел., то в 1958 г. приехало 130 человек. Новые гастрольные китайского театра благодаря опыту двух предыдущих были организованы на еще более высоком уровне. 20 декабря 1958 г. на сцене Иркутского драматического театра была представлена опера в пяти действиях с прологом «Песня степей». В полдень 21 декабря китайские артисты дали концерт в актовом зале Горно-металлургического института. Вечером 21 декабря в драмтеатре был дан заключительный концерт, а 22 декабря артисты выступали прямо в цехе машиностроительного завода им. Куйбышева, который выполнял заказы для предприятий КНР¹¹. Газета «Ленинские заветы» даже разместила фотографию китайских артистов [Ленинские заветы, 1959]. Чтобы расширить взаимное влияние, во время пребывания театра в СССР был проведен ряд творческих встреч ЦЭОТ с советскими театральными коллективами и деятелями культуры и искусства.

Жители Иркутска могли знакомиться с китайским искусством благодаря выступлениям творческих коллективов из КНР на фестивалях, самодеятельным номерам, которые представляли китайские рабочие. В опубликованном в «Восточно-Сибирской правде» летом 1957 г. отчете о заключительном концерте Областного фестиваля молодежи приводился такой пример: «На сцене появляется китайская делегатка-артистка Юань Ли-чжень. Она поет что-то мягкое, лирическое. И вот – они уже вдвоем – Юань Ли-чжень и Лю Фу-чуань. Он тоже артист. Китайская народная песня “Течет ручеек”, – объявляет ведущий»¹². В газете была опубликована фотография китайских артистов в окружении советских участников

¹⁰ Советская молодежь. 1956. 30 сентября. С. 2.

¹¹ Восточно-Сибирская правда. 1958. 24 декабря. С. 4

¹² Восточно-Сибирская правда. 1957. 20 июня. С. 2.

концерта с пояснением «Как волновалась Юань Ли-чжень! Еще бы! Первый раз пела в русском театре»¹³.

Китайские рабочие в Усолье-Сибирском участвовали в художественной самодеятельности. Уже в начале 1957 г. на вечере дружбы в клубе «Строитель» состоялся концерт. Современники писали: «С большим интересом зрители смотрели китайский кукольный театр, прослушали китайскую музыку. Наши гости играли на национальных инструментах. С накрываемым восхищением следили зрители за чудесным рисунком китайского танца, очень внимательно слушали китайский хор...» [Проценко, 1957]. В отчете Иркутского отделения Общества советско-китайской дружбы говорилось: «Хорошо было отмечено 10-летие КНР в гор. Усолье-Сибирское, где вместе с советскими людьми трудятся около 400 человек китайских рабочих <...> Художественная часть вечеров состояла из концертов художественной самодеятельности <...> активное участие в концертах художественной самодеятельности принимали и китайские товарищи. Они выступали с сольными и групповыми номерами китайского музыкального, вокального и танцевально-акробатического искусства»¹⁴. В направленном в 1959 г. из Иркутска в Москву председателю Общества советско-китайской дружбы А. А. Андрееву» «Отчете о проведении празднования десятилетия Китайской Народной Республики в Иркутской области» говорилось: «Большой городской вечер советско-китайской дружбы, посвященный десятилетию КНР, состоялся 30-го сентября в городском Доме политпросвещения г. Иркутска. <...> На вечере в качестве гостей присутствовала группа китайских товарищей практикантов в количестве 7 человек. Выступая от их имени, тов. Дуань тепло поблагодарил присутствующих и всех трудящихся Иркутской области за теплое дружеское отношение и за ту огромную повседневную помощь и заботу, которые они получают в процессе работы, находясь в Иркутской области. <...> Хорошо было организовано празднование десятилетия КНР с участием больших групп китайских товарищей в Ангарском городском Доме культуры и в клубе Ангарского химкомбината. <...> Активное участие на вечерах приняли китайские товарищи. Они выступали с приветствиями, участвовали также в художественной самодеятельности, в играх и танцах...»¹⁵. Очевидно, тот же Дуань Вэньсян выступил с приветствием и на вечере по этому поводу в клубе Иркутской ГЭС. «Художественная часть вечера состояла из интересного эстрадного оркестра артистов Иркутской филармонии и музкомедии. Среди других номеров репертуара был хорошо исполненный китайский танец с барабанами...»¹⁶

¹³ Там же.

¹⁴ ЦДНИ ГАИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–13.

¹⁵ Там же. Л. 9–10.

¹⁶ Там же. Л. 10–11.

Начавшееся в 1960-х гг. ухудшение советско-китайских отношений на несколько десятилетий прервало взаимодействие, в том числе и в сфере театрального искусства. Последний раз китайская делегация посетила культурные учреждения Иркутска во время дружеского визита в декабре 1963 г.¹⁷

В 1980-х гг. советско-китайское взаимодействие в сфере культуры и искусства возобновилось. В июне 1990 г. в статье, рассказывавшей о поездке иркутских артистов с гастрольями в Пекин, говорилось: «Предыстория визита иркутских артистов в Пекин поучительна своей простотой. Два года назад, как только были разрешены прямые (без посредников, в данном случае – Министерства культуры) контакты с соседними странами, между Китаем и востоком нашей страны словно распахнулись шлюзы. В Иркутск стали прибывать делегации с предложениями о сотрудничестве, в том числе и по линии Китайского международного центра культурных обменов. Первую ласточку принял областной художественный музей – это была вставка произведений масляной живописи из собраний пекинских музеев. В дальнейшее развитие дружеских отношений внезапно вторгается коммерсант Тао Юй-цзин <...> В ноябре прошлого года филармония организовала выступления в крупных городах области цирковой группы “Восточный цигун”» [Верещагина, 1990]. 9 июня 1990 г. воскресный номер «Восточно-Сибирской правды» начинался с передовицы «Концерт дает Иркутская филармония», в которой давался перевод статьи из «Жэньминь жибао», начинавшейся со слов: «В ответ на совместное приглашение компании “СИТИК” и Китайского международного центра культурных обменов в Пекине выступает камерный оркестр из Иркутска»¹⁸.

Таким образом, во второй половине XX в. Иркутск не только был вовлечен в советско-китайское сотрудничество в сфере культуры и искусства, но и являлся одним из региональных центров русско-китайского обмена достижениями музыкального, танцевального, песенного, драматического творчества.

Библиографический список

- Верещагина С. Ноктюрн под сенью мэйхуа // Восточно-Сибирская правда. 1990. 9 июня. С. 6.
Земляк Ив. Большого успеха вам, дорогие друзья // Восточно-Сибирская правда. 1958. 20 дек. С. 4.
Ленинские заветы. 1959. 1 янв. С. 4
Преснякова Л. В. Традиционный китайский театр на русском Дальнем Востоке и в полосе отчуждения КВЖД в конце XIX – начале XX в. // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3. С. 114–124.
Проценко Л. Друзья навеки // Советская молодежь. 1957. 11 фев. С. 3.
Флавианова Н. Концерты артистов Китайской Народной Республики // Восточно-Сибирская правда. 1952. 9 июля. С. 3.

¹⁷ Восточно-Сибирская правда. 1963. 14 декабря. С. 3.

¹⁸ Восточно-Сибирская правда. 1990. 9 июня. С. 1.

КАРТОГРАФИЯ И ЖИВОПИСЬ В АТЛАСЕ ДИНАСТИИ ЦИН

Аннотация. Рассматривается содержание атласа династии Цин, представленного на сайте библиотеки конгресса США, с точки зрения оценки картографических и художественных качеств. Представлен анализ содержания карт «Айхун» и «Луоша», имеющих живописную основу, связанную с реальными историческими событиями. Детально разбираются живописные особенности, истоки в традиционно канонизированной и консервативной китайской живописи.

Ключевые слова: атлас, иллюстрированные карты, Айхун, Албазин, Луоша, аксонометрия, воздушная перспектива.

A. Kalikhman

FSBO "Zapovednoe Pribaikalie", Irkutsk

CARTOGRAPHY AND PAINTING IN THE ATLAS OF THE QING DYNASTY

Abstract. The content of the Atlas of the Qing Dynasty, presented on the website of the Library of Congress, is considered from the point of view of assessing cartographic and artistic qualities. The analysis of the content of the maps "Aihun" and "Luosha", which have a pictorial basis associated with real historical events, is given. The pictorial features of these maps and their origins in traditionally canonized and conservative Chinese painting are analyzed in detail.

Keywords: atlas, pictorial maps, Aihun, Albazin, Luosha, axonometry, aerial perspective.

Введение

Атласом династии Цин в статье названы четыре цветные иллюстрированные карты (размером 55 x 104 см каждая) в свитке размером 55 × 585 см, хранящиеся в Библиотеке Конгресса США и выставленные на соответствующем сайте [Aihun ... , 1697]. На представленных картах свитка, созданных в 1697–1722 гг., показаны такие территории, как Айхун, Луоша, Тайвань, Внутренняя Монголия (Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu – 艾渾, 羅剎, 台灣, 蒙古圖), выполненные рукописью на шелке, отмечается их разный масштаб, подача изображений в растровом виде. Из пояснения к картам также следует, что они охватывают четыре приграничных региона в период маньчжурской династии Цин: Айхун, военную колонию с середины XVII в. на северных берегах Амура, русский лагерь в Восточной Сибири; Тайвань; Пескадорские острова; Внутреннюю Монголию. На картах показаны военные объекты и оборонительные сооружения. В трех словах упомянуто о приобретении свитка Хаммелом для Библиотеки Конгресса в 1930 г. Из некролога Артура Хаммела, известного американского китаевода, следует: «Карты, которые он привез в Вашингтон, предназначались для изучения и представления Библиотеке Конгресса в качестве подарка. Эти 38 ранних карт и атласов, большинство из которых в рукописном виде составляют ядро коллекции редкой

китайской картографии Хаммела, хранящейся в Отделе географии и карт библиотеки» [Arthur ... , 1976]. Впервые одна из карт атласа под названием «Луоша» была приведена в 1972 г. во втором томе русскоязычного издания по материалам русско-китайских отношений в разделе «Китайский рисунок, изображающий осаду Албазина» [Русско-китайские ... , 1972, с. 695]. Пояснений, почему изображение местности «Луоша» ассоциируется с Албазином, не приводилось, хотя иероглифы 羅刹 переводятся как *ракшас*, что на санскрите означает совершающих злые поступки существ в индуистской мифологии.

Рассматриваемые в статье изображения именуются иллюстрированными картами (pictorial maps), имеющими очень древнюю историю [The British Museum], при этом в русском языке их также называют графическими, панорамными, перспективными (обычно с отсутствующими условными обозначениями). Иллюстрированы они с использованием различных художественных и живописных средств, минимальное число которых применено на изображении Тайваня и Пескадорских островов при обилии надписей, заметно приближающих вид карты к географическому. Немного больше изобразительности и большое число надписей отмечается на близкой к географической карте Внутренней Монголии, где нет строгого обозначения границ, но угадывается линия участка Великой стены, построенного при династии Цзинь, и река Хуанхэ. Изображения людей, животных, деревьев, как и на карте Тайваня, отсутствуют.

В этом смысле две другие карты под названиями «Айхун» и «Луоша» разительно отличаются тем, что больше напоминают живописную картину со всеми присущими ей художественными атрибутами. По пространственному охвату изображение скорее напоминает план территории, доступной взгляду человека с небольшой высоты, ограниченное несколькими километрами как в глубину, так и по ракурсу. Свитком создается впечатление разворачивающейся панорамы, на карте «Луоши» сугубо батальной. Высокая наполненность изображений формально не связанными между собой содержательными фрагментами во многом свидетельствует о заказном характере картины. Можно предположить, что художник выполнял поставленную представителями власти историческую задачу воплощения победных баталий и подготовки к ним, сохраняя определенную свободу в выборе живописных приемов, предписанных канонов и традиций, но с заметными ограничениями творческого начала.

Для анализа иллюстративной и живописной стороны карт в статье рассматриваются только «Айхун» и «Луоша», учитывая очевидный исторический фон передаваемых событий и различие взглядов на происходившее в России и Китае. Последнее должно в меньшей степени отражаться на рассмотрении художественных особенностей китайских иллюстрированных карт.

Иллюстрированная карта «Айхун»

Карта в описании идет первой, что, по-видимому, соответствует порядку следования в свитке, демонстрируя несколько разноплановых сюжетов из жизни людей гражданских, воинов и даже лошадей, связанных этапом подготовки к предстоящим сражениям, а также события на реке. Показана реализация плана Сюань Е, правившего в Китае четвертого правителя империи Цин, второго императора в династии, часто именуемого Канси под девизом правления «спокойствие и мир». План предусматривал отряд из более 3 тыс. воинов на осень 1683 г. следующее: «Пусть они построят в Айхуне крепость и разместятся там постоянно. Следует также заблаговременно заготовить пушки и боевые суда. От Айхуна до Гирина учредить 10 почтовых станций» [Русско-китайские ... , 1972, с. 666]. Итоговую картину поясняет выдержка из указа императора: «Намечалось, что наше войско выступит одновременно по воде и суше 20 мая 1685 г. 18 мая вода в Амуре начала прибывать. К тому же подул встречный ветер, очень затруднявший продвижение судов. К 19 мая небо прояснилось, и вода пошла на убыль, ветер внезапно переменялся на попутный. Наши воины подняли на своих судах паруса и поплыли против течения. Путь, для которого требуется три дня, проделан был за один день» [Там же, с. 678].

На переднем плане изображения – начало похода по Амуру, а дуга реки разделяет происходящее на суше и воде. Флотилия с поднятыми и надутыми ветром парусами включает три идущих первыми судов с грузом, а следом еще десять с воинами, а у левого берега готовятся к отплытию еще около десятка судов. Военная крепость на правом берегу полностью доступна обзору сверху, со всеми строениями, высокой крепостной стеной с четырьмя арочными воротами в середине каждой из стен, внешней оградой вокруг крепости, в проходах между строениями обозначено присутствие только четырех человек. В долине, расположенной посередине картины, показаны постройки селения Айхун, которые заканчиваются поднятыми на сваях сооружениями вблизи обрывистого берега и у самой воды. Выше селения, на склоне – табун из десяти резвящихся лошадей, принадлежащих, видимо, местным жителям. Правее, за невысокой оградой со строениями типа навесов, относящихся к военным подразделениям, можно заметить одну лошадь внутри, а другую – под седлом снаружи, а также шесть вооруженных воинов, находящихся под наблюдением еще двух, сидящих под навесом.

Иллюстрированная карта «Луоша»

Карта «Луоша» – вторая в атласе, связанная, судя по описанию, с периодом осады и захвата Албазинского острога в середине июня 1685 г. В материалах о русско-китайских отношениях в разделе «Биография Лантаня» читаем: «Когда Лантань прибыл с войском, он послал в

Албазин русскому начальнику Толбузину грамоту с объявлением, что император не может примириться с дальнейшим кровопролитием и приказывает возвратиться на ваши прежние земли. Русские же по-прежнему упорствовали, доверяясь прочности своих укреплений, и не соглашались уходить» [Там же, 1972, с. 692]. Далее описываются события, легко угадываемые на карте «Люоша»: «Утром появились идущие вниз к Албазину плоты, на которых было более 40 человек русских. Лантань послал к ним цзяла-чжангиня Ялантая, который предложил русским сдаться в плен. Те не согласились и, схватив оружие, вступили с ними в бой. Маньчжуры вскочили на плоты русских. Более 30 человек русских зарубили, а на плотках привезли к Лантаню 15 человек их жен и детей. <...> Лантань приказал подойти под город спереди, расставить здесь щиты и возвести земляные валы, обстреливая при этом город из луков, чтобы создать впечатление, что они готовятся к приступу. Фудутуну Вэньдаю, Вахана (желтое и красное знамя) и командующему китайскими войсками Зеленого знамени Лю Чжао-ци приказал незаметно переместить пушки хуньипао, зайти в тыл городу и отсюда начать настоящий приступ. Еще было приказано цзяла-чжангиню Болицю, Уша, Хэ Ю подойти к городу с флангов и вести по нему огонь из пушек цзянцзюньпао <...> фудутун Яцина, Байкэ и другие получили приказ стоять на боевых судах у юго-восточной части города, чтобы предупредить возможное появление русских подкреплений по воде.» [Там же, с. 692].

Карта «Люоша», как и в случае Айхуна, разделяет дугой реки происходящее на воде и на суше. Изображение разбивается на ряд разноплановых сюжетов, характерных для панорамных батальных сцен. В центре на левом берегу показана крепость как основа композиции в ракурсе, позволяющем узнать в китайской стилистике два доминирующих и соседствующих строения церкви и колокольни, многочисленные постройки с внутренней стороны крепостной стены, пристроенный загон для лошадей, окружающий стену ров с ограждающим его частоколом. Около десятка воинов в пределах крепости показаны схематически, выражения лиц не обозначены, угадывается характер движений, направленность действий: кто-то открывает ворота крепости в трех местах для подплывающего на плотках и лодках подкрепления.

Наиболее динамичным и развивающимся для всей панорамы баталлии является участок реки на переднем плане с плывущими на помощь защитникам крепости лодками и плотами. Обстрел их ведут конные лучники с левого берега, скрытые в ивовой роще и посылающие массу видимых над водой стрел, где угадываются четыре пораженных стрелами и упавших в воду бойца. На правом берегу видна резервная часть конных лучников в той же ивовой роще, также у правого берега. В русле реки в готовности располагается более двух десятков судов со спущенными па-

русами из-за встречного ветра, судя по выпелам на мачтах. По желтому, красному и зеленому цветам флажштоков у воинов на воде и суше легко различается их подчиненность одному из трех военачальников. Пытающихся причалить и высадиться на левый берег встречают зашедшие в воду бойцы с плетеными щитами и саблями, а рядом за бугром группа лучников нацеливает свои стрелы на открытые ворота крепости. В отдалении стоят окружающие крепость с трех сторон лагеря наступающие с флажштоками трех цветов, присутствие людей заметно только у восточного лагеря. Вдоль частокола крепостного вала с трех сторон установлены линии пушек для обстрела стен, а присутствие девяти воинов со щитами видно у восточной линии.

Живописные особенности иллюстрированных карт

Общий подход к анализу особенностей можно предварить цитатой «При дворе Канси был создан отдел живописи, который по аналогии с сунской Академией живописи назывался “Хуа юань” – “Сад живописи”. Входившие в него мастера были дилетантами, и каждый писал в очень индивидуальной манере», взятой из предисловия Е. В. Завадской к ее переводу книги «Слово о живописи из сада с горчичное зерно» [Слово ..., 2001, с. 8]. Вполне допустимо, что заказной характер иллюстрированных карт позволял приглашенным художникам оставаться мастерами с индивидуальными манерами, совмещающими лаконизм и эклектизм в композиции изображений, в исполнении заказа власти.

В первую очередь, следует отметить использование так называемой аксонометрии (или параллельной перспективы) в передаче в открытых пространствах относительно близких отдельных зданий и сооружений в застройке, традиционной для живописи средневекового Китая, и обеспечивающей удаленность и отстраненность взгляда на изображаемое. К тому же вид с возвышенного положения скрадывал перспективные искажения, обеспечивая глубину путем заслонения более удаленных объектов ближними, способствуя формированию последовательно удаленных планов. Поэтому все строения военной крепости и строения типа навесов для военных, дома в селении Айхун, включая береговые на сваях, показаны на одноименной карте в аксонометрии, причем для зданий внутри крепости угадывается даже слабая обратная перспектива. На карте «Луоша» в аксонометрии подаются строения внутри крепости, а также беседка вне крепостной стены и уединенное строение среди деревьев в левой части карты, возможно ритуального назначения. Выбор художника можно объяснить и тем, что объемность при использовании аксонометрии позволяла избавляться от связанной со светотенью моделировкой форм, что характерно для китайской живописи. Л. В. Мочалов отмечает: «Вообще тот факт, что китайские художники, увидевшие атмосферу, воздух, туман, мглу, снег, дождь, наконец луну, не увидели солнце, не увидели солнца и

тени, на первый взгляд поражает и кажется загадочным. В китайском искусстве светотеневая характеристика предмета “снималась”, выносилась за скобки как нечто, не имеющее собственной субстанции, случайное. Туман, мгла, дымка – явления ощутимые, почти осязаемые; свет – неосязаем, неосязаем, переменчив» [Мочалов, 1983, с. 64].

Во вторую очередь, необходимо затронуть пространственные построения на пейзажных участках карт «Айхун» и «Луоша», связанные с передачей глубины. Очевидно использование традиционной передачи пространства у китайских художников тремя глубинами с выделением переднего, среднего и дальнего планов, восходившей еще к трактату Го Си 郭熙 «Линь цюань гаочжи цзи» 林泉高致集 («Заметки о высокой сути лесов и потоков») с теорией трех далей [Го Си, 1080]. На карте «Айхун» задний план практически исключен, заметно сужая глубину изображения, где все динамичные сюжеты представлены совершенно равнозначными передним и средним планами, позволяющими полностью решить стоящую перед художником задачу. Художник не считал необходимым прибегать к так называемой воздушной перспективе, состоящей в передаче глубины увеличением размытости контуров изображаемых объектов по мере их удаления.

На карте «Луоша» прослеживаются все три плана. Наиболее насыщенные – передний и средний, тогда как дальний план выглядит предельно лаконично. Можно вспомнить уточнение известного американского исследователя китайского искусства Дж. Роули к теории трех далей. В книге 1947 г. «Принципы китайской живописи» сказано о дополнении их художником Хань Чжо разновидностью *го юань* 广远 («широкие дали»), когда взгляд охватывал близкий берег, водный простор и горы вдалеке [Роули, 1989, с. 112]. Водный простор в случае «Луоша» ассоциируется с примыкающей к берегу реки широкой долиной. Дальний план на карте согласуется с представлением как о воздушной, так и обычной ренессансной перспективе, заметной по уменьшению размера изображаемых деревьев [Раушенбах, 1986].

В третью очередь, обращает внимание изображение деревьев, животных и людей. Именно в таком порядке следует тщательность и детальность их проработки. В книге «Слово о живописи из сада с горчичное зерно», появившейся в те же годы, что и атлас, есть раздел «Книга деревьев», где приведены 38 образцов изображения деревьев [Слово ... , 2001, с. 70–107]. Присутствие на картах «Айхун» и «Луоша» подобных изображений свидетельствует об очень хорошем знании художником традиций и тщательности в следовании им. Особо можно отметить соблюдение правил передачи пересечения ветвей. На карте «Айхун» две группы из четырех и трех деревьев на среднем плане соответствуют следующему правилу: «Когда же четыре дерева рисуют, то к трем прибав-

ляют одно» [Слово ... , 2001, с. 58], но на изображении добавляется высохшее дерево. На карте «Луоша» две группы деревьев на дальнем плане даны без заметных деталей, и отдельно сравнительно большая роща на среднем плане, а на переднем почти вдоль всего правого берега реки очень крупно выписаны ивы. Для их изображения, видимо, взято правило: «все едины в письме разветвленной ивы, когда она колышется на ветру» [Слово ... , 2001, с. 67]. Изображения деревьев в роще на левом берегу согласуются с образцами из раздела «Книга деревьев» и правилами их подачи.

Лошади выписаны с явным выражением отношения художника как к свободно резвящимся на лугу, так и стоящей за оградой и следующей под седлом на карте «Айхун». Хорошо изображены на карте «Луоша» оседланные лучниками и быстро движущиеся лошади, однако люди выглядят предельно схематично. Отличие людей на левом берегу состоит только в красных отметках на головных уборах наступающих и их отсутствию у обороняющихся на карте «Луоша». Тщательнее выписаны лучники на лошадях на переднем плане вдоль правого берега, где можно различить обмундирование воинов.

Заключение

Попытка рассмотрения картографии и живописи в атласе карт времен династии Цин, хранящемся в Библиотеке Конгресса США, приводит к необходимости отнесения двух из них к категории географических, а двух других – к иллюстрированным картам, а именно «Айхун» и «Луоша». Поэтому в статье дан детальный анализ последних двух карт и исторические предпосылки к их созданию в эпоху, характеризующую Е. В. Завадской следующим образом: «В период Цин было создано огромное число практических руководств по живописи, "самоучителей игры в живопись", в которых детально описывались и прекрасно иллюстрировались гравюрами живописные приемы великих мастеров прошлого. <...> Официальной доктриной манчжурского режима становится неоконфуцианство. При Цинах конфуцианцы занимали высокое положение и примкнули к правящей верхушке, многие стали придворными поэтами и художниками» [Завадская, 1975, с. 141–142]. Подобное высказывание оправдывает предположение о заказном характере атласа и возможный официальный статус назначенного для его исполнения художника или группы художников.

Изобразительная сторона иллюстрированных карт «Айхун» и «Луоша» и их художественные достоинства кажутся вполне удовлетворительными, хотя и без претензий на высокое искусство. Очевидна работа умелых мастеров, об отношении которых к творчеству подходят слова В. Г. Белозеровой: «Со времен династии Тан существовали два основных вида техник: первая – *гунби* 工筆 (“прилежная кисть”), когда подробно

выписываются все мельчайшие детали натуры, и вторая – *цзяньби* 簡筆 (“лапидарная кисть”), для которой характерно обобщение. Техники имеют диаметрально противоположные психологические и духовные установки: в “прилежной кисти” требуется выдержать единство “десяти тысяч штрихов”, в “лапидарной кисти” необходимо вмещать в одном штрихе пластику “десяти тысяч штрихов”. Техника *гунби* воплощает принцип *се шэн* 寫生 (“писать натуру”), техника *цзяньби* – принцип *се и* 寫意 (“писать идею”)» [Белозёрова, 2015, с. 347]. Реализация последнего принципа и отмечается при оценке живописных особенностей карт, представляющих все-таки атлас географических карт, а не свиток художественных изображений.

Рассмотрение методов передачи пространства на картах «Айхун» и «Луоша» приводит к заключению об использовании аксонометрической и ренессансной перспектив, а также традиционной в китайской живописи теории трех далей. Решение задач пространственных построений, применяемых китайскими художниками в многовековой истории, нами ранее уже затрагивались [Калихман, 2003; 2023, с. 147–155]. Анализируемые иллюстрированные карты являются своеобразным продолжением этой работы. Необходимо обязательно упомянуть обращение к атласу в коллективной монографии «Албазинский острог» и недавней статье В. И. Трухина, где художественные оценки остаются в заметном подчинении достаточно односторонним политическим оценкам, связанным с утратой острога и последствиями Нерчинского договора с маньчжурской династией Цин [Трухин, 2019, с. 159–173; 2024, с. 205–224].

Библиографический список

- Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu (艾渾, 羅刹, 台灣, 蒙古圖) [Between 1697 and 1722] [Map] // Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/item/gm71005078> (дата обращения: 07.07.2023).
- The British Museum. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1882-0714-509 (дата обращения: 12.01.2024).
- Arthur W. Hummel (1884–1975) // Journal of Asian studies. 1976. Vol. 35, N 2. Art. 268.
- Белозёрова В. Г. Анатомия традиционной китайской живописи // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45, № 2. С. 342–370.
- Го Си. Линьцюань гаочжи цзи (Записки о высокой сути лесов и потоков), 1080. 1 цзюань.
- Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М.: Искусство, 1975. 440 с.
- Калихман А. Д. Пространственные построения в рисунке и живописи : курс лекций. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003. 99 с.
- Калихман А. Д. Пространство в китайской живописи и оценки архимандрита Палладия // VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 147–155 с.
- Мочалов Л. В. Пространство мира и пространство картины. М. : Сов. художник, 1983. 365 с.
- Роули Дж. Принципы китайской живописи / пер. с англ. и послесл. В. В. Малявина. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 160 с.

Раушенбах Б. В. Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы. М. : Наука, 1986. 256 с.

Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы : в 2 т. Т. 2. 1686–1691 / АН СССР, Ин-т Дальнего Востока, Ин-т востоковедения, Гл. архив. упр. при Совете министров СССР. М. : Наука, 1972. 771 с.

Слово о живописи из сада с горчичное зерно / пер. Е. В. Завадской. М. : Изд-во В. Шевчук, 2001. 509 с.

Трухин В. И. Албазинский острог и его оборона по китайским изображениям (графическим источникам) // Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 159–173.

Трухин В. И. Символы войны (Отражение конфуцианских представлений о социальном порядке в маньчжурских картографических рисунках атласа «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu» (艾渾, 羅刹, 台灣, 蒙古圖)) // Эпоха Петра Великого в исследованиях современных ученых. СПб. : Президент. б-ка, 2024. С. 205–224.

УДК 27-9(52)

Е. О. Кижватова, И. В. Шалина

Иркутский государственный университет, Иркутск

ХРИСТИАНСТВО В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЯПОНИИ

Аннотация. Рассмотрена история принятия и развития христианства на территории Японии в 1940–1950-х гг. Сделана попытка оценить роль христианских миссий в послевоенный период.

Ключевые слова: послевоенная Япония, христианство, «христианское столетие», миссионеры.

E. Kizhvatova, I. Shalina

Irkutsk State University, Irkutsk

CHRISTIANITY IN POST-WAR JAPAN

Abstract. The purpose of the article is to examine the history of the adoption and development of Christianity in Japan in the 1940–1950s. An attempt to assess the role of Christian missions in the post-war period has been made.

Keywords: post-war Japan, Christianity, “Christian century”, missionaries.

Христианство в Японии – это всегда история о бесконечной борьбе, любви и ненависти, принятии и адаптации. Чужеродная, абсолютно несвойственная для японцев религия пыталась пустить на японской земле свои корни в разные исторические периоды, начиная с миссии португальских иезуитов во главе с Франциском Ксавье в XVI в., продолжив новыми волнами миссионерства после открытия страны в 1853 г. Изначально глубоко укоренившиеся в обществе синтоизм и буддизм время от времени сталкивались с серьезным, могущественным противником в виде христианских миссионеров с их коварными планами обращения другой нации, религиозной экспансии под видом доброжелательных, альтруистических идей и материалистичных обещаний. Японские христиане в том числе, так или иначе, оказывались аутсайдерами.

Динамика японского христианства в своем временном развитии напоминала американские горки со своими взлетами и падениями, когда христиане были убедительным большинством, а их религия – самой быстро распространяющейся в стране. К примеру, в начале «христианского столетия» (1543–1639 гг.) в 1553 г. в Японии насчитывалось несколько тысяч христиан, к 1580 г. их количество увеличилось до 150 тыс., а в 1614 г. достигло 500 тыс. [Решетова, 2002, с. 38]. Были также примеры абсолютного отвержения и изгнания христианства из страны, когда в 1639 г. на законодательном уровне был опубликован указ о полном запрещении христианства в Японии и прекращении отношений с Португалией [Османов, 2009, с. 57].

В книге «Космография», завершенной в 1670 г. в Холмогорском монастыре, целая глава («О Иапонии или Япан-острове») была посвящена Японии. Очевидно, источники, которыми пользовался переводчик, были написаны до начала гонения на японских христиан, поскольку в повествовании упоминаются иезуитские семинарии, училища, книгопечатание, называются местности, где особенно много христиан, и т. д. Повидимому, то же можно сказать и об остальных космографиях, составленных в России XVII в. Япония предстает в них страной предельно веротерпимой [Шалина, 2006, с. 80].

В наше время, согласно статистическим отчетам Министерства культуры Японии, христиане составляют 1–2 % от всего количества японцев, идентифицирующих себя как верующих [Корпорация Релнет]. С открытия страны после периода политики изоляции (1641–1853 гг.) до нашей эпохи христианство в Японии адаптировалось и смогло занять уникальную позицию в религиозном составе населения. Такому результату, несомненно, способствовали различные исторические события, из которых одно из самых значительных и относительно недавних, – поражение Японии во Второй мировой войне (1939–1945 гг.).

Стремительное развитие христианства было обусловлено фундаментальными изменениями в государственном строе, политических, правовых, экономических, социальных системах, произошедшими в результате поражения Японии 15 августа 1945 г. и начала периода оккупации войсками США. Оккупационная администрация демобилизовала страну бывшего большого милитаризма и поставила курс на ее демократизацию. В течение нескольких месяцев Верховный главнокомандующий союзных держав Дуглас Макартур издал директиву о ликвидации государственной на тот момент религии синто (15 декабря 1945 г.) и привел в действие политику, которая фактически свела ее к статусу добровольной организации без особых юридических полномочий и финансовой поддержки со стороны государства. Статьи 20 и 89 послевоенной Конституции Японии (1947 г.) четко сформулировали принцип религиозной свободы и отделе-

ния религии от государства, тем самым выполнив задачи оккупационных властей по реформированию конституции. Директива об упразднении в рекордно короткие сроки завершила секуляризацию религии синто, но при этом создала свободную «рыночную религиозную экономику», которая впервые в истории Японии позволила различным религиозным группам конкурировать на относительно равных условиях [Муллинс, 1998, с. 21].

Еще одним важным фактором, определившим послевоенные религиозные тенденции, стала урбанизация населения в целях восстановления разрушенной Японии. Возрождение экономики потребовало привлечения рабочей силы в развивающихся отраслях промышленности, которые были расположены в больших городах, что способствовало притоку населения из сельских районов. После войны страна переживала период интенсивного восстановления и общественных перемен. Среди послевоенной разрухи христианство нашло благодатную почву для роста, особенно среди тех, кто разочаровался в традиционных верованиях и искал новых перспектив. Христианские миссионерские организации были сосредоточены в основном в мегаполисах, в отличие от синтоистских и буддийских храмов.

Помимо прочего, после войны население достиг масштабный экзистенциальный кризис. Идеология, которая объединяла Японию с 1930-х гг., распалась под слоганом американской демократизации и военной капитуляции. Христианство и другие новые религии стали одним из способов преодоления этого кризиса. С установлением оккупационной администрации свободы вероисповедания в 1946 г. многие стали искать новую конфессиональную принадлежность. Наиболее значительными в тот период были Англиканская епископальная церковь, Лютеранская церковь, а также баптисты и небольшие евангелические церкви. В период с 1949 по 1953 г. по призыву генерала Макатура в Японию прибыло более 1500 новых миссионеров для строительства церквей [Mullins, 1998, p. 21]. В послевоенный период христианские миссионеры сыграли решающую роль в распространении веры в Японии. Их усилия варьировались от оказания гуманитарной помощи и просвещения до диалога с местными общинами. С помощью этих инициатив миссионеры стремились развеять неверные представления о христианстве и способствовать его принятию и пониманию.

Чтобы найти отклик у японцев, христианство подверглось значительной адаптации. Церкви включали элементы местной культуры в свои богослужения, в том числе традиционную музыку и эстетику. Такое сочетание христианства с обычаями коренного населения помогло преодолеть культурные разногласия и сделать иностранную веру более доступной для японцев.

Влияние христианства вышло за рамки религиозной сферы и определило социальную и культурную динамику в послевоенной Японии.

Христианские организации сыграли ключевую роль в отстаивании прав человека и пацифизма. Они стояли в авангарде движений, направленных на решение таких проблем, как бедность, дискриминация и охрана окружающей среды, что оставило след в японском обществе.

Нужно подчеркнуть центральную роль религии и связанных с ней вопросов в сложной и до сих пор не законченной истории Японского империализма XX в. Христиане, конечно, не были единственными, кто сталкивался с этими важными вопросами, но они представляют собой особенно плодотворную группу, на примере которой можно рассмотреть процесс, в результате которого одни вещи стали «религиозными», а другие – «нерелигиозными». Отделив синто от религии и переопределив его как неизменные обычаи и традиции исторически последовательного и единого японского народа, преданность императору и нации была также поставлена выше личного мнения или веры и превращена в то, что не должно подвергаться сомнению. Однако присутствие христиан и других людей с различными идеями и убеждениями поставило под сомнение эту концепцию и показало невозможность полной защиты нации от потенциально разрушительных идей и убеждений с помощью одной лишь решимости и воли тех, кто присвоил себе прерогативу определять границы нации. Это относится не только к Японии, поскольку существует противоречие между якобы светскими государствами, где хорошее управление определяется принципом отделения церкви от государства, в то время как лояльность и пригодность все еще определяются «правильной» религиозной принадлежностью [Anderson, 2014, p. 241].

Несмотря на возможности, открывшиеся в результате послевоенного хаоса, христианство столкнулось с серьезными трудностями. Ассоциация христианства с западным империализмом и религиозной экспансией, а также затянувшиеся последствия пропаганды военного времени породили подозрительность и недоверие среди многих японцев. Кроме того, господство синтоизма и буддизма укоренило глубокие культурные и религиозные нормы, которые препятствовали принятию христианства.

Однако сегодня христианство в Японии продолжает развиваться, хотя и находится в статусе меньшинства. Несмотря на то что число приверженцев остается относительно небольшим по сравнению с другими религиозными конфессиями, христианство завоевало уважение и признание за свой вклад в развитие общества. Оно все больше интегрируется в жизнь обычных японцев местами как часть американской поп-культуры: христианские свадьбы, празднование Рождества и культурные обмены становятся абсолютно обычными.

Библиографический список

Корпорация Релнет (данные статистических отчетов Министерства Культуры Японии). URL: <http://www.relnet.co.jp/relnet/brief/r3-1.htm> (дата обращения: 02.05.2024).

Османов Е. М. «Христианское столетие» в Японии как переходный этап к новой внешней и внутренней политике государства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2009. № 2. С. 43–57.

Решетова И. Христианское столетие в Японии // Япония сегодня. 2002. № 9. С. 32.

Anderson E. Christianity and imperialism in modern Japan: empire for God // Bloomsbury Academic. 2014. P. 240–243.

Mullins M. Christianity made in Japan: a study of indigenous movements // University of Hawaii Press. 1998. P. 21.

Шалина И. В. Первые японцы в России в конце XVII– XVIII вв. и начало русско-японского межкультурного взаимодействия : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. Улан-Удэ, 2006. С. 80.

УДК 327(5)

Ф. А. Попов

ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И. М. Сеченова
Минздрава России, Москва

«ОПЕРАЦИЯ 1027»: ВМЕШАТЕЛЬСТВО КИТАЯ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ В МЬЯНМЕ

Аннотация. Анализируется геополитическая ситуация, сложившаяся в северо-восточной Мьянме в результате конституционного перехода 2021 г. и активизации повстанческих группировок. В центре внимания – военное наступление трех повстанческих армий (Армии национального демократического альянса Мьянмы, Та'ангской национально-освободительной армии и Армии Аракана) в конце 2023 – начале 2024 г. под кодовым названием «Операция 1027» и его взаимосвязь с политикой Китая. Делается вывод о вмешательстве Пекина во внутренние дела Мьянмы, в том числе через поддержку этнических армий.

Ключевые слова: Мьянма, Китай, гражданская война в Мьянме, Тамадо, китайско-мьянманские отношения, терроризм, Юго-Восточная Азия, сепаратизм.

F. Popov

First Moscow State Medical University, Moscow

«OPERATION 1027»: CHINA'S INTERFERENCE IN THE CIVIL WAR IN MYANMAR

Abstract. The article analyzes the geopolitical situation that has emerged in northeastern Myanmar as a result of the 2021 constitutional transition and the rise of insurgent groups. The author focuses on the military offensive of three rebel armies (Myanmar National Democratic Alliance Army, Ta'ang National Liberation Army and Arakan Army) in late 2023 – early 2024, codenamed "Operation 1027" and their relationship with politics China. It is concluded that Beijing is interfering in the internal affairs of Myanmar, incl. through the support of ethnic armies.

Keywords: Myanmar, China, civil war in Myanmar, Tatmadaw, Sino-Myanmar relations, terrorism, Southeast Asia, separatism.

Гражданская война в Мьянме (до 1989 г. – Бирме) идет с момента обретения независимости этой страной в 1948 г., хотя старт межэтнического конфликта на данной территории между бирманским большинством и небирманскими народностями (пользовавшимися покровительством британской колониальной администрации) следует отсчитывать со

времен Второй мировой войны [Попов, 2024, с. 252]. Конституционный переход власти к армии (Тамадо) 1 февраля 2021 г. (также именуемый переворотом) оживил, казалось бы, затихший конфликт и задал текущую расстановку сил в нем: с 2021 г. военным (хунте) противостоит ситуативный союз бирманской оппозиции (Правительство национального единства, ПНЕ англ. NUG, и его вооруженное крыло – Силы народной обороны, СНО, англ. PDF) и этнических революционных группировок. Любой внутренний конфликт не может протекать в изоляции и так или иначе втягивает в свою воронку внешних акторов. Мьянманская гражданская война с конца 1940-х гг. привлекала внимание Великобритании, США, Китая, Индии, Таиланда, а также таких удаленных от Мьянмы стран, как Австралия, Югославия и Израиль [Попов, 2023, с. 256–267]. С 2021 г. новые власти Мьянмы неоднократно заявляли о попытках иностранного вмешательства. Несмотря на то что в российских СМИ чаще говорится об американском вкладе в разжигание конфликта, наибольшее влияние на обстановку в Мьянме оказывает Китайская Народная Республика. Причем данное влияние выходит за рамки посредничества и миротворчества, о которых официально говорит Пекин. Обострение военных действий осенью 2023 г. («Операция 1027») напрямую связано с опосредованной китайской интервенцией и заслуживает обстоятельного рассмотрения в геополитическом и этнополитическом ракурсах.

Уроки войны в Мьянме могут быть использованы при сравнительном изучении гражданских войн в других точках земного шара. Кроме того, малоизвестные вооруженные конфликты в штатах Шан и Ракхайн – составляющие мьянманской гражданской войны – заслуживают внимания как источники нестабильности на пересечении Юго-Восточной с Южной (Ракхайн, связанный с Бангладеш и Индией) и Восточной Азией (Шан, граничащий с китайской провинцией Юньнань). На наш взгляд, значение этих конфликтов в обозримом будущем может сравниться с вьетнамо-китайской войной 1979 г. (война между странами, которые рассматривались Западом в качестве союзников и членов единого социалистического лагеря). Обстановке в северо-восточной Мьянме посвящены исследования Б. Линтнера [Lintner, 2021], Э. Онга [Ong, 2023] и др. Из русскоязычных материалов заслуживает упоминания краткий обзор К. Коткова, размещенный интернет-изданием «Россия в глобальной политике» [Котков, 2024].

Наступление повстанцев: расстановка сил, ход, итоги

На излете третьего года противостояния (если отсчитывать от «переворота» 2021 г.), 27 октября 2023 г., три этнические армии Северо-Востока и Запада страны, образующие Союз трех братьев, – Армия национального демократического альянса Мьянмы (АНДАМ, англ. MNDA), Та'ангская национально-освободительная армия (ТНОА, англ. TNLA) и Армия Аракана (АА) – объявили о начале наступления под кодовым

названием «Операция 1027». Главные боевые действия развернулись в северной части штата Шан с его пестрой этнической палитрой. АНДАМ, являясь вооруженной силой китайцев самоуправляемой зоны Коканг, первоочередной целью ставила возврат под свой контроль города Лауккай, откуда в 2009 г. она была вытеснена армией Мьянмы. ТНОА добивалась контроля над территорией расселения та'ангов (палаунгов), нацеливаясь на создание отдельного штата с центром в городе Намхсан [ISP, The Old Ta'ang, 2024]. АА, наступая сепаратно от своих союзников, претендовала на всю территорию штата Ракхайн (устаревшее название – Аракан) со столицей в городе Ситтвэ, чтобы затем повысить статус этого штата в составе обновленной (кон)федерации или даже провозгласить независимость.

Кроме этих трех акторов, на других региональных фронтах «Операцию 1027» поддерживали:

- 1) Качинская армия независимости (КАН, англ. KIA), оперирующая против Тамадо на стыке штата Качин и бирманской области Сагайн (вместе с зависимыми от нее бирманскими СНО);

- 2) силы обороны кареннийских национальностей (КНСО, англ. KNDF), одна из армий народа карен-ни в штате Кая.

Под верховным командованием Союза трех братьев или независимо от него в операции участвовали следующие бирманские оппозиционные группировки:

- 1) леворадикальная Народно-освободительная армия (НОА, англ. PLA), позиционирующая себя преемницей некогда мощной компартии Бирмы (распущена в 1989 г.);

- 2) Бирманская народно-освободительная армия (БНОА, англ. BPLA), декларирующая необходимость преодоления «бирманского шовинизма» через создание отдельного штата этнических бирманцев (вместо имеющихся семи областей центральной Мьянмы) в рамках переучрежденной федерации;

- 3) Всебирманский студенческий демократический фронт (ВСДФ, англ. ABSDF), старейшая этнически бирманская вооруженная группировка, основанная в 1988 г. из участников «восстания 8888»;

- 4) некоторые группы СНО в центральной Мьянме, например, Тактическая команда Могоу и СНО Мандалая [ISP, Operation 1027, 2023].

Формально сохраняла нейтралитет, но фактически предоставила свою территорию для наступления Объединенная армия штата Ва (ОАШВ, англ. UWSA), наиболее оснащенная этническая армия Мьянмы, ранее уже поставлявшая оружие повстанцам по всей стране. Важным элементом обоснования операции (в основном для внешних наблюдателей) была борьба с кибермошенничеством и нелегальными колл-центрами, которые располагались в северном Шане (в частности, в Лауккае) и, по заявлениям повстанцев, прикрывались армией Мьянмы вместе

с кокангскими лоялистами из пограничных сил (англ. BGF). Общая численность антиправительственных войск достигала 20–25 тыс. бойцов.

Армия Мьянмы, в частности Северо-восточное командование (штаб в городе Лашо), показала недостаточную готовность для отражения скоординированной атаки противника и в итоге потеряла значительные территории в северном Шане, в том числе Лауккай, гарнизон которого в составе 2389 солдат и шести бригадных генералов капитулировал 5 января 2024 г., получив после сдачи оружия свободный пропуск до Лашо. Среди факторов успеха «Операции 1027» необходимо отметить массированное использование повстанцами дронов китайского производства. Бои октября 2023 – февраля 2024 г. высветили такие серьезные недостатки ВС Мьянмы, как пренебрежение новейшей техникой (прежде всего, БПЛА), неспособность оперативно перебрасывать силы с одного участка на другой, архаичная система управления, обремененность войск так называемыми иждивенцами – членами семей военнослужащих (захват в плен групп иждивенцев чаще всего вел к сдаче их кормильцев). На момент заключения перемирия, 12 января 2024 г., Тамадо вынуждено было оставить ряд городов и укрепленных лагерей. Так, города Куткай и Хсенви были захвачены ТНОА, «нейтральная» ОАШВ по договоренности с ВС Мьянмы в обмен на силовое невмешательство заполучила Хопанг. Перемирие, подписанное в китайском Куньмине между ВС Мьянмы, с одной стороны, и АНДАМ и ТНОА, с другой, привело к неустойчивому затишью на севере Шана. Тем не менее продолжились бои в Ракхайне, где к апрелю 2024 г. АА удалось взять под контроль большую часть штата и захватить город Палетва в соседнем штате Чин.

Промежуточные итоги «Операции 1027», которая формально не закончилась, надо признать катастрофическими для ВС Мьянмы не столько в военном, сколько в репутационном плане. Кокангские повстанцы взяли реванш за поражения от Тамадо в 2009 г. (потеря АНДАМ Лауккай) и 2015 г. (неудачная попытка повстанцев вторгнуться в Коканг со стороны Китая). Если бои 2015 г. некоторыми иностранными наблюдателями описывались как «крупнейшая война с момента мьянманской независимости» [Lintner, 2023], то события 2023–2024 гг. явно превзошли их по масштабу и судьбоносности. Пожалуй, уместно сравнить битву за Лауккай с осадой Дьенбьенфу в ходе Первой Индокитайской войны и финальной капитуляцией французского колониального гарнизона (сходство не только чисто военное: в какой-то мере война, ведущаяся бирманским правительством против этнических повстанцев, может быть описана с точки зрения «внутреннего колониализма»). Важно, однако, подчеркнуть, что армия Мьянмы не смирилась с поражением и по-прежнему рассматривает ситуацию сквозь призму борьбы против терроризма и иностранного вмешательства. Повстанцы также используют перемирие для компенсации понесенных потерь (которые в любом случае превосходят по-

тери Тамадо) и наращивания сил с целью дальнейших наступательных операций (которыми могут стать попытки захвата Лашо, Мусе и, возможно, поход на Мандалай). Конфликт – как локальный в Шане, так и общенациональный в Мьянме – очень далек от своего завершения и совершенно точно не завершится в 2024 г., несмотря на заявления оппозиционных СМИ о «скором коллапсе хунты».

Истоки и смысл китайской политики

Интерес Китая к северо-восточной Мьянме выходит за рамки борьбы с трансграничной преступностью (кибермошенничеством, наркоторговлей) и гораздо сильнее укоренен в этнополитической ситуации на китайско-мьянманском фронтире. Несмотря на отсутствие территориальных претензий к Мьянме, область Коканг неофициально рассматривается Пекином как продолжение Китая. Историческим обоснованием такого видения является факт нахождения Коканга в составе китайской провинции Юньнань до территориального разграничения между Великобританией и империей Цин в 1897 г., когда Коканг вошел в Британскую Индию, из которой в 1937 г. выделилась Британская Бирма (в 1948 г. Бирма получила независимость в «британских» границах). Всплеск регионального патриотизма кокангских ханьцев произошел в период Второй мировой войны: в отличие от соседних шанских князей-саофа, сотрудничавших с японскими войсками, они послали эмиссаров в Куньмин, ища помощи у Чан Кайши, и при поддержке Гоминьдана и британцев сформировали местное антияпонское ополчение [Ai Sai, 2024]. В 1960-х гг. северный Шан превратились в оплот маоистской Коммунистической партии Бирмы (КПБ), зависящей от Китая. Кокангские ханьцы пополнили социальную базу коммунистического повстанчества. В 1989 г. КПБ была распущена вследствие мятежа этнических меньшинств, составлявших к тому времени большинство бойцов, против верхушки бирманских коммунистов. Так, появились «штат Ва» и его армия – самый крупный «осколок» бывшей КПБ (бирманцы до сих пор используют в отношении северо-восточных этнических организаций термин «коммунисты»).

Следует сказать, что Китай к последней декаде XX в. переориентировал свою политику в Мьянме с поддержки идейно мотивированных маоистов на покровительство полунезависимым этническим анклавам, каким и стал «штат Ва». Влияние военного режима Мьянмы в этом административно-территориальном субъекте сведено к минимуму, при том что самопровозглашенный «штат» на словах продолжает признавать юрисдикцию Мьянмы. Последняя сводится к чисто ритуальным формальностям, например, к поднятию национального флага на парадах в Пангхаме по случаю образования ОАШВ 17 апреля 1989 г. На подконтрольной ОАШВ территории установлен однопартийный режим по образцу китайского, с той разницей, что в «штате Ва» упор сделан не на коммунистическую идеологию, а на этническую идентичность. Экономи-

ка ОАШВ основана на добыче полезных ископаемых (олова, цинка, свинца), выращивании каучука, наркотрафике и игровой индустрии. Кроме того, поставленное на поток производство вооружений делает «штат Ва» ключевым поставщиком оружия для антиправительственных армий [Davis, 2022]. Автономное существование режима в Пангхаме возможно лишь при стратегическом покровительстве со стороны Китая.

Ханьцам Коканга по началу не удалось добиться той автономии, которую завоевали для себя ва. Более того, в 2009 г. Тамадо изгнало кокангских сепаратистов из их столицы – Лауккая. Восстановление ВС Мьянмы территориальной целостности страны вызвало недовольство в Китае (поведение бирманских солдат в Лауккае некоторые китайские комментаторы сравнивали с Нанкинской резней), однако ни в 2009 г., ни во время эскалации конфликта в 2015 г. Пекин не предпринимал прямого вмешательства с целью защиты ханьцев Коканга, ограничиваясь поставками оружия и отправкой советников (по мьянманским данным), чего было недостаточно для обеспечения победы повстанцев. Лишь начиная с февраля 2021 г. Китай приступает к сложной операции по вмешательству, внешне демонстрируя готовность сотрудничать с военным правительством и даже прозападным ПНЕ, но на деле оказывая поддержку этническим армиям.

Вмешательство Китая следует разделить на дипломатическое, военное и медийное. Дипломатическое состоит в требованиях искоренить телекоммуникационное мошенничество в приграничных районах, что было использовано в качестве предлога для «Операции 1027». Наблюдается определенное стремление Пекина манипулировать своим имиджем защитника Мьянмы от Запада (в голосованиях по «мьянманскому вопросу» в Совбезе ООН Китай твердо воздерживается от осуждения военного режима, как ранее (в 2017 г.) отказывался голосовать за резолюцию по геноциду рохинджа). По мнению некоторых западных экспертов, «Операция 1027 не случилась бы без молчаливой поддержки Союза трех братьев со стороны Китая» [Mathieson, 2024]. Недвусмысленная поддержка, оказанная повстанцам «штатом Ва», наглядно демонстрирует подлинные симпатии Пекина. Военные поставки трудно верифицируются, но несомненным представляется использование повстанцами оружия из внешних источников – либо произведенного в КНР и переправленного в Мьянму, либо произведенного в зависимом от КНР «штате Ва». Статус главного экспортера оружия военным Мьянмы извбавляет Пекин от лишних вопросов по поводу поставок негосударственным акторам конфликта: ведь озвучивание подобных претензий лишит хунту одного из каналов закупки вооружений, что тяжким образом скажется на боеспособности Тамадо в условиях оружейного эмбарго, наложенного США и ЕС. Более того, использование повстанцами ПЗРК китайского выпуска потенциально уменьшает авиапарк ВВС Мьянмы, побуждая закупать подержанные са-

молеты и вертолеты у КНР (сотрудничество Мьянмы с Россией облегчило зависимость от Китая, но лишь частично).

После успешного завершения первой фазы «Операции 1027» кокангские повстанцы поспешили продемонстрировать лояльность идеологическим основам КНР. Лидер АНДАМ Пэн Дэжэнь вместе с чинами армии провел публичное изучение сочинений Си Цзиньпина, что было отмечено в китайских СМИ. Сотрудница пропагандистского бюро Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Жао Дашуай, ведущая англоязычный блог в «Твиттере» (аудитория – 85 тыс. подписчиков), посвятила АНДАМ ряд сочувственных сообщений, назвав победу сепаратистов Коканга «первой сиистской (sic!) революцией» [Zhao DaShuai, 2024]. По словам пропагандистки, «Коканг, штат Ва и Монгла удерживаются силами ханьского и китаизированных меньшинств в северной Мьянме, они могут быть важной буферной зоной на нашей южной границе» [Zhao DaShuai, 2024]. Подобные заявления не являются официальными, но находятся в русле устоявшейся традиции китайской внешней политики транслировать свою линию через неофициальные источники, в том числе рупоры народной дипломатии.

Господство повстанцев в захваченных районах усугубляет напряженность между бирманцами и ханьцами. После захвата Лауккая ханьские инсургенты уничтожили буддийскую ступу (пагоду) вблизи города. Видео, запечатлевшее боевика-китайца, кувалдой разбивающего святыню, спровоцировало рост антикитайских настроений среди бирманцев [Violent ... , 2024]. Новые власти Коканга отменили изучение бирманского языка в школах, снесли принадлежащие бирманцам магазины [MNDA ... , 2024] и запретили беженцам бирманского происхождения возвращаться в регион после подписания перемирия (запрет распространяется не только на бирманцев – жителей Коканга, но на всех представителей бирманского этноса). Хождение мьянманской валюты (чат) на данный момент отменено, регион полностью перешел на китайский юань; налажена выдача паспортов КНР. Таким образом, политика, проводимая ханьскими инсургентами АНДАМ в отношении бирманцев Коканга, носит характер этнической чистки. Мьянманские публицисты сравнивают события на северо-восточном фронтире с войной между Китаем и Вьетнамом 1979 г., подчеркивая то обстоятельство, что на этот раз Пекин действует через своих «прокси», а не атакует чужую территорию напрямую [Saw Ka Zaw, 2024].

Боевые действия в штате Ракхайн являются составной частью «Операции 1027». На мотивацию сторон влияет факт незавершенного строительства китайско-мьянманского экономического коридора (КМЭК, англ. China-Myanmar Economic Corridor, СМЕС) через территорию штата. Негласной целью АА считается получение контроля над морскими воротами коридора, портом Чаупхью. В этом ракурсе геоэкономический смысл

действий повстанцев становится яснее: весь маршрут КМЭК, от Юньнани до Бенгальского залива, должен оказаться во власти ориентированных на КНР этнических армий. Только таким способом Пекин сможет исключить гипотетические демарши со стороны центрального правительства Мьянмы. Кроме того, успехи АА уже привели к заморозке индийско-мьянманского мультимодального транзитного транспортного проекта «Каладан», который должен был через Мьянму связать Калькутту с труднодоступной Северо-Восточной Индией. Подобное отношение к интересам Индии, при подчеркнутой лояльности Китаю, позволяет увидеть в раххайнских сепаратистах орудие устранения главного конкурента Пекина. По данным католического СМИ LiCas.news, в 2020 г. финансирование АА на 95 % обеспечивалось Китаем, в том числе китайской стороной в руки сепаратистов передано около 50 единиц ПЗРК FN-6 [Сорт, 2020]. На основании текущей ситуации допустимо прогнозировать попытку провозглашения «независимого Ракхайна» при посредничестве внешних сил. В качестве рабочей модели может быть избрана сецессия Восточного Тимора от Индонезии в 1999–2002 гг. Однако более вероятно существование «независимого Ракхайна» как серой зоны под негласным протекторатом КНР.

Гражданская война в Мьянме по-прежнему далека от завершения. Ослабленная внутренней борьбой страна закономерно становится ареной конкуренции внешних игроков. Парадоксальным образом повстанческие силы, ориентирующиеся на Китай (Союз трех братьев), временно блокируются с прозападными и проамериканскими силами (ПНЕ, СНО) во имя борьбы против «фашистской хунты». Некоторые эксперты, например, профессор Пайяпского университета (Чиангмай, Таиланд) Тони Уотерс, рисуют заманчивую перспективу «разрядки» между КНР и США, которую можно достичь путем координации усилий по демонтажу военного режима в Мьянме [Waters, 2024]. Исход конфликта, скорее всего, решится не в тиши кабинетов, а на поле боя, о чем говорит намерение ВС Мьянмы отбить захваченные районы до конца 2024 г. Необходимо отметить высокую значимость происходящего в Мьянме для интересов России: в течение последних трех лет наши страны стали устойчивыми партнерами в целом ряде областей – от военно-технического сотрудничества до туризма и высшего образования. Учитывая продолжающееся гибридное давление Китая на правительство Мьянмы и ее вооруженные силы, Россия может оказаться перед непростым выбором между двумя партнерами. В заключение хотелось бы процитировать строки из аналитической записки ИКСА РАН «Об институционализации внешнеполитического потенциала российского буддизма»: «...Слепое следование в фарватере политики Китая в ущерб собственным геополитическим интересам не только негативно сказывается на внутривнутриполитической повестке,

но и лишает Россию возможности транслировать собственную позицию за рубежом» [Михалев, 2024, с. 15]. Сказанное в полной мере относится и к трехстороннему диалогу России, Китая и Мьянмы.

Библиографический список

Котков К. А. Мьянма: самая долгая война в новейшей истории. Россия в глобальной политике. 2024. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/myanma-dolgaya-vojna/> (дата обращения: 10.05.2024).

Михалев М. С. Об институционализации внешнеполитического потенциала российского буддизма // Аналитические записки ИКСА РАН. Религиозно-конфессиональные проблемы стран Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии. Спец. вып. М. : ИКСА РАН, 2024. С. 10–15.

Попов Ф. А. Дискуссионные вопросы гражданской войны в Бирме/Мьянме (Часть 1) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 2, № 2 (59). С. 249–268.

Ai Sai. The Kokang: Past and Present in the Context of the Struggle // The Shan Herald Agency for News. 2024. URL: <https://english.shannews.org/archives/26635> (дата обращения: 10.05.2024).

Corr A. China's diplo-terrorism in Myanmar // Licas.news. 2020. URL: <https://spotlight.licas.news/china-s-diplo-terrorism-in-myanmar/index.html> (дата обращения: 10.05.2024).

Davis A. Wa an early winner of Myanmar's post-coup war // Asia Times. 2022. URL: <https://asiatimes.com/2022/02/wa-an-early-winner-of-myanmars-post-coup-war/> (дата обращения: 10.05.2024).

Ong A. Stalemate: Autonomy and Insurgency on the China-Myanmar Border. Ithaca : Cornell University Press, 2023. 276 p.

Institute for Strategy and Policy (ISP). Operation 1027: The Need for a New Political Imagination and a Pragmatic Strategy. 2023. URL: <https://ispmyanmar.com/op-19/> (дата обращения: 10.05.2024).

Institute for Strategy and Policy (ISP). The Old Ta'ang (Palaung) "Territorial Dream". 2024. URL: <https://ispmyanmar.com/mp-39/> (дата обращения: 10.05.2024).

Lintner B. Kokang: Caught Between Myanmar and China // The Irrawaddy. 2023. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/kokang-caught-between-myanmar-and-china.html> (дата обращения: 10.05.2024).

Lintner B. The Wa of Myanmar and China's Quest for Global Dominance. Chiangmai : Silksworm Books, 2021. 272 p.

Mathieson D. S. China success, Western failure in revolutionary Myanmar // Asia Times. 2024. URL: <https://asiatimes.com/2024/01/china-success-western-failure-in-revolutionary-myanmar/> (дата обращения: 10.05.2024).

MNDAA begins demolishing Bamar community shops in Laukkai // Eleven Media Group. 2024. URL: <https://elevenmyanmar.com/news/mndaa-begins-demolishing-bamar-community-shops-in-laukkai> (дата обращения: 10.05.2024).

Saw Ka Zaw. 2024. URL: <https://t.me/sawoffice96/10409> (дата обращения: 10.05.2024).

Violent action: terrorist insurgents destroy pagoda in Laukkai area // Eleven Media Group. 2024. URL: <https://www.myanmaritv.com/news/violent-action-terrorist-insurgents-destroy-pagoda-laukkai-area> (дата обращения: 10.05.2024).

Waters T. Can a US-China Détente Start with Tatmadaw De-Mobilization in Myanmar? // The Irrawaddy. 2024. URL: <https://www.irrawaddy.com/opinion/guest-column/can-a-us-china-detente-start-with-tatmadaw-de-mobilization-in-myanmar.html> (дата обращения: 10.05.2024).

Zhao DaShuai. 2024. URL: https://twitter.com/zhao_dashuai/status/1743912148089417884 (дата обращения: 10.05.2024).

Zhao DaShuai. 2024. URL: https://twitter.com/zhao_dashuai/status/1743850752894963920 (дата обращения: 10.05.2024).

ОБРАЗОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОСВЕЩЕНИИ АВСТРАЛИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Аннотация. Проведен анализ того, как в австралийских газетах сентября – октября 1949 г. освещалось образование Китайской Народной Республики. Анализируются нашедшие отражение в публикациях факторы, влиявшие на австрало-китайские отношения, включая позицию Великобритании и США, разворачивавшуюся холодную войну, а также тенденции развития Австралийского Союза. Особое внимание уделяется ключевому вопросу этого периода о юридическом признании провозглашенной республики.

Ключевые слова: австралийская пресса, австралийские газеты, образование КНР, Австралия, Китай.

E. Saukova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

ESTABLISHMENT OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE AUSTRALIAN PRESS COVERAGE

Abstract. The purpose of the article is to analyze how the formation of the People's Republic of China was covered in Australian newspapers in September-October 1949. The factors reflected in the publications that influenced Australian-Chinese relations are analyzed, including the position of Great Britain and the United States, the unfolding Cold War, as well as the development trends of the Commonwealth of Australia. Particular attention is paid to the key issue of this period about the legal recognition of the proclaimed republic.

Keywords: Australian press, Australian newspapers, establishment of the People's Republic of China, Australia, China.

1 октября 1949 г. в Пекине было провозглашено образование Китайской Народной Республики. За борьбой Гоминьдана и Коммунистической партии пристально следили в разных странах. Не оставалась в стороне и Австралия, которая, с одной стороны, находилась в фарватере внешней политики Великобритании и США, а с другой – имела длительную историю взаимодействия с Поднебесной. К повышенному интересу подталкивала Австралию и изменившаяся после окончания Второй мировой войны ситуация: «За последние четыре года британцы в целом игнорировали Китай, считая его зоной ответственности США, но нерешительная политика Америки в отношении Китая, увы, провалилась. Теперь, когда американцы ушли, а британцы сохранили точку опоры в Гонконге, британцы снова заняты политикой в отношении Китая»¹⁹, – писала сиднейская газета «Дейли Телеграф».

Этот период австрало-китайских отношений неоднократно становился центром интереса исследователей, которые уделяли внимание как внешней обстановке разворачивавшейся холодной войны, так и партийной борьбе в самом Австралийском Союзе, в том числе в рамках феде-

¹⁹ The Daily Telegraph. 1949. 8 Sept. P. 8.

ральных выборов в декабре 1949 г. [См., например: Andrews, 1985; Bisley, 2018; Maskerras, 2014]. В данной статье принята гипотеза о том, что в публичном пространстве австралийская национальная идентичность и чувство принадлежности к англосаксонскому миру играли важнейшую роль при оценке событий в Китае [Нохрин, 2021]. Для анализа были взяты статьи австралийских газет за сентябрь и октябрь 1949 г., содержавшие ключевое слово China. За это время удалось найти более 5 тыс. статей, однако часть из них либо повторяла одни и те же информационные сообщения, либо относилась к иной тематике, например торговле посудой и обустройству домашнего быта. Несмотря на это, за указанный период австралийская пресса проявила огромный интерес к китайским событиям, ежедневно публикуя новостные сводки, цитаты австралийских и зарубежных политических деятелей, а также события, касающиеся местной китайской диаспоры.

Общая позиция Австралии в отношении азиатских народов была неоднозначна. «Вестник текущих дел», выпущенный австралийским Министерством образования под заголовком «Новые нации в Азии», описывал текущую политику Австралии как двойственную: «с одной стороны, она старается поддерживать тесные дипломатические и политические отношения с колониальными державами и настаивает на неукоснительном соблюдении “политики белой Австралии”». С другой стороны, Австралия оказалась самым сильным “белым” защитником азиатского национализма». Авторы «Вестника» предлагали читателям порассуждать, какой из двух путей должна выбрать Австралия²⁰.

Анализ публикаций позволил выделить основные причины, по которым австралийские журналисты и общественность считали ситуацию в Китае и в Азии в целом актуальной для пятого континента.

Упомянутая выше «политика белой Австралии» корнями уходила в XIX в., а к началу XX в. окончательно утвердилась. По сути, это были различные ограничения для выходцев из Азии, которые, разумеется, воспринимали их негативно. В Брисбене среди местной китайской диаспоры распространялся памфлет Сэмюэля Вонга, прожившего в Австралии более 50 лет. В памфлете заявлялось, что если Австралия не изменит свою политику касательно мигрантов других рас, то это приведет к межрасовой войне. Он видел причины поддержки дискриминационного миграционного законодательства стремлением политиков сохранить свои места или получить поддержку избирателей. Он заявлял, что «нет опасений, что сколь-нибудь значительное число китайцев хочет прибыть сюда, поскольку Китаю, с его обильными природными ресурсами, нужно, чтобы все его люди остались дома и помогли в национальном восстановлении,

²⁰ Queanbeyan Age. 1949. 2 Sept. P. 2.

но это не значит, что он не хочет отправить своих торговцев и других образованных людей в Австралию...»²¹. Также, по мнению автора, именно дискриминационная политика, с которой Китай не будет мириться, является причиной, по которой до сих пор нет соглашения между ним и Австралией.

К мигрантам последнее время добавлялись и беженцы. Так, к 1 сентября 1949 г., как сообщала газета «Курьер-Мэйл», Австралия уже приняла 900 китайских беженцев и согласилась рассмотреть заявки от еще 650²². Причинами миграции, помимо прочих, назывались высокая плотность населения и нехватка продовольствия в Азии: «голодные народы означают войну. Каковы шансы семи миллионов против ста голодных миллионов?»²³. Чтобы не допустить такого исхода, как писала «Вест Аустрелиэн», необходимо «заводить друзей, а не врагов, и развивать наши собственные ресурсы, пока кто-нибудь другой не сделал это за нас»²⁴.

Разумеется, важным фактором в отношениях с Китаем были антикоммунистические настроения в Австралии и западном лагере в целом. В прессе были популярны опасения, что после победы в Китае коммунизм возобладает и в остальных азиатских государствах, в первую очередь в Бирме, Индокитае, Сингапуре²⁵. Газета «Курьер-Мэйл» сообщала читателям, что Мао Цзэдун стремится заручиться поддержкой китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии, которая в первую очередь была представлена в британских владениях в Малайе и Гонконге²⁶. Пресса приводила слова генерала Макартура о том, что «Япония должна быть оккупирована на неопределенный срок» американскими войсками в связи с успехами коммунистов в Китае²⁷. Американские военные стратеги, как сообщала пресса, продвигали идею о том, что только Япония способна противостоять коммунистическому Китаю и коммунизации всей Азии, но без согласия Австралии, Новой Зеландии и Британии, по мнению газеты «Аргус», эти планы невыполнимы²⁸. «Наша изоляция закончилась», – констатировала «Дейли Экзаминер»²⁹.

С распространением коммунизма тесным образом связывалась проблема обороны страны, которая, по мнению газет, в этой связи приобретала особую роль в регионе. «Австралия теперь открыто была сделана главным британским оборонительным бастионом в южном полуша-

²¹ Queensland Times. 1949. 12 Sept. P. 1.

²² The Courier-Mail. 1949. 1 Sept. P. 1.

²³ The North Western Courier. 1949. 1 Sept. P. 2.

²⁴ The West Australian. 1949. 12 Sept. P. 11.

²⁵ The Herald. 1949. 15 Sept. P. 5.

²⁶ The Courier-Mail. 1949. 1 Sept. P. 1.

²⁷ Daily Mirror. 1949. 1 Sept. P. 12.

²⁸ The Argus. 1949. 1 Sept. P. 4.

²⁹ Daily Examiner. 1949. 26 Sept. P. 2.

рии», — заявляла мельбурнская «Аргус»³⁰. «События в Китае привели коммунизм гораздо ближе к Австралии», — вторила «Вест Аустрэлиэн»³¹. «Австралия мала и почти одинока», — заключала «Экзаминер»³². «Сидней Монинг Геральд», разделяя эти же настроения, подчеркивала, что «Австралия имеет особый интерес в создании барьеров против распространения коммунизма через многочисленные народы на ее пороге»³³.

Экономический интерес озвучивался на страницах газет в меньшей степени, тем не менее «Иль Ризвельо» заявляла своим читателям о том, что «в Китае формируются новые рынки, которые с удовольствием примут наше сырье и, в особенности, товары перерабатывающей промышленности. Китай сегодня планирует экономическую экспансию, ранее невиданную Азией. Он наверняка будет готов торговать с Австралией на равных и справедливых условиях»³⁴. «Аргус» сообщала о сравнительно невысоком уровне экономических связей Австралии с Поднебесной, заявляя, что объем австралийского экспорта в Китай (преимущественно шерсть, молочная продукция, кожа, сандаловое дерево, фармацевтические товары) составил всего лишь чуть более 2,7 млн австралийских фунтов в 1947–1948 гг. и чуть более 1,4 млн в 1948–1949 гг., а импорт из Китая (главным образом шетина, хлопок, шелк и тунговое масло) за те же годы составил более 1,6 и 2,5 млн австралийских фунтов соответственно³⁵. Тем не менее экономические интересы в поддержании отношений с Китаем озвучивались на страницах прессы.

Еще одним сюжетом в представлении Китая в австралийской прессе стало описание политики Гоминьдана. Отношение прессы к Чан Кайши накануне победы коммунистов было скорее скептическим. Широко тиражировалась новость об обвинениях в его адрес, выдвинутых американским сенатором Томом Коннолли, занимавшим должность председателя комитета по иностранным делам. В ходе дебатов о выделении США помощи Гоминьдану он заявил, что Чан Кайши якобы сбежал, прихватив с собой «в карманах» 138 млн долл. из китайской казны. Затем сенатор денонсировал «дискредитированное и потерпевшее поражение» правительство Гоминьдана³⁶. Среди причин поражения Чан Кайши и его сторонников «Дейли Меркьюри» называла «отсутствие скоординированного военного командования, коррупцию в высших эшелонах власти, неэффективность, низкий моральный дух в войсках», также отмечая, что «са-

³⁰ The Argus. 1949. 7 Sept. P. 4.

³¹ The West Australian. 1949. 27 Sept. P. 4.

³² Examiner. 1949. 29 Sept. P. 2.

³³ The Sydney Morning Herald. 1949. 10 Sept. P. 2.

³⁴ Il Risveglio. 1949. 12 Sept. P. 4.

³⁵ The Argus. 1949. 24 Sept. P. 2.

³⁶ The Dubbo Liberal and Macquarie Advocate. 1949. 8 Sept. P. 1.

ми они слишком охотно признают свои прошлые неудачи и отсутствие единства внутри Гоминьдана»³⁷.

Новости о подготовке нового правительства появились в австралийской прессе заранее. Еще 3 сентября 1949 г. мельбурнский «Геральд» сообщал, что «официальная британская позиция неизменна – нет никаких выгод в том, чтобы оттягивать признание коммунистического центрального правительства, как только этот вопрос встанет»³⁸. 10 сентября сиднейская «Дэйли Телеграф» опубликовала информацию о планах по провозглашению республики. Читателям сообщалось, что произойдет это, скорее всего, в день «двойной десятки», т. е. 10 октября (день провозглашения Сунь Ятсеном Китая республикой в 1911 г.), а пока начинается работу Консультативная политическая конференция, которая, помимо провозглашения государства, создаст коалиционное правительство³⁹. Практически сразу начал обсуждаться вопрос о признании новой республики. Газеты сходились в том, что Великобритании необходимо выработать общую линию поведения с США. При этом по данному вопросу между ними проводились консультации, и Великобритания, в том числе ее доминионы, выступали за незамедлительное признание нового правительства, так как именно к нему уже перешел контроль над большей частью территорий⁴⁰. Газеты пристально следили за официальной позицией правительств по этому вопросу. Так, основные публикации накануне провозглашения создания КНР сводились к следующему: «Ожидается, что фактическое признание Австралией нового правительства Китая будет следовать линии Министерства иностранных дел Великобритании <...> Премьер-министр (г-н Чифли) заявил несколько недель назад, что Австралия желает стабильности в Китае и возобновления нормальных торговых условий. Он сказал, что Австралия будет продолжать тесные консультации с британскими властями и регулярно получать отчеты от австралийских дипломатов в Азии. Ничего не будет сделано до тех пор, пока не будет сомнений в том, что правильно сформированная власть контролирует Китай»⁴¹.

С 22 сентября газеты передавали новости о том, что в эфире радио Мао Цзэдун в радиоэфире заявил о создании КНР перед открытием Консультативной политической конференции китайского народа, на которой обсуждалось формирование правительства⁴². Мельбурнская газета «Геральд» привела цитату из выступления: «На международном уровне мы

³⁷ Daily Mercury. 1949. 21 Sept. P. 7.

³⁸ The Herald. 1949. 3 Sept. P. 5.

³⁹ The Daily Telegraph. 1949. 10 Sept. P. 3.

⁴⁰ Barrier Miner. 1949. 14 Sept. P. 1.

⁴¹ The Sun News-Pictorial. 1949. 24 Sept. P. 6.

⁴² The Herald. 1949. 22 Sept. P. 1.

должны объединиться со всеми странами и народами, любящими мир и свободу, прежде всего с Советским Союзом и новыми демократическими странами, чтобы мы не остались в одиночестве в борьбе за сохранение плодов победы»⁴³. «Дейли Телеграф» добавляла, что, по заявлению представителя Канберры, признание КНР будет совершено сразу после признания со стороны Великобритании и США, и такое заявление должно быть сделано одновременно и единообразно⁴⁴. В газетах распространялись сообщения о якобы уже принятом решении Соединенного Королевства де-факто⁴⁵ и де-юре⁴⁶ признать новое правительство, как только оно будет провозглашено, но они вскоре были опровергнуты министром иностранных дел Австралийского Союза Г. В. Эваттом на заседании палаты представителей⁴⁷. Более того, с 23 сентября публиковались новости о том, что Великобритания и США наложили запреты на поставки в Китай стратегических материалов (топлива, деталей для воздухоплавательных средств и т. п.), чтобы они не попали в руки коммунистам⁴⁸. При этом отмечалось, что Великобритания согласилась на такие меры только под давлением США, которые, к тому же, не поддерживали идею быстрого признания нового правительства⁴⁹. Причиной таких разногласий называлось то, что в отличие от США, Великобритания продолжала вести торговлю с Китаем, и поэтому у нее «нет альтернативы признанию»⁵⁰. Кроме того, газета «Аргус» сообщала, что торговые отношения с Китаем за последние 100 лет были весьма выгодными для Великобритании, а британские инвестиции в Китай составляют 400 млн фунтов⁵¹. В то же время газета «Экзаминер» называла цифру в 300 млн фунтов⁵². Решение о юридическом признании Китая Великобританией называлось «реалистической реакцией на факты», и «Аргус» убеждала читателей в необходимости принятия такого же курса для Австралии⁵³.

Интересна позиция левых изданий по описываемым событиям. Так, газета «Трибьюн» назвала собрание подготовительного комитета конференции событием мирового значения. Более того, его составу, задачам и значению уделялось гораздо больше внимания, чем в других изданиях. Новое правительство, как заявлялось, будет не социалистическим, а ре-

⁴³ The Herald. 1949. 22 Sept. P. 1.

⁴⁴ The Daily Telegraph. 1949. 23 Sept. P. 3.

⁴⁵ National Advocate. 1949. 23 Sept. P. 2.

⁴⁶ The Herald. 1949. 23 Sept. P. 1.

⁴⁷ News. 1949. 28 Sept. P. 11.

⁴⁸ The Sun. 1949. 23 Sept. P. 24.

⁴⁹ Morning Bulletin. 1949. 24 Sept. P. 1.

⁵⁰ The Herald. 1949. 23 Sept. P. 1.

⁵¹ The Argus. 1949. 24 Sept. P. 2.

⁵² Examiner. 1949. 4 Oct. P. 2.

⁵³ The Argus. 1949. 24 Sept. P. 2.

волюционно демократическим. А само событие ставилось в один ряд с приходом к власти Кромвеля и Французской революцией, поскольку новое правительство выполнит те же задачи: объединение нации, введение демократии, обучение населения грамоте, освобождение крестьян от феодальной и полуфеодальной зависимости, улучшение положения рабочего класса, установление национальной независимости и национальной обороны, и, прежде всего, ускорит индустриализацию страны, которая проложит путь к социализму⁵⁴. Приоритетной задачей ставилось признание нового правительства, что обеспечило бы суверенитет на мировой арене. «Необходимо осознать, что дни, когда иностранные армии оккупировали китайскую территорию, а иностранные военные корабли бродили по китайским рекам и гаваням, ушли навсегда вместе с "экстерриториальными" правами. Новый Китай требует полного равенства, равных международных прав и уважения», – писала «Трибьюн»⁵⁵.

1 октября в австралийских газетах начали появляться публикации о формировании правительства Китайской Народной Республики⁵⁶. Незадолго до этого уже появлялись публикации с предполагаемым распределением должностей. Особое внимание уделялось тому, что в правительство в качестве одного из вице-председателей вошла вдова Сунь Ятсена (являвшаяся к тому же сестрой супруги Чан Кайши)⁵⁷. Однако во всех встречаемых публикациях ее именуют исключительно Мадам Сунь Ятсен.

Газеты сообщали о праздничном 200-тысячном митинге в Пекине по поводу провозглашения республики. Огромная толпа встретила Мао Цзэдуна и провозглашение им образования КНР аплодисментами⁵⁸. Торжества сопровождал масштабный парад сухопутных, морских и воздушных сил, а также фейерверки и шествие граждан с бумажными фонариками в форме пятиконечных звезд⁵⁹. На пятом континенте тоже прошли празднования, хотя и не такие масштабные. Около двухсот прокоммунистически настроенных представителей китайской диаспоры в Австралии отпраздновали с фейерверками провозглашение новой республики в Национальном парке в Сиднее, сообщила «Канберра Таймс»⁶⁰. Триста китайцев отметили 38-летие со дня основания Китайской Республики в Брисбене. Однако один из участников заявил: «В этом нет ничего политического. Это наш способ вспомнить любимого в Китае доктора Сунь

⁵⁴ Tribune. 1949. 24 Sept. P. 5.

⁵⁵ Tribune. 1949. 24 Sept. P. 5.

⁵⁶ The Mail. 1949. 1 Oct. P. 8 ; The Sun. 1949. 1 Oct. P. 2 ; Mirror. 1949. 1 Oct. P. 28.

⁵⁷ The Sun News-Pictorial. 1949. 26 Sept. P. 4 ; Kalgoorlie Miner 1949. 26 Sept. P. 5 ; The Daily News. 1949. 1 Oct. P. 5.

⁵⁸ The Daily Telegraph. 3 Oct. P. 3.

⁵⁹ Advocate. 1949. 3 Oct. P. 2.

⁶⁰ The Canberra Times. 1949. 10 Oct. P. 3.

Ятсена (отца Республики)»⁶¹. А вот пертская «Дейли Ньюс» привела слова президента ассоциации, объединявшей почти всех проживавших в городе китайцев, заявившего, что «в Перте нет китайцев, которые симпатизировали бы новому коммунистическому правительству <...> на проживающих в Австралии китайцев особо не влияет то, коммунистическое или националистическое в Китае правительство»⁶².

«Сидней Монинг Геральд» сообщила, что «официальные круги в Канберре полагают, что фактическое признание Британией коммунистического правительства Северного Китая неизбежно. Незамедлительно за этим последовало бы признание Австралией»⁶³. 11 октября «Брисбен телеграф» тоже сообщала о скором признании нового правительства Австралией. Причиной называлось стремление восстановить объемы торговли, ведь «Австралия за 1948–1949 гг. потеряла в торговле на 5 млн фунтов»⁶⁴. Однако этот процесс затянулся.

Уже 3 октября в прессе прозвучал вопрос о международном признании КНР. Один громкий заголовок назвал появление еще одного китайского правительства «головной болью ООН», а в самой статье признавалось, что в связи с международным значением Китая, его ролью в победе над Японией, а также статусом постоянного члена Совета Безопасности, коммунистическое правительство должно быть юридически признано. В публикации утверждалось, что правительство, которое фактически не контролирует страну, «не может быть частью самого важного совета новой Лиги наций!»⁶⁵. Сиднейская «Сан» сообщила о признании КНР Россией и тоже ставила вопрос о присутствии в ООН двух правительств, прогнозируя при этом, что задержки в признании новой республики со стороны США, Великобритании и Франции могут парализовать работу Совета Безопасности⁶⁶.

«Экзаминер» высказал однозначную позицию – у западных стран просто нет другого выбора, кроме признания КНР: «это будет горькая пилюля, но нет смысла отказываться смотреть фактам в лицо». Тем не менее газета доказывала – нет оснований полагать, что Китай будет действовать исключительно в русле политики России и выступать против Запада. Китайские коммунисты «желают хороших отношений с западными державами, особенно с Британией и Америкой, с которыми они захотят развивать торговлю»⁶⁷. «Если западные демократы признают пораже-

⁶¹ The Courier-Mail. 1949. 11 Oct. P. 5.

⁶² The Daily News. 1949. 10 Oct. P. 7.

⁶³ The Sydney Morning Herald. 1949. 1 Oct. P. 3.

⁶⁴ Brisbane Telegraph. 1949. 11 Oct. P. 2.

⁶⁵ Truth. 1949. 2 Oct. P. 6.

⁶⁶ The Sun. 1949. 3 Oct. P. 7.

⁶⁷ Examiner. 1949. 4 Oct. P. 2.

ние Чан Кайши, лидера националистов, коммунисты практически сразу же установят некоторую степень стабильности» – приводили газеты мнение бывшего представителя Британского Совета в Китае Фицджеральда¹. «Эйдж» тоже призывала принять изменение ситуации в Китае: «дела пошли так плохо для Чан Кайши, а коммунисты установили такое доминирование, что можно только сокрушаться о том, как все могло бы быть»². «Признание – это не сертификат единомыслия»³, – убеждала читателей «Мариборо Хроникл». Австралия «не сможет получить более могучего друга, чем Китай», – оптимистично заключала «Трибьюн», требуя скорейшего признания новой республики⁴.

Тем не менее американская позиция оставалась прежней, что задерживало принятие решения Британией. «Представитель министерства иностранных дел заявил сегодня, что Великобритания обсудит с Содружеством и "другими заинтересованными державами" просьбу китайских коммунистов о признании... На вопрос, что именно за заинтересованные державы, он ответил: "Я думаю, что это некоторые из участников Атлантического договора"»⁵. «Сидней Мorning Геральд» указывала на экономическую политику в отношении Китая как причину разногласия двух держав, но призывала учитывать и глобальную стратегию. «Пока новый режим не примет четких границ своего расширения, Запад не должен спешить с полным юридическим признанием»⁶. А представитель Британии заявил, что Соединенное Королевство ожидает увидеть, готово ли коммунистическое правительство Китая выполнять свои международные обязательства, включавшие и статус Гонконга, и только после этого ответит на вопрос о предоставлении места в Совете Безопасности⁷.

Опасения, касающиеся дальнейшего распространения коммунизма в Азии и за ее пределами, продолжили появляться на страницах прессы и после провозглашения КНР. Например, «Мариборо Хроникл» заявляла, что «есть веские основания полагать – более того, было бы глупо полагать иначе – поскольку коммунистический режим Мао Цзэдуна прочно укрепился в Китае, будут предприняты согласованные усилия по активизации коммунистической политической и промышленной деятельности в Юго-Восточной Азии, а также в Индии, Индонезии и на Филиппинах – возможно, даже среди выходцев из Новой Гвинееи – и в Японии»⁸. Но была и иная точка зрения. «Красный Китай слишком занят дома» – статья

¹ The Herald. 1949. 3 Oct. P. 5.

² The Age. 1949. 4 Oct. P. 2.

³ Maryborough Chronicle. 1949. 7 Oct. P. 1

⁴ Tribune. 1949. 8 Oct. P. 2.

⁵ The Sydney Morning Herald. 1949. 4 Oct. P. 1.

⁶ The Sydney Morning Herald. 1949. 3 Oct. P. 2.

⁷ Daily Mirror. 1949. 4 Oct. P. 6.

⁸ Maryborough. 1949. 13 Oct. P. 4.

с таким заголовком сообщала читателям мнение упоминавшегося ранее Фицджеральда, заявлявшего, что нет доказательств стремления Китая проводить «авантюрную» внешнюю политику¹. Более того, он утверждал, что с точки зрения китайских коммунистов, Австралия – наименее враждебная из всех тихоокеанских держав². А в статье «Должна ли Австралия признать красный Китай?» он заключал, что британская дипломатическая традиция признает правительства, исходя не из моральных соображений, а из фактов – действительно ли оно управляет и контролирует население и территории. Новая республика соответствует этому критерию. А если не признавать ее, исходя лишь из того, что она коммунистическая, то почему тогда признаны СССР и другие страны?³

Любопытные рассуждения о том, как следует поступить западным державам в этой ситуации, опубликовала «Меркьюри»: «Нельзя допустить, чтобы у коммунистов сложилось впечатление, будто западные державы больше всего выиграют от соглашения. Их следует убедить в том, что демократические страны обладают преимуществами, которыми они готовы поделиться с Китаем через обычные деловые каналы. Коммунистический Китай унаследовал экономическое бремя, которое Россия не может облегчить. Если западные страны максимально воспользуются этой возможностью, они смогут в некоторой степени компенсировать большой политический успех России и способствовать продвижению независимости Китая от Москвы как экономически, так и политически»⁴.

Образование КНР не стало неожиданностью для австралийских читателей, особенно в последний месяц накануне этого события. Описание ситуации в Китае и вокруг него сменилось пристальным вниманием к официальной позиции Великобритании и США, а также вопросом о сроках, формах и необходимости официального дипломатического признания. Но основная мысль, которую разделяли все газеты вне зависимости от их позиции и политических взглядов – новая страница в истории Китая стала событием поистине историческим для всего мира, и Австралия (как часть англосаксонского мира) не могла оставаться в стороне.

Библиографический список

- Нохрин И. М. Идея, которая создала современность: теория национализма Лии Гринфелд // Диалог со временем. 2021. Вып. 74. С. 19–32.
- Andrews E. M. Australia and China, 1949: The Failure to Recognise the PRC // The Australian Journal of Chinese Affairs. 1985. N 13. P. 29–50.
- Bisley N. Australia's Engagement with China: From Fear to Greed and Back Again // International Journal. 2018. Vol. 73, N 3. P. 379–398.
- Mackerras C. China and the Australia-U.S. Relationship: A Historical Perspective // Asian Survey. 2014. Vol. 54, N 2. P. 223–246.

¹ News. 1949. 13 Oct. P. 23.

² The Advertiser. 1949. 14 Oct. P. 2.

³ The Argus. 1949. 14 Oct. P. 2.

⁴ The Mercury. 1949. 4 Oct. P. 3.

ВЕРХОВНЫЙ СУД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ США

Аннотация. Проанализирована роль Верховного суда США как ключевого органа власти в американской политической системе. Рассмотрены основы его деятельности, принципы работы, история формирования состава суда последних лет.

Ключевые слова: Верховный суд США, американская политическая система, система сдержек и противовесов.

I. Solsoev

Irkutsk State University, Irkutsk

THE US SUPREME COURT IN THE SYSTEM OF THE AMERICAN GOVERNMENT

Abstract. The purpose of the article is to examine the role of the US Supreme Court in the American political system as a key organ of the judiciary. The fundamentals of the court's activities, the principles of its work, and the history of the formation of the court's composition in recent years are considered.

Keywords: US Supreme Court, American political system, system of checks and balances.

Судебная система в США является ключевым элементом социально-политической системы американского государства, включающим в себя такие подсистемы, как федеральные суды и суды штатов. Во главе пирамиды федеральных судов находится Верховный суд США, который стоит выше апелляционных и окружных судов. Параллельно этой структуре формируется судебная система каждого штата, во главе – верховный суд того или иного штата.

Конституционный контроль в США осуществляется судами общей юрисдикции, специализированного органа конституционного контроля нет. Любой суд, рассматривая конкретное дело, может принять решение о соответствии применяемого в конкретном деле закона американской конституции. Высшей инстанцией является, таким образом, Верховный суд США. Существующую американскую модель можно охарактеризовать как неспециализированный, конкретный, последующий конституционный контроль.

Ежегодно Верховный суд США рассматривает ограниченное количество дел, самостоятельно принимая решения. В 2024 г. в его состав входят следующие судьи: главный судья Джон Гловер Робертс, Кларенс Томас, Сэмюэль Алито, Соня Сотомайор, Елена Каган, Бретт Кавано, Эми Барретт, Нил Горсач, Кетанджи Браун Джексон.

Гарантом объективности и беспристрастности судей Верховного суда является тот факт, что они назначаются пожизненно, кроме случаев добровольной отставки либо импичмента. Судьи официально не являются членами какой-либо партии в США (ни республиканской, ни демокра-

тической), однако по своим правовым взглядам их часто неофициально называют консерваторами или либералами.

Верховный суд является первым судом, рассматривающим определенные дела в соответствии как со ст. III, так и в соответствии с 11-й поправкой к Конституции США. К таким относятся:

- дела между Соединенными Штатами и одним из штатов;
- дела между двумя или более штатами;
- дела, возбужденные одним штатом против граждан другого штата или зарубежной страны;
- дела, в которых участвуют иностранные послы или иные дипломаты.

Однако из них состоит только около 1 % дел Верховного суда. Большинство поступает в виде апелляций по гражданским и уголовным делам, решения по которым были приняты федеральными судами штатов и судами низших инстанций.

Дела, которые поступают в Верховный суд в качестве апелляций, начинаются с ходатайства о пересмотре. Верховный суд рассмотрит дело, если четверо из девяти судей согласятся его принять. Эта процедура известна как правило четырех. Дела, которым выдается свидетельство о приеме к рассмотрению в Верховном суде, должны быть выбраны по убедительным причинам, как указано в Правиле 10 данного органа. К причинам можно отнести то, что дела представляют собой конфликт, связанный с интерпретацией федерального закона США или конституции страны, либо они поднимают иной важный вопрос о федеральном законодательстве США. Верховный суд также может выдать свидетельство о приеме к рассмотрению, если решение, принятое судом низшей инстанции, противоречит предыдущему решению Верховного суда. Если Верховный суд не выдает свидетельство, это означает, что он решил не пересматривать дело. Это не говорит о том, что он согласен с решением суда низшей инстанции, хотя оно остается в силе. Подготовительная работа такого рода проводится аппаратом Верховного суда США. Также судьи нанимают клерков для оказания помощи в процессе отбора дел.

После того как дело принято к рассмотрению, адвокаты каждой стороны составляют краткое изложение, в котором аргументируют свою позицию. С разрешения суда иные лица, заинтересованные в исходе дела, также могут подать записку *amicus curiae* в пользу одной из сторон, принимающих участие в судебном процессе. После рассмотрения записок судьи заслушивают устные аргументы обеих сторон, проводятся прения, во время которых судьи задают вопросы.

Через некоторое время после устных прений судьи собираются на конференцию, чтобы проголосовать по делу. Голосование проводится традиционно по старшинству, начиная с главного судьи. Дела решаются по правилу большинства, при котором не менее пяти из девяти судей

должны прийти к согласию. В современной конфигурации Верховного суда решения часто принимаются с соотношением голосов 6:3. Для создания коалиции большинства часто требуются переговоры и компромиссы. После принятия решения один из судей (выбирается главным судьей либо судьей, проработавшим в Верховном суде дольше всех) письменно излагает мнение большинства.

Конституция не наделяет Верховный суд полномочиями судебного надзора, но дает право отменять законы и решения исполнительной ветви власти.

Верховный суд впервые установил полномочия объявлять законы неконституционными в деле *Марбери против Мэдисона* (1803 г.) [*Marbury ...*], дополнив систему сдержек и противовесов, которая успешно функционирует на данный момент. Это позволяет судьям иметь последнее слово при распределении полномочий между тремя ветвями федеральной власти.

Верховный суд формально не может напрямую обеспечивать исполнение своих решений, но при этом полагается на уважение всех граждан и органов государственной власти по отношению к Конституции США. Известен прецедент 1832 г., когда штат Джорджия проигнорировал решение Верховного суда по делу *Вустер против Джорджии* [*Worcester ...*]. Правительства некоторых штатов на юге страны также сопротивлялись десегрегации государственных школ после решения 1954 г. «*Браун против Совета по образованию*» [*Brown ...*]. Однако авторитет Верховного суда представляется незабываемым, и его решения не могут быть обжалованы.

Некоторые утверждают, что Верховный суд является наиболее автономной и наименее контролируемой из всех ветвей власти. Судьи назначаются пожизненно, их зарплата не может быть уменьшена, пока они занимают свою должность. Несмотря на процедуру импичмента, только один судья был ему подвергнут, ни один судья Верховного суда не был отстранен от должности. Решения Верховного суда были целенаправленно отменены конституционными поправками только в четырех случаях: 1) 11-я поправка отменила дело *Чисхолм против Джорджии* (1793 г.) [*The Eleventh Amendment ...*]; 2) 13-я и 14-я поправки фактически отменили дело *Дред Скотт против Сэнфорда* (1857 г.) [*The Dred ...*]; 3) 16-я поправка отменила дело *Поллок против Джорджии* (1857 г.); 4) 16-я поправка отменила некоторые части дела *Орегон против Митчелла* (1970 г.) [*The Sixteenth Amendment...*].

С 1980-х гг. по настоящее время Верховный суд возглавляли две знаковые фигуры – Уильям Хаббс Ренквист (главный судья с 1986 по 2005 г.) и Джон Гловер Робертс (главный судья с 2005 г. по настоящее время). Принято считать, что Верховный суд Ренквиста выступал за федерализм и социальный либерализм, а суд Робертса более консервативен.

Уильям Ренквист был сначала рядовым судьей Верховного суда США, затем стал его 16-м председателем. Когда в 1986 г. главный судья Уоррен Бергер ушел в отставку, президент Рональд Рейган назначил на эту должность Ренквиста. Сенат подтвердил его назначение 65 голосами против 33, и 26 сентября 1986 г. он вступил в должность [Chief ...].

Считавшийся консерватором Ренквист поддерживал концепцию федерализма, которая подчеркивала закрепленные 10-й поправкой полномочия штатов. В рамках этого подхода Верховный суд впервые с 1930-х гг. отменил закон конгресса как превышающий федеральные полномочия в соответствии с Положением о торговле. Ренквист также ужесточил сроки совещаний судей для более оперативного рассмотрения дел. В 1988 г. он также успешно лоббировал в конгрессе передачу суду контроля над собственным списком рассматриваемых дел, сократив количество обязательных апелляций, которые ранее Верховный суд обязан был рассмотреть.

В 1999 г. Ренквист стал вторым председателем Верховного суда, председательствовавшим на судебном процессе по делу об импичменте президента, во время разбирательства против Билла Клинтона. В 2000 г. Верховный суд под председательством Ренквиста фактически положил конец разногласиям по поводу президентских выборов 2000 г. в штате Флорида.

Уильям Ренквист занимал пост главного судьи почти 19 лет, что сделало его четвертым по продолжительности пребывания на посту главного судьи после Джона Маршалла, Роджера Тейни и Мелвилла Фуллера. Он является восьмым судьей по продолжительности пребывания на посту в истории Верховного суда США.

Термин «суд Робертса» относится к Верховному суду США с 2005 г. под руководством Джона Г. Робертса.

После смерти Ренквиста Робертс был номинирован на должность главного судьи президентом Джорджем Бушем. Сенат подтвердил его кандидатуру 78 голосами против 22. Робертс принял конституционную присягу при вступлении в должность в Белом доме 29 сентября 2005 г., почти сразу после своего утверждения.

За первые пять лет своего существования суд Робертса вынес важные решения по таким вопросам, как контроль над оружием, политика выравнивания возможностей Affirmative action, регулирование финансирования избирательных кампаний, аборт, смертная казнь. Нынешняя деятельность Верховного суда США часто подвергается критике со стороны разных американских общественных институтов, обвиняющих судей в политической ангажированности, что объясняется неравным соотношением консервативных и либеральных судей в нынешнем составе суда: шестеро судей представляют консервативный, трое – либеральный блок.

Библиографический список

Brown v. Board of Education of Topeka. A Landmark Case Unresolved Fifty Years Later. URL: <https://www.archives.gov/publications/prologue/2004/spring/brown-v-board-1.html> (дата обращения: 20.03.2024).

Chief Justice William Rehnquist. URL: <https://supreme.justia.com/justices/william-rehnquist/> (дата обращения: 30.04.2024).

The Dred Scott Case: Dred Scott v. Sanford. URL: <https://www.battlefields.org/learn/articles/dred-scott-case-dred-scott-v-sanford> (дата обращения: 18.04.2024).

The Eleventh Amendment: Correcting the Supreme Court in action. URL: <https://constitutioncenter.org/blog/the-11th-amendment-correcting-the-supreme-court-in-action> (дата обращения: 18.04.2024).

Marbury v. Madison (1803). URL: [https://www.law.cornell.edu/wex/marbury_v_madison_\(1803\)](https://www.law.cornell.edu/wex/marbury_v_madison_(1803)) (дата обращения: 26.03.2024).

The Sixteenth Amendment to the United States Constitution Explained. URL: <https://constitutionus.com/constitution/amendments/the-16th-amendment-to-the-united-states-constitution-explained/> (дата обращения: 18.04.2024).

Worcester v. Georgia. United States law case. URL: <https://www.britannica.com/topic/Worcester-v-Georgia> (дата обращения: 20.03.2024).

УДК 327

Цюй И

Забайкальский государственный университет, Чита
Шэньянский технологический институт, Шэньян

ИССЛЕДОВАНИЕ ПУТЕЙ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Аннотация. Рассмотрены пути культурного обмена между Китаем и Россией в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Китай и Россия являются крупнейшими соседями друг друга, их традиционная дружба глубока, и, хотя культурное сотрудничество между двумя странами неуклонно и быстро развивается, оно все еще далеко от уровня политических отношений между двумя странами. Представление стратегической концепции «Пояса и пути» отвечает требованиям времени и коренным интересам международного сообщества. Россия как крупная страна, необходимая для реализации инициативы «Один пояс, один путь», неизбежно откроет новые возможности и вызовы для углубления китайско-российского сотрудничества.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс, один путь», китайско-российская культура, путь.

QU YI

Zabaikalsky State University, Chita
Shenyang Institute of Technology, Shenyang

STUDY ON THE PATH OF CULTURAL EXCHANGE BETWEEN CHINA AND RUSSIA UNDER THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Abstract. The ways of cultural exchange between China and Russia within the framework of the "Belt and Road" initiative are considered. China and Russia are each other's largest neighbors, with deep traditional friendship. At this stage, although cultural cooperation between the two countries is developing steadily and rapidly, it is still far from the level of political relations between the two countries. The proposal of the "Belt and Road" strategic concept is in line with the requirements of the times and the fundamental interests of the international community. Russia, as a big country that must pass through the "Belt and Road" initiative, is bound to bring new development opportunities and challenges to the deepening of China-Russia cooperation.

Keywords: Belt and Road, chinese and russian culture, path.

Культурные обмены между Китаем и Россией имеют долгую историю и играют важную роль в содействии всестороннему сотрудничеству двух стран и их развитию, а также взаимопониманию между народами. В последние годы инициатива «Один пояс, один путь» все шире понимается, признается и поддерживается всеми слоями российского общества. Масштабы, уровень культурных обменов между Китаем и Россией постоянно повышаются, что оказывает существенную помощь в улучшении и повышении уровня жизни людей в стране [鲍雨, 2018, р. 12]. После того как в 2013 г. генеральный секретарь Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Один пояс, один путь», Россия как дружественный сосед Китая положительно на нее откликнулась, выдвинув предложение о ее стыковке с Евразийским экономическим союзом, укрепив обмены и сотрудничество в различных областях между Китаем и Россией.

Во взаимодействии культур Китая и России все еще есть некоторые препятствия, поэтому крайне важно исследовать путь преодоления культурных барьеров.

В рамках обмена и сотрудничества в целях продвижения стыкочного сотрудничества между совместным строительством «Пояса и пути» и Евразийским экономическим союзом на весь Евразийский континент в июне 2016 г. главы государств Китая и России подписали совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации [王婧, 2017, р. 7]. В июле 2017 г. главы Китая и России подписали совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о дальнейшем углублении отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства, в котором говорится, что стороны продолжают осуществлять стыковку строительства «Пояса и пути» с Евразийским экономическим союзом. 17 мая 2018 г. Россия и Китай подписали Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Евразийским экономическим союзом. Это взаимодействие знаменует собой подъем торгово-экономического сотрудничества между Китаем и государствами – членами Евразийского экономического союза с проектной движущей силой на новую высоту, ведущую к системе, обеспечивающей основу и платформу для углубления и развития торгового сотрудничества между Китаем и Россией, что эффективно способствует региональной экономической интеграции в Евразии [李新, 2019, р. 6].

С момента своего выдвижения инициатива «Один пояс, один путь» просуществовала уже одиннадцать лет и добила значительных результатов, реализовав взаимную выгоду стран и регионов вдоль маршрута, способствовала экономическому развитию, гуманитарным обменам и устойчивому развитию. С момента выдвижения инициативы о совместном строительстве «Пояса и пути» осуществлялись:

- сотрудничество в области культурного туризма;
- обмены в сфере образования;
- сотрудничество со средствами массовой информации и аналитическими центрами;
- народные обмены;
- сотрудничество в таких областях, как наука и техника, культура и здравоохранение;
- проводились мероприятия по культурному обмену, фестивали искусств, ярмарки, книжные выставки и т. д.

«Мастерская Лубана», «Шелковый путь», «Светлый путь» и другие проекты гуманитарного обмена реализуются, демонстрируя открытое, инклюзивное и эклектичное гуманистическое наследие китайской цивилизации [刘扬, 2011, p. 4].

В ходе непрерывного культурного обмена между Китаем и Россией наблюдаются некоторые проблемы. Столкновение национальных культур объективно существует, это проблема, с которой сталкивается китайско-российская межкультурная коммуникация. В основном это проявляется в языковых, этнических, психологических различиях, стереотипах и предрассудках в отношении иностранных культур. Поэтому приоритетом КНР является «поиск общих знаменателей при сохранении разногласий» в китайско-российской межкультурной коммуникации, уменьшение препятствий в межкультурной коммуникации, тем самым смягчение возможных культурных конфликтов, дальнейшее совершенствование межкультурной коммуникации, содействие тесным контактам между Китаем и Россией в таких областях, как политика, экономика и культура [张雪萍, 2017, p. 13].

В ответ на препятствия, возникающие в китайско-российской межкультурной коммуникации, предлагаются эффективные меры по их устранению (например, деятельность Шэньянского политехнического института). Школы активно интегрируются в строительство «Пояса и пути», постоянно укрепляют международные обмены и сотрудничество, внедряют сложную модель подготовки высококвалифицированных кадров «профессионал + язык», преодолевают языковые и культурные барьеры, предоставляя студентам бесплатную подготовку по русскому языку, отправляясь в страны «Пояса и пути» для культурных обменов, научных исследований, содействуют торгово-экономическим обменам и сотрудничеству после устранения препятствий для межкультурного общения, предоставляют практику осуществимого пути для китайско-российских культурных обменов.

К ним можно отнести практики сотрудничества с национальными университетами и университетами вдоль «Пояса и пути».

Профессионализм и язык в качестве отправных точек реализуются в деятельности школ и предприятий, которые совместно готовят востребованные в отрасли высококвалифицированные прикладные кадры. Научные школы института и предприятия совместно разрабатывают учебные программы, готовят учебные материалы, выступают в качестве ресурса для учащихся классов заказа и технического персонала [张家瑜, 朱星宇, 惠颖, 2017, p. 22–23]. Образовательные школы открывают бесплатные подготовительные классы по русскому языку для студентов, которые после окончания учебы отправляются в Россию, Беларусь и другие страны для учебы и работы, связанной с высококачественными технологиями ШПИ; для оказания услуг и технической поддержки странам вдоль «Пояса и пути», развивая достижения высококачественной занятости. Комплексная модель подготовки высококвалифицированных кадров «профессионал + язык» является эффективной мерой для реализации инициативы «Один пояс, один путь», а также эффективной попыткой межкультурного обмена.

Проведение совместных гуманитарных и художественных обменов, культурных фестивалей, художественных обменов, научных исследований и т. д. содействует непрерывному углублению международного распространения китайско-российской культуры. Постоянное появление замечательных мероприятий и культурных брендов, укрепление чувства близости и идентичности между китайским и российским народами в совместном строительстве «Одного пояса, одного пути» становится платформой для демонстрации культурного наследия модернизации в китайском стиле [赵之群, 2018, p. 15].

Столкновение культур Китая и России объективно существует. В условиях глобальной экономической интеграции межкультурные обмены становятся все более широкими, поэтому культуры разных национальностей могут влиять друг на друга и поглощать друг друга. Мы должны не только осознавать культурные различия, но и, насколько это возможно, находить направления межкультурных обменов, чтобы они проходили эффективно для всех сторон.

Библиографический список

- 鲍雨. 发挥文化“走出去”在“一带一路”建设中的引领作用[A]. 公共外交季刊, 2018 (1): 10–15.
- 王婧. “一带一路”战略背景下文化交流的对策与展望[J]. 长江丛刊. 2017 (5): 6–10.
- 李新. 中俄人文交流: 日益紧密, 水平持续提升[J]. 中国报道. 2019 (10): 6–8.
- 刘扬. 中俄文化差异刍议[J]. 学术交流. 2011 (06): 4–5.
- 张雪萍. 文化维度理论视角下的中俄文化比较[J]. 重庆社会科学. 2017 (07): 11–15.
- 张家瑜, 朱星宇, 惠颖. “一带一路”战略背景下的全球化趋势与跨文化交流[J]. 才智. 2017 (01): 22–23.
- 赵之群. “一带一路”倡议下中俄文化关系发展中的问题与出路[D]. 吉林大学. 2018 (05): 11.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В 1920–1940 ГГ.

Аннотация. Рассмотрена история появления и существования национальных театров на Дальнем Востоке. Одной из специфических особенностей исторического процесса начала XX в. на Дальнем Востоке является полиэтнический характер населения региона. До 1917 г. китайская, корейская и японская культура, в том числе театральная, существовала в «закрытом» виде и представляла собой образцы национального театра. В 1920-е гг. началась мощная советизация национального театра, и во многих городах Дальнего Востока появились государственные китайский и корейский театры. В 1930-е гг. возникли Еврейский театр в Биробиджане и нанайский передвижной театр.

Ключевые слова: театр, полиэтническое население, национальные театры, советизация театров.

A. Shavgarova

Khabarovsk State University of Culture, Khabarovsk

MULTIETHNIC THEATRES IN RUSSIAN FAR EAST IN 1920–1940s

Abstract. The history of the emergence and existence of national theaters in the Far East is considered. One of the specific features of the historical development in the Far East, in early twentieth century, was the multi-ethnic nature of the population in the region. Until 1917, Chinese and Korean culture, including theatrical culture, existed in isolation and represented examples of regional ethnic theatre. In 1920s, powerful Sovietization of regional theatre began and state-owned Chinese and Korean theatres were established in many cities of the Far East. In 1930s, Jewish Theatres in Birobidzhan and Nanai Indigenous People Mobile Theatres were established.

Keywords: theatres, multiethnic, ethnic, Russian Far East, Sovietization of theatres.

На процессы становления и развития дальневосточного театра непосредственным образом оказывало влияние историческое развитие региона. Автор данной статьи уже рассматривал это в своих работах [Шавгарова, 2018].

Одной из специфических особенностей Дальнего Востока начала XX в. является полиэтнический характер его населения. По данным переписи 1926 г. оно составляло 1291,3 тыс. чел., из которых русских – 631 716 чел., украинцев – 304 970 чел., белорусов – 39 381 чел., китайцев – 64 939 чел., корейцев – 167 575 чел., туземцев – 49 878 чел.

Во всех городах Дальнего Востока, где существовали национальные диаспоры и были места для досуга, отмечались национальные праздники, проводились семейно-календарные обряды. Эти мероприятия предназначались только для членов диаспоры и представляли собой образцы национальной культуры.

После установления советской власти на Дальнем Востоке начался процесс советизации национальных театров. Трудно подробно рассмотреть этот процесс в организационном плане, так как его стихийность практически не отражена в документальном виде. Можно обозначить

общую парадигму, характерную в целом для становления советского театрального дела: любительские театры, возникавшие на производстве или в клубных объединениях, постепенно переходили в различные формы государственных театров. Самодеятельные коллективы из числа так называемых восточных рабочих, т. е. китайцев и корейцев, показывали представления, состоящие из танцевальных, музыкальных и цирковых номеров на предприятиях, в клубах еще в начале 1920-х гг.

Как отмечает исследователь В. А. Королева, китайский ТРАМ (театр рабочей молодежи) возник во Владивостоке в 1934 г. «Его возглавил молодой талантливый режиссер из театра им. М. Горького Павел Розанов. Спектакли давались в помещении клуба им. Ильича завода им. Ворошилова. ТРАМ, пройдя сложный путь развития, в 1936 г. будет преобразован в краевой театр молодежи. С 1928 г. во Владивостоке действовал также молодежный самодеятельный театр “Синяя блуза”. За четыре года существования его спектакли посмотрело около 46 тыс. зрителей» [Королева, 2002, с. 219].

Репертуар театра состоял из спектаклей на китайском языке: «Ли-Ма-Ху», «Фан-Ман-Ки», и на русском языке: «Золотой петушок», «Маньчжурские события», «Защита Шанхая», «Маньчжурские крестьяне». Театр был закрыт в 1938 г. в связи с депортацией китайского населения с территории советского Дальнего Востока.

Интересна и судьба появления корейских театров на Дальнем Востоке. По политическим причинам корейское население после 1930-х гг. увеличилось в крупных городах региона. Это объясняется оккупацией Маньчжурии Японией и, как следствие, появлением новой волны корейского населения на советском Дальнем Востоке. В 1932 г. во Владивостоке начал свою деятельность единственный в стране (на тот момент) Дальневосточный краевой корейский театр. Его репертуар: «Сказание о девушке Чунхян», «Тянханмонг», «Любовь Яровая», «Олимпия» и другие спектакли.

Интересна попытка корейских театральных деятелей сохранить национальную самобытность театра, что очевидно из истории постановки «Сказание о девушке Чунхян». В ее основе лежит произведение национальной корейской литературы XVIII в., повествующей о любви сына крупного чиновника и гейши Чунхян. «Ставил эту классическую пьесу корейский театр в трудных условиях: не было ни эскизов костюмов, ни сведений об исторической жизни, ни знания музыки, мимики и танцев. На помощь молодежи пришло старшее поколение. Так, при постановке пьесы первым консультантом стал 60-летний кореец, который 20 лет тому назад работал в Корее при уездном начальнике. Театр объявил конкурс на лучшего певца, танцора и музыканта. Таким образом, подобралась молодая труппа, которая с огромными трудностями воспроизводила

в костюмах и декорациях быт минувших веков, выстраивая сюжет спектакля. Самая трогательная и популярная пьеса корейского репертуара – о судьбе двух влюбленных и о гневe народа, изгнавшего ненавистных правителей, обрела, наконец, свое воплощение» [Королева, 2002, с. 224].

В 1937 г. в связи с депортацией корейцев с Дальнего Востока корейский национальный театр был закрыт.

Еще одна специфическая особенность исторического развития Дальнего Востока связана с тем, что на о. Сахалин в разные времена существовала многочисленная диаспора корейцев: на 1 июля 1946 г. на острове проживало более 27 тыс. корейцев. Это были советские граждане, рожденные или выросшие при новой власти.

Так, решением советских государственных органов был организован корейский передвижной драматический театр в 1948 г. «Для укрепления национальных кадров в Сахалинскую область направлялись специалисты корейской национальности, в том числе работники культуры. В 1947 г. при Сахалинской областной филармонии были созданы корейский концертно-эстрадный ансамбль и театральная бригада, а в 1948 г. отдел культуры облисполкома принял решение о создании на базе ансамбля корейского областного драматического театра. Приказом комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР от 27 августа 1948 года № 832 театр включили в театральную сеть страны и присвоили ему 4 категорию» [29 ноября ... , 2023].

Еще одной особенностью исторического развития Дальнего Востока, связанного уже с политикой советского строительства в регионе, стало решение об образовании 7 мая 1934 г. Еврейской автономной области.

Принимая государственное решение о создании специального региона для еврейского населения, государство преследовало цели увеличить население Дальнего Востока и оказать поддержку беднейшим, безземельным слоям еврейства. Безусловно, необходимо было создать не только материальные, но и культурные условия жизни для поселенцев в новых краях.

«...в 1932 году студенты театрального техникума при Московском государственном еврейском театре (ГОСЕТ), которым руководил знаменитый режиссер и актер Соломон Михоэлс, совершили гастрольную поездку в Биробиджан. Население созданной еврейской автономии очень тепло встретило актеров, гастролеры получили хорошие отзывы. Одновременно и сами молодые талантливые актеры почувствовали востребованность своего творчества, увидели много единомышленников, людей, которые знают и любят еврейскую культуру» [Гамалей, 2021, с. 28].

Основой труппы нового театра стали выпускники театрального техникума Московского ГОСЕТа (Государственного Еврейского театра), директором еврейского театра в Биробиджане был назначен

Э. Казакевич. В столице театр подготовил четыре спектакля и затем выехал в Биробиджан, где 11 мая 1934 г. новый театральный сезон был открыт премьерой под названием «Бойтре» М. Кульбака.

Первоначально в репертуаре преобладали пьесы по национальному и тематическому признаку: «Тевье – молочник», «Мазлтов», «Блуждающие звезды» по Шолом-Алейхему, «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, затем стали включаться и современные советские произведения «Интервенция» С. Славкина, «Три еврейских изюминки», «Мой друг» Н. Погодина.

В 1949 г. театр закрылся по официальной версии «ввиду убыточности». На самом деле был целый комплекс причин, совокупность и противоречия которых исследует С. Ю. Гамалей в своих работах.

Уникальное явление для всей российской театральной культуры появилось в с. Найхин Нанайского р-на Хабаровского края. Там с 1936 по 1940 г. существовал Нанайский передвижной театр. Уникальность его заключалась в том, что малые народы, населявшие территорию Дальнего Востока, не имели собственных сложившихся театральных форм. Безусловно, шаманские обряды, семейно-календарные праздники насыщены театральными элементами, но они не выросли в то или иное театральное явление.

Появление нанайского театра можно исследовать по уже приведенной нами парадигме: на волне просветительской агитационной советской культуры в национальных селах во множестве появляются любительские коллективы (в с. Найхин такой появился в 1934 г.). Интересно, что переход в государственный театр совершился по инициативе местных жителей и при поддержке краевых органов власти. Именно Далькрайисполком пригласил в качестве руководителя выпускника Института народов Севера, комсомольца Бориса Ходжера.

В театре существовало три группы: драматическая, хоровая и музыкальная. Статус передвижного обязывал театр вести активную гастрольную деятельность. «Если в 1936 году театр выезжал со своими постановками только в близлежащие села, то к 1940 году он значительно расширил географию своих гастролей. С искусством артистов из Найхина познакомились жители национальных пунктов Кур-Урмийского, Комсомольского, Ульчского, Нижне-амурского районов Хабаровского края. Они выступали в Николаевске-на-Амуре, Комсомольске-на-Амуре, Хабаровске и регулярно в селах Нанайского района. По деревням ездили на большой весельной лодке, в которой гребли 5 человек, или на “моторе”». [Мельникова, 2001, с. 11].

Репертуар поначалу состоял из спектаклей по устному нанайскому фольклору: «Конго Пояхта» («Глухая трава»), «Сайла», «Канительная свадьба». Наряду с пьесами исполнялись фрагменты традиционных обрядов нанайцев (небольшие сцены камлания, свадьбы, а также сцены быта).

Затем начинается активное введение в репертуар русской и советской драматургии: «Очная ставка» братьев Тур, «Женитьба» Н. В. Гоголя, «Без вины виноватые» А. Н. Островского.

Театр так и не обрел самобытности, а финансовые трудности привели к тому, что в 1940 г. он был преобразован в Дом народного творчества Нанайского района, т. е. утратил самостоятельность.

Можно сделать вывод, что театральная культура Дальнего Востока в 1920–1940-е гг. отличалась многообразием организационных и художественных форм; отчасти сохранилось частное театральное дело, возникали новые советские организационные структуры. Своеобразие этому процессу придало появление в регионе национальных театров, ставшее возможным, с одной стороны, благодаря полиэтническому характеру населения Дальнего Востока, с другой стороны, следованию новой политике государства по внедрению новых организационных форм и репертуарной политике. Появление национальных театров можно исследовать по приведенной нами парадигме: на волне просветительской агитационной советской культуры появляется множество любительских коллективов, постепенно переходящих в те или иные формы государственных театров.

Закрытие корейских и китайских национальных театров связано с политическими причинами: депортация корейского и китайского населения 1937 г. произошла из-за вторжения Японии в Китай, а Корея была частью Японской империи. Следовательно, представители этих национальностей были выдворены за пределы СССР (например, корейцы – в Казахстан).

Исчезновение еврейского и нанайского театров с культурной карты региона связано с причинами финансовой убыточности, хотя очевидно, что государство не прилагало усилий к поддержанию этих коллективов, политика страны была направлена на унификацию театрального искусства и, как следствие, культурное многообразие неизбежно терялось.

Библиографический список

29 ноября в 1948 году был создан Сахалинский корейский передвижной драматический театр. URL: <https://sakhalinmedia.ru/news/1200681/> (дата обращения: 20.03.2024).

Гамалей С. Ю. История создания и развития Еврейского национального театра имени Л. Кагановича в 1930-е годы // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2021. № 3 (72). С. 27–34.

Королева В. А. Китайский и корейский театры на Дальнем Востоке на Дальнем Востоке России // Россия и современный мир. 2002. № 1. С. 217–225.

Мельникова Т. В. О нанайском национальном театре // Словесница искусств. 2001. № 9. С. 11.

Шавгарова А. В. Театральная жизнь Дальнего Востока 1860-е – 1917 гг. Хабаровск : РИО ХГИК, 2018. 172 с.

**РУССКИЕ КАРТЫ МОНГОЛИИ XVIII – НАЧАЛА XX В.
В СОБРАНИЯХ АРХИВОВ И БИБЛИОТЕК САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Аннотация. Дается обзор карт и планов Монголии XVIII – начала XX в., хранящихся в собраниях Библиотеки РАН, Русского географического общества и Российской национальной библиотеки, значительная часть которых до сих пор не исследована. Приводится их краткая характеристика, обосновывается необходимость дальнейшего изучения всего комплекса картографического материала, посвященного Монголии, введения его в научный оборот, а также создания сводного каталога карт.

Ключевые слова: Монголия, картография, Центральная Азия, русские экспедиции в Монголию, архивы.

V. YakovlevNorth-Western Institute of Management, Russian Academy of National Economy
and Public Administration, St. Petersburg**RUSSIAN MAPS OF MONGOLIA XVIII – BEGINNING XX cc.
IN THE COLLECTIONS OF ARCHIVES AND LIBRARIES
OF ST. PETERSBURG**

Abstract. The article gives an overview of maps and plans of Mongolia of the 18th – early 20th centuries, stored in the collections of the Library of the Russian Academy of Sciences, the Russian Geographical Society and the Russian National Library. A significant part of them still remains outside the attention of researchers. Their brief description is given and the necessity of further study of the whole complex of cartographic material devoted to Mongolia, its introduction into scientific circulation, as well as the creation of a consolidated catalog of maps of Mongolia is substantiated.

Keywords: Mongolia, cartography, Central Asia, russian expeditions to Mongolia, archives.

Интерес к картографированию монгольских земель насчитывает почти четыре века и связан не только с общей границей России и Монголии и их многовековой взаимовыгодной торговлей, но и с тем, что основные торговые и караванные пути в Китай проходили по монгольским землям. Особое место занимали также поездки и экспедиции, предпринятые русскими путешественниками, учеными и военными, всегда интересовавшимися образом жизни, религией, нравами и обычаями монголов, торговлей, достопримечательностями и мн. др. Осуществить такие поездки было невозможно без подробных карт.

Первые попытки картографирования (глазомерная съемка и чертежи пройденного) Центральной Азии и Монголии относятся к XVII в. (послы, которые ехали в Китай через Монголию, обязаны были составлять чертежи и описание своего пути, которые, по всей видимости, не сохранились). Одно из самых ранних сохранившихся русских картографических изображений Северной Монголии [Мурзаев, 1948, с. 30] содержится в «Атласе Российском, состоящем из девятнадцати специальных карт, представляющем Всероссийскую империю, с пограничными землями,

сочиненной по правилам географическим и новейшим обсервациям» («Иркуцкая провинция и море Байкал с вершиной реки Лены, при том же часть реки Аргуна и Амура с лежащими вокруг местами». СПб., 1745. Л. 17). К концу XVIII в. также относится «Примерный план странам Джабакана, Теса и Енисея», на котором представлена Северо-Западная Монголия и бассейн р. Джабакан и «Карта Татарии Китайской» (1793).

Из карт первой половины – середины XIX в. можно выделить рукописный «Атлас Сибири и Китайской Мунгалии» (на основе съемок 1805–1806 гг. Л. 22. «Маршрут от Троицкосавской крепости до Урги»), «Атлас всех частей света» (1827) с обозначением Северной Монголии (неоднократно переиздавался с небольшими уточнениями), карту Е. Ф. Тимковского, на которой впервые подробно показана большая часть Восточной Монголии («Карта пути от Кяхты до Пекина чрез Монголию 1820 и 1821 гг.»; переведена на французский и немецкий языки и была использована К. Риттером в его известном труде «Землеведение Азии») (рис. 1), карту, составленную по китайским источникам Н. Я. Бичуриным (1828).

Рис. 1. Е. Тимковский «Карта пути от Кяхты до Пекина чрез Монголию 1820 и 1821 гг.» (фрагмент)

Интерес представляют недавно обнаруженные в собрании Библиотеки РАН две рукописные карты: «План города Урги» (1858–1859) Генерального штаба подполковника К. Ф. Будогосского (Будоговского), и «Маршрут от города Троицкосавска до города Урги, глазомерно снят причисленным к Генеральному штабу гвардии поручиком Турбиным в 1857 году» (рис. 2).

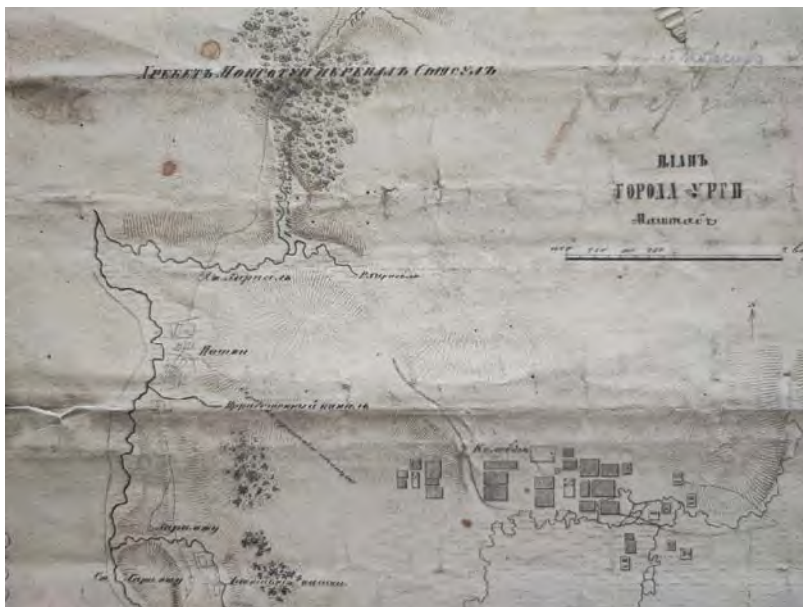

Рис. 2. «Маршрут от города Троицкосавска до города Урги, глазомерно снят причисленным к генеральному штабу Гвардии поручиком Турбиным в 1857 году» (фрагмент)

Любопытны «Карта Монголии и Маньчжурии с обозначением стран, пограничных с Сибирью, составлена по Бергхаусу Н. Зуевым с дозволения Военно-Топографического депо» (1855), «Карта южной половины Восточной Сибири, части Монголии, Маньчжурии и Сахалина» (1864). Также следует упомянуть о картах, составленных Волковым в 1858 г. («Караванный путь Урга – Калган») и Шимковичем в 1859 г. («Улясутайский тракт»). В дальнейшем они уточнялись и дополнялись другими топографами (рис. 3).

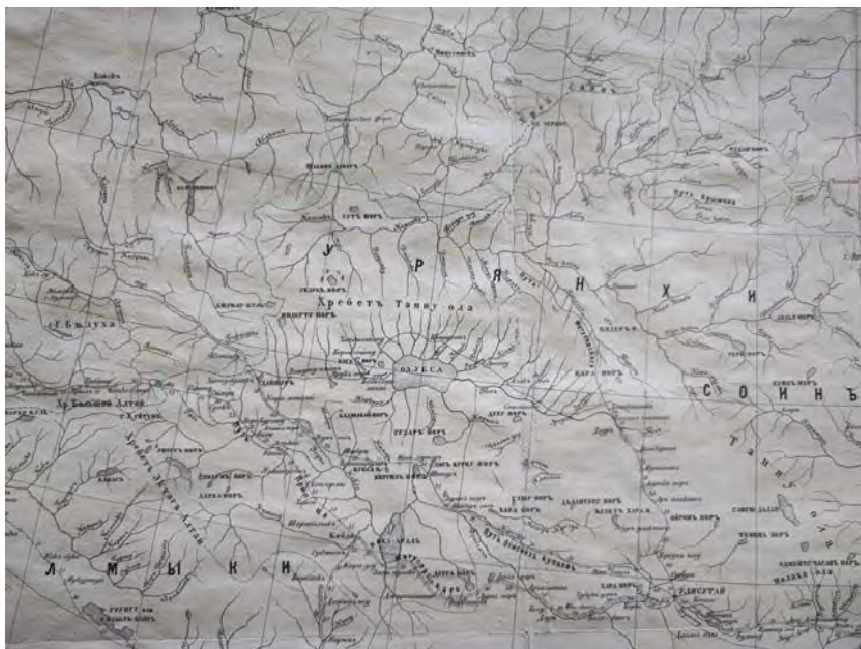

Рис. 3. М. И. Венюков «Карта Северо-Западной Монголии. 1871» (фрагмент)

Для профильных специалистов могут быть полезны карты с обозначением монастырей, княжеских стойбищ, урочищ, земляных валов, крепостей, почтовых станций и даже уже не существующих поселений (например, «Карта Восточной Монголии» (1830-е гг.), «Карта Западной Монголии и Восточного Туркестана» (первая половина XIX в.), «Маршрутная карта пути от пограничного караула Суок до города Хобдо (автор А. Принтц, 1865) и др.

Но в целом карты этого времени не всегда можно назвать удачными, поскольку зачастую они были неточными и в основном базировались на непроверенных китайских источниках. И даже в самом лучшем для того времени «Новом Атласе всех частей света» («Военно-топографическое депо». СПб, 1870) достоверно представлены лишь прилегающие к России территории Северной и Восточной Монголии. «Таким образом, можно сделать вывод, что знания о Центральной Азии в России, как и в Европе, вплоть до 70-х гг. XIX в., были весьма скудными и фрагментарными, а изображавшие рельеф этого региона карты – крайне схематичными, со многими белыми пятнами неисследованных пространств» [Андреев, 2013, с. 13] (рис. 4).

Рис. 4. «Карта Монголии» (фрагмент). Сост. М. В. Зайцев, г. Харбин. Нач. XX в.

Ситуация изменилась после монгольской экспедиции Н. М. Пржевальского 1870–1873 гг., в ходе которой выяснились многочисленные неточности и ошибки в уже изданных материалах, а также нанесены на карту ранее достоверно неизвестные районы Монголии. Пржевальский большое внимание уделял топографии и составлению полевых маршрутных карт: «При делании карты я наносил на нее: направление нашего пути, жилые оседлые пункты (города, деревни, фанзы, кумирни, но не переносные юрты), колодца, озера, руки и ручьи, хотя бы самые незначительные, наконец, горы, холмы и общую конфигурацию местности, насколько можно было ее видеть по сторонам» [Пржевальский, 1875, с. 80].

Последовавшие в дальнейшем многочисленные экспедиции сопровождались как составлением новых карт, так и внесением уточнений и дополнений в уже изданные. Это касается экспедиций П. А. Ровинского (1870–1872 гг.), З. Л. Матусовского (1874–1875 гг.), Ю. А. Сосновского (1874 г.), С. Т. Мирошниченко (1879 г.), П. А. Рафаилова (1876–1877 гг., карта Северо-Западной Монголии), Г. Н. Потанина (1876–1877 гг., 1879–1880 гг., карты Монголии 1879 и 1883 гг.), М. В. Певцова (1883 г.), В. А. Обручева (1892–1894 гг.), П. К. Козлова (1899–1901 гг., 1907–1909 гг.), Н. М. Ядринцева (1889 г., топограф П. И. Смысловский), И. И. Стрельбицкого (1894 г.), В. В. Сапожникова (1905, 1906, 1908,

Тем не менее степень изученности Монголии все еще оставляла желать лучшего. Так, В. А. Обручев уже в начале XX в. отмечал: «Мы изучили Монголию недостаточно, а в некоторых отношениях даже значительно меньше, чем далекий, труднодоступный, негостеприимный Тибет. <...> Мы имеем недостаточные знания даже о ее географии, так как рядом с местностями, известными более или менее хорошо, находим почти или совершенно неизученные...» [Обручев, 1924, с. 290].

При этом нельзя сказать, что изучение богатого картографического наследия Монголии того времени нашло достойное отражение в научной литературе и в наше время. Внимание уделялось только экспедиционным картам, да и то в основном с описательной стороны. Примечательно, что в недавно вышедшей большой книге А. В. Постникова, посвященной историко-географическим исследованиям и картографированию Центральной и Средней Азии, о Монголии практически ничего не сказано [Постников, 2007]. Совершенно не упоминается Монголия и в сводной работе В. В. Глушкова (при этом, например, Китай, Япония и даже Корея в ней представлены) [Глушков, 2007].

Касается это и современных монгольских исследователей. Согласно мнению таких специалистов, как О. Бямба и Б. Бямбацэрэн, историческое развитие картографии Монголии можно разделить на три этапа: до 1921 г., 1921–1990 гг. и период с 1990 г. И если периоды после 1921 г. нашли свое отражение в литературе, то этап до 1921 г. еще ждет серьезного исследования. Поэтому и рассматривают авторы только второй и третий этапы, первый же остался вне рамок исследования [Бямба, Бямбацэрэн, 2016, с. 84–90].

В то же время в архивах Санкт-Петербурга сохранился огромный массив монгольского картографического материала, который в силу разных причин до сих пор остается до конца неизученным, а, зачастую и не введенным в научный оборот. В первую очередь это касается собраний Русского географического общества, Библиотеки Российской Академии наук, Российской государственной библиотеки. Речь идет не только об экспедиционных картах. Совершенно неизученными и не описанными остаются многие тематические карты (караванных и торговых путей, караванов и почтовых станций, этнографические, существует даже карта Монголии для переводчиков и др.), не говоря уже о таком важнейшем источнике, как карты Монголии Генерального Штаба Российской армии.

Многие из них неизвестны не только монгольским специалистам, но и отечественным. Например, огромный интерес монгольских ученых вызвала представленная автором настоящей статьи в музее Чингисхана (Улан-Батор) большая «Этнографическая карта Монголии (конец XIX – начало XX в.)», хранящаяся в Библиотеке РАН (рис. 6). Она была охарактеризована монгольскими коллегами как «совершенно уникальная».

Рис. 6. «Этнографическая карта Монголии (конец XIX – начало XX в.)» (фрагмент)

И какое было удивление, когда во время путешествия по Монголии в краеведческом музее г. Улиастая на экспозиции была обнаружена копия карты «Схема монгольских караванов и почтовых станций в Монголии», составленная Р. Бимбаевым в начале XX в. (Библиотека РАН), но переведенная на уйгурский язык с пометкой «XVII–XX вв.» (рис. 7).

Ждут своего изучения, например, «Карта Монголии» (1911) с обозначением сфер влияния в Монголии России, Англии и Японии, карты Кобдосского и Убанорского аймаков (1913–1914), «Карта Северо-Западной Монголии, составленная монголами» (1911) (рис. 8), «Карта Монголии и Северо-Западного Китая с обозначением главных караванных путей, ведущих из внутреннего Китая на рынки Притяньшанского края (конец XIX – начало XX в.), «План города Урги» (XIX в.) и мн. др.

Всего на сегодняшний день выявлено более 150 карт Монголии XVIII – начала XX в., и этим далеко не исчерпывается наследие монгольской картографии в российских собраниях.

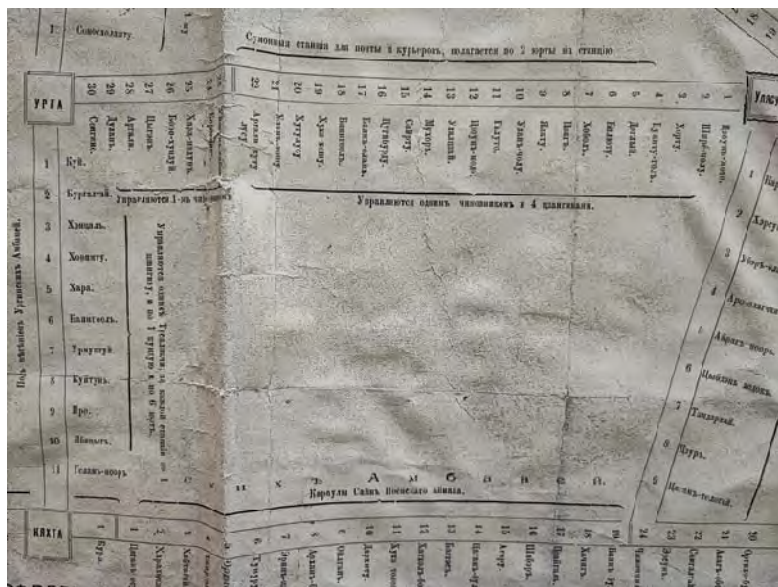

Рис. 7. «Схема монгольских караванов и почтовых станций в Монголии» (фрагмент)
Сост. Р. Бимбаев. Начало XX в.

Рис. 8. «Карта Северо-Западной Монголии, составленная монголами» (фрагмент). 1911

Поэтому представляется необходимым продолжить работу по изучению всего массива монгольского картографического материала, который, кроме прочего, является и важным историческим источником, подготовить к изданию каталог карт и планов Монголии, хранящихся в собраниях Санкт-Петербурга. Его научное издание даст возможность специалистам разного профиля получить для своей работы важные и интересные документы, представить бесценный материал для дальнейших исследований всем, кто интересуется историей, культурой, экономикой, географией Монголии.

Библиографический список

1. Андреев А. И. Введение. Центральная Азия: ее исследование и исследователи // Российские экспедиции в Центральную Азию: организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг. : сб. ст. СПб. : Нестор-история, 2013. С. 10–55.
2. Бямба О., Бямбацэрэн Б. «Историческое развитие и современное состояние картографии Монголии // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2016. Международная научная конференция «Геодезия, геоинформатика, картография, маркшейдерия» : сб. материалов. Т. 1. Новосибирск : СГУГиТ, 2016. С. 84–90.
3. Глушков В. В. История военной картографии в России (XVIII – нач. XX в.). М. : ИДЭЛ, 2007. 528 с.
4. Мурзаев Э. М. Географические исследования Монгольской народной республики. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 212 с.
5. Обручев В. А. Об очередных задачах исследования Монголии // Новый Восток. 1924. № 6. С. 287–305.
6. Постников А. В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). Роль историко-географических исследований и картографирования. М. : Памятники исторической мысли, 2007. 462 с.
7. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии. Т. 1. СПб : Изд. Рус. геогр. о-ва, 1875. 383 с.
8. Щукина Н. М. Как создавались карты Центральной Азии. Работы русских исследователей XIX – начала XX в. М. : Географгиз, 1955. 242 с.

LANGUAGE SITUATION IN CHINA AND BELARUS: A BRIEF OVERVIEW

Abstract. This article briefly describes the language situation in China and Belarus, taking into consideration the languages used on the territories of two countries and the processes that led to the establishment of current language situations.

Keywords: language situation, China, Belarus.

Е. А. Бурдель

Гуандунский университет иностранных языков
и внешней торговли, Гуанчжоу

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КИТАЕ И БЕЛАРУСИ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Аннотация. Кратко описывается языковая ситуация в Китае и Беларуси с рассмотрением языков, используемых на территориях двух стран, а также процессов, которые привели к установлению текущей языковой ситуации.

Ключевые слова: языковая ситуация, Китай, Беларусь.

According to the Cambridge English Dictionary, a *language* is “a system of communication consisting of sounds, words, and grammar, or the system of communication used by people in a particular country or type of work” [Cambridge ...]. It is a main communication tool in the society. A language contains some cultural beliefs, worldviews and characteristics of its speakers. It is very important for cultural variety and knowledge transition. It is also a crucial part of national identity. No wonder that during the course of history conquerors often tried to eliminate the language of native population. There are historical examples of governments carrying out targeted activities to exterminate indigenous languages, declaring their use illegal, as was the case in the Americas in the early period of colonialism or in Australia, where the native languages of the aborigines were banned to use until the 1970s, which led to the record for the number of dead or endangered languages: of the 400 languages that existed there at the beginning of the twentieth century, only 25 are now spoken. However, force is not necessarily used to make a language disappear. Sometimes it is only needed to create certain conditions when the learning of your mother tongue would be considered useless, as a person would not have an opportunity to speak the language anywhere outside home, e.g. providing education exclusively in colonists’ language or discriminating people speaking language that is not mainstream when they are looking for a job. However, such situations are not necessarily connected with colonization policy, even though the majority of cases not being directly connected with earlier colonizations are still the consequences of those. Sometimes, multilingualism plays a cruel joke, especially if a country has two or more official languages, but the majority of population speaks only one of them. There may be different

reasons for this phenomenon, for example, bordering countries and their language or the overall popularity of a certain language in the world. This paper briefly introduces the language situation in China and Belarus. Both have their peculiarities.

China

Today, China has one official language that is Standard Chinese, or Mandarin. However, there are also 129 [百度知道] (possibly, even more) dialects in China and majority of people use their native dialect in daily life, for example, while communicating with family and friends. Nevertheless, every school in China is required to teach Mandarin to students from kindergarten through high school. As a result of such a policy that began to be introduced in 1956 (linguistic unification policy), nearly everyone in China can speak Mandarin (we do not consider older generation or people not receiving education here). Basically, we can say that Chinese population is mainly bilingual with many dialects being mutually unintelligible – meaning they are so different from one another that speakers of one cannot understand speakers of another. That does not make a dialect a language officially, but in our point of view, we can still consider such cases as the representation of bilingualism, especially taking into consideration that sometimes the only thing that determines the status of linguistic system of communication as language or dialect is the country's policy and nothing more. With so many dialects, it is natural that the government wants to unify the country, to prevent it of being broken into pieces, so linguistic unification policy has been introduced. Beijing dialect was used as a base for Standard Chinese (普通话 meaning literally “common language”) in terms of pronunciation. Initially, Mao Zedong advocated a phonetic system based on Chinese characters, but in 1956 he approved the use of the romanized pinyin system, stating: “Let the ancient serve modernity and the western serve China” (“古为今用 · 洋为中用”) [毛泽东]. Thus, the Chinese Communist Party acted as the main driving force in promoting the unified language. As part of this policy, the Ministry of Education has set a goal striving to reach 85 % of the penetration rate of Mandarin in the country by 2025 [中华人民共和国教育部, 2021].

Despite of having so many oral forms of language, all of them share the same writing system. Chinese is considered to be developed over 6,000 years ago, which makes it one of the world's oldest written languages. However, the unified writing system was introduced a bit more than 2,000 years ago by Emperor Qin Shi Huang, the founder of the Qin dynasty and the first emperor of a unified China. Along with the unification of laws and currency, he also conducted the writing system unification which is alive nowadays. Nevertheless,

under the influence of illiteracy eradication policy in the previous century, traditional characters underwent significant changes becoming simplified. Traditional writing is still preserved, but simplified system became prevalent (except for some regions like Hong Kong and Macao).

Nowadays, Chinese government tries to preserve all the existing dialects understanding their value for cultural and intellectual diversity. National dialects are introduced as part of school curriculum, research is conducted helping to understand the peculiarities of certain dialects and their development tendencies etc. Hopefully, China will remain a multilingual country with a strong sense of unification.

Belarus

The language situation in Belarus is quite peculiar. Belarus has two official languages: Belarusian and Russian. Both belong to the East Slavic languages, came from Old Slavic and are mostly mutually intelligible. The peculiarity of the language situation in Belarus lies in the fact that the majority of population uses Russian for their daily communication, no matter whether this communication takes place at work, at home or between friends. At the same time, according to the results of the census of 2019, 54.1 % of population claimed Belarusian to be their mother tongue. Yet, only 26.0 % admitted that they use Belarusian at home. The tendency seems to be discouraging. For instance, during the 1999 census (the first census of the independent Republic of Belarus), 85.6 % of Belarusians considered Belarusian as their mother tongue. Ten years later, in 2009, there were only 61.2 % of such respondents. In 2009 30.0 % of respondents said that they speak Belarusian at home, although in 1999 there were 41.3 % of them. There is a vivid tendency of the number of Belarusian residents using the Belarusian language in everyday life being significantly decreasing over the past 20 years [Итоги ... , 2021].

The main reason, from our point of view, is political. Belarus became fully independent only in 1991 after the dissolution of the Soviet Union. Naturally, in the Soviet Union the main language was Russian as the language of the country with the biggest territory that made the base for the Union. In 1995 the referendum was conducted where one of the issues was connected with the language situation, to be more precise, the question had the following formulation: "Do you agree with giving the Russian language an equal status with the Belarusian one?" [Вопросы ...]. 83.3 % voted for the point, which decided the destiny of the Belarusian language. It is pretty evident that the majority of population would prefer to use the language that is more widely spread and understood by a larger number of people in other countries.

The government understands the necessity of preserving the language. The Belarusian language and literature are taught at schools and the language is a compulsory subject for final exams. The Belarusian language is also taught during the first semester at the universities, regardless of your major and na-

tionality. The problem is, even though the whole population studies the language for at least 11 years, the majority still cannot speak it, even though there are no problems with understanding. This situation can be observed, because with the support of the government, there are commercials in Belarusian, the bus stops are announced in Belarusian, there are some television programs and even channels broadcasting in Belarusian. As a matter of fact, you cannot work as a reporter or a news caster on the national radio or television if your Belarusian is not fluent. However, all these measures are evidently not enough for the revival of Belarusian. During the last decade more enthusiasts appeared, who are trying to revive the language as well by organizing different activities exclusively in Belarusian, dubbing movies to Belarusian, translating and publishing famous books in Belarusian, but unfortunately the scale of such activities is not big enough yet.

Belarusian territory was never monolingual during the course of history, because it was a part of different state formations speaking different languages and local people always treated foreigners tolerantly. One more interesting historic fact considering multilingual environment on the Belarusian territory is the following: from the beginning of 1920s till 1936 there were 4 official languages in the Belorussian Soviet Socialist Republic, namely Belarusian, Russian, Polish and Yiddish (a mix of Jewish and German).

The other interesting linguistic phenomenon in Belarus is the so-called “trasyanka” (трэсянка): a form of mixed speech in which Belarusian and Russian elements and structures are used together. The word “trasyanka” began to be used in connection to language in the end of the 1980s. The original meaning of the word is a “low-quality mixture of hay and straw”, which shows the negative attitude to such a form of speech. However, nowadays there are two opposite views towards this linguistic phenomenon. The first states that trasyanka is a “corrupted” language that arose as a result of the distancing from the “real” Belarusian language under the influence of Russian assimilation. However, there is also another point of view stating that trasyanka is actually the real Belarusian folk language, in contrast to the artificial literary canon, formed under strong Polish influence and on the principle of maximum distance from Russian. One way or another, this phenomenon exists and finds its reflection in modern culture as well. Some of the analysts even think that the language that the Belarusian population names as Belarusian during the census while stating it as the one spoken at home is in fact not literary canonic Belarusian, but trasyanka.

On the whole, we can see that China is an officially monolingual country, de facto being multilingual with a big proportion of population knowing at least two “languages”, and such situation is likely to continue. Belarus, on the contrary, being officially bilingual, in fact cannot boast bilingual population, at least in the full sense of the word. What is more, there is a negative tendency of the decreasing usage of the Belarusian language, which is a pity, as with the death of the language part of the world culture would be irretrievably lost as well.

Библиографический список

Вопросы республиканского референдума в Республике Беларусь 14 мая 1995 года. URL: <https://rec.gov.by/uploads/folderForLinks/archive-referenda-1995-questions.pdf> (дата обращения: 21.04.2024).

Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Статистический сборник // Минск : Альтиора Форте, 2021. 491 с.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-chinese-simplified/language> (дата обращения: 25.04.2024).

百度知道. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/1146113.html> (дата обращения: 26.04.2024).

毛泽东. 书信选集·致陆定一. URL: https://wenku.baidu.com/view/6ff15f39aa8271fe910ef12d2af90242a995ab1c.html?_wks_=1715155880109&bdQuery=古为今用%2C洋为中用 (дата обращения: 26.04.2024).

中华人民共和国教育部. 2021. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/2021/2021_zt20/24_gzdt/24_xwg/202109/t20210916_563722.html (дата обращения: 23.04.2024).

РАЗДЕЛ V

ВОСТОКОВЕДЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.521'373.23

Л. А. Воробьева

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ В ЯПОНСКИХ АНТРОПОНИМАХ

Аннотация. Рассмотрены колоративы как знаки национального кода японской лингвокультуры. Проведен анализ использования иероглифического и образного обозначений колоративов в японских именах собственных.

Ключевые слова: цветообозначение, колоративы, антропонимы, японская лингвокультура, национальный код.

L. Vorobeva

Irkutsk State University, Irkutsk

COLOR DESIGNATIONS IN JAPANESE ANTHROPNYMS

Abstract. The purpose of the article is to consider Japanese colors as signs of the national code of Japanese linguistic culture. The analysis of the use of hieroglyphic and figurative designations of coloratives in Japanese proper names is carried out.

Keywords: color designation, colors, anthroponyms, Japanese linguistic culture, national code.

Цвет, являясь неотъемлемым компонентом культуры, представляет собой сложную систему коннотативных смыслов. Согласно существующим исследованиям, восприятие цвета у каждого человека индивидуально, это свидетельствует о том, что один и тот же объект люди могут видеть по-разному. Следовательно, имея определенную когнитивную базу, представитель одной лингвокультуры воспринимает цвет иначе, чем представитель другой. По мнению Л. Витгенштейна, объекты бесцветны, лишь определенный индивид наделяет окружающую реальность цветовой гаммой [Драгалина-Черная, 2020, с. 148]. Из всех качеств физической внешней реальности цвет представляет один из важнейших ориентиров для человека познающего и оценивающего, опирающегося на зрительные ощущения. Он позволяет составить относительно очевидную характеристику объектов окружающей действительности, и вместе с тем порождает различные интерпретации и обозначения в знаках.

Попытки осмыслить природу цвета как особого феномена имеют давнюю историю, однако появление гипотезы лингвистической относи-

тельности Сепира – Уорфа, с 1930-х гг. актуализовало проблему цветообозначения с точки зрения его языковой категоризации. Колоративы, отражая процессы восприятия и концептуализации цвета, стали объектом изучения для различных направлений гуманитарного знания, в том числе семиотики культуры.

Цветообозначение стало ярким примером наличия неразрывной связи между языком и мышлением, отражая способ познания окружающей действительности. Доказательством того, что в отдельно взятых лингвокультурах познание действительности через обозначение цвета происходит особым образом, являются разнящееся количество цветообозначений, относящихся к базовым колоративам того или иного языка, и разная идентификация того или иного цвета. Отметим, что вопрос о точном составе основных знаков японской системы колоративов является дискуссионным. В некоторых источниках [Гладкина, 2010; Завьялова, 2011; Нагасаки, 1977] говорится о том, что сначала к базовым относились всего два цвета: *あか ака* в значении «светлый» и *くろ куро* – «темный». Затем система расширилась до четырех колоративов: *しろ сиро* «белый», *くろ куро* «черный», *あか ака* «красный», *あお ао* «голубой», «зеленый», «синий». Позднее к ним добавился *きいろ кииро* «желтый». В настоящий момент система цветообозначений японского языка представляет собой палитру из десяти цветов: *しろ сиро* «белый», *くろ куро* «черный», *あか ака* «красный», *あお ао* «голубой», «зеленый», «синий», *きいろ кииро* «желтый», *みどり мидори* «зеленый», *はいろ хайро* «серый», *だいだい* *ро дайдайро* «оранжевый», *ちゃいろ тяиро* «коричневый», *むらさき мурасаки* «фиолетовый» [Воробьева, 2021, с. 31].

Задачей нашего анализа является выявление лингвокультурологической значимости базовых японских цветообозначений, являющихся компонентами антропонимов. Материалом анализа послужили японские имена собственные, отобранные методом выборки из онлайн-словаря личных имен [お名前辞典].

В имени собственном отражается глубокое культурное наследие, поскольку оно представляет собой единицу языка и культуры. Несмотря на то что имянарекение является социально маркированным и изначально не имеет понятийной связи с референтом, оно носит лингвокультурологический характер, отражая наиболее значимые для человека и общества ценностные смыслы, а также эпохальные события и изменения.

В Японии существуют определенные правила. Зарегистрировать имя ребенка необходимо в течение 14 дней со дня рождения, однако определиться с именем необходимо до седьмого дня от рождения, а именно к «празднику по случаю выбора имени» *名づけの祝い надзуке-но иваи* [Тразанова, 2022, с. 178]. В именах достаточно часто используются иеро-

глифические обозначения, список которых регулируется документом Министерства юстиции 「子の名前に使える漢字」 *ко-но намаэ-ни цу-каэру кандзи* «Иероглифы, которые можно использовать в имени ребенка». Также существует список иероглифов, которые категорически запрещено использовать, к примеру: 嘘 *усо* «ложь», 癌 *ган* «рак», 糞 *кусо* «кал», 屍 *сикабанэ* «труп», 呪 *норой* «проклятие» и т. п.

Подбирая иероглиф к имени, родители часто ориентируются на свои ожидания, идеалы, убеждения, отождествляя будущее своего ребенка со значением выбранного знака, программируя малыша на светлое, здоровое, счастливое будущее. Список распространенных иероглифов для имен собственных варьируется в зависимости от времени и социальных ценностей. Однако, как показывает анализ, иероглифы, номинирующие цвета, являются достаточно распространенными.

Так, знак 色 *иро* «цвет» в прямом значении и по своей внутренней форме обозначает характер цвета, различимый человеком в зависимости от длины световой волны, указывает на определенный оттенок, выражение лица и чувственного наслаждения [研究社割辞典, 2000, с. 72]. В онлайн-словаре представлено 225 имен с данным компонентом – 164 женских и 61 мужское. Среди дополнительных параметров, влияющих на коннотацию имени, представлено значение иероглифа – *яркий цвет* – символ жизни и радости, графическое изображение придает значение эмоциональности, индивидуальности, красоты и элегантности, любви и привязанности, баланса и гармонии [赤ちゃん名前辞典 ...]. Используя данный символ в имени ребенка, родители прежде всего выражают надежду на то, что он вырастет красивым, любящим человеком с разносторонними способностями. К примеру, существуют следующие имена с данным компонентом: 杏色 *Ai*, созвучное со словом «любовь», в составе которого используется иероглиф 杏 *андзу* «абрикос», символизирующий в японской лингвокультуре красоту не только внешнюю, но и внутреннюю, олицетворяющий желание прожить плодотворную жизнь подобно дереву, приносящему много плодов; 色優 *Ию*., где иероглиф 優 *ю* переводится как «оценка отлично», добавляя значение превосходства, изысканности, квалифицированности и производительности.

Рассмотрим компонент 赤 *ака* «красный», репрезентирующий в японской лингвокультуре красоту и безупречность, чистоту, молодость и невинность. Словарь насчитывает 44 имени с ним, из них 32 мужских и 11 женских. При толковании имени проявляются следующие коннотации: яркий, активный, страстный, энергичный, любящий жизнь, искренний, проявляющий истинные чувства и эмоции. Данный компонент ассоциируется с летом, которое, в свою очередь, символизирует радость, счастье и энергию жизни. В качестве примера рассмотрим несколько мужских

имен: 赤史 *Акаси*, иероглиф 史 *си* «история» привносит в имя дополняющие значение важности самовыражения, обозначая ценность прошлого; 赤矢 *Акая*, где 矢 *я* «стрела» символизирует силу, мужество, защиту, справедливость, честность, порядочность, порядок и единство, верность, подкрепляя значение цветообозначения в японской лингвокультуре.

黒*куро* «черный» в противовес «белому» и «красному» символизирует неудачу, вину, злость. Как и белый, черный цвет активно вовлечен в обозначение чувств и эмоций, что прослеживается в целом ряде фразеологических единиц японского языка. Например, выражение 黒である *куро-дэ ару* «быть виновным» дословно переводится как «быть черным», はらが黒い *хара-га курой* «злой» обозначает «черный живот», что напрямую зависит от содержательного аспекта, поскольку по семантике колоратив 黒*куро* «черный» соотносят с понятием «тьма».

При этом в семантическом потенциале выражений с колоративом «черный» выявляется явный оценочный контраст. Наряду с негативной оценочной сферой, данный колоратив проявляет способность обозначать позитивные признаки и маркировать позитивно-уважительное отношение к окружающим. Так, в финансовой сфере прибыль отмечается черным цветом, убытки – красным, поэтому черный является также признаком благополучия.

Согласно онлайн-словарю японских имен, компонент «черный» встречается чаще в мужских именах (20 из 32). Например, мужское имя 黒白 в качестве личного имеет несколько чтений: *Осоу*, *Куросиро*. Здесь балансируют два противоположных цвета – белый (обозначает чистоту, невинность, силу коммуникации) и черный (привносит глубокую мощную таинственную энергию, мудрость, символизируя интеллект, проницательность, знания, но также и несоответствие стандартам).

Таким образом, по результатам анализа можно сделать вывод, что цветообозначения, входящие в состав личных имен, описывают психологические, социально ориентированные качества их носителей. Доминирующими выступают справедливость, честность, мудрость, производительность, что, несомненно, свойственно японскому народу. Так, имя собственное как идентификатор отдельной личности представляет собой культурный феномен и отражает историю, традиции, мировидение и ценности нации.

Библиографический список

- Воробьева Л. А. Содержательный и моделирующий аспект колоративов в японской лингвокультуре // Филологическое образование и современный мир : материалы XVII Международ. науч.-практ. конф. Чита, 9 апр. 2021 г. В 2 ч. Ч. 2. Чита : Изд-во ЗабГУ, 2021. С. 30–32.
- Гладкина А. С. Особенности цветообозначения в японской культуре // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 11. С. 204–216.

Драгалина-Черная Е. Г. Цвета в логическом пространстве Людвига Витгенштейна // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 146–156.

Завьялова Н. А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России. Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2011. 320 с.

Тразанова Н. Ю. Имя как знак судьбы в японской лингвокультуре // Вестник ПГУ. 2022. № 3. С. 178–183.

Nagasaki Seiki. Iro no Nihonshi. The Japanese history of colour. Tokyo, 1977. 238 p.

研究社和露辞典 [テキスト] / 編者: 藤沼貴 – 東京: 研究社, 2000. 1183 p.

お名前辞典 [電子リソース]. URL: <http://name.m3q.jp/> (дата обращения: 06.05.2024).

赤ちゃん名前辞典 [電子リソース]. URL: <https://b-name.jp/> (дата обращения: 06.05.2024).

УДК 811.581

Н. Н. Воропаев

Институт языкознания РАН, Москва

ОТ ДЯНЬГУ К ЧЭНЬЮЙ

Аннотация. Проведено сопоставление фразеологизмов китайского языка *дяньгу* и *чэньюй*. Словом «дяньгу» обозначают и прецедентные сюжеты, лежащие в основе чэньюев, и разного рода тропы или логоепистемы, которые в текстах и речи представляют древние прецедентные сюжеты или высказывания (цитаты). Сделан вывод, что суть и функция дяньгу-тропов и чэньюев одна – делать язык образным, выразительным и не давать забывать богатую историю Китая, хотя они часто различаются по форме, степени известности и сферам употребления.

Ключевые слова: китайский язык, дяньгу, дяньгу-сюжет, дяньгу-троп, чэньюй, фразеология, прецедентные феномены.

N. Voropaev

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

FROM DIANGU TO CHENGYU

Abstract. The purpose of the article is to compare Chinese phraseological units *diangu* and *chengyu*. The word *diangu* denotes both precedent plots underlying *chengyu* and various kinds of tropes or logoepistemes that represent ancient precedent plots or statements (quotes) in texts and speech. The author concludes that the essence and function of *diangu*-tropes and *chengyu* are the same – to make the language figurative, expressive and not to let the rich history of China be forgotten, but they often differ in form, degree of popularity and areas of use.

Keywords: chinese language, *diangu*, *diangu*-plot, *diangu*-trope, *chengyu*, phraseology, precedent phenomena.

Всем китаистам и увлекающимся китайским языком россиянам известен такой классический стандарт китайского фразеологизма или идиоматического выражения, как чэньюй (成语). Основными его характеристиками считаются четырехсложная форма, построение по нормам старого классического письменного языка вэньянь, связь с историческими или вымышленными событиями и персонажами, наличие определенных источников. Хотя не все чэньюй состоят из четырех иероглифов, бывают

исключения, например: 行百里者半九十 ‘девяносто ли из ста это только половина пути – последние шаги самые трудные, самое трудное – финал’; 运用之妙, 存乎一心 ‘искусное, гибкое и хитроумное применение войск полностью зависит от способности мыслить – образно так говорят о выдающемся искусстве оперативного управления боевыми действиями’; 前事不忘, 后事之师 ‘прошлое, если его не забывать, учит как быть в настоящем и что сделать ради будущего’; 失之东隅, 收之桑榆 ‘где-то что-то теряешь, а где-то что-то находишь вместо утраченного’; 一失足成千古恨 ‘одна ошибка может привести к тому, что придется раскаиваться всю жизнь’; 二人同心, 其利断金 ‘единодушные крепче стали (букв. если люди единомышленники, то их единство подобно прочному лезвию, которое способно рассечь металл), обр. дружба – большая сила’ [王俊, 2015].

Подавляющее же большинство чэньюев действительно состоят из четырех иероглифов, например: 哀兵必胜 ‘скорбящие воины должны победить – победа на стороне негодующих; победа на стороне защищающихся’; 人杰地灵 ‘человек выдающийся – земля радуется – место, прославившееся благодаря кому-то; не место красит человека, а человек – место’ [Готлиб, Му Хуаин, 2019, с. 13, 356].

Но важнее в них, конечно же, не форма, а содержание, ведь эти единицы кроме житейской мудрости и типичных явлений жизни человека зафиксировали на века важные исторические и культурные сведения.

Сейчас чэньюи «наиболее употребительные и распространенные фразеологические единицы китайского языка. Общепринято, что именно эти единицы представляют собой некий “идеал” китайской идиоматики, и именно их название часто воспринимается как общий термин идиоматики в целом» [Там же, с. 10].

Четырехсложная форма чэньюев играет немаловажную роль в том, что они занимают такое важное место в китайском языке и культуре. Четыре иероглифа/слогоморфемы – это ритмический стандарт современной китайской лексики, в которой основной ритмически устойчивой и гарантированно однозначно понятной на слух единицей является двуслог, и многие словосочетания тоже получаются часто четырехсложными, например: 采取措施 ‘принять меры’; 消灭敌人 ‘уничтожить противника’; 取得胜利 ‘одержать победу’; 符合条件 ‘соответствовать условиям’; 固定词组 ‘устойчивое словосочетание’; 待业青年 ‘ожидающая трудоустройства молодежь’ и т. п.

«Особенность чэньюев – их письменное происхождение. Все они являются собой фрагменты философских или художественных текстов, ставших, благодаря изысканности и отточенности своей формы и своей идиоматики, самостоятельными единицами китайского языка и китайской культуры. Их изначально письменная природа налагает свой особый от-

печатак и на лексико-грамматическую форму этих единиц – все они в той или иной мере архаичны. Это дает основание считать, что фразеологизмы-чэньюй входят в число составляющих культурного блока 雅, в отличие от 俗. Культурно-языковая парадигма 雅 / 俗, которая в какой-то степени аналогична древнегреческой кали-/како-, как нам кажется, является одной из базовых этнокультурных оппозиций, требующих серьезного изучения» [Готлиб, 2019, с. 10].

Если подробнее рассматривать содержательную часть чэньюев, то надо отметить, что часто в большинстве словарей и особенно специальных сборниках чэньюй обязательно дается информация об источниках их происхождения, рассказы, описания сюжетов, в которых часто упоминается слово дяньгу (典故). Например, в сборнике [王俊, 成败篇, 2015, с. 93] в статье о чэньюе 一举两得 ‘одним действием добиться двойной выгоды; обр. одним выстрелом убить двух зайцев’, кроме всего прочего, говорится: “一举两得” 这个成语的典故出自汉代司马迁《史记·张仪列传》 ‘Сюжет чэньюя «одним действием добиться двойной выгоды» происходит из жизнеописания Чжан И «Исторических записок» Сыма Цяня, жившего во времена династии Хань’. В альбоме про город Таншань встречаем такую фразу: “不食周粟”、“老马识途” 等典故都发生在这里。 ‘Не желать есть хлеб [династии] Чжоу (обр. оставаться верным свергнутой династии)’, ‘старый конь борозды не испортит (многоопытный)’ и другие исторические события, ставшие классическими прецедентами (букв. дяньгу), произошли здесь’ [唐山, 2007, с. 1]. В сборнике [王俊, 团结篇, 2015, с. 73] после описания истории происхождения чэньюя 离心离德 ‘«Отойти духовно и морально» – жить в разладе с самим собой и обществом; быть далекими друг от друга в мыслях и в чувствах; отсутствие единства и идейный разброд; моральный разлад; сепаративность’ автор подытоживает этот текст таким предложением: 从这个典故便有了 “离心离德” 这个成语。 ‘Благодаря этому дяньгу (букв. из этого дяньгу) и возник чэньюй «отойти духовно и морально»’.

В статьях на тот или иной чэньюй в китайской электронной энциклопедии часто даются следующие разделы: 成语出处 ‘источник чэньюя’, 成语典故 ‘классический сюжет/прецедент, который лег в основу чэньюя’, 成语寓意 ‘посыл чэньюя’, 成语用法 ‘способ употребления чэньюя’ [Статья на чэньюй 不食周粟].

Таким образом, становится понятно, что все чэньюй базируются на дяньгу-сюжетах. Полагаем, что исследование феномена дяньгу способно помочь лучше разобраться в системе китайской фразеологии и осознать важность выражений чэньюй и даже практически может помочь лучше понимать смыслы и запоминать их.

Слово «дяньгу» по большому счету употребляется в китайском языке в двух значениях: 1) для обозначения классических прецедентов (событий истории, описанных в разных произведениях и вымышленных эпизодов литературных произведений); 2) для обозначения языковых единиц, с помощью которых в языке и культуре зафиксировалась информация и память об этих событиях и эпизодах и которые используются как стилистические тропы.

Рассматривая второе значение, необходимо отметить, что в Китае, помимо большого числа словарей чэньюев, издается не меньшее количество словарей дяньгу. Часто дяньгу встречаются в словарях чэньюев и, наоборот, чэньюи встречаются в словарях дяньгу. Далее для удобства мы будем разграничивать две эти функции слова дяньгу путем использования терминов «дяньгу-сюжеты» и «дяньгу-тропы».

Также необходимо отметить, что во многих словарях дяньгу-тропов по некоторым дяньгу даются разные по форме варианты, которые, видимо, в разное время авторы использовали в своих произведениях, и в современном китайском языке все эти формы могут встретиться. Следует также иметь в виду, что дяньгу-тропы в Китае подразделяют на два вида устойчивых выражений: сюжетное/событийное дяньгу 事典 ‘дяньгу-сюжет/событие’ – разнообразные по форме устойчивые выражения, которые в поэзии, прозе и речи указывают на конкретную старинную историю/сюжет или событие. И цитатное/словесное дяньгу 语典 ‘дяньгу-высказывание/выражение’ – слова или выражения из конкретных источников, цитируемые в поэзии, прозе и речи [赵应铎, 2014, с. 1].

По сути, дяньгу можно считать основой парадигмы прецедентных феноменов (ПФ) китайскоязычного культурного пространства, в которую входят прецедентные тексты (ПТ), ситуации (ПС), имена (ПИ) и высказывания (ПВ). Термин «дяньгу» подходит для обозначения прецедентных имен-эвентонимов, прецедентных высказываний-идиом и может использоваться как обобщающий термин ‘прецедентный феномен’ для всех ПТ, ПС, ПИ и ПВ [Воропаев, 2012, с. 40]. Это доказывает то, что многие ПИ также включаются и в словари чэньюев и в словари дяньгу, например: 月下老人 «Подлунный старец» – дух свадьбы, дух влюбленных, сват [Готлиб, 2019, с. 540] (ПИ-антропоним); 牛郎织女 «Волопас и Ткачиха» – обозначение супругов, которые проживают далеко друг от друга, вынуждены жить раздельно [朱祖延, 1985, с. 811] (ПИ-антропоним); 红娘 «Хуннян» – умелая сваха, способствующая счастливому браку [周苓仲, 1998, с. 272–274] (ПИ-антропоним); 刘姥姥进大观园 ‘бабушка Лю вошла в Сад Роскошных зрелищ (о человеке, впервые увидевшем что-то восхитительное, обычно шутливо о его малом кругозоре)’ [周苓仲, 1998, с. 275–277] (ПИ-эвентоним).

Примечательно, что в некоторых словарях дянью раздел об источнике называется 典源 ‘классический источник’, что вполне соответствует понятию «прецедентный текст» [于石, 2007]. Словарь китайской исследовательницы Чэнь Сяньчунь также дает нам соответствующие термины на китайском языке: 典型事件 ‘прецедентные ситуации (события)’ и 典型人物 ‘прецедентные имена-антропонимы (личности/персонажи)’ [陈贤纯, 1999].

После анализа словарей дянью и чэньюев становится ясно, что дянью и чэньюй – равнозначные по содержанию единицы. И те и другие включают в себя ген или продукт древности, т. е. передают фрагментарно очень сжато информацию о событии/эпизоде или цитируют литературное произведение посредством избранных из соответствующих текстов определенных иероглифов или фраз.

Дянью и чэньюй – это своего рода сокращения, которые характерны и для современного китайского языка. Этот механизм работает для сокращения специальной терминологии или разного рода наименований учреждений и т. п. Некоторые сокращения уже стали настолько устойчивыми и всем понятными, что утратили способность возвращаться к исходной форме, например, 地铁 ‘метрополитен’ уже не возвращается к полному наименованию 地下铁道, так как в этом не возникает необходимости: это сокращение всем понятно и привычно. Тем не менее в Китае издаются словари аббревиатур. Относительно новая и узкая терминология при необходимости способна возвращаться к своим полным вариантам, например, термин 球苗 является сокращением от 球虫疫苗 ‘вакцина против кокцидиоза’ и понятен специалистам, но для широкой публики (например, во время презентаций) используется полный четырехсложный вариант.

Однако дянью-тропы и чэньюй являются сокращениями не терминов или слов, а сокращениями (или представителями) в современном китайскоязычном культурном пространстве целых фрагментов древних стихотворений или текстов. И для полного понимания смыслов чэньюев и дянью-тропов приходится читать описания дянью-сюжетов, т. е. тексты, размещенные в специальных сборниках или словарях, поясняющие истории происхождения чэньюев и дянью.

В связи с этим показательной является фраза из статьи электронной энциклопедии про чэньюй 不食周粟 (перевод см. выше): 后人根据这个典故剪裁出 “不食周粟” 这则成语。‘Впоследствии люди на основе этого рассказа (сюжета) путем сокращения сформировали данный чэньюй «Не есть хлеб Чжоу»» [Статья на чэньюй 不食周粟]. Здесь использовано слово 剪裁 ‘1. кроить; кройка 2. вырезать, урезать, сокращать’, и оно ключевое для понимания механизма формирования дянью-тропов и чэньюев.

То есть читая тексты о происхождении чэньюев и дяньгу-тропов, мы понимаем, что во время таких сокращений на усмотрение авторов, которые хотели в своем произведении задействовать тот или иной сюжет или процитировать какое-либо произведение древности, избирались ключевые элементы в виде отдельных иероглифов.

Анализируя современные словари дяньгу, мы видим, что существует очень много дяньгу-тропов, которые состоят из двух, трех и четырех иероглифов. Видимо считалось, что чем меньше иероглифов используется, тем изящнее будет произведение. Но позже, для ясного и полного выражения идеи, авторы стали использовать более развернутые заимствования из четырех и более иероглифов. И самый благозвучный и ритмически устойчивый вариант в виде четырехслога, оказавшийся наиболее распространенным видом таких дяньгу-тропов, стал именоваться готовым выражением (чэньюй) и начал выходить в более широкое употребление, приобщая большее количество образованных людей к традиционной культуре Китая.

Как уже было сказано, чэньюй в основном четырехсложные, но встречаются и состоящие из большего количества иероглифов, также множество чэньюев относятся китайскими лексикографами одновременно и к дяньгу. Такие многосложные дяньгу-тропы/чэньюй часто все-таки сокращаются до удобной четырехсложной формы, например: 运筹帷幄之中, 决胜千里之外 ‘находясь в самой маленькой палатке, быть способным выработать действенный план, который принесет победу на полях сражений, находящихся на расстоянии тысячи ли (одна из самых высоких оценок главнокомандующему в Древнем Китае)’ [朱祖延, 1985, с. 1482] → 运筹帷幄 «Строить планы в шатре ставки» – разрабатывать стратегический план сражения; планировать и управлять [Готтлиб, Му Хуаин, 2019, с. 541; 周菱仲, 1998, с. 128–130].

Однако, как мы понимаем, и четыре иероглифа, и шесть, и даже двенадцать – это очень мало для понимания всего сюжета (события древности) или цитируемого старинного стихотворения/текста, поэтому процесс анализа, понимания и запоминания дяньгу-тропов и чэньюев более трудоемкий и требует больше времени, чем изучение и запоминание обычной лексики китайского языка. Для более ясного понимания таких единиц и уместности их употребления в тех или иных ситуациях почти всегда требуется ознакомиться с описанием дяньгу-сюжета, которое может быть достаточно объемным: от 100–300 иероглифов в словарях и до 1000 и более – в специальных сборниках [朱祖延, 1985; 陈贤纯, 1999].

Например, только ознакомившись с описанием дяньгу-сюжета про чэньюй 一举两得 ‘одним действием добиться двойной выгоды; одним выстрелом убить двух зайцев’, становятся понятнее и структура чэньюя, и его смысл: один смелый человек хотел одновременно убить двух тиг-

ров, но умный человек подсказал ему, что тигры как раз бьются за корову, и смелому человеку не стоит спешить, а надо подождать, когда сильный тигр убьет слабого, а сам окажется израненным и неспособным сопротивляться. В результате смелому человеку осталось только добить раненого и совсем неопасного тигра. Получается, что этот чэньюй говорит нам прежде всего о стратегии, о продуманной и хорошо спланированной подготовке и совсем минимальных трудозатратах и рисках: взять и добить одного раненого тигра (一举) и обрести славу победителя двух тигров (两得) [王俊, 成败篇, 2015, с. 93–95].

Только автоматическое заучивание чэньюев не помогает нам устойчиво и стабильно овладеть ими, помнить их и в подходящий момент употребить. Полагаем, что ознакомление именно с описанием дяньгу-сюжетов в соответствующих сборниках и словарях поможет запоминать чэньюи более осознанно и прочно.

Дяньгу-тропы примечательны тем, что они, в отличие от чэньюев, могут представлять в современных текстах и речи древние сюжеты и тексты в разных количественных формах от двуслога до трех-, четырех-, пяти- и более многосложных единиц. Например, рассмотрим дяньгу-троп 杞人忧天 ‘человек из (царства) Ци беспокоится о небе (что оно обрушится); обр. пустые страхи, необоснованное беспокойство’. В большом словаре дяньгу именно этот вариант является заглавным, и он же является каноническим, устоявшимся чэньюем на этот дяньгу-сюжет (и дан во всех словарях чэньюев). Но далее в статье даются еще 27 вариантов этого дяньгу-тропа, например: 杞国天, 杞国痛天摧, 杞国忧天, 杞虑, 杞人, 杞人思, 杞人天, 杞人忧, 杞忧天坠, 人忧杞国天, 杞天 и подобные [赵应铎, 2014, с. 608–609]. Как мы видим, все это вариации на тему базового дяньгу-тропа/чэньюя, и если хорошо запомнить и знать канонический чэньюй (заглавный дяньгу-троп), то все прочие варианты в разного рода стихах и текстах вполне возможно распознать, четко поняв намек автора. Так выглядят статьи по большинству дяньгу-тропов, у некоторых количество вариантов достигает более 65 [Воропаев, 2023, с. 22].

Таким образом, в словаре дяньгу представлены возможные варианты дяньгу-тропов, которые использовали авторы предыдущих эпох и могут использовать современные поэты и писатели в своих произведениях. Причем некоторые четырехсложные варианты в статьях словарей дяньгу-тропов, получается, не являются каноническими чэньюями и не входят в словари чэньюев, например: 杞国忧天.

Итак, в основе всех чэньюев лежат дяньгу-сюжеты, но также можно сказать, что и некоторые дяньгу-тропы, состоящие из четырех и более иероглифов, являются употребительными и широкоизвестными чэньюями. Это доказывает анализ двух словарей, который мы провели. 79 дянь-

гу из сборника «100 дяньгу» [周 芩 仲, 1998] вошли в большой словарь чэньюев [朱祖延, 1985]. Основная масса из не вошедших дяньгу (всего 21) – двуслоги, например: 捉刀 ‘писать за других; подменять, выступать подставным лицом’. Хотя в большом словаре чэньюев есть связанный с этим дяньгу трехсложный чэньюй 捉刀人 ‘теневой автор, литературный негр, литературный раб (фактический автор, работающий на другое лицо)’ [朱祖延, 1985, с. 1562], но здесь следует отметить, что трехсложная форма – большая редкость для чэньюев.

Таким образом, можно сделать вывод, что разница между дяньгу и чэньюями в том, что дяньгу-тропы могут быть любой количественной формы начиная от двуслога, а чэньюй в подавляющем большинстве четырехсложные. Получается, функция дяньгу-тропа состоит в том, чтобы зафиксировать или передать в любой форме (на усмотрение автора того или иного текста) тот или иной прецедент китайской истории и культуры или цитату. Но в силу того, что прецедентов этих благодаря долгой истории и непрерывной письменной традиции накопилось огромное количество, то и дяньгу-тропов тоже очень много, и не все они одинаково широко известны. Также дяньгу-тропы, особенно двусложные и трехсложные, присущи, видимо, больше письменной коммуникации. Поэтому самые важные прецеденты китайской культуры зафиксированы в форме более стабильных и ритмически устойчивых единиц языка, пригодных для устной речи – четырехсложных чэньюев. И основная масса чэньюев активно осваивается всеми социализированными китайцами в процессе обучения в детском саду, школе и вузе. А вот большим количеством дяньгу владеют, скорее всего, только ученые-филологи и любители классики. Поэтому в словарях часто даются возможные варианты дяньгу-тропов.

В словарях же чэньюев даются только уже готовые для использования в речи выражения обычно из четырех иероглифов, созданные на основе дяньгу-сюжетов и устоявшихся четырехсложных дяньгу-тропов, избранных в качестве канонических чэньюев. Видимо, переводить чэньюй на русский язык следует не как просто готовые выражения, а как подходящие для широкого и активного использования в устной и письменной языковой коммуникации социализированных носителей китайского языка.

Получается, что чэньюй – это стабилизированные четырехсложные дяньгу-тропы, выведенные в широкое массовое использование. Чэньюй можно уподобить своего рода ракетам-носителям, которые из глубин древнего космоса китайской культуры доносят для активного употребления широкими массами китайцев в современном дискурсе в удобной и стабильной форме наиболее важные знания о событиях истории и культуры, а также фрагменты китайской литературной классики, одновременно обогащая китайский язык.

Дяньгу-тропы другой количественной формы (двуслоги, трехслоги), а также менее известные четырех- и более сложные дяньгу-тропы являются не менее мощными и важными культурными элементами, но уже более высокого порядка, которые знают и используют в своих произведениях особого рода только очень начитанные и образованные китайцы, писатели, поэты или любители читать древнюю классику и литературу на взъняне. Конечно, есть и ряд двусложных и трехсложных дяньгу-тропов, которые тоже широко известны в Китае, например, 推敲 ‘обдумывать каждое слово (об авторе); обдумывать, взвешивать; всесторонне обдумывать; подбирать (слова, выражения) (выражение связано с именами поэта эпохи Тан 贾岛 Цзя Дао [779–843] и философа, историка, писателя, поэта, каллиграфа 韩愈 Хань Юя [768–824])’ или 鸿门宴 ‘досл. Хунмэньский пир (в 206 г. до н. э. полководец царства Чу Сян Юй по совету своего советника Фань Цзэна в местечке Хунмэнь устроил в честь Лю Бана пир, во время которого предполагалось убить Лю Бана и занять циньскую столицу Сяньян), обр. пир со злым умыслом; пир-ловушка (с целью убить приглашенного гостя); пир-западня’, и подобные дяньгу-тропы часто входят в популярные небольшие словари [周苓仲, 1998, с. 99, 266]. Интересно, что в большом словаре дяньгу в статьях на некоторые подобные дяньгу-тропы даются также и четырех-, пяти- и более сложные варианты, которые подробнее передают сюжет, но широко известными вариантами являются все-таки двуслог или трехслог.

Также следует иметь в виду, что в китайском языке есть множество, на первый взгляд, обычных лексических единиц, которые также в своей основе имеют дяньгу-сюжет, и об этом знают лишь очень начитанные носители китайского языка. В словари дяньгу и чэньюй такие слова не входят. Например, 采风 ‘собирать народные обычаи; собирать народные песни, составлять сборник народных песен’. Данное словосочетание из «Книги песен». Правительство династии Чжоу регулярно посылало людей собирать стихи и песни у народа, так была составлена первая часть «Шицзина» под названием 国风 «Гофэн» («Нравы царств»). Другой пример – слово 洪荒 ‘изначальная пустота, первозданный хаос; до сотворения мира; глубокая древность; древнейший; допотопный’. Оно встречается во второй строке «Тысячесловия»: 天地玄黄, 宇宙洪荒. Источник этого слова – стихотворение поэта Се Линьюня 《三月三日侍宴西池》. В современном китайском языке оно активно используется в выражении 洪荒之力 ‘первозданная сила, первобытная сила, первородная сила, колоссальная энергия’. Могут быть такие фразы с использованием данного выражения: 用尽洪荒之力 ‘полностью использовать свою первозданную силу’, 控制不了体内的洪荒之力 ‘не в силах сдерживать свою внутреннюю первобытную силу’. Особенно популярным оно стало в 2016 г., после

того как китайская пловчиха Фу Юаньхуэй установила личный рекорд в полуфинале на дистанции 100 м на спине среди женщин на Олимпийских играх и употребила его в интервью репортеру Центрального телевидения Китая [Статья на выражение 洪荒之力].

В заключение хочется обратить внимание на то, что и в названиях сборников 成语 100 [Сто китайских идиом, 2007] и 典故100 [周苓仲, 1998] есть фраза 博古通今学汉语 ‘учить китайский язык, досконально разбираясь в древнем и современном’, где выражение 博古通今 ‘досконально разбираясь в древнем и современном, высокообразованный, эрудированный, эрудит’ хорошо характеризует китайские дьянгу-тропы и чэньюи – функция этих единиц двойная: это не только способ метко и лаконично выразить свою мысль или описать предмет или ситуацию, т. е. обогатить свой язык и в контексте современной жизни емко стандартными выражениями описывать шаблонные ситуации (за тысячи лет существования китайского общества были отсортированы репрезентативные типичные ситуации из жизни людей), но и постоянно закреплять знания истории своей страны, не забывая о «седой» старине Китая. Поэтому эти единицы так важны для китайцев.

Хотя дьянгу-тропы и чэньюи являются идиомами и чисто языковыми единицами, тот факт, что им посвящаются специальные сборники, диски, мультфильмы для детей, в которых подробно рассказывается об их происхождении, говорит о том, что данные единицы китайского языка являются прецедентными фразеологическими единицами, потому что как бы не расширилось их значение, для китайского лингвокультурного сообщества важно знать и помнить о первоначальном сюжете и событии, вымышленном персонаже или историческом деятеле, знать конкретные обстоятельства, при которых это выражение возникло. Это не только любопытство, но и уважение к традициям, языку и истории своей Родины.

На самом деле иногда не совсем ясно, для чего дьянгу-тропы и чэньюи больше нужны китайцам: чтобы обогатить язык подходящими для разных ситуаций красивыми и эффектными выражениями или для того, чтобы помнить о богатстве своей культуры и длительности истории своей страны? Как бы там ни было, но эти языковые единицы эффективно выполняют обе функции.

Неслучайно составитель серии сборников [王俊, 2015] пишет: 读成语 • 识天下 ‘Изучай чэньюи и познаешь Китай’. Дьянгу и чэньюи действительно являются важными проводниками на пути к сокровенным знаниям о Китае.

Перед российскими преподавателями и студентами стоит важная задача определения когнитивных приоритетов при изучении Китая, китайского языка и его фразеологии. Видимо, следует говорить о том, что за 4–5 лет учебы в вузе каждому российскому Китаисту необходимо овладеть

всеми употребительными дяньгу-тропами и чэньюями, опираясь на списки для средних школ КНР. Также необходимо продолжить исследования китайской фразеологии и лексики с позиций прецедентности.

Библиографический список

Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. М., 2012. 315 с.

Воропаев Н. Н. Классические сюжеты дяньгу Китая для воспитания детей // Дети в языке и культуре : материалы конф. Москва, 23–24 нояб. 2023 г. / отв. ред. Т. А. Михайлова. М. : МАКС Пресс, 2023. С. 15–22.

Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 596 с.

Сто китайских идиом и устойчивых выражений 成语 100: Книга для чтения на китайском языке / пер. Н. А. Спешнева. Пекин : Sinolingua ; СПб. : КАРО, 2007. 208 с. : ил. (博古通今学汉语, 成语 100, 尹斌庸编著).

Статья на чэньюй 不食周粟 . URL: https://baike.baidu.com/item/不食周粟?fromModule=lemma_search-box (дата обращения: 08.05.2024).

陈贤纯. 中国文化中的典型人物与事件 / 陈贤纯编著. 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999. 309 页.

Статья на популярное выражение сети Интернет 洪荒之力 . URL: https://baike.baidu.com/item/洪荒之力/19884849?fr=ge_al (дата обращения: 08.05.2024).

唐山抗震三十周年艺术纪念册 / 唐山市人民政府赠. 唐山: 中共唐山市委, 2007. 48 页.

王俊. 读成语·识天下: 走进中国传统文化. 成败篇. 2, 进取篇. 2, 名利篇. 2, 团结篇. 1 / 王俊编著. 北京: 开明出版社, 2015. 各篇 122 页.

于石. 常用典故词典 / 于石等编. 新版. 上海: 上海辞书出版社, 2007. 477 页.

赵应铎. 中国典故大辞典 / 赵应铎主编. 上海: 上海辞书出版社, 2014. 1359 页.

周苓仲. 典故 100: 汉英对照 / 周苓仲, 何泽人编著. 北京: 华语教学出版社, (博古通今学汉语丛书) 1998. 284 页.

朱祖延. 汉语成语大词典 / 朱祖延主编. 北京: 河南人民出版社, 1985. 1819 页.

Д. А. Долженко, Н. Ю. Тразанова

Иркутский государственный университет, Иркутск

**ФРАГМЕНТЫ ТЕКСТОВ ПЕСЕН
КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНОТЕКСТЕ
НА ПРИМЕРЕ СЦЕНАРИЯ КУДО КАНКУРО
К МНОГОСЕРИЙНОЙ ТЕЛЕПОВЕСТИ
С ПРОДОЛЖЕНИЕМ «АМА-ТЯН»»**

Аннотация. Рассмотрена проблема перевода фрагментов текстов песен как частного случая проявления интертекстуальности на материале экспериментальных переводов телесериала «Ама-тян», снятого на основе сценария Кудо Канкуро. Выявлены основные способы перевода с японского на русский язык фрагментов текстов песен в качестве интертекстом.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, кинотекст, интертекстуальность, интертекстема, тексты песен.

D. Dolzhenko, N. Trazanova

Irkutsk State University, Irkutsk

**FRAGMENTS OF SONG LYRICS AS INTERTEXTUAL UNITS
IN FILM TEXT ON THE MATERIAL
OF KUDO KANKURO'S SCREENPLAY TV SERIES "AMACHAN"**

Abstract. The paper is devoted to the problem of translating fragments of song lyrics as a special case of intertextuality manifestation. The research is held on the material of experimental translations of the TV series "Amachan", based on the script by Kudo Kankuro. As the result of the study we reveal the main ways of translating fragments of song lyrics from Japanese into Russian.

Keywords: audiovisual translation, film text, intertextuality, intertext system, song lyrics.

Стремительное развитие цифровых технологий и изменения коммуникативной реальности выводят на передний план проблематику аудиовизуальных переводов. Следуя данному Т. В. Привороцкой определению термина, под ним мы будем понимать перевод материалов, имеющих полисемантический характер, в которых рецептор получает информацию одновременно по нескольким каналам, являясь и читателем, и зрителем, и слушателем [Привороцкая, Гураль, 2016].

Особое внимание при переводе должно уделяться проблемным моментам кинодиалогов, содержащим, как правило, обращения, имена собственные, языковые реалии, фразеологические обороты, игру слов и т. д. И здесь, помимо вышеперечисленных моментов, появляется и проблема перевода интертекстуальных элементов в кинотексте.

Термин «интертекстуальность» был введен в научный оборот еще в 1967 г. французским философом-постструктуралистом Юлией Кристевой. Основной идеей введенного понятия было обозначение общих свойств текстов, выражающихся в связях между ними, при помощи которых тексты (или их части) имеют возможность множеством различных

способов явно или неявно ссылаться один на другой, т. е. все тексты являются слиянием разных текстов, а «в пространстве каждого художественного текста несколько определенных высказываний, взятых из других художественных текстов, взаимно пересекаются» [Кристева, 2004, с. 167].

Уже несколько десятилетий понятие интертекстуальности является предметом дискуссий разных мыслителей: от философов культуры до искусствоведов. В контексте этих споров выдвигались полярные точки зрения, и все же главной мыслью была следующая: любой текст культуры (в широком смысле слова и литературное произведение, и кинофильм, и музыкальная композиция) пронизан другими текстами.

Чтобы суметь выделить интертекстуальное включение, или, как его еще называют, интертекстему из основного массива кинотекста, для начала нужно определиться, по каким критериям его можно определить. В своих трудах В. М. Мокиенко приводит следующие признаки интертекстемы:

- 1) авторство;
- 2) воспроизводимость;
- 3) интертекстуальность [Мокиенко, 2003, с. 15].

Если говорить о фрагментах текстов песен, то они создают определенное приращение смысла. У каждого музыкального произведения есть обозначенные авторы текста и мелодии. Кроме того, такой элемент не создается заново, но воспроизводится в кинотексте. Это позволяет утверждать, что фрагменты текстов песен обладают всеми необходимыми признаками интертекстем.

При переводе интертекстем в рамках данной статьи мы воспользуемся утверждением А. В. Козуляева о том, что аудиовизуальный перевод представляет собой «создание нового полисемантического единства на языке-реципиенте на основе единства, существовавшего на исходном языке, причем таким образом, чтобы новое полисемантическое единство стало элементом культуры языка-реципиента и не было ему чуждо» [Козуляев, 2015]. Из этого следует, что перевод интертекстемы не должен нарушать полисемантического единства, сохраняя при этом свою интертекстуальную связь с претекстом.

Также в данной работе мы сосредоточимся на стратегии перевода фрагментов текстов песен с передачей интертекстуальности, поэтому тема интертекстуальности музыкального сопровождения видеоряда намеренно не затрагивается. Так, в 13-й серии «Ама-тян» в кафе появляется герой, которого зовут Хироси. Когда он произносит свое имя, начинает звучать мелодия песни Пеппино Гальярди «Стеклянная комната» («*Che Vuole Questa Musica Stasera*»), используемая в своих выступлениях комиком Хироси – тезкой героя сериала. Такие моменты, являющиеся по

своей структуре интертекстуальными включениями, невозможно передать никакими другими способами, кроме комментирующего перевода, что, в свою очередь, невозможно сделать в рамках перевода художественного кинотекста.

Обратимся к примерам использования фрагментов песен в тексте сценария к сериалу «Ама-тян».

Рассказывая историю, тесно связанную с музыкальной сценой Японии 1980-х гг., сценарист Кудо Канкуро не мог не упоминать большое количество композиций и хитов того времени. Чаще всего в таком случае в самом кинотексте приводится отсылка к автору или исполнителю, а также может звучать название песни. По сути, сценарист сам указывает источник интертекстемы, сохранение интертекстуальной отсылки для переводчика не составляет труда.

В другом случае текст песни может использоваться в отрыве от мелодии, что делает интертекстуальную связь менее явной. Так, в сериале «Ама-тян» присутствует песня 潮騒のメモリー *Сиосай-но мэмори* «Вспоминая шум прибоя», текст которой по сюжету написала 18-летняя девушка, вдохновленная песнями кумиров 1980-х гг. По словам сценариста Кудо Канкуро, текст песни был написан в период с сентября 2012 г по начало съемок в 2013 г., а придуман примерно за 5 мин. с использованием важных моментов из сериала (такси, волны, север, 17 лет и т. д.). Каждая строка в этой песне является отсылкой на существующий в действительности хит 1980-х гг., как и само ее название, которое является интертекстемой, причем в нескольких плоскостях.

Во-первых, здесь присутствует аллюзия на роман Юкио Мисимы «Шум прибоя» и его многочисленные экранизации: 1954-го г. с Кубо Акирой и Аоямой Кёко в главных ролях; 1964-го г. с Хамадой Мицуо и Ёсинагой Саюри (в сериале также исполняется ее песня *いつでも夢を* *Ицудэмо юмэ-о* «Пусть всегда будет мечта»); 1971-го г. с Асахиной Ясудо и Онодзато Мидори; 1975-го г. с Миурой Томокадзу и Ямагути Момоэ, которая также неоднократно упоминается в сериале; 1985-го г. с Цуруми Синго и Хори Тиэми. Дата выхода данного сериала примерно совпадает с датой выхода вымышленного фильма 潮騒のメモリー *Сиосай-но мэмори* «Вспоминая шум прибоя», в котором песня и прозвучала. Какая из версий подразумевается в сериале как фильм 潮騒のメモリー *Сиосай-но мэмори*, неясно. Впрочем, основной момент присутствует в каждой из экранизаций: рыбак влюбляется в молодую ныряльщицу-аму, в одной из сцен они пережидают сильный ливень в хижине, и девушка для проверки чувств молодого человека просит его перепрыгнуть через костер. Неоднократное упоминание Юкио Мисимы в сериале в связи с песней лишь подчеркивает явную аллюзию.

Во-вторых, название песни отсылает одновременно и к творчеству Коидзуми Кёко, исполняющей роль героини, которая в прошлом придумала песню, а именно к композиции スターダスト・メモリー Stardust Memory «Воспоминание звездной пыли», и к творчеству Якусимару Широко, исполняющей роль героини-певицы, хитом которой песня «Вспоминая шум прибоя» и является, а конкретно к первой строчке одноименной заглавной темы фильма 探偵物語 *Тантэй моногатари* «История детектива» в ее исполнении: あんなに激しい潮騒が *Анна-ни хагэсий сиосай-га* «настолько яростный шум прибоя». Также оно напоминает названия таких песен начала 1980-х гг., как タイニー・メモリー Tiny Memory «Крошечное воспоминание» в исполнении Касивабары Ёсиэ (певица также упоминалась в сериале), 涙色のメモリー *Намидаиро-но мэмори* «Воспоминание цвета слез» в исполнении Хары Маюми, 早春メモリー *Со:сюн мэмори* «Воспоминание ранней весны» в исполнении Иваи Саюри и 潮騒のメロディー *Сиосай но мэроди* «Мелодия шума прибоя» в исполнении Такады Мидзуэ.

Первый куплет песни также наполнен отсылками к хитам 1980-х гг. Таким образом, песня поначалу кажется шуточным попури, позволяя некоторое время скрывать серьезное содержание. Каждая из восьми строчек содержит интертекстуальное включение:

北へ帰るの *Кита-э каэру-но*
 誰にも会わずに *Дарэ-ни мо авадзу-ни*
 低気圧に乗って *Тэйкиацу-ни ноттэ*
 北へ向かうわ *Кита-э мукау ва*
 彼に伝えて *Карэ-ни цутаэтэ*
 今でも好きだと *Има дэмо суки да то*
 ジョニーに伝えて *Дзёни-ни цутаэтэ*
 千円返して *Сэньэн каэситэ*

На русском языке куплет приводится в соответствующем нормам экзавиритмического переводе:

Я на север возвращусь
 И никому не покажусь.
 Фронт холодный смело оседлав,
 Мчусь я к северу стремглав.
 Передайте вы ему,
 Что до сих пор его люблю.
 Джонни передайте вы:
 «Назад тыщу верни».

Слова *Кита-э каэру-но дарэ-ни мо авадзу-ни* «Я на север возвращусь и никому не покажусь» отсылают к одной из самых известных песен Ис-

икавы Саюри 津軽海峡・冬景色 *Цугару кайкё: фуюгэсики* «Пролив Цугару: зимний вид», где есть строки 北へ帰る人の群れは 誰も無口で *Ki-ta-э каэру хито-но мурэ ва дарэмо мукути-дэ* «В толпе людей, возвращающихся на север, все молчаливы».

Фраза про холодный фронт дословно переводится как «забравшись на низкое атмосферное давление». Она является шуточной отсылкой к летнему хиту Ямаситы Тацуру 高気圧ガール *Ко:киацу гаару* «Девушка высокого атмосферного давления».

Строчка 彼に伝えて今でも好きだと *карэ-ни цутаэтэ има дэмо суки да то* «передайте вы ему, что до сих пор его люблю» практически полностью повторяет строчку из песни 涙のリクエスト *намида но рикуюэсто* «Слезный заказ песни» группы The Checkers あの子に伝えてまだ好きだよと *ано ко-ни цутаэтэ мада суки да ё то* «передай ей: «Я все еще люблю [ее]». И песня, и группа упоминались в сериале несколько раз.

Самые загадочные слова в песне – обращение к Джонни, чтобы он вернулся назад тысячу иен. Они являются двойной шуткой: во-первых, высмеивают предыдущую строчку *передайте вы ему, что до сих пор его люблю*, немного снижая градус пафоса, а во-вторых, являются подшучиванием над песней ジョニーへの伝言 *Дзёни-э но дэнгон* «Сообщение для Джонни» в исполнении Такахаси Марико (певица также упоминалась в сериале).

В этой лирической песне рассказывается о девушке, прождавшей в баре некоего Джонни в течение двух часов. Не дождавшись его, она уезжает из города, чтобы начать новую жизнь, а уходя из бара, просит передать ему, что с ней все будет хорошо. Однако фразы «верни тысячу иен» в песне нет. Возможно, это оммаж или самопародия: в сериале 流星の絆 *Рю:сэй но кидзуна* «Узы падающих звезд», сценарий к которому написал Кудо Канкуро, героиня Саги в исполнении Накасимы Мики неоднократно требовала от героя по прозвищу Аксель в исполнении Ниномии Кадзунари символические платы в размере тысячи иен.

Как и в случае с вышеприведенной мелодией песни Пеппино Гальярди, подобные интертекстемы очень сложно перевести с сохранением интертекстуальности без комментирования: зачастую тексты песен, на которые делается аллюзия, в отличие от текстов художественной литературы, не переведены на русский язык. В таких случаях узнавание подобных элементов кинотекста зависит от эрудиции и кругозора зрителя, как и отсылки, заключающиеся в приемах съемки (например, в телесериале «Ама-тян» в семейных сценах часто выбирается точка съемки камерой с позиции на уровне глаз сидящего на татами человека – излюбленный прием знаменитого японского режиссера Одзу Ясудзиро, снимавшего все свои фильмы о проблемах японских семей), с поправкой на то, что подобная аллюзия является не визуальной, а аудиальной.

Однако при переводе кинотекстов у переводчика бывает возможность обозначить и подчеркнуть интертекстему в тех случаях, когда фрагменты текстов песен не пропеваются, а включаются в речь персонажа и декламируются им. Так, в 63-й серии «Ама-тян» в уста персонажа Дайкити вкладывается слегка измененный фрагмент текста песни певицы Накамори Акины 飾りじゃないのよ涙は *кадзари дзя най но ё намида ва* «Слезы не украшение»: 速い車にのっけられても急にスピンかけられても恐くなかった *Хаяй курума-ни ноккэрэрэтэмэ кю:-ни сунин какэрэрэтэмэ ковакунакатта*, что, пользуясь приемами эквиритмического перевода, можно перевести следующим образом:

В машине быстрой я
На лихих скоростях,
В жуткий занос опасно входя,
Боялась лишь едва.

Персонаж Дайкити, в свою очередь, обсуждая тот факт, что персонаж по имени Харуко, известная своей бесчувственностью, плакала, произносит: あの北の冷血女と呼ばれた春ちゃんが!? 速い車にのっけられても急にスピンかけられても泣かなかった春子さんが!? *Ано кита но рэйкэцуудзё то ёбарэта Хару-тян га!? Хаяй курума-ни ноккэрэрэтэмэ кю:-ни сунин какэрэрэтэмэ наканакатта Харуко-сан га!?* «Та Хару-тян, что “Хладнокровная женщина с севера”? “В машине быстрой я на лихих скоростях, в жуткий занос опасно входя, и то не плакала” Харуко-сан?»). Подчеркивая кавычками инородность для основного массива текста и сохраняя в приведенном фрагменте спонтанной разговорной речи рифму, переводчик четко обозначает категорию интертекстемы – цитата из песни.

Подводя итог, можно выделить следующие ситуации с включением фрагментов текстов песен в кинотекст: 1) тексты песен используются в неизменном виде, при этом сохраняется ритм и мелодия оригинала; 2) тексты песен используются косвенно, ритм и мелодия оригинала не сохраняются. В первом случае не требуется специальной стратегии перевода, а во втором – следует указать на инородность включения, например, с помощью кавычек, а также постараться передать характер цитаты. Сделать это проще всего при помощи эквиритмического и рифмованного перевода, используемого в кинотексте фрагмента текста песни.

Библиографический список

Козуляев А. В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках Школы аудиовизуального перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-dinamicheskii-ekvivalentnomu-perevodu-audiovizualnyh-proizvedeniy-opyt-razrabotki-i-osvoeniya-innovatsionnyh-metodik-v> (дата обращения: 25.04.2024).

Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики / пер. с фр. М. : РОССПЭН, 2004. 666 с.

Мокиенко В. М. Интертексты и текст в славянских языках // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе / под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2003. С. 4–27.

Привороцкая Т. В., Гураль С. К. Обучение аудиовизуальному переводу посредством анализа кинодискурса // Язык и культура. 2016. № 1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-audiovizualnomu-perevodu-posredstvom-analiza-kinodiskursa> (дата обращения: 25.04.2024).

УДК 821.581

А. В. Игнатенко

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Москва

ЛИНГВОЭСТЕТИЧЕСКОЕ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЕ В НОВЕЙШЕЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

Аннотация. Рассматривается проблема лингвистического анализа художественного дискурса в эстетической проекции идиодискурсивного и интегративного моделирования языка. Цель работы – определить потенциал лингвоэстетических моделей авторской совокупности приемов и средств на материале конкретных языковых дискурсивных практик новейшей китайской литературы рубежа XX–XXI столетий. Представлена попытка систематизации знаний о художественных формах языковой деятельности. Анализируется влияние этнокультурных особенностей на формирование национально ориентированного художественного дискурса, национальная культура раскрывается через реалемы языковой картины мира, которые выступают культурным кодом или культурным маркером. Языковая личность автора рассматривается как моделирующая проекция национального языка и этнокультурных особенностей.

Ключевые слова: идиодискурс, идиостиль, лингвоэстетика, художественный дискурс, миромоделирование, китайская литература.

A. Ignatenko

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

LINGUISTIC AESTHETIC WORLD MODELING IN THE LATEST CHINESE LITERATURE OF THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

Abstract. The study examines the problem of linguistic analysis of artistic discourse in the aesthetic projection of idiodiscursive and integrative modeling of language. The purpose of the work is to determine the potential of linguistic aesthetic models of the author's set of techniques and tools based on the material of specific linguistic discursive practices of the latest Chinese literature of the turn of the XX–XXI century. The paper presents an attempt to systematize knowledge about artistic forms of linguistic activity. The influence of ethnocultural features on the formation of a nationally oriented artistic discourse is analyzed, national culture is revealed through the realms of the linguistic picture of the world, which act as a cultural code or cultural marker. The linguistic personality of the author is considered as a modeling projection of the national language and ethnocultural features.

Keywords: idiodiscourse, idiostyle, linguoesthetics, artistic discourse, world modelling, Chinese literature.

Исследования принципов конструктивных систем художественного дискурса занимают важное место в современной лингвистике. Автор как субъект создания структуры какого-либо произведения выступает носителем определенной техники вербально-художественного построения и

эстетического лингвомоделирования в рамках этнонациональных языковых параметров и языковой картины мира. Индивидуальный авторский язык как индивидуальная система средств и приемов выражения может разворачиваться в нейтральных и эмоциональных синтаксических рамках, иметь своеобразное синтаксическое движение, быть отмеченным высокой плотностью языковой игры и тонкими семантическими нюансами, может использовать разнообразную лексику и выстраивать по-новому привычные семантические реляции, но при этом развиваться в этнонациональной парадигме представлений автора (как носителя конкретной этнокультуры) о мире.

С активно разрабатываемыми сегодня идеями лингвоэстетики связаны имена таких исследователей, как В. В. Фещенко, О. В. Коваль, И. В. Зыковой [Фещенко, 2023; Коваль, 2007; Зыкова, 2017] и др. Под лингвоэстетикой мы вслед за В. В. Фещенко будем понимать особую методологию «исследования художественного текста и языка художественного произведения» [Фещенко, 2023, с. 69], предметом рассмотрения которой является художественный дискурс со всем разнообразием эстетического словоупотребления и словотворчества (языковая игра, авторские неологизмы и фразеология, речевые ошибки и пр.).

Китайская культура во многом, как и русская, логоцентрична. Становление литературных норм в китайском языке связано с именем Лу Синя (鲁迅, 1881–1936), который выступил новатором языка и двинул языковую форму вперед. В рамках данного обзорного исследования нами были отобраны шесть прозаических текстов – Мо Яня (莫言), Лю Чжэньюня (刘震云), Юй Хуа (余华), Цзя Пинва (贾平凹), Ван Аньи (王安忆) и Мосян Тунсю (墨香铜臭) – мастеров слова, которые получили международное признание читательской аудитории и критиков, а также были отмечены наградами разных уровней.

Для примера анализа художественного произведения Мо Яня был выбран роман «Устал родиться и умирать» (《生死疲劳》, 2005). В ходе исследования частного дискурса писателя были проанализированы парентетические конструкции и структуры в русле проблемы семантико-синтаксических и функционально-стилистических явлений, которые, представляя собой локализованные фрагменты речи в составе основного высказывания, подчеркивают нелинейность языкового мышления и выступают в качестве средства художественной выразительности [Игнатенко, 2023]. Синтаксически парентетические конструкции функционируют на системном (комбинаторика компонентов), изобразительном (стилистическая маркированность) и композиционном (организация пространства текста) уровнях. На фактологическом материале было доказано, что использование практики парентетических конструкций составляет одну из особенностей идиодискурса Мо Яня, интегрируя разные повествова-

тельные планы. Также в работе систематизируются основные функции вставных структур.

Среди многочисленных работ Лю Чжэньюня был выбран роман «Я не Пань Цзиньлянь» (《我不是潘金莲》, 2012), в котором рассматривались стилистические приемы и средства создания языковой игры. Акцент делался на поиске новых упорядоченностей в языковой игре в рамках художественного универсума. Лингвистические особенности языковой игры в романе Лю Чжэньюня последовательно рассматривались на трех уровнях.

1. На уровне использования художественных средств и приемов были проанализированы метафоры, оксюмороны, ирония и пр.

2. На структурно-функциональном уровне заострялось внимание на формальном строении и организации художественной ткани текста, разбирались некоторые стилистические и синтаксические аспекты языковой игры, параллельные конструкции и приемы (зевгма, хиазмы, анаколумы, параллелизмы, экфрасисы и т. д.).

3. На когнитивно-дискурсивном уровне внимание уделялось прежде всего проблеме организации концептуально-семантического пространства текста и раскрытию его закономерностей. Используемые в исследовании смешанные методики позволили получить результаты, продуктивные с точки зрения возможностей структурно-функционального и дискурсивного анализа художественного материала. Полученные данные и выводы открыли широкие перспективы для дальнейшего анализа языковой игры в художественном дискурсе в рамках этнолингвистического подхода [Игнатенко, 2022].

В еще формируемом корпусе работ Юй Хуа было проанализировано произведение, которое принесло автору мировую известность, – роман «Жить» (余华《活着》, 1992). В нем были рассмотрены некоторые теоретические аспекты и намечены практические подходы к анализу эмотивной плотности и ее суггестивности. Сдвиг фокуса внимания на стилистические эмотивные аттракторы и точки структурного напряжения текста сформировали исследовательский интерфейс и позволили обозначить некоторые подходы к анализу эмотивной плотности, определить функции эмотивности в языке художественного текста с точки зрения национально-культурной специфики и семантической реализации. Художественный мир романа, представляя замкнутую субъективную модель мира, рассматривался как когнитивная совокупность эмотивных аттракций, переживание и восприятие которых определялось личностно-социальным опытом по линии *автор – текст – читатель*. В результате выяснилось, что эмотивность и эмоциональный режим китайского художественного частного дискурса обладают свойством пространственной связности элементов структурного напряжения, функцией сюжетостроения, оказывающей влияние на индивидуальные характеристики речевого портрета

носителей высказывания, а также обладают речевым воздействием на реципиента. Становясь центральным элементом текста, эмотивность может выступать метасущностью. Системные стилистические отношения разноуровневых языковых единиц художественного текста и дискурса отражают общий потенциал корреляции функционально-семантических полей эмотивности, экспрессивности и модальности [Игнатенко, 2023].

Идиодискурс Цзя Пинва был проанализирован на примере романа «Циньские напевы» (《秦腔》贾平凹, 2005), в котором рассматривалась междисциплинарная проблема конфликта и лингвистической специфики как компонента эмотивного плана в художественном дискурсе. В связи с этим исследовались аспекты речевой и языковой конфликтности и ее деструктивные формы в лексико-семантических, синтаксических и функционально-стилистических единицах языка и китайских реалиях. Конфликтный коммуникативный акт понимался как следствие определенных неудач в речевом взаимодействии и нарушение конвенций и правил дискурсивного поведения. Языковые противоречия и конфликты анализировались в рамках эмотиологии, т. е. на уровне эмотивности и эмотивного поля в прагматическом пространстве художественного дискурса, как мультимодальном явлении системных отношений эмоциовербалики. Отмечалось, что, выступая в качестве особых элементов структурного напряжения текста, своего рода языковых и смысловых доминант, дискурсивные противоречия материализуются в качестве стилистических единиц различного уровня, и могут быть использованы как инструмент для создания необходимого эффекта в художественном нарративе. Лингвистически конфликт инициировался и диагностировался в нарушении прагматико-семантических и стилистико-синтаксических конвенционных норм. На фактологическом материале было доказано, что использование конфликтного дискурса в прозе является одной из особенностей идиодискурса Цзя Пинва, лингвоэстетической характеристикой [Игнатенко, 2024].

Из произведений Ван Аньи для исследования прозаического материала был взят роман «Песнь о бесконечной тоске» (《长恨歌》, 1995), в котором рассматривалась метафоризация города (Шанхая) как культурно-семиотического пространства. Был проанализирован потенциал образно-когнитивных урбанистических переносов в процессе метафорообразований в художественном дискурсе на примере конкретного города и определена внутренняя форма метафоры в ее структурно-стилистическом оформлении. Метафора определялась дискурсивным эмотивно-оценочным средством, оказывающим существенное влияние на перцепцию художественного текста и его эстетическую оценку. Рассматривались такие основные когнитивные художественно-метафорические модели, как *город – картина/полотно*, *город – музыка*, *город – архитектура*,

город – текст, город – женщина, город – сад, город – машина (механизм), город – запах, город – улей/муравейник и др. Метафора как стилистико-дискурсивный компонент текста во всех анализируемых моделях выступала объективированной формой номинации феномена города, благодаря которой можно познавать и понимать суть его существования в человеческой культуре. Было доказано, что когнитивная метафора способна транслировать ментальные структуры конкретной этнокультуры, а также выступать продуктивным инструментом и приемом интермедиальной поэтики художественного дискурса и стиля, используя знаковые системы различных видов искусства, синтетически обрабатывая и вербализуя их в тексте. Роль когнитивно-урбанистической метафоры в романе рассматривалась в качестве моделирования исторической, социальной и культурологической идентичности на частном уровне художественного дискурса.

Из онлайн-романистики Мосян Тунсю для анализа был взят новеллизированный цикл «Магистр дьявольского культа» (《魔道祖师》, 2016). При анализе фокус внимания, помимо структурных особенностей лингвопоэтики, был также направлен на некоторые связанные с идиостилем писательницы языковые особенности. Текст исследовался не только в его внешнем, формальном, но и внутреннем, содержательном, аспектах, приводилось системное описание разноструктурных элементов. Отдельно рассматривались жанровая принадлежность и жанровые разновидности произведения, ставился вопрос о его полижанровой специфике, одновременном включении различных признаков таких жанров, как роман, веб-новелла, фантастическое повествование, сказка, *сянься* и т. д. Был приведен анализ интермедиальных и интертекстуальных средств и особенностей. Доказывалось постоянное обращение автора к экфрасическому приему в писательской практике при синтетической передаче музыкальной образности, а также к интеграции ресурсов и материалов классической китайской литературы в качестве интертекстуального средства выразительности художественной словесности [Игнатенко, 2024].

Итак, рассмотрев ряд идиостилевых практик художественного дискурса в новейшей китайской литературе, можно наметить некоторый комплекс универсальных параметров, формирующих лингвоэстетическую модель авторского языкового универсума и частного сознания вне зависимости от структуры или жанровой принадлежности произведения:

1) индивидуальные авторские языковые и речевые особенности, носят субъективно-синтагматический характер и путем вербализации материализуют сознание, выражены различными семантико-стилистическими уровнями;

2) социокультурно-когнитивные установки;

3) инструменты когнитивно-прагматической психологии для привлечения аттракторного внимания, помогающие получить удовольствие от фикционального взаимодействия с миром;

- 4) эмотивная плотность;
- 5) исторический план и т. д.

Библиографический список

Зыкова И. В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. М. : Гнозис, 2017. 752 с.

Игнатенко А. В. Особенности парентетических конструкций в романе Мо Яня «Устал родиться и умирать» (2005) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. № 4 (22). С. 115–126. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126

Игнатенко А. В. Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюна на примере романа «Я не Пань Цзиньлянь» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. № 3 (14). С. 507–523. DOI: 10.21638/spbu13.2022.308

Игнатенко А. В. Художественные особенности китайской литературы на примере веб-романа Мосян Тунсю «Магистр дьявольского культа» (2016) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2024. № 1 (16). (препринт) URL: <https://aasjournal.spbu.ru/article/view/17789> (дата обращения: 05.06.2024).

Игнатенко А. В. Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992) // Oriental Studies. 2023. № 4 (16). С. 1004–1014. DOI: 10.22162/2619–0990–2023–68–4-1004–1014

Коваль О. В. Назначение в поэтику: общность теории языка и теории искусства в свете художественной семиотики и лингвоэстетики // Критика и семиотика. 2007. № 11. С. 5–46.

Фещенко В. В. Язык в языке: Художественный дискурс и основания лигвопоэтики. М. : Нов. лит. обозрение, 2023. 368 с.

УДК 811.521'42

О. А. Козодой

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЛИНГВОКУЛЬТОРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ПЕСЕН ЖАНРА КАЁКЁКУ 1940–1970-Х ГГ.

Аннотация. Представлены лингвокультурологические особенности текстов песен жанра каёкёку, появившегося и достигшего своего развития в период правления императора Сёва (1926–1989 гг.). Рассмотрены тексты популярных в 1940–1970 гг. песен данного жанра. Выявлены основные культурные, лексические и грамматические особенности.

Ключевые слова: японский язык, каёкёку, лингвокультурологический аспект, песенные тексты.

O. Kozodoi

Irkutsk State University, Irkutsk

LINGUOCULTUROLOGICAL CHARACTERISTICS OF LYRICS OF KAYKYOKU SONGS OF THE 1940–1970-s

Abstract. This article presents the linguocultural characteristics of the lyrics of kayokyoku songs that emerged and developed during the reign of Emperor Shōwa (1926–1989). This article examines the lyrics of popular songs of this genre in 1940–1970 and reveals the main cultural, lexical and grammatical features.

Keywords: Japanese language, kayokyoku, linguo-cultural aspect, song lyrics.

Музыкальный жанр *каёкёку* представляет собой популярную музыку, получившую распространение в эпоху Сёва (1926–1989 гг.). Изначально данный термин обозначал музыку, вдохновленную западной, но с раннего периода указанной эпохи он стал толковаться как популярная музыка на японском языке, распространяемая по радио, телевидению, а также с помощью аудиозаписей.

В рамках данного исследования проанализированы тексты песен, получивших распространение после окончания Второй мировой войны на всем протяжении периода высокого экономического роста, который не мог не сказаться на творческой сфере жизни японского общества.

Данный период времени характеризуется разрушением традиционных ценностей национального самосознания японцев, демократическими преобразованиями [Молодяков, Молодякова, Маркарьян, 2007, с. 233]. Происходит расцвет кинематографа на волне широкого проникновения американской культуры [Там же, с. 295].

Американская культура оказала большое влияние и на сферу музыки. В Японию пришли джаз, буги-вуги и рок-н-ролл. Традиционная музыка осталась прерогативой старшего поколения, а молодежь захватил жанр *хаяриута* («популярная песня»), позднее получивший название *каёкёку*.

В 1953 г. началась эпоха телевизионного вещания, вместе с которой произошло и развитие индустрии звукозаписи [コトバンク]. Громкий и чистый голос певца уже не был так важен благодаря широкому использованию микрофонов. На передний план вышла богатая эмоциональность исполнения.

Тексты песен данного жанра сентиментальные и лиричные, в них часто используются слова «слезы», «дождь», «плач» и «прощание».

Песни о любви в основном посвящены недостижимой любви. Такие слова, как корабли, доки, гавани и платформы вокзалов символизируют расставание (コトバンク).

Тексты песен часто содержат традиционные метафоры и образы, обозначающие непостоянство бренного мира, терпкую горечь бытия, быстротечность человеческой жизни, одиночество, а также природные символы и метафоры, присущие поэтической традиции Японии:

ところ変れど変らぬものは

人の情の袖時雨

ぬれて涙でおさらばさらば

花に消えゆく旅の獅子 /

Токоро каварэдо каварану моно

Хито но дзё но содэсигурэ

Нурэтэ намида дэ осараба сараба
Хана ни кизёюку таби но сиси /
Где бы мы ни были, неизменной остается
Морось человеческих эмоций.
Противившись слезно,
Исчезает среди цветов лев-странник.

山の牧場の夕暮に

雁が飛んでるただ一羽

私はひとりただひとり

恋しい人の名を呼んで /

Яма но бокудзё но ю:гурэ ни
Ган га тондэру тада иппа
Ватаси ва хитори тада хитори
Коисий хито но на о ёндэ /
В сумерках над горным пастбищем
Летит один гусь.
«Я один, совершенно один.
Зовёт по имени возлюбленную».

Также в текстах песен *каёкёку* в отличие от традиционных песенных текстов появились образы – приметы нового времени (заимствованная лексика *гайрайго*, описание жизни и забот жителя большого города и т. д.).

思いきってダイヤルを

ふるえる指で回したよ

ベルがなるよベルがなるよ /

Моикиттэ дайяру о
Фуруэру юби дэ мавасита ё
Бэру га нару ё бэру га нару ё /
Отчаянно кручу диск телефона
Дорожащими пальцами.
Звонит телефон, звонит телефон. /

Влияние американской популярной музыки можно заметить благодаря большому использованию лексики на английском языке (*cherry* («вишня») вместо さくら сакура, *stars* («звезды») вместо 星 *хоси* и т. д.).

Данное исследование показало, что в текстах песен *каёкёку* ярко проявляется поэтическая традиция классических произведений японских авторов. Тексты лирические и посвящены неразделенной и возвышенной

любви, расставанию, а также насыщены метафорами и отсылками к привычным образам, гармонично сплетаясь с сюжетами, без которых сложно представить жизнь японца, живущего в большом городе XX в.

Библиографический список

Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. История Японии. М. : ИВ РАН; Крафт+, 2007. 528 с.

コトバンク. URL: <https://kotobank.jp/word/歌謡曲-47002> (дата обращения 08.04.2024).

УДК 81'373.612.2

В. А. Курдюмов

Московский городской педагогический университет, Москва

ПАРАДИГМЫ В КИТАЕВЕДЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕЗИСА «СЛОВ НЕТ»

Аннотация. Рассмотрены основные парадигмы в российской китаеведческой лингвистике. Представлены некоторые достижения советской китаистики, в том числе новые псевдонаучные учения. Проанализирована проблема определения «слова» в китайском языке. Предложено закрепление термина «лексическая единица», даны некоторые его характеристики.

Ключевые слова: слово, лексическая единица, типология русского языка, типология китайского языка, история советского языкознания.

V. Kurdyumov

Moscow City Pedagogical University, Moscow

PARADIGMS IN CHINESE LINGUISTICS IN RUSSIA AND WHAT IS “THERE ARE NO WORDS”

Abstract. The main paradigms in Russian Sinological linguistics are considered. Some achievements of Soviet Sinology are presented, including new pseudoscientific teachings. The problem of defining a “word” in Chinese is analyzed. The definition of the term “lexical unit” is proposed, and some of its characteristics are given.

Keywords: word, lexical units; typology of the Russian language; typology of the Chinese language, history of Soviet linguistics.

Введение

Как и многие другие (до определенного времени) спорные теоретические вопросы описания типологии китайского языка, проблема статуса лексики («слов») в китайском языке (КЯ) казалась нам очевидной, решенной, легко объясняемой и понятной, и, следовательно, упоминания о ней были достаточно краткими. Гораздо более значимым казалось описание системы уровней языка и типологии в целом [Курдюмов, 2016; 2023]. Однако дискуссии в ходе научных форумов свидетельствуют о необходимости более развернутого пояснения, в том числе с учетом идеологического/исторического контекста.

Наше описание лексического уровня КЯ (в кратком варианте) сводится к утверждению «слов нет», при этом лексика рассматривается как уровень в недискретной «вертикальной» системе, и типология конкретного языка определяется неодинаковой значимостью уровней в различных национальных языках. В русском языке сильный лексический уровень, и (если отвлечься от деталей) «слова есть», в китайском – «слабый» (в отличие от уровня слогоморфемы).

Оговоримся, что онтологические проблемы («что есть что?», «как это определить?» и т. д.) более свойственны условной отечественной лингвистике, они не прагматичны и, следовательно, часто непонятны западным/восточным коллегам, которых вполне устраивает минимальный общетеоретический аппарат, и чье внимание сосредоточено на частных эмпирических исследованиях. Тем не менее следует вспомнить серию именно «понятийных» дискуссий между советскими и китайскими континентальными лингвистами в 1950-е гг., когда обсуждалось наличие и слов, и частей речи, и членов предложения (собственно, тогда это «наличие» и было навязано).

Почему даже просвещенным китаистам сложно представить «отсутствие слов»? Причины, на наш взгляд, следующие:

- неверное (невнимательное) истолкование тезиса в целом, трактовка выгляди так: «Нет слов, – значит, и ничего нет, а что тогда есть?»;
- стереотипы, связанные с банальными/школьными/догматическими привычными представлениями о грамматике;
- обучение в китайскоязычных странах и регионах, где постоянно используется (но почти не истолковывается) термин 詞 /cí/ (word «слово»);
- практические справочные грамматики на русском языке, копирующие опять же школьное описание русского языка, подобные им эмпирические грамматики на западных языках;
- прогрессирующая тенденция на отказ от теории в вузовском обучении (то, что в 1980-е гг. звучало как «студенты не поймут», в настоящее время стало директивным «студентам и не надо понимать»), сокращение учебного времени на языкознание, вымывание (ранее системно интегрированных) частных теоретических дисциплин;
- формируемый в настоящее время культ выдающихся достижений советской китаистики, рассматриваемых вне идеологического контекста (на чем мы подробнее остановимся ниже), при том что теоретическое обоснование тех или иных явлений менялось чуть ли не каждые 30 лет (и отнюдь не на научной основе);
- мода на новейшие (часто достаточно незамысловатые) направления в лингвистике, не требующие знаний основ теории, хотя бы соссюр-анской;

- мультидисциплинарность, подразумевающая, что лингвистом может стать и специалист в области экономики, истории, педагогики и других отраслей (опять же, не требует знаний основ теории, хотя бы сосюринской).

Проблема совершенствования терминологии во многом затрудняется ее консервативностью, тем, что традиционно термины формировались на материале флективных языков.

I. Парадигмы в китаеведческой лингвистике

Стоит сказать несколько слов о достижениях советской китаистики, которые мы отнюдь не отрицаем (очевидно, что в то время велись интенсивные и масштабные, при этом поощряемые государством исследования). Сейчас, в 2020-е гг., уже забыт золотой период лингвистики 1960–1980 гг., с некоторым трудом пришедшей на смену постмарристскому (де-факто младограмматическому) языкознанию. В советское время китаистика, как и любая другая отрасль, была связана с государственными институтами, статусом и должностями исследователей, а также их трудами. Если говорить о грамматике КЯ, то в качестве «эталонных» сейчас все чаще упоминаются труды В. М. Солнцева и Н. В. Солнцевой, А. А. Драгунова, В. И. Горелова, реже – Н. Н. Короткова (его работы как раз наиболее сомневающиеся [Коротков, 1968]). В. И. Горелов (долгое время заведовал двумя кафедрами) – автор распространенных справочных пособий для школьников и студентов (его «Грамматика...» долгое время была настольной книгой при школьном обучении) [Горелов, 1982]. В. М. Солнцев (директор Института языкознания) и Н. В. Солнцева – авторы ряда значимых монографий и учебного пособия [Солнцева, Солнцев, 1978]. А. А. Драгунов – автор двух известных грамматик китайского языка периода 1950–1960 гг. [Драгунов, 1952; 1962].

Иное направление в китаистике представлял А. М. Карапетьянц (статья «о птичности» [Карапетьянц, 1986], т. е. о микросинтаксисе), с нашей точки зрения, – несколько более приближенное и к реальности КЯ, и к контексту 1960–1980 гг.

В своих справочных (не теоретических) грамматиках В. И. Горелов придерживался алгоритма и терминологии школьной грамматики русского языка (книги были рекомендованы для школ, в ряде которых КЯ системно изучался сначала со второго, позже с первого класса). В. М. Солнцев и Н. В. Солнцева, несмотря на несколько необычную идею в поздних трудах о делении языков лишь на два типа (изолирующих и неизолирующих, где КЯ получался «изолирующим по строю, но агглютинативным по технике» [Солнцев, 1995]), в целом отстаивали идею об уподоблении типологии КЯ типологии индоевропейских (флективных) языков, с императивным поиском чуть ли не полных аналогий.

Тем не менее идеологический контекст таких трудов легко объясним. Примерно с 1924 по 1950 г. языкознание в СССР было заменено марризмом («новым учением о языке», яфетидологией). Его основатель, Н. Я. Марр, не являвшийся профессиональным лингвистом (выдающийся археолог, библеист, кавказовед), так или иначе ощущал кризис в традиционном языкознании к началу XX в. и, будучи формальным главой отрасли, предложил некое *новаторское* учение (директивно внедренное государством), связанное с марксистскими категориями и сталинскими установками. При этом структурализм Ф. де Соссюра к тому времени так и не получил распространения в СССР (поскольку являлся «непролетарский», «непонятный», на французском языке и т. п.). Пафос яфетидологии по отношению к КЯ: аморфность, архаичность вплоть до первобытности КЯ. С какими-то основами китайского языка Н. Я. Марра познакомил академик В. М. Алексеев, но, судя по докладам Марра [Марр, 1933–1937], в представлении основателя яфетидологии КЯ – некая мешанина из иероглифов, их звучаний и аналогий с кавказскими языками.

О самом *новом учении* судить достаточно сложно, Н. Я. Марр в своих трудах (чаще всего это стенограммы докладов в полном собрании сочинений) переходил с одного абстрактного предмета на другой, и, даже упоминая в заглавии КЯ, почти сразу приступал к «цветистому» анализу истории кавказских языков. Пропагандисты яфетидологии утверждали, что учение Марра сводится к классовой стадильности движения языков во времени (соответствие национального языка общественной формации, поскольку язык – «часть надстройки»), поиску загадочных четырех элементов по названиям неких четырех племен, эталонности языков Кавказа, отрицанию компаративистики (иными словами, отрицанию генеалогической классификации). По степени профанации яфетидология была схожа с «агробиологией» Т. Д. Лысенко, согласно которой птенцы пеночки преобразовывались в кукушек, яровая пшеница становилась озимой, а генетики как «морганисты-вейсманисты» (они же «мухолюбы-человеконенавистники», согласно статье в «Огоньке», № 11/1949) подлежали искоренению. Несоответствие теории Марра было одним из предлогов для уничтожения Е. Д. Поливанова в 1938 г., репрессий в адрес других китаистов, хотя в те же годы были расстреляны и два ведущих адепта яфетидологии. В период 1924–1950 гг. отечественная лингвистика в целом прошла через насаждение марризма (1924–1934 гг.), смерть Марра и упадок марризма (1934–1948 гг.; по некоторым воспоминаниям, период свободы, когда статью можно было начинать с нескольких цитат из Марра, а затем писать что угодно), резкое усиление марризма (1948–1950 гг., требования привести лингвистику в строгое соответствие с *новым учением*, одновременно с насаждением «агробиологии»), разгром марризма лично И. В. Сталиным при участии А. С. Чикобава в 1950-м г.

После сталинских дискуссий 1950-х гг. Китаеведение продолжало оставаться достаточно закрытой областью, не слишком пересекавшейся с модными течениями в общем языкознании, и самым курьезным было то, что разгром марризма продолжал ощущаться вплоть до начала 1990-х гг. Если в общем языкознании в СССР с 1960-х гг. стали все же возникать новаторские тенденции, то основная масса лингвистов-китаистов продолжала следовать тезису: «КЯ – не марровский аморфный, а нормальный». Дискуссии 1950-х гг. и сформировали то, что называется «классическим советским Китаеведением». Проблема в том, что если Марр хотя бы призывал рассматривать (и пересматривать) общее языкознание с учетом фактов китайского языка [Марр, 1933–1937, Т. 4, с. 100], то после 1950-х гг. «глобальная оппортунистическая» проблематика была категорически снята с повестки, возможность онтологического поворота была упущена.

После разгрома яфетидологии следовало доказывать, что китайский язык не хуже других (т. е. индоевропейских флективных) и, несмотря на изолирующую типологию, в КЯ следует искать идентичные русскому структуры и явления. Сложилось так, что постмарристская Китаеведческая школа доминировала в советском Китаеведении вплоть до распада самой страны.

Если вернуться к дискуссии 1950-х гг., «Грамматика...» А. А. Драгунова была издана в 1952 г., в самый разгар тотального уничтожения марризма. Во введении [Драгунов, 1952, с. 7–32] критикуется Анри Масперо (погибший в 1944 г. в нацистском концлагере) за «восхваление» строя индоевропейских языков [Там же, с. 17], затем Б. Карлгрен, чьи теории вредны [Там же, с. 17–18], затем начинается критика Н. Я. Марра и его последователей [Там же, с. 22]. Две страницы посвящены проработке яфетической докторской диссертации И. М. Ошанина (будущего выдающегося китаиста-лексикографа), который в понимании А. А. Драгунова следовал идеям перечисленных ученых о якобы превосходстве индоевропейских языков и стадийальном развитии типологии [Там же, с. 24].

Далее уместно напомнить, что широко использовавшиеся в школах и вузах СССР разные издания грамматики В. И. Горелова [например, Горелов, 1982] в 1970–1980 гг. уже становились предметом критики, поскольку полностью копировали концепции школьных учебников по русскому языку. Когда в 1976 г. появился изданный в США сборник статей «Подлежащее и топик» под редакцией Чарльза Ли [Subject and Topic, 1976], где по-новому трактовалась типология китайского языка, и позже – грамматика [Li, Thompson, 1981], то советские Китаеведы яростно выступили против (рушилась классическая теория главных членов предложения), из-за страха перед «новым марризмом», слишком пугающим нетрадиционной и авангардной теорией, называя Чарльза Ли фантазером, фонетистом и т. д.

С распадом Советского Союза условно анти-яфетическая парадигма в китаеведении постепенно пошла на спад, поскольку талантливые ученые начали уходить из науки, уже с 1984 г. российские студенты получили возможность обучаться в КНР, а образовательный рынок к началу 2000-х гг. заполнили «коммуникативные» учебники из континентального Китая, где теория если и трактовалась, то достаточно хаотично.

Какие тенденции/парадигмы можно выделить в российской китаеведческой лингвистике в 2020-х гг.?¹ Если не вдаваться в детали, то следующие:

- условные архаисты или классицисты. Часто это педагоги, пришедшие из смежных вузовских отраслей, не слишком детально знающие основы классического языкознания, и их аспиранты, которых вполне устраивает понятийный аппарат в традиции В. И. Горелова и В. М. Солнцева;

- условные китаисты-эмпиристы, которых также устраивает либо классический советский, либо просто минимальный понятийный аппарат, они не видят необходимости в онтологических дискуссиях, собственно, точно так же, как и условные эмпиристы западные;

- условные коммуникативисты, когнитивисты и т. п. Как правило, изначально это аспиранты с китаеведческим образованием (к этой же категории логично отнести многочисленных аспирантов из Китая), готовившие диссертации под руководством профессоров без знания языка. Этой категории свойственно некритическое перенесение современных универсальных, дискурсивных, когнитивных представлений о русском языке на материал китайского;

- те, кто учился в магистратуре или докторантуре в континентальном Китае и регионах китайского мира. Как правило, такие специалисты в той или иной мере осведомлены о современных методах анализа (парсинг / деревья зависимостей, теория валентности и т. д.), умеют применять их на практике, но не слишком интересуются абстрактной теорией языкознания, полагая, что в ней не нуждаются;

- достаточно малочисленная группа теоретиков, или онтологов, которые в силу возраста помнят период бурного развития авангардного советского и восточноевропейского языкознания 1960–1980 гг.: достижения в области лингвистики текста, психолингвистики, теории речевой деятельности, лингвистической онтологии, системологии, семиодинамики, функционального синтаксиса и других новаторских областей, де-факто прекративших развитие в 1990-х гг.

¹ Речь идет о тех, кто соприкасается с исследованиями грамматики, также речь не идет о том, хороши ли тенденции или плохи, мы констатируем факты. – *Прим. авт.*

II. Значение тезиса «слов нет»

Тезис «в КЯ нет слов» не равнозначен утверждению «нет ничего». Слова – единицы, манифестирующие уровень языка в иерархической системе среди других уровней. Уровень консенсусно называется лексическим и, скорее всего, универсален для всех языков. Единицы этого уровня соотносимы с устойчивыми понятиями (так называемыми лексическими значениями и, если угодно, концептами, дискурсивными понятиями) и конструктивно/формально могут рассматриваться как составляющие по отношению к синтаксическим уровням выше: словосочетанию (синтагме) и клаузе (элементарному предложению).

Уровни, как впервые было обосновано в работах А. М. Ефремова [Ефремов, 1987] и затем показано в ряде наших статей [Курдюмов, 2016; 2023], в зависимости от типологии языка, ее детерминанты, имеют неодинаковую ценность в различных языках. В русском языке (флексивном и подлежащем) лексический уровень представлен устойчивыми легко выделяемыми единицами – словами и их словоформами, которые (при функционировании в реальной речи) состоят из морфем трех типов: вещественных (корней), деривационных (словообразовательных аффиксов), реляционных (флексий, формообразующих аффиксов). В КЯ лексический уровень представлен единицами, которые либо не стоит называть «словами», либо, если их называть, то каждый раз сопровождать бесчисленными оговорками, указывающими на принципиальные отличия таких «слов» от русских.

Применительно к КЯ мы предлагаем закрепить термин «лексическая единица» (ЛЕ), который подразумевает: а) репрезентацию реального лексического уровня; б) несовпадение с термином «слово» – во флексивных языках. Безусловно, ЛЕ фиксируются в словарях, но это не аргумент в пользу того, что они – «слова».

Лексический уровень локализован между морфемным и уровнем словосочетания. Одна из основных проблем учебников по китайскому языку в России – разъяснить обучаемым разграничение морфем, «слов» и словосочетаний: ЛЕ может быть одноморфемной, а в сознании носителей языка морфема, совпадающая с иероглифом, – основная единица (сильный уровень). В то же время ряд многосложных единиц часто невозможно однозначно отнести к «слову» или «словосочетанию» в «русской» терминологии (羊肉、吃飯、動員、開會、忙完、共產主義 и т. п.). Однако система уровней непрерывна, и между ключевыми размещаются подуровни: «выше» ЛЕ и «ниже «словосочетаний» – аббревиатуры: *генсек*, *вуз*, *ВАК*, *СССР* и т. д. и подобные им устойчивые выражения (метафорические фразеологизмы, в которых общее значение не сводимо к сумме составляющих): *железная дорога*, *львиный зев*, *пастушья сумка* и т. д. Из этого вытекает одна из возможных интерпретаций лексического

уровня в КЯ – он «чуть сдвинут вверх» и подобен фразеологизмам или аббревиатурам в русском языке, тем более что значительный пласт китайской лексики как раз и уместно рассматривать как сокращения (в том числе сверхустоявшиеся): 蘇聯、自助洗、北師大 и т. п.

В. Г. Гак в Лингвистическом энциклопедическом словаре 1990 г. выделял следующие признаки/критерии слова: «цельность, выделяемость и свободная воспроизводимость в речи», при этом считая, что слово – «основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности» [Гак, 1990]. Однако, с нашей точки зрения, лексическая единица в любом языке прежде всего служит заполнению предикативной или производной от предикативной ячейки в синтаксеме, «именование» – результат регуляризации таких заполнений в диахронии. По отношению к КЯ такие характеристики, как «цельность, выделяемость и свободная воспроизводимость» вполне (и даже гораздо более) применимы к слогоморфемам, записываемым в виде иероглифов (что порождает еще одну проблему – рассмотрение лексики и морфемики дунганского языка, носители которого часто не знают иероглифов и используют кириллицу). Если говорить о том, что лексемы «регулярно воспроизводимы» (любой знак), то такое свойство относится к единицам фактически всех «соссюрианских» уровней: фонемам, морфемам, лексемам, при этом единицы выше (предложения, СФЕ, тексты, дискурсы) являются относительно структурно воспроизводимыми. Свободную же воспроизводимость в китайском языке оценить явно затруднительно.

Главным препятствием для выделения слова (или поводом для многочисленных оговорок и комментариев) является цельность единицы. Китайские якобы слова легко соединяются, легко распадаются, допускают вставку других лексем между компонентами (吃三次飯、開什麼會), степень спаянности между слогоморфемами в них может быть разной, тем более если речь идет о более чем двух слогах. То есть в китайских ЛЕ категорически не соблюдается классический принцип непроницаемости (нельзя вставить внутрь другие слова) и неделимости слова.

Показательным является сравнение с вьетнамским языком (таким же, если не более изолирующим, чем китайский), в котором в настоящее время используется адаптированная латиница, а ранее – китайские и не слишком прижившиеся вьетнамские иероглифы. Естественно, что при переходе на буквенную письменность перед миссионерами и властями также возникла проблема выделения слов, решенная достаточно мудро: до настоящего времени раздельно пишутся слоги, осознаваемые как основные значимые единицы, т. е. при внедрении письменности была учтена типология.

III. Некоторые характеристики лексических единиц

Микросинтаксис vs. морфология (текстовая). Если типичная структура слова/словоформы во флективных или агглютинативных языках – «корень + серия аффиксов», то (в чем мы полностью согласны с А. М. Карапетьянцем [Карапетьянц, 1986]) наиболее типичная многосложная китайская ЛЕ строится по модели микросинтаксиса, т. е. копирует отношения в индоевропейском словосочетании (атрибутивные, предикативные, глагольно-объектные, определительно-глагольные и т. д.; моделей все же больше, чем обычно перечисляется в учебниках). В традиционной терминологии это именуется словообразовательными моделями в КЯ. Аффиксация, отмечаемая в КЯ и не являющаяся формообразовательной (по крайней мере, реляционной и согласовательной синтаксически на уровне предложения) в большинстве случаев сохраняет «генетические следы» микросинтаксиса (отсюда и термины «полуаффиксы», «полусуффиксы» и подобные им: уже не корень, но еще не совсем аффикс, при соблюдении тем не менее регуляризованной деривационной модели: 作家、畫家; 現實主義、結構主義; 超人、超速; 走開、打開、拉開 и др.).

Редкими «чистыми» суффиксами (нулевое лексическое/вещественное значение при выраженном деривационном), к примеру, можно признать:

- 子/-zi/ обычно маркирующий позицию существительного (субстантивацию) *то, что / то, что становится предметом*: 桌子、筷子 (при условном именном корне), 起子、拍子 (при условном глагольном корне), 聾子、亂子 (при условном качественном корне), 兩下子、一檔子 (при условном корне-классификаторе);

- 頭/-tou/ – обычно маркирующий позицию существительного (субстантивацию) *то, что / то, что становится предметом или объектом обсуждения, субстантивированным действием либо качеством*: 罐頭、拳頭、舌頭 (при условном именном корне); 念頭、說頭 (при условном глагольном корне), 甜頭、準頭 (при условном качественном корне), 後頭、上頭、外頭 (при условном корне-последлоге). Наш опыт общения показывает, что в тайваньском гоюй 頭 /-tóu/ тонируется.

Носителем деривационного значения, которое во флективных языках было бы реляционным (основанием для согласования в предложении) является суффикс множественности 們 /-men/, имеющий ограниченное употребление в путунхуа и гоюй (обязателен для личных местоимений, факультативен при одушевленности в позиции существительного) и более распространенное – в дунганском языке (-му) и отдельных синитических языках и диалектах.

Формально фузионным (сливающимся с корнем) является суффикс 兒 /-r/, распространенный в путунхуа и пекинском диалекте и фактически отсутствующий в гоюй; явление эризации иногда называют флексией, но для флексии, опять же, необходимо: а) одно грамматическое значение или совмещение нескольких, чего нет в традиционном понимании; б) согласование форм в предложении, чего также нет. Аналогично упомянутым выше суффикс 兒 /-r/ также присоединяется к условным именным, глагольным, наречным корням, чаще всего обслуживает субстантивацию или (частично или полностью стертая изначально) уменьшительно-ласкательное значение аналогично русским -ок, -ек, -ечк и т. п.

Элементы (суффиксы) 了 /-le/, 過 /-guo/, 著 /-zhe/ и аналогичные им, также результативные (полу-)суффиксы типа 完 /-wán/, 好 /-hǎo/ носитель КЯ легко может причислить к столь любимой китайскими (и уже многими отечественными) грамматистами загадочной категории *буюй* 補語 (результативам), т. е. к отдельным лексемам.

Тем не менее, если проблему «формообразования» в КЯ спроецировать на уровни языка, то можно признать, что все перечисленные выше суффиксы обслуживают реляционность (согласование категорий), но на уровне не предложения (слабого уровня в КЯ), а выше: СФЕ или текста (сильных). Морфология/формообразование ЛЕ в КЯ сдвинуты «вверх» и обслуживают уровни выше синтаксического. Категорию результатов *буюй* 補語, вероятно, также можно отнести к «дискурсивной аффиксации». Однако подобная постановка проблемы находится пока на уровне гипотезы и в данный момент нуждается в изучении и обсуждении.

Окказиональность. Видимо, благодаря двум факторам: «снизу» – формированию многосложных ЛЕ из корневых слогоморфем (= иероглифов), обладающих собственной значимостью и относительно самостоятельной воспроизводимостью, и «сверху» – высоким потенциалом сокращения многослогов до морфем с перенесением на морфемы лексического значения комплекса, окказионализмы в разговорной речи в китайском языке гораздо более естественны / гораздо менее маркированы, чем, к примеру, в русском. Их нельзя в полном смысле назвать жаргонизмами, это допустимый вариант узуальности. Если говорить о публицистике (телевидение и т. п.), социальных сетях (в том числе мировых, где, вопреки устойчивому мнению, широко представлены и коммуниканты из континентального Китая), вывесках и объявлениях, то это примеры типа 举铁 *тягать железо*, 練腿 *тренировать ноги*, 郊游 *путешествовать в пригороде*, 連線 *подсоединиться к Интернету*, 出街 *выйти на улицу*, 直飲台 *фонтанчик питьевой воды (в парке)*, 習普會 *саммит руководителей КНР и России* и бесчисленное число подобных единиц, соот-

носимых с устоявшимися моделями микросинтаксиса, понятных на уровнях текста или дискурса.

Неравномерность спаянности многосложных единиц. Даже в русском языке, когда речь идет о так называемых сложных словах, возможна неодинаковая степень спаянности (степени стяжения компонентов). В единицах типа *пароход*, *электровоз* корни связаны при помощи интерфиксов (де-факто притяжательных флексий к первому корню, тот же микросинтаксис: определение и определяемое), и связь между ними более устойчива, чем в примерах типа *прекраснодушный*, *частно-предпринимательский*, *непослушный*, где потенциальна диллема: слитное/раздельное написание.

В КЯ степень спаянности можно оценивать, как сравнивая пары ЛЕ, так внутри структуры самих единиц.

Очевидно, что спаянность в единицах типа 火車、汽車、電話 будет выше, нежели в глагольно-объектных ЛЕ, допускающих разрыв между морфемами: 吃飯、開會.

При этом спаянность будет повышаться при условии постановки прямого дополнения после именного компонента (а не между компонентами) глагольно-объектных ЛЕ: 選舉期間，候選人幾乎動員了所有的親朋好友來拉票，以求得當選。 / Во время выборов кандидаты мобилизовали почти всех родственников и друзей для сбора голосов, чтобы добиться избрания.

Заметим, что в современном китайском языке гоюй (Taiwan Mandarin) степень/частота перехода к постановке прямого дополнения после именного компонента во многих случаях не соответствует нормам, установленным для континентального языка путунхуа:

● 職業安全衛生委員會至少多久開會一次？ / Хотя бы как часто собирается комиссия по охране труда?

● 有這5樣東西，你會滿意你的人生。 / Благодаря этим 5 вещам вы будете довольны своей жизнью.

Неодинаковая степень стяжения в более чем двусложных комплексах:

- 點餐區 место для заказа еды в ресторане: [點+餐] + 區;
- 通知單 бланк записи показаний (счетчиков): 通知 + 單;
- 下車鈴 кнопка сигнала водителю (автобуса) об остановке: [下+車] + 鈴;
- 投幣口 щель для монет: [投+幣] + 口;
- 功德箱 короб для пожертвований (в храмах): [功+德] + 箱;
- 小型犬區 зона для выгула некрупных собак: [[小+型]+犬] + 區.

Несомненно, такие ЛЕ (однозначно соответствующие понятиям) являются достаточно показательными и могут рассматриваться носителями (равно как и изучающими КЯ) и как слова, и как словосочетания, что еще раз подчеркивает бессмысленность как вопроса, так и выбора ответов (с бесконечными критериями и пояснениями о свободных и связанных морфемах и т. д.).

Заключение

Дискуссии вокруг *слова* в китайском языке связаны как с традиционной «европеизированной» парадигмой, так и с перипетиями отечественной лингвистики, в том числе и с «постмарристской травмой», определившей развитие изысканий в грамматике в 1950–1980 гг., и, как выясняется, и позже. Применительно к китайскому языку проблема выделения *слова*, разграничения со словосочетанием (а в ряде случаев и с морфемой) достаточно бессмысленна – лексический уровень в китайском языке не является значимым для его носителей и представлен «слабыми» единицами, которые мы (в силу консервативности сложившейся терминологии) предлагаем называть просто ЛЕ: лексическими единицами, при этом они соответствуют понятиям, участвуют в организации синтаксических отношений (заполняя предикативную или производную от нее ячейку в предложении). Иными словами, формулировка «слов нет» не означает «нет единиц». Лексические единицы в китайском языке обладают рядом специфических признаков: микросинтаксис, стертая маркированность окказионализмов (большей частью аббревиатур), неодинаковая степень спаянности составляющих.

Библиографический список

- Гак В. Г. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 464–467.
- Горелов В. И. Грамматика китайского языка. М. : Просвещение, 1982. 280 с.
- Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л. : Изд-во ЛГУ, 1962. 270 с.
- Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 232 с.
- Ефремов А. М. Связность китайского текста в сравнительно-типологическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук. М. : ВКИ, 1987. 166 с.
- Карапетянц А. М. О специфике грамматического строя китайского языка // III конференция по китайскому языкознанию : сб. тез. М. : Наука, 1986. С. 30–34.
- Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М. : Наука, 1968. 400 с.
- Курдюмов В. А. Иерархия языковых уровней как ценность для русского и китайского языкового сознания и типологических исследований (Russian / Chinese Language Levels Hierarchy as Value in the National Consciousness and to the Comparative Studies) // 臺灣斯拉夫學刊—(Slavica Formosana I). 2016. P. 265–281.
- Курдюмов В. А. Еще раз к вопросу об уровнях языка в русском и китайском языках // VI Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2023. С. 312–321.

- Март Н. Я. Избранные работы. Т. 1–5. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1933–1937.
- Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. М. : Вост. лит., 1995. 352 с.
- Солнцева Н. В., Солнцев В. М. Теоретическая грамматика китайского языка (Проблемы морфологии). М. : ВКИ, 1978. 152 с.
- Li Ch. N., Thompson S. A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkley : Univ. of California Press, 1981. XVIII. 691 p.
- Subject and Topic / Li Ch. N. (ed.). London, N. Y. : Academic Press, 1976. 594 p.

УДК 811.581

А. А. Пруцких, Т. А. Пруцких

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург

ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНОЙ ЛЕКСИКЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Представлены некоторые итоги мониторинга использования китайского языка в информационном пространстве 2023 г., а именно: слово и иероглиф года, десять популярных слов года, десять новых слов года и десять выражений сети Интернет. Проанализированы несколько примеров, отражающих национальную специфику и самые значимые события в жизни китайского общества.

Ключевые слова: китайский язык, информационное пространство, слово года, популярные слова, новые слова, выражения сети Интернет.

A. Prutsikh, T. Prutsikh

St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg

REFLECTION OF THE REALITIES OF MODERN ACTUALITY IN THE MOST FREQUENT VOCABULARY OF THE CHINESE LANGUAGE

Abstract. The article presents some results of monitoring the use of the Chinese language in the information space of 2023, namely the word and hieroglyph of the year, ten popular words of the year, ten new words of the year and ten Internet expressions. Several examples reflecting national specifics and the most significant events in the life of Chinese society are analyzed.

Keywords: Chinese language, information space, word of the year, popular words, new words, Internet expressions.

20 декабря 2023 г. Китайский национальный центр мониторинга и исследования языковых ресурсов (国家语言资源监测与研究中心), издательство «Шаньу иньшу гуань» (商务印书馆), информационный портал «Синьхуа» (新华网) представили совместный доклад «Итоги инвентаризации китайского языка 2023» (汉语盘点 2023) [新华网; 人民网]. Это не единственные структуры в Китае, которые занимаются мониторингом информационного пространства с точки зрения использования языка, отслеживанием тенденций его развития, формально-статистическими лингвистическими исследованиями. Аналогичные собственные отчеты за прошлый год также были представлены шанхайским изданием «Яовэнь цзяоцзы» (咬文嚼字, Буквоед) [2023年十大 ...] и еженедельником «Язык

и письменность» (语言文字周报). Основной фактический материал исследований пересекается, а незначительные отличия в данных только подтверждают объективность результатов работы, что является основанием высокой степени верификации и качества обработки языкового корпуса.

Слова распределены по нескольким разделам: слово и иероглиф года; десять популярных слов года; десять новых слов года и десять выражений сети Интернет.

1. *Слово и иероглиф 2023 г.* – «Одним иероглифом, одним словом описать Китай и весь мир». Иероглифом, который характеризует Китай, стал 振 zhèn, с одной стороны, это восходящая тенденция, направление на развитие, с другой – спокойное душевное состояние и воодушевленный настрой. Состояние, в котором находится Китай, похоже на состояние человека, который перед лицом сложных вызовов не теряет верности самому себе, своим принципам и шаг за шагом продвигается к поставленной цели. 振 относится к концептуальным базовым понятиям устройства современного китайского общества, в связи с чем его перевод на другой иностранный язык не показывает всей глубины и значимости этого концепта без его детального понятийного и, возможно, философского мировоззренческого анализа. Можно предложить варианты перевода как «воодушевление, возрождение, развитие», однако китайское исходное понятие гораздо сложнее и шире переводных аналогов.

高质量发展 gāo zhìliàng fāzhǎn – словосочетание, дающее описание целеполаганию развития Китая на современном этапе. Если раньше при решении базовых потребностей общества в наличии продовольствия, приемлемых бытовых условий не ставилось первоочередной задачей добиваться высшего качества, то в наши дни цель состоит не только в достижении количественных показателей или определенных темпов роста, на первый план выходит повышение качественного уровня решения поставленных задач развития общества и страны в целом. Качество и эффективность – основа дальнейшего развития, высококачественное развитие (高质量发展) стали стратегическим выбором модернизации Китая.

Иероглиф, характеризующий общее положение и ситуацию во всем мире, – 危 wēi. Сложные переплетения многочисленных вызовов и кризисов (危) современного мира, таких как восстановление мировой экономики, разрыв в развитии между странами и регионами, ухудшение экологической обстановки, войны и конфликты оказывают негативное влияние на общее положение во всем мире, и общей задачей человечества является поиск новых возможностей (机 jī).

Chat GPT – слово, за которым скрывается одновременно и прогресс, и опасность для всего мирового сообщества. Оно настолько быстро вошло в нашу жизнь, что во многих языках так и остается в своем исходном

англоязычном варианте. Человек, создав искусственный интеллект, всегда ли может его контролировать, и не возникает ли опасности контроля со стороны ИИ над человеком? Нарастающее внедрение технологий ИИ в нашу жизнь многими воспринимается с оправданным опасением, хотя очевидно, что процесс будет только усиливаться, и выработка единого подхода к возрастающей роли искусственного интеллекта является важной задачей всего человечества.

2. Десять популярных слов 2023 г. 中华民族现代文明 Zhōnghuá mínzú xiàndài wénmíng – современная цивилизация китайской нации; 高质量共建“一带一路” gāo zhiliàng gòng jiàn “yīdài yīlù” – высококачественное совместное строительство «Одного пояса и одного пути»; 全球文明倡议 quánqiú wénmíng chàngyì – инициатива глобальной цивилизации; 数字中国 shùzì Zhōngguó – цифровой Китай; 杭州亚运会 Hángzhōu yàyuànhuì – Азиатские игры в Ханчжоу; 核污染水 hé wūrǎn shuǐ – радиоактивное загрязнение воды; 巴以冲突 bā yǐ chōngtú – палестино-израильский конфликт; 大语言模型 dà yǔyán móxíng – большая языковая модель; 神舟十七号 (神十七) Shénzhōu shíqī hào (shén shíqī) – Шэньчжоу-17; 村超 cūnchāo – деревенская суперлига. Из приведенного перечня отдельно остановимся на последнем – 村超 cūnchāo деревенская суперлига – невероятно популярное спортивное мероприятие среди деревенских команд по футболу в провинции Гуйчжоу, собирающее десятки тысяч зрителей на своих площадках и миллионные просмотры в интернете. Это не просто спортивные соревнования, а красочный фестиваль малочисленных народов, проживающих в провинции Гуйчжоу, направленный на сохранение их культурной самобытности, многовековых традиций и истории.

3. Десять новых слов 2023 г. (по материалам СМИ). 生成式人工智能 shēngchéng shì réngōng zhìnéng – генеративный искусственный интеллект; 全球文明倡议 quánqiú wénmíng chàngyì – инициатива глобальной цивилизации; 村超 (cūnchāo) – деревенская суперлига; 新质生产力 xīnzhì shēngchǎnlì – производительные силы нового качества; 全国生态日 Quánguó shēngtài rì – национальный день экологии; 消费提振年 xiāofèi tízhèn nián – год роста потребления; 特种兵式旅游 tèzhǒngbīngshì lǚyóu – спецназ-тур; 显眼包 xiǎnyǎn bāo – заметная сумочка («заметная личность», «любящий выделяться»); 百模大战 bǎimó dàzhàn – битва ста моделей; 墨子巡天 Mòzi xúntiān – орбитальный телескоп «Небесный патруль Моцзы».

4. Десять выражений сети Интернет 2023 г. 爱达未来 ai dá wèilái – будущее с любовью; 烟火气 yānhuǒ qì – «фейерверк», полная энергии

жизнь; 数智生活 shùzhì shēnghuó – цифровая жизнь; 村BA cūn BA – деревенская баскетбольная ассоциация; 特种兵式旅游 tèzhōngbīngshì lǚyóu – спецназ-тур; 显眼包 xiǎnyǎn bāo – заметная сумочка («заметная личность», «любящий выделяться»); 主打一个×× zhǔdǎ yīgè XX – ведущий, забойный, основной, главный; 多巴胺穿搭 duōbā'àn chuāndā – дофаминовое сочетание одежды; 命运的齿轮开始转动 mìngyùn de chīlún kāishǐ zhuǎndòng – изменения в судьбе (дословно: шестерни судьбы начинают вращаться); 新职人 xīn zhírén – новые профессионалы.

Некоторые слова вошли в оба перечня, составленные по разным основаниям, что обращает внимание на высокую воспроизводимость этих лексических единиц в различных сферах: с одной стороны, язык СМИ, где предполагается использование нормативного стандартного Путунхуа, с другой – язык интернет-пространства, где стандартная норма может быть снижена, а использование разговорного стиля и сленга более распространено.

特种兵式旅游 tèzhōngbīngshì lǚyóu – спецназ-тур – вид путешествий, который обрел особую популярность среди студенческой молодежи. Основная суть – за короткое время посетить как можно больше мест и потратить как можно меньше денег. Как правило, такие экстремальные туры рассчитаны на один, два, три дня активных перемещений с минимальным количеством времени на отдых и сон. Большинство их организуется в выходные, и предполагает достаточно хорошее здоровье и определенную физическую подготовку участников, что и объясняет их направленность на молодежь. Причины популярности этих маршрутов заключаются в их низкой стоимости и высокой насыщенности, кроме того, это своеобразный вызов преодоления для молодежи. Приведем в пример несколько программ предлагаемых спецназ-туров. «一天21公里，逛8个景点，睡4个小时» – за один день 21 км, посещение восьми достопримечательностей, сон – четыре часа [潮安广播电视台: 五一假期结束! ...]. «30小时，6个景点，往返1300公里» – 30 часов, шесть достопримечательностей, маршрут туда-обратно 1300 км [李砍柴:30小时6个景点 ...].

显眼包 xiǎnyǎn bāo – букв. заметная сумочка («заметная личность», «любящий выделяться»). Поначалу выражение имело негативный отрицательный оттенок, приведем пример: 在公司领导开会的时候，领导问：“大家都听清楚了吗？”一般情况下，不管我们是否听清楚，都会说听清楚了，实在不懂的，可以问其他的同事。但是显眼包不一样，他非要多大声说：“不清楚”。这会搞得场面有点尴尬，但是他自己有感觉没什么。这个人就是显眼包 [胡华成: 只有显眼包] – пер.: «Во время проведения собрания руководством компании руководитель спрашивает: “Всем ли все понятно?”. В обычной ситуации, независимо от того, поняли мы или

нет, все говорят, что поняли, кто действительно не понял, могут спросить у других коллег. Однако выскочка не такой, он непременно громко скажет: “Не понял!”. Это может создать немного неловкую ситуацию, но у него самого будет ощущение, что ничего страшного. Этот человек и есть выскочка». Зачастую *заметная сумочка* как нечто броское и вызывающее связывалось с китайской популярной блогер-ведущей Ван Цие (王七叶), которая для привлечения подписчиков использовала яркие, но часто бесполезные аксессуары (броские сумочки, необычные украшения, элементы одежды) для дешевой популярности своего блога. С течением времени негативная коннотация уходит, сейчас это выражение имеет нейтральное, а в некоторых контекстах и положительное значение, например: 假设同行的包装全都是俗气的红色, 那么我们就做这个行业唯一的绿色, 那么我们就是 “万花丛中一点绿”, 人们不会注意那些红色商品有什么特别之处, 只会关注这个绿色的产品. 这就是显眼包的好处[胡华成: 只有显眼包 ...] – пер.: «Предположим, что вся упаковка у конкурентов банального красного цвета, тогда мы будем единственными в отрасли производителями зеленой. Таким образом, мы станем “немного зелеными среди множества цветов”. Люди не будут обращать внимание на особенности товара красного цвета, а обратят внимание на этот зеленый товар. Это и есть преимущество заметной сумочки». В настоящее время использование *显眼包* xiǎnyǎn bāo в отношении кого-либо говорит об индивидуальности человека, его положительных чертах и уникальных отличительных особенностях.

爱达未来 ai dá wèilái – *будущее с любовью*. Популярность выражение приобрело во время Азиатских игр в Ханчжоу (с 23 сентября по 8 октября 2023 г. в г. Ханчжоу), главным девизом которых стал «心心相融, @ (爱达) 未来 xīnxīn xiāng róng, ài dá wèilái – *от сердца к сердцу, будущее с любовью*». Выражение имеет вполне прослеживаемую связь с китайской глобальной инициативой «совместного создания сообщества единой судьбы человечества 共建人类命运共同体 gòngjiàn rénlei mìngyùn gòngtóngtǐ». Дополнительной популярности данного девиза способствовала песня с таким же названием, написанная специально для Игр.

多巴胺穿搭 duōbā'àn chuāndā – *дофаминовое сочетание одежды или дофаминовая одежда или наряд*. Считается, что гормон и нейромедиатор «дофамин является одним из химических факторов внутреннего подкрепления и служит важной частью “системы вознаграждения” мозга, поскольку вызывает чувство удовольствия (или удовлетворения), чем влияет на процессы мотивации и обучения» [Дофамин]. Термин «дофаминовая одежда» был введен психологом моды и дизайнером Донной Каран, основательницей модельного дома и торговой марки DKNY (Donna Karan New York). Как видно из названия, речь идет о стиле, поднима-

ющем настроение и улучшающем общее восприятие окружающего мира, для которого характерны яркие, пестрые цвета и сочетание несочетаемого.

Мы не стали анализировать слова и выражения, не составляющие сложности в их понимании при переводе на русский язык, и разобрали несколько примеров, отражающих известную уникальность, характерную для китайскоязычного пространства, при переводе которых у носителей русского языка могут возникнуть определенные вопросы. Ежегодное подведение «языковых итогов» показывает, каким явлениям и событиям уделялось наибольшее внимание в жизни китайского общества, какие понятия и лингвокультурные концепты имели значительное влияние, по которым очевидно прослеживается основной общественно-политический трек и настроения народных масс. Особое внимание в современном Китае уделяется воплощению в жизнь основного курса на развитие и укрепление страны изнутри и позиционированию на международной арене. Представляется интересным проследить содержательные изменения за последние несколько лет фиксируемого языкового материала с целью его сопоставления с реальными жизненными приоритетами.

Библиографический список

“汉语盘点 2023”年度字词揭晓 / 新华网 . URL: <http://www.news.cn/expo/20231220/80619f11af7344c094a267a6dee3a74a/c.html> (дата обращения: 15.02.2024).

“汉语盘点 2023”年度字词河校揭晓 / 人民网 . URL: <http://ent.people.com.cn/n1/2023/1220/c1012-40143378.html> (дата обращения: 15.02.2024).

2023 年十大流行语公布 / 百度 . URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1784420811964388138&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.02.2024).

潮安广播电视台: 五一假期结束! 符合“特种兵式旅游”的恢复指南来了/百度. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1798274159810598235&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.02.2024).

李欣柴: 30 小时 6 个景点, 往返 1300 公里, “特种兵式旅游”藏着一地鸡毛/百度. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1765675912982162844&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.02.2024).

胡华成: 只有显眼包, 才能有更好的未来! /百度. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1774191602929647751&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 15.02.2024).

Дофамин. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D1%84%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BD> (дата обращения: 15.02.2024).

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ФУНКЦИИ МЕТЕОНИМОВ «СНЕГ» И «ДОЖДЬ» В УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассмотрены способы репрезентации метеонимов «снег» и «дождь» в устойчивых выражениях японского языка. В ходе исследования применяется лингвокультурологический подход, позволяющий выявить основные ценностные характеристики и функции метеонимов. В качестве материала применяются как словари, так и электронные ресурсы, представляющие собой сборники устойчивых выражений японского языка.

Ключевые слова: метеоним, устойчивые выражения, фразеологизмы, пословицы, японская лингвокультура.

N. Trazanova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE WAYS OF REPRESENTATION AND FUNCTIONS OF METEONYMS “RAIN” AND “SNOW” IN FIXED EXPRESSIONS OF THE JAPANESE LANGUAGE

Abstract. The purpose of this article is to study the ways of representation of metonyms “snow” and “rain” in fixed expressions of the Japanese language. In the process of study we follow the linguocultural approach in order to reveal axiological characteristics as well as functions of metonyms. The basic material of the research is dictionaries and electronic resources which have the form of collections of fixed expressions.

Keywords: metonym, fixed expressions, phraseological units, proverbs, Japanese linguoculture.

Метеорологическая лексика отражает бытие человека в тесной связи с миром природы. Географические координаты, климат и погодные явления определяют константы жизненных условий, векторы освоения новых территорий, развития сельского хозяйства, формирования местных традиций и ритуалов. Одной из важнейших функций языка при этом является номинативная, позволяющая обозначить явления окружающего мира природы, сформировав при этом древнейший пласт лексики.

В качестве объекта лингвистического исследования встречается также понятие «метеоним», которое состоит из греч. *meteora* – *небесное явление* и лат. *nomēn* – *имя* и обозначает в самом общем смысле многообразие состояний природы, погодных явлений и стихий [Фёдорова, 2015, с. 192].

Вместе с тем сложность и неоднородность системы метеонимов приводит к необходимости уточнения и разграничения ее компонентов. Так, А. Н. Ракин предлагает следующую классификацию метеорологической лексики: «общесистемные обозначения (атмосфера, климат, воздух, погода), обозначения состояния атмосферы (тепло, холодно, прохладно, сыро, сухо, ясно), названия атмосферных явлений (гром, молния, заря, радуга, марево, туман), названия атмосферных осадков (дождь, морось, ливень, роса, снег, крупа, град, иней), названия ветров (ветер, буря, вихрь, метель)» [Ракин, 2015, с. 56].

Предметом данного исследования послужили метеонимы, принадлежащие к группе атмосферных осадков, «снег» и «дождь», которые являются компонентами устойчивых выражений в японском языке.

В японской лингвокультуре названия природных явлений нередко относятся к уникальной, этноспецифической лексике, которая отражает национальную картину мира, особенности мировидения японского народа. Метеонимы 雪 *юки* «снег» и 雨 *амэ* «дождь» играют роль значимых концептов японской лингвокультуры, которые не только подчеркивают своевременность сезонных явлений, но и обладают эстетической и художественной ценностью.

К проблеме вариативности номинации дождя мы обращались ранее и выявили такие функциональные ряды названий, как: 1) характеристики интенсивности и способы выпадения осадков; 2) дождь как благословение небес; 3) свойства дождя, проявленные в цветовой гамме; 4) символическое значение и образы дождя; 5) названия, обозначающие время года. Всего было обнаружено и изучено 143 единицы [Козодой, Тразанова, 2023, с. 306].

В традиции использования сезонных слов 季語 *киго* в японской поэзии нередко обращаются к названиям дождя, которые указывают на определенный период времени года (梅霖 *байрин* «сливовые дожди», 雪解雨 *юкигэ амэ* «весенний дождь, растапливающий снег», 冬時雨 *фую сугурэ* «зимний морозящий дождь» и т. д.) и передавая таким образом свои чувства, ощущение момента «здесь и сейчас».

В данной статье будут представлены устойчивые выражения японского языка с компонентами-метеонимами 雪 *юки* «снег» и 雨 *амэ* «дождь» с целью выявления их роли и функций как знаков языка и культуры. Под устойчивыми выражениями подразумевается широкий круг устойчивых единиц, включающий классические фразеологизмы *канъёку*, пословично-поговорочные выражения *котовадза*, а также четырехсложные идиоматические выражения *ёдзидзюкуго*.

Материалом для исследования послужили следующие сборники и ресурсы: 岩波ことわざ辞典 *Иванами котовадза дзитэн* «Словарь пословиц Иванами», 2011; 故事ことわざ辞典 *Кодзи котовадза дзитэн* «Словарь пословиц», 1956; 四字熟語辞典 *ОНЛАЙН Ёдзидзюкуго дзитэн* *ОНЛАЙН* «Словарь ёдзидзюкуго онлайн».

Выпадение осадков и их количество оказывает значительное воздействие на урожай, и поэтому целый ряд устойчивых выражений реализуется в форме народных примет:

1) 雪は豊年のしるし *Юки ва хо:нэн-но сируси* «Снег – примета урожайного года»;

2) 雨栗日柿 *Амагури хикаки* «Много дождя – родятся каштаны, много солнца – хурма»;

3) 朝虹は雨夕虹は晴れ *Аса нидзи ва амэ ю:нидзи ва харэ* «Утренняя радуга – к дождю, вечерняя – к ясной погоде»;

4) 五風十雨 *гофу: дзю:у* «Через каждые пять дней – ветер, через каждые десять дней – дождь».

В четвертом примере показаны идеальные погодные условия для богатого урожая. В иносказательном смысле так говорят про спокойную и мирную жизнь, главным критерием которой является гармоничность: благоденствие лишь изредка оттеняется неблагоприятными событиями – ветром и дождем.

Другая группа устойчивых выражений с компонентами метеонимами объединена общей идеей отображения эстетически прекрасного:

1) 月雪花は一度に眺められぬ *Цуки юки хана ва итидо-ни нагамэрарэну* «Невозможно полюбоваться и луной, и снегом, и цветами одновременно»;

2) 雪月風化 *сэцугэцу фу:ка* «Снег, луна, ветер, цветы» (перечисление красот природы: зимний снег, осенняя луна, летний ветерок, весенние цветы);

3) 雨奇晴好 *уки сэйко:* «Красивый вид как в дождь, так и в ясную погоду»;

4) 雪を欺く *юки-о адзамуку* «Обмануть снег» (обычно о женщине с очень красивой белоснежной кожей);

5) 肌肉玉雪 *кинику гёкусэцу* «Кожа белая, как снег» (о красивой женщине).

Что касается структуры, четырехзначное устойчивое сочетание *ёдзидзюкуго* (второй пример), демонстрирующее классическое представление о сезонных явлениях, которые входят в категорию прекрасного, существует в самых разнообразных вариантах: 花鳥風月 *катё: фу:гэцу* «Цветы, птицы, ветер, луна», 春花秋月 *сюнка сю:гэцу* «Весенние цветы, осенняя луна», 花鳥月露 *Катё: гэцуро* букв. «Цветы, птицы, луна, роса» и т. д. В *ёдзидзюкуго* такого типа наблюдается чередование либо четырех, либо двух знаковых компонентов, символов природных красот, среди которых обычно встречаются и метеонимы (雪 *юки* «снег», 露 *ро/цую* «роса», 風 *кадзэ* «ветер» и др.).

В четвертом и пятом примерах наблюдается сравнение и уподобление женской кожи белому снегу, что иллюстрирует один из аспектов традиционной красоты женского образа, устоявшегося в японской культуре.

Если говорить о способах репрезентации метеонимов, то во фразеологических и пословично-поговорочных выражениях они нередко противопоставляются другому компоненту-метеониму либо предмету, имеющему противоположное значение:

- 1) 雨過天晴 *ука тэнсэй* «Дождь пройдет, солнце взойдет»;
- 2) 雪と墨 *юки то суми* «Снег и тушь» (существует и более развернутый вариант: 天地、夏冬、雪と墨 *тэнти, нацу фую, юки то суми* «Небо и земля, лето и зима, снег и тушь», раскрывающий идею о кардинально противоположных явлениях).

Внутри одного устойчивого выражения можно обнаружить пару метеонимов (в некоторых случаях их может быть и больше), в которой один дополняет или усиливает значение другого:

- 1) 雪上加霜 *сэцудзё: касо:* «К снегу еще и мороз»;
- 2) 雨露霜雪 *уро со: сэцу* «Дождь, роса, иней и снег» (о горестях и страданиях в человеческой жизни, которые чередуются подобно выпадающим осадкам);
- 3) 雲行雨施 *унко: уси* «Облака собираются, дождь идет»;
- 4) 黒雲白雨 *кокуун хакуу* «Черные тучи, дождь стеной»;
- 5) 雨も風も一緒 *амэ-мо кадзэ-мо иссё* «И снег, и дождь» (когда много дел сразу навалилось);
- 6) 風雪に耐える *фу: сэцу-ни таэру* «Выдержать ветер и снег» (преодолеть трудности и несчастья).

Данный ряд устойчивых сочетаний может быть продолжен, поскольку фразеологических единиц с несколькими компонентами-метеонимами насчитывается довольно много. Среди наиболее типичных сочетаний выявлены следующие: 雪 *юки* «снег» и 霜 *симо* «иней», 雲 *кумо* «облако» и 雨 *амэ* «дождь», 雨 *амэ* «дождь» и 風 *кадзэ* «ветер».

Кроме того, существует большая группа устойчивых выражений, в которых метеонимы характеризуют человеческие отношения, образ человека, его качества и действия:

- 1) 雨降って地固まる *Амэ футтэ, дзи катамару* «Когда идет дождь, земля твердеет»;
- 2) 雨晴れて笠を忘る *Амэ харэтэ каса-о васуру* «После дождя зонты забывают»;
- 3) 旧雨今雨 *кю:у конъу* «Старый дождь, новый дождь».

В первом примере говорится о формировании человеческих отношений: люди вместе преодолевают трудности, «притираются», разрешают ссоры и разногласия, со временем узы между ними становятся крепче.

Во втором примере в образе дождя предстают неприятности, а зонт является символической защитой от них. Когда беды остаются позади, человеку свойственно забывать о благодарности.

Третий пример – в форме *ёдзидзюкуго* представлено устойчивое сочетание, которое основывается на фонетическом созвучии китайских слов «дождь» и «друг». Поэтому данное сложное словосочетание имеет значение «старые друзья, новые друзья», где дождь олицетворяет образ человека.

О несвоевременности или ненужности чего-либо говорится в следующих устойчивых сочетаниях:

1) 雨降りに草履 *амэфури-ни дзо:ри* «Сандали в дождь» (о чем-то неподходящем, часто об одежде);

2) 団雪之扇 *дансэцу-но о:ги* «Веер во время снега» (о несвоевременной вещи; о женщине, которую бросил мужчина)

3) 冬の雪売り *фую-но юки ури* «Продажа снега зимой».

Следует отдельно упомянуть устойчивое сочетание 螢雪の功 *кэйсэцу-но ко:* «Достижения при сиянии светлячков и снега», история которого имеет китайские корни, как и большинство *ёдзидзюкуго*. Существует две версии, касающиеся известных личностей Китая:

1) Че Инь – чиновник и генерал, у семьи которого не всегда было достаточно денег на покупку масла для ламп, при свете которых он читал по ночам, будучи ребенком. Поэтому летом в доме держали лампу, внутри которой летал десяток светлячков, и Че Инь учился при свете, исходящем от них.

2) Сунь Кан – военачальник, родившийся в 198-м г., тоже упорно учился, но, в свою очередь, читал по ночам зимой, выкладывая на окно снежки. Их белизна рассеивала тьму, и буквы в книгах становились различимыми.

В Японии эти истории стали известны из учебника традиционного китайского языка, которым пользовались в эпоху Хэйан (794–1185 гг.). Примерно в то же время прилежность обоих китайских сановников в итоге была увековечена в идиоме, а результаты упорного труда стали называть светлячково-снежными успехами.

В 14-й год эпохи Мэйдзи (1881 г.) на мотив шотландской песни «Auld Lang Syne» («Старое доброе время») (1778 г., стихи Роберта Бёрнса) японский педагог Инагаки Тикаи положил свои стихи, в которых использовал популярные в Японии образы, связанные с учебой, и получилась традиционная песня 螢の光 *Хотару-но хикари* «Сияние светлячков» для выпускной церемонии, которую до сих пор исполняют в школах. В первой строчке обозначены символы плодов усердной учебы: 「螢の光窓の雪」 *Хотару-но хикари мадо-но юки* «Сияние светлячков и снег на

окне...». К тому же песню исполняют в качестве завершения ежегодной новогодней передачи 紅白歌合戦 *Ko:хаку ута гассэн* «Песенное состязание красных и белых». Поэтому устойчивое выражение 蛍雪の功 *кэйсэцу-но ко*: «Достижения при сиянии светлячков и снега» обладает особенной лингвокультурологической ценностью, подчеркивает важность старательной и усердной учебы.

Таким образом, метеонимы 雪 *юки* «снег» и 雨 *амэ* «дождь» представлены в устойчивых выражениях японского языка в качестве концептов японской лингвокультуры с выраженным аксиологическим значением. Данные метеонимы в составе фразеологизмов передают особенности японской национальной картины мира, заполняя такие фрагменты, как представление о прекрасном (тесно связанное с естественной красотой природы, а также женской красотой); народные приметы, связанные с сельским хозяйством; образ человека.

Метеонимы в устойчивых сочетаниях японского языка предстают в отношениях противопоставления в парах 雨 *амэ* «дождь» – 日 *хи* «солнце», 雨 *амэ* «дождь» – 晴れ *харэ*/天晴 *тэнсэй* «ясная погода». Также нередко прослеживаются отношения, в которых один метеоним дополняет либо усиливает значение другого. В таких случаях наиболее часто встречаются сочетания: 雪 *юки* «снег» и 霜 *симо* «иней», 雪 *юки* «снег» и 風 *кадзэ* «ветер», 雲 *кумо* «облако» и 雨 *амэ* «снег», 雨 *амэ* «дождь» и 風 *кадзэ* «ветер».

Библиографический список

Козодой О. А. Тразанова Н. Ю. Песнь о дожде: вариативность номинации метеонима «дождь» в японской лингвокультуре // VI Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 6–8 дек. 2022 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023. С. 304–312.

Ракин А. Н. Обозначения атмосферных явлений в составе метеорологической лексики пермских языков // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2015. № 8. С. 56–61.

Фёдорова К. Л. Русские и английские фразеологизмы с компонентами-метеонимами в лингвокультурологическом аспекте // Актуальные проблемы филологии: сб. материалов Всерос. науч. конф. Курган, 25 дек. 2014 г. Вып. 1. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 192–195.

岩波ことわざ辞典 / 時田昌瑞. 東京: 岩波書店. 2011. 651 ページ.

故事ことわざ辞典 / 鈴木棠三・広田栄太郎. 東京堂出版、1956. 988 ページ.

四字熟語辞典 ONLINE. URL: <https://yoji.jitenon.jp/cat/kanji.html> (дата обращения: 05.02.2024).

THREE VALUES IN COGNITIVE COMMUNICATION IN CHINA

Abstract. After more than 30 years of development in China, cognitive communication has formed its theoretical framework and presents the Chinese characteristic of its future evolution, which is deemed as an important branch of the communication theory system. Three fields of values of cognitive communication are as follows: the exploration of humanistic perspective, interpersonal relationship and non-physical space, which adheres to a humanistic approach from subjectivity to inter-subjectivity; taking the experience as the center of human communication practice, which covers the direct experience of cognition from intentionality and the indirect experience focusing on interpretive communication; the idea that all the facts and meanings entering into the human brain have been subject to the mental processing and transformation of knowledge, experience, emotion, position, hobby and other subjective factors.

Keywords: cognitive communication, inter-subjectivity, experience, cognitive processing.

Лу Шань

Университет Флоренции, Флоренция

ТРИ ЗНАЧИМЫХ КОНЦЕПЦИИ КОГНИТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КИТАЕ

Аннотация. Рассмотрены базовые концепции когнитивной коммуникации в Китае: 1) изучение гуманистической перспективы, межличностных отношений и нефизического пространства на основе гуманистического перехода от субъектности к интерсубъектности; 2) понимание опыта как центрального звена реализации практики общения между людьми, включая непосредственный опыт познания на основе намерения и косвенный опыт с упором на интерпретирующую коммуникацию; 3) концепция ментальной переработки всех фактов и понятий, поступающих в человеческий мозг; и также их трансформации на основе знаний, опыта, эмоций, социального статуса, личных увлечений и других субъективных факторов.

Ключевые слова: когнитивная коммуникация, интерсубъектность, опыт, когнитивная обработка.

Introduction

The research of cognitive communication in China has developed for 30 years and has experienced three stages: slow development period (1987–2003), theoretical consciousness period (2004–2010) and system construction period (2011–present) [Li, 2018]. Cognitive communication has gradually shown the Chinese characteristic of its future development, which is considered by the academic circle as one of the important branches of the current macro-system of communication. It takes the responsibility of transcending the traditional framework of objective, empirical, experiential and technical. Under the multidisciplinary cross-integration, its theoretical procedures have formed such three major value fields as inter-subjectivity, experiential practice and mental processing and have broadened the main line and subject approach of communication studies.

From subjectivity to inter-subjectivity: a humanistic approach

In the history of communication theories, scholars have attached great importance and devoted themselves to the study of media technology. McLuhan believes that the media is the external extension of human organs; televi-

sion, camera and network live broadcast are the externalization of the eyes; telephone, radio and audio are prostheses of the ears; computer and control center are alternative symbols of the heart; and touchable electronic media are imitators of the skin... [Li, 2021]. The mechanical expansion of the media is considered to be the reinforcement and amplification of human organs, senses or functions. Deeply influenced by McLuhan, Debreu proposes a research method beyond traditional communication studies – media science. According to him, a history of human civilization is almost equivalent to a history of media evolution. The fanatical preference for media technology has been strengthened under the trend of rapid development of digital media, and human subject consciousness has gradually faded in communication studies, or been suppressed by the endless technology orientation. Cognitive communication calls for the return of human subjectivity, and deepens and expands it in terms of thinking and practice [McLuhan, Chinglong, 2000]. We believe that the shift from subjectivity to inter-subjectivity will be a value domain that future communication research will inevitably pay attention to, and it may also lead to another transformation of communication studies.

The Chicago School's technological humanistic paradigm

The Chicago School is an academic group with important influence in the history of communication studies. They widely adopt qualitative research methods based on field investigation. They are eager to study the symbolic interaction between people and the technological determinism of purely technological progress, hoping to change American society. It can be said that the two academic views with different perspectives are very obvious in the ideological system of the Chicago School, and the proportion of the former may be much larger than the latter [Chen, Regis, 2015].

Bateson's "Ptolemaic revolution" from a cognitive perspective

Bateson has been committed to thinking about communication from the perspective of human cognition. Benefiting from anthropology, linguistics, psychology and psychiatry, he puts forward a general epistemology, that is, communication is the starting point for understanding human behavior, social structure, relevant organizations and other important issues of civilization. Hence, he summarizes his famous statement that "human beings cannot do without communication" [Hu, 2006].

Bateson believes that information can produce two kinds of meanings at the same time. One focuses on content, the other suggests relationship. The "content meaning" focuses on who, when and what (the object's perspective), and the "relationship meaning" reveals the object connection between participants in the communication process (the subject's perspective). In the history of human communication, he proposes the concept of "meta-communication" for the first time, that is, this kind of communication activity is not to convey clear content, but may only be a fuzzy response to interpersonal relationships

such as prompt, criticism, praise, request and pause [Pan, 2005]. Bateson and his followers have realized the questioning and backtracking of classical communication theory, completed a “Ptolemy-style” revolution in the field of communication, and highlighted the important role of human subjectivity in cognitive communication.

The communication orientation of inter-subjectivity thinking

The game between technicality and subjectivity in the history of communication is the result of the iterative continuation and context derivation of the subject-object dualism. Based on the previous studies, cognitive communication highlights the important role of human subjectivity in the communication process. With the usage of modern technology, cognitive communication also upholds an academic perspective of rethinking the complex relationship between subjects, technology, environment and so on, so as to construct an inter-subjective thinking that maps entity and non-entity, examines existence and non-existence, organically interacts and generalizes and unifies. Inter-subjectivity provides a rich phenomenological perspective for the development of cognitive communication. Cognitive communication believes that the world and things we see in our eyes are closely related to the inner mind. It can even be said that the phenomenon in front of humans is only the reflection of the inner mind. In this sense, there is no pure subject, nor unchanging object. The transformation and integration of subject and object continue to take place on the broad stage of human communication.

Experience and practice as a psychological path in human communication

In *The Theory of Human Communication* (the ninth edition), co-authored by Stephen Littlejohn and Karen Foss, some scholars at the forefront of the discipline have clearly listed phenomenology as one of the seven traditions of communication research. A key concept of phenomenology is "embodiment", the subjective feelings of human beings.

Direct experience of cognition of the world from intentionality

Phenomenology has a basic theoretical premise – people recognize the world and form relevant concepts through their own personal experience, and then further reveal the essence of the world by these concepts. The methodology of "intentional experience" by Merleau-Ponty has greatly influenced the construction of experiential philosophy and contributed to the flourishing of the second generation of cognitive science, and thus provided theoretical guidance and framework for the mature development of cognitive communication [James, 2005]. Cognitive communication takes direct experience as a sufficient premise for the construction of authenticity, and develops a universal concept of multiple authenticity. Generally speaking, the world you see is real, and the world I observe is also real. Every person and even every creature has their own real world of personal experience. However, due to the differences in in-

dividual intentionality, our respective experiences and perceptions of the world may be slightly different and cannot be completely overlapped.

Indirect experience of communication interpretation and “speaking into the air”

Generally speaking, people tend to recognize the world, form concepts and influence real behaviors through direct experience. But in many cases, due to the restrictions of various conditions, people cannot personally experience things and events, and must use certain media, such as language, text, image, sound, signal, symbol, etc., to understand the existence or development of things in others' narration, in the forwarded illustrations or through duplicated symbols so as to acquire certain knowledge and apply it in practice. Listening to stories, going to cram schools, reading, chatting, watching TV, listening to the radio, using mobile phones and computers and other network media are all non-personal experiences. We call this indirect experience, a way for human beings to recognize the world. The most typical indirect experience is education.

Heidegger, in his interpretation of phenomenology, emphasizes that it is precisely because of the language interpretation of the existing under specific conditions that the value and meaning of phenomena are presented [Walzlwick, 2011]. In Heidegger's theory of pragmatic behavior interpretation, language is identified as a key bridge for recognizing the world, and the meaning of language used in different environments has a profound impact on people's experience of a specific situation or special object, thus forming a similar world picture under the subjective framework. Pierce's ternary communication theory rooted in phenomenology also believes that there are three basic categories that control people's cognition of everything in the world. The first is what we perceive with our bodies, which is a shadow of the real world obtained through direct experience; the second is the real world we observe with experience and knowledge; the third is the interpretation of the first and second by integrating the rules and structures of them, that is, the narrator's interpretation of the meaning of external things based on different situations and relationship restrictions. There is no denying that the interpreter plays a key guiding role in the process of the recipients' cognition of the world through indirect experience; but from the perspective of the recipients, the discourse or text of the interpreter itself is also full of gaps, and there is inevitably a space for making up. No educator can know everything, and no narrative or text can cover all facts or clarifying all truths. Therefore, we believe that the interpreter's discourse interpretation varies from person to person, and those natural gaps are the cognitive space left by the interpreter to the recipient. In the process of interpretation, the interpreter also invites the recipient to actively “speak in the air” [Liu, 2010], freely imagine, and integrate the construct new texts and new systems.

4.0 The influence of mind on the elements of the communication process

It is mind that is closely related to human experience and cognition. In the experiential philosophy advocated by Raykov and Johnson, human mind, concept and language are formed on the "interactive experience" with the outside world and the "cognitive processing" of the brain, which is a kind of recognition monism completely different from Descartes' physical and mental dualism. In other words, human mind is not endowed by God. It matures from the accumulation of experience and learning knowledge in real life [Wang, 2017]. In turn, the mature human mind dominates and controls the judgment and behavior of individuals, imposing subjective initiative mapping and rewriting. Practice has proved that human mind is not a natural mirror for objective recording or a copy of external things, but a philosophical mirror under the influence of subjective factors of knowledge, experience, emotion, position and hobby.

4.1 Information processing based on calculation and logical inference

The human brain is a store and processor of knowledge. Knowledge acquired through experience is hidden in the brain in the form of symbols. As Lachman et al. has pointed out, a small number of relatively basic symbolic calculation operations such as coding, comparison, location, storage and similar operations may eventually be responsible for human intelligence, thus creating knowledge, novelty, and perhaps a kind of expectation and vision for the future [The Mechanism ..., 2019]. These basic knowledge symbols will produce initial judgment, choose, memorize, rewrite and so on, playing the role of the central processor. It is this kind of rational thinking, logical inference, cultural hierarchy and knowledge structure that work on the processing of external things, forming different representations and connotation differences of people's cognitive behaviors towards the same object.

Langacker advocates that people's cognition of the world and expression of meaning inevitably involve objective experience and subjective perception. While grounding, due to the individual characteristics of the interactive experience of the cognitive subject, people tend to examine the same object from different levels of detail, jurisdiction, background, perspective and highlight. This forms a different view of the object, and even a variety of concepts with changing semantics. This "creative misreading" based on the experience of objective objects is the selection and reorganization of human individual knowledge and practical experience, and also a kind of deconstruction rewriting emphasized by Bloom in rhetorical form [Zhang, 2018]. Moreover, the stronger the sense of "misreading" experience is, the more texts are generated, and the more easily it becomes a classic.

Information processing based on mood or emotion

In a certain context, the intake of external things by the human mind is largely subject to the mood or emotion of the human mind. Mood is a unique human quality, floating in the surface of life or work space. If managed proper-

ly, it will add color to people's lives; if not well controlled, it will also bring us serious negative effects. Cognitive scientists believe that as conscious human beings, our daily life is composed of a continuous flow of emotions, and human beings cannot fully prohibit moods or feelings from invading and manipulating themselves. Mood states may be an instantaneous stimulus response, while emotions are relatively persistent. Moods cover a wider range and have a longer effect on the cognitive solidification of external things.

During this era of great prosperity of social media, the public has more diversified and convenient channels to obtain information and express opinions, which intensifies their subjective processing preferences to explore facts or even construct facts under emotional conditions. Some scholars believe that we have ushered in a "post-truth era" in which objective facts, subjective processing and mood (emotional) noise together constitute the ontological truth. In this "post-truth era", "truth" is like enjoying flowers through the fog or willows across the river. Its representation is more tortuous and long, while moods (emotions) play an important role. Under the empowerment of social media, the noise of mood (emotion) often actively selects the fact fragments that conform to its vibration frequency, coupled with subjective rendering and polarization, jointly collages and creates a phenomenon of reality, and strives to shape a value orientation, which intensifies the fluctuation and fermentation of emotion, and further promotes the emotional reorganization of the truth [Shirky, 2020]. Therefore, mood (emotion) is no longer the noise in the process of communication, but starts to play a key role in the circular influence between the facts and the truth.

Conclusion: Calling for a life of communication

From the perspective of the history and characteristics of the development of communication, communication is a human science which studies the relationship between people. Although the progress of media technology has brought revolutionary innovation and change to its system framework, the compliance and dependence on technology has also weakened the attention to human thought, consciousness, rationality, emotion, mood and interest. Modern society relies on the connection of social software, but it is also inseparable from the examination of the interdependence of life between people. Different from classical communication, cognitive communication is a complex of human subjectivity, and its theoretical scope covers the sum of entity and non-entity factors, properties and functions in the process of communication, that is, an interpersonal connection of mutual subjects; it also takes human experience (including direct experience and indirect experience) as a necessary prerequisite for human cognition and transformation of the world. In a sense, experience is the center of human communication; at the same time, cognitive communication also uses the relevant paradigm of neuroscience to analyze the interactive relationship between body and mind. It emphasizes that man's under-

standing of the real world must go through the rational processing and perceptual processing of his own mind, showing the fundamental connotation of the mirror of philosophy. We have historically overestimated the value of computer networking and underestimated the value of social networking, so we spend too much time solving the technical problems rather than solving the social problems of the people who use software. In the accelerated era of new media and new technology, communication should exist more among people as living beings, in the vitality and ideological force of people. We believe that as a kind of communication reflecting the vitality of life, it will transcend the alienation of dry machinery and technology to social relations, and sublimate into a kind of interaction and mutual construction of reason and emotion.

References

- Li M. The Demonstration of the Value of the Construction of the Multiple Integration System: A Review of the Development of Cognitive Communication Research in China in the Past 30 Years. *Journalism Knowledge*, 2018, iss. 12.
- Li M., Zhu Y. Journalism and Communication in the Interdisciplinary Perspective. *Chinese Social Science Journal*, 2021.
- McLuhan E., Chinglong F. *The Essence of McLuhan*. Nanjing University Press, 2000, 277 p.
- Chen W., Regis D. Media: Concepts and Propositions: Academic Conversations on Media. *Nanjing Social Science*, 2015, vol. 4.
- Hu Yiqing. On the Chicago School of Sociology and the Construction of the Paradigm of Technological Communication. *International Journalism*, 2006, vol. 8.
- Pan Z. Interpretation of Carey, Cross-cultural Grafting, The Difference between News and Communication. *China Media Report*, 2005, vol. 4.
- James W. Carey. *As a Cultural Communication: A Collection of Essays on "Media and Society"*. Huaxia Publishing House, 2005. P. 39.
- Walzlawick P., etc. *Pragmatics of Human Communication: A Study of International Patterns, Pathologies, and Paradoxes*. N. Y. : W. W. Norton & Company, 2011. P. 33.
- Liu M. The Foundational Contribution of Gregory Bateson to the Study of Communication. *International Journalism*, 2010, vol. 1.
- Wang J. Meta-communication: Concept, Implication and Function. *Journal of Journalism and Communication Research*, 2017, vol. 2.
- Yu G., Qian J., Chen Y. et al. The Mechanism of "Post-truth": The Transmission Effect of Emotional Texts – A Study Based on the Paradigm of EEG. *Journal of Xi'an Jiaotong University (Social Science Edition)*, 2019, vol. 4.
- Zhang Q., Cheng Wenqing. Returning to the Dichotomy of Facts and Values: Reflective Post-truth and Its Principles in the Age of We-media. *Journal of Journalism and Communication Research*, 2018, vol. 9.

РАЗДЕЛ VI

**СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ
И ОБЩЕСТВА В СТРАНАХ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА**

УДК 811.581.11

Н. Л. Адилханян

Иркутский государственный университет, Иркутск

**СИМВОЛИКА ПИОНА В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ
КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ СУЩЕСТВОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ**

Аннотация. Выявляется цветочная символика (на примере пиона) в китайской культуре как одно из важных средств существования социокультурной памяти ханьского этноса.

Ключевые слова: символика, символ, социокультурная память, культура, репрезентация.

N. Adilkhanyan

Irkutsk State University, Irkutsk

**SYMBOLICS OF PEONY IN CHINESE CULTURE AS ONE OF THE MEANS OF EXISTENCE
OF SOCIO-CULTURAL MEMORY**

Abstract. The article is devoted to identifying the symbolism of flowers (using the example of peony) in Chinese culture as one of the important means of existence of the sociocultural memory of the Han ethnic group.

Keywords: symbolism, symbol, sociocultural memory, culture, representation.

В реалиях современного общества вопрос сохранения и передачи последующим поколениям культурного опыта прошлого стоит особенно остро. Учеными ставится вопрос о том, с помощью каких именно механизмов сохраняются, передаются и воспроизводятся культурные смыслы и символы. Советский и российский литературовед, культуролог и семиотик Ю. М. Лотман в своей работе «Символ в системе культуры» определяет символ как некоторое содержание, служащее планом выражения для другого, зачастую более ценного для культуры, содержания. Кроме того, Лотман отмечает двойственную природу символа: с одной стороны, он выступает знаком, с другой – «накопителем» памяти культуры. То есть символ, меняясь с ходом истории, может приобретать новые значения;

при этом, сохраняя свои прошлые значения, он является «посланцем других культурных эпох» [Лотман, 1992, с. 173–175]. Данное определение содержит идею о том, что через символы люди передавали ценности, идеалы, традиции, характерные для данного общества на определенном этапе развития.

Считается, что символы несут в себе культурный код, совокупность уникальных культурных особенностей, доставшихся нам от предков, а также существуют как закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать ту или иную культуру. Культурный код способствует определению смыслов различных культурных явлений и феноменов, поэтому символы считаются тем «ключом», который помогает нам открывать путь к пониманию культуры различных этносов.

Именно культуру можно назвать своеобразной памятью общества и человечества в целом, а ее своеобразие и особенности у каждой этнической группы – это культурный код, носителем которого являются представители определенного этноса и культуры. Весьма значимой и плодотворной для исследований в области памяти явилась мысль о том, что один из механизмов сохранения социально важной информации и передачи социального опыта от поколения к поколению носит надличностный характер. Этим фактически заявлялось существование памяти особого рода – социальной. Э. Дюркгейм (один из отцов-основателей французской социологической школы), а также его последователь Л. Леви-Брюль проявляли особый интерес к изучению данного вопроса [Дюркгейм, 1991, с. 572]. А. Моль, размышляя над этим же аспектом феномена культуры, ввел понятие «память мира» [Моль, 1973, с. 408]. Г. Шуман и Ж. Скотт (представители американской социологической школы) предложили определение «коллективная память поколений», что также довольно близко к определению социальной памяти [Шуман, Скотт, 1992]. Преемственность поколений внутри одной этнической группы позволяет сохранять, передавать и создавать символы, ясные и понятные практически всем представителям данной группы, независимо от их возраста и социального статуса.

Одной из древнейших культур, сохранившихся на Земле в своей непрерывной традиции, является культура Китая, носители которой из поколения в поколение бережно передают накопленные опыт и знания. Говоря о китайской культуре, следует сразу уточнить, что речь пойдет о культуре этнической группы хань (汉族 hànzú), самой многочисленной в КНР (ханьцы составляют более 90 % населения). Именно их достижения в древней науке, культуре, искусстве и быте (порох, компас, шелк, бумага, книгопечатание, палочки для еды, иероглифика, каллиграфия и т. д.) обыватели всего мира ассоциируют с Древним Китаем и в целом с особенностями культурной жизни жителей Поднебесной.

К одному из главных способов передачи культурного наследия, бесспорно, можно отнести иероглифическую письменность ханьцев: созданная тысячелетия назад, она по-прежнему является неотъемлемой частью культуры и, несмотря на многочисленные изменения и реформы, которые с ней происходили, она и по сей день является важнейшей этно- и культурообразующей частью в китайском государстве и обществе. Столь давнее время создания ханьской письменности позволило на протяжении тысячелетий фиксировать значимые культурные символы. Для этих целей в древности использовали самые разнообразные носители – каменные барабаны, надписи на бамбуковых и деревянных пластинках, изделия из бронзы, шелковые и бумажные свитки, которые позволили сохранить и передать творения культуры древних китайцев: многочисленные философские трактаты, литературные произведения, словари, фразеологические обороты, устойчивые выражения являются важнейшим материалом для исследований и изучения не только для самих современных китайцев, но и для всех людей, в чьем поле научных интересов лежит Китай и его культура.

Одним из интересных и своеобразных символов культуры Китая (как древнего, так и современного) стала цветочная символика. Отражение подобных символов можно встретить в самых разнообразных сферах жизни китайского этноса: мифологии, литературе, живописи, архитектуре, бытовой культуре. Рассмотрим более подробно, что включает в себя символика одного из самых древних, любимых, популярных и почитаемых цветов в Китае – пиона.

Пион по праву можно считать царем цветов в китайской культуре, именно так его и называют: 花王 (huāwáng). С древних времен символика цветка очень разнообразна, а иногда и противоречива: с одной стороны, пион ассоциируется с образом прекрасной молодой девушки, символом женской красоты, счастья и любви, но также, благодаря яркому окрасу, считается воплощением мужского начала 阳 (yáng) и 阳 (yáng) и 阳 (yáng) (мужская киноварь), является символом чести, благородства, богатства, знатности. Кроме того, пион и хризантема входят в символы четырех времен года: куст пиона – это символ весны, лотос – лета, хризантема – осени, а цветы дикой сливы – зимы. Благодаря красивым цветам пион является добрым предзнаменованием, но когда листья и цветы увянут, то возможны несчастья в семье. В мифологии и литературе можно встретить пион как центральный элемент сюжета, он фигурирует как «пионовая фея» или же «дух пионов» в образе прекрасной молодой девушки. Если переводить дословно имя божества 牡丹 (mǔdān), то получится «пион древовидный», один из сортов рода «пион».

Один из трех крупнейших жанров китайской живописи – «цветы и птицы» (花鸟 huā niǎo) – сложился еще в XI в. Пион выступает на полот-

нах как центральный объект, вокруг которого выстраивается вся композиция картины. Рядом с ним художники могли изобразить порхающих бабочек, что символизировало любовь. Зачастую в композиции с пионами изображали пчел, только эти благородные насекомые, по мнению китайцев, могли касаться «самого красивого» цветка, каковым его величали. В данную композицию художник закладывал образ, таящий в себе любовь невинной девушки. Среди китайских художников, известных картинами с изображением пиона, можно выделить Сюй Си, одного из крупнейших живописцев эпохи пяти династий (У дай, 907–960) и основоположника жанра «цветы и птицы». Любимыми сюжетами этого художника были лотосы, однако особое внимание он уделял и пионам.

В традиционной китайской живописи цветы пиона также имели эротический подтекст. Следуя конфуцианским нормам поведения, художники не позволяли себе изображать на полотнах нечто «вульгарное» и откровенное. Однако, несмотря на соблюдение этих правил, особое искусство намека и недосказанности позволяло выражать чувственность, вызывать сексуальные аллюзии весьма изощренно и многообразно. Так, изображения цветка и бабочки, пейзажа, различных предметов, например вазы, стрелы, скипетра и т. п., содержат богатый образный мир, пронизанный сексуальностью [Духовная ... , 2010, с. 165]. Одно из основных значений пиона как украшения дома состояло в том, что оно передавало статус и высокий уровень достатка хозяйской семьи. Как символ элитарной эстетики он воспринимался показателем большого жалования и, как следствие, богатства. В комбинации с другими предметами: вазой, бамбуком или сливой – пион являлся пожеланием богатства и покоя или же богатства и долголетия [Духовная ... , 2010, с. 58].

Фэншуй 风水 (fēngshuǐ) – древнее учение о геомантической системе, которая помогала определить местоположение городов, погребений, предопределяло удачу и неудачу, выбор лучшего времени для отправления различных церемоний и обрядов, также использовало символику пионов в своих целях. Люди верили, что во время цветения пион привлекает финансовое благосостояние, поэтому его старались выращивать рядом с домом. Внутри дома можно размещать букеты пионов, а также их изображения, располагая их на юго-востоке. Считается, что наибольшей силой обладают древовидные пионы, особенно сорта с девственно белыми цветками и бордово-кремовым пятном у основания.

Пион занимал и занимает в Китае почетное место среди цветов. Уже в IV в. были известны многие его сорта, а в период Сун любовь к пиону стала своего рода манией. В эпоху Мин садоводы выращивали более сотни сортов. Пион – царь цветов – считался символом аристократизма, знатности и богатства. Во время их весеннего цветения в 5-й день 5-й луны отмечали праздник пионов. Когда проходила их пора, на первый план выдвигались цветы других сезонов, которым отводились особые садовые дворики [Духовная ... , 2010, с. 95].

В современном ландшафтном дизайне пион по-прежнему занимает особое место, согласно историческим и культурным традициям. В 1903 г. он был провозглашен национальным цветком страны, что доказывает его высокий статус в сознании как древних, так и современных жителей Поднебесной.

Библиографический список

- Духовная культура Китая : энциклопедия. В 5 т. Т. 6 (доп.). Искусство / РАН ; гл. ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянова [и др.]. М. : Вост. лит., 2010. 1031 с.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. 572 с.
- Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин : Александра, 1992. 247 с.
- Моль А. Социодинамика культуры. М. : Прогресс, 1973. 408 с.
- Шуман Г., Скотт Ж. Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. С. 47–61.

УДК 372.881.1

М. А. Брюггеман

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПРОДВИЖЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДА «ЕНИСЕЙСКАЯ СИБИРЬ» ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: АТТРАКТИВНОСТЬ И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Рассматриваются вопросы продвижения территориального бренда «Енисейская Сибирь» во внешнеэкономическом медийном дискурсе. Опредмечивающие бренд тексты исследуются в качестве текстов продвигающего типа. Обозначена важнейшая характеристика внешнеэкономического дискурса – принадлежность участников коммуникации к разным лингвокультурам. Изучаются проблемы качественного перевода репрезентирующих территориальный бренд текстов, наличия в текстах данного типа аттрактивных механизмов. На примере концепта «Сибирь», имя которого входит в наименование территориального бренда, показана важность номинации бренда при его продвижении в иной культурной и языковой среде. Проведен анализ понятийно-логической и аксиологической компонент лексем 西伯利亚 и 叶尼塞 на базе их вхождения в тексты корпуса китайского языка BLCU Corpus Center.

Ключевые слова: территориальный бренд, продвигающий текст, внешнеэкономический дискурс, аттрактор, концепт.

M. Bruggeman

Irkutsk State University, Irkutsk

PROMOTION OF THE TERRITORIAL BRAND “YENISEI SIBERIA” IN FOREIGN ECONOMIC MEDIA DISCOURSE: ATTRACTIVENESS AND ISSUES OF TRANSLATION INTO THE CHINESE LANGUAGE

Abstract. The article deals with the issues of promoting the territorial brand “Yenisei Siberia” in the foreign economic media discourse. Brand defining texts are considered as promotional texts. The article outlines that the most important characteristic of foreign economic discourse is the belonging of communication partici-

pants to different linguocultures. The article examines questions of qualitative translation of representing the territorial brand texts and the presence of attraction mechanisms in the texts of this type. The name of the concept “Siberia” is included in the name of the territorial brand “Yenisei Siberia”; the importance of brand nomination during the promotion in a different cultural and linguistic environment is shown on the example of the concept “Siberia”. The conceptual-logical and axiological components of the lexemes 西伯利亚 and 叶尼塞 are carried out based on occurrence of these lexemes in the texts of the BLCU Corpus Center Chinese language corpus.

Keywords: territorial brand, promoting text, foreign economic discourse, attractor, concept.

В условиях высокой значимости аксиологической параметризации коммуникативного пространства особенную актуальность приобретает проблема маркетинговой привлекательности информации, содержащейся в текстах продвигающего типа. Текст продвигающего типа можно охарактеризовать как «...коммуникативную единицу, функционирующую в пространстве маркетинговых коммуникаций, служащую целям эффективного воздействия на целевую аудиторию (привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать определенное эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации и, в идеале, побудить к определенному действию) и обладающую системой релевантных вербальных и невербальных средств его усиления/оптимизации» [Ухова, 2018, с. 79]. Широкое понятийное поле указанной дефиниции позволяет рассматривать информационные материалы, репрезентирующие территориальный бренд, в качестве текстов продвигающего типа, к числу которых в полной мере можно отнести тексты, репрезентирующие территориальный бренд «Енисейская Сибирь».

Понятие территориального бренда, или геобрендинга, заимствовано из европейской научной традиции [Кривоносов, 2023, с. 8] и является важной экономической категорией. К территориальным брендам относят бренды отдельных пространственных образований – от населенного пункта и региона до страны или группы стран в целом [Брэнддинг территории ... , 2020, с. 12].

Енисейская Сибирь – это три субъекта Российской Федерации, расположенные по берегам р. Енисей: Красноярский край, Республика Хакасия и Республика Тыва [Интернет-портал ...]. В настоящее время органами государственной власти указанных регионов проводится работа по формированию территориального бренда, под которым на российский рынок, а также на внешние рынки, включая рынок Китая, будет продвигаться продукция компаний, осуществляющих свою деятельность в указанных субъектах Российской Федерации, а также реализовываться крупные инвестиционные проекты развития.

Особый интерес представляет рассмотрение продвигающего текста, репрезентирующего территориальный бренд, в межкультурной коммуникации, когда адресатом (целевой аудиторией) выступают носители лингвокультуры, отличной от той, к которой принадлежат автор/авторы продвигающего текста. В связи с важной ролью Китая как самого перспек-

тивного рынка Юго-Восточной Азии и одного из наиболее перспективных мировых рынков на повестку дня выходят вопросы позиционирования текстов, репрезентирующих бренд «Енисейская Сибирь» в коммуникативном пространстве представителей китайской лингвокультуры.

В данном случае контекстом продвижения выступает внешнеэкономический дискурс, который, представляя собой одну из разновидностей экономического дискурса, рядом исследователей характеризуется также как один из типов медийного дискурса [Вальковский, 2012, с. 73]. Как было указано выше, важнейшей особенностью внешнеэкономического медийного дискурса является то, что участники внешнеэкономической коммуникации принадлежат к разным лингвокультурам. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы качественного перевода продвигающего текста, репрезентирующего территориальный бренд, с языка оригинала на язык реципиента (на китайский язык), а также наличия в данных текстах аттрактивных механизмов, понятных представителям иной лингвокультуры – культуры реципиента.

«Для переводчика текст – это многомерное, объемное построение, пронизанное многочисленными внутренними и внешними связями, а для того, чтобы приступить к переводу, необходимо сперва увидеть и понять фрагмент действительности, который стоит за оригиналом» [Бузаджи, 2015, с. 12]. Указанный подход к переводу текста обуславливает необходимость понимания как языковых, так и экстралингвистических значений языковых единиц текста, уяснение интертекстуальных связей оригинала, а самое главное – понимание дестинации внешнеэкономического медийного дискурса, которая в данном случае может быть раскрыта как повышение ценностного статуса объекта продвижения (территориального бренда «Енисейская Сибирь») в русле его уникальности, значимости, экономической эффективности для сотрудничества.

С позиции геобрендинга аттракторы территориального бренда характеризуются и как «...предмет брендинга в рамках конкретной территории (персона, музей, театр, спортивный клуб, фестиваль, мультимедийный или онлайн-проект и т. п.)» и «...как коммуникационный продукт, имеющий индивидуальные процессуальные, информационные характеристики, зависящие от целеустановки позиционирования территории и соответствующие конкретной тактической установке в стратегии геобрендинга территории» [Кривоносов, 2023, с. 9–10]. Аттрактивные механизмы «выступают в качестве носителей компрессированного смысла освоения мира и привлекают внимание интерпретатора в интеллектуальном, морально-нравственном и прагматическом планах» [Серебренникова, 2015, с. 129]. Интерпретаторами текстов, репрезентирующих бренд «Енисейская Сибирь», переведенных на китайский язык, будут являться представители деловых кругов Китая, а также простые жители,

которые рассматривают возможность организации туристической поездки в регионы Енисейской Сибири.

На наш взгляд, важной характеристикой конструирования внешне-экономического медийного дискурса, которая будет определять уровень доверия адресата к продвигающим текстам, опредмечивающим территориальный бренд, является культурологическая обусловленность процессов перевода и толкования указанных текстов. Для современного Китая апелляция к древней богатой культуре страны в процессе продвижения на внутреннем и внешнем рынках товаров и услуг является важным механизмом удовлетворения нематериальных потребностей (non-material needs), поскольку это не только символизирует и идентифицирует определенную территорию, но и имеет огромный эффект для развития экономики, стимулирования туризма и инноваций [Wang, 2007, p. 116].

Данный аспект приобретает особую актуальность для перевода на иностранный язык наименования бренда, «когнитивно-семиотическое предназначение которого состоит в том, чтобы стать главным критерием приобретения товара» [Афинская, 2021, с. 73]. Номинация бренда в его графическом и фонетическом облике играет определяющее значение при продвижении территориального бренда в иной культурной и языковой среде [Там же]. Если имя отечественного бренда представляет собой концепт, обладающий национально-культурной спецификой, то восприятие данного концепта в его родной культуре будет значительно отличаться от его восприятия в других культурах, что накладывает определенные ограничения на перевод продвигающих текстов, репрезентирующих территориальный бренд, на иностранный язык.

В наименовании бренда «Енисейская Сибирь» уточняется топоним «Сибирь» и гидроним «Енисей» (р. Енисей). Лингвокультурный концепт, именем которого является топоним «Сибирь», представляет собой особый «национальный образ, сложившийся под влиянием исторических и культурных процессов и отражающий ментальность русского народа» [Литовкина, 2008, с. 3]. Наряду с такими концептами, как «простор», «Родина», «путь», «дом» и другие, «концепт “Сибирь” образует свою личную концептосферу, сеть обобщающих концептов»; он обладает сложной трехкомпонентной структурой, включающей историко-событийный, культурно-географический и образно-метафорический компоненты [Татарникова, 2022, с. 29]. К настоящему времени в отечественной лингвокультуре уже сформировался стереотипный образ Сибири / Сибирского региона как географического объекта, топонимического денотата имени концепта. Этот образ характеризуется и положительной коннотативной лексикой (широкие просторы, богатство природных ресурсов и т. д.), и отрицательной (например, удаленность от центра, неразвитость инфраструктуры, суровый климат) [Литовкина, 2008; Татарникова, 2022].

Словарь bkrs.info предлагает следующие варианты перевода наименования территориального бренда «Енисейская Сибирь» на китайский язык: Сибирь – 西伯利亚 xībólià, Енисейская Сибирь – 叶尼塞西伯利亚 yènisāi xībólià. В переводе, который осуществляется по слоговому принципу, отсутствует языковой знак 河 hé (река), входящий в перевод гидронима «Енисей» – 叶尼塞河 yènisàihé. Следует отметить, что переведенное подобным образом имя территориального бренда не обладает той мифологичностью, которая характерна для ономастической системы китайского языка. В китайском языке как языке с изолирующим типом грамматики и идеографической письменностью имена собственные отличаются, прежде всего, выполняемыми функциями [Хамаева, 2019, с. 241]. Для перевода наименований иностранных торговых марок, брендов, как правило, используют благозвучные иероглифические знаки. Таким образом, если лексема «Сибирь», выступая именем концепта «Сибирь», может рассматриваться в качестве базового аттрактора текстов, репрезентирующих бренд «Енисейская Сибирь» на русском языке, то в силу отсутствия каких-либо значимых научных исследований, подтверждающих, что лексема 西伯利亚 выступает именем одноименного концепта в лингвокультуре современного Китая, требуется детальный анализ возможности использования данной лексемы в качестве аттрактора в текстах, репрезентирующих бренд «Енисейская Сибирь», на китайском языке.

В сознании представителей китайской лингвокультуры наименование территориального бренда «Енисейская Сибирь» ассоциируется с теми представлениями о действительности, которые сложились в культуре страны и отражены в китайском языке в связи с актуализацией лексем 西伯利亚 и 叶尼塞 в текстах различной жанровой направленности. Анализ текстов, содержащих указанные выше лексемы и включенных в корпуса китайского языка, позволяет провести оценку аксиологического компонента лексем 西伯利亚 и 叶尼塞.

В настоящее время в Китае существует несколько корпусов китайского языка больших объемов, в число которых входит Корпусный центр при Пекинском университете языка и культуры (BLCU Corpus Center – сокр. BCC) [Фэн Юе, 2020, с. 166, 168]. Объем корпуса BLCU составляет 15 млрд иероглифов, он содержит языковой материал из газет, социальной сети Weibo, художественных произведений, научно-технической литературы и из других сфер. В табл. 1, 2 представлены результаты анализа понятийно-логической, аксиологической составляющей лексем 西伯利亚

и 叶尼塞, встречающихся в текстах корпуса (анализ позволил установить 100 вхождений лексемы 西伯利亚 и 27 вхождений лексемы 叶尼塞河).

Таблица 1

Вхождение лексемы 西伯利亚 в тексты корпуса BLCU Corpus Center
[Корпус Корпусный центр ...]

№	Понятийно-логическая, аксиологическая составляющая	Частотность вхождения, %	Примеры актуализации лексемы в текстах
1	Удаленная, трудно-доступная территория, малоплодородная местность, место изгнания и ссылки	18	...还说‘放逐到西伯利亚’...также говорят «изгнанные в Сибирь... 有人管这儿叫“西伯利亚”---意思是这里地段偏僻, 11年前还是-个荒芜乡村。Некоторые люди называют это место «Сибирью», имея в виду, что это отдаленный район, который 11 лет назад был заброшенной деревней. 4 年过去了, 昔日被人称为“珠海西伯利亚”的西区, 如今已不再是满目荒山滩涂... Прошло четыре года, и западный район, ранее известный как «Чжухайская Сибирь», больше уже не представляет собой бесплодную гористую и болотистую местность...
2	Природные явления, ландшафт, животный мир	8	西伯利亚“阿穆尔”虎 西伯利亚”松毛虫 西伯利亚”сибирский амурский тигр 西伯利亚”松毛虫 西伯利亚”сосновая гусеница»
3	Экономическое освоение ресурсов Сибири (преимущественно во времена СССР), имя собственное для компаний и продукции (для видеоигр)	12	正是这一年, 赫鲁晓夫在苏联共产党第二十次代表大会上大吹大擂, 要“开发西伯利亚”。Именно в этом году на 20-м съезде Коммунистической партии Советского Союза Хрущев заявил о необходимости «освоения Сибири».尤科斯已经拥有西伯利亚92 %的股份, 而西伯利亚则拥有尤科斯26 %股份, 合并将在今年。ЮКОСу уже принадлежит 92 % акций «Сибири», которая, в свою очередь, владеет 26 % акций ЮКОСа, и слияние произойдет в январе этого года. 西伯利亚V2耳机 наушники для видеоигр
4	Холодный климат	7	“西伯利亚”冷空气 «сибирский» холодный воздух 2012年的第一场雪, 雪花飘啊飘, 乐昌! 广东的“西伯利亚”名副其实啊。Выпал первый снег в 2012 году, снежинки кружат, кружат, Лэчан! Гуандунская «Сибирь» оправдывает свое название

№	Понятийно-логическая, аксиологическая составляющая	Частотность вхождения, %	Примеры актуализации лексемы в текстах
5	Экономически неразвитая территория с низким уровнем жизни населения	25	盖了新房，买了电视机，还购进60多部摩托车，人们称赞说：“‘西伯利亚’不再受穷了”。 Построены новые дома, куплены телевизоры, более 60 мотоциклов, и люди восторженно говорят, что «Сибирь» больше не страдает от бедности. 发展，但这里的41个自然村有40个是扶贫对象，被称为“深圳的西伯利亚”。В 40 беднейших из 41 деревень, названных «Шэньчжэньской Сибирью», ведутся мероприятия по борьбе с бедностью. 湖北的西伯利亚 Сибирь Хубэй 北大的西伯利亚 Пекинская Сибирь 福建的西伯利亚 Сибирь Фуцзяни
6	Стратегически важный объект	1	据报道，这名美国公民是在使用高精密度仪器在西伯利亚“克拉斯诺亚尔斯克-2 6”地区拍摄某重要目标时。Сообщается, что гражданин Соединенных Штатов использовал высокоточное оборудование для съемки важной цели в сибирском Красноярске-26
7	Красивая природа	1	西伯利亚“听，松涛声！” Шум сосновых волн!
8	Наука, исследования	1	俄西伯利亚“V E C T O R病毒学与生物技术研究中心”的专家认为，刺激人体免。Специалисты Сибирского научно-исследовательского центра вирусологии и биотехнологии «Вектор» считают, что стимуляция иммунной системы организма – это самый важный фактор в разработке вакцин
9	Наименование топонима в исторических хрониках (особенно в текстах, описывающих попытки захвата Сибири японцами)	10	这个“独孤”就是鲜卑人。“鲜卑”这两个字，有些学者说“西伯利亚”就是“鲜卑利亚”，鲜卑人原本住在西伯利亚那一带。Этот «дугу» – народ сяньбэй. Некоторые ученые говорят, что слово “сяньбэй” означает “Сибирь” и что народ сяньбэй изначально жил в Сибири. 文章说：谁敢说日本反动派不想再作一次“占领西伯利亚”的迷梦呢？文章最后号召日本人民用反美反修爱国斗争的实际行动来。В статье говорится о том, что «кто осмелится сказать, что японские реакционеры не мечтают о том, чтобы снова “оккупировать Сибирь”?». Статья завершается призывом к японскому народу предпринять практические шаги в патриотической борьбе против США и ревизионистов с целью захвата Сибири

Таблица 2

Вхождение лексемы 叶尼塞 в тексты корпуса BLCU Corpus Center
[Корпус Корпусный центр ...]

№	Понятийно-логическая, аксиологическая составляющая	Частотность вхождения, %	Примеры актуализации лексемы в текстах
1	Имя гидронима в описаниях ландшафта, путешествий, природных явлений	44	Сибиря́я的一部分, 西起奥比河流域的平原, 东至第第吉斯卡谷地, 叶尼塞河、奥兰卡河、勒拿河与亚那河流经此地。 Это часть Сибири, простирающаяся от равнин бассейна реки Обь на западе до Тигисской долины на востоке, через которую протекают реки Енисей, Оланка, Лена и Яна
2	Одна из крупнейших рек мира	15	叶尼塞河上, 是俄罗斯水量最大的河流, 世界大河之一。 На Енисее, самой большой по объему реке России и одной из великих рек мира
3	Холодная река, протекающая в Сибири; зимнее плавание	22	冰浴俱乐部的成员们在零下35摄氏度的气温下, 畅游西伯利亚河流叶尼塞河。 Члены клуба «Ледяная баня» окунулись в сибирскую реку Енисей при температуре -35 градусов Цельсия
4	Место расположения исторических достопримечательностей	19	我默然打消了将来寻机去苏联, 到叶尼塞河上游的阿巴坎宫殿遗址的奢望。 Я молча отбросил всякое желание в будущем искать возможность поехать в Советский Союз к развалинам Абаканского дворца в верховьях Енисея. 叶尼塞河上游的阿巴坎, 旧坚昆之地发现了汉式宫殿遗址。 В Абакане, на земле древних киргизов, в верховьях Енисея, обнаружены руины дворца в стиле Хань

Как демонстрируют результаты анализа, для представителей китайской лингвокультуры основу ценностного компонента лексемы 西伯利亚 составляет представление о Сибири как удаленной, труднодоступной местности, с холодным климатом, характеризующейся низким уровнем жизни проживающего там населения. Обращает на себя внимание метафорическая сочетаемость лексемы 西伯利亚 с топонимами – наименованиями различных населенных пунктов в Китае, которые значительно отстают/отставали по показателям экономического роста и качества жизни населения. В целом экономическая составляющая ценностного компонента, в плане представления о Сибири как о перспективной площадке для осуществления тех или иных видов хозяйственной деятельности, ре-

ализации инвестиционных проектов, не столь явно актуализирована во включенных в корпус текстах, что также можно утверждать и в отношении историко-событийного компонента. Следует отметить практически полное отсутствие актуализации в текстах культурно-событийной и научной компонент.

Основа ценностного компонента лексемы 叶尼塞 сформирована реальными объективными качествами реки: протяженностью, температурой воды, географическим расположением, что позволяет рассматривать данные характеристики как сущностные.

В целом проведенное исследование позволяет прийти к выводу о необходимости актуализации в продвигающих текстах, репрезентирующих бренд «Енисейская Сибирь» на китайском языке, культурообусловленной информации о регионах Енисейской Сибири как территории, которая обладает значительным не только производственным, инвестиционным, но и культурным, а также научно-инновационным потенциалом. Принимая во внимание, что определяющие территориальный бренд тексты должны содержать информацию о конкурентных преимуществах территории с точки зрения представителей китайской лингвокультуры, адресанты должны генерировать тексты, характеризующие проекты развития важнейших для территории сфер жизнедеятельности, подчеркивая культурно-событийный аспект, а также историческую преемственность ведения хозяйственной деятельности и следования традициям.

Библиографический список

- Афинская З. Н. Торговая марка как объект трансфера знаний и культуры // Маркетинговая лингвистика в цифровую эпоху : сб. науч. ст. : сост. Е. Г. Борисова ; под общ. ред. Л. Г. Викуловой. М. : Языки народов мира ; НВИ, 2021. С. 70–74.
- Буздажи Д. М. Не доверяй и проверяй. Об уточнении фактической информации при переводе и редактировании // МОСТЫ. 2015. № 1 (45). С. 11–20.
- Вальковский М. А. Внешнеэкономический дискурс: от информационного повода к интерпретации смыслов // Информационное поле современной России: практики и эффекты : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., 18–20 окт. 2012 г. / под. ред. Р. П. Баканова. В 2 т. Т. 1. Казань : Казан. ун-т, 2012. С. 70–78.
- Интернет-портал Корпорации Енисейская Сибирь. URL: <https://ensib.ru/> (дата обращения: 05.05.2024).
- Корпус Корпусный центр при Пекинском университете языка и культуры (BLCU Corpus Center). URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/zh/search/0/西伯利亚> (дата обращения: 08.04.2023).
- Кривоносов А. Д., Лебедева Т. Ю. Модели и аттракторы современного геобрендинга // Брендинг как коммуникационная технология XXI века : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 27 февраля – 2 марта 2023 г.; под ред. А. Д. Кривоносова. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 8–12.
- Литовкина А. М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В. Г. Распутина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2008. 21 с.
- Серебренникова Е. Ф. Аксиологическое измерение дискурса // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Серия: Языкознание и литературоведение. Проблемы языкового образования и межкультурной коммуникации. 2015. № 21 (732). С. 128–137.

Татарникова Ю. А. Концепт Сибирь в культуре Азиатско-Тихоокеанского региона // Вестник КемГУКИ. 2022. № 60. С. 27–35.

Ухова Л. В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 71–82.

Фэн Юе. Специфика корпусных исследований в современном китайском языкознании // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (832). С. 159–172.

Хамаева Е. А. Китайские антропонимы : монография. 2-е изд., испр. и доп. М. : ИД ВКН, 2019. 264 с.

Wang Yifan. Fashion China. Brand in China. 北京: 五洲传播出版社. 2007. 146 页.

УДК 811

Е. А. Бурдель

Гуандунский университет иностранных языков
и внешней торговли, Гуанчжоу

ЦВЕТОВЫЕ КОННОТАЦИИ В КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ИДИОМАХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЦВЕТОВОСПРИЯТИЕ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОГО ЦВЕТА)

Аннотация. Рассматривается влияние содержания идиом на восприятие людьми внешнего мира через анализ функционирования красного цвета в идиомах китайского и русского языков и его потенциального влияния на цветовосприятие представителей разных языковых сообществ. Анализируется красный цвет как компонент идиом с точки зрения передаваемых значений и коннотаций. Отмечается, что в рамках исследования был проведен опрос представителей двух языковых сообществ с целью сбора значений, ассоциирующихся у данных представителей со словом «красный».

Ключевые слова: цвет, коннотация, идиомы, восприятие, красный.

A. Burdzel

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou

COLOR CONNOTATIONS IN CHINESE AND RUSSIAN IDIOMS AND THEIR INFLUENCE ON COLOR PERCEPTION OF NATIVE SPEAKERS TAKING (RED AS AN EXAMPLE)

Abstract. This article aims to investigate the influence of the content of idioms on people's perception of the outer world through the analysis of the red color functioning in idioms of Chinese and Russian and its potential influence on color perception of the representatives of different language communities. The red color components of the idioms are analyzed in terms of meaning and connotations conveyed. The representatives of the two language communities were interviewed as part of the study in order to collect the meanings they associate with the word "red".

Keywords: color, connotation, idioms, perception, red.

Цвет играет важную роль в жизни людей. Он может влиять на эмоции и чувства людей и даже управлять их действиями (например, красный и зеленый сигналы светофора, запрещающие и разрешающие движение соответственно). Каждый человек воспринимает разные цвета по-разному. Цвета окружают нас с самого первого и до самого последнего дня нашей жизни, становясь частью общественного и личного понимания

окружающей действительности и неотъемлемой частью языка, что находит отражение в различных языковых выражениях, которые, в свою очередь, также влияют на восприятие людей.

Язык отражает жизнь людей с помощью слов и различных способов выражения мысли. Одним из таких способов и являются идиомы. В данной статье под идиомами в русском языке будут пониматься фразеологизмы – устойчивые сочетания слов, значение которых в целом не выводимо из значений составляющих их компонентов [МАС]. В китайском языке под идиомами будем понимать *чэньюй 成语* – устойчивые выражения, обычно состоящие из четырех иероглифов, функционирующие в речи как единое целое и часто ссылающиеся на какую-либо историю или историческую цитату [百度百科], так как данный вид устойчивых выражений в китайском является наиболее употребительным и репрезентативным.

Многие идиомы в языках восходят к древним временам и содержат утраченные или более не используемые значения слов. Изучая идиомы, мы можем понять образ мышления наших предков и их взгляд на окружающую действительность, а также проанализировать двойное понимание влияния идиом на жизнь современных людей. Именно на это направлено настоящее исследование – выяснить, влияет ли содержание идиом, появившихся в речи достаточно давно и сохранившихся до наших дней, на восприятие людей, живущих в настоящее время.

Было принято решение изучить восприятие цвета, поскольку цвет – это то, что известно всем и привычно для каждого человека. Красный был выбран по нескольким причинам. Во-первых, это один из трех цветов, считающихся базовыми, наряду с синим и желтым. Во-вторых, это первый цвет после черного и белого, который маленькие дети начинают воспринимать в возрасте от шести недель до двух месяцев. Именно поэтому в языках одним из первых появилось название красного цвета (сразу после черного и белого) [Cooper, Matthews, 2000, p. 11]. Также он находит глубокое отражение в большинстве языков. Будучи основным цветом спектра, красный также часто встречается в природе, поэтому его можно считать универсальным понятием, знакомым всем людям.

С когнитивной точки зрения изучение основных понятий может выявить общие характеристики человеческого мозга и процесса мышления. В качестве таких базовых понятий в настоящем исследовании выступают красный цвет и идиомы.

Сосредоточившись на цвете, идиомах и их взаимосвязи, было решено проанализировать коннотативные значения красного цвета в китайских и русских идиомах и их влияние на восприятие цвета носителями языка.

С учетом вышесказанного для исследования были разработаны следующие вопросы:

1. Какова коннотация слова «красный» 红 в идиомах? Отличается ли она в китайском и русском языках?
2. Какие ассоциации возникают у носителей двух языков при слове «красный»? Отличаются ли они?
3. Коррелируют ли эти различия с различиями в коннотациях идиом двух языков?

В качестве материала для настоящего исследования взяты китайские устойчивые выражения чэньюй и русские фразеологизмы с компонентом «красный». Методом прямого поиска в соответствующих исследованиях [Кулинская, 2015; Блохина, 2019; Сунь, Ма, 2020; 韩秋菊, 2020; 代井莉, 朱胜凯, 2021; 刘少文, 2021], словарях [БКРС] и Интернете были выявлены 20 китайских устойчивых выражений чэньюй и 21 русский фразеологизм, содержащие цветовой компонент «красный».

Найденные идиомы были проанализированы с точки зрения их значения. В табл. 1 представлен список идентифицированных китайских устойчивых выражений чэньюй со значением, которое они, и в частности входящий в их состав иероглиф 红, несут в себе. Следует отметить, что анализу подверглись только чэньюй, содержащие иероглиф 红, поскольку в настоящей статье делается попытка изучить коннотации современной лексической единицы 红. Таким образом, другие иероглифы, передающие значение «красный», во внимание не принимались во избежание путаницы.

Таблица 1

Китайские устойчивые выражения

№ п/п	Семантическое значение 红	Чэньюй	Значение идиомы	Коннотация идиомы
1	Буквальное восприятие цвета	桃红柳绿	Весенние краски	Положительная
2		青红皂白	Яркие противоположности	Нейтральная
3		齿白唇红	Красивая девушка	Положительная
4		万紫千红	Многообразие цветов	Положительная
5		绿鬓红颜	Молодая девушка	Положительная
6	Цветы, растения	姹紫嫣红	Прекрасное разноцветие	Положительная
7		绿肥红瘦	Закат весны; уходящая юность	Негативная
8		红情绿意	Красивый весенний пейзаж	Положительная

Окончание табл. 1

№ п/п	Семантическое значение 红	Чэньюй	Значение идиомы	Коннотация идиомы
9		纷纷骇绿	Цветы и листья, трепещущие на ветру	Нейтральная
10	Удача и слава	大红大紫	Прославиться, иметь огромный успех	Положительная
11		红红火火	Процветающий	Положительная
12	Яркий, живой	红男绿女	Празднично одетая молодежь	Положительная
13		看破红尘	Постичь бренность жизни	Негативная
14	Красота и молодость	翠消红减	Увядание красоты и молодости	Негативная
15		红粉青蛾	Красивая девушка	Положительная
16	Эмоции (смущение, горе, гнев, грусть)	红愁绿惨	Чувствовать грусть	Негативная
17		绿惨红销	Грусть и ярость	Негативная
18		面红耳赤	Залиться краской, побагроветь от смущения или стыда	Нейтральная
19		灯红酒绿	Разгульный, бесшабашный	Негативная
20	Кровь	白刀子进 红刀子出	Убить кого-либо	Негативная

В табл. 2 представлен список идентифицированных русских идиом с их значением и значением входящего в их состав компонента «красный».

Таблица 2

Русские идиомы

№ п/п	Семантическое значение слова «красный»	Идиома	Значение идиомы	Коннотация идиомы
1	Красивый, хороший, приятный	Красная девица	Красивая девушка	Положительная
2		Красный молодец	Красивый парень	Положительная
3		Красное слов(ц)о	Остроумное, меткое выражение	Положительная
4		Красный каблук	Щеголь	Негативная
5	Революция	Красный командир	Командир Красной армии	Нейтральная
6	Особенный, имеющий привилегии, высокого качества	Красная доска	Доска почета	Положительная
7		Красная цена	Цена со скидкой	Положительная
8		Красная цена в базарный день	Высокая цена для вещи, которая того не стоит	Негативная
9		Красный товар	Товар высокого качества	Положительная

№ п/п	Семантическое значение слова «красный»	Идиома	Значение идиомы	Коннотация идиомы
10		Красный угол	Почетное место	Положительная
11		Проходить красной нитью	Являться главным, насквозь пронизывать	Нейтральная
12	Праздничный	Красный день (календаря)	Праздничный, выходной день	Нейтральная
13	Огонь	Красный петух	Пожар	Негативная
14	Буквальное восприятие цвета	Красная бумажка/билет	10 рублей (до Октябрьской революции)	Нейтральная
15		Красный косач	1000 рублей (до Октябрьской революции)	Нейтральная
16		Красная строка	Небольшой отступ от края строки	Нейтральная
17	Опасность, запрет	Красная книга	Список видов, находящихся под угрозой исчезновения	Нейтральная
18		Красный свет	Запрет	Негативная
19	Эмоции (смущение, гнев) и черты характера	Как красная девица	Слишком скромный юноша	Негативная
20		Как бык на красную тряпку	Быть в бешенстве, ярости	Негативная
21		Как красная тряпка для быка	Провокация	Негативная

Из вышеприведенных данных видно, что идиомы в китайском языке имеют легкую тенденцию к положительной коннотации (50 %; нейтральная – 15 %; отрицательная – 35 %); в русском языке коннотативные значения идиом с компонентом «красный» распределились равномерно (по 33,3 %).

Следующим шагом исследования стал опрос носителей китайского и русского языков. Участниками опроса стали 63 носителя китайского языка и 78 – русского языка. Данные для опроса были собраны в период с ноября 2022 по февраль 2023 г. Каждому из участников было предложено представить по три ассоциации к слову 红 или «красный» соответственно. Полученные ассоциации были классифицированы в соответствии с их значением (табл. 3). За основу была взята классификация Поляковой [Polyakova, 2013, p. 84], расширенная и дополненная для удовлетворения потребностей настоящего исследования.

Таблица 3

Ассоциации к слову «красный»

№ п/п	Категория	Китайский	Русский
1	События и ситуации	新年 - 3*, 过年 - 4, 节日 - 1, 春节 - 3, 警告 - 1, 婚礼 - 1, 战争 - 1, 结婚 - 1, 圣诞 - 1, 红高粱 - 1, (红) 歌 - 2, 火焰 - 1, 奖励 - 1, 股票跌 - 1, 危险 - 1, 差 - 1, 火 - 1, 舞狮 - 1, 红灯 - 1, 涨停 - 1	Огонь - 4, запрет - 2, октябрь - 2, опасность - 2, закат - 2, праздник - 1, День победы - 1, Новый год - 1, Рождество - 1, менструация - 1, коррида - 1, уровень - 1, фламенко - 1
2	Материальные объекты	国旗 - 11, (五星) 红旗 - 13, 太阳 - 5, (红) 灯笼 - 5, 对联 - 3, 鞭炮 - 3, 红砖 - 1, 红墙 - 1, 交通 - 1, 中国结 - 1, 红包 - 2, 红日 - 1, 春联 - 1, 红绿灯 - 1, 龙 - 1, 红书包 - 1, 红船 - 1	Флаг - 12, светофор - 7, солнце - 5, машина - 4, книга - 2, воздушный шар - 2, картина - 1, провод - 1, стена - 1, мяч - 1, рубин - 1, лазер - 1, полотенце - 1, кнопка - 1, «феррари» - 1, краска - 1, штандарт - 1, сердечко - 1, карандаш - 1, китайский национальный флаг - 1
3	Еда и напитки	(红) 苹果 - 7, 西瓜 - 1, 西红柿 - 1, peach - 1, 红糖 - 1, 红酒 - 1	Яблоко - 7, помидор - 6, вино - 5, клубника - 3, арбуз - 2, мясо - 1, сок - 1, борщ - 1, гранат - 1, красный бархат (торт) - 1, рыба - 1, соус - 1, бобы - 1
4	Растения	花朵 - 1, (红) 花 - 3, 玫瑰 - 3, 小红花 - 1	Роза - 8, мак - 5, цветок (цветы) - 5, гвоздика - 2
5	Части тела и внутренние системы человека	血 - 11, 鲜血 - 4, 血液 - 3, 嘴唇 - 1, 红心 - 1, 皮肤 - 1	Кровь - 17, сердце - 6, губы - 2, рожа - 1, почки - 1, мозг - 1
6	Косметические продукты	眼影 - 1, 口红 - 2, 红花油 - 1	Губная помада - 8, лак для ногтей - 1
7	Одежда	红(色) 衣服 - 3, 卫衣 - 1	Платье - 7, пиджак - 2, шляпа - 2, одежда - 1, платок - 1, белье - 1, кардиган - 1, берет - 1, шарф - 1, варежки - 1, колпак - 1, стринги - 1, носки - 1
8	Эмоции и ощущения	红色 - 8, 颜色 - 1, 红颜色 - 1, 快乐 - 1, 明亮 - 1, 红红火火 - 1, 福 - 2, 喜庆 - 6, 中国红 - 3, 热烈 - 2, 热情 - 1, 辣 - 1, 惶惑 - 1, 粉红 - 1, 重要 - 1, 火红 - 1, 脸红 - 1	Любовь - 6, красивый - 3, страсть - 3, яркий - 2, цвет - 2, красноперый - 2, красота - 1, весело - 1, горячий - 1, эмоции - 1, вспышка - 1, жара - 1, ярость - 1, солнечный - 1, великолепный - 1, здоровье - 1, бордовый - 1, чувства - 1, боль - 1, желание - 1, похоть - 1, спокойствие - 1, тепло - 1, сексуальность - 1

№ п/п	Категория	Китайский	Русский
9	Личности	女孩 – 1, 网红 – 1, Michael Jordan – 1, 张国荣 – 2, 红装 – 1, 小红 – 1	Супермен – 2, лидер – 1, Чайко (фамилия) – 1, Дед Мороз – 1, тореадор – 1, Человек-паук – 1, полицейский – 1, маньяки – 1, «МЮ» – 1
10	Места	中国 – 7, 故宫 – 1, 苏维埃 – 1	Улица – 1, Красный Крест – 1, море – 1, Китай – 1, Красноярск – 1, «МакДональдс» – 1, тропа – 1, СССР – 1
11	Политика	思政 – 1, 红色主义 – 1, 革命党政 – 1, 红色革命政权 – 1, (中国的) 革命 – 2, 建党一百周年 – 1, 红军 – 2, 红星 – 2, 中共 – 1	Революция – 2, коммунист – 1, коммунизм – 1, «Красная капелла» – 1

* Цифра, следующая за словом, указывает на количество соответствующих ответов.

Возвращаясь к семантическому значению слова «красный» в идиомах, можно заметить, что некоторые значения, например «эмоции», «красота», «буквальное восприятие цвета», пересекаются в обоих языках. Однако вместе с тем каждый язык сохраняет свои специфические характеристики. Например, только в китайских идиомах красный цвет включает в том числе понятие цветов или растений. Тем не менее, если проанализировать собранные ассоциации представителей двух языковых сообществ, то можно увидеть, что связь «красного» с цветами достаточно сильна в обоих случаях, особенно с понятиями «розы» и «цветы». В русском языке таких связей устанавливается даже больше, чем в китайском. Понятие «огонь» непосредственно представлено красным цветом только в русских идиомах, однако носители обеих культур имеют в своем сознании данную ассоциацию с цветом.

Если обратиться к словарным дефинициям лексической единицы «красный», можно заметить, что достаточно часто красный цвет описывается в словарях через цвет крови [Кузнецов, 2000; 现代汉语词典, 2016]. Интересно, что в русском языке не выявлено ни одного случая, когда красный в идиоме обозначал бы кровь. В китайском языке такие случаи также ограничены. Тем не менее выбор понятия «кровь» для словарного определения цвета, по-видимому, также имеет когнитивные основания: 18 из 63 китайских участников упомянули кровь среди своих ассоциаций, что составляет 28,6 % от всей выборки. Из 78 русскоязычных участников кровь упомянули 17 (21,8 %). Можно заметить, что более чем у пятой части представителей двух разных языковых сообществ существуют

устойчивые ассоциации красного цвета с кровью, что может служить дополнительным доказательством теории имбодимент-подхода к познанию (теории воплощенного сознания, *embodiment cognition*) [Gibbs, 2006], а также универсальности понятия крови.

Анализируя оттенки значений идиом в двух языках, можно сделать предположение, что если идиомы влияют на восприятие цветов носителями языка, то у носителей китайского языка должно быть больше положительных ассоциаций со словом «красный», поскольку в китайских идиомах наблюдается легкая тенденция к положительной коннотации данного цвета по сравнению с русским, где коннотации распределены равномерно. Если обратиться к табл. 3, можно обнаружить определенные факты, подтверждающие данное предположение. Например, рассматривая категорию эмоций и ощущений, можно заметить, что 3 из 36 выявленных ассоциаций в русском языке имеют явно выраженное негативное значение (ярость, боль, похоть), что составляет 8,33 %, в то время как в китайском в категории эмоций и ощущений ассоциации с явно выраженным негативным значением отсутствуют. Тем не менее собранные данные не позволяют утверждать, что идиомы оказывают ключевое влияние на формирование восприятия и предопределяют отношение личности к тому или иному понятию. Во-первых, размер выборки достаточно ограничен для полномасштабного исследования. Во-вторых, поскольку каждому участнику было предложено представить по три ассоциации, нельзя быть уверенным, что последние две являются прямыми ассоциациями к слову «красный», а не к первой ассоциации. То есть существует вероятность, что некоторые участники опроса при выполнении задания выстраивали цепочку ассоциаций, а не так называемое дерево, в котором «красный» являлся бы корнем для всей группы слов. Основываясь на имеющихся данных, можно лишь осторожно предположить, что на формирование восприятия и предопределение отношения к тому или иному понятию влияет сочетание различных факторов, включая в том числе и лингвистические, которые формируют наше восприятие мира, в частности цвета. Одним из лингвистических факторов являются и идиомы, которые, в свою очередь, функционируют как часть механизма, формирующего восприятие. Чтобы утвердиться в вопросе степени влияния идиом на восприятие, необходимо более широкомасштабное исследование.

Хотелось бы также упомянуть о некоторых заслуживающих внимания моментах. Следуя предположению Поляковой [Polyakova, 2013, р. 85] о существовании международных ассоциаций, в которых сходные объекты возникают в сознании как реакция на определенный стимул (в нашем случае слово «красный»), что может свидетельствовать о сходном образе мышления всего человечества, независимо от культурной и языковой принадлежности, и проанализировав собранные данные, мы при-

шли к выводу, что теория существования международных ассоциаций, общих для большинства представителей мирового сообщества, может иметь под собой определенные основания. Почти в каждой категории ассоциаций в обоих исследуемых языках можно наблюдать схожие объекты. Например, если рассмотреть категорию событий и ситуаций, то к общим понятиям относятся огонь и опасность. Даже такие небольшие категории, как растения и косметические средства, включают в себя понятия, общие для двух языковых сообществ.

Подводя итог, можно отметить, что, несмотря на то, что данное исследование не доказало ключевого влияния идиом на восприятие цвета, можно заметить очевидное влияние на человеческое восприятие современной жизни и недавних исторических событий. Так, носители китайского языка часто ассоциируют красный цвет с национальным флагом, национальной партией или китайским Новым годом. Результаты настоящего исследования тем не менее показали, что прослеживается определенная взаимосвязь между семантическим содержанием цветового компонента «красный» в идиомах разных языков и тем, как носители воспринимают красный в своей повседневной жизни. Более того, восприятие цвета демонстрирует определенное сходство не только с точки зрения содержания идиом разных языков, но и с точки зрения цветовой коннотации в сознании представителей разных языковых сообществ. Существование же определенных различий связано с разным социальным и культурным окружением представителей мирового сообщества.

Библиографический список

- БКРС. URL: <https://dabkrs.com> (дата обращения: 16.02.2024).
- Блохина А. А. Русские фразеологизмы с колоризмами «красный», «белый», «черный» в текстах СМИ // Язык и текст. 2019. Т. 6, № 4. С. 70–76.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- Кулинская С. В. Фразеологические единицы и пословицы с компонентом «красный цвет» и их отражение в языковой картине мира (на примере русского, английского и французского языков) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 1 (27). С. 129–132.
- Малый академический словарь (МАС). URL: <https://gufo.me/dict/mas/фразеологизм>. (дата обращения: 20.03.2024).
- Сунь У., Ма Л. Сравнительный анализ китайских и русских фразеологизмов с компонентом красного цвета // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3–2 (42). С. 12–15.
- Cooper M., Matthews A. Color Smart: How to Use Color to Enhance Your Business and Personal Life. N. Y. : Gallery Books, 2000. 176 p.
- Gibbs R. Embodiment and Cognitive Science. N. Y. : Cambridge University Press, 2006. 337 p.
- Polyakova D. N. Language and Cultural Associations with Red Color Among English Speakers Belonging to Various Professional Fields // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 9 (16). С. 84–85.
- 百度百科. URL: https://baike.baidu.com/item/成语/71626?fr=ge_al. (дата обращения: 20.03.2024).

- 代井莉, 朱胜凯. 汉语颜色词“红”的文化内涵 // 汉字文化. 2021. № 7. 第 123–125 页.
- 韩秋菊. 成语中的色彩搭配 // 潍坊学院学报. 2020. № 5. 第 82–84 页.
- 刘少文. 颜色词“红”的英汉文化内涵对比及对外汉语教学 // 文学教育. 2021. № 4. 第 45–47 页.
- 现代汉语词典 (第七版). 北京: 商务印书馆, 2016. 1800 页.

УДК 21.581.0

А. В. Дышенов

Бурятский государственный университет
им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ

МЕТАПОЗИЦИЯ КАК ОСОБЕННОСТЬ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛИНЬ ЮЙТАНА ПО ОТНОШЕНИЮ К КРОСС-КУЛЬТУРНОМУ ДИАЛОГУ МЕЖДУ КИТАЕМ И ЗАПАДОМ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «ОТ ЯЗЫЧНИКА К ХРИСТИАНИНУ»

Аннотация. Освещается подход одного из значимых китайских писателей Линь Юйтана к противоположным точкам зрения с беспристрастным раскрытием как положительных, так и отрицательных их сторон, который в настоящей работе обозначается как «метапозиция». Отмечается, что данный подход прослеживается в творчестве писателя, в котором важное место занимают диалог, «беседа» о культурах Китая – Запада и их духовных мирах, оформленных в словах «язычество» и «христианство». Устанавливается, что в книге «От язычника к христианину» метапозиция не очерняет одну позицию на фоне восхваления другой, но ведет к пониманию того, что есть лишь один путь, одна религия, лишь с разными «возрастами», «станциями», этапами в познании Бога.

Ключевые слова: метапозиция, китайская литература, Линь Юйтан.

A. Dyshenov

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

METAPosition AS A FEATURE OF LIN YUTANG'S WORLDVIEW IN HIS CROSS-CULTURAL DIALOGUE BETWEEN CHINA AND THE WEST ON THE EXAMPLE OF THE WORK “FROM PAGAN TO CHRISTIAN”

Abstract. The article aims to highlight Lin Yutang's peculiarity of discussing opposing points of view, with an impartial disclosure of both their positive and negative sides, which in this work we designate as a “metaposition”. We are trying to trace it through the writer's work, where a huge share is occupied by dialogue, “conversation” about the cultures of China and the West and their spiritual worlds, framed by him in the words “paganism” and “Christianity”. It is noteworthy that the “metaposition” does not denigrate one while praising the other; for Lin Yutang, what he describes in the book “From Pagan to Christian” they are one path, one religion, only with different stations and stages in the knowledge of God.

Keywords: metaposition, Chinese literature, Lin Yutang.

Введение

В настоящей работе исследуется ментальный «навык» одного из самых знаковых писателей Китая XX в. Линь Юйтана (1895–1976), обозначенный нами понятием «метапозиция» как некая позиция «сверху/над» или внеаходимости (в терминологии М. А. Бахтина), которая выражается в умении в таком свете представлять «противоположности» – будь то

конфуцианство и даосизм, христианство – язычество, Запад – Восток, Европа/США и Китай, – что представляется весьма затруднительным определить, какой стороне «конфликта» отдает предпочтение писатель. Более того – за видимым объективизмом ясно ощущаются симпатия автора к обеим позициям, благосклонное отношение к ним с признанием их особенностей, оказывающихся «преимуществом» или «недостатком» лишь применительно к чему-либо; его метапозиция свидетельствует об относительности «положительного» или «отрицательного», отвергает абсолютизм.

Намеки о метапозиции присутствуют и в личных словах писателя: *«В свой сороковой день рождения я написал о себе двуступище: “Один разум стремится к знаниям древних и современников; Две ноги соединяют культуры Востока и Запада”»* [Линь Юйтан, 2010, с. 63]. Переводчик его бестселлера «Китайцы. Моя страна и мой народ», китаевед Н. А. Спешнев в предисловии к русскому изданию замечает: *«...как пишут исследователи его творчества: “Линь Юйтан стоял одной ногой в культуре Востока, другой – в культуре Запада, а душой стремился охватить творчество Вселенной”»* [Линь Юйтан, 2010, с. 14]. В связи с чем формируется **цель** настоящего исследования – изучить явление метапозиции в мировоззрении Линь Юйтана.

Данная особенность зачастую рождает проблему в понимании основ его мировоззрения, приводя к своего рода спорам между исследователями, пытающимися, например, отрицать ортодоксальность толкования им конфуцианских доктрин в силу даосской ориентированности его мышления; другой «спор» рождает корреляция между его «западничеством» с призывами о европеизации Китая и стремлением к сохранению китайских истоков и наследия традиционного; вне сомнений, внимания заслуживает и вопрос его понимания «иностранной» христианской веры в диалоге с китайским «язычеством» – конфуцианством, даосизмом, буддизмом.

Прояснение навыка метапозиции имеет ценность и **актуальность** в нынешней ситуации не только усиливающейся интеграции Китая в мировые процессы, но и все большей глобализации мира, когда, с одной стороны, стираются границы между нациями, культурами, языками, а с другой – утверждается необходимость защиты индивидуального и уникальности каждого, в случае с Поднебесной – сохранение ее «китайской специфики». **Предполагается**, что жизненный опыт писателя вкупе с просветительской активностью, глубокое знание им китайской и западной культуры, религиозный поиск в переходах от «детского» христианства к осознанному язычеству и возврату к учению Христа явились причиной формирования обозначенной особенности мышления.

Статья состоит из двух разделов. В первом приводятся основные черты его кросс-культурной деятельности, во-втором – анализ книги-исповеди «От язычника к христианину» и поиск доказательств метапозиции.

I. Метапозиция в кросс-культурной деятельности

Творческое достояние Линь Юйтана чрезвычайно насыщено и разнонаправленно. На раннем этапе, начиная с 1916 г., он занимался преимущественно научными изысканиями, публикуя статьи в области языкознания, китайской письменности, состоял в Комитете по реформированию китайского языка при Министерстве образования. Труды тех лет легли в основу создания им печатной машинки, на 72 клавишах которой можно было набирать 7 тыс. иероглифов, он назвал свое механистическое детище «мин-куай» (ясно и быстро). Машинка была очень проста в использовании, достаточно было нажать три клавиши, чтобы в специальном «окне обзора» получить варианты иероглифов, и далее – лишь отпечатать нужный из представленных; подготовленная машинистка могла набирать до 35 знаков в минуту – рекорд для того времени. Запатентованный образец, к сожалению, не удалось запустить в массовое производство в 1940-х гг. по причине гражданской войны в Китае.

Преподавание английского языка и литературы в Университете Цинхуа, Пекинском университете, Сямыньском университете и др. подтолкнуло его к написанию учебника, который удалось опубликовать в Шанхае в 1930 г. под названием «Ясная грамматика английского языка» («Кай мин инвэн взнфа»). Он принес ему славу «короля издательского права», так как пользовался чрезвычайной популярностью среди китайских студентов, буквально сметавших его с книжных полок магазина. Учебник пережил несколько переизданий и по-прежнему актуален для обучения не только английскому, но и другим языкам, главным образом – по причине уникальных образовательных принципов.

Благодаря мировому успеху книги «Китайцы. Моя страна и мой народ» Линь Юйтан с семьей смог переехать в США в 1936 г., где почти сразу же опубликовал следующий бестселлер – «О важности жизни». Вот как пишет об этом профессор философии Предраг Чичовачки: *«Книга в 450 страниц, в которой изложена философия жизни Линя, на протяжении 52 недель не покидала публикуемый “Нью-Йорк Таймс” список книг-бестселлеров – достижение, которым не может похвастаться ни одна изданная в США работа по философии!»* [Чичовачки, 2019, с. 157]. Линь Юйтан оказался востребованным преподавателем китайской культуры в американских вузах: Рутгерский университет присвоил ему почетную степень доктора философии по искусствоведению (1942), Белойтский университет в Висконсине присвоил ему почетную степень доктора философии по гуманитарным наукам (1946). Непродолжительное время они

с женой жили в Париже, куда его пригласили возглавить отдел искусств и культуры ЮНЕСКО в 1948 г. В 1954 г. примерно полгода он занимал пост ректора Наньянского технологического университета (Сингапур).

Можно сказать, что огромный кросс-культурный преподавательский опыт способствовал появлению на свет его «главного» академического творения – «Китайско-английского словаря современного употребления», который был составлен и опубликован при поддержке Гонконгского университета китайского языка.

Если говорить строго о литературном творчестве Линь Юйтана, то оно длилось примерно 60 лет, и одним из главных достижений, кроме книг-бестселлеров, можно считать его выдвижение в кандидаты на получение Нобелевской премии в области литературы за роман «Мгновение в Пекине» в 1975 г. Его литературное наследие в современном линьсюэ (линьюйтановедении) делится на следующие периоды:

- деятельность в журнале **«Юй сы»** («Нити слов») в 1923–1930-е гг., в котором им было опубликовано более 70 статей;
- издание журнала **«Лунь юй»** («Беседы и суждения») с 1932 по 1936 г. (он руководил им до своего отъезда в США); в нем опубликовано около 100 его статей;
- **«Заграничный период»** (1936–1966 гг.), опубликовано около 30 книг;
- **«Тайваньский период»** (1966–1976 гг.), было написано около 10 работ.

Далее представлена библиография наиболее выдающихся изданий Линь Юйтана (табл.).

Таблица

Основные издания Линь Юйтана

Год	Культурологические и философские труды	Художественные произведения
1935	«Китайцы. Моя страна и мой народ»	«Конфуций встречается с Нань-цзы»
1936	«История прессы и общественного мнения в Китае»	
1937	«О важности жизни»	
1938	«Мудрость Конфуция»	
1939		«Мгновение в Пекине»
1940	«С любовью и иронией»	«Листок во время бури»
1941		«Вдова, монахиня и куртизанка: три новеллы с китайского в переводе и адаптации Линь Юйтана»
1942	«Мудрость Китая и Индии»	
1943		«И смех и слезы»
1944	«Бдение нации»	
1947	«“Веселый гений” – о жизни поэта Су Дунпо»	
1948	«Мудрость Лао-цзы»	«Семейка в Чайнатауне»

Год	Культурологические и философские труды	Художественные произведения
1950	«О мудрости Америки»	
1952		«Знаменитые китайские рассказы в пересказе Линь Юйтана»
1953		«Алые ворота»
1955	«Взгляд за пределы»	
1957		«Леди Ву»
1958	«Тайное имя»	
1959	«Китайский образ жизни», «От язычника к христианину»	
1960	«Имперский Пекин: 17 веков Китая», «О важности понимания»	
1961		<i>«Красный пион»</i>
1962	«Радости нон-конформиста»	
1963		<i>«Можжевательник Лоа»</i>
1964	«Бегство невинных»	
1965	«Мои слова», том 1	
1966	«Объективная дискуссия о Гао Э»	
1967	«Мои слова», том 2	
1973	Китайско-английский словарь современного употребления	
1974	«Мои слова», полный выпуск	
1975	«Воспоминания 80-летнего»	
1976	Указатель имен людей в романе «Сон в красном тереме»	

Как видно, творческое наследие Линь Юйтана обширно и разнообразно. С одной стороны, он стремился рассказать о Китае миру, с другой – познакомить китайцев с Западом, в связи с чем много переводил, трактовал, составлял биографии и т. д. Пытливый ум, любовь к своему национальному, признание зарубежного, первоклассное образование – многое, проходя на грани языков, цивилизаций, пестовало в писателе навык метапозиции не только в отношении культурной составляющей мира, но и, по всей видимости, религиозной.

II. Метапозиция в религиозном мышлении

В 1959 г. в США издательством «Кливленд» выпущена книга-исповедь Линь Юйтана «От язычника к христианину», в которой 64-летний писатель делился своим опытом отхода от христианства, увлечения китайским язычеством, научным гуманизмом и возвращения к учению Христа в Пресвитерианской церкви на Мэдисон-авеню (Нью-Йорк). Книга из 251 страниц делится на 8 глав: «Детство и юность», «Начало большого путешествия», «Особняк Конфуция», «Пик горы Дао», «Развивающийся туман буддизма», «Причины религии», «Вызов материализма», «Величие света».

Возможно, название книги отражает некий вызов учениям, их противопоставление, конфликт, однако необходимо помнить о метапозиции писателя, его привычке «сталкивать» стороны, но ни в коем случае не для того, чтобы осмеять одну и возвысить другую: *«Я хотел бы здесь прямо сказать, во-первых, что нецелесообразно проводить удобный контраст между тьмой и светом или утверждать, что, поскольку христианство “истинно”, следовательно, конфуцианство – “ложно”. Не стоит отвергать буддийскую религию простой фразой “языческое идолопоклонство”. И нельзя было бы сказать, что учение Иисуса о любви и смирении верно, поэтому учение Лао-цзы о силе любви неверно»* [Lin Yutang, 1959, p. 65]. Автор верен своему принципу, и главный посыл его «исповеди» – это предоставить «Юйтан»² – «зал для бесед» об учениях мира, чтобы без притязаний, обвинений в ложности, неистинности и проч. поговорить об особенностях веры человека, будь он конфуцианец, даос, буддист или христианин. Писатель не понаслышке знает о сути и разнице данных учений; несмотря на то, что он вернулся в христианство, в его словах по-прежнему слышится любовь и благодарность древним учителям Китая и Востока.

Автор сравнивает подобный «разговор» со своеобразным путешествием, что, по всей видимости, и дало основание для китайского перевода книги – «Путешествие веры» («Синьян чжилуй»): *«Это запись опыта одного человека в его поисках религии. Это запись его приключений в вере, его сомнений и затруднений, его встреч с различными философиями и религиями мира, а также его исследований лучшего, что было сказано, о чем думали и чему учили мудрецы прошлого. Это, конечно, захватывающее путешествие, и я надеюсь, что сделаю его понятным и простым»* [Lin Yutang, 1959, p. 13].

Красивая «реклама» путешествия писателя отзывается читателю, призывая и его совершить свой путь, осмыслить свое понимание божественного; не стоит довольствоваться тем, что было когда-то «дано» в детстве или обретено лично, но мимоходом на «прогулке» без исследований, обдумываний, сомнений, падений: *«Я сомневаюсь в ценности религии такого рода»*, – пишет он. Конечно, среди «собеседников» найдутся те, кто откажется от обременения себя подобными рассуждениями и со-

² Юйтан – псевдоним, которым писатель стал подписывать свои работы с 1926 г. Н. А. Спешнев передает его значение как «зал лингвистики». Нами не отрицается особое внимание писателя к «языку», к «слову», однако предполагается, что можно перевести псевдоним и как «зал бесед»; через коннотации «беседа», «речь» мы желаем подчеркнуть другую черту его характера и творчества – стремление к диалогу. Не исключено, что данным псевдонимом автор, возможно, пытался показать свою близость к «главной» книге конфуцианства – «Лунь юй» (букв. суждения – беседы) и в свете этого явить свое понимание величия Конфуция, которое для него виделось не только в блестящем уме Учителя, но и любви «поговорить по душам».

мнениями, но «метапозиция» писателя проявляется и тут – в отсутствии какого-либо религиозно-ханжеского негодования по этому поводу: *«Я пишу не для тех, кто никогда не присоединяется к поискам, у кого “нет времени на религию”, ибо эта книга их не заинтересует. Я не пишу и для самодовольных христиан, совершенно удовлетворенных тем, что обладают, так сказать, гарантированным спасением, людей, никогда не сомневавшихся»* [Lin Yutang, 1959, p. 13].

Исповедь писателя обращается к тем, кто задает себе вопрос: *«Куда приведет нас это путешествие?»* [Lin Yutang, 1959, p. 15], и на всем протяжении повествования необходимо держаться за его определение концепта «религии», которое может сослужить роль компаса, чтобы не заплутать в религиозном «путешествии»: *«...религия – это прежде всего человек, обращенный к поразительным небесам, это дело между ним и Богом. Это вопрос индивидуального роста изнутри, и никто не может его “дать”. Ибо религия – это цветок, который лучше всего растет на поле, выращенный же в горшке или теплице, он склонен к бледности, а также хрупкости и рыхлости»* [Lin Yutang, 1959, p. 15].

1. Язычество

Метапозиция писателя рисует язычество в весьма позитивных красках, например, в его описании Пекина, когда он впервые прибыл туда для работы в Университете Цинхуа в 1916 г.: *«...на Западных холмах спал Лежащий Будда, на холме Нефритового Фонтана били кристально чистые источники, а Барабанная Башня возглашала ночные часы. Чего человек хотел от Бога? Чего еще может желать на земле человек, имеющий дар жизни? Пекин был Китаем, настоящим Китаем, с его дворцами с желтыми крышами, терракотовыми стенами храмов, монгольскими верблюдами и близостью к Великой стене и гробницам династии Мин. Это было язычество с языческой веселостью и содержанием»* [Lin Yutang, 1959, p. 33].

Линь Юйтан много писал о конфуцианстве, опубликовал целую книгу «Мудрость Конфуция», толкованию основ данного учения он посвящал отдельные главы в работах «О важности жизни», «О мудрости Китая и Индии» и др. Хотя ортодоксальность его взглядов оспаривается некоторыми учеными (Ван Чжаошэн, Лю Ихуа и др. видели в нем больше последователя даосизма), его точка зрения предлагает ряд серьезных корректив в отношении к личности Учителя, каноническому источнику учения и т. д., более того – с той же уверенностью можно говорить и о «христианских корнях» его восприятия Конфуция. Например, в своей книге-исповеди он отрицает противоположность учений двух учителей древности: *«Особенно в случае с конфуцианством нельзя сказать, что христианин не может быть конфуцианцем. Конфуцианство – это религия “джентльмена”, “хорошего воспитания” и “хороших манер”, и ска-*

затя это почти равносильно утверждению, что хороший христианин не верит в необходимость быть джентльменом с хорошими манерами» [Линь Юйтан, 2010, с. 65].

Если конфуцианство у Линь Юйтана представляется некоторой «социальной формой» христианства, с акцентом на человеке и его развитии, построении гармоничного общества, то даосизм – это «чувственная» сторона христианства, которая стремится подчеркнуть личные ощущения, религиозные открытия и переживания. Лао-цзы и Чжуан-цзы пытаются сказать слово непосредственно о Боге-Дао (Небо – у Конфуция), из которого все появилось и куда все возвращается, зная, что и этим словом не выразить сущности Дао. Автор также намечает точки сближения между Лао-цзы и Христом в их отношении к людям, называя первого «языческим учителем кротости и смирения» и говоря о его учении: *«Даосизм укрепляет христианское учение о любви и доброте больше, чем многие люди осмеливаются признать»* [Линь Юйтан, 2010, с. 69].

Любопытные параллели проводятся и между буддизмом и христианством, которые, говоря о проблеме человеческого бытия, в сущности видят корнем одно – вопрос греховности: *«И если буддийская формула спасения отличается от христианской, то ее основная отправная точка – признание греха и глубокая озабоченность фактом человеческих страданий – родственна христианству»* [Линь Юйтан, 2010, с. 69].

2. Христианство

С точки зрения метапозиции писателя язычество и христианство – это не *разные* религии, а лишь разные «станции», «возраст», этапы *одного*, «родственного» пути: от меньшего – к большему, от «детства» – к «взрослому», из «особняка» – в «горы», от «рассеивающегося тумана» – к «величию света»; каждая стадия имеет свои особенности, красоту, ценность, которые лишь при взгляде через неправильную призму кажутся преимуществами или недостатками, истиной или ложью, потому что с иной перспективы все может оказаться хорошим и полезным, помогая человеку лучше понять Бога.

Путь «роста» также отрицает признание дефектности «начального» или достоинства «конечного», поскольку важным оказывается сам процесс: *«Не имело значения, что Христофор Колумб никогда не высаживался на континенте Северной Америки; его суть заключалась в том, что он совершил это путешествие и испытал все волнение, напряжение и счастье путешествия, приведшего к открытиям»* [Lin Yutang, 1959, р. 13]. В религии важны движение, динамика, рост, лишь застой веры приводят к печальным последствиям, своего рода ее омертвлению (фанатизму), которое проявляется как в отсутствии способности к диалогической беседе с другими верованиями, так и в закостенелости, догматизме учения.

Линь Юйтан был знаком с примерами, подобными вышеуказанным, не понаслышке. Например, когда иностранные миссионеры отвергали китайскую культуру, фольклор и многое другое по причине присутствия в них «языческого начала». На первый взгляд, конфуцианский «культ предков» с преклонением перед табличками имен умерших родных, жертвоприношения в храме и т. д. имеет отношение к религии, однако для автора данное действие является лишь проявлением национальной ментальности – в памяти о прошлом, связи с ней: *«это причина того, что китаец является китайцем»* [Lin Yutang, 1959, p. 37]; он осуждает слепое принуждение к отказу от «корней»: *«Этот момент был основным и центральным, и он ставит вопрос о том, как далеко может зайти бездумная Церковь, чтобы причинить вред своим верующим»* [Lin Yutang, 1959, p. 36].

Кроме того, по его мнению, «идолопоклонства» не меньше и в самой христианской культуре, в поминовении усопших, сакрализации святых и поклонении мощам: *«По сравнению с буйством изображений в некоторых христианских соборах, особенно в Италии и Франции, эти квадратные таблички с именами конкретных предков выглядят почти как работа какого-то лишенного воображения, рационалистического духа. На них было меньше слов, чем на христианском надгробии»* [Lin Yutang, 1959, p. 36].

Книга «От язычника к христианину» – во многом словно его призыв к Западу (христианскому миру) задуматься о своей вере, о методах миссионерства, о школе богословия и личном этикете. По отношению к богословию Линь Юйтан проявлял особенное негодование: *«Я говорю о том, что людям мешают познать Иисуса именно эти назойливые доктринеры, что их путаница в вероучениях и догмах удерживала меня от христианства в течение тридцати лет и что их богословие за пять и десять центов не позволяло мне увидеть Иисуса»* [Lin Yutang, 1959, p. 231]. Порой слова автора вторят аргументам Лао-цзы и Чжуан-цзы против «богословского» стремления конфуцианства к систематизации и классификации Дао: *«Богословие любого рода всегда умаляет силу и простоту учения Иисуса. Конечно, Апостольский Символ веры требует многих вопросов и ответов, но в собственных словах Иисуса нет ничего, что можно было бы катехизировать, ничего такого, чего средний человек не мог бы понять сам. В словах Иисуса нет ни загадочных определений, ни опасных выводов, ни самообманывающей диалектики, ни “Пяти пунктов”. Препарировать их – значит убить их; улучшить их – значит испортить их»* [Lin Yutang, 1959, p. 230].

Известно, что Линь Юйтан вернулся к христианству благодаря служению в пресвитерианской церкви в Нью-Йорке, однако на Тайване его отпевание и погребение в 1976 г. совершил баптистский пастор, с поло-

жением во гроб Библии. Возможно, в этом в очередной раз проявляется его стремление к метапозиции, но уже между разными богословскими традициями и церковными течениями: *«В любой религии есть форма и содержание, религия всегда выражает себя через форму. В случае христианства, содержание было дано Иисусом во всей полноте, а форма была добавлена человеком. Иисус основал Свою церковь без догм, исключительно на основе величественной силы любви, которую Он создал в Своих учениках. Эта сила непреодолимой любви учеников к Учителю была началом христианской церкви»* [Lin Yutang, 1959, p. 239].

3. Особенности восприятия христианства Линь Юйтаном

В каких бы позитивных красках он ни описывал христианство в главе «Величие света», метапозиция все же рождает некоторые сомнения в его христианской ортодоксальности: порой он очень близок к язычеству или гуманизму [Линь Юйтан, 2010]. Например, в определении «религии», понимаемой им как «путь от Человека к Богу». Действительно, буквальный перевод латинского слова *religare* означает «связь» между божественным и человеческим, однако христианство настаивает на том, что связь идет не «снизу вверх», а исключительно «сверху вниз»: Бог приходит на Землю, Бог рождается человеком, Бог всходит на крест и т. д. В этом же ключе рассматривается и вера, и деятельность христианина – не то, благодаря чему он всходит на Небеса и получает «пропуск» в рай, но что естественно исходит из него, благодаря действию Бога в нем.

Линь Юйтан верно подчеркивает проблемные стороны жизни Церкви – собрания христиан – например, в ее стремлении утверждать божественное и определять истинность взамен практической реализации слов Христа о любви и служении: *«Эта высокомерность схоластического метода плюс догматический дух ранили мое внутреннее сознание. Эти догмы были созданы схоластическими умами, которые относились к духовным вещам как к материальным и даже приравнивали Божью справедливость к человеческой. Теологи были так уверены в себе; они хотели, чтобы их выводы были приняты как окончательные, запечатанные и заключенные в тюрьму на всю вечность. Конечно, я восстал. Многие догматы были неуместны и затемняли истину Христа. Благодаря процессу кодификации Павел знал больше, чем Петр, а отцы церкви четвертого века знали больше, чем Павел. По сравнению с их учениями, Иисус знал меньше всего»* [Линь Юйтан, 2010, с. 43]. Однако подобный гуманистический извод христианской религии претит опыту Церкви, которая базируется на стремлении в первую очередь верно определить теоретическое.

Другим проблемным моментом является слабое внимание Линь Юйтана к «чудесному» в христианстве, он практически ничего не пишет о его понимании непорочного зачатия Христа, Пасхальном воскресении,

исцелениях больных и воскрешении мертвых, а ведь эти «тайны» и составили основу данной религии, по словам апостола Павла: *«Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша»* [Библия, 2011, Кор. 15:14]. Вместо этого Линь Юйтан делает акцент на смирении и кротости Христа, его любви к ученикам и проч., что, конечно, не есть плохо, однако в таком преломлении Иисус может оказаться лишь еврейским воплощением конфуцианского «благородного мужа» или «западной» копией основателя даосизма – Лао-цзы, по легенде, покинувшего Китай.

Заключение

Не исключено, что подобные проблемы являются очередной гранью особенности мировоззрения Линь Юйтана – метапозиции, где он сталкивает ортодоксальную, но застывшую теологию Церкви с живым и динамичным Богом. Возможно, взгляд писателя ставит перед христианством новые вопросы в деле глобального распространения учения Христа и его встречи с Востоком, Азией; для «беседы» с Китаем Церкви нужно менять язык общения и формы мысли, ей необходима очередная Реформация: *«Возможно ли, что форма так важна? Разве не правда, что поклоняться Богу нужно в духе и истине и что форма столь же несущественна, как и язык, на котором человек выбирает поклоняться Богу, будь то французский, немецкий, английский или латынь? Каждый человек должен найти форму, которая подходит ему лучше всего, и под этим я имею в виду форму, которая меньше всего мешает его привычкам поклонения и привычкам веры. Даже когда внешнее согласие дается, каждый человек верит в Бога по-своему, с определенными акцентами, обусловленными его опытом. Должно быть, так и есть. И пока человек поклоняется Богу в духе и истине, формы являются лишь средствами, разными для разных людей, для достижения одной и той же цели»* [Линь Юйтан, 2010, с. 240].

Библиографический список

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета: канонические. М. : Российское библейское общество, 2011. 1233 с.
- Линь Юйтан. Китайцы. Моя страна и мой народ / пер. Н. А. Спешнев. М. : вост. лит., 2010. 335 с.
- Чичовачки П. Линь Юйтан как мой жизненный ориентир // Человек. 2019. Т. 30. С. 154–163.
- Lin Yutang. From Pagan to Christian. N. Y. : Cleveland, World Publishing Company, 1959. 251 p.

ТИПЫ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ)

Аннотация. Раскрывается феномен интертекстуальности, который в контексте японской музыкальной культуры может определяться в качестве механизма структурирования, сохранения и передачи культурной информации.

Ключевые слова: современная музыкальная культура, интертекстуальные аспекты музыкальной культуры, интертекстуальные включения в тексты японских песен.

A. Ivaschenko, I. Shalina

Irkutsk State University, Irkutsk

TYPES OF INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN MODERN MUSICAL WORKS (BASED ON THE EXAMPLE OF JAPANESE LANGUAGE TEXTS)

Abstract. The purpose of the article is to reveal the phenomenon of intertextuality, which in the context of Japanese musical culture can be defined as a mechanism for structuring, preserving and transmitting cultural information.

Keywords: modern musical culture, intertextual aspects of musical culture, intertextual inclusions in the texts of Japanese songs.

Для современной музыкальной культуры, которой свойственны неоднозначность, неустойчивость и многообразие содержания, чрезвычайно актуальна проблема примирения человека с внутренней природой мира.

Определение различий между текстами музыкальной культуры начала XXI в. для их использования в современном художественном и культурном анализе является целью этой исследовательской работы.

Интертекстуальные исследования актуальны в первую очередь потому, что, анализируя текст, мы имеем возможность найти в нем некие смыслы, приобретенные с течением времени, в диахроническом аспекте.

М. Бахтин писал: «Даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде» [Бахтин, 1979, с. 363].

Создавая текст, мы, безусловно, учитываем интертекстуальные явления, но важным является также и аспект осознания его реципиентом. В теории интертекстуальности значимость приобретает проблема автор – читатель, в то время как в нашем исследовании мы будем рассматривать проблему автор – слушатель.

Как для читателя, так и для слушателя всегда возможен выбор: продолжать восприятие, рассматривая интертекстуальные включения в каче-

стве органичного элемента конкретного текста, или же обратиться к исходному тексту. Речь здесь идет о различных формах интертекстового взаимодействия, о важности коммуникации между автором и слушателем.

В ХХI в. интертекстуальные исследования вышли на новый уровень, современный музыкальный язык звучит по-новому, в нем прослеживаются новые темы, актуальные для данной эпохи, современные музыкальные продюсеры творят и самовыражаются иначе.

Композиторы нашего времени ориентированы на активный языковой поиск и языковые преобразования в своей работе. По этой причине современные музыкальные тексты требуют нового исследования.

Интертекстуальные включения в музыкальных произведениях могут относиться к следующим аспектам:

- техника композиции (полистилистика в трех основных аспектах: работа со стилями как объектами творческого моделирования, технология выстраивания внутритекстовых отношений, эстетические и концептуальные предпочтения композитора);
- авторский анализ как специфический музыкальный текст;
- музыкальные процессы (стереотипизация лексем, контекстуальная трансформация лексем, интертекстуальные взаимодействия);
- музыкальные структуры (текст, контекст, метатекст, лексем, лексика, лексическая парадигма и парадигматика);
- значимые для музыкального сочинения этапы творческого процесса;
- музыка без средств графической фиксации;
- музыка, отражающая структуру вербального языка;
- музыка, дополненная визуалом в процессе исполнения;
- общая поэтика произведения, отражающая место и роль составляющих в интертекстуальной модели сочинения;
- генетика и функциональный аспект музыкального материала в их внутренних связях и смысловой нагрузке;
- реконструкция культурной памяти произведения, хранящей различные культурные коды;
- реконструкция горизонта ожиданий слушателя, на которого ориентировался композитор в момент создания произведения [Яблонская, 2007].

Интертекстуальность музыкальной культуры определяет весь музыкально-творческий процесс, отображает образ мыслей автора, который, в свою очередь, влияет на его сознание. От этого зависит, какой художественный прием или тип композиции текста будет выбран. Чтобы глубоко интерпретировать музыкальное произведение, необходимо установить связь между текстами, а также постараться не потерять смысловых значений.

В наше время мы являемся свидетелями объединения стилей, заимствования огромного количества материала других культур.

Следуя за И. Г. Потылициной, мы можем сделать следующий вывод.

Интертекстуальные включения в музыке могут проявляться как:

- 1) интертекстуальная модель, которая является полным текстом музыкальной композиции прошлого;
- 2) интертекстуализм в виде модели «чужой» темы, которая становится объектом вариационного, вариантного развития;
- 3) звуковые образы в качестве модели;
- 4) легкая аллюзия, скрытая цитата, спрятанная в фактуре сочинения;
- 5) явная цитата или квазичитата, вкрапленная в ткань современного произведения;

6) интертекстуальная модель, выраженная в слове, раскрывающем замысел автора, обращенный к стилям, произведениям, композиторам прошлого. Это может быть монограмма, текстовая цитата внутри произведения или само название сочинения [Потылицина, 2023].

В зависимости от вида интертекста выделяются интерсубъектная и референциальная семантические интертекстуальности.

Интерсубъектная интертекстуальность создается с помощью цитативных включений. К ним относятся авторские/неавторские тексты. Говоря о неавторских текстах, мы имеем в виду тексты народных песен, сказок, поговорок, пословиц, мифов. Их можно отнести к прецедентам интерсубъектной интертекстуальности, так как в свое время у этих текстов был автор. Существует два типа интерсубъектной интертекстуальности: вербальная (созданная при участии вербальных текстов) и невербальная (созданная на основе невербальных текстов, принадлежащих к разным семиотическим системам (музыка, скульптура, живопись и т. п.)).

Анализируя текст, мы часто сталкиваемся со смысловыми интертекстуальными, а также цитирующими включениями. Как все мы знаем, цитатой является фрагмент текста другого автора, который мы включаем в созданный нами текст. Структурируя цитирующие включения, мы можем выделить: название интертекстуальной цитаты, интертекстуальный заголовок цитаты, собственно интертекстуальную цитату.

Интертекстуальные цитаты подразделяются на актуализированные и неактуализированные. Актуализированные цитаты включаются в текст графически (кавычки, курсив и т. д.) и часто сопровождаются указаниями на источник заимствования. Неактуализированные цитаты же не имеют графического акцента и связи с предложениями.

Интертекстуальные цитаты делятся на дословные и недословные. Особенностью невербальных интертекстуальных цитат является аннотирование прецедентного текста с помощью ключевых компонентов, что делает его узнаваемым по вербально выраженным единицам. В большин-

стве случаев таковой является номинация персонажа или какого-либо ключевого элемента прецедентного текста в сочетании с сюжетными компонентами. Возможно использование лишь одной номинации из вышеперечисленных [Сохор, 1974, с. 59–74].

Достаточно часто различные интертекстуальные включения можно встретить в одном произведении.

В качестве примера мы проанализировали некоторые тексты песен южнокорейской группы Stray kids, чтобы продемонстрировать наличие феномена интертекста в современных музыкальных произведениях. Все тексты песен написаны самими участниками группы на японском языке, так как группа продвигается как в Южной Корее, так и в Японии.

1. Песня «All in» включена в первый японский альбом с одноименным названием «All in» в октябре 2020 г.

В названии содержится суть всей песни: не бояться действовать так, как хочется, рисковать всем ради того, чего вы желаете.

Термин «All in» является действием игрока в карточной игре покер, когда он кладет все свои фишки, денежную валюту в «банк», чтобы заставить противника поверить в сильную комбинацию карт игрока и сбросить свои карты, отдавая победу. Риск такого действия не всегда оправдан, однако игроки часто им пользуются, надеясь забрать весь вложенный за всю игру «банк».

All in さあ ぶっぱなせ Now	<i>Иди ва-банк прямо сейчас</i>
All in さあ ぶっぱなせ Now	<i>Иди ва-банк прямо сейчас</i>
照れていないで Nanana	<i>Не стесняйся</i>
自由にやって Lalala	<i>Делай свободно</i>
All in ah, ah, ah, ah	<i>Ва-банк</i>

Данный пример будет относиться к неактуализированным интертекстуальным цитатам.

2. Песня «Case 143» была выпущена в первом японском студийном альбоме «The sound» в феврале 2023 г.

Как сам текст, так и название содержат отсылку на фразу «I love you», которая передавалась цифрами 143 на пейджерах в 1990-х гг. Из-за невозможности печатать длинные тексты либо печатать их совсем люди придумали определенный шифр из цифр, который решили использовать в данной песне. Шифр соответствует количеству букв в каждом слове: I – 1, love – 4, you – 3.

Why do I keep getting attracted	<i>Почему я все еще увлечен тобой?</i>
君だけが浮かぶ	<i>У меня на уме лишь ты</i>
I cannot explain this emotion	<i>Я не способен объяснить все эти эмоции</i>
143	<i>1-4-3</i>
I love you	<i>Я люблю тебя</i>

Само название песни и строчки из нее будут являться интертекстуальными цитатными названиями.

3. Песня «Limbo» не была выпущена в конкретном альбоме группы, однако появилась в виде музыкального ролика на видеохостинге YouTube.

Лимб (от лат. *limbus* – край, предел) – термин, использовавшийся в средневековом католическом богословии и обозначавший состояние или место пребывания не попавших в рай душ. Место, которое не является ни адом, ни чистилищем.

По другим источникам, лимб – пристанище впавших в кому или испытывающих летаргический сон людей, место, в котором люди находятся во время кошмарных снов. Попадание туда обосновано нуждой человека в решении или осознании чего-либо важного. А также лимбом называется цилиндрическое или коническое кольцо или диск. В современном творчестве мы часто сталкиваемся с кино- или музыкальными произведениями, которые как раз поднимают тему неуспокоенных душ.

В песне главный персонаж действительно ходит будто по кругу, вспоминая отрывки своей жизни, прокручивая их в голове снова и снова, не желая, чтоб они заканчивались:

...Запри меня в этом сне и не дай его покинуть...

Само название песни будет являться интертекстуальным цитатным названием, а также в тексте песни наблюдается интересующая интертекстуальность с авторским цитативным включением.

4. Песня «Wolfgang» была представлена на телевизионном шоу Kingdom: Legendary War на телеканале Mnet.

В начале выступления группы на шоу звучит 40-я симфония Вольфганга Амадея Моцарта в качестве вступления, после чего плавно перетекает в собственную песню группы, словно давая подсказку, о чем она будет. В центре внимания 40-й симфонии – человек, его переживания, мысли и стремления. В произведении он ищет гармонии и ясности, размышляет о жизненных конфликтах и несовершенстве мира.

Смысл текста песни заключается в описании борьбы человека с жестокими условиями жизни. Человек вынужден взрастить в себе собствен-

ного зверя для того, чтобы выжить в этом несправедливом и суровом мире, он вынужден искать свою «стаю» и бороться за кусок хлеба:

*...Похорони свое чувство вины в этом мире,
Где выживают только сильнейшие.
Нахлынувшей музыки и нашего воя
Более чем достаточно, чтобы накалить атмосферу.
Пробираясь сквозь бурю (да, я знаю),
Задышаюсь от жестокости.
Даже если я попытаюсь вырваться, теперь я знаю,
Никто не может скрыться от этого сражения...*

Подводя итоги, не можем не отметить, что в современных текстах песен выявляются интересные, порой уникальные и разнообразные случаи интертекстуальных связей. Современные продюсеры и авторы песен используют нетривиальные и разнообразные интертекстуальные включения не только в лирике, но и в мелодии, что может говорить о том, что современная музыкальная индустрия развивается и может заинтересовать как молодежь, так и людей старшего возраста.

Наиболее частотны в исследованных текстах неактуализированные интертекстуальные цитаты, т. е. не обособленные в тексте цитаты, понимание которых зависит только от компетентности слушателя или читателя.

Таким образом, интертекстуальный феномен можно рассматривать как базовый феномен в структуре человеческого существования. Содержание интертекста совершенно неоднозначно. В него включен как субъективный мир автора, так и опыт слушателя. Мы не можем не принимать во внимание ни источник бессознательной референции, ни влияние внешней семиотической среды.

Библиографический список

- Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 361–373.
- Потылицина И. Г., Прохорова Н. Ю., Еремина Н. К. Интертекстуальность англоязычной песни XX–XXI веков // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 3 (39). URL: <https://rulb.org/archive/3–39–2023-march/10.18454/RULB.2023.39.28> (дата обращения: 10.04.2024).
- Сохор А. Н. Социальная обусловленность музыкального мышления и восприятия // Проблемы музыкального мышления / под ред. М. Г. Арановского. М., 1974. С. 59–74.
- Яблонская Е. А. Интертекстуальные аспекты музыкальной культуры последней трети XX века // Вестник ЧГАКИ. 2007. № 2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnye-aspekty-muzykalnoy-kultury-posledney-treti-hh-veka> (дата обращения: 10.04.2024).

КОНЦЕПЦИЯ ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ МОЛОДЕЖИ – 2024 КАК ОСНОВА ДИСКУРСИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ

Аннотация. Рассматривается проблема формирования образа России в событийном дискурсивном пространстве. На примере Всемирного фестиваля молодежи – 2024 анализируется дискурсивная репрезентация концепции события, определяются стратегии конструирования образа России.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивное конструирование мира, дискурсивная стратегия, дискурсивное пространство, событие, событийное пространство, образ России.

V. Klyuchnikova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE WORLD YOUTH FESTIVAL 2024 CONCEPTION AS THE BASIS OF THE IMAGE OF RUSSIA DISCOURSE CONSTRUCTION

Abstract. The article examines the problem of forming the image of Russia in the event-based discourse space. With reference to the World Youth Festival 2024 the discourse representation of the event conception is analyzed, the strategies for constructing the image of Russia are determined.

Keywords: discourse, discourse construction of the world, discourse strategy, discourse space, event, event space, image of Russia.

Проблема дискурсивного конструирования разрабатывается в лингвистике в отношении различных процессов. В фокус нашего внимания попадает процесс дискурсивного конструирования образа России, который анализируется в работах исследователей преимущественно на материале массмедийного дискурса [Горностаева, 2020; Давыдова, Литвяк, 2020; Kushneruk, Solopova, 2020].

Дискурсивное конструирование обосновывается как теоретическое понятие С. Н. Плотниковой, которая пишет: «Дискурсивное конструирование – это дискурсивная деятельность по порождению пока еще не существующего бытия. С помощью дискурсивного конструирования создается и объективируется настоящее, поскольку дискурс возникает в текущий момент повседневной жизни (собственно, и создает его). В процессе дискурсивного конструирования мир актуализируется: переводится из состояния невидимости в состояние видимости, при этом дискурс становится само собой разумеющейся, непосредственной реальностью для человека. Конструирование мира осуществляется при помощи когнитивных сценариев действий и дискурса: человек имеет знание того, как действовать и как говорить в конкретной ситуации общения» [Плотникова, 2014, с. 42].

Трактовка дискурсивного конструирования мира соотносится с объективацией концепции события, а именно Всемирного фестиваля молодежи – 2024 (ВФМ, ВФМ-2024), в средствах массовой информации, на

официальном сайте мероприятия³, официальном телеграм-канале для участников фестиваля⁴, в социальных сетях⁵, где по сей день продолжают освещаться актуальные в рамках фестиваля проблемы и мероприятия. Фестиваль проходил с 1 по 7 марта 2024 г. на федеральной территории «Сириус», его основными площадками стали Университет «Сириус» и Олимпийский парк, которые на время фестиваля приобрели новые смыслы. Легендарный Олимпийский парк превратился в настоящий город молодежи мира (World Youth City), а университет – в Международный аэропорт ВФМ (World Youth Festival International Airport). Событийное пространство и конструируемый в нем дискурс были заполнены мероприятиями культурной, выставочной, содержательной, образовательной, спортивной, проактивной, детской и экскурсионной программ, соответствующих тематике дня, транслируемому смыслу дня. Не случайно сама подготовка, или в наших терминах дискурсивное конструирование мира этого события, началась задолго до начала фестиваля: презентация проекта состоялась 24 июня 2023 г. 90 тыс. человек участвовало в подготовке и проведении ВФМ-2024, в том числе спикеры программы и артисты, представители СМИ, сотрудники сервисных служб. Сам фестиваль объединил 20 тыс. участников из 190 стран: 10 тыс. российских участников и 10 тыс. иностранных участников (Азия – 12 %, Латинская Америка – 12 %, Африка – 10 %, арабский мир – 10 %, другие страны – 6 %).

В рамках презентации проекта была сформулирована цель события, о которой говорил Президент России В. В. Путин: выстроить связи между молодыми и активными представителями разных стран, объединить молодое поколение вокруг идей прочного и устойчивого мира, процветания и созидания. Сохраняя традиции, но используя новые технологии, создать площадку, где каждый сможет найти друзей, познакомиться с другими культурами и начать строить свое будущее. Лозунгом события стала фраза «Начнем будущее вместе!» (*Let's start the future together!*). Этот императив не только был вербализован в текстах сообщений, но также занимал центральное место в семиотике всей площадки события наряду с логотипом фестиваля. Визуальная концепция, актуализированная в логотипе с изображением человеческих фигур, имеет референцию к проступающим контурам многополярного мира. Многоцветная мозаика из розового, зеленого и желтого цветов, незамкнутый круг как «открытые ворота» символизируют открытое для всех будущее, поддержку и поиск точек соприкосновения, обмен опытом, равенство в условиях многообразия народов, культур и традиций.

³ Всемирный фестиваль молодежи – 2024. URL: <https://fest2024.ru/>.

⁴ ВФМ-2024: официальный канал Дирекции Всемирного фестиваля молодежи. URL: <https://t.me/fest2024>.

⁵ Всемирный фестиваль молодежи – 2024. URL: <https://vk.com/fest2024>.

Лозунг и логотип события как визитная карточка принимающей страны объективируют стратегию объединения молодежи мира под началом России, участники видят в России гостеприимную открытую страну, где они могут найти друзей и реализовать свои возможности.

Как уже было сказано, атмосферная концепция фестиваля определяет программу события, опираясь на смыслы каждого дня, сюжетную линию события, путь участника как героя этого события. Смысл дня – эта та базовая пропозиция, тот когнитивный сценарий, на основе которого дискурсивно конструируется мир каждого дня в его множестве семиотических репрезентаций (выставки, конкурсы, дискуссии, конференции, спортивные турниры, кейс-чемпионаты, марафоны, национальные премии, шоу-программы, концерты, мастер-классы, встречи со звездами, политиками, спортсменами и пр.). Пять дней события (со 2 по 6 марта) транслируют определенные смыслы, которые последовательно разворачивают мировую (сюжетную) линию и реализуют определенную дискурсивную стратегию [Плотникова, 2018].

Так, тема первого дня основной программы фестиваля – «Ответственность за судьбы мира» (*Responsibility for the fate of the world*). Дискурсивное конструирование мира на основе этого смысла актуализирует стратегию осознания ответственности за будущее мира, готовность объединяться на ценностной основе ради этого будущего вне зависимости от национальности, политических взглядов и культурных особенностей. Цель дня – поставить перед участником вопросы: какие вызовы сейчас стоят перед миром, как можно их решить вместе. По сюжетной линии этот день представляет собой завязку. В этот день участников ждет «открытие» – запускающее событие. По пути героя участник ищет и обретает союзников, друзей, окружение. В результате прожитого дня он испытывает эмоции предвкушения, радости, ощущение масштаба и вызова.

Дискурсивное конструирование мира события и образа России во второй день базируется на теме «Многонациональное единство» (*Multinational unity*). Стратегия имеет целью побудить участников к осознанию многообразия народов, культур, традиций, ощутить необходимость отстаивать право на свою идентичность. Реальностью для участника становится осознание равенства и признание различий, перед ним встает испытание: признать, что все мы разные. Сюжетная линия события соответствует развитию: участник преодолевает преграды на пути к цели. Путь героя актуализируется в «испытании и смерти» – каком-то внутреннем переживании и изменении мышления. Участники понимают, что все не так просто, как кажется, что нужно делать реальные дела, ощущают, что знаний недостаточно. Чувство единения и желание поделиться особенностями своей культуры – то, что испытывают участники в этот день.

Дискурс третьего дня конструируется на основе «Мира возможностей для каждого» (*A world of opportunity for everyone*). В соответствии с атмосферной концепцией, участники разделяют право на жизнь, достоинство, справедливость и признают равный доступ к образованию, медицине, информации, технологиям, ресурсам. Целью дискурсивного конструирования является формирование у участника стремления к новым знаниям, потому что на фестивале он понимает: именно нехватка определенных знаний мешает решать вызовы, которые стоят перед миром. По сюжетной линии события третий день является кульминацией. В этот день участников ждет самый активный и эмоциональный день под названием «Возрождение». Участник ищет новые, недостающие знания и жадно их впитывает. Эмоции дня реализуются в желании узнать что-то новое и расширить кругозор, во внутреннем сопротивлении новому, но живом интересе, осознании ответственности и рефлексии.

Четвертый день программы фестиваля апеллирует к смыслу «Сохраним семью во имя детей и мира» (*Saving the family for future generations*). Участники разделяют традиционные духовно-нравственные ценности и берут за основу воспитания детей и молодежи, воспринимая Россию как лидера в защите таких ценностей. Цель дискурсивного конструирования в этот день – побудить участников нести в семью, друзьям и знакомым те знания, которые они получили в предыдущий день. По сюжетной линии события четвертого дня – развязка. Здесь участник делает главное открытие своего пути. Эмоции дня: чувство гордости за то, что ему есть чем поделиться; тепло и ностальгия.

Пятый смысл актуализируется в пропозиции «Мы – вместе с Россией» (*We stand together with Russia*). Дискурсивная стратегия нацелена на то, чтобы участники увидели в России страну возможностей для совместного формирования мирового сообщества и ответа на глобальные социальные, политические и экономические вызовы. Этот день становится днем декларации всему миру, что участники сделают, когда вернутся домой. По пути героя участники вступают в день под названием «Новая жизнь», поскольку после прохождения испытаний принимают решение сделать новый полученный опыт частью повседневной жизни. В результате они испытывают чувство гордости от того, что находятся на глобальном мероприятии. Проявляются лояльность к политике, желание вернуться и сделать что-то важное совместно с Россией. Участники ощущают состояние эмоционального подъема, благодарность.

Таким образом, концепция фестиваля заключается в трансляции ключевых смыслов (базовых пропозиций дискурса в событийном пространстве), лежащих в основе стратегий, побуждающих участников к определенным действиям. Реализация данных коммуникативных стратегий нацелена на конструирование положительного образа России в глазах

молодежи мира. Российские участники по итогу фестиваля испытывают гордость за то, что живут в России. Иностранцы испытывают благодарность России за то, что она собрала молодежь разных стран вместе, и за то, что она делает для мира в целом.

Библиографический список

Горностаева Ю. А. Метафорические модели дискурсивного конструирования негативного образа России в испанских СМИ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия. Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 47–53.

Давыдова О. П., Литвяк О. В. Дискурсивное конструирование образа России в английской и американской прессе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 153–158.

Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 41–46.

Плотникова С. Н. Концептуальные основания конструирования дискурсивных стратегий // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория Языка. Языковое образование. 2018. С. 78–86.

Kushneruk S. L., Solopova O. A. War yesterday and today: The image of Russia in British media discourse // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25, N 3. P. 723–745.

УДК 81'26

В. О. Коробко

Иркутский государственный университет, Иркутск

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И РЕФЕРЕНЦИЯ КАК ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Рассматриваются характеристики конструирования коллективной идентичности на уровне ее репрезентации и референциальных характеристик в жанре комментария на материале медийных дискурсов США и России. Исходя из определения коллективной идентичности как конструирования в дискурсе отношения инклюзии, т. е. ассоциирования «я» говорящего с «другими» как способа позиционирования в определенных ситуациях межличностного взаимодействия, репрезентация данного типа отношения устанавливается путем выявления характеристик отобранного корпуса высказываний по критериям реализации данного типа отношения.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, коллективная идентичность, референция, конструирование коллективной идентичности, дискурс, медийный дискурс.

V. Korobko

Irkutsk State University, Irkutsk

REPRESENTATION OF AN UTTERANCE STRUCTURE AND REFERENCE AS CHARACTERISTICS OF THE CONSTRUCTION OF COLLECTIVE IDENTITY

Abstract. The article examines the characteristics of the construction of collective identity at the level of its representation and referential characteristics in the genre of commentary based on the material of media discourses in the USA and Russia. Based on the definition of collective identity as the construction of an inclusion relationship in discourse, that is, the association of the self-speaker with others as a way of positioning interpersonal interaction in certain situations, the representation of this type of relationship is established by identifying the characteristics of a selected corpus of statements according to the criteria for the implementation of this type of relationship.

Keywords: identity, identification, collective identity, reference, the construction of collective identity, discourse, media discourse.

Проблема определения понятия идентичности актуальна для современного общества. Среди особо значимых причин этого явления выделяются цивилизационные изменения в современном мире и формирование новых видов идентичности [Хутыз, 2012], а также происходящие процессы конструирования идентификации языковой личности.

Обращение к проблемам важно для понимания тенденций, факторов, способов идентификации как феномена конструирования социальных смыслов. Конструирование – это высказывание отношения между говорящим и ситуацией, которую тот концептуализирует [Langacker, 1987]. Другими важными определениями являются: 1) идентификация – способ позиционирования высказывания в определенных ситуациях межличностного взаимодействия [Молодыхенко, 2022]; 2) идентичность – дискурсивный концепт, свойствами которого являются динамичность, множественность, ситуативность [Енина, 2016].

В методологическом плане важно положение о том, что прототипическая форма коллективной идентичности объективирована в «мы-предложениях/высказываниях», в которых семантика универсального дейктического местоимения «мы» несет в себе концептуальную формулу инклюзии, присоединения субъектом «я» к своей сфере «других» («я» + «другой», «другие»). Таким образом, данная референция – это отнесенность актуализованных имен, именных выражений к объектам действительности [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990].

В рамках статьи поставим задачу выявить характеристики дискурса коллективной идентичности на уровне репрезентации структурирования высказывания и референциальных характеристик, ассоциированных с говорящим «других».

Материалом данного исследования является корпус медийных текстов в объеме шести отобранных путем синхронного среза медиасообщений в жанре комментария в период с декабря 2023 по апрель 2024 г. и документирования материала в виде скриншотов. В корпус эмпирических данных включались тексты, семантика которых отражает концептуальную формулу знака «мы». Источниками материала являются сайты РИА «Новости» [РИА Новости] и X [X]⁶.

Первой выделяется характеристика конструирования коллективной идентичности с помощью прототипического способа (прототипическое для «мы-высказывания»): американского гражданина вследствие обсуждения фильма «The Russians are coming!» (1966) (рис. 1, а); гражданина США на тему Всемирного экономического форума (рис. 1, б).

⁶ Запрещен в России.

Рис. 1. Комментарии с прототипической формой высказывания коллективной идентичности

Таким образом, в двух указанных примерах коллективная идентичность конструируется с помощью личного местоимения «мы». Что касается конкретных высказываний, то фильм, например, повествует о советской подлодке, которая застревает на острове Новой Англии. Ее капитан утверждает, что он и его экипаж – представители другой национальности: «*We are, of course... Norweegans*».

В ситуации, связанной с проведением Всемирного экономического форума, можем наблюдать то, как представитель республиканской партии США поддерживает мнение одного из спикеров на телевидении о том, что форум – это инструмент в руках элит, которых он противопоставляет обычным гражданам (рабам, по мнению элит), как он: «*...we are serfs...*».

При этом в данном примере конструирование коллективной идентичности осуществляется не только с помощью личных субъектных форм местоимений, но и с помощью объектных форм: «*...rulling over us...*».

В следующих примерах (рис. 2) коллективная идентичность конструируется уже с помощью квазипрототипического «мы»: поликодовый текст (демонстратив), размещенный в источнике «Твиттер»⁷ в декабре 2023 г. российским гражданином (рис. 2, а); комментарий в ответ на видео, который выложил житель г. Ялты, Республика Крым (рис. 2, б).

Основанием для конструирования коллективной идентичности на является единство мнения. Так, на картинке изображены шахтер и солдат, которые стоят на фоне промышленных заводов Донецкой и Луганской народных республик (см. рис. 2, а). Текст – это призыв, который адресован другим людям.

⁷ Соцсеть запрещена в России.

На рис. 2, б приведен комментарий к представленному видео, на котором в центре города выступает духовой оркестр. Концерт производит на женщину (комментатора и зрителя) неизгладимое впечатление, и она обращается к другим: «...*Возродим...*»

При этом в данном примере в качестве идентификационного механизма используется и нарратив: «*Под духовой оркестр и марши наши деды и прадеды уходили на фронт!*»

На рис. 3 представлена репрезентация «других» и приведены характерные тексты комментариев по выдвинутому критерию: высказывание американской гражданки в контексте современной политической ситуации в США и в ответ на выступление президента Дж. Байдена и его сопровождение супругой Джилл Байден (рис. 3, а); комментарий министра молодежной политики ЛНР Юлии Величко (рис. 3, б).

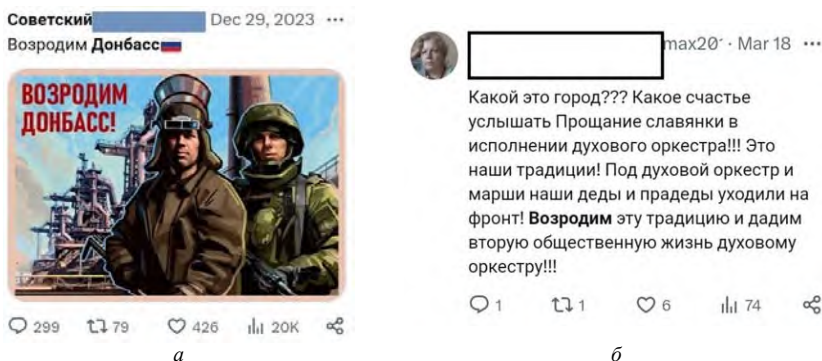

Рис. 2. Комментарии с квазипрототипической формой высказывания

Рис. 3. Комментарии, репрезентирующие «других»

Таким образом, «другими» являются: американцы; американские граждане; граждане, озабоченные политической обстановкой в стране (см. рис. 3, а).

Помимо этого, в данном высказывании используются признаковый и структурный механизмы идентификации, согласующиеся здесь с выделением субъектной позиции в дискурсе [Енина, 2016]: *«America has fallen so low...»*

Текст комментария Ю. Величко – это призыв, который адресован другим людям: выступающим за стабилизацию ситуации с данным российским регионом; имеющим четкую политическую позицию по ситуации в Донецкой и Луганской народных республиках; переживающим за регион в контексте своей малой и большой родины; людям, проживающим на данной территории (см. рис. 3, б).

Помимо этого, в данном примере используется и описательный механизм коллективной идентификации: *«...год у нас был очень насыщенный на различные проекты»*.

На основе полученных данных был проведен контент-анализ (табл.).

Таблица

Контент-анализ характеристик и механизмов коллективной идентичности

Механизм	Частотность употребления
Прототипическое «мы»	4 из 6
Квазипрототипическое высказывание	2 из 6
Нарратив и описательный механизмы идентификации	4 из 6
Выделение «других» и инклюзия в группу «наших/своих» по признакам, особо значимым для субъекта	6 из 6
Объектные местоимения	2 из 6
Признаковый и структурный механизмы идентификации	3 из 6

Таким образом, дискурсивное конструирование коллективной идентичности относится к ряду важных способов и инструментов формирования социальных групп в публичном коммуникативном пространстве в ситуациях противостояния, когнитивной неопределенности, необходимости продвижения солидарных смыслов. Особый интерес представляет изучение конструирования коллективной идентичности с точки зрения механизмов и средств его реализации, в ряду которых особенно выделяются прототипическое и квазипрототипические формы такого типа высказывания, нарративный и дескриптивный способ раскрытия и аргументации идентификации, тип референции, инклюзия по признаку значимости, признаковый и структурный механизмы реализации.

Библиографический список

- Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6. С. 159–167.
Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. 688 с.

Молодыхенко Е. Н. Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива // Terra Linguistica. 2022. Т. 13, № 2. С. 11–29.

РИА Новости. URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 01.04.24).

Хутыз И. П. Дискурс. Реальность. Идентичность: взаимодействие понятий и сущностей. Краснодар : Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2012. 175 с.

Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford : Stanford University Press, 1987. 528 p.

X. URL: <https://twitter.com/?lang=ru> (date of access: 01.04.24)⁸.

УДК 81'37:811.111

Л. В. Кульгавова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ *HAM*: О ВЕТЧИНЕ, МЕНЕСТРЕЛЬ-ШОУ И РОЛИ ГАМЛЕТА

Аннотация. Исследуется семантическая структура имени существительного *ham* в английском языке. Показаны два подхода к определению семантического статуса слова, отраженные в различных лексикографических источниках: 1) слово *ham* трактуется как многозначное слово; 2) *ham* «ветчина» и *ham* «переигрывающий актер» классифицируются как омонимичные слова. Представлены различные интерпретации происхождения слова в значении «переигрывающий актер», имеющем гипотетическую этимологию. Приводятся следующие версии: 1) группа версий, восходящих к водевилям, менестрель-шоу и труппам гастролирующих актеров в США в XIX в.; 2) театральная версия, связанная с исполнением роли Гамлета; 3) эконимная версия; 4) лингвистическая версия, рассматривающая слово из сленга кокни. Перечисляются другие лексические единицы с компонентом *ham*.

Ключевые слова: гипотетическая этимология, многозначное слово, омонимы, пищевой код культуры, менестрель-шоу, блэкфейс.

L. Kulgavova

Irkutsk State University, Irkutsk

LINGUISTIC AND CULTURAL SECRETS OF *HAM*: ABOUT *HAM* AS PIG'S MEAT, MINSTREL SHOWS AND THE ROLE OF HAMLET

Abstract. The article examines the semantic structure of the English noun *ham*. Two approaches to defining the semantic status of the word, reflected in various lexicographic sources, are shown: 1) the word *ham* is interpreted as a polysemous word; 2) *ham* “meat” and *ham* “an actor who overplays the scenes” are classified as two homonymous words. Various interpretations of the origin of *ham* in the meaning of “an actor who overplays the scenes”, which has a hypothetical etymology, are presented. The following versions are given: 1) a group of versions dating back to the vaudeville, minstrel shows and troupes of touring actors in the USA in the 19th century; 2) a theatrical version related to the performance of the role of Hamlet; 3) an eonym version; 4) a linguistic version considering an associated word from Cockney slang. Other lexical units with the component *ham* are listed.

Keywords: hypothetical etymology, polysemous word, homonyms, food culture code, minstrel show, blackface.

...Ham in the sense of an amateur actor
or a 10-th rate actor who outrageously
overplays his scenes has enough

⁸ Соцсеть запрещена в России.

folk etymologies to make a one-act play.
...У слова *ham* в значении актера-любителя
или актера 10-го разряда, который
ужасно переигрывает сцены, имеется
достаточно народных этимологий,
чтобы создать одноактную пьесу.
*R. Hendrickson. The Facts on File
Encyclopedia of Word and Phrase Origins*

Лексические единицы пищевого кода культуры традиционно вызывают большой интерес у носителей языка и изучающих английский язык как иностранный. Особое внимание привлекают гастрономические слова и выражения с неясной и гипотетической этимологией.

К числу таких слов относится имя существительное *ham* – лексическая единица, семантика которой вызывает вопросы как у пользователей языка, так и у исследователей (этимологов, лексикографов).

В гастрономическом значении «the upper part of a pig's leg preserved with salt or smoke for use as food» слово *ham* относится к верхней части свиной ножки, консервированной с солью или копчением с целью употребления в пищу [Longman ... , 1992, p. 472]. Это значение возникло в 1630-е гг., представляя собой расширение более ранних смыслов:

- «the part of the human leg behind the knee», т. е. часть человеческой ноги позади колена;
- «the hock of a quadruped», т. е. скакательный сустав четвероногого.

Данные смыслы происходят от древнеанглийского слова *ham* «the hollow or bend of the knee», обозначавшего углубление или сгиб колена [Online ...]. Также выделяется метонимическое расширение «meat from the upper part of a pig's leg preserved with salt or smoke for use as food», т. е. мясо из верхней части свиной ножки, консервированное с солью или копчением с целью употребления в пищу [Longman ... , 1992, p. 472].

У *ham* есть второй смысловой центр – это антропологическое значение, формулируемое следующим образом:

- «an amateur actor; an actor who outrageously overplays the scenes», т. е. актер-любитель; актер, который переигрывает сцены [Hendrickson, 2004, p. 329];
- «an inexperienced or unsubtle actor», т. е. неопытный или неумелый актер [Иллюстрированный ... , 2002, с. 368];
- «an actor whose acting is unnatural, especially with too much movement and expression», т. е. актер, чья игра неестественна, со слишком большим количеством движений и экспрессии [Longman ... , 1992, p. 472].

В данном значении не проводится возрастных и гендерных различий для актеров – речь идет только об особенностях игры.

Имя существительное *ham* представляет собой лексикографическую проблему. Поскольку ассоциация между двумя указанными смысловыми центрами («ветчина» и «актер») у *ham* окончательно не установлена, допускается двоякая трактовка семантической структуры слова.

В одних словарях *ham* регистрируется как многозначное слово с указанными значениями, например в «Иллюстрированном словаре английского языка Oxford» [Иллюстрированный ... , 2002, с. 368], «Новом Большом англо-русском словаре» [Новый ... , 1993, с. 99], «Longman Dictionary of Contemporary English» [Longman ... , 1992, p. 472], «Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary» [Oxford Advanced ... , 1995, p. 408] и др.

В других лексикографических источниках, например в «Random House Webster's Unabridged Dictionary» [Random ... , 2001, p. 864], авторы придерживаются мнения о том, что *ham* «ветчина» и *ham* «переигрывающий актер» являются омонимами.

Подобные разногласия объясняются, в числе прочих причин, отсутствием однозначной, общепринятой интерпретации происхождения второго значения. Вызывает вопросы ассоциативная связь между ветчиной и манерой актера играть. Исследователи предлагают несколько версий появления «актерского» смысла:

1. *Группа версий, восходящих к водевилям, менестрель-шоу и труппам гастролирующих актеров в США в XIX в.* По самой популярной и поддерживаемой многими авторами версии, *ham* – это усечение слова *hamfatter* (встречаются также раздельное написание *ham fatter* и дефисное написание *ham-fatter*) в американском варианте английского языка XIX в. Название *hamfatter* объясняется следующим: низкооплачиваемые актеры не могли приобретать дорогие крема и средства для нанесения и/или снятия грима, поэтому они пользовались маслами, свиным жиром (*ham fat*).

Словарь «Wordnik», со ссылкой на «The Century Dictionary», определяет *hamfatter* как термин, выражающий презрение к актеру низкого ранга, например к негритянскому менестрелю. Указывается, что его происхождение может быть напрямую связано с песней «The Ham-fat Man» [Wordnik; см. также: Ayto, 2005, p. 261]. Слово *ham* в значении «переигрывающий актер» вошло в употребление в американском английском как сокращение от *hamfatter* в 1882 г., а песня «The Ham-fat Man» датируется приблизительно 1856 г. [Online ...]. В песне содержатся такие строки:

*Ham fat, ham fat, Zigga zolla zan,
Ham fat, ham fat, Tickle olla tan;
oh! Walk into de kitchen, as fast as you can,
Hoochee Koochee Koochee, says the ham fat man.*

В словаре «Online Etymology Dictionary» высказывается мнение, что сама по себе песня не имеет отношения к актерской игре, но основания

можно усмотреть в качестве актерской игры в менестрель-шоу (*minstrel shows*), где песня была чрезвычайно популярна [Online ...].

Менестрель-шоу и водевили были распространены в США в XIX в. В них белые актеры изображали комические сцены из жизни чернокожих, исполняли стилизованную музыку и танцы. Это могли быть выступления не самого высокого качества. Темный грим, имитировавший негритянскую внешность (преимущественно карикатурно), назывался *блэкфейс* (*blackface* «черное лицо»).

Чтобы раскрашивать свои лица в черный цвет для создания образов чернокожих, актеры использовали ламповую сажу (оставалась от горения масляных ламп и использовалась для изготовления черных пигментов). Такой грим было трудно снимать. Поскольку актеры менестрель-шоу не относились к разряду высокооплачиваемых, для снятия грима они не могли позволить себе дорогостоящие средства, например колд-крем, и пользовались свиным жиром (*ham fat*) [Idioms ...].

С другой стороны, речь может идти о свином жире как компоненте грима блэкфейс. Для создания грима артисты использовали жженую пробку, смешанную со свиным жиром, а в более поздние периоды – гуталин, ваку.

Исследователи упоминают версию происхождения *ham*, связанную с работой Тони Пастора (Tony Pastor, 1837–1908), импресарио и владельца театра. В его заведении в центре города выступала группа под названием «The Hamtown Students», квартет чернокожих, известный своими преувеличенными движениями и манерой выступления. Предположительно, всякий раз, когда Пастор видел актера, который переигрывал, он называл его *ham*. Другие, очевидно, использовали полное название *Hamtown student*. Другая теория заключается в том, что афиша в Tony Pastor's Opera House в Нью-Йорке объявляла о том, что «шестьдесят окороков будут розданы в понедельник вечером»: *sixty hams distributed on Monday evening* [Wilmeth, 1981].

Также существует точка зрения о том, что *ham* с «актерским» значением происходит от имени Hamish McCullough (1835–1885). Хэмиш Маккалоу гастролировал со своей труппой актеров по Иллинойсу и другим штатам Среднего Запада США. Его компания была известна под названием Ham's Actors, происходящим от его собственного прозвища. Считается, что их выступления были удручающе плохими [Boycott, 1983, p. 56].

Завершая рассмотрение данной группы версий, представляется важным упомянуть, что по традиции свиной жир был частью экипировки джазовых музыкантов. В прежние времена музыканты носили в карманах кусочки сала, чтобы смазывать свои тромбоны. Интересный пример употребления *hamfat* приводит в своей книге Р. Остлер со ссылкой на статью в журнале New Yorker 1966 г., посвященную музыке Луизианы: «Most of

the musicians playing in these clubs are old men. ... They're *hamfat musicians*. In the old days, the rough musicians kept pieces of *ham fat* in their pockets to grease the slides of their trombones» [Ostler, 2008, p. 178].

2. *Театральная версия, связанная с исполнением роли Гамлета.* Следующая версия происхождения *ham* тоже «актерская»: она связывает слово *ham* только с одной ролью – ролью Гамлета (*Hamlet*), которого актеры часто переигрывали или страстно мечтали сыграть [Harrison, 1998, p. 120; Hendrickson, 2004, p. 329; Mencken, 1960, p. 689]. Интересно отметить, что в пьесе У. Шекспира «*Hamlet*» содержится получивший широкую известность монолог Гамлета о театре и о мастерстве актера, в котором он предостерегает актеров от переигрывания.

Данная версия вызывает сомнения, поскольку слово *ham* в значении «переигрывающий актер» должно было бы тогда употребляться в речи с шекспировских времен, но это противоречит фактам [Hendrickson, 2004, p. 329].

3. *Эконимная версия.* Эконим является особым типом топонима – это имя собственное дома или любого другого жилого здания.

Утверждается, что у термина *ham* английское происхождение: предполагается, что он происходит от *Ham House* – здания, расположенного недалеко от Ричмонда и известного своим чрезмерным декорированием и вычурностью [Harrison, 1998, p. 120].

4. *Лингвистическая версия, рассматривающая употребление слова из сленга кокни.* Согласно этой версии *ham* происходит от слова из сленга кокни *hamateur* «an amateur actor» для обозначения актера-любителя, непрофессионального актера. Данному предположению противоречит тот факт, что *ham* – это американский термин, появившийся около 1880 г. [Hendrickson, 2004, p. 329].

Таким образом, вопрос о семантическом статусе *ham* (многозначное слово или омонимы) остается открытым вследствие гипотетичности происхождения второго смыслового центра.

В английском языке существуют и другие лексические единицы, содержащие компонент *ham*. Перечислим некоторые из них.

Существительное *ham* подверглось семантическому расширению и стало обозначать игроков в мяч, боксеров, спортсменов, а также радиолюбителей [West, 2001, p. 132].

«Oxford English Dictionary» приводит даты появления некоторых из указанных смыслов. Например, значение «an incompetent boxer or fighter» (некомпетентный боксер или борец) появилось в американском сленге в 1888 г. Значение «an amateur telegraphist» (телеграфист-любитель) относится к 1919 г., а выражение *radio ham* (= *radio amateur*) – к 1922 г. [Oxford English ...].

Несмотря на то что у *ham* в современных словарях выделяется значение «an amateur radio operator» (радиолюбитель), его происхождение интерпретируется неоднозначно:

1) значение «радиолюбитель» является семантико-деривационной проекцией «плохого/переигрывающего актера», основываясь на признаке «(h)amateur» [Rees, 1998, p. 116];

2) слово *ham* «радиолюбитель» происходит от слова *(h)amateur* [Harrison, 1998, p. 121].

По утверждению М. Харрисона, шутливое обращение *you old ham* допустимо между друзьями-актерами, но зависит от контекста ситуации и не рекомендуется для широкого употребления [Harrison, 1998, p. 121].

В американском английском фиксируется существительное *hambone* для обозначения белого комика, изображающего негра [Новый ... , 1993, с. 99]. «Random House Webster's Unabridged Dictionary» датирует его появление 1850–1855 гг. [Random ... , 2001, p. 864]. Некоторые ученые полагают, что слово *hambone*, так же как и *hamfatter*, могло быть источником возникновения усечения *ham* [Harrison, 1998, p. 120–121; Mencken, 1960, p. 690].

Глагол *ham* (также фразовый глагол *ham it up*) со значением «to act in a deliberately artificial or exaggerated way; overact» в разговорном английском обозначает переигрывание, игру с нажимом. Примеры: *He hams all his parts* [Новый ... , 1993, с. 99]; *The actors were really hamming it up to amuse the audience* [Oxford Advanced ... , 1995, p. 408].

Соответственно, выражение *ham acting* тоже относится к переигрыванию и плохой игре.

Глагол *hamfatter*, образованный конверсией от существительного *hamfatter*, сопровождается в словарях пометой *пренебр.* и имеет значение «плохо играть (на сцене)» [Новый ... , 1993, с. 99].

Прилагательное *hammy* отражает логику развития значений существительного *ham* и может передавать в речи следующие смыслы: «1) с привкусом ветчины; 2) *разг.* переигрывающий (об актере); склонный к наигрышу, к аффекту; 3) преувеличенный, слишком подчеркнутый; напыщенный» [Новый ... , 1993, с. 100]. Однако «Random House Webster's Unabridged Dictionary» разводит гастрономическое и антропологическое значения по разным словарным статьям, указывая, что первое возникло в 1860–1965 гг., в то время как второе датируется 1925–1930 гг. [Random ... , 2001, p. 865].

Прилагательное *ham-fisted* берет начало в 1905 г., а прилагательное *ham-handed* – в 1896 г. [Online ...]. Интересно отметить, что выражение *with hammen ifalden* «with folded hams» в среднеанглийском периоде означало «kneeling», т. е. становиться на колени [Online ...]. В настоящее время *ham-fisted* и *ham-handed* маркируются в словарях пометами *разг.*,

infml, derog и используются в речи в значениях: «1) с пудовыми кулаками; с огромными ручищами; 2) неуклюжий, руки-крюки» [Новый ... , 1993, с. 99]. Возможны метафорические расширения смыслов, например: *the government's ham-fisted approach to dealing with the strike* [Longman ... , 1992, p. 472].

«Иллюстрированный словарь английского языка Oxford» приводит производные слова, образованные от прилагательного *ham-fisted*. К ним относятся наречие *ham-fistedly* и существительное *ham-fistedness* [Иллюстрированный ... , 2002, с. 368].

По мнению авторов «Bring Home the Bacon and Cutting the Mustard», выражение *to be ham-fisted* относится к большим рукам, которые по форме напоминают окорока и поэтому не подходят для выполнения работ, где требуется ловкость рук [Bring ... , 2002, p. 86].

«Oxford English Dictionary» приводит даты появления производных слов с компонентом *ham*:

ham-fisted – 1928 г.;

ham-fistedly – 1964 г.;

ham-fistedness – 1963 г.;

ham-handed – 1918 г.;

ham-handedly – 1964 г.;

ham-handedness – 1928 г.;

ham-footed со значениями «clumsy, awkward, stupid» (неуклюжий, неловкий, глупый) – 1960 г. [Oxford English ...]. Как видно из приводимых примеров, данные словарей относительно дат не всегда совпадают.

В современном сленге *HAM* (также с правописанием *ham*) является акронимным сокращением обценного выражения *hard as a motherfucker* и используется для описания действий человека, который работает изо всех сил, выполняя свою работу с максимальной энергией и решимостью. Например: *That fighter went ham in the ring for the win* [Urban ...].

В сообществе видеоигр выражение *going ham* часто означает «слишком усердствовать в достижении цели и в конечном итоге потерпеть неудачу». Например, кто-то в соревновательной игре может сразиться с тремя другими игроками в ситуации, когда он или она не в состоянии справиться с таким количеством соперников, но все равно пытается – и в конечном итоге терпит неудачу: «For example, someone in a competitive game might take on 3 other players in a situation where he or she really can't take on that amount of competitors, but try anyway and ultimately fail. *This is going too ham*» [Why ...].

В заключение следует отметить, что, хотя изучение гипотетических этимологических версий может не давать окончательных ответов на вопросы о происхождении слов и выражений, их рассмотрение полезно для изучающих английский язык, поскольку позволяет обогатить их знания об английском языке, помочь им лучше понять культуру других народов.

Библиографический список

- Иллюстрированный словарь английского языка Oxford. М. : Астрель; АСТ, 2002. 1008 с.
- Новый Большой англо-русский словарь : в 3 т. : около 250 000 слов / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М. : Рус. яз., 1993. Т. 2: G–Q. 832 с.
- Ayto J. Word Origins. The Hidden Histories of English Words from A to Z. London : A & C Black, 2005. 577 p.
- Boycott R. Batty, Bloomers and Boycott: A Little Etymology of Eponymous Words. N. Y. : Peter Bedrick Books, 1983. 128 p.
- Bring Home the Bacon and Cutting the Mustard. Edison, New Jersey : Castle Books, 2002. 191 p.
- Harrison M. The Language of Theatre. N. Y. : Routledge, 1998. 316 p.
- Hendrickson R. The Facts on File Encyclopedia of Word and Phrase Origins. N. Y. : Checkmark Books. An imprint of Facts On File, Inc., 2004. 822 p.
- Idioms Online. URL: <https://www idioms online/ham-it-up/> (дата обращения: 17.02.2024).
- Longman Dictionary of Contemporary English : in 2 vol. Longman. М. : Рус. яз., 1992. Vol. 1: A–L. 626 p.
- Mencken H. L. The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States. N. Y. : Alfred A. Knopf, 1960. Supplement II. 890, xliii p.
- Online Etymology Dictionary. URL: <https://www etymonline com/search?q=ham> (дата обращения: 17.02.2024).
- Ostler R. Let's Talk Turkey: The Stories behind America's Favorite Expressions. N. Y. : Prometheus Books, 2008. 252 p.
- Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 1995. 1081 p.
- Oxford English Dictionary. URL: <https://www oed com/search/advanced/ HistoricalThesaurus?q=ham> (дата обращения: 16.02.2024).
- Random House Webster's Unabridged Dictionary. N. Y. : Random House, 2001. 2230 p.
- Rees N. The Cassell Dictionary of Word and Phrase Origins. London : Cassell, 1998. 273 p.
- Urban Dictionary. URL: <https://www urbandictionary com/define.php?term=HAM> (дата обращения: 10.05.2024).
- West P. The Secret Life of Words. N. Y. : A Harvest Book. Harcourt, Inc., 2001. 296 p.
- Why is an actor sometimes called 'ham'? // English Language & Usage Stack Exchange. URL: <https://english.stackexchange.com/a/167762> (дата обращения: 10.05.2024).
- Wilmeth D. B. The Language of American Popular Entertainment: A Glossary of Argot, Slang, and Terminology. Westport, Conn. : Greenwood Press, 1981. 305 p.
- Wordnik. URL: <https://www wordnik com/words/hamfatter> (дата обращения: 15.02.2024).

РОЛЬ АГЕНТСТВА JE В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗА «АЙДОЛ» В ЯПОНИИ

Аннотация. Предлагается краткий обзор особенностей формирования лингвокультурного образа «айдол» в медиапространстве Японии. Устанавливаются основные признаки образа «айдол» в Японии. Рассматривается влияние на образ «айдол» агентства Johnny's Entertainment, определяются основные признаки образа, привнесенные агентством.

Ключевые слова: айдол, айдоу, лингвокультура.

D. Martianova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ROLE OF THE JE AGENCY IN THE FORMATION OF THE LINGUOCULTURAL IMAGE OF "IDOL" IN JAPAN

Abstract. The article provides a brief overview of the peculiarities of the formation of the linguocultural image of "idol" in the Japanese media space. The main characteristics of the image of "idol" in Japan are identified. The influence of the Johnny's Entertainment agency on the image of "idol" is studied, the main features of the image brought by the agency are determined.

Keywords: idol, aidoru, linguoculture.

Выбранное нами для данной статьи определение лингвокультуры представлено в работе В. В. Красных. Вслед за ней мы полагаем лингвокультуру как воплощенную и закрепленную в знаках живого языка и проявляющуюся в языковых процессах культуру, явленную в языке и через язык [Красных, 2013, с. 10].

Современное популярное искусство для многих представителей молодого поколения прочно ассоциируется с культурой Востока. Знаменитости Китая, Кореи и Японии стали законодателями мод и стиля; зачастую именно их внешность и поступки определяют образ мысли слушателей и являются образцом для подражания. Ранее таких людей было принято называть «кумирами» или «идолами», однако сейчас в лексиконе прочно закрепилась иная лексическая единица – «айдол» или «айдоу», если речь идет о японской культуре. О популярности явления говорит тот факт, что, по данным на 2023 г., в Японии действует около 3 тыс. айдол-групп, более 10 тыс. человек имели/имеют опыт участия в айдол-группе [「タイトル未定」... , 2023], а аниме-адаптация манги «Oshi-no ko», повествующей о жизни и работе айдолов и индустрии развлечений в целом, занимает вторую строчку рейтинга лучших аниме по версии поколения Z [Z世代 ... , 2023].

В отличие от предшествующих терминов – идол, кумир, – изначально имеющих значение «материальное отображение некой божественной сущности», понятие «айдол» с момента начала использования не несет в себе религиозного смысла [「アイドル」も ... , 2023].

Черты, характерные для современных айдолов, напоминают своеобразие храмовых танцовщиц периода Эдо (1603–1868 гг.), артисток сирабёси периодов Хэйан и Камакура, основоположницы театра кабуки Идзумо-но Окуни (1603 г.). Тогда же, в XVII в., на картинах укиё-э начали появляться молодые красавицы-актрисы и люди искусства, что вполне можно ассоциировать с современными фото айдолов [日本のアイドル文化 ..., 2021].

Согласно работе Ами Инагаки «Свет и тень джоннисов» впервые понятие «идол/айдол» приобрело толкование «молодой и популярный человек» благодаря исполнителю популярной композиции «My blue heaven», американскому саксофонисту, певцу и автору песен Руди Валье. С 1927 г. его называли «идолом женщин» и первой суперзвездой музыкальной индустрии. Позднее Фрэнк Синатра, в 1940-х г. XX в., своим появлением окончательно закрепил именно такое использование слова. В Японии того периода времени молодых исполнителей было принято называть 青春スター *сэйсюн сута*: (досл. «молодые звездочки», «юные дарования»). Слово «айдол» проникло в обиход только к шестидесятым годам и использовалось, прежде всего, для обозначения феноменов американской культуры – таких как «Битлз» – и зарубежных, преимущественно американских же, актеров и актрис. Термины «сэйсюн сута:» и «айдору» использовались как равнозначные.

Распространена также (в основном в русскоязычном сегменте) мысль о том, что окончательное оформление ключевых черт айдола как феномена японской культуры в массовом сознании, а также начало употребления термина в широком смысле произошли с появлением в 1964 г. на экранах кинотеатров французско-итальянского фильма «Ищите кумира» – авантюрной комедии о поисках бриллианта, спрятанного в одной из пяти гитар, которые купили звезды эстрады. В фильме снялась Сильви Варган – исполнительница с европейской известностью. Эта же певица исполнила заглавную композицию фильма и стала прообразом того самого японского айдола [コラム: アイドルを探して, 2023].

С семидесятых годов знаменитости, которых называют «айдору», появляются и в самой Японии. С 1971 по 1983 г. выходит передача *スター誕生!* *Сута: тандзё:!* «Звезда родилась!» – программа, в которой свои силы попробовать мог любой исполнитель. За время ее выхода было прислано 2 млн заявок, дебютировало 88 групп и 92 человека. В жюри в разное время певцов либо не было вовсе, либо находился всего один, остальные судьи имели отношение к написанию стихов, песенной лирики, музыки, продюсированию. Иными словами, уже тогда смотрели не только на вокальные данные, но и на то, может ли участник понравиться публике, подходит ли для исполнения материала. Желающих стать звездой (дебютировать) ждала долгая дорога из трех этапов, на каждом из

которых, к тому же, было минимум по три ступени, которые также предстояло пройти. Примерно в этот временной период происходит объединение термина «айдол» с образом юного привлекательного человека, близкого слушателю по своему психологическому типу [アイドルの「成長物語」... , 2023].

В массовом представлении лингвокультурный образ японского айдола, вероятнее всего, ассоциируется преимущественно с девичьими группами. Однако в рамках данной статьи мы рассмотрим становление и лингвокультурный образ айдола-мужчины.

В 1960-х гг. в индустрии развлечений Японии впервые появляются исполнители, чью популярность и образы можно было бы отнести к айдолам, если бы на тот момент термин использовался по отношению к японским исполнителям. Юкио Хаси, Кадзуо Фунаки и Тэрухико Саиго составляли на тот момент так называемые 御三家 *go-sanke*, будучи тремя сильнейшими исполнителями своего времени. Примкнувшие к ним в первой половине шестидесятых группа 3 Funkies и Тэрухико Аой образовали первое поколение мужской айдол-индустрии [稲垣, 2012].

Тэрухико Аой – дебютант агентства, известного под разными именами – Johnny's and Associates, Johnny's Entertainment (далее JE) и ジャニーズ事務所 *Дзяни:дзу дзимусё*. Вероятно, такая многозначность не в последнюю очередь обусловлена личностью создателя агентства.

Джон Хирому Китагава родился в Лос-Анджелесе в 1931 г. В 1933 г. его семья вернулась в Японию, однако по достижении 16 лет Джон Хирому вновь уехал в Америку для прохождения обучения в старшей школе. Сфера его деятельности включала театральный менеджмент, бейсбол, тренерскую работу и преподавание английского языка [ジャニー喜多川さん、エンタメのDNA ... , 2019]. В Америке японское имя практически не использовалось, а имя Джон сменилось диминутивом Джонни, под которым Китагаву сейчас знает японское сообщество. За время работы Джон Хирому Китагава успел в достаточной степени ознакомиться со сферой шоу-бизнеса и поп-культурой, в частности – с принципами и условиями создания бойз-бэндов. Эти знания, как будет видно позднее, пригодятся при создании своей организации.

В шестидесятых Джон Китагава работал в Японии в качестве тренера бейсбольных команд, объединенных им в 「ジャニーズ少年野球団」 *Дзяни:дзу сё:нэн якю:дан* «Объединение юных бейсболистов Джонни». По легенде, дождливым днем 1962 г., когда не представлялось возможным провести тренировку по бейсболу, Китагава, вместе с четырьмя участниками своей команды, отправился на просмотр мюзикла «Вест-сайдская история» [ジャニー喜多川さん、エンタメのDNA ... , 2019]. После просмотра мюзикла Джонни Китагава принял окончательное ре-

шение работать в индустрии развлечений, а первой группой агентства стала группа, собранная из четырех участников бейсбольной команды в 1964 г., которая получила название в честь своего создателя – «Джоннисы» (также «Джоннисы первого поколения»). Само агентство, задуманное еще в июне 1962 г., официально открылось в 1965 г.

Окончательно мужчины-айдолы нашли свое место в развлекательной индустрии в 1970-х гг., с появлением и последующим распространением цветного телевидения. С переменным успехом, наряду с представителями других агентств, на экранах появлялись и воспитанники Johnny's and Associates. С момента открытия агентство практически ежегодно промоутировало своих воспитанников. К настоящему времени количество бывших и нынешних участников агентства, включая «джуниоров» – юных участников на подтанцовке у старших коллег, – составляет 271 человек.

Участие агентства JE в формировании мужской составляющей айдол-индустрии с момента ее создания не могло не оставить отпечатка на лингвокультурном образе «айдол». Прежде всего, это сказалось на восприятии айдалов-мужчин: согласно предположению Ами Инагаки, в японском обществе в наши дни сильно убеждение, что каждый айдол-мужчина является выходцем из JE, хотя в действительности все обстоит по-другому [稲垣, 2012]. Само название «джоннис» стало нарицательным, так называют всех воспитанников агентства, вне зависимости от официального названия группы или имени исполнителя.

С точки зрения внешности айдалов агентства JE отличают худощавое телосложение, красота, «свежесть молодости» и отсутствие растительности на лице. Несмотря на то что подобные признаки характерны для представителей Азии в целом, именно эти характеристики джоннисов нередко становились поводом для шуток и насмешек со стороны артистов, оставивших агентство. Большое количество айдалов с данным типом внешности привело к появлению неологизма ジャニーズ系 *дзэни:дзу кэй* «тип джоннис», описывающего внешность конвенционально красивого молодого человека, с четкими чертами лица, который, как правило, выглядит моложе своих лет.

Фанаты агентства также вносят свой вклад в формирование сокращений-неологизмов с позиций обозначения своих предпочтений. Упомянутый любимый артиста, большинство поклонников предпочитает называть его фамилию или прозвище, добавляя к нему 担当 *танто:*, досл. «ответственный», нередко сокращая до «тан». В сообществах, посвященных поиску друзей по интересам, часто можно встретить сообщение 同担NG, что можно расшифровать как «увлекаться тем же артистом запрещено». Согласно Ами Инагаки, причина данного примечания состоит в восприятии поклонниками айдалов как своих близких друзей или возлюбленных, делиться которыми не следует [稲垣, 2012].

Специфика джоннисов как инварианта японских айдолов состоит еще и в том, что основной упор в их продвижении зачастую делается не на вокальных данных, а на личном бренде и разносторонней личности. Так, группа Hikaru genji, дебютировавшая в 1987 г., в первую очередь привлекала к себе внимание тем, что исполняла песни, выступая на роликовых коньках, что было абсолютным новаторством. Особенностью образа одного из вокалистов группы SMAP, продвигаемой как «мужская группа № 1 в Японии», Масахиро Накаи сделали частое непопадание в ноты и фальшь. Несмотря на то что в действительности исполнитель поет достаточно хорошо, на концертах растиражированный образ преобладал и воспринимался настолько цельно, что на время сольных песен Накаи многие зрители уходили в туалет, лишь бы не слышать его «пения». В качестве ответной реакции Масахиро Накаи написал песню «Toiletto rareg man», которую и исполнял на концертах, специально подавая сигнал публике.

После смерти Джонни Китагавы в 2019 г. в медиапространстве появилось множество некрасивых историй, связанных с деятельностью агентства и личностью самого создателя. В 2023 г. после 60 лет деятельности агентство JE прекратило свое существование в первоначальном виде. На смену ему пришло агентство Starto Entertainment (подразделение Smile-Up), которое будет курировать деятельность айдолов. Подобные преобразования представляют интерес для будущих лингвокультурологических исследований. Первый вопрос – как изменится наименование подопечных нового агентства.

Библиографический список

Красных В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2013. № 2. С. 7–18.

Z 世代が選んだ推しアニメ、2 位は【推しの子】、1 位はあのミステリー URL: <https://forbesjapan.com/articles/detail/68319> (дата обращения: 06.05.2023).

アイドルの「成長物語」、原点は伝説の番組「スター誕生!」だった「完成品」より「下手な人」を選んだ阿久悠の先見性. URL: <https://www.dailyshincho.jp/article/2022/06281058/?all=1> (дата обращения: 06.05.2023).

「アイドル」もギリシャ語由来の言葉ですよ! 日本で独自の進化を遂げた言葉の語源は? URL: <https://irenekitakami.com/2016/06/13/「アイドル」もギリシャ語由来の言葉ですよ~/> (дата обращения: 06.05.2023).

コラム: アイドルを探して. URL: <https://www.kahoku.co.jp/ishinomaki/2022/07/post-139.html#:~:text=人気者としての「アイドル」は,になったのです。> (дата обращения: 06.05.2023).

“ジャニー喜多川さん、エンタメの DNA 父も美空ひばりの LA 公演斡旋”. URL: <https://www.sanspo.com/article/20190710-ZTPYOH7RWZIOBCTIVNSTHGST2Q/> (дата обращения: 06.05.2023).

「タイトル未定」「僕が見たかった青空」それぞれのアイドル. URL: <https://www.nhk.or.jp/hokkaido/articles/slug-ncc2116418f54/> (дата обращения: 06.05.2023).

日本のアイドル文化の歴史【江戸編】. URL: <https://note.com/sora8198/n/na17bd98ae1eb> (дата обращения: 06.05.2023).

АСТАФЬЕВСКИЙ ТЕКСТ В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА

Аннотация. Рассматриваются тексты произведений В. П. Астафьева, являющихся носителями сибирского культурного кода и принадлежащих к категории сибирского этнотекста. Исследуется уникальный идеостиль автора, определяющий успешность существования астафьевских текстов во вторичных формах в «чужих» культурах (материалом исследования стали китайские переводы произведений Астафьева и их рецепция в Китае).

Ключевые слова: сибирский текст, автор-инсайдер, культурное и эстетическое созвучие, художественный перевод.

V. Razumovskaya

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

ASTAFIEV'S TEXT IN CHINESE CULTURE: THE OBJECT OF STUDY AND TRANSLATION

Abstract. The article addresses to the texts of V.P. Astafiev's works, which are the carriers of the Siberian cultural code and belong to the category of Siberian ethnic text. The research aim is determined as the study of the unique author's ideostyle of the author, which determines the success of the existence of Astafiev's texts in secondary forms in "other" cultures. The material of the study was Chinese translations of Astafiev's works and their reception in China.

Keywords: Siberian text, an author-insider, cultural and aesthetic harmony, literary translation.

Начатая в 1978 г. и проводимая в дальнейшем политика реформ и открытости миру нашла отражение в различных сферах жизни китайского общества – экономической, политической и культурной. Очевидным результатом политики в аспекте культуры стало то, что Китай испытал значительное культурное влияние других стран мира. Особенно наглядно это проявилось в литературном процессе – как в появлении новых литературных тенденций и имен в китайской литературе, так и в приходе в литературное и, соответственно, культурное пространство страны значительного количества произведений зарубежных писателей. В большинстве случаев тексты зарубежной литературы становились доступны китайским читателям в их вторичных формах, чаще всего в переводах. Увеличение объемов переводов и их культурное разнообразие не только позволили познакомить китайцев с зарубежной литературой, но в значительной мере повлияли на литературный процесс страны и на китайское переводоведение. Если ранее в соответствии с китайской традицией перевода тексты зарубежной литературы переводились сокращенно и подвергались значительной доместикации (по Л. Венути), то в последней четверти XX в. практика художественного перевода в Китае существенным образом приблизилась к мировой, что имело результатом появление полнотекстовых переводов достаточно хорошего качества. В этот период возобновилась и деятельность по переводу и изучению русской литера-

туры. При этом в данной области продолжали успешно работать как переводчики старшего поколения (они нередко обращались к ранее созданным ими переводам и предлагали их новые редакции или создавали качественно новые версии), так и их более молодые коллеги. Данный период с полным правом можно определить как период переизданий созданных ранее переводов (старых переводов), так и период перепереводов (в понимании А. Бермана и А. Ливерганта), т. е. создания новых переводов. Именно в это время в Китае произошел «ренессанс» русской переводной литературы, в течение которого появлялись многочисленные переводы как классической (Ломоносов, Карамзин), так и современной литературы (Бродский, Айтматов, Ерофеев, Пелевин, Бондарев, Гранин, Маканин). Считается, что количество переведенных произведений в это время превысило общий объем переводов, появившихся за сто предшествующих лет. Так, по данным китайского русиста Чэнь Цзяньхуа, в этот период в Китае было переведено и опубликовано около 10 тыс. произведений русской литературы.

Особенностью создания переводов зарубежной литературы (и, прежде всего, русской) в Китае можно с полным правом назвать то, что китайские филологи традиционно уделяют внимание как собственно переводу, так и изучению переводимых текстов. При этом интересно, что многие китайские филологи переводят художественные произведения, а китайские переводчики нередко публикуют свои исследования о русской литературе.

Традиционный интерес у китайских исследователей и переводчиков вызывает творчество писателей-сибиряков, которое стало доступно китайским читателям только в начале 80-х гг. XX в. К «тройке сибирской литературы» традиционно относят В. П. Астафьева, В. Г. Распутину и А. В. Вампилова, классиками в первую очередь считают В. Г. Распутину и В. П. Астафьева [Никитенко, 2016]. Интересно, что у каждого из названных русских авторов в Китае прослеживается своя уникальная «судьба». Так, практически все произведения Распутина переведены на китайский язык. Некоторые тексты автора неоднократно становились объектами переперевода за сравнительно короткий период. И не только межъязыкового перевода, но и перевода межсемиотического [Разумовская, 2016]. Так, повесть «Живи и помни» представлена в пяти переводных версиях и в форме известной киноадаптации. Художественные тексты Астафьева также пользуются большой популярностью у китайских читателей и исследователей. Но необходимо подчеркнуть, что творчество Астафьева существенно повлияло на творчество современных молодых китайских писателей, которые имели возможность познакомиться с астафьевскими текстами как в оригиналах, так и переводах.

В. П. Астафьев (1924–2001) был признан классиком русской литературы в России и за ее пределами уже при жизни. На родине писатель неоднократно становился лауреатом Государственной премии РФ в области литературы, был удостоен Государственной премии РСФСР им. М. Горького, а также премии «Триумф», премии Юрия Казакова и премии Александра Солженицына (посмертно). За рубежом творческая деятельность автора-сибиряка была отмечена Пушкинской премией фонда Альфреда Тепфера (ФРТ). Писатель дважды (в 1993 и 1996 гг.) был номинирован на премию «Русский Букер». К бесспорным свидетельствам популярности, высокой художественной ценности и эстетической «силы» астафьевских текстов в культурном пространстве современной России и всего мира можно отнести регулярные переиздания большими тиражами их оригиналов и переводов, проведение научных конференций и публикации научных статей и монографий, регулярное включение в образовательные программы различных уровней. В 2024 г. отмечается столетие со дня рождения В. П. Астафьева. А юбилейные даты являются традиционным стимулом к знакомству и изучению текстов авторов, ставших знаковыми именами русской и мировой культур.

В научном дискурсе широко представлено мнение, согласно которому среди сибирских писателей XX в. именно Астафьев наиболее известен за пределами Сибири и России. Такое «лидерство» обусловлено высокой эстетической и культурной ценностью его произведений, а также качеством и количеством созданных вторичных текстов-переводов. Считается, что первой иноязычной версией стал перевод на польский язык повести «Звездопад» 1960 г., опубликованный в 1961 г. в Варшаве. По данным исследователей, к началу XXI в. астафьевские тексты были переведены на 22 языка и изданы в 28 странах мира [Робонен, 2005, с. 221]. В дальнейшем география их присутствия в полилингвальном и мультикультурном пространстве современного мира значительно расширилась, о чем свидетельствуют различные справочные издания и библиографические указатели.

Как уже отмечалось, в каждой принимающей культуре переведенный текст обретает свою «судьбу». Учитывая историю переводов астафьевских текстов на китайский язык и масштаб китайского астафьеведения, можно говорить о несомненно «успешной судьбе» в современном Китае. Так, еще при жизни автора на китайский язык были переведены многие (хотя и далеко не все) его известные произведения: «Пастух и Пастушка», «Царь-рыба», «Звездопад», «Печальный детектив», «Затеси», «Ода русскому огороду». Каждый из указанных переводов сыграл важную роль в становлении китайского астафьеведения, в котором сочетаются литературоведческое, лингвистическое и переводоведческое направления. Считается, что именно перевод «Царь-рыбы», опубликованный

в 1982 г. в шанхайском издательстве «Иностранная литература» (ранее, в 1979 г., были изданы китайские переводы только нескольких частей книги), стал отправной точкой известности и популярности Астафьева в КНР.

«Царь-рыба» справедливо считается главной книгой в творчестве писателя-сибиряка, его визитной карточкой. Китайские исследователи считают, что горячий отклик у китайских читателей и критиков указанное произведение получило по причине высокой эстетичности раскрытия темы природы и человека (что во многом созвучно с традициями китайской философии) [Чжан, 2020]. В китайском астафьеведении подчеркивается, что китайские писатели молодого поколения испытали сильное влияние «Царь-рыбы» на свое творчество. Так, Нобелевский лауреат в области литературы 2012 г. Мо Янь и многие другие китайские авторы творили под влиянием «Царь-рыбы» [Ян, 2014]. При этом упоминаются не только центральная миниатюра повествования, давшая название книге, но и другие рассказы. Так, Гэн Чуаньмин пишет: «Эволюция творческих тем Чжан Вэя, китайского писателя, который стал активно публиковаться в 1980-е гг., непосредственно связана с воздействием творчества Чингиза Айтматова и В. Астафьева, которые принадлежат к философской экологической школе современной советской литературы, а эволюция его творческой темы заключается в переходе от критики древних китайских культурных традиций к пониманию необходимости “единства природы и человека”, основанного на этих же традициях» [Гэн Чуаньмин, 1995, с. 117]. Таким образом, история переводов произведений Астафьева на китайский язык в значительной степени совпала с периодом расцвета перевода русской литературы последней четверти XX в. и оказала значительное влияние на литературный процесс в Китае.

Создание вторичных версий художественных произведений в каждой отдельной принимающей культуре как обнаруживает общепереводческие проблемы, так и имеет культурноспецифические свойства и сценарии. К общим проблемам, которые не зависят от языка и культуры перевода, с полным правом можно отнести собственно лингвистические трудности астафьевских текстов, о чем регулярно заявляют как переводчики на европейские языки, так и их китайские коллеги. И сам автор неоднократно отмечал трудности для понимания и передачи на другие языки своих текстов, что было обусловлено присутствием в них диалектной лексики, сибиризмов, сибирских топонимов, гидронимов, фитонимов и антропонимов, обеспечивало принадлежность астафьевских текстов к разряду сибирских текстов и эксплицировало их территориальную привязанность. Специфические проблемы непосредственным образом связаны с различиями, существующими между языками и культурами перевода, а также переводческими традициями и историей художественного перевода, свойственными для каждой культуры перевода. Китайские перевод-

чики обратились к текстам Астафьева как к объектам перевода несколько позднее, чем европейские. Такое запаздывание характерно для китайского художественного переводоведения, хотя в настоящее время оно существенно сокращается. Но поскольку к моменту включения астафьевских текстов в переводческий процесс в Китае высокого уровня достигли русистика и переводоведение, а также и подготовка художественных переводчиков (которые нередко были исследователями в области филологии), то переводы произведений Астафьева выполнялись с русских оригиналов, а не с версий, созданных на языках-посредниках. Важнейшим фактором для появления интереса к астафьевским текстам у китайских исследователей и читателей можно считать то, что китайские версии в большинстве случаев были полнотекстовыми переводами, а не сокращенными переложениями.

С полной уверенностью можно говорить о том, что астафьевские тексты остаются объектом пристального внимания китайских литературоведов, лингвистов, переводоведов и переводчиков. Тем не менее, несмотря на имеющиеся несомненные достижения китайского астафьеведения, предстоит сделать намного больше: «В условиях постоянного расширения обменов между двумя странами, которое наблюдается на протяжении двух последних десятилетий, можно предположить, что в дальнейшем китайские переводчики и русисты сумеют вывести исследование творчества В. Астафьева и переводы его произведений на принципиально новый уровень» [Инь, 2018, с. 145].

Библиографический список

- Гэн Чуаньмин. Чжан Вэй и русско-советская литература // Иностранная литература. 1995. № 3. С. 112–118.
- Инь Цзеце. Изучение творчества В. П. Астафьева в Китае // Филология в XXI в. 2018. № 2 (2). С. 138–147.
- Никитенко В. В. Русская литература в зеркале китайского перевода (на материале астафьевских текстов) // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. М. : Флинта, 2016. С. 433–444.
- Разумовская В. А. Тексты русского традиционализма в переводах: случай В. Астафьева // Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. М. : Флинта, 2016. С. 406–420.
- Робонен Е. В. Международные связи В. П. Астафьева // Феномен В. П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века : сб. материалов I Междунар. науч. конф., посвящ. творчеству В. П. Астафьева. Красноярск, 7–9 сент. 2004 г. Красноярск : ИЦ Краснояр. гос. ун-та, 2005. С. 221–225.
- Чжан Бин. «Царь-рыба» в зеркале учения экологического равновесия языках // Миры литературного перевода : сб. докл. участников V Междунар. конгресса переводчиков художественной литературы. Т. 1. Литературный перевод: от толкования к перевоплощению. М. : Ин-т перевода, 2020. С. 282–286.
- Ян Чжэн. Светящиеся затеси. Литературная газета. 2014. № 17. URL: <https://lgz.ru/article/-17-6460-30-04-2014/svetyashchiesya-zatesi/> (дата обращения: 15.04.2024).

Е. Ф. Серебренникова, Е. С. Салангина
Иркутский государственный университет, Иркутск

ПРОНИЦАЕМОСТЬ И ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ МЕДИЙНУЮ КАРТИНУ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЮЖНОКОРЕЙСКОГО МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА)

Аннотация. Исследуются процессы формирования национальной медийной картины мира, в частности влияние на эти процессы таких факторов, как проницаемость и интердискурсивность цифрового пространства. Роль данных факторов устанавливается путем анализа транснациональных знаков медиатизации в их роли единиц механизма интердискурсивности, определения их когнитивного статуса и типа концептуальных отношений с этнонациональными знаками.

Ключевые слова: медийная картина мира, южнокорейская медийная картина мира, знаки медиатизации, онтологизация знания.

E. Serebrennikova, E. Salangina
Irkutsk State University, Irkutsk

PERMEABILITY AND INTERDISCOURSIY OF THE DIGITAL SPACE AS FACTORS OF INFLUENCE ON THE NATIONAL MEDIA PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE MATERIAL OF THE SOUTH KOREAN MEDIA SPACE)

Abstract. The article is devoted to the study of the processes of formation of the national media picture of the world and, in particular, the influence on these processes of such factors as the permeability and interdiscursivity of the digital space. The role of these factors is established by analyzing transnational signs of mediatization as units of the mechanism of interdiscursivity, determining their cognitive status and the type of conceptual relationship with ethnonational signs.

Keywords: media picture of the world, South Korean media picture of the world, signs of mediatization, ontologization of knowledge.

В настоящее время, когда быстрыми темпами происходят процессы информатизации общества и усиливается глобализация медийного пространства, особое внимание привлекают исследования, связанные с динамикой формирования медийной картины мира. Научные работы по этой теме охватывают широкий круг вопросов, а именно процессы формирования и структурирования медийной картины мира, выявление свойств и характеристик медийной картины мира в сопоставлении с иными формами знаний и представлений о реальной действительности. Терминологическое отграничение получают такие понятия, как информационная картина мира, национальная картина мира, языковая картина мира, индивидуальная картина мира. В фокусе внимания оказывается соотношение национального и глобального медийных пространств с точки зрения влияния глобальных медиа на картину мира принимающего национального общества. При этом открытым остается вопрос о сущности формирующегося глобального медийного пространства и влиянии на национальную медийную картину мира таких характеристик глобального цифрового пространства, как проницаемость и интердискурсивность.

В рамках концептуализации глобализационных процессов в информационном поле сформулированы концепции «транснационального медийного пространства» [Кастельс, 2000, с. 29] и «интеркоммуникативного» [Robertson, 1992] медийного пространства. Основаниями для подобного видения состояния медийного пространства являются такие факторы, как сетевой, ризоматический характер функционирования, гиперссылки, открытость, проницаемость, центрированность как часто одностороннее распространение информации от центров влияния на коллективное сознание: представление мнения, оценки, нормы, моделей, образцов и т. д. При этом процессы медиатизации и знаки медиатизации информации рассматриваются в их семиотической функции структур, носителей знания в медийной коммуникации.

С точки зрения данного информационно-знаниевого аспекта сущность нового состояния национального пространства с учетом открытости и проницаемости к глобальным медиа состоит в том, что оно представляет собой пространство онтологизации актуально нового знания, которое способствует изменениям и обновлению национальной медийной картины мира.

Лингвосемиотическим медиативным механизмом сочленения глобального и национального медийных пространств является механизм интердискурсивности, обеспечивающий онтологизацию нового знания в национальной медийной картине мира. Механизм основан на непрерывной взаимосвязи дискурсов в формате «порядка дискурсов», при котором данные дискурсы являются «следами предшествующих конструкций, уже сформулированных в прошлых дискурсах и которые в них и черпают свой эффект присутствия» [Серио, 1999, с. 34–35]. Глобальный интеркурс строится на «взаимодействии между различными типами дискурса, это поле интеграции, пересечения нескольких областей человеческого знания и практики» [Чернявская, 2002, с. 35]. Данное интегрированное поле оперирования смыслами носит динамический, семиотико-синергетический характер, связанный с трансфразовостью, эмергентностью смысла в процессах дискурсивизации [Олизько, 2009; Якоба, 2020].

Единицами механизма, потенциальными когнитивами [Рогозина, 2003], являются транснациональные знаки медиатизации, выделяемые в оппозиции к этнонациональным знакам медиатизации. Проведенный нами анализ транснациональных знаков медиатизации южнокорейского медийного пространства с точки зрения информационно-знаниевого потенциала в предметной сфере образования как одного из наиболее интернационализированных транснациональных фрагментов национального медийного пространства позволил выявить следующие характеристики и закономерности функционирования знаков медиатизации – транснациональных (ТНЗМ) и корейских этнонациональных (ЭНЗМ) [Салангина, 2023].

При анализе выявляются адаптативный и когнитивные статусы ТНЗМ.

Адаптативный статус показывает степень трансформированности формы инознака по отношению к исходной англоязычной форме. В предметной области образования адаптативный статус ТНЗМ определяется в следующих пропорциях:

1) ТНЗМ, которые передаются транскрипцией: **비전** (от англ. vision); **데이터사이언스** (от англ. data science); **온라인** (от англ. online); **스마트** (от англ. smart). В проанализированных нами текстах транскрипцией передаются 50 % – ТНЗМ, что выявляет превалирующий характер данной знаковой репрезентации актуально нового знания посредством ТНЗМ;

2) ТНЗМ, передаваемые в неизменном виде лексическими единицами глобального английского языка: Ict, Spirits, Impact, Platform, Professional. В проанализированных текстах знаками глобального английского языка передаются 30 % ТНЗМ. Данный тип адаптативного статуса ТНЗМ профилирует инновационный характер вводимого знания;

3) ТНЗМ, передаваемые концептуально родственными структурами корейского языка. Таким способом в проанализированных нами текстах передаются 20 % ТНЗМ. При передаче иноконцептуального содержания лексической единицей корейского языка в скобках дается уточнение, понятие конкретизируется с помощью лексемы глобального английского: **도전과 선도** (excellence); **공존과 헌신** (engagement); **섬김** (serving); **창의** (creative).

Обратимся к анализу когнитивного статуса ТНЗМ.

В ряду когнитивных статусов выделяются ТНЗМ-понятия, концепты и термины. Рассмотрение ТНЗМ с точки зрения их вариативного когнитивного статуса позволяет уточнить сущность происходящей онтологизации знания на основе информации, вносимой ТНЗМ в контексте медийной коммуникации. В ряду ТНЗМ отобранного нами корпуса текстов с точки зрения когнитивного статуса можно выделить:

1) ТНЗМ – носители устойчивого, общего и, значит, разделенного обществом знания, которые используются в качестве неизменных, воспроизводимых предметных констант – френквенталий дискурса. Данные единицы не требуют дополнительного разъяснения и уточнения в контексте употребления: **글로벌** (от англ. global); **온라인** (от англ. online); **시스템** (от англ. system); **센터** (от англ. center); **그룹** (от англ. group). Когнитивы данного статуса можно охарактеризовать как ясные, устойчивые «понятия», которые номинируют существенные явления, способы

действия, акторов одной из важных для общества сфер, служат конвенциональной тематической опорой в медиатизации;

2) ТНЗМ экспертного происхождения, номинирующие специальное, функционально отграниченное знание. Данные знаки чаще всего репрезентируются транскрипцией, при этом в скобках может указываться исходная единица глобального английского языка: 데이터사이언스

(от англ. data science); 콘텐츠 (от англ. contents); 벤처 (от англ. venture);

디지털 (от англ. digital). Знаки медиатизации данного статуса следует отнести к «терминам», репрезентирующим специальное экспертное знание в медиапространстве, которое вводится для освоения в процессах его онтологизации;

3) ТНЗМ с эмоциональной или оценочной, морально-нравственной семантической «нагрузкой». Данные знаки медиатизации могут быть охарактеризованы как носители – имена оценочных «концептов»: 도전과 선도 (excellence); 공존과 헌신 (engagement); 인성인재 (respected colleague); 공헌 (contribution); 열정 (enthusiasm). ТНЗМ данного когнитивного статуса чаще встречаются в таблицах и схемах, т. е. в тех частях текста, где изложение информации характеризуется максимальной краткостью и динамичностью.

В предметной сфере образования южнокорейского национального медийного пространства прослеживается следующая корреляция между когнитивным статусом ТНЗМ и типом отношений, в которые ТНЗМ вступает с ЭНЗМ:

1) ТНЗМ-понятия, номинирующие важные явления, способы действия, акторов одной из сфер общественной жизни, которые выступают конвенциональной тематической опорой в медиатизации, представляют собой случаи параконцептуального заимствования. ТНЗМ подключаются к более широкой и довлеющей концептуальной системе в этнокультуре. Данные языковые единицы зафиксированы в некоторых электронных толковых словарях: 국립국어원 표준국어대사전 [<https://stdict.korean.go.kr/main/main.do>]; 다음 어학사전 [<https://dic.daum.net/index.do?dic=kor>]; 네이버 국어사전 [<https://ko.dict.naver.com/#/main>] и не имеют концептуально родственных структур в южнокорейской лингвокультуре. В проанализированных нами текстах этнокогнитивные структуры не вступали в «конкуренцию» с приведенными ТНЗМ. Это позволяет сделать вывод о том, что в этом случае ТНЗМ вступают в отношения включения в национальную медийную картину мира;

2) ТНЗМ экспертного происхождения, которые номинируют специальное, функционально отграниченное знание и в результате все более интенсивной глобализации сферы образования постепенно вытесняют существующие в языке-реципиенте слова или словосочетания. В данном случае речь идет об отношении замещения некоторой знаниевой лакуны и замещения этнокогнитивного знака, который используется для комментирования, а не для точной номинации. Одновременно с введением слова в лингвокультуру привносится новая структура знания;

3) ТНЗМ-концепты вступают с ЭНЗМ в отношения тождества, при котором иноструктура и этноструктура одновременно сосуществуют, конкурируют в лингвистическом пространстве, проявляя определенную концептуальную и, соответственно, семантико-функциональную дифференциацию. В данном случае иноязычный элемент функционирует в языке-реципиенте наряду с исконными единицами, т. е. имеет место отношение тождества.

По отношению к процессам формирования южнокорейской медийной картины мира выявляются такие особые характеристики, как влияние китайского языка: употребление синознаков или синоэлементов при переводе ТНЗМ в национальное медийное пространство; семантические сдвиги на уровне как знаков-понятий, так и знаков-концептов, сопряженные с повышением оценочности и антропоцентрической метафоризации. Достаточно высокая представленность отношения тождества с этнокогнитивными знаками и тенденция к формированию новых концептуальных областей на основе транснациональных знаков.

Таким образом, роль проницаемости и интердискурсивности как факторов влияния на национальную, южнокорейскую медийную картину мира проявляется в активизации процессов информационного обмена, обновлении картины мира актуально новыми знаниями и усилении процессов интернационализации в концептуальных рамках этнокогнитивного национального пространства. Данное влияние проявляется в наличии различных когнитивных статусов транснациональных знаков и различного типа концептуальных отношений с этнонациональными знаками.

Библиографический список

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.

Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенности реализации интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 343 с.

Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003. 430 с.

Салангина Е. С. Функциональные характеристики транснациональных знаков как компонентов формирования национальной медийной картины мира (на материале корейского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2023. 22 с.

Серно П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1999. С. 12–53.

Чернявская В. Е. Текст как интердискурсивное событие // Текст – Дискурс – Стиль. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. С. 33–41.

Якоба И. А. Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2020. 44 с.

Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. London : Sage publications Ltd, 1992. 203 p.

УДК 811.111'342(599)

Л. А. Сидорова, И. П. Иванова

Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, Чебоксары

СТАНОВЛЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОДНОГО ИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ НА ФИЛИППИНАХ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЛИППИНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассматривается становление английского языка как одного из государственных языков на Филиппинах. Для определения факторов и причин распространения филиппинского варианта английского языка дается краткий экскурс в историю Филиппин и в развитие языковой ситуации в данной стране. Анализируются особенности филиппинского варианта английского языка в области фонетики, лексики и грамматики.

Ключевые слова: язык международного общения, межкультурная коммуникация, региональные варианты английского, филиппинский вариант английского языка.

L. Sidorova, I. Ivanova

I. Yakovleva Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

THE FORMATION OF ENGLISH AS ONE OF THE STATE LANGUAGES IN THE PHILIPPINES AND LANGUAGE FEATURES OF THE PHILIPPINE ENGLISH LANGUAGE

Abstract. The article is devoted to the establishment of English as one of the official languages in the Philippines. To determine the factors and reasons for the spread of the Philippine English language, the article provides a brief excursion into the history of the Philippines and the development of the language situation in this country. The authors examine the features of the Philippine English language in the areas of phonetics, vocabulary and grammar.

Keywords: language of international communication, intercultural communication, regional varieties of English, Philippine English.

В данной статье мы остановимся на филиппинском варианте английского языка, который относится к Asian Englishes [English as ... , 2012, р. 13], и начнем свое исследование с описания истории становления страны и языковой ситуации в ней. Ранее в своих работах мы предпринимали попытку рассмотреть ряд азиатских вариантов английского языка [Сидорова, 2014; Сидорова, 2016; Сидорова, Петрова, 2016].

Филиппины – государство в Азии, состоящее из большого количества (7000) островов разного размера, крупнейшими из которых являются Лусон, Панай, Самар, Негрос. Острова этой страны занимают площадь около 300 тыс. кв. км. Историю страны можно разделить на несколько периодов.

Первые поселения людей, пришедших на Филиппины с суши, относятся к 50-му тысячелетию до н. э. Монголоидные народности начинают переселяться на Филиппины с 3000 г. до н. э. Они занимаются земледелием, в основном выращиванием риса. Позже развитию страны способствуют торговля и мореплавание: торговцы, преимущественно из Китая, вывозят из нее золото и жемчуг. С XIII в. Китай начинает оказывать существенное влияние на развитие Филиппин, что находит отражение в хозяйственной деятельности и быте населения.

С начала XVI в. начинается испанский период в истории Филиппин. В 1521 г. экспедиция под командованием Ф. Магеллана высаживается у берегов Филиппинского архипелага и объявляет его собственностью Испании. После первой неудачной попытки, во время которой в ходе восстания Ф. Магеллан был убит, начались новые. В 1565 г. захватили сначала о. Себу, затем центральную часть архипелага. Так Филиппинские острова стали испанской колонией.

Многие страны претендовали на филиппинские острова (Япония, Голландия, Китай). Англия также в 1762 г. предприняла попытку захватить страну, однако она была неудачной, и в 1765 г. английские войска были вынуждены покинуть острова архипелага.

Революционный союз (Катипунан) в 1892 г. поднял восстание против испанских колонистов, Филиппины получили независимость. Началась Филиппинская революция (1896–1898 гг.), президентом страны стал Агинальдо. Однако позже он прекратил борьбу с Испанией и подписал Биакнабатский договор.

В 1898 г. началась американо-филиппинская война (1899–1901 гг.) между США и Испанией за захват испанских колоний. В итоге испанцы передали США Филиппины, Гуам и Кубу за 20 млн долл.

Далее продолжается борьба филиппинцев с США за свою независимость, и только в 1947 г. страна обретает полную независимость.

В регионе сложилась пестрая языковая картина благодаря тому, что малайский язык служил в качестве посредника при межнациональных торговых взаимоотношениях задолго до начала европейской колонизации. «Всего, по разным оценкам, на архипелаге существуют от 140 до 175 местных языков. Не все они хорошо изучены. В их массе выделяются региональные языки-посредники: илокано на севере страны; тагальский в центральной и южной части острова Лусон и северной части Висайских островов; себуано и хилигайнон в центральной и южной части Висайских островов и северной части острова Минданао. В центральном и южном Минданао вообще нет языка-посредника» [На каком языке ...].

Таким образом, еще в XVI–XVIII вв. сформировалась мультилингвистическая среда региона, включавшая в себя европейские языки. По оценкам ученых, жители Филиппин общаются на 156 языках и 500 мест-

ных диалектах, которые принадлежат к восточной ветви малайско-полинезийской семьи языков. Различие между ними не настолько существенно, как между европейскими языками.

В XIX в. вследствие расширения влияния США в Юго-Восточной Азии ускорился процесс мультикультурализации. В стране возникает потребность в общенациональном языке. Выбор падает на тагальский язык, но в то же время испанский продолжает оставаться языком элиты. После американского завоевания английский язык насильно внедряется в образование, средства массовой информации. В связи с этим была перестроена образовательная система Филиппин. США направляли преподавателей и обеспечивали учебниками филиппинских школьников. Предполагаемой целью этой учебно-просветительской деятельности был переход на англоязычное обучение «за одно поколение». Филиппинские школьники испытывали большие сложности с освоением дисциплин, преподаваемых на английском языке по учебникам, написанным для американцев.

Филиппины получают независимость от США только в 1946 г., с момента подписания Манильского договора. Статус английского языка как государственного сохраняется в стране, закрепляется Конституцией Филиппин в 1965 г.

Впоследствии под влиянием местных языков формируется локальная версия английского языка (филиппинский вариант). Он имеет ряд отличий от стандартного варианта в произношении, грамматике и лексике.

Для рассмотрения особенностей фонологии филиппинского варианта английского языка мы взяли информацию с сайта, на котором представлены его отличительные черты [Philippine English ...]. Представим основные из них. —Большинство родных малайско-полинезийских языков Филиппин не содержат некоторые фонемы, которые имеются в английском языке. Таким образом, некоторые филиппинцы заменяют [f] на [p], когда они произносят английские слова, содержащие звук [f]. Некоторые даже произносят [f] в английских словах, которые обычно начинаются с [p]. Это возникает из-за того, что филиппинцы начинают путаться, какое произношение требуется.

Так же как [f], звук [v] практически отсутствует в большинстве главных родственных языков Филиппин. Отчасти из-за того, что в современном испанском языке нет особого различия между звуками [b] и [v] (так как оба произносятся как [b], а в интервокальном положении как [β]), часть взрослого поколения филиппинцев произносят звук [v] в английских словах как [b].

Звуки [æ] и [ʌ] в филиппинских языках не различаются и произносятся как [a]. Такие слова, как back и buck [bak], cat и cut [kat], pass и pus [pas], в филиппинском варианте английского языка являются омофонами.

Следующей особенностью является замена филиппинцами долгих гласных краткими. Таким образом, произношение слов *bit* и *beat* – [bit], *hit* и *heat* – [hit], *fill* и *feel* – [fil] будет одинаковым.

Звуки [θ] и [ð] во всех словах также отсутствуют в этих языках и произносятся как [t] и [d]. Другие гиперкорректно произносят *th* в *Thai*, *Thomas* и т. д. как [θ].

Некоторые филиппинцы произносят [æ] вместо [ε]. Так, *bad* и *bed* – омофоны.

Звук [ə] в окончаниях слов *-ble*, *-fle*, *-ple*, *-cle*, *-dle* и *-gle* заменяется либо на [ε], который используется более часто, либо на [o]. Так, *google* ['gug(ə)l] был бы прочитан как ['gugel], а *handle* ['hænd(ə)l] – как ['handel]. Соответственно, *Travel* ['træv(ə)l] – ['trabel], *computer* [kəm'pjutər] – [kom'pjuter]. По этой причине окончания *-cion*, *-sion*, *-tion* читаются как [ʃon], что является несколько похожим с произношением английского языка как неродного носителями романских языков.

Schwa (нейтральный гласный) в безударных аффиксах произносится с его полными эквивалентными гласными вместо него. Таким образом: окончания *-ace/-ase* в словах *surface*, *purchase*, *-ate* в таких словах, как *private* и *candidate*, *-ain* в *mountain*, *captain* и *-age/-ege* в слове *marriage* рифмуются с *ace*, *pain/pane*, *eight* и *age*.

Многие филиппинцы испытывают трудности с производными существительными с ударением на первом слоге, поэтому сложные и составные слова звучат одинаково вне зависимости от того, существительное это или нет.

Отличительной особенностью среди старшего поколения филиппинцев является их произношение всех английских слов, начинающихся с *S* + согласный, таких как *star*, *spade*, *stampede*, *slide*, *stigma*, *statue*, *sky*, *stambe*, *strict* и *stew*. Эти слова имеют по два варианта произношения. Например *istrict/estric*t, и *istew/estew*. Так как язык старшего поколения подвергся воздействию испанского языка и использовался согласно испанской системе, где не было слов, начинающихся с *s*+согласный, а только с *es*+согласный.

Таким образом, данные слова будут произноситься следующим образом: *estrella* (*star*), *estampida* (*stampede*), *estigma* (*stigma*), *estatua* (*statue*), *estable* (*stable*), *estric*to (*strict*) and *estofado* (*stew*). Такое явление называется *эпентеза*.

Другой особенностью фонетики филиппинского варианта английского языка является произношение некоторыми говорящими диграфа *qu* перед *e* и *i* в некоторых словах, таких как *conques*, *liquidity*. Для англоговорящего эти слова будут произноситься как ['konkest] и [li'kiditi]. Иногда окончание *-que* звучит как [ke], а не [k]. В этом случае это результат воздействия испанского языка [*Philippine English ...*].

Следующий вопрос касается сверхфразовых единств. В произношении часто ударение выпадает на неправильный слог в слове (например, выделение второго слога вместо первого в словах *advocacy*, *category*, *celibacy*, *ceremony*, *delicacy* и т. д.) или на неправильное слово в предложении в сравнении с североамериканским английским или британским английским. Это явление является результатом ранее упомянутого воздействия испанского (кастильского) языка и часто встречается в английских словах с латинскими корнями.

В действительности ударение в слогах и произношение различаются во многих словах. Например, в слове *adult* ударение может падать как на первый слог (как в британском варианте английского языка), так и на последний (как в американском варианте английского языка). Подобным образом в слове *miscellany* второй слог является ударным, что характерно для британского английского, а не первый.

Филиппинский английский язык традиционно следовал за *американским английским* правописанием и грамматикой, кроме тех случаев, когда это относится к примечаниям даты, а также пунктуации. Например, запятая почти никогда не предшествует заключительному пункту в перечислении. Даты также часто читаются с количественным числительным вместо порядкового (например, *January one* вместо *January first*), в письменной форме – то же самое.

В филиппинском варианте английского языка глагол-связка *to be* часто не используется. Например, *I very hungry* или *You not right*. Также филиппинцы не обозначают грамматически глагол в третьем лице единственном числе. Например: *Every day he wake up early and go to work*.

Филиппинский вариант английского языка имеет схожие черты с американским вариантом. Так, например, филиппинцы употребляют конструкцию *I gonna* вместо *I'm going to*, *I wanna* вместо *I want to*.

Язык – это живое явление, он постоянно развивается, пополняется одними словами, другие выходят из обихода и больше не употребляются. Филиппинский вариант английского языка тоже заимствовал слова из филиппинских языков. Например, названия растений и животных: *ampalaya* – ампалайя (горькая тыква), *balimbing* – балимбинг (карамбола); понятия, не имеющие точных английских эквивалентов (например, *kilig* – килог (ощущение бабочек в животе, используется для выражения восторга)). Другие заимствования из филиппинских языков: *abaca* – абака (вид бананов) и *ylang-ylang* – иланг-иланг (кананга душистая).

Однако кроме заимствования существуют и другие способы пополнения списка новых слов. Выделяют разные виды словообразования. Например, в слове *presidentiable* (кандидат на должность президента), существительном, используемом в филиппинском варианте английского языка, прибавляется суффикс *able* к слову *president*. В слове *batchmate* (одноклассник или однокашник) происходит сложение слов *batch* и *mate*, это слово также употребляется в индийском варианте английского языка.

Слово Mani-pedi (комплексный сеанс маникюра и педикюра) образовано усечением слов manicure и pedicure. Аббревиатура ККВ – сокращение от Kaniya-kaniyang bayad (Каждый заплатит за себя сам).

Также в филиппинском варианте английского языка слова меняют свое значение. Слово gimmick (трюк, хитрый трюк, уловка) на Филиппинах имеет значение «вечер развлечений с друзьями».

Таким образом, мы можем отметить, что филиппинский вариант английского языка расходится с классическим, так как английский язык на Филиппинах все больше подвергается влиянию филиппинского языка.

Библиографический список

На каком языке говорят филиппинцы? Трудный русский Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/YdAVBHADFhFufbjx> (дата обращения: 05.05.2024).

Сидорова Л. А. Основные лексические особенности австралийского варианта английского языка // Современные вопросы языкознания и переводоведения : сб. науч. ст. Чебоксары, 2014. С. 110–114.

Сидорова Л. А. Фонетические и лексические особенности сингапурского варианта английского языка // Общие и частные вопросы филологии : сб. науч. ст. Чебоксары, 2016. С. 48–51.

Сидорова Л. А., Петрова А. Е. Особенности английского языка в странах Юго-Восточной Азии на примере филиппинского и сингапурского вариантов английского языка // Общие и частные вопросы языкознания : сб. науч. ст. Чебоксары, 2016. С. 54–58.

English as an International Language in Asia: Implications for Language Education // Ed by Kirkpatrick A., Sussex R. Dordrecht. Heidelberg ; N. Y. ; London : Springer, 2012. 243 p

Philippine English: Wikis. URL: http://www.thefullwiki.org/Philippine_English (дата обращения: 05.05.2024).

УДК 809.51-3

О. А. Хо

Средняя школа иностранных языков г. Санья
при Шанхайском университете иностранных языков, Санья

О. Г. Кобжицкая

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ 七 (СЕМЬ) В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Проводится лингвокультурологический анализ китайских фразеологизмов (成语 чэньюй) с компонентом 七 (семь), рассматриваются семантика, символическое наполнение числового кода, а также способы выражения этнокультурных ценностей с целью выявления национального своеобразия. В связи с этим устанавливается, что фразеологизмы главным образом носят антропоцентричный характер, числовой код 七 (семь) в языке подвергается семантическим изменениям и приобретает некоторую упрощенную идею множества или беспорядочности, при этом сохраняя свою мистическую значимость, тем самым отражая национальную специфику китайского этноса.

Ключевые слова: фразеологизмы, числительный компонент, китайский язык, лингвокультурологический анализ.

**LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH THE COMPONENT 七 (SEVEN) IN CHINESE**

Abstract. The article provides a linguocultural analysis of Chinese phraseological units (成语 *chengyu*) with the component 七 (seven). The author studies the semantics of idioms, the symbolic content of the numerical code, and the ways of expressing ethno-cultural values in order to reveal their national originality. The main ideas are established that idioms are mainly anthropocentric, the numerical code 七 (seven) in the language undergoes semantic changes and acquires some simplified idea of multiplicity and/or disorder, while at the same time retaining its mystical significance, thereby reflecting Chinese national specificity.

Keywords: phraseological units, numerical component, the Chinese language, linguistic and cultural analysis.

В рамках лингвокультурологических исследований большой интерес вызывает фразеология, анализ которой позволяет выявлять национальное своеобразие того или иного этноса. Это объясняется необходимостью понимания специфических характеристик поведения носителей языка в процессе межкультурного общения. Фразеологизмы «могут не только отражать универсальность общечеловеческого жизненного опыта безотносительно к этническим особенностям, но и отражать национально-специфические акценты осмысления бытия» [Корнилов, 2005, с. 11]. Можно полагать, что фразеология в наибольшей степени отражает образность мышления и картину мира того или иного этноса, чья национально-культурная специфика ярко проявляется в семантических особенностях фразеологизмов. В связи с этим актуальность данного рода исследований также определяется необходимостью изучения способов выражения этнокультурных ценностей для осмысления тех или иных значимых явлений и характеристик бытия в форме языковых знаков.

В. И. Горелов определяет понятие фразеологизм как «воспроизводимую единицу языка, относительно устойчивую в своем составе и употреблении» [Горелов, 1989, с. 174]. 熟语 фразеологизмы китайского языка (в широком понимании) – это «готовые сочетания слов, которые хранятся в языковой памяти говорящих» [Семенас, 2005, с. 127]. Китайские фразеологизмы «включают в себя готовые выражения (成语), привычные выражения (惯用语), пословицы (谚语), поговорки (俗语), усеченные выражения, недоговорки-иносказания (歇后语)» [Семенас, 2005, с. 127]. Однако определения фразеологизмов как европейских, так и китайских авторов объединяет общее понимание данных языковых единиц как культурного кода в системе языка, отражающего национальные ценности и мировидение разных этносов. В. Н. Телия указывает на то, что «основная задача лингвокультурологии применительно к материалу фразеологии – исследование и описание механизмов, на основе которых осу-

существляется взаимодействие фразеологизмов как единиц естественного языка с культурной семантикой языка культуры. Результатом действия этих механизмов и является презентация фразеологизмами культурной семантики и тем самым – выполнение ими функции вербализованных знаков языка культуры» [Телия, 1999, с. 23].

В статье представлен результат лингвокультурологического анализа китайских фразеологизмов (в широком их понимании), объектом исследования послужили 140 фразеологических единиц чэньюй (成语) с числительным компонентом 七 (семь). Нужно отметить, что число 7 является числовым кодом для разных культур и религий и в первую очередь носит универсальный характер, оно не только является основой для деления пространства и времени (семь дней недели, семь континентов, семь цветов, семь нот, семь звезд (светил) и т. п.), но и отражает человеческое самосознание, встречается в исламской, христианской, буддистской религиозной литературе, а также в даосской и конфуцианской (семь дней творения, семь смертных грехов, семь наставлений, семь канонов и др.). Лингвокультурологический анализ китайских фразеологизмов с компонентом 七 (семь) позволяет выявить национально-культурные особенности, необходимые для создания языковой картины мира китайского этноса.

Среди рассмотренных 成语 наибольшее количество фразеологизмов – 100 единиц в своей структуре имеют числительный компонент в позиции первого знака, такие как: 七上八下 (досл. семь раз вверх, восемь раз вниз) обр. быть в смятении, быть растерянным, быть нерешительным, переживать; 七颠八倒 (досл. семь раз упасть, восемь раз опрокинуться) обр. сумбур, все вверх дном; 七嘴八舌 (досл. семь ртов, восемь языков) обр. наперебой, перебивая друг друга, болтать языком, трепаться; 七拉八扯 обр. болтать, трепаться, точить ляды; 七死八活 (досл. семь раз умереть, восемь раз выжить) обр. на волосок от смерти; 七情六欲 (досл. семь чувств и шесть страстей) обр. общее название человеческих эмоций; 七拼八凑 (досл. семь раз складывать, восемь раз собирать) обр. кое-как собрать вместе, наскрести по сусекам, там-сям наскрести, собрать всякую всячину и др. [Большой китайско-русский словарь].

15 成语 имеют числительный компонент в позиции второго знака: 横七竖八 (досл. семь вдоль, восемь поперек) обр. в полном беспорядке, вповалку, вдоль и поперек, вкривь и вкось; 乱七八糟 (досл. беспорядок семь, восемь путаница) обр. беспорядок, путаница; 歪七竖八 (досл. семь наискосок, восемь вертикально) обр. вкривь и вкось, как попало; 七七八八 (досл. семь семь, восемь восемь) обр. почти до завершения, неоднородный, всевозможный; 长七短八 (досл. длинный семь, короткий восемь) обр. неравномерно, как попало и др. [Большой китайско-русский словарь].

20 成语 в своей структуре имеют числительный компонент в позиции третьего знака: 三魂七魄 (даос. тройственное духовное начало и семь нечистых духов) обр. все духовное в человеке; 八怪七喇 (досл. восемь чудовищ, семь рогов) обр. нечто странное; 屋如七星 (досл. дыры в крыше, как 7 звезд) обр. бедный дом, ветхое жилище; 昂藏七尺 (досл. бравый вид, рост 7 кит. футов) обр. горделивый, величавый с достоинством; 五侯七贵 (пять князей, семь влиятельных семей – относится к семи семьям династии Западная Хань, которые управляли династией через родственников) обр. влиятельные и богатые люди; 三江七泽 (досл. три реки и семь озер, например реки Ялуцзян, Сунхуацзян (русск. Сунгари) и Хэйлунцзян (русск. Амур), и семь озер древнего княжества Чу, на территории нынешней пров. Хубэй) обр. водные каналы и водоемы; 九宗七祖 (в буддизме девять племен с одинаковыми фамилиями и семь поколений предков) обр. предки; 竹林七贤 семь мудрецов из Бамбуковой Рощи (группа китайских философов-даосов, писателей и музыкантов, III в.), например, 七贤 относится к семи знаменитым мужам династий Вэй и Цзинь: Цзи Кан, Жуань Цзи, Шань Тао, Сян Сю, Лю Лин, Жуань Сянь и Ван Жун, также относится к династии Восточная Хань – Юань Ми, Фэн Гуань, Чэнь Дуань, Фань Чжунли, Лю Вэйдэ, Дин Цзыси и Чжан Чжунжань. В буддизме 七贤 относится к семи стадиям достижения умственного сосредоточения и ликвидации посторонних мыслей во время медитации или к семи мудрецам, следующим Дао [Большой китайско-русский словарь].

Компонент 七 (семь) имеет такие сочетания, как 七死 семь раз погибнуть, 七辟 семь раз отвергнуть, 七窍/七孔 семь органов чувств (обр. способности человека), 七情 семь чувств/эмоций, 七事 семь дел, 七手 семь рук, 七弯 семикратно изогнутый, 七损 семь потерь (убытков), 七断 семикратно прерывать, 七星 семь звезд и др. [Большой китайско-русский словарь]. Эти сочетания главным образом входят в состав наиболее устойчивой структуры 七 ... 八 ... (семь ... восемь ...), обозначающей множество, многократность (чего-л.), хаотичное состояние, беспорядочность (表示多或多而杂乱) [Большой китайско-русский словарь]. 七 (семь), сочетаясь с другими числовыми компонентами, такими как 三 три, 五 пять, 八 восемь, которые в китайском языке также имеют сакральную значимость, образуют устойчивые структуры фразеологизмов (семь ... семь ...; три ... семь ...; пять ... семь ...; восемь ... семь ...) с аналогичным значением, например, 三蛇七鼠 (досл. три змеи и семь крыс) обр. есть много вещей, которые вредны [Большой китайско-русский словарь]. Числительный компонент 七 (семь) в позиции четвертого знака не встречается.

Ю. М. Лотман отмечает, что «количество случаев, когда число приобретает, сверх своего основного цифрового значения, некоторые добавочные – культурно-типологические, очень велико» [Лотман, 2000, с. 430]. 七 (семь) в китайском языке стало символом для «много», «очень много», «множественно», «все», «всевозможный», «разрозненный». Данные семантические изменения мы можем наблюдать в китайских фразеологизмах вышеуказанных структур, например, 三征七辟 (досл. трижды приглашать, семь раз отказывать) обр. неоднократный вызов, ряд приглашений [Большой китайско-русский словарь]. 七 (семь) в контексте китайских фразеологизмов кроме «множественности» и «множества», также передаются значения «неравенства», «разрозненный»; так, в сочетании с 八 (восемь) означает некоторую противоположность, что наблюдается во фразеологизмах структуры 七 ... 八 ... (80 ф. е.), например, 七大八小 (досл. семь раз большой, восемь раз маленький) обр. некомплектный, разного размера, неодинаковый [Большой китайско-русский словарь]. В состав фразеологизмов со значением «беспорядочности», которые в большинстве своем представляют собой структуру 七 ... 八 ... (семь ... восемь ...), имеющую значение «хаотичного состояния» и «разрозненности», входят как синонимичные компоненты 杂, 乱, 糟 смешанный, запутанный, 歪, 扭 кривой, извилистый и др., так и антонимичные 大 – 小 большой – маленький, 高 – 低 высокий – низкий, 长 – 短 длинный – короткий и др.

七 (семь) в китайской культуре имеет не только символический, но сакрально-мистический характер, скрывая секреты структуры космоса, корни которого уходят в буддистскую космологию. 七 (семь) также являлось «образом мира и отсюда – средством для его периодического восстановления в циклической схеме развития для преодоления деструктивных хаотических тенденций» [Токарев, 1992, с. 630].

Магическое свойство числа характеризует общую идею Вселенной, оно является некоей константой, универсалией. 七 (семь) исходит из архаичных традиций и пронизывает все сферы жизни людей, что находит свое отражение в китайской фразеологии. Например, фразеологизмы с синонимичным значением 才高七步, 七步之才, 七步成诗 (досл. за семь шагов (в течение короткого промежутка времени) сочинить стих), данные фразеологизмы зачастую используются для описания человека, обладающего поэтическим даром, обр. литературный талант, мастер экспромта [Большой китайско-русский словарь]. 七步 (семь шагов) уходит корнями в буддизм, где описывается последнее рождение Бодхисаттвы, который, «выйдя из чрева матери, тут же встал на ноги и сделал семь шагов, провозгласив себя существом, которое превосходит и богов, и людей» [Воз-

никновение буддизма]. Также встречаются относящиеся к буддизму сочетания: 七级浮屠 семиярусная пагода (ступа), 七众 семь рангов буддистов, 七垢 семь видов мирского праха и др. [Большой китайско-русский словарь]. Сочетания 七代, 七祖 и 七宗 (семь предков, семь поколений наследования) встречаются как в буддизме, так и в даосизме.

Фразеологизмы китайского языка с компонентом 七 (семь) главным образом носят антропоцентричный характер, их можно разделить на следующие группы:

- предки и потомки (九宗七祖 досл. девять кланов с одинаковой фамилией и семь поколений предков, обр. предки);
- описание человека (七老八十 досл. 70–80-летний, обр. человек в преклонном возрасте; 七尺之躯 тело взрослого мужчины 20 лет);
- эмоции, душевное состояние (七情六欲 досл. семь чувств и шесть страстей, обр. общее название человеческих эмоций);
- здоровье, физическое состояние человека (七病八痛 досл. семь болезней, восемь мучений, обр. различные заболевания, букет болезней);
- таланты и способности человека (в разных сферах, например, в поэзии или военном деле и др., 才高七步 или 七步之才 человек с поэтическим даром и остроумием, мастер экспромта, литературный талант);
- поведение человека (七嘴八舌 досл. восемь ртов, семь языков, обр. наперебой, перебивая друг друга, болтать языком, трепаться);
- также выделяются фразеологизмы со значением беспорядочности, неоднородности (описание, оценка чего-либо), например: 乱七八糟 беспорядок, путаница, кавардак; 七大八小 разного размера, неодинаковый, разрозненный и др. [Большой китайско-русский словарь].

七 (семь) в некоторых фразеологизмах входит в состав двузначного числа 七十二 (семьдесят два), которое является мистическим числом в буддистской философии, где цикл повторяющихся рождений (сансару) образуют 72 непостоянные дхармы. 七十二 (семьдесят два) в китайской фразеологии приобрело образные значения «множество», «все». Например, 七十二行 все отрасли деятельности (земледелие, ремесло, торговля и др.), 七十二变 неисчислимое количество тактик, приемов и трюков, семьдесят два превращения, все приемы (Сунь Укун, овладев 72 видами превращений, мог в одно мгновение превращаться в разных существ) [Большой китайско-русский словарь].

Коннотативный анализ показал, что большая часть фразеологических единиц (около 70 %) имеет нейтральную коннотацию (七青八黄 золото, деньги, имущество), в основном группа фразеологизмов со значением беспорядочности, неоднородности, хаоса (七横八竖 хаос, полный беспорядок) имеет негативную коннотацию (около 15 %), и около 10 %

фразеологизмов имеют положительную коннотацию (七子八婿 многочисленное потомство, обилие сыновей и дочерей).

Числовой код является универсальным феноменом, однако в составе устойчивых выражений подвергается семантическим изменениям. 七 (семь) в китайской культуре несет идею сакрального количества, оно связано с представлением китайцев о мироздании, корни которого уходят в буддизм и даосизм. 七 (семь) в контексте фразеологизмов, с одной стороны, сохраняет эту мистическую значимость, с другой стороны – приобретает упрощенное значение множества или хаоса. Фразеологизмы с компонентом 七 (семь) носят антропоцентричный характер и отражают национальную специфику китайского этноса, тем самым формируя языковую картину мира.

Библиографический список

- Большой китайско-русский словарь. URL: <https://dabkrs.com> (дата обращения: 01.04.2024).
- Возникновение буддизма. URL: <http://www.sunhome.ru/religion/12992> (дата обращения: 05.01.2024).
- Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». М. : Просвещение, 1989. 318 с.
- Корнилов О. А. Жемчужины китайской фразеологии. М. : ЧеРо, 2005. 335 с.
- Лотман Ю. М. Семантика числа и тип культуры // Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб. 2000. С. 430–433.
- Семенас А. Л. Лексика китайского языка. М. : Муравей, 2000. 320 с.
- Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки рус. культуры, 1999. С. 14–24.
- Токарев С. А. Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. 2-е изд. М. : Сов. энцикл., 1992. Т. 2. С. 629–631.

УДК 81'37:811.111

L. Kulgavova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE ADJECTIVE *COOL* IN PARAMETRIC DESCRIPTIONS: MONEY AND DISTANCE

Abstract. The article examines one of the meanings in the semantic structure of the adjective *cool*, which is used to describe a large sum of money in colloquial English. The unclear origin of this meaning is indicated, and some hypothetical interpretations of the associative relationship between it and the earlier meanings are given. It is argued that its denotative component has been weakened, whereas its pragmatic (emphatic) component has come to the fore. In this meaning, the adjective *cool* performs the function of intensifying the sense of the phrase in which it is used. It is emphasized that the referential applicability of the word has extended – and now it can be used to describe distance and other parameters of an object.

Keywords: meaning, label, slang, money, distance.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *COOL* В ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ ДЕСКРИПЦИЯХ:
ДЕНЬГИ И РАССТОЯНИЕ

Аннотация. Рассматривается одно из значений, входящих в семантическую структуру прилагательного *cool*, используемого для описания крупной суммы денег в англоязычном разговорном дискурсе. Указывается на неясность этимологии данного значения; приводятся гипотетические трактовки ассоциативной связи между ним и более ранними значениями. Утверждается, что его денотативная составляющая подверглась ослаблению, а прагматический (эмфатический) компонент вышел на первый план. Отмечается, что в этом значении прилагательное *cool* выполняет функцию интенсификатора смысла фразы, в которой оно употребляется. Подчеркивается, что референционная отнесенность слова расширилась и в настоящее время оно может употребляться для описания расстояния и других параметров объекта.

Ключевые слова: значение, помета, сленг, деньги, расстояние.

...Cool 'gives emphasis' to the (large) amount.
Is this because a large amount of money
is rather chilling, lacking in warmth,
or because of the calm way
the money is paid out?
Nigel Rees. *The Cassell Dictionary
of Word and Phrase Origins*

The word *cool* with its temperature meanings ('moderately cold, neither hot/warm nor cold') existed already in the Old English period. According to *The Oxford Dictionary of Word Histories*, "*cool* [Old English] Of Germanic origin, Old English *cōl* was a noun, *cōlian* the verb; they are related to Dutch *koel*, also to *cold*" [The Oxford Dictionary ... , 2004, p. 120].

Since then, the word has developed a great number of other meanings. A. Plotnik gives a rather unexpected characterization of the word – with expressiveness of science fiction, with an allusion to extraterrestrial worlds, – thereby emphasizing the unusual and offbeat nature of its semantics: "Sometimes I imagine other civilizations watching us, observing our language, and borrowing the word *cool* to describe the myriad things that tickle their antennae. That's how adaptable and irresistible *cool* is, a 1,500-year-old term that means somewhat less than cold and, since about 1950, somewhat more than 'hot'. <...> ...I believe that those other civilizations out there, the ones eyeing us, still favor *cool* – perhaps even call us Planet Cool, our hotheadedness notwithstanding" [Plotnik, 2011, p. 153, 155].

One of the meanings that perplexes scholars and lexicographers is discussed in this article.

At the beginning of the 18th century (in the 1720s), *cool* in the meaning of 'whole, full' began to be used to describe a large sum of money, by way of emphasizing the amount, in such expressions as *he won a cool hundred dollars* [Webster's New Explorer ..., 2004, p. 119]. Some sources fix a more exact date for the appearance of this meaning – 1728 [Online ...].

Here is an example of its modern usage:

“Drake’s shoulders were slumped forward, his manner lugubrious. “H’lo, Perry,” he said, walking across to the big leather chair, and sliding into it sideways in his favourite position.

“What’s new?” Mason asked.

“Plenty,” Drake said.

“Good, bad, or indifferent?” Mason asked.

“It depends on what you consider indifferent,” Drake said, mustering a slow grin. “To begin with, Perry, your certified copy of the divorce decree is an absolute forgery, and that was a *damned* clever stroke of genius, good enough for *a cool one hundred thousand bucks*” [Гарднер, 2002, с. 167].

As can be seen from the example, *cool* in the meaning ‘whole, full’ belongs to the colloquial style, the markers of which in this case are such lexical units as *H’lo, plenty, damned, bucks*.

In the lexicographic sources, this meaning is labeled as *informal* or *colloquial*, cf.:

– the label *informal* is recorded in *Longman Dictionary of Contemporary English* [Longman ... , 1992, p. 227], *Oxford Advanced Learner’s Encyclopedic Dictionary* [Oxford Advanced ... , 1995, p. 199], *Random House Webster’s Unabridged Dictionary* [Random ... , 2001, p. 446], etc;

– the label *colloquial* can be found in *The Oxford English Dictionary* [The Oxford English ... , 1933, p. 959], *Иллюстрированный словарь английского языка Oxford* [Иллюстрированный ... , 2002, p. 184], etc.

It is interesting to note that in *Webster’s New Encyclopedic Dictionary*, this meaning is not labeled stylistically, that is, it can be considered as neutral [Webster’s New Encyclopedic ... , 1993, p. 221]. However, in *Encarta® World English Dictionary [North American Edition]*, this meaning refers to slang: “used to emphasize how large a sum of money is (*slang*) – *a cool \$3.2 million*” [Encarta].

The meaning of ‘whole, full’ is perhaps one of the most baffling in the semantic structure of the adjective *cool*, since it is unclear what connection exists between this meaning and the earlier meanings. Those lexicographic sources that attempt to explain the origin of this meaning in some way or other focus mainly on the concepts of calmness and dispassion.

For instance, the authors of *Webster’s New Explorer Dictionary of Word Origins* explain the appearance of this meaning by the fact that money was probably counted calmly or dispassionately [Webster’s New Explorer ... , 2004, p. 119].

The fundamental dictionary-encyclopedia *The Oxford English Dictionary* also points to the obscurity of its etymology and a possible associative transition from counting money in a calm manner (‘deliberately or calmly counted, reckoned, or told’) to the ideas of totality (‘all told’, ‘entire’, ‘whole’) [The Oxford English ... , 1933, p. 959].

N. Rees wonders about its origin and emphasizing the large amount. He says: “Is this because a large amount of money is rather chilling, lacking in warmth, or because of the calm way the money is paid out?” He also claims that it is this meaning that might be the harbinger of the meanings of the word *cool* in jazz, “as something thrilling, to be admired and approved of” [Rees, 1998, p. 58].

The result of the development of the meaning is that its denotative component has weakened, and the pragmatic (emphatic) component has come to the fore. In this meaning, the adjective *cool* serves as an intensifier of the phrase in which it is used. Examples: *To save me a cool seven hundred a year* [The Oxford English ... , 1933, p. 959]. *What a sweet job that was! A cool hundred thousand, and still his legal wife!* [Гарднер, 2002, p. 168].

Initially, this meaning implied only a sum of money; later, the referential scope of the word has somewhat extended and now it can also be used to describe other phenomena, for example distance. Compare the dictionary data:

- said especially of sums of money, distances, etc, emphasizing their largeness [Oxford Advanced ... , 1995, p. 199];
- round (about the figure, the sum): круглый (о цифре, сумме) – *to lose a cool thousand* потерять целую тысячу, *to walk a cool twenty miles* пройти на целых /добрых/ двадцать миль дальше [Новый ... , 1993, p. 455].

Thus, the etymology of the meaning in which the adjective *cool* is used to refer to a large sum of money is hypothetical, since the associative relationship between it and the earlier meanings remains unclear. The denotative component has been weakened, while the pragmatic (emphatic) component has come to play the leading role. So, the adjective *cool* performs the function of intensifying the sense of the entire phrase in which it is used. One of the results of semantic change and development is broadening of the meaning: the referential scope of the word has extended and now it can be used to describe other parametric characteristics of objects, for example distance.

References

- Гарднер Э. С. Дело о лжесвидетельствующем попугае. М. : Айрис-пресс, 2002. 384 с.
- Иллюстрированный словарь английского языка Oxford. М. : Астрель; АСТ, 2002. 1008 с.
- Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. Около 250 000 слов / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова [и др.] ; под общ. рук. Э. М. Медниковой, Ю. Д. Апресяна. М. : Рус. яз., 1993. Т. 1: А–F. 832 с.
- Encarta® World English Dictionary [North American Edition] © & (P) 2009 Microsoft Corporation. Developed for Microsoft by Bloomsbury Publishing Plc. URL: <http://encarta.msn.com/encnet/features/dictionary/DictionaryResults.aspx?refid=1861600138> (дата обращения: 26.01.2012).
- Longman Dictionary of Contemporary English : in 2 vol. Longman. 1992. Vol. 1: A–L. 626 p.
- Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/cool#etymonline_v_19042 (дата обращения: 27.04.2024).

- Oxford Advanced Learner's Encyclopedic Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 1995. 1081 p.
- Plotnik A. Better Than Great: A Plenitudinous Compendium of Wallopingly Fresh Superlatives. Berkeley : Viva Editions, 2011. 244 p.
- Random House Webster's Unabridged Dictionary. N. Y. : Random House, 2001. 2230 p.
- Rees N. The Cassell Dictionary of Word and Phrase Origins. London : Cassell, 1998. 273 p.
- The Oxford Dictionary of Word Histories / ed. by G. Chantrell. Oxford : Oxford University Press, 2004. 560 p.
- The Oxford English Dictionary : in 12 vol. Oxford : At the Clarendon Press, 1933. Vol. 2. 1308 p.
- Webster's New Encyclopedic Dictionary. N. Y. : Black Dog & Leventhal Publishers Inc., 1993. 1787 p.
- Webster's New Explorer Dictionary of Word Origins / created in cooperation with the editors of Merriam-Webster. Springfield, MA : Federal Street Press, 2004. 526 p.

РАЗДЕЛ VII

ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 378.14

Л. А. Андропова

Томский государственный университет, Томск

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ РЕГИОНОВЕДЕНИЮ В ТОМСКЕ

Аннотация. Представлен учебно-методический и организационный опыт по разработке, внедрению и совершенствованию образовательных программ по зарубежному регионоведению в бакалавриате и магистратуре в Томском государственном университете. Показаны связь требований федеральных государственных образовательных стандартов с имеющимся педагогическим и научным потенциалом профессорско-преподавательского состава, взаимовлияние рынка труда и реформирования учебных планов.

Ключевые слова: зарубежное регионоведение, бакалавриат, магистратура, Томск, Восточная Азия.

L. Andronova

Tomsk State University, Tomsk

EXPERIENCE IN DEVELOPING EDUCATIONAL PROGRAMS IN FOREIGN REGIONAL STUDIES IN TOMSK

Abstract. The purpose of the paper is to present educational, methodological and organizational experience in the development, implementation and improvement of educational programs in foreign regional studies at bachelor's and master's levels at Tomsk State University. The connection between the requirements of federal state educational standards and the existing pedagogical and scientific potential of the teaching staff, the mutual influence of the labor market and curriculum reforms is shown.

Keywords: foreign regional studies, bachelor's program, master's program, Tomsk, East Asia.

Первоначально специальность «Регионоведение» открывалась в Томске в Томском политехническом университете (ТПУ) в 2001 г. Выбор региона в рамках существовавшего тогда федерального образовательного стандарта был сделан в пользу Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Специальность была сразу открыта с двумя специализациями – Китай и Япония. В следующем, 2002 г. была открыта третья специализация – государства Корейского полуострова. На начальных этапах развития новой специальности основной объем теоретических дисциплин читали работавшие в ТПУ преподаватели-историки, чуть позже – приглашенные преподаватели из Томского государственного университета (ТГУ) с профильным образованием по специальности «Международные

отношения». Для преподавания восточных языков были приглашены молодые преподаватели – выпускники Иркутского государственного лингвистического университета (ИГЛУ) и Читинского педагогического института. Параллельно с подготовкой специалистов по регионоведению в ТПУ открывается новая специализация по специальности «Перевод и переводоведение» – китайский язык.

Преподаватели и руководящий состав выпускающей кафедры сразу стали активно работать с руководством УМО по регионоведению. В 2000-е гг. в ТПУ с открытыми лекциями несколько раз приезжал проф., д-р полит. наук А. Д. Воскресенский. В целом УМО поддерживало выпускающую кафедру методическими разработками. Преподавателями кафедры велась плодотворная работа по учебно-методическому обеспечению всех профессиональных дисциплин: издание учебных пособий и хрестоматий. Специальность оказалась востребованной, дополнительным плюсом стала академическая мобильность во все три страны специализации при частичном финансировании поездок университетом.

К сожалению, в рамках реформирования ТПУ в сторону полностью инженерного вуза стали постепенно закрывать гуманитарные специальности. В 2014–2015 гг. был прекращен набор на направление. Вскоре кафедра была реорганизована, оставшиеся сотрудники обеспечивают блок обязательных для всех направлений бакалавриата дисциплин по истории России и основам российской государственности.

На несколько лет позднее открывается специальность «Регионоведение» в ТГУ. Это классический университет, где к началу 2000-х гг. уже активно шел процесс формирования современной востоковедческой базы. Образовательные и научные активности были связаны с отделением международных отношений и с Высшей школой бизнеса (ВШБ), где студенты изучали китайский язык. Через несколько лет началось преподавание японского языка (также в рамках специальности "Международные отношения").

Важным стало приглашение зарубежных преподавателей из Азиатско-Тихоокеанского региона. Первоначально именно работа с высшими учебными заведениями Тайваня (с 2002 г.) позволила перейти к реальному сотрудничеству, на одну из конференций по российским исследованиям были приглашены сотрудники Исторического факультета ТГУ С. В. Вольфсон и В. П. Зиновьев [Исторические исследования ... , 2017].

С 2003/04 учебного года на историческом факультете ТГУ проводится первый набор на специальность «Регионоведение». Приказом ректора от 1 июня 2008 г. была официально открыта кафедра востоковедения исторического факультета. Открытие было связано с задачей обеспечения специальности «Регионоведение». Заведующей кафедрой становится профессор, д-р ист. наук Л. И. Шерстова, которая в начале 2000-

х гг. открывала направление «Регионоведение» в Томском политехническом университете. Именно с Л. И. Шерстовой связано как окончательное оформление как специальности «Регионоведение» (с акцентом на три страны АТР), так и создание научной базы кафедры и ее сотрудников. В основном научные интересы сотрудников концентрируются на изучении традиций и современной ситуации в странах Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония). Вместе с новым заведующим в ТГУ приходит и несколько талантливых выпускников специальности «Регионоведение» из ТПУ.

Первым становится К. С. Ануфриев с работой «Политика России и Китая в Центральной Азии: опыт сравнительно-исторического анализа». Подготовленная на материалах диссертации монография была издана в 2011 г. [Ануфриев, 2011].

С 2011 г. появляется корейское направление научных исследований, которое было представлено Л. А. Андроновой, А. А. Коломиной, А. Н. Рязановой, О. М. Ворожищевой. Монография Л. А. Андроновой по кандидатской диссертации была опубликована [Андропова, 2012].

Языковая специализация была реализована в нескольких учебно-методических работах. Это работы преподавателей кафедры Е. С. Анохиной, Н. В. Турушевой, И. А. Шведовой [Анохина, Турушева, 2014; Хань Лицзюнь, Ян Фан, Шведова, 2015]. Работа «Китай и Восточная Азия в современном мире» получила гриф УМО, работа «Северо-Восток Китая» была рекомендована для преподавания китайского языка в российских вузах.

Монографии Е. С. Анохиной и Е. В. Савковича «“Новая” китайская миграция и политика КНР по ее урегулированию» [Анохина, 2012] и «Система регулирования миграции в КНР на современном этапе» [Анохина, Савкович, 2015] развивают новую проблематику по миграционной политике в Китае.

В 2008 г. при ТГУ открывается Институт Конфуция, что позволяет развивать связи с китайскими вузами. В качестве вуза-партнера Ханьбань был выбран Шэньянский политехнический университет (ШПУ, Ляонин). Также открытие Института Конфуция способствует интенсификации студенческих обменов, повышению квалификации преподавателями китайского языка, привлечению носителей языка к преподаванию языковых дисциплин на старших курсах.

С 2019 г. в рамках направления «Зарубежное регионоведение» проходит набор и на бакалавриат (программа «Региональные исследования Восточной Азии»), и на магистратуру (программа «Комплексные исследования стран Азии»). На обе программы набор проходит по самостоятельным университетским образовательным стандартам (СУОС). Их отличают от ФГОС более высокие требования к государственной итоговой

аттестации, наличие курсов, читаемых на иностранном языке. В бакалавриате с первого курса идет разделение по языкам (китайский, японский, корейский), с конца второго курса начинаются страноведческие дисциплины («Культура и религия Китая/Японии/Кореи», «Экономика Китая/Японии/Кореи» и т. д.), с третьего курса – специализация («Общественно-политические процессы в Восточной Азии» или «Экономика и бизнес в Восточной Азии»). В рамках государственной итоговой аттестации студенты сдают государственный экзамен по восточному языку (устная и письменная части), междисциплинарный экзамен и проходят защиты выпускной квалификационной работы (ВКР).

На данный момент в рамках факультета запущен процесс «пересборки» бакалаврских программ, в том числе по направлению «Зарубежное регионоведение». С одной стороны, это попытка переосмысления образовательных результатов, с которыми выпускники выходят с программы, ориентация этих результатов на требования рынка. С другой стороны – обеспечение высоких наборов на внебюджетную форму обучения, что в условиях 2024 г. представляется достаточно затруднительным (в рамках ТГУ на данный момент существует три программы бакалавриата, где преподают китайский язык – «Зарубежное регионоведение», «Международные отношения», «Лингвистика», специалитет по направлению подготовки «Перевод и переводоведение»). Также уже в рамках самой программы бакалавриата идет поиск новой ниши, которая бы, с одной стороны, соответствовала требованиям рынка, с другой – была бы привлекательна для абитуриентов и студентов, с третьей – по которой было бы обеспечено наличие специалистов и экспертов в выбранной области, готовых заниматься педагогической деятельностью.

На программе магистратуры «Комплексные исследования стран Азии» изначально не предусматривалось языковой или содержательной специализации. За время своего существования данная программа прошла путь от стандартной комплексной, составленной из всех рекомендованных МГИМО дисциплин, до достаточно самобытной программы, ориентированной на подготовку специалистов для рынка труда. В каждом семестре существуют курсы, читаемые экспертами-практиками (по международной логистике, межкультурной коммуникации, обеспечению международного сотрудничества на региональном уровне, налаживанию бизнес-контактов с китайскими контрагентами). Достаточно высокий уровень привлечения экспертов-практиков достигается тесной работой с выпускниками.

В качестве итога необходимо выделить ключевые характеристики программ по направлению «Зарубежное регионоведение» в Томске:

1) ориентацию на регион Восточная Азия с сохранением трех языков (китайский, японский, корейский);

2) большой объем языковой нагрузки, позволяющей выпускникам устраиваться переводчиками и преподавателями восточных языков;

3) комплексную подготовку по профессиональным дисциплинам, делающую возможным продолжение обучения как в магистратурах других российских вузах (ДВФУ, УрФУ, СПбГУ, ВШЭ), так и за рубежом (КНР, Япония, Южная Корея);

4) возможность получения дополнительного диплома о профессиональной переподготовке по направлению «Переводчик».

Среди основных проблем можно назвать следующие:

1) уменьшение студентов внебюджетной формы обучения, что ставит вопрос об окупаемости программы и закрытии отдельных языковых специализаций;

2) сложности в закреплении молодых преподавателей на кафедре и факультете.

Библиографический список

Исторические исследования в Томском университете в постсоветский период. 1991–2017 гг. / В. П. Бойко, М. В. Грибовский, Л. В. Дериглазова [и др.] ; науч. ред. С. Ф. Фоминых, В. П. Зиновьев. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2017. 280 с.

Ануфриев К. С. Политика России и Китая в Центральной Азии: опыт сравнительно-исторического анализа. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. 200 с.

Андропова Л. А. Партии Республики Корея. Место и роль в политической системе в 1948–2008 гг. LAP : Lambert Academic Publishing, 2012. 172 с.

Анохина Е. С., Турушева Н. В. Китай и Восточная Азия в современном мире : учебник китайского языка. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2014. 172 с.

Хань Лицзюнь, Ян Фан, Шведова И. А. Северо-Восток Китая : учеб. пособие по чтению и переводу. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2015. 184 с.

Анохина Е. С. «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее урегулированию. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. 248 с.

Анохина Е. С., Савкович Е. В. Система регулирования миграции в КНР на современном этапе. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2015. 200 с.

Ван Мэн

Забайкальский государственный университет, Чита
Цзилинский университет иностранных языков, КНР, Цзилин

СТРАТЕГИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ: ТЕОРИИ И КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. Рассмотрено международное образование как одно из направлений стратегии образования в Китае. Отмечается, что оно представлено как три направления: экспорт – импорт, экспорт, импорт образования, которые предполагают позиционирование Китая на международном образовательном рынке. Подчеркивается, что китайские ученые, формируя теорию международного образования, анализируют западный опыт, теории и обосновывают свою теорию, которая будет воплощена в практике (они исходят из следующих позиций: управление, оценка, совершенствование, прогнозирование процесса международного образования).

Ключевые слова: модернизация образования Китая, стратегия модернизации, образование с китайской спецификой, международное образование, имидж и бренды китайского образования.

Wang Meng

Transbaikial State University, Chita
Jilin University of Foreign Studies, Jilin

STRATEGY FOR CHINA'S EDUCATION MODERNIZATION: THEORIES AND CONCEPTS OF INTERNATIONAL EDUCATION BY CHINESE RESEARCHERS

Abstract. The article is devoted to international education as one of the directions of China's education strategy. It is presented as three directions: export-import, export, import of education. They contribute to China's positioning in the international education market. Chinese scientists form the theory of international education, analyze Western experience, theories and substantiate their theory, which will be translated into practice. They take into account the following positions: management, assessment, improvement, forecasting of the process of international education.

Keywords: modernization of China's education, modernization strategy, education with Chinese characteristics, international education, image and brands of Chinese education.

Стратегия «Модернизация образования в Китае до 2035 года» была принята в феврале 2019 г. Она предполагает, что руководящей идеологией продвижения модернизации образования являются идеи Председателя КНР Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новой эпохе, которые были приняты на 19-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая (КПК) [如何理解 ... , 2019; 教育现代化 ... , 2022; 中国教育现代化 ... ; 中共中央 ... , 2019]. Один из пунктов стратегии образования с китайской спецификой в новой эпохе направлен на создание новой модели открытого образования для внешнего мира. Она представляет собой два уровня.

Здесь, прежде всего, необходимо определить этимологию слов: международное образование и интернациональное образование. На китай-

ском языке эти термины синонимичны: международное образование – 国际教育 и интернациональное образование – 国际教育. Аналогично и на английском языке: international education. В российской терминологии международное образование – это программы, которые имеют признание в мире [Международное ...], а интернациональное образование – обучение по международным образовательным программам [Второй ...]. Основываясь на этом, определим сущность уровней международного образования в стратегии образования Китая. Так как оно представляет два взаимообусловленных направления – экспорт и импорт образования, то мы рассмотрим сущность международного образования Китая, ориентируясь на его экспорт – импорт, экспорт, импорт, которые определяют цель международного образования вне зависимости от его направленности.

Экспорт – импорт образования предполагает всестороннее повышение уровня международных обменов и сотрудничества; улучшение качества китайско-иностранного совместного образования; создание механизмов межличностного и культурного обмена на высоком уровне между Китаем и зарубежными странами за счет расширения сферы межличностного и культурного обмена; содействие образовательным обменам и сотрудничеству с международными организациями и профессиональными учреждениями.

Экспорт образования направлен на оптимизацию услуг обучения за рубежом; содействие связям и обменам между людьми, взаимному обучению между цивилизациями, между Китаем и зарубежными странами; содействие развитию институтов Конфуция и классов Конфуция; поощрение квалифицированного профессионально-технического образования через сеть «Любанские мастерские» [国合署署 长罗照辉, 2024; 胡春艳, 2022] за рубежом.

Импорт образования достигается за счет реализации плана обучения в Китае, создания и совершенствования механизма обеспечения качества обучения в Китае, ускорения строительства зарубежных международных школ с китайской спецификой, усовершенствования механизма помощи иностранному образованию.

Вне зависимости от реализации международного образования, оно направлено на выполнение одной цели – достижение Китаем международного уровня образования, которое должно способствовать взаимному признанию ученых степеней, стандартов; взаимному изучению опыта между Китаем и другими странами; активизации участия Китая в глобальном управлении образованием, исследованиями и разработками международных правил, стандартов и систем оценки образования.

Стратегия образования направлена на реализацию идеологии международного образования, которая определяется активным продвижением

ем просветительской акции «Один пояс, один путь» через укрепление сотрудничества с международными и многосторонними организациями, такими как, например, ЮНЕСКО.

Так как международное образование в Китае основывается на опыте работы и на изучении зарубежной практики, то оно имеет китайскую специфику, которая предполагает: изучение опыта – изучение теории – формирование собственной теории и воплощение ее в практику. Таким образом, мы акцентируем внимание на формировании китайской теории международного образования.

Научные исследования проблем международного образования в китайской ассоциации международных обменов [中国 ...] направлены, с одной стороны, на исследования международной аудитории, в результате которых ученые стремятся получить информацию о восприятии, реакции, оценке международного имиджа и бренда китайского образования; о его оценке на основных международных платформах СМИ. А с другой – на исследование особенностей и изменений международной коммуникации глобального образования в развитых странах. Результаты анализа направлены на стратегию улучшения социальных сетей китайских университетов, на формирование системы управления общественным мнением в международной образовательной коммуникации.

Как видим из поставленных задач, они сконцентрированы на нескольких процессах: управлении, оценке, совершенствовании, прогнозировании. Но здесь же представлена и логика исследования. Если придерживаться системы (изучить процесс – изучить явление – использовать знания для формирования своей теории, обеспечивающей процесс), которая сформировалась в китайской методологии, то видим такую последовательность: изучение (анализ) опыта международного образования – изучение практик международного образования – формирование собственной системы. Соответственно, данные позиции должны быть отражены в работах китайских исследователей, которые предлагают свое видение и интерпретацию решаемых вопросов. Для подтверждения сказанного остановимся на интерпретации некоторых положений.

Формирование имиджа китайского образования за рубежом непосредственно зависит от имиджа Китая [中美 ...; 邢立久, 赵静; 陈荣岚, 2018]. В настоящее время исследования в этой области преимущественно основаны на обобщениях практического опыта, и лишь немногие результаты поднимаются на теоретический уровень, определяя глобальную перспективу. С точки зрения коммуникативных исследований предлагаются стратегии по усилению влияния китайской культуры за счет трех основных звеньев: воздействия информации, когнитивного декодирования и идентификации отношений [路径与策略, 2021]. Так, например, в результате опроса иностранных ученых в университетах, представленных

в базе S University, было обнаружено, что на восприятие Китая международной группой ученых влияют три фактора: международные отношения с Китаем, уровень международного управления талантами и международное общение. Этот результат определил, что университеты должны укреплять китайско-иностранное интеллектуальное сотрудничество, оптимизировать управление международными талантами, улучшать возможности международных коммуникаций и создавать команду иностранных преподавателей, которые знают Китай и любят его [赖沪杰, 2023].

Исследование проблем международного распространения китайского образования. Здесь мы сталкиваемся с тем, что в работах больше речь идет не о проблемах, а о пути их разрешения [扎根中国大地 ...]. Так, например, Чэн Ронлан пишет, что слабые представления о китайской культуре не укрепляют международного потенциала распространения китайского образования за рубежом [陈荣岚, 2018, с. 5–6]. Поэтому необходимо формировать новую ориентацию и новую миссию китайской культуры для укрепления международного потенциала в соответствующей международной практике. И главную роль Чэн Ронлан отводит языковой подготовке. Языковое образование и изучение языков являются основными способами достижения языковой совместимости и культурного обмена. Утверждая это, он ссылается на «Сучжоуский консенсус Всемирной конференции языков» (2014 г.), проводимый Всемирной конференцией языков, соорганизатором которой является ЮНЕСКО [陈荣岚, 2018, с. 6].

Анализируя различные пути освоения китайского языка (образование, кино, туризм и т. п.), говоря о значимости китайского языка в международном общении, Чэн Ронлан акцентирует внимание на необходимости проведения научных исследований, разработке идей, которые направлены на понимание ценностей китайской культуры [陈荣岚, 2018, с. 7].

Эта тенденция прослеживается и у Ло Фэн [骆峰], которая отмечает, что, когда речь идет об исследовании роли китайского языка в международном общении, выделяются три наиболее часто используемых понятия: «преподавание китайского языка как иностранного», «международное продвижение китайского языка» и «международное общение на китайском языке». Они предлагаются в разных контекстах и передают разные идеи. Во многих статьях объясняются и обсуждаются связи и различия между этими тремя понятиями. Ее внимание сосредоточено на «международной коммуникации на китайском языке», на концепции, которая в последние годы получила относительное признание в академических кругах.

Стратегия китайских образовательных брендов за рубежом. Образовательные бренды создают репутацию университета и способствуют расширению его влияния с помощью стратегии брендинга. Это дает основание для университета быть в более выгодном положении, чтобы про-

тивостоять вызовам в ближайшие месяцы и даже годы [海外 ...]. Китай является родиной мировых брендов. Наши предки создали великолепный фарфор, изысканный шелк и изысканную еду. В начале основания Китайской Народной Республики в Китае существовало более 10 тыс. проверенных временем китайских брендов, таких как фармацевтическая компания «Тунжэньтан», сеть ресторанов утки по-пекински «Цюаньцзюдэ», ресторан «Дунлайшунь» [交通].

Следовательно, учитывая стратегию образования, сегодня перед китайским международным образованием стоит задача – поднять его бренд на уровень бизнес-стратегии, поскольку это будет означать его качество, эффективность, конкурентоспособность и жизнеспособность на мировом образовательном рынке.

Библиографический список

Второй день Международного конвента «Россия-Азия: интернациональное сотрудничество ученых и практиков» обсудило научные проблемы и вопросы преподавания различных дисциплин URL: <https://uspu.ru/news/vtoroy-den-mezhdunarodnogo-konventa-rossiya-aziya-internationalnoe-sodruzhestvo-uchenykh-i-praktiko> (дата обращения: 10.01.2024)

Международное образование Института международных экономических связей. URL: <https://imes.su/press-tsentr/stati/item/1801-mezhdunarodnoe-obrazovanie> (дата обращения: 12.02.2024)

Как понимать 2035 год образования. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-03/19/content_5374889.htm (дата обращения: 10.10.2022)

Китайское международное образование 2023 года. URL: <https://kyc.sthu.edu.cn/2a/8f/c2373a76431/page.htm> (дата обращения: 10.10.2024).

Лян Юэ. Новая ситуация в отношении иностранных преподавателей в Китае: характеристика, факторы влияния и меры реагирования – на основе опроса в S университете. URL: http://m.jyb.cn/rmtzcg/xwy/wzxw/202307/t20230712_2111068606_wap.html (дата обращения: 20.02.2024).

Лян Юэ. Характер, система и модель международного образования. URL: <http://www.chinalanguage.org/index.php?m=wap&a=show&catid=139&typeid=66&id=2040> (дата обращения: 22.10.2023).

Государственное управление образования: в Китае продвижение мастерских обучения. URL: <https://cn.chinadaily.com.cn/a/202403/06/WS65e82fe7a3109f7860dd43bd.html> (дата обращения: 15.04.2024).

Китайское образование 2035. URL: <https://www.gyfwyy.com/Upload/file/202203/BA2082410969CC7F9D92758BE8D5B704.pdf> (дата обращения: 15.10.2022).

Культурный обмен и восприятие образа Китая (2017 ~ 2018). URL: <http://www.rmlt.com.cn/2019/0731/551149.shtml> (дата обращения: 26.10.2023).

«Китайское образование 2035» и «План действий»: полное чтение стратегии и плана! URL: <https://www.tsinghua.edu.cn/info/1662/58821.htm> (дата обращения: 12.10.2022).

Иностранные университеты должны ориентироваться на Китай, реализовывать стратегию бренда. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/461208251> (дата обращения: 20.01.2024).

Ли Юэ, Чэнь Юэ. Ли Юэ, Чэнь Юэ: новые медиа и международная коммуникация Китая. URL: <https://fddi.fudan.edu.cn/7a/75/c21257a424565/page.htm> (дата обращения: 13.02.2024).

Укреплять Китай, повышать коммуникационные способности, строить многомерную систему международного коммуникационного языка. URL: <https://is.tongji.edu.cn/eb/5e/c10248a191326/page.htm> (дата обращения: 16.10.2023).

胡春艳. 鲁班工坊“出海”让世界读懂中国. 中国青年报 | 2022-09-05. URL: http://m.cyol.com/gb/articles/2022-09/05/content_7WbRPceEY.html (дата обращения: 11.11.2023).

中共中央、国务院印发《中国教育现代化2035》. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367987.htm (дата обращения: 15.10.2022).

交通. 现代品牌战略与营销 EMBA 班. URL: <http://www.studyget.com/xueli/major-504.html> (дата обращения: 14.02.2024) (на китайском яз.).

陈琳琳. 中国形象研究的话语转向. 外语学刊. 2018 年第 3 期: 33-37. URL: <http://www.discourse-studies.com/upload/file/2018/cda100/4.pdf> (дата обращения: 26.05.2023).

陈荣岚. 推推进汉语国际传播能力建设, 向世界讲好中国故事. 海外华文教育. 2018 年第 1 期: 5-6. URL: <https://core.ac.uk/download/323958355.pdf> (дата обращения: 23.10.2023).

路径与策略. 试论我国国际文化影响力传播的. • 传媒观察 • 第 04 期: 2021 年 4 月: 11-18. URL: <https://sjc.bnu.edu.cn/docs/2021-05/20210519173713591660.pdf> (дата обращения: 28.07.2023).

УДК 37:159.942

Ю. Б. Дюндик

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПРЕЗЕНТЕИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Аннотация. Отмечается, что развитие, интенсификация, мобильность и цифровизация образовательного процесса на сегодняшний день являются причиной все более насыщенной, но в то же время зачастую излишне напряженной инновационной профессиональной деятельности педагога. Анализируется понятие презентеизма как следствия выгорания преподавателя. Подчеркивается, что относительно деятельности педагога эмоциональное выгорание имеет прямую взаимосвязь с отсутствием желания достижений, профессионального роста и развития, т. е. профессиональным выгоранием. Сделан вывод, что психофизическое состояние преподавателя, профилактика эмоционального и профессионального выгорания являются абсолютно незадействованными областями в сфере образования, что, несомненно, оказывает негативное влияние на качество преподавания и уровень подготовки студента.

Ключевые слова: презентеизм, ливизм, эмоциональное выгорание, профессиональное выгорание, преподаватель, студент, образование, профессионализм.

Yu. Dyundik

Irkutsk State University, Irkutsk

PRESENTEEISM AS A RESULT OF TEACHERS' EMOTIONAL AND PROFESSIONAL BURNOUT

Abstract. Modernization, intensification, mobility and digital development of educational process can be considered the reason of teachers' more intensive but at the same time extremely exhausting professional life. The paper analyzes the concept of presenteeism as a result of teachers' burnout which is directly connected with emotional debilitation, personal dispassion, physical fatigue, and a decrease of job satisfaction leading to professional burnout. It is also pointed out that teachers' emotional state, prevention of emotional and professional burnout are paid no attention in the sphere of education resulting in negative consequences from the point of view of quality of education.

Keywords: presenteeism, leavism, emotional burnout, professional burnout, teacher, student, education, professionalism.

Социоэкономические и политические изменения, которые наблюдаются сегодня в современном мире, являются основой для увеличения требований к специалистам во всех сферах деятельности, включая преподавателей. Развитие, интенсификация, мобильность и цифровизация образовательного процесса на сегодняшний день являются причинами все более насыщенной и напряженной инновационной профессиональной деятельности педагога. Не секрет, что профессия педагога является творческой, т. е. требует постоянного непрекращающегося решения эмоциональных и интеллектуальных задач, в связи с чем преподаватель находится в перманентном состоянии напряжения, однако такая деятельность в конечном результате является созидательной и высокопродуктивной, принося, в свою очередь, чувство удовлетворения от проделанной работы и видимый результат. Тем не менее, после того как педагог достиг определенной цели и получил результат, от него требуются принятие все новых нестандартных профессиональных решений, постоянное развитие профессиональных компетенций и, соответственно, постоянное усовершенствование во всех аспектах педагога как личности. Профессия преподавателя очень многогранна и многослойна, для его личности важно владение общепрофессиональными компетенциями, знание предмета на высочайшем уровне, желание расти, совершенствоваться с профессиональной точки зрения, бесконечно познавать что-то новое, повышение квалификации. Также важно совершенствование уже достигнутых высот с методической точки зрения, овладение новыми методиками преподавания, а также вновь появляющимися и модифицирующимися техническими аспектами преподавания. Стоит отметить, что преподаватель должен иметь определенные личностные характеристики, которые могут сделать его более успешным в карьере, например открытость, гибкость, креативность, толерантность и др. Цифровизация образования, а также необходимость внедрения новых методик преподавания и в целом постоянного (само)совершенствования для преподавателя неминуемо несут увеличение нагрузки, связанной непосредственно с его работой (т. е. эмоционального и интеллектуального напряжения), и отсюда – хронический стресс, приводящий к эмоциональной перегрузке. Поскольку в большинстве своем преподаватели – это люди-«достигаторы», трудоголики, склонные к постоянному росту, «деятельность педагога можно отнести к ряду профессий, наиболее эмоционально и интеллектуально напряженных» [Савченков, 2018, с. 23]. Профессиональная деятельность педагога в целом и среда, в которой реализуется преподавательская деятельность, в частности, а также получившее развитие в последнее время требование быть всегда на связи (англ. the “always on” culture) вносят определенный, не всегда позитивный, вклад в общее эмоциональное состояние работника. Предполагается, что педагог обладает необходимой информацией о

способах работы со стрессом, однако умение управлять эмоциональной устойчивостью, по-другому стресс-менеджмент, также требует тренировки, совершенствования и обновления. Логично предположить, что если преподаватель сам умеет грамотно справляться со стрессом, то это может положительно эмоционально влиять на обучающихся.

Постоянная эмоциональная и интеллектуальная перегрузка со временем выливается в выгорание, которое признается многими странами как профессиональное заболевание, однако не предполагает предоставления работнику больничного листа и возможности восстановиться. Журнал *Psychology Today* описывает выгорание как хроническое состояние стресса, которое проявляется в виде физического и эмоционального истощения, деперсонализации, отстранения и отчуждения, а также появления чувства неэффективности и неудовлетворенности собой, своим окружением и своей работой [Carter].

Термин «эмоциональное выгорание» (англ. *burnout*) рассмотрен и описан американским психиатром Х. Дж. Фрейденбергом в 1974 г., который трактует его как особое психологическое состояние здоровых людей, возникающее вследствие сильной эмоциональной перегрузки при общении во время профессиональной деятельности [Freudenberg, 1974]. Безотносительно к какой-либо определенной профессии можно говорить о таких симптомах выгорания у работника, как например, возникновение желания чаще делать перерывы в течение рабочего дня, отложить выполнение задания, перенести на более поздний срок. Также может наблюдаться снижение позитивного настроения и позитивных эмоций в целом, удовлетворенности от выполнения работы, часто возникает напряженное, депрессивное состояние, раздражение в связи с невозможностью отключиться от работы / переключиться на другие дела (т. е. отсутствием «нерабочего» пространства, постоянной вовлеченностью в процесс). Время выполнения задач, поставленных перед работником, значительно увеличивается (*always on culture*). Более того, необходимо отметить еще один феномен, который получил широкое распространение в современном мире и, безусловно, напрямую относится к профессии преподавателя, а именно ливизм (англ. *Leavism*). Согласно исследованию «Здоровье и благополучие на работе» («*Health and Wellbeing at Work*»), проведенному Дипломированным институтом повышения квалификации специалистов (The Chartered Institute for Professional Development's (CIPD)) в 2022 г., в 67 % случаев в организациях наблюдался ливизм в разных проявлениях. Мы можем говорить о ситуации ливизма, когда работник вынужден выполнять свои должностные обязанности до начала официального рабочего дня – рано утром или по вечерам, когда рабочий день закончен; на больничном; во время выходных и отпуска, а также специально спланированного отгула/отпуска с целью выполнить всю работу, накопившуюся

в течение рабочего периода, что также является мощным фактором влияния на эмоциональное состояние преподавателя. В связи с вышеперечисленным работник под давлением обстоятельств отказывается от большей части внерабочих занятий, например от занятий спортом и физической активности, увлечений, различных видов досуга после полноценного рабочего дня, встреч со знакомыми/друзьями не по рабочим вопросам ввиду нехватки времени. Часть работы приходится выполнять ночью в связи с неспособностью/нежеланием сосредоточиться, сконцентрироваться во время рабочего дня, что зачастую приводит к отсутствию/снижению результата, незаинтересованности в результате своей работы; работник вынужден избегать общения с близкими и родными, а коллеги зачастую воспринимаются больше в негативном ключе (откладывание ответов в почте, мессенджере).

Относительно деятельности педагога эмоциональное выгорание имеет прямую взаимосвязь с отсутствием желания достижений, профессионального роста и развития (т. е. профессиональным выгоранием) и, как следствие, презентеизмом как стилем работы. Общепринятое понимание термина *презентеизм* (англ. presenteeism, от present – присутствовать) ограничивается физическим состоянием работника, т. е. выходом на работу в состоянии нездоровья/недомогания. Однако логично предположить, что презентеизм широко практикуется также в состоянии эмоционального выгорания, когда отсутствуют признаки физических проблем [Дюндик, 2022]. То есть, несмотря на психологическое недомогание, вызванное эмоциональным выгоранием, преподаватель вынужден явиться на работу, присутствовать на занятиях, выполнять свои функции, тем не менее, как мы можем предположить, производительность труда значительно падает, и, соответственно, наоборот, чем более эмоционально стабилен и устойчив преподаватель, чем выше уровень его эмоционального интеллекта, тем выше производительность труда.

На сегодняшний день мы можем наблюдать презентеизм не только как стиль работы (т. е. фактическое выполнение рабочих заданий, в случае преподавания – присутствие на занятиях и проведение их офлайн), все большая вовлеченность людей в процесс информатизации в целом, техностресс являются как следствием, так и причиной цифрового презентеизма (e-presenteeism / digital presenteeism). То есть постоянная вовлеченность в общение в том числе с начальством, с коллегами, со студентами приводит к усталости и нежеланию быть в состоянии постоянной межличностной коммуникации с помощью электронных устройств (e-mail, чаты, новости, социальные сети и т. д.). При этом психологи отмечают, что постоянное онлайн-общение зачастую несет дополнительную (как правило, далеко не всегда положительную) эмоциональную нагрузку и истощает в гораздо большей степени, чем личные встречи. Все это, без-

условно, ведет к выгоранию, начинаясь с эмоционального истощения, постепенно неизбежно приводя к выгоранию профессиональному.

Например, Андрей Терников, представитель школы экономики и менеджмента НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, совместно с Михаилом Бляхером (Ариэльский университет в Израиле) провели исследование и пришли к выводу, что в условиях дефицита ресурсов преподаватели вузов совершают рациональный выбор: ставят более высокие оценки студентам для того, чтобы сэкономить свои силы и направить их на другие задачи [Ternikov, Blyakher, 2024]. В большей степени это относится к педагогам, ведущим несколько курсов, зачастую совершенно новых, одновременно. Для молодых преподавателей этот вопрос также является особенно актуальным в связи с необходимостью разрабатывать новые дисциплины, осваивать совместно со студентами незнакомые учебники и учебные пособия, работать параллельно над диссертацией и написанием статей для прохождения по конкурсу. Постепенно, «захлебываясь» в многозадачности и функционируя в режиме «всегда на работе», преподаватели становятся подверженными процессу декомпенсации, что далее приводит к еще большему выгоранию. Более того, нарастает неудовлетворенность работой в целом, работа рассматривается как фактор постоянного стресса и недовольства [Absence management ... , 2010], начинается процесс полураспада компетентности, т. е. снижения компетентности специалиста и несоответствия современным предъявляемым требованиям. Презентеизм и эмоциональное выгорание взаимообусловлены, т. е. презентеизм ведет к выгоранию, в то же время выгорание является причиной презентеизма.

Таким образом, сегодня презентеизм является довольно распространенным явлением практически в любой профессии, преподаватель не является исключением. Каким образом специалист, в данном случае преподаватель, будет выполнять свои обязанности, т. е. как презентеизм будет фактически реализован, зависит от большого количества факторов, это и возраст самого преподавателя и обучающихся, опыт и количество общей учебной и внеучебной нагрузки, и техническая оснащенность, и сам преподаваемый предмет, вариаций возможно великое множество.

Несмотря на то что достоверно не доказано, что именно презентеизм может привести к выгоранию, неоспорим тот факт, что после полноценно проведенных выходных с полным отключением от работы снижается процент жалоб на выгорание и, в свою очередь, увеличивается количество положительных отзывов о самочувствии и желании продолжать работать, в том числе креативно и максимально продуктивно («While there is no empirical evidence yet that presenteeism leads to burnout, we do know that sufficient recovery during the weekend decreases burnout complaints and fosters general well-being after the weekend») [Fritz, Sonnentag, 2005, p.

189]. Логично предположить, что смена деятельности, обстановки, окружения и отключения от гаджетов по рабочим вопросам, несомненно, уменьшает вероятность выгорания. К сожалению, все чаще сегодня получает распространение тенденция повышения производительности труда, при этом не уделяется должного внимания здоровью в целом и эмоциональному здоровью в частности [Schultz, Edington, 2007], созданию благоприятной рабочей атмосферы, в том числе техническому оснащению, благодаря которому работа становится менее энергозатратной, но более продуктивной и креативной.

Психологическое состояние преподавателя, профилактика эмоционального и профессионального выгорания являются такими областями в сфере образования, которым совершенно не уделяется внимания, что, несомненно, оказывает негативное влияние на качество преподавания и уровень подготовки студента. Только инвестируя в позитивное психологическое и физическое состояние работников, можно получить отдачу, компенсируя вложенное высокой работоспособностью, благоприятным и продуктивным климатом, снижая таким образом ливизм и презентеизм [Дюндик, 2022]. Нужно ограничить необходимость быть всегда на связи (“always on” culture), в случае несерьезного заболевания преподавателя предоставить возможность проведения занятий онлайн (по согласованию), не перегружая этими занятиями других преподавателей, проводить совместные со студентами/коллегами мероприятия неучебного характера для создания дружеской атмосферы и установления более тесного эмоционального контакта и др. С точки зрения поддержания интереса к профессии и профессионального совершенствования необходимо поощрять всевозможные мероприятия, направленные на профессиональный рост и борьбу с полураспадом компетентности, улучшать материальные условия работы, стремиться к созданию максимально комфортного пребывания на рабочем месте, разработать систему материального стимулирования профессиональной активности, продумать возможность психоэмоционального восстановления. Безусловно, осознание, принятие и поиск решения проблемы презентеизма позволят максимально повысить продуктивность работы, профессиональный рост сотрудников, значительно улучшить климат в рабочем коллективе, ведь, вне всякого сомнения, именно человеческий капитал станет одним из ведущих драйверов роста [Wright, Cropanzano, 1998].

Библиографический список

Дюндик Ю. Б. Презентеизм как ключевая проблема дистанционного образования // Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция : материалы Нац. науч.-практ. конф. ВСГУТУ «Образование и наука». Улан-Удэ, 2022 г. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2022. С. 190–197.

Савченков А. В. Экстремальная педагогика как фактор формирования эмоциональной устойчивости педагога // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8, № 5. С. 22–40.

Absence management and presenteeism: the pressures on employees to attend work and the impact of attendance on performance / D. Baker-McCleary, K. Greasley, J. Dale, F. Griffith // Human Resource Management Journal. 2010. Vol. 20, N 3. P. 311–328. DOI: 10.1111/j.1748–8583.2009.0018.x.

Carter Sh. B. The Tell Tale Signs of Burnout... Do You Have Them? // Psychology Today. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/high-octane-women/201311/the-tell-tale-signs-of-burnout-do-you-have-them> (дата обращения: 27.04.2024).

Freudenberg H. G. The problem of diagnosing burnout. N. Y., 1974. 112 p.

Fritz C., Sonnentag S. Recovery, health, and job performance: effects of weekend experiences // Journal of Occupational Health Psychology. 2005. Vol. 10. P. 187–199.

Schultz A., Edington D. Employee health and presenteeism: A systematic review // Journal of Occupational Rehabilitation. 2007. N 17 (3). P. 547–579.

Терников А., Блякхер М. Grade inflation and grading process: does faculty workload matter? // Journal of Applied Research in Higher Education. 2024. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JARHE-06-2023-0247/full/html> (дата обращения: 07.05.2024).

Wright T. A., Cropanzano R. Emotional exhaustion as a predictor of job performance and voluntary turnover // Journal of Applied Psychology. 1998. Vol. 83. P. 486–493.

УДК 372.881.111.1

**Ю. Б. Дюндик, О. А. Каверина, Е. Е. Калиш,
М. В. Новосёлова, Н. Ю. Хлызова, А. В. Чайкисова**
Иркутский государственный университет, Иркутск

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ
И НАВЫКОВ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ
НА МАТЕРИАЛЕ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ПОСОБИЯ
«ENGLISH DIMENSIONS:
LANGUAGE, REGION, CULTURES»**

Аннотация. Рассказывается об опыте создания учебно-методического пособия в трех частях «English Dimensions: Language, Region, Cultures», написанного специально для студентов 1–3-х курсов, изучающих английский язык и культуру стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Отмечается, что особенностью пособия является комплексность выстроенной системы обучения на базе аутентичных современных материалов, а также авторский подход в разработке самих заданий, нацеленных на стимулирование критического и творческого мышления.

Ключевые слова: критическое мышление, английский язык, учебно-методическое пособие, методика преподавания, личность, СМИ, медиа, анализ.

**Yu. Dyundik, O. Kaverina, E. Kalish,
M. Novoselova, N. Khlyzova, A. Chaykisova**
Irkutsk State University, Irkutsk

**MASTERING STUDENTS' FOREIGN LANGUAGE
AND CRITICAL THINKING SKILLS VIA TEXTBOOK
“ENGLISH DIMENSIONS: LANGUAGE, REGION, CULTURES”**

Abstract. In this article the authors present and describe their three-volume textbook “English Dimensions: Language, Region, Cultures” that was specifically written for linguistic university students who major in English and cultural studies of Asia-Pacific countries. The textbook comprises different topic sections with each unit providing a variety of exercises aimed at developing the skill of critical and creative thinking.

Keywords: critical thinking, the English language, a textbook, teaching technique, personality, mass media, analysis.

Задача, которую мы поставили перед собой, – создать современное пособие, которое обеспечило бы студентов 1–3-х курсов направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика», профилей «Лингвистическое обеспечение региональных исследований», «Межъязыковая и межкультурная коммуникация в сфере туризма и гостиничного дела», «Перевод и переводоведение», «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» и др. и преподавателей интересным, релевантным, аутентичным материалом. Была необходимость логически выстроить последовательность тем, разработать задания для развития языковых навыков и навыков критического мышления.

Цель пособия – формирование и совершенствование компетенций, необходимых будущим выпускникам для осуществления эффективного профессионального взаимодействия на английском языке. Все материалы подобраны так, чтобы расширить знания студентов о странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) (странах изучаемых языков). Учебное пособие состоит из трех частей, что обеспечивает преемственность в изучении английского языка с первого по третий курс бакалавриата.

Пособие разработано на основе компетентного подхода и обеспечивает взаимосвязанное развитие общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций студентов. Предполагается, что в процессе работы с изданием студенты научатся эффективно использовать английский язык в рамках изученных тем как в устной, так и в письменной форме, мыслить критически, а значит, корректно, логично и аргументированно преподносить информацию на английском языке.

Формирование компетенций осуществляется в рамках двенадцати тематических комплексов, упорядоченных в три части по мере усложнения лексического материала. Каждая часть состоит из четырех тематических комплексов, рассчитанных на один академический год.

Все тематические комплексы подчинены единой структуре и включают шесть разделов.

В первом разделе «Введение»/Lead-in вводится и прорабатывается необходимый лексический минимум. Юнит начинается с ряда вопросов, которые стимулируют использование известной студентам лексики, а главное – демонстрируют нехватку лексического материала, который расширяется по мере освоения юнита. Вопросы носят общий и частный характер, но главное – на них нет и не может быть единого, правильного, непротиворечивого ответа, что, несомненно, вызывает дискуссии и жела-

ние у студентов углубиться в тему, порассуждать, рассказать о своем опыте и взглядах. Последующие задания разнообразны, но общей их целью является введение новой лексики и ее закрепление посредством выполнения не только традиционных подстановочных и описательных упражнений, упражнений на заполнение пропусков, подбор синонимов/антонимов, но и в процессе прослушивания аутентичных диалогов и монологов, просмотра видеоматериала. В качестве видеоресурсов зачастую используются интервью и высказывания реальных людей, что создает интерес и обеспечивает доверие студентов к аутентичности и актуальности изучаемой лексики. Особое внимание уделяется функциональности лексического состава для эффективного речевого применения, с акцентом на коллокации, фразовые глаголы, идиомы, фразеологизмы. Стоит также отметить запрос на креативный отклик от студентов при выполнении некоторых заданий, например, после просмотра кулинарного шоу не только рассказать о приготовлении блюда, но и показать, используя необходимый реквизит. В результате студент представляет креативный продукт устной речи, созданный в процессе реализации трансформативного обучения (*mini-c creativity*), направленного на формирование системы знаний и личностной интерпретации опыта [Каверина, Новоселова, 2020].

Раздел «**Чтение**»/**Reading** содержит аутентичные тексты и комплекс предтекстовых и послетекстовых упражнений. Предлагаемые студентам тексты являются медиатекстами различной жанровой направленности, т. е. представляют собой примеры актуального «живого» использования языка в современных естественных коммуникативных условиях. Они содержательны и информативны с точки зрения темы юнита, покрывают основной лексический материал. Кроме того, тексты подобраны таким образом, чтобы в них освещались современные актуальные проблемы, характерные для стран АТР, что в дальнейшей работе позволяет студентам применять аналитические навыки и навыки критического мышления для оценки разных фактов, мнений; стимулирует сравнивать и сопоставлять разнообразный материал на английском языке.

Система упражнений в разделе выстроена следующим образом. Сначала студентам предлагается ряд предтекстовых заданий, стимулирующих их мотивацию к работе с текстом, например ряд вопросов для обсуждения в паре, которые способствуют прогнозированию содержания текста через актуализацию личного опыта (*Have you heard of the "Retail Apocalypse in the USA"? What influences your purchase decisions?*). Непосредственная работа с текстом может быть организована как на занятии, так и в рамках самостоятельной работы студентов, что зависит от особенностей подготовки учебной группы, временных условий и т. п. Послетекстовые задания предполагают проверку понимания прочитанного

(*Answer the questions*). При этом часть вопросов носит чисто фактологический характер, а часть соотносится с интересами студентов, их знаниями и личным опытом так, чтобы они могли выразить собственное мнение по обсуждаемой проблематике (*Do you agree that food should be enjoyed, not worshipped? Do you consider yourself a foodie? Why is Generation Z said to be thrifty above all?*). Последующие задания направлены на отработку и закрепление нового лексического материала; в них обучающимся предлагается объяснить значения слов и выражений из текста, подобрать синонимы и антонимы, вставить пропущенные слова в контекст, использовать правильный предлог и т. д.

Таким образом, систематическая и последовательная работа с текстом в рамках данного раздела способствует комплексному развитию коммуникативной компетенции.

На сегодняшний день, вероятно, не вызывает сомнения тот факт, что изучение языка неразрывно связано с изучением культуры страны изучаемого языка и наоборот. «Человек не способен полностью понять культуру, не имея прямого доступа к языку, на котором говорят ее представители. Следовательно, освоение языка заключается не только в изучении алфавита, грамматических правил и правил словообразования, но также и в знакомстве с образом жизни, мышления, традициями и обычаями культуры изучаемого языка» [Шиханова, Тупикова, 2018, с. 255]. Таким образом, в основе изучения иностранного (в данном пособии английского) языка лежит изучение культуры, но, в связи со спецификой обучения студентов данного направления подготовки, мы не ограничиваемся культурой одной страны / региона.

Так, раздел учебного пособия о культурах стран изучаемых языков «**Культура**» / **Culture Corner** базируется на культурно-ориентированных методических подходах, которые на сегодняшний день можно отнести к трансдисциплинарным: лингвострановедческому, лингвокультурологическому, социокультурному и поликультурному, и построен на базе аутентичных медиатекстов, насыщенных культурологической информацией о странах АТР. Поскольку данный раздел находится в середине юнита, студенты в достаточной мере освоили базовый тематический вокабуляр, благодаря чему работать с аутентичными, достаточно большими по объему текстами не представляет значительной сложности и вызывает закономерную заинтересованность в получаемой из них информации. Работа непосредственно с медиа-текстами (далее приведены примеры из темы *Family Problems*) включает разнообразные задания на обсуждение (e. g. *Can you say that US way of children upbringing is so special? What is special about it?*), сравнение (e. g. *Study information about children upbringing in different countries, make a list of key words concerning each country. Compare the list with your groupmates. Can you see any global difference?*),

комментирование (e. g. *What rules of child upbringing seem strange / absolutely wrong to you? Comment on your choice*), а также выполнение креативных заданий (например: *Create your own text / speech with the title: "Russian / Chinese / Japanese / Korean... parents are way too focused on their kids" ...*) и заданий-исследований (*Do a little research, find out what countries have or used to have a one-child policy. What were the reasons for that?*). Безусловно, данный раздел также содержит задания, повышающие общий уровень освоения лексических и грамматических единиц, хотя, по сравнению с коммуникативно-аналитическими заданиями, их меньшинство, например: *Explain the words / phrases underlined; Watch the video and find equivalents to the following notions, Listen to the audio, write down different nominations for old people. Explain the difference.*

Студентам интересно узнавать об особенностях других стран, народов, культур и сопоставлять эту информацию со знаниями, полученными на занятиях по корейскому, японскому, китайскому языкам. Большой плюс данного пособия в общем и этого раздела в частности в том, что они допускают вариативность при выборе материала. Преподаватель может сделать упор только на одном тексте, в зависимости от второго изучаемого группой языка и если группа слабая; либо отработать юнит от корки до корки, если позволяют языковой уровень студентов и количество часов, отведенных на дисциплину.

Таким образом, раздел Culture Corner построен на базе современных аутентичных текстов массмедиа, в основе которых содержится информация по различным аспектам устройства стран АТР, что позволяет углубиться в совершенно различные сферы жизни этих стран и в значительной степени не только расширить профессиональные компетенции будущих выпускников, но и эффективно, качественно и высокопрофессионально взаимодействовать на английском языке с представителями различных культур. На наш взгляд, иностранный язык, в данном случае английский, несет мощный интегративный и трансдисциплинарный потенциал и является идеальной площадкой для погружения в культуру не только англоговорящих стран, но и других стран АТР. Изучение иностранного языка сквозь призму других культур позволяет преумножить и обогатить свои знания практически в любой сфере, формируя при этом всесторонне развитого специалиста, способствует развитию и совершенствованию навыков аналитического мышления, креативности, а также высокому уровню критического мышления [Дюндик, Хлызова, 2024].

Раздел «**Критическое мышление**» / **Critical Thinking** содержит комплекс заданий и текстов, провоцирующих студентов на критический анализ событий и явлений, размышление и принятие решения.

Поскольку понятие критического мышления означает «способность анализировать информацию и выдвигать аргументированное суждение,

основанное на оценке источников, сведений, фактов» [Doyle, 2022], формирование критического мышления студентов происходит через анализ и аргументацию, оценку и фактчекинг. С этой целью выполняются задания на анализ новостей, выявление фейков и оригиналов в соответствии с алгоритмом по определению уровня достоверности информации. Подобный алгоритм используется для установления типа искаженной информации: Fake news, Conspiracy theory, Noax.

На втором этапе обучения во второй части учебно-методического пособия работа идет с более сложными видами искажения информации: Post-fact или Post-truth. По словам О. В. Корецкой, «постправду можно рассматривать не просто как слово, а как целый концепт в медиа и политическом дискурсе XXI» [Корецкая, 2017], который актуализировался в США в 2016 г. в предвыборной кампании Д. Трампа. Со ссылкой на Оксфордский словарь О. В. Корецкая определяет постправду как «такие обстоятельства, при которых эмоциональное восприятие информации и личные убеждения имеют гораздо большее значение в формировании общественного мнения, чем объективные факты» [Корецкая, 2017, с. 136]. Для формирования критического мышления на постправдивом медиадискурсе необходимо развивать умение личности выявлять факт и мнение, отсекаать эмоциональную составляющую, личную заинтересованность, мыслить трезво и объективно, оценивать источник информации и полученные данные. Аутентичный материал в учебно-методическом пособии состоит из заявлений и речей кандидатов в предвыборных кампаниях изучаемого региона с заданием найти постправду, выявить факты, мнения, эмоции, средства манипуляции, мотивы, провести их грамотное сравнение и оценку.

На продвинутом уровне в третьей части пособия идет работа с менее явно искаженной информацией и сложной для ее восприятия: преувеличением, предубеждением, двойными стандартами, плагиатом. Задания направлены на анализ информации, оценку медиатекстов, поиск истины и вымысла. Развиваются навыки отбора и классификации информации с рассуждением и аргументацией.

По мнению исследователя Питера Фасиоуна, в основе формирования критического мышления лежит рассуждение [Facione, 2020]. Именно с этой целью в каждой теме пособия речевая деятельность построена на высказывании своего мнения, поиске общего и частного, обосновании своей позиции. Например, в рамках изучения темы Traveling необходимо выразить свое мнение.

Express your point of view on the following:

a) There are many ways for frauds these days.

b) There is one reason why millions of people have **fallen for** fake emails, phone calls or letters that look genuine and ask them to give or update their financial details.

c) Fraudsters gain financial information by **phishing**.

d) Criminals need just a small piece of information about us – a key – that can eventually open up our identity and expose our personal data.

e) For victims of fraud the consequences – the outcome – can be very bad.

f) Frauds in tourism are popular.

g) Buying or renting a car you can be scammed.

А также выполнить задания на выявление общих и отличительных характеристик.

Contrast States:

Texas is the third largest state in the United States. It has over 25 million people living in it. Some of Texas's biggest cities include Dallas, Fort Worth, and Houston. The capital of Texas is Austin. Texas has many different types of geographies, including desert, mountains, and plains.

Maine is a state in the Northeast corner of the United States. The capital of Maine is Augusta. Maine has just over 1 million people living in it. The state animal is the moose. There are a lot of moose living in Maine. Maine has over 21,000 acres of state forests.

Для формирования умения рассуждать предлагаются упражнения на поиск лишнего предмета:

1. Gum, Temple, Date

2. Truck, Couch, Bus

3. Dough, Flour, Pretzel

4. Hitchhiking, Camping, Trekking

Правильного ответа у представленного упражнения нет. Грамотная аргументация, объективный анализ и четкое рассуждение являются основными критериями для оценивания. Большинство заданий на формирование и развитие критического мышления направлены на умения анализировать, рассуждать, доказывать, основываясь на найденных фактах [Хлызова, Дюндик, 2023].

В учебно-методическом пособии «English Dimensions: Language, Region, Cultures» формирование критического мышления личности студента происходит через иностранный язык и регион изучаемого языка, выстроено в соответствии с принципами систематичности и поэтапности. Работа идет по градации от легкого к сложному. С каждой темой изученные ранее компоненты критического мышления развиваются на более сложном аутентичном материале.

Раздел «**Закрепление материала**» / **Consolidation: Speaking**, посвященный закреплению пройденного материала, включает в себя массив

заданий, направленных на совершенствование речевых навыков на основе проработанного материала и умения оперировать полученной информацией. Отрабатываются идиомы, коллокации, фразовые глаголы по текущей теме. Данный раздел аккумулирует лексический материал, который активно накапливается во время изучения предыдущих разделов, так же как и содержит новые важные, по мнению авторов, лексические единицы, не вошедшие на этапе введения и активизации (Lead-in). Обязательными упражнениями данного раздела, присутствующими во всех частях пособия, являются упражнения на перевод с русского на английский язык и комментирование высказываний или цитат известных людей. Переводные упражнения закрепляют использование изученной лексики в контексте; упражнения, провоцирующие отклик, реакцию, побуждают студентов к говорению.

Раздел «**Письмо**» / **Writing** учит студентов грамотно, логически связано и аргументированно излагать мысли в письменной форме согласно правилам написания работ определенного жанра и объема. Построение материала этого раздела также основывается на принципе перехода «от простого к сложному» с углублением ранее полученных навыков.

Так, в первой части пособия раздел академического письма начинается с изучения главных принципов написания *summary*, формируя у студентов важный навык емко и в то же время кратко излагать основные положения оригинального произведения. Далее студенты учатся писать аннотацию, что можно рассматривать как квинтэссенцию *summary* и что, безусловно, пригодится при дальнейшей научно-исследовательской работе при написании статей.

Особое внимание в разделе **Writing** уделяется правилам написания различных видов эссе. Здесь также соблюдается принцип преемственности и усложнения материала: сначала рассматривается структура параграфа и примеры разных типов параграфов, от *descriptive* (описательного параграфа) до *opinion paragraph* (параграфа, выражающего личную точку зрения); анализируются общая структура-каркас пятипараграфного эссе, его составляющие части (введение, основная часть, заключение); наконец, осуществляется переход к написанию различных видов многопараграфных эссе. Таким образом, незаметно для себя студенты подготавливаются к одному из заданий итогового экзамена по иностранному языку, которое включает написание аргументативного эссе.

Обучение академическому письму может показаться не самым увлекательным занятием, но раздел **Writing** построен таким образом, что теоретическая часть материала достаточно проста и лаконична и сопровождается аутентичными примерами изучаемого типа письма по теме юнита. Студенты учатся делать *summary*, аннотации, писать параграфы и эссе, анализируя научные и публицистические статьи, фрагменты современ-

ных рассказов и романов, рекламные тексты и т. д. Задания по письму также разнообразны и предполагают дискуссии, выражение собственного мнения, критический анализ и, конечно, написание соответствующей письменной работы как завершение пройденной темы.

В заключение отметим, что каждый юнит учебно-методического пособия «English Dimensions: Language, Region, Cultures» содержит аутентичные аудио- и видеоматериалы, направленные на совершенствование навыков восприятия различных вариантов английского языка на слух. Каждую часть пособия завершает глоссарий, список лексических единиц, организованных в таблице и распределенных по тематическим подкатегориям. Эти лексические единицы, выделенные из разных разделов темы, могут рассматриваться как наиболее репрезентативные с тематической точки зрения и являются не конечным тематическим глоссарием, а скорее минимальным объемом подлежащей усвоению лексики.

Авторы выражают надежду на то, что созданное учебно-методическое пособие «English Dimensions: Language, Region, Cultures» поможет студентам с удовольствием и интересом изучать культуру и язык изучаемого региона и послужит стимулом к развитию критического и творческого мышления в профессиональной деятельности.

Библиографический список

Doyle A. Critical thinking definition, skills, and examples // Thought Co. 2022 URL: <https://www.thoughtco.com/critical-thinking-definition-with-examples-2063745> (дата обращения: 18.01.2024).

English Dimensions: Language, Region, Cultures. Part 1 : учеб.-метод. пособие / сост.: Ю. Б. Дюндик, О. А. Каверина, Е. Е. Калиш [и др.]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 238 с.

English Dimensions: Language, Region, Cultures. Part 2 : учеб.-метод. пособие / сост.: Ю. Б. Дюндик, О. А. Каверина, Е. Е. Калиш [и др.]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 214 с.

English Dimensions: Language, Region, Cultures Part 3 : учеб.-метод. пособие / сост.: Ю. Б. Дюндик, О. А. Каверина, Е. Е. Калиш [и др.]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. 260 с.

Facione P. A. Critical Thinking: What It Is and Why It Counts? Measured Reasons LLC, Hermosa Beach, CA 2020. p. 33.

Дюндик Ю. Б., Хлызова Н. Ю. Раздел CULTURE CORNER в учебно-методическом пособии: интегративное изучение английского языка и культуры стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Прикладная психология и педагогика. 2024. Т. 9, № 1. С. 92–105.

Каверина О. А., Новосёлова М. В. Креативное обучение: от теории к практике // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы III Междунар. науч. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 157–164.

Корецкая О. В. Концепт Post-truth как лингвистическое явление современного англо-язычного медиадискурса // Грамота. 2017. № 7 (73), ч. 3. С. 136–138.

Хлызова Н. Ю., Дюндик Ю. Б. Интеграция обучения английскому языку и формирования критического мышления в учебно-методическом пособии // Прикладная психология и педагогика. 2023. Т. 8, № 4. С. 54–67.

Шиханова В. А., Тупикова С. Е. Диалог культур – диалог языков: от изучения языка к постижению культуры // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2018. С. 253–258.

К ВОПРОСУ О МЕТОДИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ОПЫТ ГАОУ ВО «МГПУ»

Аннотация. Обобщен опыт ГАОУ ВО «МГПУ» методической подготовки учителя иностранного языка в рамках образовательной программы «Английский язык». Описано содержание модуля, направленного на методическую подготовку будущего учителя, а также структура модульного интегрированного экзамена, позволяющего оценить сформированность профессионально значимых компетенций.

Ключевые слова: методическая подготовка, учитель иностранного языка, модульная структура программы.

A. Kazantseva

Moscow State Pedagogical University, Moscow

ON THE ISSUE OF METHODOLOGICAL TRAINING OF FUTURE ENGLISH LANGUAGE TEACHERS: THE EXPERIENCE OF THE GAOU AT THE "MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"

Abstract. The article presents the experience of Moscow State Pedagogical University in methodical training of a foreign language teacher within the framework of the educational program "the English language". The content of the module aimed at the methodological training of the future teacher is described, as well as the structure of the modular integrated exam, which allows to assess the formation of professionally significant competencies.

Keywords: methodical training, foreign language teacher, modular structure of the program.

Проблема подготовки учителя иностранных языков актуализируется в контексте трансформации языкового образования, обновления нормативных требований к содержанию педагогического образования.

Вопросы трансформации высшего иноязычного образования и, как следствие, обновления системы подготовки учителей иностранного языка привлекают научное внимание многих ученых (А. Л. Бердичевский, Е. Г. Тарева, А. Н. Шамоу, С. В. Чернышев, Н. В. Барышников, А. В. Малев, Н. В. Языкова и др.). К основаниям, обуславливающим изменения в сфере языкового образования, авторы относят ряд позиций, которые требуют осмысления как с теоретической, так и с практической точки зрения. Перечислим некоторые из них.

В первую очередь необходимо обратить внимание на обновления и изменения нормативных требований, которые отражены в ряде документов федерального уровня – ФГОС ВО 3++, профессиональном стандарте «Педагог», Концепции подготовки педагогических кадров до 2030 года, – которые нам задают целевые и, как следствие, структурно-содержательные ориентиры в области подготовки учителя иностранного языка. Так, в концепции заявлено о необходимости разработки единого подхода к предметной и методической подготовке педагога.

Нельзя не отметить ярко выраженную ориентацию на субъектов педагогического процесса как личностей, которая привела к осознанию гуманитарной сущности языкового образования.

Подготовка учителей английского языка в Московском городском педагогическом университете (ГАОУ ВО «МГПУ») осуществляется в рамках основной образовательной программы «Английский язык» (направление подготовки «Педагогическое образование»).

Программа имеет модульную структуру, где каждый модуль ориентирован на достижение конкретных целевых ориентиров – универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Модульность образовательной программы позволяет структурировать содержание профессиональной подготовки в соответствии с конкретными педагогическими задачами будущего учителя английского языка, «концептуально и структурно поддержать идею максимального погружения студента в профессиональный контекст иноязычной деятельности – педагогический дискурс. При этом профессионализация присутствует как в блоке практических дисциплин, так и в комплексе теоретических предметов» [Тарева, 2021, с. 65].

Методическая подготовка учителя иностранных языков является предметом дискуссий многих ученых (Н. В. Барышников, А. Н. Шамов, Е. Г. Тарева, Н. В. Языкова, С. Н. Макеева, Н. Д. Гальскова, А. В. Малев и др.). Рассматривая сущность искомого понятия, ученые чаще всего обращают внимание на личностные качества учителя, такие как умение нестандартно мыслить, креативность, методическая осознанность, харизматичность и др. Важным в методической подготовке является «формирование его методического кредо, понимаемого как приобретенные в ходе изучения курса лингводидактики методические воззрения на процесс формирования иноязычных компетенций как теоретически осмысленные и апробированные в образовательной практике рациональные обучающие действия, адекватные соответствующим условиям обучения, конкретной педагогической ситуации» [Барышников, 2018, с. 62].

Методическая подготовка педагога осуществляется в рамках модуля «Методика обучения и воспитания (иностранный язык)», который включает следующие дисциплины, практики и НИР:

- дизайн урока английского языка;
- методику обучения иностранному языку;
- научно-исследовательскую работу;
- непрерывную практику (стажировку);
- педагогическую практику;
- современные средства контроля и оценивания уровня владения иностранным языком;
- цифровые технологии обучения иностранному языку;

- экзамены по модулю «Методика обучения и воспитания (иностранный язык)».

Все дисциплины модуля связаны между собой и предполагают единую нацеленность на результат, связанный с формированием профессионально-методической компетентности студентов бакалавриата в системном единстве соответствующих универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

Важно подчеркнуть, что студент как активный субъект образовательного процесса включен в проектирование данного модуля как с точки зрения его содержания, так и с позиции оценки образовательных достижений.

Каждая дисциплина и практика направлена на решение таких задач, как:

- диагностика, анализ и эффективное решение методических задач, профессиональных ситуаций, связанных с достижением цели обучения английскому языку – формированием иноязычной коммуникативной компетенции, а также воспитанием и развитием учащихся;

- проектирование современной модели учебного занятия по английскому языку с учетом цифровых инструментов, инновационных технологий и методов обучения;

- использование в процессе иноязычного образования современных средств оценивания образовательных результатов обучающихся (предметных, метапредметных и личностных);

- сознательный отбор и использование цифровых технологий в рамках планирования занятий, оценки знаний, навыков и умений;

- приобретение будущими учителями опыта профессионально-педагогической деятельности в школе в рамках педагогической практики.

Интегративный экзамен по модулю «Методика обучения и воспитания (иностранный язык)» включает два задания:

- 1) проблемное задание, предполагающее развернутый аргументированный и научно обоснованный ответ на два вопроса. Позволяет диагностировать знания в различных областях лингводидактики. Выполняется в индивидуальном порядке;

- 2) профессионально-ориентированные кейсы, которые направлены на проверку и оценку владения студентами гностической, проектировочной, конструктивно-технологической, рефлексивно-гностической компетенциями на конкретном материале действующих УМК по иностранному языку для общеобразовательной школы. Решение кейса предполагает выявление уровня владения системой теоретических знаний в области методики обучения иноязычному общению, а именно:

- раскрытие проблемного поля вопроса с позиции требований федерального государственного образовательного стандарта к достижению личностных, метапредметных, предметных результатов образовательного процесса;

- обобщение и анализ трудностей обучающихся в процессе овладения иноязычной коммуникативной компетенцией применительно к рассматриваемому вопросу на основе теории обучения иностранному языку и личного опыта работы студента на педагогической практике;

- рекомендации по совершенствованию методики и технологии обучения в рамках рассматриваемой проблемы.

Таким образом, содержание модуля «Методика обучения и воспитания (иностранный язык)» позволяет будущему учителю погрузиться в условия решения реальных профессионально-методических задач, оценить свои профессиональные возможности в области методической подготовки и смоделировать траекторию дальнейшего саморазвития.

Библиографический список

Тарева Е. Г. Дизайн профессионально ориентированной языковой подготовки учителя французского языка // Иностранные языки в школе. 2021. № 12. С. 62–69.

Барышников Н. В. Инновационный подход к методической подготовке учителя иностранного языка // Преподаватель XXI века. 2018. № 1. С. 55–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-podhod-k-metodicheskoy-podgotovke-uchitelya-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 02.05.2024).

УДК 372.881.111.1

В. В. Калинина

Иркутский государственный университет, Иркутск

СТАНДАРТИЗИРОВАННЫЙ ЭКЗАМЕН ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ: ОПЫТ НЕКОТОРЫХ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Анализируются стандартизированные экзамены по английскому языку в ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Учитывается опыт США, Китая, Японии, Южной Кореи, Монголии и России. Описывается структура выпускных школьных экзаменов, выделяются их особенности и роль в системе образования. Исследование имеет сравнительный характер, поскольку принимает во внимание характерные черты выпускных экзаменов в каждой приведенной стране. Статья будет интересна специалистам в области подготовки к Единому государственному экзамену.

Ключевые слова: единый государственный экзамен, ЕГЭ, SAT, Гаокао, стандартизированные тесты, английский язык, критерии оценивания, Азиатско-Тихоокеанский регион, АТР.

V. Kalinina

Irkutsk State University, Irkutsk

STANDARDIZED ENGLISH LANGUAGE EXAM: SOME ASIA-PACIFIC COUNTRIES' EXPERIENCES

Abstract. The article deals with the analysis of standardized English language exams in some Asia-Pacific countries. The experiences of the USA, China, Japan, South Korea, Mongolia and Russia are taken into account. The author describes the structure of final school exams, highlights their features and role in the education system. The study is comparative in nature, since it takes into account the characteristics of final examina-

tions in each country listed. The article will be of interest to specialists in the field of preparation for the Unified State Exam.

Keywords: Unified State Exam, EGE, SAT, Gaokao, standardized tests, the English language, evaluation criteria, Asia-Pacific, APAC.

В условиях быстрого развития науки и техники, особенно глобализации в мире, английский язык стал международным и теперь служит незаменимым инструментом международного общения. Образование на английском языке привлекает внимание многих стран, в том числе и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), для которых английский язык не является родным. Многие страны АТР прилагают большие усилия для улучшения системы изучения английского языка. Стандартизированные тесты выступают как средство контроля изученного материала и в ряде стран являются вступительными экзаменами в вузы.

В США выпускной экзамен представляет собой стандартизированный тест, называемый Scholastic Aptitude Test (SAT). Проводится некоммерческой организацией College Board и состоит из двух разделов: «Чтение и письмо» и «Математика». Учащимся дается 64 мин на прохождение раздела «Чтение и письмо» и 70 мин на прохождение раздела «Математика», что в общей сложности составляет 2 ч 14 мин. Каждый раздел представлен двумя модулями, на которые выделяется равное количество времени. Между разделами «Чтение и письмо» и «Математика» предусмотрен 10-минутный перерыв. Первый модуль каждого раздела включает в себя простые, сложные и средней сложности вопросы. В зависимости от того, как учащиеся справятся с первым модулем, второй модуль вопросов будет либо более, либо менее сложным [SAT Suite].

В разделе «Чтение и письмо» представлены короткие отрывки для чтения, за которыми следует один вопрос с несколькими вариантами ответов. Вопросы в разделе «Чтение и письмо» представляют собой одну из четырех содержательных областей: «Мастерство и структура», «Информация и идеи», «Нормы английского языка» и «Выражение идей». Тест SAT помогает оценить навыки выпускников понимать тексты, анализировать, рассуждать, способность находить, интерпретировать, оценивать и интегрировать информацию и идеи из текстов и информационной графики (таблиц, гистограмм и линейных графиков). Также во время теста оцениваются словарный запас, проверяются навыки анализа, синтеза и рассуждения, знания, необходимые для понимания и использования слов и фраз в контексте, риторической оценки текстов и установления связей между тематически связанными текстами, а также способность редактировать тексты, ориентируясь на принятые в английском языке нормы синтаксиса.

В Китае стандартизированный экзамен для выпускников называется гаокao (高考) и используется при отборе студентов для поступления в университеты. Это один из самых важных экзаменов в Китае, и студенты

готовятся к нему годами. Гаокао – экзамен с высокой степенью конкуренции, и лишь небольшой процент студентов может набрать достаточно высокие баллы, чтобы поступить в лучшие университеты. Экзамен является платным для граждан Китая, регистрационный сбор составляет 150 юаней. Проходит гаокао в два дня общей длительностью 12 ч и проверяет четыре дисциплины: китайский язык, математику, естествознание и английский язык (по 180 мин на одну дисциплину). Экзамен оценивается по шкале от 750 до 950 баллов. Общий балл рассчитывается путем сложения баллов по разным предметам. Два основных предмета, китайский язык и математика, оцениваются по 150 баллов каждый. Остальные предметы, естествознание и английский язык, оцениваются по 100 баллов каждый. Раздел гаокао по английскому языку включает в себя задания по чтению, грамматике, лексике и письму. Экзамен оценивает то, насколько выпускники способны читать и понимать сложные тексты, правильно использовать грамматику и словарный запас, а также писать эссе [Gaokao exam].

В Японии выпускники школ сдают тест Национального центра вступительных экзаменов в университеты (大学入試センター試験 Daigaku Nyūshi Sentā Shiken). Этот тест является стандартизированным и используется в качестве вступительного экзамена государственными и некоторыми частными университетами Японии. Национальный центр вступительных экзаменов в университеты является независимым административным учреждением. Это испытание проводится ежегодно в выходные в середине января в течение двух дней и представляет собой тест, в котором участникам предлагается несколько вариантов ответов. Daigaku полностью соответствует основным принципам учебной программы, утвержденной Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий. По каждому предмету проводятся отдельные тесты. Всего сдается 29 тестов по 6 предметам/дисциплинам. Выпускники сдают те предметы, которые заявлены университетом, в который они хотят поступить [About the National Center].

Письменный экзамен по иностранным языкам проводится по одному из пяти предметов, включающих английский, немецкий, французский, китайский, корейский языки. Длительность экзамена составляет 80 мин. Максимальное количество баллов по каждому языку равно 200. Также по английскому языку проводится экзамен по аудированию длительностью 60 мин, дающий максимум 50 баллов [National Center Test].

Национальный экзамен в Южной Корее носит название «Сунын» 수능 (англ. College Scholastic Ability Test (CSAT)). Данный экзамен помогает учителям привести успеваемость и академические способности выпускников школ в соответствие с национальными стандартами учебной программы. Экзамен сдается в один день – третий четверг ноября в одно время по всей стране и длится приблизительно девять часов с тремя пе-

перывами на отдых и одним перерывом на обед [Юдаева, 2024, с. 36]. «Сунын» разрабатывается Корейским институтом учебных программ и оценки (KICE) по заказу Министерства образования. Экзамен направлен на оценивание освоения знаний по шести дисциплинам, в которые входят родной язык, математика, английский язык, история Кореи, исследовательская деятельность и иностранный язык / классический китайский язык. Тесты по английскому языку составляются в соответствии со стандартами национальной учебной программы. Экзамен по иностранному языку проводится на выбор по одному из следующих предметов: немецкому, французскому, испанскому, китайскому, японскому, русскому, арабскому или вьетнамскому языкам [National Level Tests].

Экзамен «Сунын» по английскому языку длится 70 мин и состоит из 50 вопросов с множественным выбором, 17 из которых являются заданиями по аудированию, остальные – на понимание прочитанного [Korean SAT Exam]. В Корее нет заданий на грамматику, но задания на контроль над пониманием прочитанного достаточно сложные, они включают в себя вопросы по основной идее текста, понимание деталей, установление логических связей. Также есть вопросы на понимание незнакомого слова или выражения из контекста, установление несоответствий. Парадоксально, что экзаменационные задания составляются без участия носителей языка, в команду разработчиков входит около 500 преподавателей английского языка из Кореи, владение английским языком которых далеко от совершенства [Gillick, 2021].

В монгольских школах проводится выпускной экзамен, известный как общий вступительный экзамен (монг. элсэлтийн ерөнхий шалгалт (ЭЕШ)). Экзамен проводится в 9-м и после 11-го класса. В 9-м классе школьники сдают четыре предмета: монгольский язык, математику, естествознание и обществознание. При этом отмечается межпредметный характер экзаменов по монгольскому языку, естествознанию и обществознанию. В 12-м классе выпускники имеют возможность выбрать английский язык в качестве выпускного экзамена. ЭЕШ длится 80 мин и включает в себя задания по аудированию, чтению, грамматике и лексике с множественным выбором ответа. Все задания носят рецептивный характер. Экзамен характеризуется как несложный и выбирается большинством выпускников [Дамбаева, 2019].

В России стандартизированные экзамены проводятся в 9-х и 11-х классах и называются соответственно «Основной государственный экзамен» (ОГЭ) и «Единый государственный экзамен» (ЕГЭ). Между ними есть преемственность, и практически все дисциплины, как по выбору, так и обязательные, представлены в ОГЭ и ЕГЭ. Исключение составляет только китайский язык, который сдается лишь в 11-м классе.

Сдача ОГЭ необходима для получения аттестата основного общего образования. Учащиеся девятого класса сдают два обязательных экзамена по русскому языку и математике и два экзамена по выбору по предметам: физике, химии, информатике, биологии, истории, географии, обществознанию, литературе, английскому, немецкому, французскому и испанскому языкам. Для каждого экзамена разработана шкала перевода баллов в оценку.

В 11-м классе российские школьники сдают ЕГЭ. Два предмета – русский язык и математика – являются обязательными для получения аттестата среднего общего образования. Остальные экзамены сдаются по выбору в неограниченном количестве и необходимы для поступления в вуз. Чаще всего выпускники сдают четыре экзамена, включая обязательные. Каждый экзамен проходит в отдельный день и длится 3–4 часа. Весь экзаменационный период занимает примерно месяц.

Экзамен по английскому языку в российских школах состоит из двух частей: письменной и устной, которые проводятся в разные дни. На письменную часть выделяется 3 ч 10 мин, на устную – 17 мин. Письменная часть состоит из четырех разделов: аудирования, чтения, грамматики, лексики и письменной речи, и включает в себя 42 задания, 18 из которых базового уровня сложности и 24 высокого уровня. В устную часть входят четыре задания: два базового уровня сложности и два высокого. Как указано в спецификации контрольно-измерительных материалов (КИМ) по английскому языку, «всего в ЕГЭ по английскому языку присутствуют 21 задание с выбором и записью ответа, 4 задания на установление соответствия позиций, 11 заданий на заполнение пропуска в связном тексте и 6 заданий с развернутым ответом. Максимальный балл за всю работу в первичных баллах в 2024 году составляет 82, которые пересчитываются по специальной шкале во вторичные баллы по стобалльной системе» [Демонстрационный вариант КИМ ЕГЭ 2024 г. по английскому языку].

В ЕГЭ по английскому языку отводится большая роль заданиям продуктивного характера. Выпускникам необходимо написать электронное письмо, опираясь на письмо-стимул друга по переписке, создать развернутое письменное высказывание с элементами рассуждения на основе таблицы/диаграммы, прочитать вслух текст, задать вопросы к рекламному объявлению, ответить на вопросы электронного ассистента, составить монологическое высказывание с элементами рассуждения на основе фотографий. Несмотря на то что заданий продуктивного характера всего шесть, что составляет 14 % от общего количества заданий, процент максимального балла за выполнение данных заданий (по стобалльной системе) равен 48,8. Таким образом, выпускной экзамен по английскому языку в России является объективным инструментом измерения сформирован-

ности коммуникативной компетенции выпускников образовательных организаций среднего образования.

Проанализировав данные о стандартизированных экзаменах по английскому языку в ряде стран АТР, приходим к выводу, что данный экзамен является разным по наполняемости, характеризуется разным уровнем сложности, интегрирован в другие экзамены или выступает как самостоятельный экзамен. Но независимо от страны, в которой он проводится, к стандартизированному экзамену по английскому языку во всех странах выработано серьезное отношение как со стороны образовательных организаций, так и со стороны обучающихся. Чаще всего данный экзамен в совокупности с другими выпускными экзаменами дает возможность поступить в желаемый вуз без дополнительных испытаний.

Библиографический список

Дамбаева А. Б. Государственная итоговая аттестация выпускников по английскому языку в РФ и Монголии // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 418–422. URL: <https://moluch.ru/archive/260/59913> (дата обращения: 06.05.2024).

Демонстрационный вариант КИМ ЕГЭ 2024 г. по английскому языку. URL: <https://fipi.ru/ege/demoversii-specifikacii-kodifikatory#!/tab/151883967-11> (дата обращения: 07.05.2024).

Юдаева В. В. Сунын – корейский национальный экзамен. Сравнение сунына и Единого государственного экзамена (ЕГЭ) России // Корееведение в России: направление и развитие. 2024. Т. 5, № 2. С. 35–39.

About the National Center for University Entrance Examinations. URL: https://www.dnc.ac.jp/albums/abm.php?d=4&f=abm00004164.pdf&n=About_the_National_Center_for_University_Entrance_Examinations.pdf (date of access: 20.04.2024).

Gaokao exam. URL: <https://www.careerguide.com/career/c/gaokao-exam> (date of access: 16.04.2024).

Gillick M. Analysis of CSAT English Reading Test. University of Illinois, Springfield, 2021. 24 p.

Korean SAT Exam 2022: CSAT Overview, Syllabus, and Difficulty. URL: <https://leapscholar.com/blog/korean-sat-exam-csat-overview-syllabus-difficulty-level/> (date of access: 21.04.2024).

National Center Test for University Admissions in Japan. URL: <https://www.japaneducation.info/tests/higher-education-tests/national-centre-test-for-university-admissions.html> (date of access: 21.04.2024).

National Level Tests. URL: <https://www.kice.re.kr/sub/info.do?m=0206&s=english> (date of access: 22.04.2024).

SAT Suite of Assessments. URL: <https://satsuite.collegeboard.org/sat/whats-on-the-test> (date of access: 15.04.2024).

**ОБУЧЕНИЕ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ
В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
РАБОТЕ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ ТЕКСТОМ
НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ)**

Аннотация. В свете значительного вклада китайского научного сообщества в глобальный технологический прогресс, особенно в научно-технологической области, обосновывается необходимость обучения комбинированному поисковому чтению на китайском языке будущих специалистов в области международного научно-технологического сотрудничества. Выводится алгоритм комбинированного поискового чтения китайского научного текста. Исследование носит пилотный характер и базируется на контент-анализе курса 汉语应用文写作 («Практическое письмо на китайском языке»), и рекомендаций авторам, опубликованных на сайте журнала 苏州科技大学学报 (自然科学版), а также на применении методов сравнительно-сопоставительного анализа. Выводы для составления алгоритма сделаны на основе кластерного анализа трех произвольно выбранных статей из архива журнала 苏州科技大学学报 (自然科学版).

Ключевые слова: научный текст, научная статья, умение чтения, поисковое чтение, просмотровое чтение, комбинированное поисковое чтение, китайский для специальных целей.

E. Kirianova

National Research Nuclear University MEPhI, Moscow

**TEACHING FUTURE SPECIALISTS IN THE FIELD
OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL COOPERATION TO WORK
WITH A SPECIAL CHINESE TEXT (SPECIFIED FOR SCIENTIFIC ARTICLES)**

Abstract. Considering the significant contribution of the Chinese scientific community to global technological progress, especially in the scientific and technological field, the study justifies the need to focus on teaching to read Chinese in combined scanning technique to future specialists in international scientific and technological cooperation. The goal of the research is to provide an algorithm for combined scanning of Chinese scientific text. The pilot study relies on a content analysis of the course 汉语应用文写作 and recommendations to authors published on the 苏州科技大学学报 (自然科学版) journal website, as well as employs comparative analysis.

Keywords: scientific text, scientific article, reading skills, scanning, skimming, combined scanning, Chinese for specific purposes.

Невозможно отрицать, насколько значительное влияние оказывает китайское научное сообщество на глобальный технологический прогресс. Во многих областях знаний именно Китай устанавливает тенденции развития и предлагает передовые решения проблем, лежащих в научно-технологической плоскости.

Согласно Scimago Journal & Country Rank на конец 2023 г. Китай занимал лидирующее положение по числу опубликованных научных статей. Более миллиона исследований китайских авторов были включены в

базу данных Scopus. Существенный вклад в эту статистику внесли исследования в области физики, астрономии, инженерного дела, компьютерных технологий, материаловедения и медицины. Однако нельзя не учитывать то обстоятельство, что статьи, опубликованные в Scopus, представляют лишь верхушку айсберга, и сложно даже предположить, какое количество статей публикуется в журналах на китайском языке, с которыми большая часть научного сообщества никогда не познакомится.

Для того чтобы развивать научный диалог с китайскими коллегами, совместно работать в передовых предметных областях и реализовывать крупные технологически емкие проекты, очевидно, необходимы высококвалифицированные специалисты с междисциплинарным образованием. Они должны иметь высокий уровень владения как английским, так и китайским языками, хорошо ориентироваться в профессиональном тезаурусе, в том числе в соответствующей технической терминологии, и разбираться в технологических процессах.

Как известно, любая современная образовательная программа, чтобы быть эффективной, должна базироваться на актуальных научных практиках и методологиях, поэтому перед разработкой программ для подготовки таких междисциплинарных специалистов необходимо определить ключевые позиции, обеспечивающие достижение поставленных целей. И обучение работе со специальным иноязычным текстом, очевидно, относится к числу таких приоритетов. С этой целью представляется важным изучить уже проведенные исследования в области обучения чтению научных текстов на китайском языке.

Анализ литературы показывает, что большинство входящих в круг наших интересов работ российских авторов посвящены техникам и особенностям перевода с китайского языка на русский. Это обуславливается тем, что в России к подготовке специалистов со знанием китайского языка долгое время подходили преимущественно с лингвистической точки зрения, обучая в основном переводчиков и востоковедов.

Даже в тех случаях, когда скорость передачи информации носит критический характер, акцент сделан на работе переводчика по подготовке аналитической записки на основе китайских источников, например: «...не всегда информация, отражающая полную картину на родном языке, доступна специалистам, что обуславливает необходимость в оперативном осуществлении качественного перевода информации аналитического характера в кратчайшие сроки» [Васильева, Рыжова, 2018, с. 297].

В этой связи представляется важным заметить, что при подобной постановке вопроса проблема сводится в основном к технической стороне дела – собственно переводу, а такой существенный момент разрешения обозначенного противоречия, как *отбор* актуальных (с точки зрения специалистов) источников для оперативного перевода, остается без внима-

ния. Для переводчика-лингвиста самостоятельный выбор статей, требующих перевода, представляет трудную задачу. В большинстве случаев переводчику приходится работать в тесной связи с техническим специалистом, однако высока вероятность, что ценные данные все-таки будут пропущены вследствие того, что один из них не владеет языком, а второй недостаточно технически подкован.

Этот важный момент не вызывает разногласий у специалистов, разделяющих точку зрения коллег: «По мнению М. А. Смоловой, процесс реферирования текстов на китайском языке следует рассматривать в междисциплинарном и межкультурном ракурсе» [Гультяева, 2022, с. 234]. Однако осознание проблемы – это еще не ее решение: необходимы соответствующие изменения в образовательной сфере, обеспечивающие выполнение социального заказа.

С учетом того, как в настоящее время меняется мир и баланс сил в нем, возникает потребность в специалистах более узкого профиля, способных эффективно использовать китайский язык для работы в технической области. Там, где раньше были задействованы технический специалист и переводчик, теперь для более глубокой, быстрой и качественной работы нужен один специалист междисциплинарного профиля, готовый нести ответственность за актуальность и качество подготовленного им продукта. В задачи такого специалиста не входит лингвистическая обработка текста – подготовка текста коррелята на родном языке. Он призван на основании развитых умений *просмотрового* (skimming) и / или *поискового* (scanning) чтения прежде всего отобрать актуальный по своему содержанию материал для его последующей – например, аналитической – обработки. Эти речевые умения предполагают сформированность образующих их языковых навыков.

Специалист в сфере международного научно-технологического сотрудничества решает широкий спектр задач, в рамках которых ему может понадобиться владение тем или иным видом чтения. В данном исследовании, которое носит пилотный характер, мы сосредоточились на базовых дискурсивных умениях, которые позволяют решать наиболее актуальные задачи специалиста рассматриваемого нами профиля: быстро и качественно обрабатывать большой по объему текстовый материал на китайском языке за счет *фокусной фиксации* в тексте научной статьи *точек обзора ее содержания* – с возможностью при необходимости *изменения (например, расширения) спектра обзора*. Такая обработка научной статьи предполагает две опции:

- умение выявить («увидеть») *потенциально значимую* информацию, оперативно осмыслить и оценить ее «научный вес» (в значительной мере связано с умениями просмотрового чтения);

- умение найти *конкретную* информацию, оперативно осмыслить и оценить ее «научный вес» (преимущественно связано с умениями поискового чтения).

Опыт подобной работы показывает, что перечисленные умения часто выступают как функциональное единство, что, на наш взгляд, в лингводидактических целях позволяет говорить о **комбинированном поисковом чтении** (что отражено в разработанном нами алгоритме работы с научной статьей).

Обучение такому чтению предполагает прежде всего осознание специфики научной статьи на китайском языке, что потребовало предметного исследования соответствующего дискурса.

Мировым научным сообществом на основе сравнительного анализа китайского и русскоязычного дискурсов были выявлены педагогически значимые особенности китайской научной статьи. Прежде всего сконцентрируем свое внимание на приведенных в литературе лексических и грамматических расхождениях и соответствующих навыках, обеспечивающих адекватность понимания содержания текста.

Лексические особенности:

- использование вэньяня [Васильева, 2018, с. 298];
- тяготение профессиональных терминов к четырехсложным словам [Шаталова, Исаева, 2016, с. 1512];
- наличие синонимических рядов (абсолютных синонимов, морфемной контракции) [Сенцов, Чубинец, Хоречко, 2015, с. 838];
- указание на этимологию слова, уточнение китайского термина посредством ввода английского перевода [Там же, с. 838];
- наличие иероглифов, однозначно относящих слово к тому или иному классу [Halliday, 2006, p. 323];
- субстантивация, т. е. тенденция к использованию существительного вместо глагола, и связанное с ней усложнение расширенного определения [Там же, p. 325];

- высокая вариативность лексической сочетаемости [Цзоу, 2021, с. 5].

Грамматические особенности:

- распространенность грамматических метафор [Halliday, 2006, p. 329];
- вынос топика (прямого дополнения) в начальную позицию в предложении [Шаталова, Исаева, 2016, с. 1512];
- широкое использование вводных и соединительных конструкций [Васильева, Рыжова, 2018, с. 299];
- частая необходимость использования грамматических трансформаций при переводе [Рукавишникова, 2023, с. 424].

Китайские исследователи также обращают внимание:

- на преобладание «пассивной стилистики» [Цзоу, 2021, с. 5];

- обязательность «однозначности и точности» для научного текста [Син, 2014];

- развернутость и сложность научного предложения [Син, 2014].

Не вызывает сомнения, что некоторые аспекты, выделенные как ключевые для китайских научных текстов, вполне применимы и в нашем случае. Например, полезным может оказаться анализ грамматических особенностей аннотаций китайских научных статей или конструкций, характерных для официального письма. Однако мы не обнаружили исследований, посвященных непосредственно развитию умений просмотрового или поискового чтения, что и определило следующий круг задач в рамках данной работы:

- 1) проанализировать структуру научной статьи, предлагаемую в курсе 汉语应用文写作, или «Практическое письмо на китайском языке», который был разработан Сямэньским университетом для подготовки преподавателей китайского языка;

- 2) проанализировать структуру научных работ, публикуемых в журнале Сучжоуского университета науки и технологий (естественные науки) 苏州科技大学学报——自然科学版;

- 3) на основании результатов анализа вывести алгоритм комбинированного поискового чтения китайского научного текста.

Методология и ход работы

Первый этап работы был осуществлен посредством контент-анализа курса 汉语应用文写作, основой для которого послужило пособие 《新编应用写作》[邹家梅, 2001].

Авторы выделяют в теле **статьи** три основные части: 绪论 (引言) введение, 本论 основную часть и 结论 заключение.

Введение кратко объясняет цель, значение и масштаб темы исследования. В этой части предлагается дать объективную характеристику темы, ее текущего состояния и уже обозначившихся тенденций развития (исходя из предыдущих исследований), а также указать теоретико-методологическую основу и методы описываемого автором исследования.

Для *основной части*, по мнению составителей курса, не существует единого стандарта написания. Форма представления, структурная и иерархическая организации должны быть выбраны в соответствии с содержанием исследования.

Заключение представляет собой краткое изложение всего текста. Как правило, здесь содержатся выводы, полученные в результате исследования, кроме того, могут предлагаться направления для дальнейшего развития исследований в данной области.

Две части – 简介 (аннотация) и 参考文献 (список литературы) указываются как *дополнительные части* работы.

Таким образом, как можно заметить, составные части китайской статьи схожи с общемировыми стандартами, на что в своих работах обращал внимание М. Холлидэй: «Такая структура (т. е. структура научной статьи, сформировавшаяся в западном обществе. – *Е. К.*) может быть применена в любом языке <...>, но хочу повторить вопрос, заданный в начале главы: был бы китайский научный язык другим, если бы современная наука возникла сначала в Китае?»⁹ [Halliday, 2006, p. 329].

Данный вопрос, хоть и риторический по своему характеру, несет дополнительный смысл и обуславливает постановку задачи, значимой в контексте научно-технологического сотрудничества Российской Федерации и КНР, а следовательно – и для подготовки соответствующих специалистов: изучение структурно-содержательных характеристик статей, опубликованных в китайских журналах, которые по тем или иным причинам не включены в мировые базы данных.

Второй этап исследования основывался на проведении контент-анализа «Рекомендаций авторам», которые приведены на сайте журнала *Сучжоу科技大学学报 (自然科学版)*. Кроме того, применялся метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Указанный академический журнал соответствует двум основным критериям: во-первых, он не включен в международные базы данных, что может повлиять на структурно-содержательные характеристики его публикаций, которые, скорее всего, написаны, исходя из китайской культурной традиции; во-вторых, на веб-портале данного журнала представлен доступ к архиву опубликованных статей, что обеспечивает возможность ознакомления с типичной структурой научных публикаций.

Согласно рекомендациям журнала, статья должна включать такие части, как:

- 1) шапка, состоящая из названия 题名, имени автора 作者姓名, аффилиации 工作单位;
- 2) аннотация на китайском языке (около 200 слов) 中文摘要;
- 3) ключевые слова (от 3 до 8) 关键词;
- 4) китайский классификационный библиотечный номер 中图分类号;
- 5) основной текст 正文;
- 6) список источников 参考文献;
- 7) название 英文题名, имя автора пинйinem 作者英文姓名, дословный перевод названия организации 单位译名, аннотация 英文摘要 и ключевые слова 英文关键词;
- 8) краткая информация об авторе: имя, год рождения, пол, гражданство, звание, ученая степень и направление научных исследований;

⁹ Перевод наш. – *Е. К.*

9) название и номер проекта фонда (если оказывалась поддержка).

Нас в этом перечне заинтересовал пункт, посвященный основному тексту статьи, поскольку эта часть наиболее информативна в плане научно-технологических результатов исследования. Из представленной структуры не очевидно, какова иерархия основной части статьи, поэтому третий этап исследования включал в себя анализ случайно выбранных статей из указанного журнала, а именно:

1) 非热等离子体催化还原柴油机NO_x研究进展 («Ход исследований по нетермическому плазменному каталитическому восстановлению NO_x в дизельных двигателях»);

2) 基于城市标度律模型的不同规模城市发展指标研究 («Исследование показателей развития городов разного размера на основе модели городского масштабирования»);

3) 基于低场核磁共振分析石膏中的水分含量 («Анализ содержания влаги в гипсе на основе низкополевого ядерного магнитного резонанса»).

Анализ был проведен с использованием метода экспертной оценки, позволившего нам изучить материал и обобщить результаты исследования.

Во-первых, во всех работах введение условно делится на две части: краткое описание проблемы и общее представление о цели написания статьи. Методология была приведена только в одной из трех статей. В двух статьях в разделе «Введение» был кратко сформулирован основной результат исследования.

Во-вторых, раздел «Выводы» включает в себя резюмирование основного достигнутого результата, а также того, что в западном научном сообществе обычно включается в раздел «Дискуссия». В одной работе 讨论 (дискуссия) объединила резюмирование результатов и возможные направления дальнейших исследований, а в части 结语 (заклучение) содержались рекомендации по практическому применению результатов исследования.

В-третьих, хотя основная часть статьи организована произвольно и напрямую зависит от заявленной темы, обнаруживаем следующие характеристики:

1. Построение абзаца: вначале представляется краткий тезис, который раскрывается в теле параграфа и иногда перефразируется в заключительном предложении.

2. Построение аргументации: если в русскоязычном научном сообществе к работам других ученых принято апеллировать преимущественно во введении, то китайские авторы приводят их и в основной части работы, при этом сквозное цитирование необязательно. Далеко не всегда уточняется, какой именно автор пришел к тем или иным выводам и на кого ссылается автор данной статьи.

3. Основное тело статьи имеет ярко выраженную архитектуру – пункты и подпункты, – что позволяет легко в ней ориентироваться.

Алгоритм комбинированного поискового чтения

Изучив структуру китайской научной статьи, а также опираясь на мнение других авторов о клишированности китайского языка [Рукавишникова, 2023, с. 424], мы, учитывая наработки в области реферирования китайских текстов [Смолова, 2017, с. 539; Гаврилова, 2019, с. 478], предлагаем следующую схему комбинированного поискового чтения (рис.).

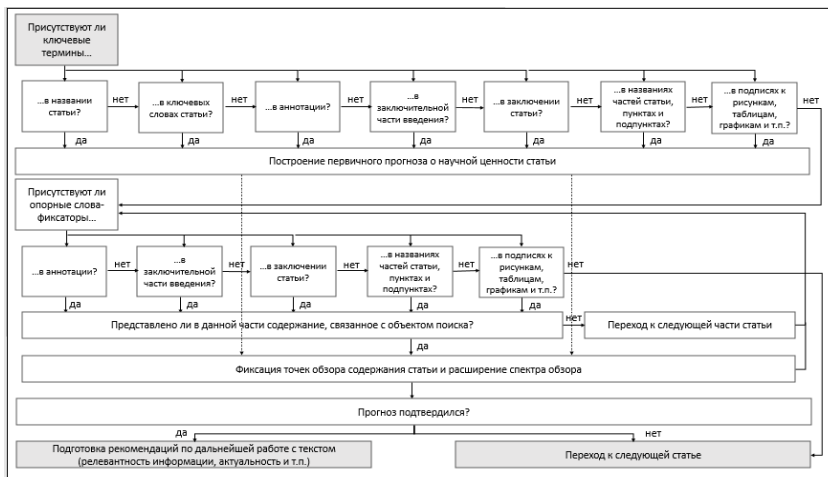

Рис. Алгоритм комбинированного поискового чтения китайской научной статьи

Первые шаги алгоритма подразумевают прежде всего ознакомление с названием статьи и ключевыми словами, что позволяет построить *прогноз* в отношении содержания статьи. Если результаты этого этапа оцениваются студентом положительно, то чтение продолжается в части аннотации, где задача читающего сводится к *уточнению/корректировке прогноза по опорным словам-фиксаторам*. Опорными словами в данном случае выступают общенаучные термины, такие как «исследование», «тестирование», «результаты», «методы». Подобные фокус-точки легко выделяются читающим из объемного текста. За счет оперативного расширения спектра обзора читающий может быстро оценить направленность исследования, найти конкретную информацию, оперативно осмыслить и оценить ее «научный вес».

Чтение может закончиться на этом этапе, а может продолжиться (в том числе в основной части статьи), если задача читающего – оценить масштабы исследования или, например, массив количественных данных.

В этом случае необходимо ознакомиться с названиями пунктов и подпунктов, выделенных автором, а также с подписями к таблицам, графикам, рисункам и другой наглядной информации. Важно, чтобы студенты, работая по предложенному алгоритму, получили достаточную практику анализа и оценки таких информативных частей статьи, как аннотация, последний абзац введения, заключение. Дополнительно могут быть изучены первые предложения каждого абзаца статьи, чтобы в дальнейшем, когда обучающийся приступит (в случае необходимости) к изучающему чтению (в соответствии с классификацией видов чтения, предложенного С. К. Фоломкиной [2005]), ему было легче ориентироваться в тексте.

Предлагаемый алгоритм обладает возможностью свертывания операций (шагов) за счет приближения по форме предъявления (при соответствующем визуальном представлении) к алгоритму множественного (параллельного) выбора по мере его интериоризации обучающимися, а также при отработке отдельных его звеньев, рассматриваемых в качестве приоритетных на определенном этапе освоения учебного материала.

Обсуждение

Данное исследование представляет собой первичное погружение в тему изучения научного дискурса на китайском языке и попытку выявления его общих структурных закономерностей с целью применения в педагогической практике. Исследование может быть расширено как за счет увеличения объема исходного материала (статей технологической направленности на китайском языке), так и за счет составления более полного перечня слов-фиксаторов, который поможет студентам быстрее ориентироваться в тексте.

В данном исследовании мы опускаем такой важный момент, как порядок восприятия китайского предложения, в связи с чем существует задача создания сборников упражнений для работы с типичными для китайского научного текста конструкциями, что впоследствии должно увеличить скорость чтения и повысить качество анализа.

Кроме того, необходимо подойти к вопросу ознакомления с китайским научным текстом с технической стороны и разработать алгоритмы работы с китайскими базами данных, более детальный анализ которых может обусловить необходимость внесения дополнений в представленный нами алгоритм комбинированного поискового чтения.

Библиографический список

Васильева А. О., Рыжова В. А. Проблема сохранения единства научного и публицистического стилей при переводе аналитических статей китайских СМИ // Межкультурный диалог в пространстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона : сб. науч. ст. по материалам II Междунар. студ. науч.-практ. заоч. конф. Хабаровск, 20 янв. 2018 г. Хабаровск : Тихоокеанский гос. ун-т, 2018. С. 296–305.

Гаврилова И. В. Использование различных видов чтения при обучении реферированию научных статей студентов-иностранцев многопрофильных вузов // Методика препода-

вания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации : сб. материалов IV Междунар. науч.-метод. онлайн-конф. Курск, 14 мая 2019 г. Курск, 2019. С. 475–480.

Гулятьева Г. С. Реферирование текстов как важный аспект обучения китайскому языку // Язык и культура в эпоху глобализации : сб. науч. ст. по итогам II Всерос. (нац.) науч. конф. с междунар. участием. Санкт-Петербург, 27–28 окт. 2022 г. СПб., 2022. С. 233–236.

Рукавишников О. И. Специфика перевода статей по экономической тематике с китайского на русский язык // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 4 (101). С. 423–425.

Сенцов А. Э., Чубинец А. А., Хоречко У. В. Лексические особенности научно-популярных статей на китайском языке (на примере сферы солнечных технологий) // Молодой ученый. 2015. № 6 (86). С. 837–839.

Син Ю. Стилиевые и грамматические особенности научного стиля в современном китайском языке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilevye-i-grammaticheskie-osobennosti-nauchnogo-stilya-v-sovremennom-kitayskom-yazyke> (дата обращения: 30.04.2024).

Смолова М. А. Обучение студентов учебному и учебно-научному реферированию на китайском языке // Россия – Китай: история и культура : сб. ст. и докл. участников X Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 1–31 янв. 2017 г. Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2017. С. 539–546.

Фоломкина С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе : учеб.-метод. пособие. М. : Высш. шк., 2005. 253 с.

Шаталова Е. Е., Исаева Е. В. Сравнительный анализ аннотаций на китайском и русском языках (на материале статей научной и технической тематики) // Молодой ученый. 2016. № 10 (114). С. 1510–1513.

Цзоу Ц. Стилистическая вариативность научно-технических текстов при переводе с китайского языка на русский : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. М., 2021. 22 с.

Halliday M. A. K. *Studies in Chinese Language: Volume 8*. London : A&C Black, 2006. 321–365 p.

Scimago Journal & Country Rank – Country Rankings. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?year=2023&order=it&ord=desc>. (дата обращения: 30.04.2024).

苏州科技大学学报——自然科学版. URL: <https://xbzr.usts.edu.cn/>. (дата обращения: 01.04.2024).

邹家梅. 新编应用写作(修订版). 广州: 暨南大学出版社, 2001. 256 页.

ОБУЧЕНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫМ СРЕДСТВАМ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Аннотация. Исследуется вопрос обучения студентов-бакалавров изобразительно-выразительным средствам китайского языка на материале художественной литературы – поэзии и прозы. Подчеркивается, что актуальность темы вызвана повышенным интересом изучающих китайский язык студентов-переводчиков к литературным произведениям на китайском языке. Рассматриваются стихотворения некоторых танских поэтов и проводится анализ стихотворений с точки зрения авторских средств выразительности, также приводятся примеры их употребления в рассказах китайских авторов. Предлагаются упражнения для усвоения и тренировки выразительных средств, изученных в рамках художественных произведений.

Ключевые слова: изобразительно-выразительные средства, художественная литература, эпитет, сравнение, методы обучения, упражнения.

P. Kobzhitskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

TEACHING THE MEANS OF ARTISTIC EXPRESSION OF THE CHINESE LANGUAGE USING POETRY AND PROSE

Abstract. This article is dedicated to the issue of teaching bachelor students the means of artistic expression in the Chinese language using the material of fiction – poetry and prose. The relevance of the topic is caused by the increased interest of student translators studying Chinese in literary works in Chinese. The article examines the poems of some Tang poets and analyzes the poems from the point of view of the author's means of expression, and also it provides examples of their use in the stories of Chinese authors. Exercises are offered for assimilation and training of the means of artistic expression studied in the framework of works of art.

Keywords: the means of artistic expression, fiction, epithet, comparison, teaching methods, exercises.

Знакомство студентов-бакалавров с функциональными стилями китайского языка и уяснение их лексико-грамматических особенностей в той или иной форме осуществляются непосредственно на занятиях по практическому курсу китайского языка. Однако изучение художественного стиля и используемых в нем выразительных средств зачастую не бывает охвачено в полной мере по причине недостатка времени, отведенного на их освоение. В соответствии с рабочей программой дисциплины стилистики общее количество часов для изучения функциональных стилей китайского языка не превышает 6 ч (4 ч – лекция, 4 ч – семинар). Этого явно недостаточно для подготовки бакалавров «к осуществлению профессиональной деятельности, основанной на знаниях стилистических средств и основных стилистических явлений китайского языка» [Рабочая ... , 2023]. В связи с этим перед преподавателем встает задача максимально эффективно использовать учебное время, чтобы ознакомить студентов с особенностями каждого из стилей, при этом удельный вес времени, отведенный на изучение художественного стиля, должен быть

больше по сравнению с другими стилями. Так как, во-первых, художественный стиль отличается использованием языковых средств всех других стилей. Ключевую роль в нем играют система образов и замысел автора, от которых зависит выбор языковых средств, выполняющих эстетическую функцию [Калинин, Радус, 2017, с. 315]. Во-вторых, в художественном произведении наиболее ярко проявляются богатство и разнообразие стилистических средств языка, как в области лексики, так и в области синтаксиса.

Литературно-художественное наследие Китая имеет длительную историю и, судя по письменным свидетельствам, насчитывает не менее 2700 лет. Особенно высока художественная ценность поэтических произведений, созданных в эпоху Тан. Расцвету поэзии в эпоху Тан и появлению новых тенденций в стихотворном творчестве способствовали такие факторы, как «расширение экономических и культурных контактов с другими странами, известная терпимость в религиозной и философской сферах, поощрение литературного творчества, вовлечение образованных людей через систему экзаменов в государственную деятельность» [Духовная..., 2008]. Помимо знания классических канонов на экзаменах также необходимо было продемонстрировать способности к стихосложению. Так, «для получения первой, низшей, степени сючай нужно было сочинить стихотворение-поэму в 60 слов, по пять-семь знаков в строке» [Васильев, 2001, с. 198].

Танскую поэзию отличает не только простота формы, но также и глубина философской мысли. Главной темой для поэтов по-прежнему оставалась природа, однако они внесли в нее свежие краски и новые взгляды. Смена времен года пробуждала в поэтах самые разные чувства, а желание поделиться ими вызывало к жизни стихи с различной степенью постижения глубинных состояний и перемен природы. По мнению Л. Эйдлина, сила лучших поэтов танской эпохи заключалась в неразрывной связи с народной жизнью, «чем сильнее оказывалась народная струя в творчестве поэта, тем ближе он был народу и тем больше его произведений сберегло благодарное потомство» [Цит. по: Kobzhitskaya, 2021, p. 28].

Поэты эпохи Тан прибегали к самым различным средствам выразительности: метафорам, сравнениям, гиперболам, эмфазам, антитезам и др. В танской поэзии большое распространение получил также эпитет. По мнению Т. Б. Маклаковой, «эпитет не сообщает новой информации, но выделяет такой признак, который раскрывает сущность объекта или явления. С помощью эпитета создается более полная, яркая, эмоциональная картина изображаемого явления» [Маклакова, 2012, с. 20]. Рассмотрим примеры использования данного выразительного средства в стихотворениях, посвященных временам года.

Гао Пянь в стихотворении «对雪» «Идет снег» использует эпитет «шестилучные снежинки»: 六出飞花入户时 *Когда шестилучные снежинки залетают во двор.*

В стихотворении «冬狩» «Зимняя охота» Ли Шиминь использует повторяющиеся эпитеты: 烈烈寒风起 *величественно дует холодный ветер*, 惨惨飞云浮 *скорбно плывут облака.*

Поэт Бо Цзюйи в стихотворении «负冬日» «Задолжав зиме» для характеристики ослепительного зимнего солнца также использует повторяющийся эпитет: 杲杲冬日出 *ярко встает зимнее солнце.*

«В стихотворении “冬夕” “Канун зимы” Цзнь Шэнь использует эпитет 霜风 “студеный ветер”: 浩汗霜风刮天地 *над бескрайними просторами дует студеный ветер*» [Kobzhitskaya, 2021, p. 29].

У поэта Люй Вэня в стихотворении «冬夜即事» «Зимней ночью» находим сразу два выразительных средства – эпитет и сравнение в одной стихотворной строке: 冰文如镜破 *морозные узоры, словно разбитое зеркало.*

Пейзажную лирику поэта Ли Бо отличает то, что природу он воспринимает как задушевного друга, которому он поверяет свои сокровенные мысли. «Красочность и приподнятость его стихов сочеталась с искусным проникновением в тончайшие оттенки человеческих настроений» [Духовная ..., 2008]. Его стихотворение «紫藤树» «Лиловая глициния» насыщено такими эпитетами, как: 阳春 *теплая весна*, 密叶 *пышная крона*, 歌鸟 *поющие птицы*, 云木 *дерево, достигшее небес*, 香风 *ароматный ветерок.*

Приведем примеры эпитетов из стихотворения поэта и живописца Ван Вэя «积雨辋川» «Река Ванчуань во время затяжного дождя»: 积雨 *затяжной дождь*, 漠漠水田 *бескрайние заливные поля*, 阴阴夏木 *тенистое летнее дерево*, 露葵 *распустившийся подсолнух* [Ibid, p. 29].

Бо Цзюйи при описании предрассветного часа использует эпитеты 早蛩 *сверчок предрассветный* и 残灯 *угасающая свеча.*

Гао Пянь в стихотворении «山亭夏日» «Летний день в горном павильоне» использует эпитет 微风 *слабый ветерок:*

水晶簾動微风起 *Хрустальная занавеска колеблется от слабого ветерка.*

Осень в китайских стихах предстает унылой и безрадостной порой. Для передачи осенней поры поэт Ду Фу использует эпитеты: 悲残月 *печальная, поблекшая луна*, 玉露 *яшмовая роса*, 萧森 *хмурый лес*. Схожие чувства вызывает осень у поэта Су Тина в стихотворении «汾上惊秋» «Страшусь осени у реки Фэнь». Автор использует такие эпитеты, как 北风 *северный ветер*, 白云 *белые облака*, 秋声 *осенние печальные звуки:*

北风吹白云, *Северный ветер мчит белые облака,*
萬里渡河汾。 *Ширью бескрайней сделалась Фэнь-река.*
心緒逢搖落, *Сердце мне ранит никнущей жизни вид,*

秋声 不可闻。 *Осени голос мукой во мне звучит* [Китайская ... , 2024].

Одновременное использование метафоры и эпитета в стихотворении поэта Сюэ Ина «Осенний день на озере» создает атмосферу уныния:

烟波处处愁 *туманная водная гладь вся полна тоски и печали.*

Далее перейдем к упражнениям, закрепляющим пройденный теоретический материал и способствующим надлежащему усвоению полученной учебной информации. Одним из принципов, используемых в процессе обучения иностранным языкам, является принцип доступности и посильности. Необходимо учитывать его при обучении изобразительно-выразительным средствам, так как материал художественного текста отличается повышенной сложностью и требует продуманной методики.

На наш взгляд, наиболее приемлемым представляется упражнение на выявление стилистических средств, использованных автором в определенном произведении. Укажем некоторые из них:

1. Выделите стилистические средства в стихотворении Бо Цзуйи «花非花» «И цветы – не цветы...»:

花非花, 雾非雾, (1)

夜半来, 天明去。 (2)

来如春梦几多时, (3)

去似朝云无觅处。 (4)

Перечислим по порядку использованные автором выразительные средства. В строке (1) – парное построение; в строке (2) – антитеза; в строках (3) и (4) – явное сравнение. Прием сравнения, использованный в поэтическом произведении, как правило, отличается лаконичностью и сжатостью. Наиболее часто встречающиеся компаративные союзы – это 似 и 如.

После перечисления обучающемуся предлагается дать характеристику каждому из выразительных средств.

2. Выделите стилистические средства в стихотворении Ли Бо «白发三千丈» «В три тысячи чжанов – моя седина...»:

白发三千丈, (1)

缘愁似个长。 (2)

不知明镜里, (3)

何处得秋霜。(4)

Перечислим по порядку использованные автором выразительные средства. В строке (1) – гипербола; в строке (2) – сравнение; в строке (4) – перифраз.

Такой троп, как перифраз, примыкает к скрытому сравнению и выступает образным синонимом к слову с нейтральной стилистической окраской. Автор использовал перифраз 秋霜 «осенний иней», имеющий образное значение «седина». Таким образом, переносно-иносказательное значение седины передается с помощью перифраза «осенний иней». В китайском языке также есть поэтическое образное выражение, образованное с лексемой 秋 «осень» 秋波 (досл. осенние волны, обр. в знач. «прелестные глаза женщины»).

3. В стихотворении Ду Фу «百忧集行» «Сто печалей» укажите гиперболу и метафору:

忆年十五心尚孩，健如黄犊走复来。

庭前八月梨枣熟，一日上树能千回。

即今倏忽已五十，坐卧只多少行立。

强将笑语供主人，悲见生涯百忧集。

入门依旧四壁空，老妻睹我颜色同。

痴儿未知父子礼，叫怒索饭啼门东。

В отличие от поэзии в художественной прозе употребляются полно-объемные и развернутые выразительные средства. Наиболее частым приемом выступает явное сравнение. В рассказе Лю Сюэлиня «品茶» «Дегустация чая» автор использует следующие сравнительные структуры. Например, 象听老师讲写作辅导课一样全神贯注 *сосредоточиться так, будто присутствуешь на консультации преподавателя по написанию сочинения*, 象揷动机器的开关 словно нажали на переключатель механизма, 好象恋人第一次约会归来 словно влюбленный, впервые вернувшийся со свидания и др. Как известно, сравнения употребляются для художественного описания одного явления с помощью другого для придания наглядности и красочности.

В рассказе тибетского писателя А Лая «永远的嘎洛» «Вечный Гэло» находим самобытные сравнения, отражающие индивидуальный стиль автора. Например, 他的躯体往他亲手开垦的土地中沉落, 像是往水里沉落一样。 *Тело Гэло с раскинутыми в стороны руками утонуло в земле, как в воде*; 像一匹牲口一样忍辱负重 *как скот, выносила любые унижения*; 心境像那蓊郁的大峡谷, 一下变得迷迷茫茫, 深不可测。 *Его душевное состояние было подобно утопающему в зелени ущелью, такому*

же безбрежному, туманному и непостижимому; 像野蜂群一样嗡然响起 как пчелы, загудели голоса стариков.

Переходя к рассмотрению методов обучения изобразительно-выразительным средствам на материале китайской прозы, отметим большее разнообразие и широкое ранжирование сложности заданий в отличие от материала поэзии. В художественной прозе представлены все типы предложений – простые и сложные, полные и неполные. Большую роль в раскрытии авторского замысла играет речевая характеристика персонажей. Их речь насыщена диалектизмами, разговорными фразеологизмами, междометиями и звукоподражаниями. Например, 打开话匣子 *dǎkāi huāxiǎzǐ* (досл. завести граммофон, обр. в знач. болтать без умолку); 不老少 *bùlǎoshǎo* *видимо-невидимо* (диалектизм); 嘿 *hēi* эх, ах, 哎 *āi* ой, ах (междометия); 格吱格吱 *gézīgézī* *скрип* (звукоподражание). Все эти перечисленные особенности нужно учитывать при составлении упражнений, способствующих «лучшему закреплению лексико-грамматического материала и являющихся эффективным средством контроля умений и навыков» [Бредихина, 2018, с. 84]. Укажем некоторые из них:

1. Опираясь на содержание текста, сопоставьте слова в колонках и восстановите глагольно-объектные словосочетания:

泡	客人
招呼	茶
扛	一包粮食

2. Заполните пропуски одним из указанных слов:

- 现在扛包的也没有了，都—了传送带。（成/改）
- 见部长问自己，便又放慢速度喝了一—。（嘴/口）
- 二弟早已结婚，二弟媳在乡技术推广站—。（工作/劳动）

3. Замените подчеркнутые слова словами с эмоционально-оценочным значением:

- 看来青年人是太嫩了。（разг. *парень, малый*）
- 上高中的小妹坦白地宣布她不参加。（уничиж. *открыто, дерзко*）
- 他妻子早上在马路上扫街，挺好看的。（разг. *жена*）

4. Составьте 10 предложений с конструкцией «象。。。一样»

Подводя итог вышесказанному, отметим, что обучение изобразительно-выразительным средствам китайского языка на материале художественной литературы представляет собой сложный и одновременно увлекательный процесс, а также имеет важное практическое значение –

погружение в культуру и историю Китая. Безусловно, выполнимость упражнений и посильность обучения гарантируются самим материалом, а также умением преподавателя, заключающимся в организации данного материала и в методике работы с ним на практическом занятии.

Библиографический список

- Бредихина И. А. Методика преподавания иностранных языков : Обучение основным видам речевой деятельности : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 104 с.
- Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. М., 2001. 488 с.
- Духовная культура Китая : энциклопедия. В 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко. М. : Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока, 2008. 856 с.
- Калинин О. И., Радус Л. А. Курс лекций по стилистике китайского языка : учеб. пособие. М. : ВКН, 2017. 334 с.
- Китайская классическая поэзия. URL: <https://chinavsem.ucoz.ru/forum/16-110-2> (дата обращения: 03.05.2024)
- Маклакова Т. Б. Выразительные средства языка : метод. указания : в 2 ч. Ч. 1: Тропы. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2012. 50 с.
- Рабочая программа дисциплины (модуля) Б1.О.15.02. Стилистика. Направление подготовки : 45.03.02. Лингвистика. Уровень высшего образования : бакалавриат : ФГБОУ ВО «ИГУ» от 21.02.2023. Иркутск, 2023. URL: https://files.isu.ru/filearchive/edu_files/B1.O.15.02.Stilistika_4216.pdf (дата обращения: 09.05.2024)
- Kobzhitskaya O. The role of epithets in the embodiment of seasons depictions in poetry // Österreichisches Multiscience Journal. 2021. Vol. 2, N 36. P. 27–30.

УДК 811.521'373.2

А. Е. Котовская

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ЯПОНСКИХ СКАЗКАХ НА ЗАНЯТИЯХ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА СО СТУДЕНТАМИ СРЕДНИХ КУРСОВ

Аннотация. Рассматривается вопрос обучения ономатопоэтическим выражениям японского языка студентов, изучающих японский язык (уровень владения языком не ниже уровня n4 «Нихонго Норёку Сикэн»). На примере сказки показано, как может быть проведена работа по изучению ономатопоэтических слов на основе сказок на занятиях по японскому языку. Ключевым моментом является разработка примерного комплекса упражнений, способствующих формированию лексических навыков.

Ключевые слова: японский язык, ономатопея, ономатопоэтические слова, ономатопоэтическая лексика, японская сказка, методика преподавания.

A. Kotovskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

ONOMATOPOETIC EXPRESSIONS OF JAPANESE FAIRY TALES IN THE JAPANESE LANGUAGE PRE-INTERMEDIATE CLASSES

Abstract. This article deals with the issue of teaching onomatopoeic expressions of the Japanese language to Japanese language learners (at least n4 of Japanese Language Proficiency Test). The example of a fairy tale is used to show how onomatopoeic words based on fairy tales can be taught in Japanese language classes. The key point is the development of an exemplary set of exercises that contribute to the formation of lexical skills.

Keywords: the Japanese language, onomatopoeia, onomatopoeic words, onomatopoeic vocabulary, Japanese fairy tale, teaching practices.

Одним из самых богатых по количеству онomatопoэтической лексики по праву считается японский язык. Онomatопoэтическая лексика – это лексика, которая служит для имитации звуков окружающей действительности. Подобные звукоcимволические слова существуют во всех языках мира. Однако в японском языке подобный класс слов занимает особое место.

Онomatопeя как лингвистическое явление довольно хорошо изучена как японскими, так и отечественными исследователями. Однако проблема преподавания данного класса слов студентам, изучающим японский язык, все еще остается актуальной.

При обучении онomatопoэтической лексике японского языка преподаватель зачастую сталкивается с рядом проблем. В частности, с отсутствием методических рекомендаций на русском языке и разработанного комплекса упражнений для включения в процесс преподавания онomatопeи. Кроме того, тема онomatопeи зачастую не рассматривается в учебниках базового уровня японского языка либо дается весьма поверхностно, в то время как студенты продвинутого уровня зачастую сталкиваются с онomatопoэтической лексикой в аутентичных материалах [三上 京子, 2003, 193ページ].

Японская онomatопeя широко используется вне зависимости от возраста и в неформальной, и в формальной речи; ее можно увидеть в различных сферах: от рекламы, художественных произведений, аниме до новостей, научных статей [渡邊 裕子, 1997, 29ページ]. Это значит, что понимание и правильное использование онomatопeи – необходимый навык для качественной коммуникации с носителями японского языка.

Японские лингвисты считают, что обучение онomatопeе необходимо строить с опорой на список базовых наиболее частоупотребимых слов. Так, многие исследователи языка уделяли внимание проблеме выделения основной онomatопeи, необходимой для включения в процесс образования. Так, лингвист Сисими Маюка на основе нескольких корпусов и словарей предложила свой список из 252 основных онomatопoэтических единиц, которые расположены в порядке частотности употребления [獅々 見 真由香, 2016, 79ページ].

Отечественные исследователи также рассматривали вопросы обучения онomatопeе. Так, Н. Г. Румак обращает внимание на необходимость обучения студентов переводу онomatопoэтической лексики и различным подходам в выборе стратегии перевода. В своих работах автор говорит, что все изучающие японский язык в какой-то степени являются переводчиками, а первая задача переводчика – это выбор лексических эквивалентов. Румак советует при обратном переводе с русского на японский да-

вать студентам на заучивание распространенные сочетания онomatопозитических единиц с глаголами. Обращается внимание также на недостаток упражнений по переводу с русского на японский и выбору подходящей онomatопеи в каждой конкретной ситуации [Румак, 2005].

Большинство исследователей считает, что использование картинок и видеоматериалов на уроке позитивно влияет на усвоение онomatопозитической лексики студентами [マリナー バハー ハビーズ, 2018, 12ページ].

Сказка как прием обучения иностранным языкам отвечает данному параметру, поскольку литература со сказками сопровождается красочными картинками, а также в открытых источниках существует достаточно большое количество видео по сказкам разного уровня сложности. Кроме того, сказка отражает общечеловеческие ценности, в ней также явно прослеживаются духовно-нравственные принципы народа изучаемого языка, его традиции, особенности национального быта.

Главными достоинствами сказки являются ее интенсивность, эффективность, сила впечатления и эмоционального воздействия на учащихся [Павлюкевич, 2014, с. 161].

В связи с этим мы можем сделать вывод о том, что сказка обладает большим педагогическим потенциалом.

Поскольку целью нашего урока было научить учащихся понимать содержимое текста с использованием онomatопеи и использовать ее в речи и главным критерием выбора сказки была ее насыщенность данным видом лексических единиц, то для проведения урока была выбрана японская народная сказка 「さるかに合戦」 «Обезьяна и краб» в публикации 日本昔話アニメ絵本シリーズ 2 さるかにばなし 東京: 永岡書店, 1997. Существует множество вариантов одного и того же фольклорного произведения, поэтому есть возможность адаптировать занятие для студентов разных уровней, выбирая соответствующую степень сложности.

Далее будут представлены алгоритм проведения занятия по приведенной сказке и комплекс упражнений, способствующий формированию необходимых языковых компетенций, связанных с употреблением онomatопеи.

Поскольку предполагается, что студенты уже ознакомлены с теоретическим обоснованием для усвоения онomatопозитических слов в курсе лекций по лексикологии японского языка на начальных курсах обучения в вузе, нет необходимости выделять дополнительное время теоретическим аспектам онomatопеи на практических занятиях.

Занятие было условно разделено на два этапа: ознакомительный и практический.

Во время ознакомительного этапа студентам предлагается прочитать сказку с заранее удаленными из текста ономатопэтическими выражениями и совместно с преподавателем разобрать непонятные грамматические и лексические единицы. Учащимся выдается список используемых в данной сказке ономатопей и, поскольку способность предсказывать значение может пригодиться в повседневной жизни, так как в ономатопее постоянно возникают новые выражения [清水 祐一郎, 2016, 45ページ], предлагается догадаться, что они означают, либо вспомнить их значение и заполнить пропуски ономатопэтическими выражениями, после чего свериться с оригиналом.

Необходимо обратить внимание на основные правила употребления ономатопеи о том, с чем может и не может употребляться выражение, требует ли после себя служебную частицу と или нет [三上 京子, 2003, 194ページ]. Далее студентам предоставляется раздаточный материал с картинками сюжетной линии, иллюстрирующими ономатопею, использованную в ситуациях, и предлагается разложить карточки, выданные в начале занятия, в порядке сюжета повествования. Подобранный иллюстративный материал способствует формированию ассоциативного ряда с ономатопэтическим выражением.

В качестве игрового компонента предлагается следующее упражнение: преподаватель называет действие с ономатопеей, студентам необходимо поднять картинку с подходящей сценой из сказки. После повторения всех используемых в сказке ономатопей можно провести игру в обратном порядке: студентам демонстрируются картинки с сюжетом, от студентов требуется озвучить подходящую ономатопею. Также в качестве игрового компонента можно провести игру типа «крокодил», когда преподаватель либо студент изображает действие/состояние, а зрители угадывают, какое ономатопэтическое слово или высказывание изображается.

В завершение ознакомительного этапа учащимся предлагается сравнить текст с использованием ономатопеи с текстом, в котором ономатопея была убрана.

Далее будет представлен комплекс примеров упражнений на отработку ономатопэтической лексики для практического этапа занятия.

Упражнения на сопоставление и прогнозирование

- Предложение слов, которые могут сочетаться с заданными глаголами, существительными, прилагательными.

Например: соедините ономатопэтические единицы с глаголами, с которыми они могут употребляться.

1) ばったり	a) 伸びる
2) チョキン(と)	b) 変わる

3) ぐんぐん	в) 会う
4) 次々(と)	г) 転がる
5) どっさり	д) 実る
6) するする	е) 落ちる
7) ころころ	ж) 切る
8) ドシーン(と)	з) 登る

- Выбор подходящего варианта из нескольких.

Например: выберите подходящий по смыслу вариант.

かには帰る途中、さるに_____会いました。

- 1) ばったり 2) ぐんぐん 3) どっさり 4) ころころ

- Заполнение пропусков в тексте предложенными словами.

Например: заполните пропуски подходящей по смыслу ономатопеей.

さるが囲炉裏の火を起こすと、熱くなった栗が_____！慌てて水を汲もうとすると、はちが目の上を_____！さるは敷居に寝ていた昆布に足を滑らせて_____。そこへ屋根の上からうすが_____落ちてしまいました。

- 1) ドシーン(と) 2) すってん 3) パチン 4) チクリ

- Сопоставление слова с его переводом на русский язык.

Например: соедините выражение с его переводом из контекста.

1) ばったり会う	а) быстро
2) チョキンと切る	б) столкнуться
3) ぐんぐん伸びる	в) с грохотом
4) ドシーンと落ちる	г) резко
5) どっさり実る	д) покатываясь
6) ころころ転がる	е) обильно

Упражнения на распространение предложений

- Распространение предложения с употреблением новой ономатопеи.

Например: распространите предложения, используя слова в скобках.

- 1) 柿の花は青い実に変わりました。(つぎつぎと)
- 2) 木にはおいしそうな柿の実が実っています。(どっさり)
- 3) さるは木に登って、おいしそうな実を食べました。(むしゃむしゃ)
- 4) 山道を栗が転がっています。(ころころ)

Упражнения на развитие навыка подбора эквивалентов

- Подбор эквивалента на русском языке.

Например: переведите предложения, обращая внимание на значение выделенного выражения.

1) 早く目を出せ、柿の種。出さなきゃ、はさみでチョキント切るぞ。

2) 小川のそばで大きなおにぎりを見つけたかにはにこにこ笑いしました。

3) さるが囲炉裏の火を起こすと、熱くなった栗がパチン！

В качестве самостоятельной работы для закрепления полученных знаний студентам рекомендуется посмотреть видео (https://www.youtube.com/watch?v=E-vDzieyu_g) с одноименной сказкой, выписать оноματοпеи, которые отсутствовали в тексте, проанализировав способ употребления, и составить авторскую сказку с использованием изученных оноματοпоэтических единиц.

Таким образом, использование сказки на занятиях японским языком благодаря наполненности, наглядности дает выражениям нужный контекст и облегчает усвоение лексики, а представленные виды упражнений разного характера направлены на формирование языковой компетенции учащихся в области оноματοпоэтической лексики.

Библиографический список

Павлюкевич Л. В. Сказка как нетрадиционный прием обучения на уроке иностранного языка при знакомстве с пословицами и поговорками // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2014. № 10. С. 160–164.

Румак Н. Г. Лексические проблемы перевода на примере японской оноματοпеи // Актуальные проблемы преподавания научно-практического перевода в вузе : материалы межвузовской науч.-практ. конф. Москва, 19 мая 2005 г. М., 2005. С. 328–338.

渡邊 裕子. 日本語教育におけるオノマトペの扱いについての一考察//学校教育学研究:. 1997. № 9. 23 – 31ページ.

三上 京子. 上級教材に見られるオノマトペ統語的特徴の分析と指導の観点//早稲田大学日本語教育研究:. 2003. № 2. 193 – 209ページ.

清水 祐一郎, 土斐崎 龍一, 坂本 真樹. オノマトペごとの微細な印象を推定するシステム//人工知能学会論文誌. 2014. T. 29. № 1. 41 – 52ページ.

獅々見 真由香. 日本語の会話におけるオノマトペの基本語彙選定//滋賀大学日本語研究:. 2016. № 165. 79ページ.

マリーナ バハー ハッピーズ. 感覚に着目したオノマトペの学習活動ー日常生活のリソースを用いて//日本語文化研究会論集. 2018. № 14. 1 – 27ページ.

日本昔話アニメ絵本シリーズ 2 さるかにばなし. 東京: 永岡書店, 1997.

さるかに合戦 (日本の昔話 / 動く絵本) .
URL: https://www.youtube.com/watch?v=E-vDzieyu_g (дата обращения: 09.05.2024).

О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Иркутск

П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

К. А. Карапетян

Иркутский государственный университет, Иркутск

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ИЗ КНР НА ПРИМЕРЕ ВУЗОВ ИРКУТСКА¹⁰

Аннотация. Исследуются проблемы социокультурной адаптации иностранных студентов из КНР к условиям жизни и обучения в Иркутске. Выявляются основные препятствия на пути к адаптации китайцев путем использования в практической части работы методов анкетирования и наблюдения. Предлагаются рекомендации с возможными путями облегчения привыкания к жизни в новой среде.

Ключевые слова: адаптация, социокультурная адаптация, иностранный студент, высшее образование, межкультурная коммуникация.

O. Kuznetsova

Irkutsk State University,
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – branch
of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk

P. Deryugin,

St. Petersburg State University,
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – branch of the Federal Research Institute of
the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

K. Karapetyan

Irkutsk State University, Irkutsk

SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF INTERNATIONAL STUDENTS FROM CHINA ON THE EXAMPLE OF UNIVERSITIES IN IRKUTSK

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of sociocultural adaptation of foreign students from China to the living and learning conditions Irkutsk. The purpose of the article is to identify the main obstacles to the adaptation of the Chinese by using survey and observation methods in the practical part of the work. As a result, recommendations were proposed with possible ways to facilitate getting used to life in a new environment.

Keywords: adaptation, sociocultural adaptation, foreign student, higher education, intercultural communication.

В настоящее время международные контакты в сфере образования непрерывно увеличиваются и получают развитие: в вузах Российской Федерации обучается большое количество иностранных студентов по различным программам обмена, в основном они проходят обучение в государственных вузах. Большинство иностранных студентов – выходцы

¹⁰ При финансовой поддержке гранта РНФ № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности».

из стран СНГ (Туркменистан, Азербайджан, Грузия), Африки (Нигерия, Марокко, Гана), Ближнего Востока (Ирак, Иордания, Турция) и Азии (Индия, Китай, Вьетнам).

Например, в 2022/23 учебном году, согласно данным Министерства образования и науки РФ, в российских высших учебных заведениях обучался 37 081 студент из Китая, в это число включены обучающиеся в зарубежных филиалах российских вузов и совместных образовательных организациях с КНР [Ведомости, 2023]. В 2021 г., для сравнения, в России училось 35 352 китайских студента. Согласно информации министерства, наиболее популярными среди приезжающих студентов университетами являются МГУ им. М. В. Ломоносова, СПбПУ Петра Великого, РГПУ им. А. И. Герцена, УрФУ им. Б. Н. Ельцина, СПбГУ, КФУ и др. [Кузнецова, 2023]. Однако Сибирь и Дальний Восток России становятся все более популярными направлениями для китайских студентов. Это объясняется высоким качеством образования в этих регионах, географической близостью к Китаю, доступностью финансовых программ и привлекательным культурным опытом. Помимо этого, региональные университеты предлагают различные программы стипендий, грантов и льгот для иностранных студентов из Китая.

Тем не менее переход из одной культуры в другую и адаптация к жизни в принимающей стране – сложная задача, влияющая на психическое здоровье индивидов. Это особенно актуально для иностранных студентов, которые не только переходят из школы в вуз, но и попадают в совершенно новую образовательную систему. Безусловно, проблема адаптации носит ярко выраженный междисциплинарный характер, ведь данный феномен затрагивает такие сферы жизнедеятельности человека, как педагогическая, психологическая, социальная, культурная, языковая и др.

Актуальность изучения проблем адаптации иностранных студентов определяется тем фактом, что понимание трудностей, с которыми они сталкиваются в новой стране, внесет вклад в расширение наших знаний о процессе адаптации и межкультурной коммуникации. Так как Китай является одним из крупнейших поставщиков студентов в вузы Российской Федерации, понимание адаптационных проблем студентов из КНР поможет улучшить общую ситуацию в образовательных учреждениях и облегчить как процесс обучения, так и процесс преподавания.

Анализ социокультурной адаптации китайских студентов помогает понять, какие условия и факторы способствуют их успешной интеграции в российское общество, а также выявить возможные препятствия, с которыми они сталкиваются; это также актуально для разработки эффективных стратегий и программ поддержки образовательных мигрантов, что, в свою очередь, будет способствовать улучшению качества образования и повышению конкурентоспособности российских вузов на международном уровне.

Объектом настоящей работы является адаптация иностранных студентов из КНР в государственных вузах Иркутска, предметом – проблемы социально-психологической адаптации иностранных студентов в вузах Иркутска.

В рамках анализа была поставлена задача выявить показатели трудностей социокультурной адаптации путем проведения эксперимента в виде тестирования – опроса информантов.

Адаптация многогранна в своих аспектах, начиная с биологической и заканчивая культурной во всех ее проявлениях. Помимо этого существуют несколько близких по значению к адаптации терминов, таких как «приспособление», «аккультурация» и «ассимиляция», которые похожи друг на друга и иногда используются как взаимозаменяемые. Все эти термины описывают изменения, происходящие при контакте индивидов или групп с другой культурой [Hannigan, 1990]. Проанализировав предыдущие определения нескольких исследователей, Т. Ханниган резюмировал, что адаптация может быть концептуализирована как психологический процесс достижения гармонии между личностью и окружающей средой. Кроме того, он предположил, что адаптация включает в себя когнитивные, поведенческие и психологические изменения в человеке, который живет в новой или чужой культуре. Эти изменения приводят к тому, что индивид переходит от отвержения к ощущению себя как дома в новой среде.

В настоящем исследовании используется модель Серла и Уорда [Searle, Ward, 1990], данные авторы предлагают выделять два аспекта адаптации: социокультурный и психологический. Именно первый аспект представляет для нас наибольший интерес, согласно ему, процессы адаптации включают в себя приспособление к новой культуре, посредством которого адаптируемые способны достаточно эффективно взаимодействовать в условиях повседневности.

Для исследования выбран метод эксперимента в виде тестирования, что является наиболее предпочтительным для изучения процесса адаптации иностранных студентов. Выбор метода продиктован его универсальностью; анкетирование позволяет собрать большой объем данных за короткий период.

Респондентам предлагалось заполнить онлайн-анкету в виде гугл-формы, включающую 32 вопроса, объединенных в смысловые группы. Сперва требовалось выявить основные социальные показатели исследуемой группы: пол, возраст, курс обучения, провинции КНР, из которых они прибыли, вуз, в котором обучаются в России. Участниками пилотажного опроса являлись иностранные студенты из КНР, обучающиеся в российских вузах, главным образом – в Иркутском государственном университете и Иркутском национальном исследовательском техническом

университете. Путем удобной выборки отобраны студенты-китайцы различных факультетов в количестве 117 человек (71 мужчина, 46 женщин). Возрастной диапазон большинства опрошенных находится в пределах 18–23 лет, что ожидаемо для изучаемой социальной группы. В анкетировании участвовали студенты всех курсов, в том числе китайцы, обучающиеся на подготовительных курсах. Большинство студентов (около 80 %) получают образование на факультетах общественных и гуманитарных наук.

Следующая группа вопросов связана с причиной выбора России для обучения и впечатлениями о стране. Получение образования в Российской Федерации у большинства опрошенных продиктовано верой в то, что здесь можно получить качественное образование, и интересом к стране. Переезд в Россию также был мотивирован советами от семьи и знакомых, которые уже обучались в нашей стране. Иностранные студенты также делились, что много слышали о России до прибытия, главным образом о климате и русской кухне.

Далее блок, затрагивающий вопросы адаптации в различных ее проявлениях: что кажется сложным в жизни и учебе в России, к кому студенты обращаются за помощью, процесс установления вертикальных коммуникативных связей, бытовая адаптация, трудности жизни в России. Студенты называют первый год обучения самым трудным в плане адаптации и стресса, что отвечает описанным в науке этапам кросс-культурной адаптации, включающей как первоначальную эйфорию от переезда, так и дальнейшее разочарование и культурный шок. Чуть больше половины студентов считают, что довольно быстро адаптировались к жизни в России.

Заключительный блок рассматривает перспективы жизни в России и самостоятельную оценку адаптированности к жизни в стране. Так, более 60 % студентов уверены, что вернутся домой по окончании обучения.

В ходе анализа результатов были выделены показатели трудностей социокультурной адаптации (неэффективной коммуникации с местными, неподходящих пищи и диеты, климатических условий, а также проблем с транспортом) (рис.).

Рис. Основные показатели проблем социокультурной адаптации

Требуется отметить, что проблема недостатка коммуникативных навыков не отмечена самими опрошенными, на вопрос «Поддерживаете ли Вы отношения с россиянами?» 50 % опрошенных ответило, что имеет много знакомых и друзей среди местных. Тем не менее в случае столкновения с проблемами студенты обращаются за помощью к знакомым китайцам и одноклассникам или кураторам. Причиной видится сильная неуверенность в языковых способностях, причем как у новоприбывших студентов, так и у тех, кто обучается в России не первый год. И хотя сами китайцы не выделяют минимальное количество контактов с местными как проблему, желая держать их на определенном расстоянии, процесс адаптации и интеграции не может считаться успешным без создания и укрепления сети из контактов в принимающей культуре.

Что касается удовлетворенности жизнью в России, преобладающий процент опрошенных оценивает свою жизнь в новой стране на 3–4 балла, что, как нам кажется, является следствием преодоления выявленных нами проблем социокультурной адаптации, главным образом пессимизма относительно уровня языка, недовольства климатом и условиями общежитий.

Для решения вышеперечисленных проблем были выдвинуты следующие рекомендации: для преодоления языкового барьера по возможности предоставить доступ к учебным материалам на родном языке и увеличить количество мероприятий, направленных на практику языка, главным образом разговорную, предоставить возможность общения с местными.

Некоторые студенты неудовлетворительно высказывались о состоянии общежитий, поэтому обеспечение достойных условий проживания, желательно вблизи местонахождения самого вуза, должно стать приоритетной задачей.

Помимо всего вышеперечисленного для комфортной интеграции требуется создать условия для адаптации к местной еде, организовать мероприятия для приобщения к местной культуре [Карапетын, 2023].

В целом китайские студенты высоко оценивают качество образования и уровень преподавания в рассмотренных вузах Иркутска, несмотря на имеющиеся переживания касательно учебных материалов и языка. Все опрошенные довольны жизнью в новой стране, часть из них рассматривает вариант остаться в России для продолжения обучения или трудоустройства.

Библиографический список

Карапетын К. А. Город как пространство адаптации студентов мигрантов (на материалах исследования проблем адаптации студентов из КНР в Иркутске) // Координаты современной урбанистики: дискурсивные трансформации. М., 2023. С. 137–142.

Кузнецова О. В., Кремнёв Е. В. Проблемы адаптации китайских студентов в зарубежных вузах в работах китайских ученых // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы. 2023. С. 1257–1260.

Hannigan T. P. Traits, attitudes, and skills that are related to intercultural effectiveness and their implications for cross-cultural training: A review of the literature // International Journal of Intercultural Relations. 1990. Vol. 14, N 1. P. 89–111.

Searle W., Ward C. The prediction of psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions // International Journal of Intercultural Relations. 1990. N 14. P. 449–464.

УДК 130.2

Лю Жуйвэй

Забайкальский государственный университет, Чита
Институт международного образования, Хэйхэский университет,
г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. Отмечается, что образование не только служит ступенькой к индивидуальному развитию, но и является краеугольным камнем национального прогресса. Подчеркивается, что в быстро меняющемся обществе Китая проблемы образования вызывают широкий интерес, особенно в контексте экономической глобализации и информационной эпохи, где китайская система образования сталкивается с новыми вызовами и возможностями. Сделан вывод, что с конца XX в. стремительное развитие китайской экономики привело к обширным реформам в сфере образования.

Ключевые слова: образовательная ситуация в Китае, кадровая политика, экзаменационная подготовка, коммерциализация образования, образование в условиях рыночной экономики, национальные проблемы, культурная политика.

Liu Ruiwei

Transbaikal State University, Chita
Institute of International Education, Heihe University, Heihe, Heilongjiang Province

THE CURRENT STATE OF EDUCATION IN CHINA: NATIONAL PROBLEMS OF CULTURAL POLICY

Abstract. Education not only serves as a stepping stone to individual development, but also as a cornerstone of national progress. In China's rapidly changing society, education issues have attracted wide interest, especially in the context of economic globalisation and the information age, where the Chinese education system is facing new challenges and opportunities. Since the late 20th century, the rapid development of the Chinese economy has led to extensive educational reforms.

Keywords: educational situation in China, personnel policy, examination preparation, commercialization of education, education in a market economy, national problems, cultural policy.

В XXI в. в Китае образование стало одной из ключевых движущих сил национального развития, играя незаменимую роль в социальном прогрессе, повышении качества жизни граждан, в культурной политике. Сегодня культурная политика Китая направлена на формирование такого образования, которое должно быть конкурентоспособным на международном рынке образования. Это становится одним из направлений национального развития китайского общества. С течением времени и со стремительным развитием технологий китайская образовательная система претерпела многочисленные изменения. Тем не менее в ней существует

множество вызовов и проблем, которые требуют немедленного решения. К ним мы относим: распространение неравенства в базовом образовании, баланс между экзаменационным обучением и качественным образованием, коммерциализацию образования в условиях рынка.

Китайская базовая школьная система уже обеспечила всеобщее обязательное девятилетнее образование и образование на старшей ступени. Однако неравномерное распределение образовательных ресурсов остается долгосрочной проблемой. Школы в крупных городах и развитых районах обычно обладают современным оборудованием и квалифицированным педагогическим составом, в то время как сельские и удаленные районы сталкиваются с нехваткой соответствующей поддержки. Как отмечают Пэн Ли, Чжоу Сяньфэн, с развитием социально-экономических процессов и установлением, совершенствованием рыночной экономики меняются взгляды и убеждения учителей в сельской местности, их мобильность становится неизбежным и часто встречающимся социальным явлением [周险峰, 2011, с. 83]. Этот феномен отражает влияние многих факторов на увольнение учителей по собственному желанию из школ китайских сельских районов. В августе 2015 г. в китайской газете «Молодёжь» была опубликована статья с заголовком «Кризис ухода учителей, вызванный конкурсом на вакантные места в полиции в Ганьсу, Хуэйнин», которая привлекла внимание общественности к проблеме увольнения учителей из школ сельских районов. В этом бедном округе с населением в 580 тыс. человек каждый год множество студентов поступает в ведущие университеты. Это вызывает гордость жителей Хуэйнина. Однако, несмотря на то, что в Хуэйнине уважают учителей и образование, они подают на конкурс на вакантные места в полиции, что приводит к массовому увольнению учителей из школ [马富春, 2015]. Социальные факторы, приводящие к этому: низкая заработная плата, недостаток общественного признания, нехватка образовательных ресурсов, ограниченные возможности профессионального развития, отставание в инфраструктуре, недостаток поддержки образовательной политики, потеря талантов из-за различий между городом и деревней, а также высокая рабочая нагрузка. Из ряда последних национальных политических мер, которые были приняты в последние годы, видно, что вышеупомянутые проблемы стали основными факторами, приводящими к увольнению учителей из школ сельских районов.

На уровне государственной политики был принят ряд документов, направленных на изменение социальной и экономической ситуации в сельских районах. К ним можно отнести План поддержки сельских учителей (2015–2020 годы) (2015 г.), Мнения Центрального комитета КПК и Государственного совета о реализации стратегии развития сельских районов и Мнения Центрального комитета КПК и Государственного совета о

полномасштабной глубокой реформе строительства кадрового потенциала в новую эпоху, Мнения о дальнейшем совершенствовании структуры и повышении эффективности использования образовательных расходов (2018 г.). В 2021 г. был опубликован Закон Китайской Народной Республики о поощрении развития сельских районов, в котором была подчеркнута необходимость реального обеспечения заработной платы сельских учителей. Эта национальная политика была предпринята с целью повышения заработной платы сельских учителей, что должно смягчить дисбаланс распределения учителей.

Вторая доминирующая проблема – то, что существующий экзаменационный процесс не способствует должному качеству образования. В течение долгого времени в истории образования Китая система экзаменов, известная как «экзаменационное обучение», играла важную роль в определении успехов учеников, уровня их интеллекта благодаря результатам тестирования, которое проводилось в рамках унифицированных стандартов. Однако с изменением образовательных целей и развитием общественных потребностей множество негативных последствий этой системы постепенно становятся видимыми.

Во-первых, система экзаменационного обучения приводит к игнорированию всестороннего развития учеников. При излишнем акценте на результаты экзаменов процесс обучения часто ограничивается только учебниками и требованиями к экзаменам, что серьезно ограничивает развитие у учеников креативного и критического мышления. Это говорит о том, что данный тип образования приводит к значительной потере индивидуальности и талантов. Цянь Минхуэй, ссылаясь на мнение одного из школьников, писал, что сельские дети хотят переехать в город, а синие воротнички (рабочие) перейти в белые, что зависит от полученного диплома. Это положение диктуется возросшей конкуренцией, которая выдвигает на первое место людей с высшим образованием, поэтому выпускники хороших школ, конечно, имеют преимущество в конкурентной борьбе [钱民辉, 2000, с. 42] .

Как пишет Ли Ян [李妍, 2001] , качественное образование относится к образованию, которое направлено на повышение качества жизни всей нации, так как оно обращено на всестороннее улучшение качества, на развитие потенциала образования и на содействие моральному развитию. Его основной особенностью является интеллектуальное и физическое развитие, поэтому оно призвано преодолеть недостатки «экзаменационного образования» и четко реализовать образовательную политику всестороннего развития. Данное образование воплощает в себе как образовательную мысль, так и модель практики. Качественное образование не означает отсутствие экзаменов, оно направлено на исправление ошибочной образовательной идеи.

В экзаменационной образовательной модели учителя склонны больше обращать внимание на оценки учеников, а не на их общие способности и развитие качеств. И возникает проблема, которая диктует необходимость работникам системы образования изменить свою позицию, чтобы реализовывать качественное образование. Как показала практика, экзаменационная система приводит к несправедливому распределению образовательных ресурсов, что увеличивает различия в образовании между городом и сельской местностью, а также между различными регионами.

В условиях чрезмерного стремления к получению высоких баллов, образовательные ресурсы часто направляются в регионы, которые показывают высокие успехи на экзаменах, в то время как учащиеся с низкими результатами в школах отсталых районов получают ограниченное внимание и финансирование. В итоге экзаменационная система оказывает влияние не только на всестороннее развитие будущих студентов и на профессиональное развитие учителей, но и на реализацию социальной и образовательной справедливости. Поэтому в современном китайском образовании решение проблемы уменьшения негативного влияния экзаменационной системы и укрепления системы образования на основе качества должно стать неизбежной тенденцией, способствующей модернизации образования и всестороннему развитию общества.

Третья проблема связана с рыночными отношениями и коммерциализацией образования. Коммерциализация образования начала проявляться еще до конца XX в., особенно после 1970-х гг., когда в западных странах и в США она рассматривалась как разумное явление, которое было постепенно принято обществом. В Китае обсуждение коммерциализации образования обычно связывается с событиями после 1999 г., с углублением реформ экономической системы Китая и открытием образовательных реформ.

Феномен коммерциализации образования включает в себя покупку и продажу образовательных ресурсов, представление образования как услуги, которую можно купить и продать на рынке, что обычно сопровождается рыночной ориентацией и корпоративизацией образования. И следствием этого становится повышение школьных сборов, развитие частных школ и онлайн-образовательных платформ. Этот процесс приводит к тому, что образовательные услуги становятся экономической деятельностью, студенты и родители становятся потребителями, а образовательные учреждения превращаются в поставщиков, стремящихся максимизировать прибыль.

Во-первых, государственное образование постепенно замещается частным. Правительство Китая поощряет финансово состоятельных частных лиц открывать школы, где бы они ни находились, при условии соблюдения законных и нормативных процедур. При этом им разрешает-

ся получать определенную прибыль. Частные школы повышают уровень управления, стандартизируют учебный процесс, что делает качество обучения более высоким. Многие родители видят это и поэтому не боятся высоких платежей за обучение своих детей. Во-вторых, некоторые лица, не имеющие возможности открыть школу, зарабатывают на образовании путем создания образовательных тренировочных центров, курсов и семинаров, взимая высокие платежи за обучение. В-третьих, ресурсы качественного образования становятся недоступными. С одной стороны, материалы, учебные планы и концепции обучения являются коммерческой тайной и не могут быть общедоступными. С другой стороны, квалифицированные преподаватели привлекаются частными школами за высокую зарплату. В-четвертых, растет сегмент платного онлайн-обучения. Некоторые дети хотят учиться в интернете, но многие курсы платные. Одно занятие может стоить несколько десятков или сотен юаней, что делает образование недоступным для некоторых детей, но часть родителей готовы потратить большие деньги на этот «товар». По замечанию Ван Ди, если не произойдет фундаментальных изменений в системе оценки образования и обучения, то рыночные отношения в системе образования будут продолжаться долгое время [王迪, 2017, с. 89] .

Таким образом, мы видим, что, с одной стороны, государственные интересы направлены на повышение культурного уровня современной китайской молодежи, знания и навыки которой должны быть на уровне международных стандартов, что соответствует развитию современной китайской культуры, а с другой – механизм реализации системы образования сталкивается с проблемами социального, экономического и культурного уровня. Если рассматривать образование как товар, то его истинная сущность будет ослаблена. Образование, которое должно было служить повышению уровня познания, нравственного воспитания, развития критического мышления и инновационных способностей, становится простой экономической сделкой, что отнимает у него роль инструмента обеспечения культурного развития, социальной равноправности и платформы для личностного роста.

Библиографический список

王迪. 新课改下课外辅导机构对学业负担的影响探究// 文理导航(上旬). 2017. 89 页. URL: <http://106.75.223.148:8080/kns8s/defaultresult/index> (дата обращения: 03.04.2024).

李妍. 浅谈“应试教育”与素质教育. 2001-08-23 URL: https://www.edu.cn/edu/ji_chu/su_zhi/li_lun/200603/t20060323_12164.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

马富春. 次警察招考引发的教师离职潮 URL: <https://news.sina.cn/2015-08-12/detail-ixftkps4145936.d.html> (дата обращения: 02.04.2024).

钱民辉. 教育处在危机中 变革势在必行 - 兼论“应试教育”的危害及潜在的负面影响 // 清华大学教育研究. 2000 年第 4 期: 40-48. URL: http://www.shehui.pku.edu.cn/upload/editor/file/20181019/201810_19153830_1801.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

周险峰. 农村教师研究 30 年: 回顾与反思. 华中科技大学出版社, 2011, 263 页

ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЯЗЫК КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ

Аннотация. С философской точки зрения подробно рассматривается язык как ключевой фактор образовательного сотрудничества между двумя странами. Подчеркивается, что язык – это не только инструмент для общения, но и мост для интеграции культуры, ценностей и образовательных концепций. Анализируется многообразная роль языка в образовательном сотрудничестве между двумя странами, а также способы дальнейшего развития сотрудничества в этой сфере путем повышения уровня владения языком.

Ключевые слова: философия, язык, сотрудничество в области образования, культурный обмен.

Liang Chunyu

Zabaikalsky State University, Chita
Shenyang Institute of Technology, Shenyang

PHILOSOPHICAL VIEW OF LANGUAGE AS A FACTOR OF EDUCATIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Abstract. In this article, language as a key factor of educational cooperation between two countries is discussed in detail from a philosophical point of view. Through philosophical thinking, we realize that language is not only a tool for communication, but also a bridge for the integration of culture, values and educational concepts between the two countries. The purpose of this paper is to analyze the multifarious role of language in educational cooperation between the two countries and how to promote the further development of educational cooperation between the two countries by improving language proficiency.

Keywords: philosophy, language, educational cooperation, cultural exchange.

В условиях глобализации образовательное сотрудничество России и Китая становится все более важной силой, способствующей международному обмену и развитию. В этом процессе важность языка как средства общения очевидна.

Однако роль языка этим не ограничивается. С философской точки зрения язык – это сложная система, объединяющая культуру, ценности и образовательные концепции. Поэтому углубленное обсуждение роли языка в образовательном сотрудничестве между двумя странами имеет большое значение для содействия углубленному развитию взаимодействия [Гудков, 2021, с. 78–85].

Роль языка в образовательном сотрудничестве рассматривается через следующие позиции: культурное понимание, обмен знаниями, совместные начинания.

Культурное понимание. Язык – это культурный артефакт, который кодирует и передает культурные ценности, верования и обычаи. Изучая иностранный язык, человек получает доступ к новой культурной перспективе, что, в свою очередь, способствует взаимопониманию и уваже-

нию между народами. Такое культурное взаимопонимание необходимо для успешного сотрудничества в области образования [Смирнова, 2022, с. 123–130].

Обмен знаниями. Владение языком способствует обмену образовательными ресурсами, методиками и результатами исследований. Это позволяет ученым и педагогам из разных стран сотрудничать в рамках совместных проектов, делиться передовым опытом и вносить свой вклад в развитие образовательных знаний.

Совместные начинания. В образовательном контексте владение языком позволяет людям участвовать в совместных начинаниях, таких как совместная разработка учебных программ, программы обмена преподавателями и студентами. Такие мероприятия способствуют взаимному обучению и улучшению образовательных систем в обеих странах [张志伟, 2022, р. 45–50].

Важность владения языком, культурной чувствительности и языковой политики заключается в знании языка, культурной чувствительности.

Знание языка. Базовое знание языка является необходимым условием для эффективного сотрудничества в области образования. Люди, участвующие в таком сотрудничестве, должны обладать достаточными языковыми навыками, чтобы эффективно общаться, понимать культурные нюансы и участвовать в содержательном интеллектуальном обмене [李晓红, 2021, р. 80–86].

Культурная чувствительность. Наряду со знанием языка крайне важна культурная восприимчивость. Понимание и уважение культурных различий стран-партнеров очень важны для предотвращения недопонимания и конфликтов, а также для создания позитивной образовательной среды.

Ориентация на подготовку языковой грамотности достигается благодаря языковой политике, взаимному обмену студентами.

Языковая политика. Правительства и учебные заведения играют важную роль в развитии языковых навыков и культурной восприимчивости посредством языковой политики и программ. Такая политика должна быть направлена на поощрение языкового разнообразия и инклюзивности, стимулирование изучения иностранных языков и развитие культурного обмена [Романова, 2021, с. 27–33].

Язык играет огромную роль во многих областях сотрудничества между Россией и Китаем, в которой основное направление связано с созданием институтов Конфуция и классов Конфуция. Они обеспечивают языковое образование, которое занимает важное место в сотрудничестве между Китаем и Россией в области образования. Например, институты Конфуция и классы Конфуция, которые Китай продвигает по всему миру, предоставляют российским студентам платформу для изучения китайского языка и культуры.

Взаимный обмен студентами. Китай и Россия также способствуют языковому и культурному обмену посредством взаимного обмена студентами. Такие обмены не только углубляют дружбу между студентами двух стран, но и предоставляют больше возможностей для их карьерного роста.

С учетом изложенных факторов можно говорить о положительном импульсе в реализации делового общения и переговоров, расширения рынка и брендинга, мероприятий по культурному обмену, развития туризма.

Деловое общение и переговоры. Важность языкового образования для китайско-российского экономического и торгового сотрудничества трудно переоценить. Овладение русским языком может помочь китайским предприятиям лучше общаться с российскими партнерами и уменьшить количество недопониманий и конфликтов, вызванных языковым барьером. В то же время понимание российской деловой культуры и этикета поможет повысить успешность деловых переговоров [Гурулева, 2018, с. 153–163].

Расширение рынка и брендинг. Для китайских компаний, желающих выйти на российский рынок, понимание местного языка и культуры имеет решающее значение. Благодаря языковому образованию компании могут подготовить сотрудников, которые смогут точно передавать концепции бренда и информацию о продукции, что позволит расширить рынок и повысить узнаваемость бренда.

Мероприятия по культурному обмену. Китай и Российская Федерация укрепляют взаимопонимание и дружбу между своими народами путем проведения различных мероприятий по культурному обмену, таких как кинофестивали, концерты и фестивали искусств. Важную роль в этих мероприятиях играет языковое образование. Благодаря письменному и устному переводу обе стороны могут лучше оценить и понять культурные и художественные произведения друг друга.

Развитие туризма. С быстрым развитием китайско-российского туризма все больше китайских туристов предпочитают путешествовать в Россию. Овладение русским языком может помочь этим туристам лучше понять местные обычаи, историю и культуру, а также улучшить их впечатления от поездки. В то же время для российских туристов изучение китайского языка также поможет лучше понять Китай и облегчит путешествие по нему.

В заключение отметим следующее.

Язык является важным фактором в развитии образовательного сотрудничества между двумя странами. Он служит мостом между культурами, способствуя культурному взаимопониманию, обмену знаниями и совместным усилиям. Невозможно переоценить важность владения языком, культурной восприимчивости и языковой политики в этом процессе. Поэтому нужно поощрять языковое разнообразие и инклюзивность в международных образовательных ландшафтах, чтобы обеспечить эффективное образовательное сотрудничество и взаимный прогресс.

Библиографический список

- Гудков А. А. Философия языка в контексте двустороннего образовательного сотрудничества // Философия и общество. 2021. № 4. С. 78–85.
- Гурулева Т. Л. Компетенция владения китайским языком: компонентные и уровневые характеристики // Высшее образование в России. 2018. № 7. С. 153–163.
- Романова Е. А. Проблемы и перспективы развития российско-китайского сотрудничества в сфере высшего гуманитарного образования // Nauka.me. 2021. № 3. С. 27–33.
- Смирнова Е. В. Язык как фактор международного образовательного сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2022. Т. 23, № 1. С. 123–130.
- 张张伟. 语言哲学视角下的两国教育合作研究[J]. 教育研究, 2022 (6). P. 45–50
- 李晓红. 哲学视角下的语言与两国教育合作之关系探究[J]. 哲学与文化, 2021 (4). P. 80–86.

УДК 811.531

А. С. Меркулова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ С ПОМОЩЬЮ ИНТЕРАКТИВНОЙ ОНЛАЙН-ДОСКИ В ОБУЧЕНИИ КОРЕЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Рассматриваются преимущества использования интерактивной онлайн-доски в обучении иностранному языку, а также различные способы ее включения в процесс формирования коммуникативной компетенции в преподавании корейского языка. В частности, упоминаются способы адаптации упражнений и заданий в более визуальный и интерактивный формат, который на данный момент завоевывает все большую популярность.

Ключевые слова: интерактивная доска, преподавание корейского языка, коммуникативная компетенция.

A. Merkulova

Ural Federal University, Ekaterinburg

METHODS FOR DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPETENCE USING AN INTERACTIVE ONLINE BOARD IN TEACHING THE KOREAN LANGUAGE

Abstract. The article discusses the advantages of using an interactive online whiteboard in teaching a foreign language, as well as various ways to include it in the process of developing communicative competence in teaching the Korean language. In particular, mention is made of ways to adapt exercises and tasks into a more visual and interactive format, which is currently gaining increasing popularity.

Keywords: interactive whiteboard, teaching the Korean language, communicative competence.

В последние десятилетия в образовании быстрыми темпами развивается широкое применение цифровых технологий. В силу технического прогресса появляются новые инструменты, позволяющие все более наглядно и интерактивно представлять обучающий материал. Из-за пандемии COVID-19 широкое распространение также получило дистанционное образование, внесшее свои коррективы в методику преподавания [Sultanova, 2020, p. 90].

Одним из популярных инструментов в преподавании иностранного языка является интерактивная онлайн-доска – платформа с бесконечным пространством и различными интерактивными инструментами.

На наш взгляд, онлайн-доски набирают популярность в связи с удобством в использовании на онлайн-занятиях, а также с широкими возможностями применения различных способов визуализации. Визуализация реализует общедидактический принцип наглядности и помогает обучающимся лучше воспринимать и запоминать информацию [Шепель, 2023, с. 30]. Помимо этого, интерактивные возможности онлайн-доски позволяют обучающимся подключать различные каналы восприятия информации и влиять на процесс обучения путем личного участия в создании и организации материалов занятия.

Формирование коммуникативной компетенции является основной целью обучения иностранному языку. Коммуникативная компетенция, в свою очередь, содержит в себе языковую, речевую и социокультурную компетенцию. Языковая (или лингвистическая) компетенция основана на формировании фонетических, лексических и грамматических навыков, т. е. на обучении аспектам иностранного языка.

Формирование лексических навыков в обучении корейскому языку представляет собой сложность, связанную с принципом учета родного языка, а точнее с тем, что в обучении русскоязычных студентов начального уровня практически не работает принцип переноса – обучающиеся пока не имеют никаких ассоциативных связей, как, например, при обучении романо-германским языкам, в которых ввиду принадлежности к одной языковой семье и большого количества заимствований имеется некоторое количество схожих слов. Отличная от привычных русскоязычным студентам кириллицы и латиницы письменность также усложняет восприятие и запоминание лексических единиц.

Для облегчения усвоения лексики на онлайн-доске есть возможность добавлять изображения и текстовые поля со словами. Студенты, подключившись к онлайн-доске, имеют возможность перетаскивать слова к изображениям. Также наличие только изображения и слова на корейском языке помогает сформировать связь между формой и значением слова без использования русского языка как посредника. Возможность перетягивания также облегчает выполнение задания на распределение слов по колонкам или определенным группам (рис. 1). Для формирования семантического поля часто используются ассоциативные схемы на различные темы и ситуации, которые на онлайн-доске можно представить визуально с помощью инструментов рисования объектов, текста и стрелочек [Кошкина, 2022, с. 19]. Этот же способ удобен для создания «схем-паутинок» для слогов китайского происхождения (кор. 한자 *ханча*). В центре схемы

располагается слог, от которого отходят несколько включающих его слов. В свою очередь, от этих слов могут идти слова, включающие другой общий слог, синонимы, антонимы или слова, относящиеся к той же теме или ситуации (рис. 2).

Рис. 1. Пример задания на соединение слов с картинками

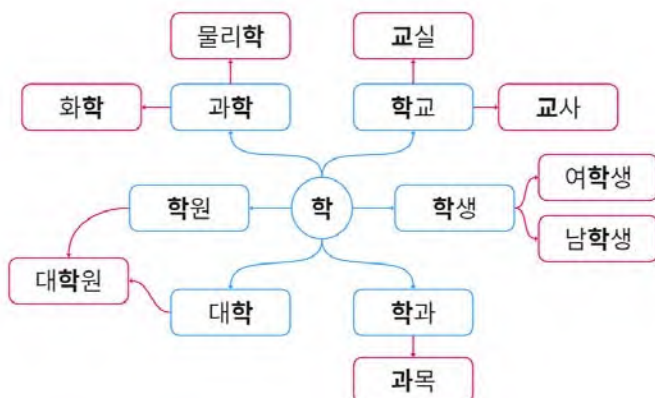

Рис. 2. Пример составления ассоциативной схемы со слогом '학'

Онлайн-доска может помочь в ситуации, когда у обучающихся нет бумажного учебника или технического устройства, на которое можно было бы вывести электронную версию учебника или рабочей тетради, а также на онлайн-занятиях, когда одновременно нужны и демонстрация преподавателя, и включенность студента в работу [Браславская, 2019, с. 43]. Обучающийся может подключиться к доске, на которую, в свою очередь, выводится страница учебника в формате изображения или задание, составленное преподавателем самостоятельно с помощью инструментария доски или другого программного обеспечения. Студент может вводить текстовый ответ в пропуск или отмечать верный ответ в тестовом задании с помощью пишущего инструмента («ручка», «карандаш», «маркер»).

Еще одним способом применения онлайн-доски является ее использование в играх. Здесь ключевую роль играет интерактивность. Обучающиеся могут сами воздействовать на материал, например двигать свою фишку, скрывать и показывать, выделять, отмечать, подписывать.

На данный момент самой популярной интерактивной онлайн-доской является Miro (URL: <https://miro.com/ru/>), на которой сделаны иллюстрации к данной статье. Miro имеет коммерческую основу, поэтому на бесплатном тарифе доступно три доски. В связи с ограничениями оплаты иностранных сервисов из России можно воспользоваться российскими онлайн-досками, например Sboard. В любом случае, инструментарий онлайн-досок очень похож, однако есть отличие в удобстве интерфейса и работе отдельных инструментов.

Таким образом, использование интерактивной онлайн-доски в преподавании корейского языка улучшает усвоение материала с помощью визуализации, добавляет интерактивность во взаимодействие преподавателя и обучающихся, что особенно актуально в ситуации дистанционного обучения, а также подключает различные каналы восприятия у обучающихся и вносит разнообразие в учебный процесс.

Библиографический список

Браславская Е. А. Интерактивная доска как средство обучения английскому языку студентов, обладающих клиповым мышлением // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnaya-doska-kak-sredstvo-obucheniya-angliyskomu-yazyku-studentov-obladayuschih-klipovym-myshleniem> (дата обращения: 19.04.2024).

Кошкина И. В., Детинко Ю. И., Еремина Т. А. Визуализация как эффективный инструмент обучения студентов лексики на занятиях иностранного языка // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2022. № 4 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualizatsiya-kak-effektivnyy-instrument-obucheniya-studentov-leksike-na-zanyatiyah-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 21.04.2024).

Шепель А. П. Обучение корейскому языку с применением метода визуализации // Кореистудии в России: направление и развитие. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-koreyskomu-yazyku-s-primeneniem-metoda-vizualizatsii> (дата обращения: 19.04.2024).

Sultanova S. The role of computer technologies in teaching English language // Вестник науки и образования. 2020. Vol. 7–2, N 85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-role-of-computer-technologies-in-teaching-english-language> (дата обращения: 19.04.2024).

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОИЗНОШЕНИЮ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

Аннотация. Анализируется основная методическая литература по фонетике китайского языка, применяемая в рамках учебной программы на начальных курсах неязыкового вуза. Выявляются основные проблемы, связанные с обучением произношению китайского языка.

Ключевые слова: учебное пособие, методика преподавания, фонетика, дифференцированный подход, китайский язык, произношение.

S. Stefanovskaia

Irkutsk State University, Irkutsk

PROBLEMS OF TEACHING CHINESE PRONUNCIATION AT THE INITIAL STAGE IN NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

Abstract. The purpose of the article is to analyze the main methodological literature on the phonetics of the Chinese language, used as part of the curriculum in the initial courses of a non-linguistic university, and to identify the main problems associated with teaching the pronunciation of the Chinese language.

Keywords: textbook, teaching methods, phonetics, differentiated approach, the Chinese language, pronunciation.

В период «высокого спроса» на владение китайским языком огромное количество как языковых, так и вузов другой направленности стали стремительно открывать отделения и кафедры китайского языка, не имея ни штата соответствующих специалистов, ни собственной школы преподавания.

Для работы в таких вузах зачастую привлекают профессионалов, знающих китайский язык, но не имеющих педагогического образования. Молодые преподаватели в условиях отсутствия научно-методической подготовки, а порой и не понимая основных лингвистических процессов, не могут соединить сущности основных категорий и закономерностей со спецификой китайского языка, что в итоге делает процесс обучения бессистемным и крайне неэффективным.

Проблема профессиональной подготовки китаистов и преподавателей китайского языка в России является очень важной и крайне актуальной на данный момент. Среди китайских специалистов по-прежнему бытует мнение, что степень владения русским языком китайских русистов значительно выше степени владения китайским языком русских китаистов, несмотря на многолетний опыт преподавания китайского языка в России.

Еще несколько лет назад профессор Тань Аошуан утверждала, что в процессе обучения преподаватели в России используют материалы с неадекватным описанием китайского языка, что отсылает к еще одной проблеме – отсутствию квалифицированных преподавательских кадров [Цит. по Кочергин, 2012]. В настоящий момент в методике преподавания ки-

тайского языка действительно наблюдается некоторое отставание от стремительного развития методики обучения европейским иностранным языкам и от передовых методов практического обучения языку.

Возможно, что при наличии добротных учебно-методических материалов даже такие «специалисты» могли бы справиться с задачей по преподаванию китайского языка, но тут возникает еще одна проблема, а именно – отсутствие тщательно разработанных учебных материалов. Звучит это достаточно странно, ведь, войдя в книжный магазин или на сайт учебной литературы, мы можем увидеть десятки, а то и сотни учебных пособий по китайскому языку. Попробуем разобраться в данном вопросе.

От автора, желающего написать учебник, требуется не только быть лингвистом и профессионально владеть китайским языком, но и обладать фундаментальными знаниями в области методики, психологии и педагогики. Автор должен четко представлять возрастную категорию своих учащихся, цели и задачи создания пособия, иными словами, это очень трудоемкий процесс.

В ходе опроса нами было выявлено, что в ряде российских вузов в качестве основного учебника для преподавания китайского языка используются учебные пособия, издаваемые в КНР для иностранных студентов (成功之路, 现代汉语, 新使用汉语, 快乐汉语). В предисловии к учебнику «成功之路» написано следующее: «成功之路»是一套为母语非汉语的学习者编写的对外汉语教材。这台教材既适用于正规汉语教学机构的课堂教材,也可以满足各类教学形式和自学者的需求。《Дорога к успеху》 – это комплект учебных материалов для преподавания китайского языка как иностранного, написанный для учащихся, у которых китайский язык не является родным. Этот учебный материал подходит не только для преподавания в официальных китайских учебных заведениях, но также может удовлетворить потребности различных форм обучения и самообучающихся [杨楠, 2010]. В аннотации к следующему учебнику, «快乐汉语», читаем: «...我们为母语为英语的中学学生编写了系列汉语教材 快乐汉语». ...Мы собрали серию учебных пособий по китайскому языку для учащихся средних школ, родным языком которых является английский, и назвали его Happy Chinese [李晓, 2009]. Объяснения фонетических, грамматических и других аспектов в такого рода учебниках происходит через призму английского языка, что с точки зрения методики делать нежелательно. Заимствованные учебные материалы, как правило, создаются с целью обучения китайскому языку иностранных студентов на территории КНР и не учитывают национально-культурную специфику обучения китайскому языку в российских учебных заведениях, а также цели и задачи отечественного профессионального образования, которые в общем виде отражены в Государственном образовательном стандарте и конкретизированы в учебных программах вузов.

Еще в 2014 г. Российский университет дружбы народов провел конференцию «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения», где в рамках отдельной секции обсуждались актуальные проблемы восточной лингвистики и лингводидактики. Было отмечено, что существует целый ряд проблем при разработке УМК в высшей школе, одной из которых названо отсутствие национального базового учебника по китайскому языку для начального этапа обучения, удовлетворяющего требованиям отечественной синологической лингводидактики. Под универсальностью понимается возможность его эффективного использования на начальном этапе обучения вне зависимости от направлений профессиональных образовательных программ и количества часов [Гурулева, 2018]. С того времени прошло 10 лет, а проблема эта так и не решена.

Обратимся к опыту преподавания китайского языка на кафедре китайоведения ИФИЯМ ИГУ, а точнее, к определенному аспекту – обучению произношению китайского языка.

Изучением звуковой стороны языка занимается фонетика, в теоретическом аспекте вопросы которой рассматривались такими лингвистами, как Л. Р. Зиндер, А. А. Реформатский, Л. В. Щерба, Л. В. Бондарко, В. А. Богородицкий и др.

С точки зрения методики обучения иностранному языку проблемы обучения фонетической стороне речи освещали в своих работах следующие методисты: Р. К. Миньяр-Белоручев, И. Л. Бим, Я. М. Колкер, С. Ф. Шатилов, Г. В. Рогова, И. Н. Верещагина и др. Ими рассматривались как общие вопросы методики обучения фонетике, так и методика обучения фонетике конкретного языка (немецкого, французского, английского).

Что же касается китайского языка, то, как уже говорилось выше, отдельного пособия по методике преподавания не существует. Но, безусловно, проблемы обучения фонетике китайского языка были в той или иной степени затронуты авторами учебников по практическому китайскому языку. Так, Т. П. Задоев и Хуан Шуин был разработан учебник «Основы китайского языка. Вводный курс» [Задоев, Хуан Шуин, 2022], большое внимание в котором уделяется фонетике, в частности интонации китайского предложения. Ритмике и мелодике звучания китайской речи посвящена монография Т. П. Задоев «Ритмическая организация китайской речи» [Задоев, 1980]. Самыми значительными трудами по фонетике китайского языка являются работы Н. А. Спешнева, последняя называется «Введение в китайский язык» [Спешнев, 2017]. В работе последовательно и системно изложены фонетические основы китайского языка, а после теории есть краткие рекомендации по порядку изучения данных явлений. В качестве пособия для студентов, изучающих китайский язык, написана и работа А. Н. Алексахина «Теоретическая фонетика

китайского языка», которая, по мнению автора, содержит теоретические разработки основных проблем фонетической системы современного китайского языка [Алексахин, 2011]. В 2017 г. в издательстве ВКН вышла еще одна работа А. Н. Алексахина «Вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа: учебное пособие» [Алексахин, 2016].

В работах китайских авторов вопросы фонетики китайского языка в основном рассматриваются с позиции лингвистической науки, либо, если пособие разработано для иностранцев, изучающих китайский язык, оно подробно описывает фонетическое явление, но не содержит методических рекомендаций по работе с ним.

Целью настоящей работы было изучение актуального положения методики обучения произношению в целом и методике обучения произносительной стороне китайского языка в частности.

Сформировать навыки и умения иноязычной речи – это значит научить говорить, читать, писать на иностранном языке и понимать этот язык при восприятии устной речи. Навыки и умения говорения, чтения, письма и аудирования не совпадают полностью, поэтому их формирование хотя и взаимосвязано, но происходит раздельно [Миньяр-Белоручев, 1990]. Большинство методистов выделяют произносительные навыки в качестве первого объекта обучения, считая, что нельзя обучать сразу всему, какое-то опережение неизбежно. При обучении иностранному языку на начальном этапе особое внимание уделяется формированию слухо-произносительных навыков. Но если все внимание сосредоточить лишь на умении артикулировать и распознавать определенные звуки, т. е. на изолированной отработке элементарного навыка, то будут нарушены основные педагогические принципы, в частности принцип коммуникативной направленности. Очень сложно удержать внимание и интерес учащихся, формируя произносительные навыки только на упражнениях в артикуляции и независимо от лексики. Такой навык хуже подлежит переносу в реальную речевую ситуацию, а без специальной тренировки быстро угасает. Наглядный пример с отработкой тонов в китайском языке. На начальном этапе обучения особое внимание уделяется произнесению тонов отдельных слогов: высоте тона, его длительности и интенсивности. Почти всем студентам удастся правильно воспроизводить мелодику четырех тонов, повторяя за аудионосителем или преподавателем. Но как только слоги начинают произноситься не изолированно, а в потоке речевой цепи и в более высоком темпе, тоновые характеристики зачастую произносятся с ошибками. Опыт подтверждает тот факт, что сосредоточение работы по формированию элементарного навыка только на начальном этапе приводит к его деформации на более поздних этапах обучения.

Формировать произносительные навыки (под ними мы понимаем и слухо-произносительные, и ритмико-интонационные навыки), конечно

же, нужно начиная с первых шагов обучения иностранному языку, но и на более поздних этапах обучения эту работу следует продолжать.

В обучении произношению прослеживается три основных подхода, каждый из которых объединяет некоторое число методов, разработанных на основе одних и тех же теоретических посылок.

Первый подход называют артикуляторным, «его наиболее видными представителями являются И. А. Грузинская, К. М. Колосов, О. А. Норк, А. Н. Рапанович и т. д. Сторонники артикуляторного подхода опираются на достаточно известный ряд теоретических положений. При артикуляционном подходе обучение начинается с изучения артикуляционных позиций, присущих произнесению иноязычных фонем, и овладения этими позициями для их произношения. Отдельно отрабатываются звуки, которые даются чаще всего вне букв и располагаются по степени близости к звукам родного языка. Широко используется фонетическая транскрипция» [Фонетический материал ... , 2024].

Артикуляторный подход имеет заслуги в методике обучения иностранным языкам, но обладает и рядом недостатков, и прежде всего это большое количество часов, необходимое для проведения вводных фонетических (фонетико-орфографических, фонетико-корректировочных) курсов. С точки зрения методики следует указать и на то, что работа над произносительными навыками без взаимодействия с тренировкой слуховых (аудитивных) навыков не способствует формированию умения соотносить слышимый звук с соответствующим ему значением в речевом потоке.

Второй подход к обучению называют акустическим, «поскольку его представители считают, что произношению можно научиться, опираясь лишь на слуховые анализаторы. Это не значит, что произносительные упражнения вообще отсутствуют. Такие упражнения могут быть, но они носят чисто имитативный характер и основываются на слуховых ощущениях учащихся» [Фонетический материал ... , 2024]. Это тот самый «любимый» подход китайских преподавателей, который они применяют, обучая наших студентов в Китае. Не имея возможности объяснить на русском языке особенности артикуляции, они заставляют учащихся слушать и многократно повторять услышанное. Теоретические положения акустического подхода предполагают: формирование произносительных навыков в процессе обучения устной речи; доминирующую роль слуховых ощущений при становлении произношения и т. д.

К сожалению, с недостатками такого подхода у нас была возможность познакомиться не только теоретически. Учащиеся после возвращения с такой учебы в Китае зачастую демонстрируют плохое произношение, связанное в том числе и с трудностями организации контроля над произношением, особенно у людей с плохо развитым фонематичным слухом. Типичные ошибки студентов, вернувшихся с такого обучения: не

слышат разницы и произносят одинаково два разных слога ㄙḳū и ㄙḳiū; не понимают, что такое *особая финаль* в слогах *zi, ci, si, ri, u zhi, chi, shi*; не слышат разницы между двумя типами назализованных финалей, например, в паре слов 聲pán и 旁páng.

Третий подход – это дифференцированный подход, предполагающий использование различных приемов обучения. Это и комплексное включение различных анализаторов в учебный процесс, что способствует более эффективному формированию речевых навыков, и изолированная отработка наиболее сложных для усвоения операций. Индивидуальный подход определяет эффективность формирования речевых навыков.

При формировании произносительных навыков дифференцированный подход включает: обильное аудирование иностранной речи; систематическую фонетическую зарядку; лабораторные упражнения (звукозаписи, предусматривающие отработку отдельных звуков, звуковых комплексов, готовых фраз и содержащие эталоны их произношения). В настоящее время создано большое количество цифровых приложений с качественной записью речи носителей китайского языка, помогающих решать проблемы с аудированием вне языковой среды.

На нашей кафедре формирование произносительных навыков на начальном этапе осуществляется на основании дифференцированного подхода. Цели и содержание обучения произношению соотносятся с требованиями учебной программы вуза. Принципы, на которые мы опираемся при обучении фонетике, скорректированы с учетом возрастных особенностей. Мы имеем дело с молодыми людьми в возрасте от 18 до 25 лет, т. е. с людьми, логическое мышление которых развито и которые приучены подходить аналитически к изучаемым явлениям. Взрослые учатся более эффективно, если видят мотивированность и обоснованность приемов и методов обучения.

Для русского учащегося артикуляционная база китайского языка представляет определенную трудность, заключающуюся в том, что приходится иметь дело не только с особенностями звуков и звукосочетаний, но и со специфическим модулированием речи, т. е. с изменением движения тона голоса на каждом слоге (с тонами). Минимальные фонетические единицы китайского языка и структура китайского слога тоже имеют свои особенности. На первом этапе овладения китайской речью перед учащимися стоит вполне конкретная задача – научиться произносить все звуки, далее следует уметь их сочетать в пределах китайского слога, учитывая правила, а затем на слоги наложить еще и тон, т. е. научиться произносить четыреста с лишним слогов в различных тонах. На более поздних этапах добавляются различные фонетические процессы, особенности интонационных контуров и т. д. На старших курсах произносительные навыки поддерживаются за счет выразительного чтения и заучивания

стихотворений, пословиц, поговорок. Хорошо разрабатывают произносительные навыки и скороговорки (мы используем пособие «Курс корректирующей фонетики китайского языка», написанное в 2015 г. доцентом нашей кафедры О. Г. Кобжицкой [Кобжицкая, 2015]).

Решать сложную проблему обучения китайскому языку нам помогают учебники, имеющие как ряд преимуществ, помогающих реализовывать дифференциальный подход к обучению произношению, так и некоторые недостатки. В ходе статьи рассмотрим три основных учебника, рекомендованных для обучения на начальном этапе, и соответствие их содержания для реализации требований программы.

Одним из первых учебников (впервые был издан в 1973 г.), в котором подробно описаны особенности китайского произношения, в частности его тональная система, были «Основы китайского языка». В настоящее время учебник называется «Начальный курс китайского языка», авторы Т. П. Задоевко, Хуан Шуин, создан на базе сознательно-практического метода [Задоевко, Хуан Шуин, 2022], который на протяжении десятилетий был доминирующим методом обучения китайскому языку на начальном этапе. Многие годы этот учебник остается основным для обучения фонетике на начальном этапе обучения в неязыковых вузах. Для вводно-фонетического курса на нашей кафедре китайоведения, длительность которого зависит от направления подготовки и в среднем составляет около трех месяцев (3–4 пары китайского языка в неделю), рекомендован именно этот учебник. В рамках сознательно-практического метода работа должна осуществляться следующим образом: сначала дается правило, а потом подбирается учебный материал, который на основе данных правил помогает сформировать слухо-произносительные навыки и умения. Но специфика китайского языка состоит в том, что на каждое правило существует большое количество исключений, особенно когда мы говорим о разговорном стиле. В результате у учащихся возникает множество вопросов, ответы на которые не могут быть даны на начальном уровне обучения, так как требуют более глубокого понимания системы китайского языка, и в частности сложных фонетических процессов, возникающих на уровне синтагмы или предложения.

Проиллюстрируем свои выводы. Правило в учебнике гласит: «Если два слога, каждый из которых в отдельности произносится 3-м тоном, следуют друг за другом без паузы, тон начального слога изменяется на второй» [Задоевко, Хуан Шуин, 2022]. Далее следует несколько примеров. Но существует целый ряд исключений, а также такие позиции, при которых изменение тона не происходит, между тем учащиеся, усвоив это правило, порой начинают поправлять речь учителя, утверждая, что тон произнесен неправильно. Презентация языкового материала в учебнике осуществляется на основе артикуляторного подхода, имеющего ряд не-

достатков, о которых говорилось выше, не соблюдается и принцип коммуникативной направленности. К преимуществам данного учебника можно отнести хорошо разработанную систему упражнений на отработку отдельных звуков и слогов, и лингафонное приложение, благодаря которому учащиеся с самого начала могут слушать правильное пекинское произношение.

Рассмотрим еще один учебник, который, по мнению его автора, представляет собой первый в России опыт концентрированного изложения учебного материала по фонетике китайского языка и основ китайского разговорного языка, называется «Введение в китайский язык. Фонетика и разговорный язык» [Спешнев, 2017]. Его автор Николай Алексеевич Спешнев не указывает четко, для какой аудитории предназначается данный учебник, а на обложке издателя отмечают, что с помощью пособия в течение короткого отрезка времени можно поставить произношение и, ориентируясь на примеры, записанные на аудионосители, выработать и закрепить навыки разговорной речи.

Автор имеет свое мнение по поводу параллельного обучения всем видам речевой деятельности. Он считает, что «существующие учебники китайского языка не уделяют специального внимания фонетическому аспекту, так как одновременно рассматривают и другие аспекты языка: иероглифику, лексику и грамматику. Эффективность же концентрированного прохождения основ китайской фонетики в форме вводного фонетического курса в течение месяца в пределах 35–40 часов весьма высока и для китайского языка крайне необходима» [Спешнев, 2017, с. 3].

Структура учебника предполагает концентрированное изложение теоретического материала по отдельным проблемам китайской фонетики. После каждого раздела приводятся методические рекомендации, в которых сформулированы трудности данного раздела и предложены способы их преодоления. Все фонетические упражнения выделены в особый раздел и помещены в конце учебника. Практика применения данного учебника позволила нам сделать следующие выводы:

1. Учебник предлагает прохождение основ китайской фонетики в форме вводного фонетического курса, так как автор отрицательно относится к смешанному методу обучения, при котором идет параллельное обучение всем видам речевой деятельности. В рамках программы обучения на нашей кафедре предусмотрено время на прохождение краткого фонетического курса.

2. Презентация фонетического материала, в частности звуков и звуко сочетаний китайского языка, идет «в той последовательности, в которой они *лучше и легче* усваиваются учащимися». Тут хотелось бы уточнить, на каких данных основывается автор, утверждая, что *лучше*?

3. «Поскольку на первом этапе обучения понятия о китайской письменности включены в “Вводный иероглифический курс”, то на занятиях по фонетике любые ссылки на иероглифику недопустимы», – считает

автор [Спешнев, 2017, с. 4]. Но если китайское письмо является не фонетическим, а идеографическим/иероглифическим, остается открытым вопрос, каковы тогда будут механизмы объединения двух вводных курсов – фонетического и иероглифического. Как в дальнейшем студенты должны «прилепить» звучание (чтение иероглифа) к выученному без чтения иероглифическому знаку?

Отдельные материалы данного учебника используются нашими преподавателями на начальном этапе обучения произносительной стороне китайской речи на языковых профилях (такие как описания артикуляции звуков, упражнения на отработку сложных звуков и т. д.), но в основном учебник по форме изложения материала (приводятся данные экспериментов, малоизученные явления, очень подробно описываются разные фонетические аспекты) соответствует реализации целей, стоящих перед студентами старших курсов, изучающими теоретическую фонетику китайского языка, знакомыми с языкознанием и лингвистическими терминами и имеющими некоторый опыт в изучении языков.

На начальном этапе обучения произношению китайского языка часто пользуются учебниками, изданными в Китае и адаптированными к российским реалиям. На нашей кафедре одним из таких пособий выступает «Практический курс китайского языка». Исходное китайское издание в 1986 г. было переработано авторским коллективом в составе А. Ф. Кондрашевского, М. В. Румянцевой, М. Г. Фроловой. Настоящий вариант учебника «Практический курс китайского языка» в двух томах ставит своей целью, сохранив принципиально основную концепцию, содержание и структуру китайского учебника, максимально адаптировать его к задачам и условиям преподавания современного китайского языка в российских учебных заведениях. В предисловии указано, что данный учебник может быть рекомендован в качестве базового учебника для студентов младших курсов языковых и неязыковых вузов [Кондрашевский, Румянцева, Фролова, 2020].

В учебнике предлагается параллельное овладение всеми видами речевой деятельности. Этот принцип предполагает, что обучение перцептивным видам речевой деятельности не выделяется как самостоятельная задача отдельного этапа, а осуществляется параллельно с развитием навыков и умений продуктивных видов речевой деятельности. Данный подход совершенно противоречит подходу, предложенному в учебнике Н. А. Спешнева, о котором мы говорили выше. Н. А. Спешнев, основываясь на своей практике, утверждает, что «овладеть всеми четырьмя аспектами языка одновременно чрезвычайно трудно, а подчас и невозможно, ведь учащемуся приходится в очень короткий отрезок времени практически одновременно решать несколько сложных задач, что противоречит одному из основных положений методики преподавания иностранных

языков, требующему в каждом отдельном случае решать только одну сложную задачу» [Спешнев, 2017, с. 4].

«Практический курс китайского языка» на нашей кафедре применяется в качестве основного методического пособия для студентов первого и второго курсов. Однако с точки зрения подачи фонетического материала он обладает рядом недочетов, связанных с тем, что первоначально этот учебник не был ориентирован на русскоговорящих студентов и не учитывал трудности русскоговорящих в изучении китайского языка. Хотя авторы в предисловии и утверждают, что двенадцатое издание учебника «составлено в соответствии с целями и задачами преподавания основ китайского языка в российских учебных заведениях», в нем по-прежнему нет последовательности в выборе упражнений на отработку отдельных звуков, отсутствует подробное описание артикуляционной базы, не указываются трудности в овладении тем или иным фонетическим явлением [Кондрашевский, 2020, с. 1]. Именно по ряду этих причин для вводно-фонетического курса, в процессе которого студенты усваивают основные артикуляционные навыки, мы используем все же пособие «Начальный курс китайского языка» Т. П. Задоевко и Хуан Шуин.

В процессе анализа учебных материалов с точки зрения современной методики обучения произношению китайского языка на начальном этапе в неязыковых вузах были выявлены некоторые несоответствия существующих учебных пособий по китайскому языку требованиям, предъявляемым учебной программой нашего вуза. В процессе работы мы пришли к выводу, что существует целый ряд объективных и субъективных факторов, повлиявших на то, что методические пособия, применяемые для обучения произносительной стороне китайского языка, на настоящий момент лишь частично отвечают требованиям реализации дифференцированного подхода в обучении.

Рассмотренные в статье учебники, используемые в качестве пособия для обучения произношению китайского языка, несколько отстают от развития передовых методов практического обучения языку, не могут в полной мере способствовать формированию профессиональных компетенций, прописанных в Государственном образовательном стандарте и конкретизированных в учебных программах вузов. Проблемой обучения произношению китайского языка, с которыми (наряду с перечисленными в начале статьи проблемами, связанными с человеческим фактором) сталкиваются преподаватели нашего вуза, можно считать отсутствие тщательно разработанной методики обучения произношению китайского языка и пособий, соответствующих требованиям учебных программ.

Библиографический список

Алексахин А. Н. Теоретическая фонетика китайского языка : учеб. пособие. 7-е изд., испр. и доп. М. : ВКН, 2011. 205 с.

- Алексахин А. Н. Вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : ВКН, 2016. 184 с.
- Гурулева Т. Л. Компетенции владения китайским языком. М. : ВКН, 2018. 228 с.
- Задоенко Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка : учеб. 7-е изд., испр. и доп. М. : ВКН. 2022. 287 с.
- Задоенко Т. П. Ритмическая организация потока китайской речи. М. : Наука, 1980. 268 с.
- Кобжицкая О. Г. Курс корректирующей фонетики китайского языка : учеб. пособие. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2015. 259 с.
- Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. Ф., Фролова М. Г. Практический курс китайского языка. Т. 1. 12-е изд. М. : ВКН, 2020. 745 с.
- Кочергин И. В. Очерки методики обучения китайскому языку. М. : Муравей, 2012. 110 с.
- Миньяр-Белоручев Р. К. Методика обучения французскому языку : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1990. 224 с.
- Спешнев Н. А. Введение в китайский. СПб. : Каро, 2017. 250 с.
- Фонетический материал – проблема отбора и организации фонетического материала. URL: www.dioo.ru/foneticheskiy-material.html (дата обращения: 18.04.2024).
- 李晓. 快乐汉语. 第一册 / 李晓琪, 罗青松, 刘晓雨. 北京: 人民教材出版社, 2009. 120 页.
- 杨楠. 成功之路. 起步篇. 第一册/ 杨楠等编著. 北京: 北京语言大学出版社, 2010. 132 页.

УДК 372.881.111.1

Н. Ю. Хлызова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЕНЫХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Представлен анализ понятия критического мышления, проведенный на материале исследований ученых стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Изучена суть искомого понятия в соответствии с такими факторами, как временной промежуток, область применения, страна исследования. Рассмотрены работы, в которых исследователи интерпретируют изучаемый феномен через призму социокультурного контекста своего региона, научной отрасли и периода деятельности, оптимизируя цели и приоритеты. На основе изученных определений дано обобщающее определение, раскрывающее суть понятия относительно заявленного предмета исследования: критическое мышление регионоведа.

Ключевые слова: критическое мышление, АТР, регионовед, информация, медиа, СМИ, анализ.

N. Khlyzova

Irkutsk State University, Irkutsk

TERMINOLOGICAL ANALYSIS OF CRITICAL THINKING CONCEPT IN APR RESEARCHES

Abstract. This article analyzes critical thinking concept in the researches made by the scientists from the Asia-Pacific Region. It shows the essence of the studied concept according to such factors, as a time period, a scientific field, a country of study. The researchers interpret the studied phenomenon through the prism of the sociocultural context of their region, optimizing goals and priorities. Based on the studied definitions, it gives a generalization that reveals the essence of the concept relative to the declared subject of the research: the critical thinking of a regional expert.

Keywords: critical thinking, APR, regional expert, information, mass media, analysis.

Анализ литературы по изучению критического мышления показал большой интерес к данному понятию разных научных областей: педагогики, психологии, лингвистики, журналистики, философии, социологии, экономики, менеджмента, регионоведения, и его высокую актуальность. Это можно объяснить тем, что социальная информация доминирует в жизни современного человека, влияя на его мышление, образ жизни, систему ценностей. В новых условиях человек получил доступ к многочисленным источникам информации и постоянно находится под ее влиянием. Возникает социальный заказ на умение работать с информацией и ориентироваться в информационном пространстве, осуществлять грамотный отбор необходимых сведений и их критическую оценку.

В целом нет единства в определении понятия критического мышления. Ученые в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) по-разному определяют этот феномен, расставляют разные приоритеты в процессе его формирования, акцентируя разнородные его составляющие. Наиболее распространенным подходом является рассмотрение критического мышления как компонента медиаграмотности личности – способности отбирать, анализировать, оценивать полученную информацию критически и осуществлять коммуникацию в разных формах [Doyle, 2024; Клустер, 2005; Chen, 2007].

Рассмотрим определения критического мышления относительно региона исследователя и сферы его деятельности.

Термин «критическое мышление» впервые был использован американским философом Джоном Дьюи (John Dewey) в 1910 г. в работе «How to think». Автор прагматической педагогики и методологии определил критическое мышление как «активное непрерывное всестороннее изучение убеждения или любой формы знания через анализ оснований в их поддержку и дальнейших выводов, к которым оно ведет» [Dewey, 1910, p. 6]. Педагогический новатор предлагал формирование личности, способной адаптироваться к различным условиям, умеющей думать и оценивать информацию. По его мнению, человек знает только то, что смог подтвердить или опровергнуть, все остальное – лишь его догадки.

Дэвид Клустер, профессор в области американской литературы, определяет критическое мышление как «умение ставить вопрос и выявлять проблему, решение которой будет через убедительную аргументацию» [Клустер, 2005, с. 7]. Ученый считает формирование критического мышления альтернативой традиционным программам, по которым передаются готовые знания. Критическое мышление – это всегда некий вызов, призыв к действию и самостоятельности.

Даниэль Уиллингем (Daniel T. Willingham), профессор кафедры психологии Университета Вирджинии, рассматривает критическое мышление как «совокупность трех типов мышления: рассуждения, составления

собственных суждений и решения проблемных ситуаций» [Willingham, 2007, p. 11]. Исследователь изучает критическое мышление с позиции когнитивной психологии, отмечает, что человек наделен мышлением, но не любит думать и осмысливать, поэтому, формируя критическое мышление, мы учим человека использовать свой природный потенциал, мыслить, оценивать, заключать.

Элисон Дойл (Alison Doyle), эксперт в области менеджмента и управления персоналом, определяет критическое мышление как «способность анализировать информацию и выдвигать аргументированное суждение, основанное на оценке источников, сведений, фактов» [Doyle, 2022].

Американский профессор медиакоммуникаций и журналистики Вебстерского университета Арт Сильверблатт (Art Silverblatt) изучает вопросы формирования критического мышления в рамках медиаобразования и полагает, что формирование критического мышления в процессе изучения различных дисциплин обеспечивает личность учащегося необходимыми умениями и навыками для существования в демократическом обществе [Silverblatt, 2018]. В целом он выделяет способность критически относиться к сообщениям СМИ и независимость суждений, основанных на систематической оценке доказательной базы.

Ральф Джонсон (Ralph Johnson), канадский ученый в области философии, критическое мышление определяет как «особый вид умственной деятельности, позволяющий человеку вынести здравое суждение о предложенной ему точке зрения или модели поведения» [Johnson, 2010, p. 6]. Критическое мышление исследуется в трудах «Логическая самозащита» и «Осмысление неформальной логики» через понимание и оценку аргументации естественного языка. Для критической оценки аргументов ученый предлагает использовать ошибки. Поиск релевантных аргументов, весомых для заключения и доступных для аудитории, составляет основу мышления.

Мексиканский исследователь в области медиаобразования и медиакоммуникаций Алфонсо Форссел Мендес (Alfonso Forssell Méndez) определяет критическое мышление как «видение нормативного плюрализма в понимании демократии, связанной с гражданами, участвующими в медиаландшафте, основанном на базовых принципах политики, экономики, либерализма [Méndez, 2017, p. 228]. Автор изучает медиа в рамках подхода критического плюрализма.

Австралийский школьный учитель, медиапедагог, основатель медиаобразовательного движения в Австралии, руководитель отдела образовательных программ в Министерстве образования Западной Австралии Барри Макмэхон (Barrie McMahon) про идею критического мышления пишет как про способность толковать полученную медиаинформацию. Медиа дают нам готовые тексты по нашим предпочтениям, но без толко-

вания, толкование этих текстов мы делаем сами. Мы просим студентов относиться ко всему критически и конструктивно, даже к тому, что сильно нравится, учим их искать и осмысливать наш мир. Медиаобразование – это процесс осмысления, обретения смысла, это связь между обучением и медиа, медиаобразование – это инструмент, как понимать этот мир [McMahon, 1987].

Китайский ученый в области медиакommunikаций Гио Мин Чен (Guo-Ming Chen) определяет критическое мышление как «способность различать возможные искаженные представления в средствах массовой информации и добиваться свободы слова и представление разнообразного контента в СМИ» [Chen, 2007, p. 91]. Автор указывает на дилемму выбора для населения в демократическом обществе между медиаобразованием и технологическим образованием, которые конкурируют и находятся в оппозиции между собой.

Китайский педагог, лектор Университета Гонконга, автор многочисленных работ по проблемам медиаобразования и социальной педагогики Чунг-киу Чеунг (Chung-kiu Cheung) определяет критическое мышление как «умение интегрировать информацию, получаемую из СМИ и академических знаний» [Cheung, 2016, p. 217]. Ученый пишет, что в современном обществе СМИ формируют картину мира личности, а школьное образование дает представления о культурных ценностях региона, его идеологии, поэтому так важна их интеграция как связь классического и современного. Канадский философ, изучающий южнокорейское общество, профессор Ханянского университета (Ю. Корея) Джон Майкл Мэкгайер (John Michael McGuire) определяет критическое мышление как «способность анализировать, задавать и отвечать на разъясняющие вопросы, выдвигать суждения о надежности источника информации, оценивать наблюдения дедуктивно и индуктивно, определять термины и понятия, выявлять предположения, разрабатывать пути решения» [McGuire, 2007, p. 226]. McGuire указывает на непопулярность понятия критического мышления и в целом медиапедагогики в корейском обществе, выявляет предпосылки и причины этого. Подтверждение данному выводу находим в работах корейских исследователей Hyeon-Seon Jeong, Jung-Im Ahn, Ki-tai Kim, Gyongran Jeon, YounHa Cho, Yang-Eun Kim, которые не используют термин «критическое мышление». Изучая способности личности работать с информацией и ее анализом, авторы используют термины «критическое понимание» (critical understanding), «критический подход» (critical approach), «критическое видение» (critical viewing) [Jeong, 2019].

Японский профессор социологии и социальной психологии университета Тсукубы Канае Сузуки (Kanae Suzuki) рассматривает критическое мышление как «практический навык использования информации и положительное отношение к взаимодействию в информационном обществе»

[Suzuki, 2008, p. 3]. Канае Сузуки обращает внимание на различие понятий критического мышления и компьютерной грамотности. Критическое мышление нацелено на работу с медиа и информацией, компьютерная грамотность – на использование компьютерных технологий.

Вьетнамский исследователь в области журналистики и медиакоммуникаций, профессор Университета социальных и гуманитарных наук Сайгона Танг Хуыен Нгуыен (Trang Huyen Nguyen) изучает новостную грамотность во Вьетнаме и определяет критическое мышление как «способность оценивать информацию и знания, развивать независимость суждений и самостоятельность в обучении. Интеграция критического мышления с имеющимся уровнем знаний способствует созданию нового знания» [Nguyen, 2021, p. 786]. Ученый способствует созданию и реализации образовательных программ по формированию критического мышления во Вьетнаме, для развития поисковых и лингвистических компетенций, умений использовать альтернативные источники информации зарубежных СМИ и делать объективные умозаключения.

Тайский исследователь Сара Габай (Sarah Gabai), эксперт по коммуникациям и информации ЮНЕСКО в Бангкоке, координатор развития медиаграмотности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, считает критическое мышление компонентом медиаграмотности и дает такое определение: «Медиаграмотность – это критическое мышление, применяемое к большинству источников информации: к каналам массовой коммуникации» [Gabai, 2015, p. 62]. Подчеркивается тесная взаимосвязь этих явлений. Медиаграмотность способствует формированию критического мышления, с помощью которого человек делает независимый выбор относительно источника информации. Ученый подчеркивает междисциплинарный характер критического мышления, который выходит далеко за пределы профессиональной медиакоммуникации. Исследуя медиаграмотность и критическое мышление, Сара Габай фокусирует процесс, а не продукт: «Мы не говорим людям, что думать, мы учим их, как думать» [Gabai, 2015, p. 63].

Лингвист из Индонезии, профессор Университета Мухаммадия (Суракарта) Нани Солихати (Nani Solihati) рассматривает критическое мышление как «умение не только воспринимать информацию так таковую, но и подвергать ее сомнению» [Solihati, 2018, p. 2]. Исследователь считает, что критическое мышление способствует более глубокому изучению материала. Критическое мышление всегда целенаправленное, при обучении ему учащиеся вооружаются важными навыками для выполнения профессиональных задач на эффективном уровне в современном мире.

Российский медиапедагог, основатель медиаобразовательного движения в России А. В. Фёдоров описывает изучаемый объект как «целестремленное, саморегулирующее суждение, которое завершается интерпретацией, анализом, оценкой и интерактивностью, также как объяснени-

ем очевидных, концептуальных, методологических или контекстных соображений, на которых основано это суждение» [Фёдоров, 2007, с. 54]. Автор выделяет объективность суждений, рациональность как критерий оценки информации и ее источников, в основе чего лежит развитие любознательности личности, гибкости ума и непредубежденности.

Российский исследователь в области региональной науки О. В. Кузнецова подчеркивает необходимость формирования критического мышления при обучении регионоведческих и страноведческих дисциплинам, особенно при подготовке бакалавров и магистров по направлению 41.04.01 «Зарубежное регионоведение» и отмечает отсутствие систематического и централизованного процесса относительно этого вопроса. Опираясь на образовательные стандарты, ученый определяет критическое мышление как «способность выполнять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода и разработку стратегий действий» [Kuznetsova, 2020, p. 585].

В рассмотренных работах исследователи интерпретируют изучаемый феномен через призму социокультурного контекста своего региона, научной отрасли и периода деятельности, оптимизируя цели и приоритеты. Для обобщения полученной информации нами проведен компаративный анализ изученных работ по определению понятия критического мышления в АТР (табл.).

Таблица

Компаративный анализ изученных работ
по определению понятия критического мышления в АТР

№	Исследователь	Регион	Период	Научная отрасль
1	John Dewey	США	1910	Философия. Педагогика
2	Ralph Johnson	Канада	1985	Философия
3	Barrie McMahon	Австралия	1985	Педагогика
4	David Klooster	США	2001	Лингвистика
5	Daniel T. Willingham	США	2007	Психология
6	Guo-Ming Chen	Китай	2007	Журналистика и медиакоммуникации
7	John Michael McGuire	Ю. Корея	2007	Философия
8	Фёдоров А. В.	Россия	2007	Педагогика
9	Kanae Suzuki	Япония	2008	Социология
10	Alison Doyle	США	2009	Экономика и менеджмент
11	Sarah Gabai	Таиланд	2015	Журналистика и медиакоммуникации
12	Chung-kiu Cheung	Гонконг	2016	Педагогика
13	Alfonso Forssell Méndez	Мексика	2017	Педагогика
14	Art Silverblatt	США	2018	Журналистика и медиакоммуникации
15	Nani Solihati	Индонезия	2018	Лингвистика
16	Кузнецова О. В.	Россия	2020	Регионоведение
17	Trang Huyen Nguyen	Вьетнам	2021	Журналистика и медиакоммуникации

Данный анализ показывает, что понятие «критическое мышление» появилось на территории США в исследованиях американских ученых, поэтому больше всего определений критического мышления дано учеными именно этой страны. Исследователи других стран АТР, изучая данный феномен, часто цитируют имеющиеся определения или вносят коррективы в них.

Впервые термин «критическое мышление» вошел в научный обиход в 1910 г., но его идея была отражена в более ранних работах исследователей АТР. Понятие критического мышления используется в различных научных отраслях, но очень часто наблюдается его междисциплинарный характер.

Исследователи подчеркивают актуальность формирования критического мышления, изучают его природу, выделяют характерные черты, которые необходимо учитывать в процессе формирования.

Обобщая исследования ученых АТР, направленные на изучение сути критического мышления, можно заключить следующее:

- критическое мышление рассматривается как самостоятельный тип мышления;
- любая информация является базой для анализа, критической оценки и создания собственного убеждения;
- критическое мышление направлено на обоснование позиции, усиленную доказательность и аргументацию;
- критическое мышление предполагает многостороннюю деятельность, умение рассматривать одно и то же событие с разных позиций;
- критическое мышление носит индивидуальный характер, поскольку формирует личностную стратегию работы с информацией и ее источниками.

Исходя из изученных определений, дадим обобщающее определение, раскрывающее суть понятия относительно нашего предмета исследования: критическое мышление регионоведа – это умение объективно анализировать информацию об изучаемом регионе, оценивать ее источники, авторов, их мотивы и делать обоснованное умозаключение на базе проведенного комплексного анализа, подтверждая или опровергая полученные данные.

В соответствии с новыми условиями и вызовами общества, единым информационным пространством критическое мышление рассматривается как необходимая характеристика личности и становится одной из главных характеристик регионоведа.

В результате анализа исследований по интерпретации понятия критического мышления из разнообразных научных областей, различных стран АТР, разных временных периодов был определен статус данного понятия в категориальной и понятийной научной системе АТР, была

установлена сущность понятия через призму задач нашего исследования и дано понятие критического мышления регионоведа.

Библиографический список

- Клустер Д. Что такое критическое мышление? URL: <http://testolog.narod.ru/Other15.html> (дата обращения: 18.10.2021).
- Фёдоров А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М., 2007. 616 с.
- Chen G. M. Media (literacy) education in the United States // *China MediaResearch*. 2007. Vol. 3, N 3. P. 87–103.
- Cheung C. K., Xu W. Promoting media literacy education in China: a case study of a primary school // *International Journal of Adolescence and Youth*. 2016. Vol. 21, N 2. P. 215–217.
- Dewey J. *How we think* // J. Dewey. Chicago : D. C Heath & Co Publishers, 1910. 240 p.
- Doyle A. Critical thinking definition, skills, and examples // Thought Co. 2022. URL: <https://www.thoughtco.com/critical-thinking-definition-with-examples-2063745> (дата обращения: 18.01.2024).
- Gabai S. The digital international media literacy e-book project // *Toward a 4.0 Media Literacy*. 2015. Vol. 62, № 1–2. P. 62–70.
- Jeong H. S., Yoon J., Kim A. Media Literacy in South Korea // *AOC, UNESCO, European Commission, COMUNICAR*, 2019. P. 111–125.
- Johnson R. H. University of Windsor // Retrieved January 21, 2010. 69 p.
- National and global issues in critical thinking development at regional studies / O. V. Kuznetsova, Yu. B. Dyundik, M. V. Novoselova [et al.] // *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific Forum «National Interest, National Identity and National Security»*, 2020. P. 582–589.
- McGuire J. M. Why has the Critical Thinking Movement not come to Korea? // *Asia Pacific Education Review*. 2007. Vol. 8, N 2. P. 224–232.
- Méndez A. F. Media literacy in Mexico: towards a critical-pluralist approach // *Excellent MSc Dissertations*, 2017. P. 78.
- McMahon B., Quin R. *Stories and Stereotypes*. Melbourn, Australia : Longman Cheshire, 1987.
- Nguyen T. H. Developing linguistics competence // *RELC Journal*. 2021. Vol. 42, N 1. P. 856–864.
- Silverblatt A. Media literacy and critical thinking // *Informational journal of media and information literacy*. 2018. Vol. 3, N 2. URL: ijmil.cherkasgu.press/ (дата обращения: 16.04.2021).
- Solihati N., Hikmat A. Critical Thinking Tasks Manifested in Indonesian Language Textbooks for Senior Secondary Students // *SAGE*. 2018. P. 1–8.
- Suzuki K. Development of Media Education in Japan // *Japan Society for Educational Technology*. 2008. N 31. P. 1–12.
- Willingham D. T. Critical thinking: Why is it so hard to teach? // *American Educator*. 2007. URL: http://www.aft.org/sites/default/files/periodicals/Crit_Thinking.pdf (date of access: 18.02.2023).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ-РЕГИОНОВЕДОВ

Аннотация. Рассмотрены возможность и необходимость использования интернет-мемов на занятиях по английскому языку у студентов-регионоведов. Отмечается, что данный инструмент способствует формированию не только необходимой в будущей профессиональной деятельности межкультурной компетентности, но и углублению и интеграции знаний об экономике, политике, культуре и социальных проблемах изучаемого региона.

Ключевые слова: интернет-мем, преподавание английского языка, предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL).

A. Chaykisova

Irkutsk State University, Irkutsk

THE USE OF INTERNET MEMES IN THE PROCESS OF TEACHING PROFESSION-ORIENTED FOREIGN LANGUAGE TO STUDENTS OF REGIONAL STUDIES

Abstract. The purpose of this article is to show how Internet memes can be used in the process of teaching professional English to students of regional studies. This educational tool contributes to the development of intercultural competence as well as integrated understanding of economic, political, cultural and social issues of the region.

Keywords: internet-memes, teaching English, content-based learning (CLIL).

Современные условия образовательной среды требуют постоянного обновления и пересмотра не только используемых методов и приемов, но и содержательных аспектов. Преподаватели находятся в поиске новых эффективных инструментов, способствующих формированию необходимых компетенций, а также удовлетворяющих потребности всех участников образовательного процесса. В качестве одного из таких инструментов, на наш взгляд, можно рассмотреть интернет-мем, обладающий большим потенциалом для реализации различных образовательных задач.

Эффективность использования интернет-мемов в качестве вспомогательного инструмента на занятиях по английскому языку у студентов-регионоведов обусловлена следующими причинами. Во-первых, нынешние студенты – это представители поколения Z, или «цифрового поколения» [Яруллина, 2022], у них есть определенные психологические особенности, которые необходимо учитывать для оптимизации учебного процесса. В связи с тем, что для них характерны слабая концентрация внимания, высокая переключаемость, клиповое мышление, они сложно воспринимают информацию в больших объемах, особенно в текстовом виде, им необходима постоянная визуальная поддержка. Во-вторых, целью освоения дисциплины «Профессионально ориентированный курс

первого иностранного языка» является формирование у студентов межкультурной коммуникативной компетенции, которая позволяет использовать язык региона специализации в профессиональной деятельности [Рабочая программа ... , 2021]. Соответственно, перед преподавателем стоят задачи не только научить их осуществлять коммуникацию на языке региона специализации, но и ознакомить с определенными особенностями страны языка региона специализации посредством изучения языка. Здесь считаем целесообразным использовать элементы технологии предметно-языкового интегрированного обучения (англ. content and language integrated learning (CLIL)), которая объединяет изучение иностранного языка и обучение предметной области в рамках одного учебного процесса, что «позволяет устанавливать междисциплинарные связи и учитывать специфику определенного предмета на занятиях по иностранному языку» [Галицина, 2018, с. 280]. Представляется, что такой подход способствует более глубокому пониманию региона через интеграцию и обобщение знаний о его экономике, географии, культуре, истории, политике, социальных проблемах.

Анализ интернет-мемов на занятиях позволяет легко и ненавязчиво информировать студентов о том, что происходит в изучаемом регионе, выявить и проанализировать наиболее актуальные проблемы политической, экономической, культурной жизни региона.

Например, актуальные проблемы политики и особенности политических процессов региона являются весьма сложной и порой отпугивающей студентов темой для изучения. Анализ интернет-мемов способствует развитию интереса и мотивации у студентов к изучению данных вопросов, поскольку мемы в современном мире уже давно стали не только популярным средством передачи политических идей, но и инструментом политической манипуляции, пропаганды и даже так называемой войны мемов (от англ. meme wars). В США об этом заговорили в рамках предвыборной кампании 2016 г., иллюстрирующей активную борьбу Д. Трампа против Х. Клинтон, правых против левых и т. д. (рис. 1, 2).

На примере подобных мемов можно обсудить со студентами как суть политического события, так и используемые эффективные средства политтехнологий, а также другие особенности политической коммуникации.

Особый интерес у студентов вызывает анализ интернет-мемов, которые описывают значимые события в политической жизни региона через яркие и всем понятные образы из массовой культуры. Так, например, 4 октября 2023 г. Палата представителей Конгресса США отправила в отставку своего спикера Кевина Маккарти. Это событие породило интернет-мем, юмористический эффект которого достигается совпадением имен спикера и главного героя фильма «Один дома», а также использованием фразы «defend the house» отсылающей к «The House of Representa-

tives», с одной стороны, и к сюжету фильма – с другой (рис. 3). Таким образом, на материале данного мема возможна одновременная работа с языковым материалом и фактами о регионе.

Рис. 1

I would rather vote for the fly that landed on Hillary's face, than either candidate.

#PresidentialDebate

Рис. 2

Рис. 3

Определенные особенности международных отношений, геополитические вопросы и конфликты также можно рассмотреть на основе ярких и запоминающихся интернет-мемов, отражающих, например, инцидент с китайским высокотехнологичным аэростатом, оснащенным современным оборудованием, который появился над территорией США (рис. 4), или отношения между странами БРИКС и США (рис. 5).

US: are the Chinese using balloons to spy on us?
China:

Рис. 4

BRACE YOURSELF

THE BRICS ARE COMING

Рис. 5

Обращением к интернет-мемам можно стимулировать обсуждение экономических проблем изучаемого региона в контексте профессиональной коммуникации на английском языке, например политику Джоозефа Байдена в сфере экономики (рис. 6) или меры правительства, направленные на устранение последствий пандемии COVID-19 (рис. 7).

Рис. 6

Рис. 7

В англоязычном медийном пространстве встречается большое количество интернет-мемов, отражающих обеспокоенность населения экологическими вопросами. Так, летом 2023 г. дым от горящих канадских лесов накрыл Нью-Йорк и был побит рекорд по худшему качеству атмосферы (рис. 8, 9).

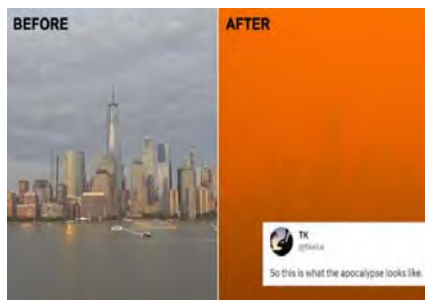

Рис. 8

Рис. 9

Глобальное изменение климата волнует жителей США, что находит отражение в критике Тейлор Свифт, которая слишком часто пользуется личным самолетом (рис. 10, 11).

Рис. 10

Me: *Takes public transit to reduce my carbon footprint*

Taylor Swift:

Рис. 11

Значимые культурные события региона находят отражение в интернет-мемах, что делает их ярким и продуктивным материалом не только для формирования необходимых языковых навыков, но и для лучшего понимания процессов, происходящих в регионе, в частности того, как жители региона их воспринимают и оценивают. Так, например, одновременный выход в прокат двух разноплановых, но крайне ожидаемых фильмов – «Барби» и «Оппенгеймер» – получил яркую оценку в интернет-мемах, а также специальное название – «Barbenheimer» (рис. 12–14).

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Таким образом, использование интернет-мемов в процессе обучения профессионально ориентированному языку студентов-регионоведов демонстрирует свою эффективность, поскольку позволяет интегрировать различные знания о регионе с иностранным языком. В связи с тем, что мемы являются своеобразным индикатором состояния общества, отражают актуальные вопросы политической, культурной и экономической повестки, эти знания постоянно актуализируются. Кроме того, крайне важной характеристикой интернет-мема является его юмористическая направленность, которая основывается на прецедентности и имплицитности, а значит, правильное понимание смысла мема требует знаний разнообразных фактов, событий, лиц, высказываний и т. п. Из этого следует, что, если студенты находят мем смешным, значит, они правильно интерпретируют и его языковую составляющую и имеют достаточно фоновых знаний о регионе, чтобы понять контекст освещаемого события или явления.

В заключение следует отметить, что есть и негативные характеристики интернет-мемов, в частности в них можно натолкнуться на стереотипные и дискриминирующие утверждения, а также обсценную лексику. Следовательно, преподавателю необходимо тщательно отбирать материал с точки зрения его формы и содержания для эффективного использования в учебном процессе.

Библиографический список

Яруллина Л. Р. Портрет цифрового поколения студентов: психологический контекст // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/portret-tsifrovogo-pokoleniya-studentov-psihologicheskij-kontekst> (дата обращения: 06.04.2024).

Рабочая программа дисциплины «Профессионально ориентированный курс первого иностранного языка». URL: https://files.isu.ru/filearchive/edu_files/B1.0.17_Professionalno_orientirovannyj_kurs_pervogo_inostrannogo_jazyka_3720.pdf?category=13 (дата обращения: 20.04.2024).

Галицына И. В. Особенности применения CLIL технологии в преподавании профессионально-ориентированного иностранного языка // Иностранные языки в современном мире : сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 21–22 июня 2018 г. / под ред. Д. Р. Сабировой, А. В. Фахрутдиновой. Казань, 2018. С. 277–282.

STUDY ON THE PRACTICAL INTEGRATION OF IDEOLOGICAL AND POLITICAL COMPONENTS IN THE JAPANESE TRANSLATION COURSE IN THE CONTEXT OF “THREE ENTRANCES”

Abstract. In the context of “cultivating people with moral integrity”, foreign language teaching in colleges and universities of China has changed from a simple transmission of language knowledge to a new model that integrates ideology and politics and cultivates translators in the new era. The translation quality of the Japanese version of “Xi Jinping: The Governance of China” is excellent, rich in ideological and political elements. “Xi Jinping: The Governance of China” is integrated into the Japanese major core translation course.

Keywords: Xi Jinping, The Governance of China, Japanese translation, ideological and political education.

Бу Сяотянь, Ли Тунцзянь

Шаньдунский университет технологий и бизнеса, Яньтай

ПРАКТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НА ПРИМЕРЕ КУРСА ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ «ТРЕХ ВХОДОВ»

Аннотация. Отмечается, что в контексте сформулированного ориентира на «воспитание людей с моральной целостностью» преподавание иностранного языка в колледжах и университетах Китая превратилось из простой передачи языковых знаний в новую модель, которая объединяет идеологию и политику и готовит переводчиков «новой эпохи». Подчеркивается, что высокое качество перевода на японский язык книги Си Цзиньпина «О государственном управлении», обладающей выраженным политико-идеологическим содержанием, позволило включить ее в основной курс подготовки переводчиков японского языка.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, «О государственном управлении», перевод на японский язык, идеологическое и политическое образование.

I. Introduction

In 2016, General Secretary Xi Jinping emphasized at the National Conference on Ideological and Political Work in Colleges and Universities that classroom teaching should be made good use of, integrating ideological and political courses with professional courses, and integrating ideological and political work throughout the entire teaching process. General Secretary Xi Jinping's words pointed out the direction for ideological and political education in the new era. In 2017, the Ministry of Education proposed various curriculum teaching reforms aimed at "curriculum ideology and politics". The country has set off a tide of "curriculum ideology and politics". Experts and teachers are actively devoted to their professional curriculum ideological and political teaching practice. In this context, the reform of the ideological and political teaching of foreign language curriculums in colleges and universities has also been put on the agenda. In 2019, "Xi Jinping: The Governance of China" multilanguage version into colleges, textbooks, and classrooms (hereinafter referred to as "three entrances"). The pilot work was launched at Bei-

jing University of Foreign Languages, Shanghai Foreign Studies and Sichuan Foreign Languages University. The implementation of the "Three-into" work for the multilingual version of "Xi Jinping: The Governance of China" has made useful explorations for the practice of ideological and political courses in foreign language courses in colleges and universities. The four volumes of the Japanese version of "Xi Jinping: The Governance of China" include General Secretary Xi Jinping's important speeches, talks, speeches, speeches, instructions, congratulatory letters and other important works from November 15, 2012 to May 10, 2022. Experts in the field serve as translators and are of high quality. Their translation strategies and techniques are worthy of reference by Japanese language learners. It is not only an excellent material for Japanese professional translation learning, but also an authoritative model for understanding contemporary China and spreading the voice of contemporary China. This article takes the Japanese major translation course as an example, and explores the teaching practice path of combining the Japanese version of "Xi Jinping: The Governance of China" with the ideological and political course from the perspective of the ideological and political chain of the course, so that value guidance and knowledge transfer complement each other, and achieve "moral development" the fundamental mission of "people".

II. The logical mechanism of integrating the Japanese version of "Xi Jinping: The Governance of China" into the ideological and political teaching of Japanese translation courses

The Japanese version of "Xi Jinping Talking about the Governance of the Country" is integrated into the Japanese stroke translation curriculum ideas and politics teaching. It is not only the requirements for the background of the "Political" era, but also the inherent needs of the Japanese translation course itself. It plays an important role in promoting the reform of ideological and political teaching in colleges and universities.

1. Based on the "Great Thoughts and Political" educational era foreign language curriculum ideas and politics logic

In 2020, the Ministry of Education issued the "Guidelines for the Construction of Curriculum Thoughts and Politics in Higher Education", which clarified the requirements of higher education universities to carry out curriculum ideological and political construction. The outlook on life and values. "[The Ministry ...] On July 25, 202, the Ministry of Education issued the "Work Plan for Comprehensively Promoting the Construction of "Da Si Political Class" ", which clarified the overall requirements and specific practices of the construction of "Da Si Political Class ". In particular, colleges and universities must closely follow the goals of ideological and political teaching, carry out diversified practical teaching, and promote the innovation and promotion of "Da Si Political Class".

As the vanguard in the field of education, the construction of "major ideological and political courses" in colleges and universities is not only an important measure in the reform of higher education, but also an important part of building a national "major ideological and political course" system. With the deepening of reform and opening up and the rapid development of the economy, the diversity and differences in the field of thought are also increasing. As college students who grow up in the new era, they are more receptive to new things and new ideas. In terms of world outlook, outlook on life and values, they face a variety of choices and temptations in shaping their education, especially college students majoring in foreign languages. They are often exposed to foreign ideologies and are subtly influenced by foreign cultures. This can easily lead to conflicts and collisions between Chinese and Western values, which causing students ideological problems. In order to guide college students to establish correct values in the complex environment of the times, it is necessary to give full play to the leading role of ideological and political courses, promote China's excellent traditional culture, cultivate students' cultural confidence and national pride, and achieve the educational goal of "cultivating people with moral integrity", to cultivate foreign language talents who can tell Chinese stories well, have an international vision and feelings for their home and country.

2. Based on the endogenous logic of the translation course itself

General Secretary Xi Jinping pointed out at the National Ideological and Political Conference of Colleges and Universities: "Good ideological and political work should be like salt, but you cannot just eat salt. The best way is to dissolve salt into various foods and absorb it naturally." [Zhang Xiaofei, 2018]. This metaphor vividly expresses that ideological and political education should be "like salt that goes into the taste and dissolves in food." When applied to ideological and political education, the study of professional knowledge and ideological and political teaching should be organically integrated, so as to "moisten things silently", and achieve the effect of "infinite meaning", thus avoiding the phenomenon of "two skins" in ideological and political education and professional education. In foreign language courses, Japanese translation courses have the advantage of integrating ideological and political courses. Sino-Japanese cultural exchanges have a long history. Japanese culture originally nourished the growth of Chinese culture, and the shadow of Chinese culture can often be seen in Japanese culture. Japanese translation courses include Japanese-Chinese and Chinese-Japanese translation courses. They mainly explain translation strategies and translation skills, but they involve a profound cultural background and history of cultural exchanges. Therefore, they contain rich educational elements.

The existing Japanese translation curriculum textbooks are guided by translation theory. They are full of content and systematic systems. They teach

vocabulary and translation, paragraphs and translation, translation techniques and translations. It mainly expands through example sentences. In the process of teaching, although students can learn about related translation methods and translation skills, the Chinese cultural color is not strong, and the course of ideological and political and politics needs to be strengthened. It can be said that the knowledge system of "ideological and political integration" in Japanese translation courses is still incomplete. It does not carry enough Chinese culture and Chinese thoughts, and it is difficult to make students feel the profound impact of Chinese culture on Japanese culture and the powerful Chinese culture. Essence The Japanese version of "Xi Jinping: The Governance of China" has been published in four volumes, which is an authoritative work reflecting the socialist thoughts of General Secretary Xi Jinping's new era of socialism with Chinese characteristics. It covers many aspects of the people's view and the great rejuvenation of the Chinese nation, and is the reflection of the essence of Chinese culture and thought in the new era. In addition, the book carefully considers each vocabulary, every title and each paragraph, and uses a variety of translation techniques such as simplification and alienation.

Therefore, integrating the Japanese version of "Xi Jinping: The Governance of China" into the Japanese translation course on the one hand can improve students' translation skills and translation level. On the other hand, it can deepen students' understanding of Chinese culture and cultivate students' cultural self-confidence. Political education that is rare.

III. Analysis of the "Ideological and Political Integration" Course in Japanese Translation

Japanese translation is a professional course in Japanese major. The Japanese version of "Xi Jinping: The Governance of China" is introduced to carry out ideological and political teaching. It has both difficulty and advantages.

Difficulties in setting up the course "Integration of Ideology and Politics" in Japanese Translation

The first is academic analysis. The Japanese translation course is taught to students majoring in Japanese in the first and second semester of their junior year. Japanese majors are different from English majors. Most students start learning Japanese from scratch. Therefore, most students at this stage have just come into contact with translation studies and lack theoretical and systematic knowledge. The existing translation exercises are only based on basic Japanese and reading. It is based on basic courses such as listening and listening. Faced with a brand-new knowledge system and a sudden increase in difficulty, students are easily uncomfortable. If there is a lack of certain course preparation and principled guidance, students are prone to fear of difficulties or even resistance.

The second is to cultivate target analysis. The translation of foreign propaganda should abide by the "Three-into" principles, that is, the reality of the

development of China, close to the needs of foreign audiences for Chinese information, and the thinking habits of foreign audiences [Huang Youyi, 2004]. The use of the "Three-into" principles can effectively solve the problems caused by cultural differences in the process of translation in Han and Japan. The content of the translation is more in line with the language and thinking habits of the Japanese, and the task of translating foreign propaganda is better. Therefore, as a foreign propaganda person, you must first have high political literacy and firm political standing, secondly, have solid language skills and skilled translation skills, and finally have international vision and cross-cultural exchange capabilities. Spread Chinese voices to the world and tell the story of Chinese. These are not able to achieve it in a short period of time. It takes a long time to accumulate and exercise, and ideological and political education can play an important role in it.

Finally, there is the analysis of teaching materials. "Xi Jinping: The Governance of China" contains various important speeches by General Secretary Xi Jinping, involving major principles and policies, economic reforms, ideological lines, international exchanges and other aspects. It quotes a large number of allusions and idioms, etc., making the text translation difficult, you need to master certain translation skills and strategies. Although the Japanese version of "Xi Jinping: The Governance of China" uses this method accurately and the translation quality is high, in order for students to appreciate the essence of the translation, teachers need to have in-depth understanding and teach in simple and easy-to-understand terms. However, there are currently no materials or handouts that integrate the Japanese version of "Xi Jinping: The Governance of China" with translation tutorials. Teachers can only continue to study on their own, select appropriate content according to the needs of translation teaching, and organically integrate professional translation into consideration. The ideological and political elements of knowledge. This is also a major difficulty in the teaching process.

Japanese translation "Thoughts and Politics Integration" course has the advantage.

First of all, in terms of academic status, after two years of professional study, the third-year Japanese major students have relatively solid basic knowledge of Japanese and have a greater interest in translation. At the same time, the students love the party and the country, pay attention to current affairs, and embrace the cause of translation for the motherland. He has the lofty goal of contributing his own strength and is full of passion for translation. In addition, the translation course continues the habit of teaching foreign languages in small classes. Students can get more practice and guidance in the course, which has teaching advantages.

Secondly, in terms of curriculum, translation is fundamentally a value-centered evaluation activity. By resorting to value terms related to its cultural

stance and cultural identity, the translator evaluates the content contained in the original text that is in line with the translator's core appeal. Reconfirm the values, guide the audience's concepts and attitudes in this way, and create a new situation in the target context [Liu Jia, 2023]. Translation activities are not just pure translation activities. In the translator's translation process, there is always a construction of values and the spiritual world. Therefore, it is a valued cultural activity. To become a qualified foreign translator, in addition to high professional Japanese language skills, students also need cultural literacy in many aspects such as national identity, humanistic heritage, international perspective, and cross-cultural communication skills. Through "Xi Jinping: The Governance of China", students can not only understand the ruling policies and principles of governance of the party and the country, but also appreciate the breadth and depth of China's excellent culture, realize the profound changes and lofty ideals of contemporary China, and thus be more comprehensive and objective Understand China and understand China. "Translation activities are not independent of society, but serve society." [Yu Jiale, 2006]. Students' learning in translation courses can not only improve their Japanese translation and external publicity abilities, but also provide theory and practice for serving the country and society in the future. Base. Under the background of "Three-into", "Xi Jinping: The Governance of China" is integrated into Japanese professional translation courses to deeply explore ideological and political elements. Carrying out ideological and political education can enable students to acquire many qualities in addition to professional knowledge, which is important for achieving curriculum and professional training goals. promotion effect.

IV. Japanese translation courses are integrated into the practical path of the ideological and political chain of "Xi Jinping: The Governance of China"

Regarding the ideological and political aspects of foreign language courses, researchers and professional foreign language teachers have conducted research from many aspects. However, current research mainly focuses on the ideological and political aspects of English courses, and there are few relevant research results on the ideological and political aspects of Japanese courses, especially Japanese translation courses. However, this article will build the teaching practice of the ideological and political chain of Japanese translation courses based on the four specific ideological and political chains proposed by Professor Wen Qiufang: "content chain, management chain, evaluation chain, and teacher's words and deeds chain".

1. Thoughts of Politics and Political Contents

The content chain is the starting point for foreign language teachers to implement curriculum ideological and political education, and is also the main starting point for curriculum ideological and political work [Wen Qiufang, 2021]. Before implementing teaching content, the teaching objectives must

first be clarified. Teaching goals can be divided into explicit goals and implicit goals. The explicit goal of this course is to, on the basis of understanding translation theory, greatly expand the vocabulary commonly used in written translation, understand the correlation and difference between Chinese and Japanese vocabulary, master the grammar and sentence patterns of translation, conduct a large number of practical exercises, and improve students' outlook. The ability to translate different scenes and different styles improves students' language expression and critical thinking abilities. The implicit goal of this course is to select appropriate content from "Xi Jinping: The Governance of China" and apply it to the course, so as to improve students' translation ability while closely following the goal of educating people, and ultimately achieve "language knowledge + professional ability + moral integrity" The joint achievement of the multi-layered goal of "Treeing People".

The realization of teaching objectives is inseparable from the careful design and implementation of teaching content. The content of "Xi Jinping: The Governance of China" is relatively difficult. If you insert it directly and bluntly, it will be difficult to achieve the desired effect. Therefore, you need to dig deep into the ideological and political themes hidden in it, and then combine it with the specific content of the course teaching according to its themes, and use Chinese and Japanese vocabulary Comparison, fixed phrase matching, understanding of common sentence patterns, paragraph analysis and translation, etc. are advanced from shallow to deep, layer by layer. At the same time, the flipped classroom teaching model is adopted to change the traditional teacher-led teaching model, transforming teachers from imparters of knowledge to guides of learning, giving students more autonomy in learning, and embodying the principle of "taking students as the main body and teachers as the main body". Leading" innovative teaching. In the specific teaching implementation process, teachers can use pictures, audios, videos and other materials to organically integrate into course teaching through the combination of online and offline teaching in the three links of pre-class driving, in-class facilitation and after-class development. Students can choose the appropriate time and place to study and complete learning tasks according to their actual situation. The ideological and political themes in "Xi Jinping: The Governance of China" include realizing the Chinese Dream, strengthening cultural self-confidence, deepening reform and opening up, advancing the "Belt and Road" construction, major country diplomacy, ecological civilization construction, building a community with a shared future for mankind, building a socialist cultural power, Through sorting out and exploring many aspects such as building a country under the rule of law, we can analyze them from the country (feelings for family and country, excellent traditional Chinese culture, etc.), society (regional identity, social responsibility, etc.), and individuals (teacher ethics, character building, etc.) three levels work together to create a complete

ideological and political system of the course, and carry out in-depth ideological and value shaping when learning Japanese translation knowledge.

This article takes the theme unit of "Great Power Diplomacy" as an example to carry out curriculum ideological and political teaching design.

(1) During the pre-class preview stage, teachers arrange pre -tasks through rain classrooms, and use high-quality MOOC resources as the release of teaching short videos, requiring students to consider historical and cultural background information related to "big country diplomacy", such as China in ancient and modern times in ancient times and modern times. Exchange with other countries, understand the characteristics of diplomatic diplomacy today, and preview related professional vocabulary. Guide students to be familiar with the history of the country and understand the contemporary international situation, helping students become a new era youth with cultural self - confidence and development vision.

(2) During the in-class teaching stage, various forms of teaching activities are carried out, including vocabulary warm-up, key sentence explanations, key exercise analysis and practical exercises. For each link, teachers design flexible teaching methods. Learn the hot vocabulary of this unit through picture display, quick answers, oral questions and answers, etc.; analyze and explain the translation skills of key sentences through group discussions and teacher-student interaction; analyze the relationship between vocabulary, sentences and paragraphs in paragraphs through group mutual translation and paragraph explanations. Interrelationships to promote students' understanding of relevant translation skills; finally, practical exercises are conducted through individual responses, group translation, and simulated actual combat. Throughout the process, teachers respond, answer and comment on students' questions, guide students to understand the characteristics of ancient Chinese diplomatic culture and contemporary major power diplomacy, enhance students' cultural confidence, cultivate students' global vision, and promote students to learn from each other between Chinese and foreign civilizations. and contribute to building a global cultural community.

(3) In the after-class expansion stage, students are required to complete the translation task of "Major Power Diplomacy" and conduct related extended readings, summarize the history and characteristics of major power diplomacy, and think about the new ways of China's diplomacy in the new era and what they should do Show China to the world and tell Chinese stories well.

2. Thoughts of Political Management Chain

"Xi Jinping: The Governance of China" contains profound cultural connotations and has a certain degree of difficulty. Therefore, in the course teaching, methods such as group cooperative learning and inquiry-based learning can be used to divide the class into several groups, and the students in each group Self-organized, each group chooses one of the ideological and political themes

from "Xi Jinping: The Governance of China" as the research content of the group. The group divides labor and cooperates, in-depth study and expanded reading of relevant materials, and masters the important vocabulary and sentence patterns, grammar and translation strategies. In addition to the normal submission of assignments, at the end of the semester each group will present its research results and simulate scenarios for practical translation. In this way, students' enthusiasm for learning is stimulated, interaction and cooperation between students are deepened, a deep understanding of the ideological and political themes chosen by their groups is formed, and students' comprehensive qualities are comprehensively improved.

In addition, teachers' management of courses is not limited to offline classroom teaching, but plays a role in guiding and supervising the entire teaching process. Teachers can publish pre-class preview assignments and related preview materials through Rain Classroom, QQ groups, etc., require students to upload after-class assignments and expansion materials, and randomly check the completion of homework and knowledge mastery of individual students or groups in class. Correct and answer students' feedback on questions and assignments, keep abreast of students' learning status, reshape teaching content based on students' actual feedback, and form a relatively complete course management chain.

3. Ideological and political evaluation chain

Teaching evaluation is an important part of teaching activities. The curriculum ideological and political evaluation chain consists of three parts: evaluation method, evaluation subject, and evaluation content. The method of ideological and political evaluation of Japanese translation courses is composed of two aspects: process evaluation and ending evaluation. The process evaluation runs through the entire process of expanding curriculum teaching from pre-class preparation to after-class expansion. The evaluation subject is no longer limited to teachers, but is composed of both teachers and students. Internal mutual evaluation and individual self-evaluation. The learning activities carried out in the group can conduct inter-group mutual evaluation and inter-group mutual evaluation. The internal entry of the group is evaluated according to the enthusiasm and completion of individual participation during the group activity. Showing as a standard, teachers and personal evaluations can be completed according to the content, depth, and reflection of the ability to show the elements of ideological and political elements in the operation. In the evaluation process, it can be anonymous evaluation or public evaluation. For high evaluation homework, it can be uploaded to the rain class or QQ group for display, allowing students to learn from each other and make progress together.

The content of the evaluation is mainly to evaluate the learning content of the biological production of the teaching process. It includes both the individual's assignments, and the overall report of the group, which focuses on the

prominent ideas and elements of ideological politics and politics. In the final evaluation, the reflection of ideological and political content is more hidden, integrates in the knowledge assessment, and focuses on the leadership of values, highlighting the comprehensiveness and humanity in the evaluation [Zhang Wei, 2023]. The paragraphs of socialist core values or excellent traditional Chinese culture can be reflected as test materials, examining students' translation ability, cross-cultural communication ability, and external communication capabilities, and use it as a tool for ideological and political evaluation. It is worth noting that the collection of evaluation materials includes both text and picture materials that include ideological and political perspectives and the elements of ideological politics, as well as materials that can reflect students' ideological and political understanding. For example, the process of using ideological growth materials used to use this kind of material that can reflect students' ideological and political cognition is more contrastable. Of course, the process of mobile phones is relatively complicated.

The ideological and political evaluation chain can play an important role in promoting both teachers and students. For students, on the one hand, it can deepen students' emphasis on ideological and political learning and correct their attitudes towards ideological and political learning. On the other hand, it can encourage students to accept the baptism of ideological and political education again during the evaluation process and reshape their values. Improve students' political literacy. For teachers, it helps teachers further improve their teaching methods, enhance their ideological and political abilities and ideological and political effects. It can also help students establish correct values and promote students' ideological growth. [Wang Youling, 2023].

4. Teacher's words and deeds chain

A teacher is someone who teaches, teaches and resolves doubts. Teachers should not only impart knowledge to students academically, but also infect students with noble morals and personality charm, serve as role models for students, use their words and deeds to influence students' mental health in a subtle way, and light up students' hearts. Be a guide for students on their growth path.

Teachers' charm as a teacher can provide ideological and political education to students invisibly. With the internalization of teachers' ethics and ethos in the heart, ideological content such as socialist core values and principles of life and doing things can be integrated into the teaching of language knowledge, and the goal of educating people can be achieved in the gathering of form and spirit [Zhang Wei, 2023]. Japanese translation courses involve many aspects such as culture, politics, economy, history, etc. When teaching the course, teachers can guide students to discuss corresponding topics and express their attitudes and positions when explaining vocabulary and translation skills, for example, when expressing mutual exchanges between China

and Japan in the fields of politics, economy and other fields, as Chinese, we need to use the vocabulary "China and Japan" instead of "Japan and China". We must put China at the forefront to express our Chinese position. Rather than being influenced by the original text; for another example, when conducting comparative teaching of Chinese and Japanese vocabulary, you can start from the text, tell the process of the creation of Japanese characters and the influence of Chinese characters, and let students experience China through interview videos, text pictures and documentaries, etc. The profoundness and strong vitality of culture enhance students' cultural self-confidence and guide students to establish correct values.

V. Conclusion

In the context of "cultivating people with moral integrity", foreign language teaching in colleges and universities has changed from a simple transmission of language knowledge to a new model that integrates ideology and politics and cultivates socialist foreign propaganda translators in the new era. The translation quality of the Japanese version of "Xi Jinping: The Governance of China" Excellent, rich in ideological and political elements, "Xi Jinping: The Governance of China" is integrated into the Japanese major core course translation, and the ideological and political practical teaching of the course is carried out from the four links of the content chain, management chain, evaluation chain and teacher's words and deeds chain, which is the "three The useful exploration of "advancing" work will help realize the fundamental task of cultivating people with moral integrity and cultivate Japanese translation talents in the new era with both professional translation capabilities and comprehensive qualities.

This article is a phased result of the teaching reform project of Shandong Technology and Business College "Research on the Teaching Practice of the "Three-into" Courses of the Japanese Translation of "Xi Jinping: The Governance of China" in "The Theory and Practice of Translation" (Project No. 116882022132).

References

The Ministry of Education's Notice on Printing and Distributing the «Guidance Outline of Curriculum Curriculum Curriculum Curriculum». URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/s7056/202006/t20200603_462437.html (date of access: 15.03.2023).

Zhang Xiaofei. Good ideological and political work should be like salt Inner Mongolia // Daily News. 2018. Vol. 16, N 5.

Huang Youyi. Adhering to the principle of "three proximity to foreign propaganda" and dealing with difficult issues in foreign propaganda translation // Chinese translation. 2004. N 6. P. 27–28.

Liu Jia. Explorations on Curriculum Civics and Politics in Translation Teaching – Taking the Analysis and Explanation of the English Translation of Xi Jinping on Governance: Vol. 3 as an Example // Heilongjiang Education (Theory and Practice). 2023. N 2. P. 77–79.

Yu Jiale. Social Studies of Translation // Shanghai Translation Publishing House. 2006. P. 4–5.

Wen Qiufang. The connotation and implementation framework of ideology and politics in college foreign language courses // Chinese foreign language. 2021. N 2. P. 47–52.

Zhang Wei. A study on the ideological and political practice path of integrating the second foreign language Japanese course into the curriculum under the background of "Three-into". 2023. N 3. P. 56–62.

Wang Youling. Design and practice of ideological and political chain teaching in "Three-into" course – taking Spanish Interpretation course as an example. Foreign language education and application. 2023. P. 81–90.

УДК 811.521

Narendramohan Hanukrushna

Central China Normal University, Batticaloa

DIFFERENTIATED INSTRUCTION IN SOUTH ASIAN CLASSROOMS: A CASE OF SRI LANKA

Abstract. The purpose of the article is to examine Sri Lanka's experience of the application of differentiated instruction (DI), a strategy that focuses on the diverse learning needs of students. The study describes the benefits and justifies the use of DI, revealing optimal ways for its successful implementation. While recognizing challenges and limitations, the analysis highlights the potential benefits of DI, such as increased engagement and improved academic achievement.

Keywords: differentiated instruction, classroom management, inclusive education, teaching methods.

Нарендрамохан Анукрушна

Педагогический университет Центрального Китая, Баттикалоа

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ЮЖНОЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ ШРИ-ЛАНКИ

Аннотация. Описывается опыт Шри-Ланки в применении дифференцированного обучения (DI), стратегии, которая стремится удовлетворить разнообразные потребности учащихся. В исследовании анализируются преимущества и обосновывается использование DI, выявляются оптимальные пути его успешного внедрения. Несмотря на существующие проблемы и ограничения, результаты демонстрируют потенциальные возможности DI, такие как повышение вовлеченности и успеваемости.

Ключевые слова: дифференцированное обучение, классное руководство, инклюзивное образование, методы обучения.

Sri Lanka, with its multicultural and multilingual population [De Silva, 2000, p. 18], presents a compelling case for the implementation of Differentiated Instruction. The country's education system is characterized by diverse demographics, varying levels of socio-economic backgrounds, and a wide range of learning abilities.

Differentiated Instruction (DI) is an educational approach that seeks to address the unique learning needs of each student [Tomlinson, 1999, p. 78]. It involves tailoring instruction to accommodate differences in learning styles,

abilities, and interests, allowing students to engage with the content in ways that best suit their strengths. Providing multiple entry points, offering a variety of learning activities, and adjusting the pace and complexity of instruction, DI aims to create an inclusive and supportive learning environment that allows all students to thrive [Cazden, 1986, p. 20]. By adopting DI, educators in Sri Lanka can better address all variations and provide a more personalized and effective learning experience for their students.

According to Tomlinson, differentiated instruction is “a way of thinking about teaching that maintains students' varied needs can be met in a classroom where they feel both supported and challenged” [Tomlinson, 1999, p. 4].

Figure 1 provides an overview of differentiation in education and combining theory with practice. Its structure and content offer educators a comprehensive guide to implementing differentiation effectively in their classrooms.

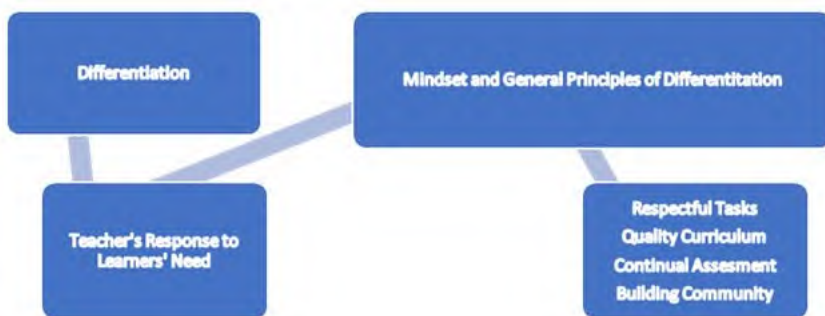

Fig. 1. DI and Combining Theory

One of the key components of differentiated instruction is providing multiple means of representation, engagement, and expression [Rose, Meyer, 2002, p. 91]. This means that teachers need to present information in various ways, such as visually, audibly, and kinesthetically, to accommodate different learning styles. Additionally, teachers should offer a range of activities and assignments that allow students to engage with the content in meaningful ways and express their understanding through different formats, such as writing, speaking, or creating.

Another important aspect of DI is the use of ongoing assessment to monitor students' progress and adjust instruction accordingly [Rasheed, Fareeha, Wahid, 2018, p. 200]. Teachers need to regularly assess students' understanding and provide feedback to help them improve [Ober, 2016, p. 39].

Differentiated instruction involves creating a positive and supportive classroom climate where all students feel valued and respected. This can be achieved by promoting collaboration, communication, and empathy among

students. Teachers can encourage students to work together, share their ideas, and appreciate each other's unique perspectives. In a differentiated classroom, teachers employ various strategies. Upon entering a differentiated classroom, one might observe a dynamic and flexible learning environment [Cazden, 1986, p. 27]. The physical layout of the room is often arranged to facilitate different types of activities, such as individual work, small-group collaboration, and whole-class instruction [Tomlinson, Imbeau, 2010, p. 203].

Despite the rather wide range of tools that the DI offers, the implementation of this strategy is often fraught with some difficulties. Figure 2 presents the various types of barriers that teachers might encounter in DI and distinguishes between governable and ungovernable barriers.

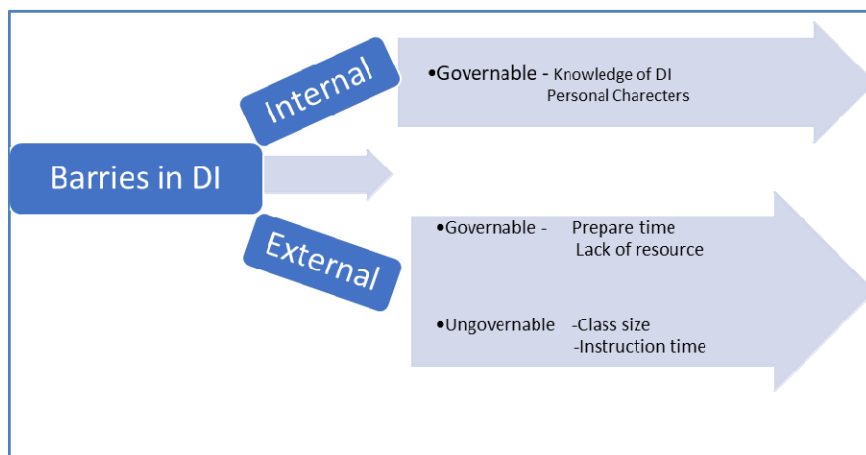

Fig. 2. Barriers of DI

Among the limitations of using DI in the classroom, some may seem obvious. For instance, visual learners might benefit from diagrams and charts, while kinesthetic learners might engage better with hands-on experiments. Teachers should provide options for students to explore their interests and preferences while still addressing the required learning objectives, which can be challenging and time-consuming [Tomlinson, Imbeau, 2010, p. 45]. This might involve project-based learning, choice boards, or tiered assignments that provide different levels of challenge.

Although teachers' perception of DI is high, they are not able to implement something they do not know much about. Besides that, time constraint is also a challenge expressed by most teachers in this study. Proper time management and a reasonable workload will go a long way in helping teachers

familiarize themselves with DI. Class size, school administration/facilities, and lack of resources hold 36.8 % each [Franco, J, 2018, p. 364].

Another significant barrier in Sri Lanka's schools to adopt DI is the perceived lack of support from school administrators, which can lead to teacher demotivation. This lack of support may manifest in various ways, such as a failure to recognize the importance of DI or a reluctance to provide the necessary resources and time for its implementation. Resource constraints pose another obstacle to the effective use of DI. Many schools in Sri Lanka struggle with limited access to trained teachers, adequate materials, and up-to-date technology. The additional support and resources required for DI may be beyond the reach of these institutions, making it difficult to implement the approach effectively [Gunawardena, 2012, p. 320].

The ability of instructors to implement DI effectively is critical to its effectiveness. Regretfully, there are not many options for professional growth or training courses that are specially designed for individualized education in Sri Lanka [Fernando, 2015, p. 7]. Teachers may find it more difficult to apply DI with competence and confidence because of this training gap.

Diverse linguistic and cultural backgrounds can pose particular difficulties. While differentiating instruction, teachers in Sri Lankan classrooms must traverse a melting pot of cultures and languages. Managing the diverse cultural backgrounds and language skills of students can be intimidating, which may result in a deficiency of culturally sensitive teaching methods [Rajasingham, 2013, p. 191].

Sri Lanka's classrooms are a reflection of the country's rich tapestry of ethnicities, languages, and socio-economic backgrounds. DI empowers educators to address the unique learning requirements of these diverse students [Chamberlain, 2014, p. 1237]. By doing so, this approach ensures that all students have the opportunity to learn effectively.

An inclusive environment allows students to feel comfortable expressing their thoughts and ideas, enhancing their overall learning experience. A differentiated classroom is characterized by its flexible and student-centered approach [Tomlinson, 1999, p. 76]. It allows all students to reach their full potential.

Differentiated instruction has garnered acclaim as an effective strategy for addressing the varied learning needs of students. In Sri Lanka, the adoption of differentiated instruction within the education system proved immensely beneficial. This approach offers several advantages, including the accommodation of diverse learners, enhanced student engagement, and support for students with learning disabilities.

DI has the potential to significantly increase student engagement and motivation. By tailoring instruction to align with students' strengths and interests, this approach encourages students to take ownership of their learning journey.

This shift toward student-driven learning fosters a more positive and dynamic classroom environment, where students are active participants in the educational process [Tomlinson, 1999, p. 81].

Differentiated instruction plays a crucial role in supporting students with learning disabilities. By making adjustments to teaching methods, materials, and assessments, educators can create an inclusive learning environment that allows these students to overcome barriers and achieve academic success [Cunningham, 2020, p. 480]. This inclusive approach ensures that students with learning disabilities have equal access to the curriculum and the opportunity to reach their full potential.

The implementation of differentiated instruction in Sri Lanka's education system holds the promise of creating a more inclusive and effective learning environment. By recognizing and accommodating the diverse learning needs of students, educators can help all learners contribute to the richness of the nation's educational landscape.

The potential advantages of DI for Sri Lanka's varied student body outweigh these difficulties. Education authorities, administrators, and stakeholders must make significant investments in comprehensive teacher training programs, guarantee the provision of sufficient resources, and create supportive policies that promote an inclusive learning environment to realize these benefits. Sri Lanka may make progress towards a more effective and fair educational system that serves the needs of all of its students by removing these obstacles.

Differentiated Instruction has had a positive impact on student engagement, academic achievement, and critical thinking in Sri Lanka, it faces challenges related to teacher training, large class sizes, and resource constraints.

In Sri Lankan classrooms a multifaceted challenge requires targeted solutions for successful integration and sustainability. A comprehensive approach to professional development is essential, encompassing both pre-service and in-service training for educators. This will ensure that teachers are equipped with the skills and knowledge necessary to understand and apply DI effectively. Classroom management strategies must be reevaluated to accommodate large class sizes, such as through the use of cooperative learning groups and the efficient utilization of classroom space. Technology can also play a pivotal role in supporting personalized learning experiences.

Resource allocation is another critical factor, as providing a variety of learning materials, technology tools, and manipulatives that cater to diverse learning styles and abilities is fundamental to DI. Advocacy for policy changes that support the integration of DI into the curriculum is imperative. These changes should also ensure the provision of necessary resources and support systems for DI implementation.

Collaboration and sharing among educators are vital for the dissemination of best practices, experiences, and resources related to DI. This can be fostered through the establishment of professional learning communities, workshops, and online platforms. Continuous research and evaluation are necessary to understand the long-term impacts of DI on student outcomes in Sri Lankan classrooms. Evaluating the effectiveness of existing DI initiatives and making evidence-based adjustments will refine and improve implementation strategies.

Addressing the challenges associated with DI in Sri Lankan classrooms is pivotal for its successful integration and sustainability. By focusing on comprehensive professional development, effective classroom management, adequate resource allocation, policy support, collaboration, and ongoing research and evaluation, educators can create an inclusive and effective learning environment that caters to the diverse needs of all students.

In conclusion, the significant potential for Differentiated Instruction in Sri Lanka's education system is particularly tailored to the country's multicultural and multilingual demographic. The analysis revealed the numerous benefits of DI, including increased student engagement, improved academic achievement, and the development of critical thinking skills. However, it has also acknowledged the challenges that need to be addressed, such as teacher training, large class sizes, resource constraints, and cultural and linguistic diversity.

The research has identified several key recommendations for the successful implementation and sustainability of DI in Sri Lankan classrooms. These include providing comprehensive professional development for teachers, exploring strategies to manage large class sizes, allocating adequate resources and materials, advocating for policy support, encouraging collaboration among educators, and conducting further research and evaluation. By implementing these recommendations, it is anticipated that the Sri Lankan education system can create a more inclusive and effective learning environment that meets the diverse needs of all students.

This author suggests that the integration of DI has the potential to transform the educational landscape in Sri Lanka, empowering students to reach their full potential and preparing them for success in the future. The implementation of DI holds promises for addressing the varied learning needs of students, fostering a more equitable and effective education system that serves the needs of all its students.

References

- Cazden L., Courtney B. Language in the Classroom // *Annual Review of Applied Linguistics* 7. 1986. P. 18–33.
- Phylogenetic Tree Shape and the Structure of Mutualistic Networks / S. Chamberlain, D. P. Vazquez, I. Carvalheiro, E. Elle // *Journal of Ecology*. Vol. 102, N 5. P. 1234–1243.
- Cunningham A. I., Carroll J. M. The Development of Early Literacy in Steiner- and Standard-Educated Children // *British Journal of Educational Psychology*. Vol. 81, N 3. 2020. P. 475–490.
- De Silva M. Measuring responsiveness: Results of a key informant survey in 35 countries. In: GPE Discussion Paper series. WHO. N 21. P. 16–35. URL: <https://www.scirp.org/reference/ReferencesPapers?ReferenceID=251631> (date of access: 06.05.2024).

Fernando N. Teacher Education in Sri Lanka: The Need for a Paradigm Shift // Cogent Education. 2015. № 2(1). pp. 5–8.

Franco J. Preventing Other 'Marawis' in the Southern Philippines // Asia and the Pacific Studies. 2018. Vol. 5, N 2. P. 362–369.

Gunawardena M. Education for All: A Sri Lankan Perspective // International Journal of Learning. 2012. Vol. 18, N 3. P. 317–320.

Ober J. Research on Differentiated Instruction // the College Reading and Learning Association 49th Annual Conference. 2016. P. 119–135.

Rajasingham S. Language and Education in Post-War Sri Lanka: A Human Rights Perspective // Language and Development: Perspectives from Asia. 2013. N 22. P. 191–206.

Tomlinson C. The Differentiated Classroom: Responding to the Needs of All Learners // VA: Association for Supervision and Curriculum Development. 1999. 78 p.

УДК 372.8. 811.58

T. Shishmareva, Yu. Dyundik

Irkutsk State University, Irkutsk

LEON WIEGER'S EXPERIENCE IN TEACHING HIEROGLYPHICS IN MISSION SCHOOLS (BASED ON "SHO WEN ZE ZI")

Abstract. The present article is devoted to analysis of the book by Leon Wieger "Chinese characters. Their origin, etymology, history, classification and signification" which can be regarded as scientific research in the field of Chinese hieroglyphics. The author was one of the first to introduce "Sho wen ze zi" to European readers, and also systematically presented its main postulates. This book is not an etymological dictionary, but a textbook, divided into Lessons, each presenting a new "basic" hieroglyph. Structurally, the book consists of an introduction, 177 lessons, and two appendices. In the introduction, the author systematically makes the reader acquainted with important postulates that you need to know when starting to study Chinese writing. The main part of the book consists of 177 lessons in total, but the number of analyzed keys is 214. The authors point out that L. Wieger recognized the need to learn the language through an integral part of traditional Chinese culture – hieroglyphic signs. In addition to the didactic component itself, the author attempted an etymological analysis of Chinese signs, which can be considered to be the first European textbook on Chinese hieroglyphics.

Keywords: teaching in missions, hieroglyphics, six categories of hieroglyphs, history of Chinese writing, grammarology.

Т. Е. Шишмарева, Ю. Б. Дюндик

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОПЫТ ЛЕОНА ВИГЕРА В ПРЕПОДАВАНИИ ИЕРОГЛИФИКИ В МИССИОНЕРСКИХ ШКОЛАХ (НА МАТЕРИАЛЕ «ШО ВЭНЬ ЦЗЕ ЦЗЫ»)

Аннотация. Анализируют некоторые вопросы книги Леона Вигера «Китайские иероглифы. Их происхождение, этимология, история, классификация и значение», которую можно считать первым европейским учебником по грамматологии. Подчеркивается, что автор одним из первых познакомил европейского читателя с источником «Шо вэнь цзе цзы», а также системно представил его основные положения. Отмечается, что данная книга представляет собой некое учебное пособие, которое построено в виде уроков (Lessons), в каждом из которых происходит знакомство с новым «базовым» иероглифом. Раскрывается структура книги: введение, 177 уроков и два приложения (во введении автор знакомит читателя с важными положениями, которые необходимо знать, приступая к изучению китайского письма; в основной части книги – уроки, в которых проанализированы 214 ключей). Отмечается, что, кроме собственно дидактической составляющей, Вигер предпринял попытку этимологического анализа китай-

ских знаков, что, безусловно, может рассматриваться и как в определенной степени научное изыскание в области китайской иероглифики.

Ключевые слова: преподавание в миссиях, иероглифика, шесть категорий иероглифов, история китайской письменности, грамматология.

Among the European works devoted directly to Chinese writing, one should highlight the book by the French missionary Leon Wieger (1856–1933) "Chinese characters. Their origin, etymology, history, classification and signification" [Wieger, 1965]. It is a study based on the materials of Chinese documents, which was first published in French in 1915 and was subsequently reprinted in English and other languages many times. The author was one of the first to introduce "Sho wen ze zi" to the European readers, and also systematically presented its main postulates. It should be noted that L. Wieger wrote textbooks on the Chinese language used for teaching in missions. This book is not an etymological dictionary in its pure form, but a kind of didactic material – the textbook is divided into Lessons, each presenting a new "basic" hieroglyph (sign). Structurally, the book consists of an introduction, 177 lessons, and two appendices. In the introduction, the author systematically makes the reader acquainted with important postulates that you need to know when starting to study Chinese writing. Firstly, it is a brief history of the Chinese language and writing talking about the periodizations of Chinese writing that exists in Chinese philology, the main reforms and written monuments, the main dictionaries such as "Sho wen ze zi" and others. Secondly, the classification of Chinese characters is explained, namely, six categories of Chinese characters by Xu Shen with names in Chinese and French or English. Thirdly, the composition and structure of the Chinese character, their main constituent units are described and analyzed. The author uses such terms as trait, key, radical, phonetic, etc. Fourthly, the possible principles of Chinese characters arrangement in dictionaries (key, phonetic, thematic, etc.) are tackled. The latter is followed by the main (research and didactic at the same time) part of the book – Lessons. There are 177 lessons in total, but the number of analyzed keys is 214. This figure corresponds to the number indicated in the famous Chinese language dictionary of the 17th century – Kang Si, as the author mentions in the preface to the book. A dictionary entry dedicated to each individual sign has certain logic of presentation, which, along with that, is not always the same. At the very beginning, the author gives two variants of the sign's outline – an ancient (dating is not specified) and a modern one, the reading with the tone is indicated, followed by a quote-definition of the sign from the dictionary "Sho wen ze zi" with a translation into one of European languages, the category of the sign in the classification by Xu Shen is also mentioned. The article is supposed to bear the ordinal number of this key according to the Kang Si dictionary. If a simple sign (key) can occupy different positions in the composition of a complex sign, then each of them is listed, commented on (with a change in

position, a simple sign can be interpreted differently) and illustrated with examples. Some dictionary entries are accompanied with quotations and comments from other sources and dictionaries (Shijing, Erya, etc.).

Wieger's aims were

- to analyze the ancient forms of the Chinese characters,
- to extract their primitive constituents, and then
- to group them in both logical and synoptical order [Wieger].

Having eliminated the useless characters (outdated, odd, incorrectly written), the Author picked out 224 Primitives. Those primitives became the bed-rock for 1500 *logical aggregates* and *phonetic complexes*, which all the other characters derived from. After many experiences, this disposition seemed to Wieger the most attractive one for studying.

The book was intended for missionaries in the educational process; so, it is a kind of a manual, which contains the *Introduction* and the *Main Body* consisting of *177 Lessons*.

The *Introduction* is designed to present some necessary explanations about the history, categories, analysis and different classifications of the Chinese characters. The book is complemented by the *Phonetic Series* and two *Lexicons* showing the characters arranged by order of Sounds and Radicals.

The Romanization (transcription) and all the names of the sources were done in accordance with Wade's phonetic system, used by the author of *Etymological Units* and we used exactly the same version to be precise and authentic.

The *Introduction* is divided into **four** sections:

- the Historical Sketch,
- LIU-SHU. Six Categories of Characters,
- COMPOSITION AND DECOMPOSITION. Primitives. Radicals. Phonetics, and
- CLASSIFICATION OF CHARACTERS.

The *Historical Sketch* starts with the reasons leading to the emergence of Chinese writing, which dates back to Fu-hsi, a mythical Emperor, based on the *Annals* (史经). Then it marks the main periods of evolution of ancient writing from "the greater seal" (about 800 B. C.) to "the lesser seal" 小篆, the latter used in Shuo-wên chieh-tzû 说文解字 which laid the foundation for the book. Special attention is paid to the official list by Li-ssû (李斯), the prime-minister under the Emperor Ch'in-shih-huang, which included 3300 characters of "the lesser seal".

The study of his work discloses two facts:

1) Li-ssû did not create any new primitives. He gave names to new objects by composing the pre-existing elements;

2) deceived by the ch'i-tzû 奇字, Li-ssû wrongly interpreted some characters, and fixed them for posterity under a wrong shape. Leon Wieger demonstrated many examples of those mistakes in his *Etymological Lessons*.

The Author finishes his *Historical Sketch* with the fact that a few years after the catalogue of Li-ssû was edited, a new era in the study of characters started. He gives two causes of it: 1. *an excessive multiplication* and 2. *a gradual transformation*.

Wieger sees the reasons of *an excessive multiplication* in Chinese tradition of copying the characters by subsequent scribes that could have led to negligence in writing and fixing faulty forms. Also, the need to give names to new things contributed to the process. As a result, thousands of useless doubles sprang up.

The index of Li-ssû contained 3300 characters. Within two centuries, it was completed seven times, and the 7th edition contained 7380 characters. Two centuries later, they were 10.000. The dictionary of K'ang-hsi (康熙) (1716 A. D.), contains 40.000 characters that, in Wieger's opinion, may be divided as follows: 4000 characters in common use; 2000 proper names and doubles of limited use; and 34.000 characters of **no** practical use [Wieger, 1965].

As causes of the *gradual transformation* of characters Wieger regards the complete change in the instruments and materials for writing and "shorthand writing". At the times of "the greater seal" 大篆 the instruments allowed to trace lines any way but all equally thick. Therefore, in "the greater or lesser seal" there are figures of every shape: round, oval, sinuous.

The invention of a new writing tool (a pencil of soft wood ending in a fibrous point) made by Ch'eng-miao 程邈 resulted in making writing square in shape. Thus, the official hand li-tzû 隶书 was born. Along with it, the lesser seal character still remained the classical writing. As for "shorthand writing", Leon Wieger gives characteristics to lien-pei-tzû 连笔字 and ts'ao-tzû 草字.

He makes all those historical remarks for students to understand how much the writing had transformed and corrupted by the time Shuo-wên chieh-tzû by Hsû-shên saw the light. Wieger believes that the aim of Hsû-shên was to prevent all further transformation of Chinese writing. He proves the idea by the fact that for the subsequent 17 centuries all grammatological works were based on Shuo-wên and it, without any doubt, became an absolute authoritative source for the following generations.

Archeological researches and studying of ancient books gave an opportunity to take a fresh look at the origin of Chinese writing. Those successive discoveries were published in enlarged and annotated editions of the primitive Shuo-wên, for example 说文通训定声. Later on, chronological series of ancient forms were ranged under each key of Hsû-shên. They were copied either from stones or bronzes that had been discovered, or from books extracted from

tombs or other hiding places. Their study enabled the critics to rectify the errors and mistakes of Li-ssû and of Hsû-shên. It gave the material for the *Etymological Lessons*.

As an example, the sign 君子 is explained in the following order:

For instance, Series of the character Chun, prince, through 45 centuries:

	1. The primitive form, 古文 ku-wén. A cap with horns to inspire awe. Two arms represent the executive power and a mouth – the legislative power.
	2. A mere graphic variety. The elements are the same, but their form is different.
	3. Another variety. The same elements, a different form. It is so with all the 古文 ku-wén: the idea is determined, the form varies.
	4. Then came a fanciful scribe who gave to the cap a curious form. The elements are still the same.
	5. The next writer, an ignoramus, thought he saw two hands, instead of the horns on the cap. The hands figure the power, the mouth makes law; the idea is still the same, but the graphic elements are partially different.
	6. An idle writer, for the sake of abbreviation, replaced one of the hands by a simple stroke, which gave the ch'i-tzû 6.
	7. This last character, being in use at the end of the Chou Dynasty, Li-ssû 李斯 interpreted so: a <i>hand</i> which acts, a mouth which <i>makes law</i> . Thus was fixed the hsiao-chuan 7.
	8 and 9. The wood-pencil made with this hsiao- chuan, the li-tzû 8 and 9.

	10. The writing-brush changed the li-tzû 8 and 9 into the chieh- tzû 10, which is still classic our days.
	11. The latter being connected together became the lien-pei-tzû 11.
	12, 13, 14. The successive abbreviations of No.11 gave the ts 'ao- tzû 12, 13 and 14.

It is all about the same for the other *Series* [Wieger, 1965].

In the second section of the *Introduction* Wieger presents six categories of Hsû-shên, giving them authentic names along with introducing his own terminology, and describes the number of signs in Shuo-wên according to each category. So, he calls “*Imitative drafts*”, pointing out that there are 364 of them in Shuo-wên, 指事 – “*Indicative symbols*” (125 in number), 会意字 – “*Logical aggregates*” (1167) and 形声字 – “*Phonetic complexes*” (7697). The last two categories are given with original names 假借字、转注字. Wieger separates them from the other four as not forming new characters (用字法). The explanation of these categories is given in a traditional way, so we decided not to cover this issue in detail.

In the next section “COMPOSITION AND DECOMPOSITION. Primitives. Radicals. Phonetics” Leon Wieger quite logically and profoundly explains the structure of written signs starting with strokes that have no lexical meanings, and finishing with radicals and phonetics. In this part of his explanations we have come across one important point: he introduces three synonymous terms – “primitive”, “radical” and “key”. If the difference between a *radical* and a *key* is quite clear (the first is given as a simple sign in the composition of a complex giving a meaning, the term *key* is used in two ways: the

first coincides with the radical, the second is a search element in dictionaries. The author defines the term “primitive” 建首 as a formal element of meaning that cannot be further decomposed into semantic parts, or, an *ideographic minimum*. This is the only explanation of the author, and in it we have not found any precise criteria allowing us to differentiate the terms “radical” and “primitive”. In further arguments the scholar often replaces one with another.

However, before *Etymological Lessons* he places the list of 224 primitives, not radicals or keys. Perhaps the author introduced the term “primitive”, which he considered closer in meaning in relation to the Chinese language, because the term “radical” was used in the study of inflectional languages to denote the root of the word as opposed to the ending. This point has remained unclear to us and requires a more detailed analysis in the future.

Nevertheless, the author goes in sufficient detail while explaining the term “phonetic”. He calls it a formal element that demonstrates sound in a hieroglyphic sign. Here he also notes difficulties in determining the exact sound, due to the fact that phonetic markers were also subjected to transformation, dialect corruptions, and often even the sound recorded in the dictionary was given without any critical study. Therefore, we can only talk about approximate sound.

As a phonetic support Wieger offers a Table of Rhymes and a key from the dictionary Wu-fang-yüan-yin 五方元音 developed under the Tsin 清 based on fan-ch'ieh 反切. It is a combination of 20 initials and 12 finals that is nearly as easy as the European alphabetical order. Wieger believed that learning by phonetic series is more attractive and more useful than learning by radical series or sounds. So there is a list of *Phonetic Series* in the appendix of the book. It is also significant that in his *Etymological Lessons* the author explains only the characters of the ideogram category 会意字, or *logical aggregates* and the phonetic category 形声字, or the *phonetic complexes*. As grounds for focusing on these two categories he puts forward their prevailing number in the Chinese language.

The *Lessons* are mainly based on Shuo-wên, nevertheless the author addresses the dictionary of his time Kan-hsi and its shortened version (214 system of keys), and makes an attempt to compare them, at the same time pointing out errors and inaccuracies in that dictionary which seemed to occur due to deformation and simplification of graphics.

Each sign has an individual entry in the dictionary and is presented according to certain logic, which still can be quite different. So the author gives two versions of the sign's outline – an ancient one (where dating is not specified) and a modern one, then he indicates reading with the tone, a quote-definition of the sign from the dictionary “Sho wen ze zi” with a translation into one of European languages, and mentions the category of the sign in the classification by Xu Shen. The article also bears the ordinal number of the key

according to the Kang Si dictionary. If a simple sign (key) can occupy different positions in a complex sign, then each of them is listed, commented on and illustrated with examples. Some dictionary entries are accompanied with quotations and remarks from other sources and dictionaries (Shijing, Erya, etc.) [Хамаева, Шишмарева, 2018].

Wieger's book can be considered to be the first European textbook on grammatology. The author primarily pursued didactic goals – to teach listeners the Chinese language through the study of the "keys" of "Sho Wen", thereby showing the uniqueness and originality of the Chinese language. Thus, L. Wieger recognized the need to learn the language through an integral part of traditional Chinese culture – hieroglyphic signs. In addition to the didactic component itself, the author attempted an etymological analysis of Chinese signs, which, no doubts, can be regarded as scientific research in the field of Chinese hieroglyphics to a certain extent.

Библиографический список

Хамаева Е. А., Шишмарева Т. Е. Этимологический vs. этимографический анализ знаков китайской идеографической письменности // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 136–140.

Wieger L. Chinese characters. Their origin, etymology, history, classification and signification. A thorough study from Chinese documents / Transl. by L. Daorout S. J. 2nd ed. to the 4th French ed. N. Y. : Paragon Book Reprint Corp., 1965. 386 p.

УДК 377

Zhao Liwen

Shandong Technology and Business University, Yantai

A STUDY TO SCRUTINIZE THE EDUCATION OF NEW COLLEGE STUDENTS BASED ON CORPUS INTERVIEW

Abstract. This paper is research on teaching reform based on corpus-based research. The improvement of undergraduate education is the key point in achieving the high level of university education. College freshmen education is an important part of undergraduate education, and its quality improvement is also the basis of undergraduate education quality improvement.

Keywords: corpus-based research, college freshmen, education.

Чжао Ливэнь

Шаньдунский университет технологий и бизнеса, Яньтай

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НОВЫХ СТУДЕНТОВ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ КОРПУСНОГО ИНТЕРВЬЮ

Аннотация. Исследуются реформы преподавания на основе корпусного исследования. Отмечается, что повышение качества обучения студентов-первокурсников в колледжах и университетах является основой для повышения качества подготовки студентов бакалавриата в целом.

Ключевые слова: корпус, исследование, первокурсники колледжа, образование.

1. Research background

Under the background of first-class undergraduate education construction, the improvement of undergraduate education quality has become a widely concerned issue. Doing a good job in college freshman education has become a choice and direction for colleges and universities to improve the quality of undergraduate education. In fact, college freshman education has made outstanding contributions in serving undergraduate education and promoting students' development. Freshman education has also become a basic means and way to promote the transformation of students from middle school students to college students, publicize campus culture, form a good learning atmosphere and fashion, and lay the foundation of education and teaching. The stage education function of freshmen education provides support for colleges and universities to solve freshmen's adaptation problems in academic study, campus life, interpersonal communication, self-dialogue and social participation, which is conducive to the implementation of the fundamental task of cultivating students in colleges and universities. There is still a long way to go for the actual quality of college freshman education to meet the overall requirements and objective standards for improving the quality of undergraduate education. The existence of these problems has a significant restriction and influence on better improving the quality of freshman education and serving the overall quality of undergraduate education. How to better carry out college freshman education, break the existing concept, mechanism, carrier and innovation and other practical problems in freshman education, promote college freshman education to play its due role and function, realize the basic role transformation of freshmen, establish academic thinking and adapt to the rhythm of campus life, is the focus of college undergraduate education that needs to be considered.

2. Quality comparison: the practical problems faced by freshmen education under the improvement of undergraduate education quality

Entering college life from middle school is a leap in students' life journey. How to make college freshmen adapt to college life as soon as possible is an important part of college freshmen's work [Mao Wenwei, 2013]. College freshman education is aimed at helping freshmen solve their problems in living environment, professional learning, extracurricular activities and interpersonal communication, completing the role transformation from "middle school students" to "college students", and realizing the smooth connection and transition from middle school to university. A series of academic and nonacademic programs, activities, and services conducted in a purposeful, planned, and organized manner. Freshman education plays an important role in undergraduate education. The quality of freshmen education directly affects the quality of subsequent undergraduate education in universities.

Freshman education, as the entrance section of undergraduate education, is naturally the focus of undergraduate education in colleges and universities.

Colleges and universities have invested a lot of manpower and material resources in the freshman education, closely focusing on the themes of school situation education, professional education, psychological education, life education, etc., to carry out in-depth education and guidance for freshmen, and achieve the expected education goals and results. However, compared with the senior professional education of undergraduate education, freshman education is actually a weak link. Through in-depth analysis of the current implementation of freshman education in colleges and universities, and combing and summarizing the existing research literature on freshman education, it is not difficult to find that freshman education is faced with practical problems in terms of concept, mechanism, carrier and innovation. The existence of these problems is extremely unfavorable for better releasing the educating function and role of freshman education. It is even more disadvantageous to improve the quality of undergraduate education. The weakening or even lack of education in the entrance section is a fatal blow to better guide students to the good, better carry out academic activities and complete their studies with high quality. Because for the main body of college education, the hidden dangers buried in the previous period need to spend better time and energy to solve and improve.

2.1. Deviation of educational goal orientation: the phased education function of freshmen education is weakened

The goal of college freshmen education is to solve the problem of freshmen's inadaptability, help them adapt to college life, complete role transformation as soon as possible, solve the strangeness, distance and pressure caused by the change of environment and field, help them better adapt to the rhythm of college study and life, and carry out normal college study and life. The target orientation of freshman education is clear and definite, but in practice, there is an obvious deviation of educational target orientation. The main body of college education simply understands freshman education as entrance education, that is, solving the problems of environment adaptation, academic support and life service before and after college entrance, but does not take the whole academic year of freshman year as the time dimension of education, and does not set the goal of student education to solve the learning problems and academic pressure of students in the whole freshman stage. This kind of narrow and narrow target orientation is a normal state of freshman education in colleges and universities. The deviation of ideas will inevitably lead to the deviation of actions. College education subjects will show obvious instrumental and rational orientation in freshman education, that is, simply regard freshman education as an education to guide students to complete the transition of identity before and after enrollment, instead of planning and thinking from the whole academic year of freshman year, resulting in efficiency in freshman education. In other words, the main body of colleges and secondary colleges

only carry out intensive school situation education, professional education, psychological education and life education about one month before and after freshmen enter school from the perspective of convenient operation. The essence of such an intensive freshman education mode is the task-completing work state, which will indirectly bring negative effects and potential pressure to students. It is not only difficult to realize the function and role of freshman education in helping students adapt to the environment, but also lead to some students' learning fear and academic stress reaction to a certain extent, because in close educational activities, students will not be able to learn. Students can distinguish the key points effectively, and it is difficult to measure and evaluate their learning and education effects with effective standards. Eventually, they have self-doubt and self-denial, believing that they have not developed and matured themselves in the new environment. The fundamental reason is that there is a deviation in the orientation of the target of college freshman education, which leads to the deformation of the main action of college education, and leads to the weakening of the phased education function of college freshman education [Mao Wenwei, 2013, p. 12].

2.2. Blurring the boundary of educational responsibility: differentiation of the cooperative subject force of freshman education

College freshmen education is a long-term educational process, but also a multi-subject collaborative process. A clear boundary of responsibility is the premise and key to carry out freshman education efficiently and improve freshman education. As for the main body of colleges and universities and the main body of secondary colleges, in terms of the responsibility boundary of freshman education, because colleges and universities focus on scientific research and academic work, they lack necessary attention, care and support for education work, and secondary colleges are also like this. As a result, the responsibility boundary of freshmen education between the main body of universities and the main body of secondary colleges is blurred. At the university level, the responsibility of freshman education is assigned to the student work department, which lacks the support and coordination of other departments related to freshman education. Student work departments lack qualifications and experience in professional education and academic support, resulting in freshman education being a simple patchwork of activities. At the college level, the responsibility for freshman education is also assigned to the student work office, which lacks the support and coordination of other professional teachers related to freshman education. Due to the lack of professional support and professional teachers, freshman education has become a simple measure to guide students to adapt to college life. The student work department bears important responsibilities in freshman education and should be the leading department of freshman education. However, departments or units such as educational affairs, security, logistics and publicity also play an important role in

freshman education and should assume corresponding responsibilities. The boundary of responsibility is blurred not only between universities and secondary colleges, but also between faculty members within secondary colleges. Because of the fuzzy responsibility boundary, it is difficult for the cooperative subjects of freshman education to form joint action, resulting in the differentiation of freshman education forces, and difficult to achieve the effect of $1+1>2$. Such a differentiated freshman education mechanism is not conducive to the formation of a freshman education work system with clear rights and responsibilities, is not conducive to mobilizing the enthusiasm of all forces to play a role in promoting freshman education, and is not conducive to giving full play to the comparative advantages and professional expertise of various departments and units in freshman education. In the process of promoting the quality improvement of undergraduate education, how to clearly define the responsibility subject and boundary of college freshman education and optimize the integration of the most suitable subject and resources into the practice of freshman education should be the foothold of the next step in the construction of freshman education quality [Tang Jinghua, Mao Wenwei, 2011, p. 36].

2.3. Single form of education realization: generalization of targeted carrier of freshman education

College freshmen education is a universal education process for all freshmen, but also a special education process for different majors. Therefore, the realization of education in various forms is the basic requirement, because a single form is difficult to achieve the real improvement of freshman education pertinence and effectiveness. The characteristics of students are different, especially the post-00s college students, compared with students of other ages, they have more abundant self-needs, the form of education realization cannot keep up with their needs, interests and hobbies, the basic education function and role of new education is difficult to effectively play. Judging from the means and forms of freshman education adopted by colleges and universities, the single form is a more prominent problem. College education administrators adopt a collective education method, which carries out freshman education by organizing freshman class meeting, opening ceremony, teacher-student meeting, professional guidance meeting, school situation and school history report, psychological counseling report, safety discipline education meeting, funding policy introduction meeting, welcome party, library resource training lecture and other collective activities. There is no doubt that this new education method of collective education can effectively expand the coverage of education and achieve the effect of "quick success". However, in the single educational realization form of collective education, the individual needs and needs of a considerable part of students are difficult to be effectively responded to and satisfied. Because it does not fully consider the characteristics of new students, especially the characteristics of the post-00s college students, such a form of education realization is lack of pertinency and effectiveness [Yu Kan, 2013, p. 58].

The realization form of freshman education in colleges and universities has strong similarity and similarity, few colleges and universities adopt more innovative personalized education realization form, and the whole freshman education presents a collective atmosphere and serious atmosphere. However, for college students who have just entered the university and are full of infinite expectations and fantasies about college life, a single form of education realization will easily weaken their good feelings toward the university and produce fears and fears about the collective life of the university, especially the future undergraduate education. As a result, the originally conceived carrier of freshman education has not fully played the role of strengthening freshman education. As a result, the role of freshman education is generalized into a process of implementing requirements and completing tasks from the top down, and the humanistic care for students' education guidance is weakened and ignored.

2.4. Lagging external adaptation of education: the development reform and innovation of freshman education is blunted

College freshmen education is a dynamic educational process, but also a developmental educational process. The concept, mechanism and carrier of freshman education are also changing and adjusting with the development of The Times. Because of the adaptive reform and innovation of freshman education, freshman education will play a foundational and supportive role in improving the quality of undergraduate education. As an integral part of undergraduate education, freshman education is constantly improving, developing, reforming and innovating. However, the strength and intensity of its reform and innovation are limited, and its development has not been effectively reflected. In the interaction between freshmen education and the external social environment, there is a certain problem of lagging response. In short, the external social environment has undergone great changes, even great changes, but the freshman education in colleges and universities has not caught the clues of these changes in the first time, and then the concept, mechanism and carrier of freshman education have been adjusted and changed accordingly, so as to promote the reform and innovation of freshman education, stimulate the vitality of freshman education and strengthen the force of freshman education. One of the most obvious manifestations is that post-00s college students have entered universities and become the new darling of higher education in the new era. The changes in the characteristics of the era of the educational object should have certain influence and impact on the concept, mechanism and carrier of freshman education, leading to the reform and innovation of freshman education, but there seems to be no substantive reform and innovation in the actual promotion of freshman education at present. At present, freshmen education in colleges and universities still adopts a top-down control orientation of didact education. Such didact has completed the prescribed tasks on the surface, but has not really penetrated into the hearts of young students. It is a kind

of "self-talk" solo carnival, which deeply touches and stimulates young students' learning and life thinking concepts, behavior habits and other ways. The dislocation of freshman education with the development of The Times and the decoupling of freshman education with students' needs will lead college freshman education to a wrong direction of closed development and hesitation.

3. Goal orientation: the time value of college freshmen education to improve the quality of undergraduate education

The improvement of undergraduate education quality is the key point and key to the quality construction of colleges and universities. The stage of undergraduate education determines that different educational ideas, models and methods should be adopted in different periods of college students' learning and education. There are three common perplexities for freshmen after they enter the university: they don't know the goal of professional training, which leads to the lack of learning motivation; The learning method is not understood, resulting in low learning efficiency; Unclear future planning leads to a lack of planning in learning. College freshmen education is an important part of undergraduate education, and its quality improvement is also the basis of undergraduate education quality improvement. Strengthening college freshman education and enhancing freshman education are of great significance and value to better realize the transition of student status, create a strong academic education environment, implement the basic links of undergraduate education and improve the quality of undergraduate education, and must be consistent.

3.1. Strengthening college freshmen education is the catalyst to realize the stage transformation of student identity

College freshmen are students who enter the university from high school to receive undergraduate education. Before entering colleges and universities, these students are middle school students who receive education centered on "exam-oriented" and based on knowledge education. Students' learning passivity is strong, and they pay attention to the passive acceptance, learning and digestion of knowledge. In the face of sudden changes in the external environment, this kind of identity and experience will inevitably appear short-term inadaptation, which will affect the normal rhythm and process of learning and life. In the post-00s college students, such a state is more widespread. Most of them are only children, which reinforces the phenomenon. For colleges and universities, in the face of such groups, the most effective way is to conduct strict education, effective guidance and careful care for students at the entrance of undergraduate education for freshmen, help students realize the changes of the environment in a timely manner, take the initiative to adjust their role playing, and promote the substantive change of their action identity from "middle school students" to "college students". If the role and function of college freshman education cannot be better strengthened, it will lead to the emergence of some freshmen, although they have entered the university, their thinking

mode and behavior mode are still in the fixed mode of "exam-oriented" education and knowledge education, and it is difficult to effectively liberate themselves and better understand, develop and realize themselves in the new environment. Therefore, strengthening college freshman education is the catalyst to realize the transformation of students' identity, which is conducive to helping students complete the transformation of identity and enter the role as soon as possible, and adopt a rational strategy of learning and life.

3.2. Strengthening college freshmen education is the compass to build a strong academic education environment

Study is the main responsibility of college students. Freshmen education has two key points, one is to solve the problem of college students' adaptation to campus life, the other is to solve the problem of college students' study. Compared with the exam-oriented learning and knowledge learning in high school, college learning will bring greater pressure and more stringent requirements for students' all-round development. If students fail to complete the prescribed studies in accordance with academic norms and requirements in time, the consequences are unimaginable. Through the guidance of teachers and peers, college freshman education helps students form a rational understanding of college study and professional education, helps students understand and master academic and academic standards and requirements as soon as possible, and actively carries out targeted and planned self-academic development plans to improve their academic ability and meet basic academic requirements. In the normal and correct development track to achieve the goal of self-knowledge growth, ability development and personality improvement, strive to become an excellent college graduate, to make due contributions to national construction. From this perspective, freshman education in colleges and universities plays the role of a compass, because the guidance of freshman education can stimulate the internal academic education environment in colleges and universities, guide students to correctly recognize the academic pressure and study in accordance with academic and academic standards and requirements, and thus improve the retention rate of freshmen and the rate of bachelor's degree acquisition. Improve the efficiency and quality of university talent training as a whole.

3.3. Strengthening college freshmen education is a model room for the basic links of practical undergraduate education

The construction of first-class undergraduate education is the most critical measure for universities to improve the quality of undergraduate education. First-class undergraduate education is a system of first-class and overall first-class, first-class freshman education is also the meaning of the topic. The construction of first-class undergraduate education needs to do all aspects of undergraduate education, break through the existing obstruction of undergraduate education, and form a joint force to improve the quality of undergraduate edu-

cation. Freshman education is the beginning and end of undergraduate education in colleges and universities, and it has the role and effect of demonstration and guidance for subsequent education. In the construction of first-class undergraduate education, strengthening college freshman education and enhancing the force of freshman education is the essential embodiment of the basic link of practical undergraduate education. Taking the quality improvement of freshman education as the starting point, demonstrating and giving play to the role of freshman education among samples in undergraduate education will help provide some reference for other types and forms of undergraduate education, help solve the key problems affecting the quality improvement of these types and forms of education, and realize the collaborative and overall governance of undergraduate education in colleges and universities. Jointly serve to improve the quality of undergraduate education, increase students' sense of participation and gain in undergraduate education, and form a virtuous circle of undergraduate education in colleges and universities.

4. Quality construction: the practical path of college freshmen education under the improvement of undergraduate education quality

The improvement of undergraduate education quality is an inevitable trend and a necessary choice for the construction and development of universities in the future. Under the objective requirements and realistic standards of improving the quality of undergraduate education, freshman education has been given greater stage education functions and roles. Therefore, it is not enough to be satisfied with the implementation effect of current freshman education. It is necessary to conduct a comprehensive scan of freshman education to realize the transformation, upgrading and reform of freshman education concepts, models and methods. This requires colleges and universities to continuously strengthen the function of freshman education in serving students, form a basic mechanism of freshman education with linkage and co-governance, enrich the carrier of freshman education with precise policies, and promote the reform and innovation of freshman education that ADAPTS to The Times.

4.1. The combination of stages and key points should strengthen the function of freshman education to serve students

Freshman education is a phased education of undergraduate education in colleges and universities. It is of great significance for better freshman education to accurately understand the connotation of the phased education. In the process of promoting the quality improvement of undergraduate education, colleges and universities should fully recognize the stage education function of freshman education, adhere to the combination of stage and key, strengthen the service function of freshman education, and Orient the basic goal of freshman education to better promote students to achieve transition, complete identity change, and adapt to the new environment. After students enter colleges and

universities, it is necessary to combine the characteristics and stages of the freshman year to better serve the growth of students, promote the smooth transition of students and start college life as the goal, and make targeted arrangements for freshman education. Centering on the actual needs of students, make plan maps and list the schedule, and make balanced efforts in the freshman year. Steadily promote the implementation of freshman education; At the same time, we should recognize the key role of freshman education in undergraduate education, and give more development understanding and resource support to freshman education. The information of freshmen is further comprehensively scanned to provide necessary reference for the realization of phased education goals, further practice all aspects of freshman education, play the key demonstration and breakthrough role of freshman education, and promote the improvement of the overall quality of undergraduate education in colleges and universities.

4.2. The basic mechanism of freshman education based on linkage and co-governance should be formed by combining synergy and focus

Collaborative governance is the basic mechanism of college freshmen education. The key to revitalize freshman education is to strengthen the clear responsibility boundary of freshmen education subjects, perform their own duties, focus on giving full play to the relative advantages and professional expertise of special subjects, and form a basic mechanism of freshman education that is linked and co-governed. First of all, to promote the coordination of the main bodies, shoulder the responsibility. Colleges and universities should further clarify the responsibility boundary of freshman education, and let more subjects participate in the practice of freshman education and assume corresponding responsibilities through in-depth publicity. The main body of the university is responsible for the freshman education part of the collective universality, while the college is responsible for the freshman education part of the personalized particularity, and the combination of the universal and the special makes the responsibility more clear. In combination with the departments and units involved in freshman education, strengthen the coordination and coordination among each other, let professional departments do professional work, truly let the student department, educational administration department, security department, publicity department, etc. play their comparative advantages in freshman education, form a collaborative working pattern, so that freshman education can be carried out more effectively. Second, focus on playing a role and highlighting effective results. Key subjects, such as professors, peers, and guides, should play a key role in freshman education, actively build the working mechanism of school sailing, professor piloting, peer navigation, and guide escort, form a comprehensive working system for serving students, better highlight the effectiveness of freshman education, and solve the problem of freshmen's development and adaptation. Finally, improve

the effect evaluation and form feedback. As the main body of freshman education, colleges and universities should evaluate and examine the whole situation of college freshman education, and further arouse the attention and participation of college units, so as to promote reform and education by evaluation. In the competitive evaluation, optimize the effect of freshman education, form a closed-loop feedback mechanism of freshman education, promote and drive a hundred schools of freshman education to contend and blossom.

4.3. Combining pertinence and characteristics to enrich the realization carrier of freshman education with precise policies

Pertinence and effectiveness are the basis of freshman education in colleges and universities. Whether it can effectively achieve educational guidance for students, help students solve practical learning problems and relieve academic pressure is the basic standard to evaluate the effect of freshman education. On the basis of pertinence and effectiveness, colleges and universities should further explore to promote the diversification and enrichment of freshmen education carriers. Not all students are facing serious college adaptation problems, and not all students need the intervention and guidance of college freshman education. The change of educational objects should be taken as an important reference for freshman education. It is necessary to change the single realization carrier based on collective education in the past, combine the change of educational technology and the difference of students' needs, and explore and try characteristic ways and methods on the premise of effectiveness, so as to achieve the goal of precise policies. To overcome the past thinking that one key opens all doors, use different keys to open different doors, take the degree of students' actual adaptation to the problem as the strength point of freshman education, give personalized care outside of collective education, collective education and personality education, characteristic education can be combined, and can also be appropriate to introduce home-school combination. To realize the characteristic solution of special problems and strengthen the force of freshman education. Secondly, we should combine the characteristics of colleges and majors, and embody the connotation of characteristics in freshmen education activities or courses. Through careful design, with the college as the unit and the major as the link, students can feel the different taste of freshman education, unconsciously join in the freshman education, and gain knowledge, enhance communication and form consensus in the freshman education, enhance the effectiveness of freshman education, and then improve the quality of freshman education, serve for subsequent undergraduate education and improve the overall quality of undergraduate education.

4.4. Combine compliance and development to promote the reform and innovation of freshman education

College freshmen education is an education that keeps pace with the modern times and needs to adjust and develop with the changes. The funda-

mental reason for the relatively backward adaptation of freshmen education to the outside is that the overall education concept of colleges and universities is relatively conservative and established, and the internal power of reform and innovation is lost in the established development space and the development comfort zone. However, this kind of development thinking is essentially a static thinking, which is not conducive to promoting the better landing effect of freshman education, and is not conducive to the actual improvement of the quality of freshman education. In promoting the reform and innovation of freshman education, colleges and universities should adhere to the principle of combining nature and development. It is necessary to adhere to some effective experience in freshman education and some widely used conventions, to ensure that the orientation of freshman education is not biased, not chaotic, improve work efficiency, and play the basic role of educating, guiding, helping and developing students. At the same time, we should overcome empiricism, dare to try and explore some novel ideas and fresh practices, especially to take the initiative to mark the characteristics of the modern times and group characteristics of post-00 college students, move according to the trend and change due to events, follow up in time, establish dialogue, and give play to the due role of freshman education. Continue to promote the reform and innovation of freshman education, maintain its basic educational appeal, attraction and force, better serve the transition and development of freshmen, promote the fundamental improvement of the quality of freshman education, solve the current situation and problems of freshmen's poor adaptability to development, help students enter the role as soon as possible, implement the plan as soon as possible, and make a good start for undergraduate education in colleges and universities. We promoted steady improvement in the quality of undergraduate education.

References

- Mao Wenwei. On the use of corpora in the compilation of educational materials in a foreign language. Beijing : Japan Teaching and Research, 2013 (6).
- Tang Jinghua, Mao Wenwei. Review of the Construction and Application of the CLJC Chinese Japanese Language Corpus, Beijing : Japanese Language Learning and Research, 2011.
- Yu Kan. Corpus Construction and Japanese Research, Zhejiang : Zhejiang Technology and Business University Press, 2013.

于巧丽（烟台）

烟台理工学院

崔洪海（烟台）

山东工商学院

应用型本科高校外语专业教师核心素养发展现状研究

摘要：基于外语学科核心素养，本文对外语专业教师核心素养内涵进行界定，采用定量与定性研究相结合的方法，分析了2所应用型本科高校外语专业教师核心素养发展现状，旨在为外语教师专业素养发展与能力提升提供依据。研究发现，应用型本科高校外语专业教师整体上对外语学科核心素养四个维度的认知相对较好，但教师的专业素养不容乐观。因此，外语专业教师应加强对自身专业素养与能力的发展。此外，高校也应采取积极有效措施帮助教师发展其专业素养，尤其是专业素养中的研究能力和教学能力的发展。

关键词：核心素养；外语专业教师；外语学科；应用型本科高校；专业素养。

Yu Qiaoli

Yantai University of Technology, Yantai

Cui Honghai

Shandong Technology and Business University, Yantai

RESEARCH ON THE CURRENT STATUS OF CORE LITERACY AMONG FOREIGN LANGUAGE TEACHERS IN APPLICATION-ORIENTED UNIVERSITIES

Abstract. The research is devoted to the core literacy of foreign language teachers. Through a combined approach of quantitative and qualitative research, the paper examines the current status regarding the core literacy of teachers in two application-oriented universities, aiming to provide a solid foundation for enhancing their professional qualities and capabilities.

Keywords: core literacy, foreign language teachers, application-oriented universities, professional qualities.

Юй Цяоли

Яньтайский технологический университет, Яньтай

Цуй Хунхай

Шаньдунский университет технологий и бизнеса, Яньтай

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОЦЕССА ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗАХ С ПРИКЛАДНЫМИ ПРОФИЛЯМИ

Аннотация. Исследуется проблема повышения уровня подготовки преподавателей иностранных языков. Используется сочетание количественного и качественного методов исследования, рассматривается уровень квалификации преподавателей двух вузов с прикладными профилями. Основная цель исследования – способствовать формированию базовых принципов повышения уровня владения профессиональными компетенциями среди преподавателей.

Ключевые слова: уровень подготовки, преподаватели иностранных языков, университеты с прикладными профилями, профессиональные компетенции.

1. 引言

核心素养是21世纪教育的聚焦点，并成为各学段教育教学改革的热门话题。核心素养的目标指向是培养什么人的问题，体现了个人价值与社会价值的双重功能，并具有终身发展性和阶段性。然而，不同学段的核心素养培养，最终还是要落实在学科教育上。因此，国内不少研究者

从不同学科与领域对学生的核心素养培养展开研究。从外语学科来看,研究者对英语学科的核心素养内涵进行了系统研究(程晓堂等,2017a;程晓堂,2017b;杨志成,2017),另有研究者基于核心素养培养开展了教学研究(刘晟等,2016;张铭凯等,2016;冀小婷,2016;张春雷,2018)。从研究对象来看,研究者多聚焦于学生核心素养(林崇德,2017)和中小学英语教师的核心素养(张楠,2017)等方面,而针对高校外语专业教师的核心素养研究相对较少,少数研究仅从核心素养角度关注高校外语教师的职业能力发展问题(李惠敏,2023),而针对应用型本科高校外语专业教师核心素养的权威研究则更为罕见。作为教育的主体—高校外语教师自身素养状况对培养学生的核心素养起到了关键作用。没有高素养的教师,学生的核心素养培养难以得到落实,而教师核心素养的现状研究则是教师核心素养培养与模式构建的前提。因此,本研究在探究应用型本科高校外语专业教师核心素养现状基础上,分析外语专业教师目前所存在的问题,为外语专业师资队伍培养提出建议,以期构建高校外语专业教师核心素养的培养模式提供依据和参考。

2. 外语专业教师核心素养的内涵界定

在各学段的教育过程中,核心素养的培养主要是通过学科教育来实现的。因此有必要对外语学科核心素养的组成要素和构成框架进行梳理与界定,从而揭示外语专业教师的核心素养内涵。

2.1. 外语学科核心素养

中华人民共和国教育部制定的《义务教育英语课程标准》(2022年版)中,对英语课程核心素养进行了界定:“学生通过课程学习逐步形成的适应个人终身发展和社会发展需要的正确价值观、必备品格和关键能力。英语课程要培养的学生核心素养包括语言能力、文化意识、思维品质和学习能力等方面”(2022: 4)。《普通高中英语课程标准》(2017年版2020年修订)中也将英语学科核心素养从语言能力、文化意识、思维品质和学习能力四个方面进行了阐释。此外,教育部颁布的《高等学校外语类专业本科教学质量国家标准》(以下简称《国标》)中,明确提出了外语类专业学生应具备的素质、知识和能力要求,并把“学科基本素养”纳入了素质要求之中(2018: 92)。就高校英语专业教学而言,李惠敏(2023: 196)认为,“培养学生的语言能力、思维能力、文化意识、学习能力是核心素养导向下英语教学工作的重点”。由此可见,不同学段的外语学科教育中,学科核心素养都是不可忽视的问题。

2.2. 高校外语专业教师核心素养

外语教师在充分理解外语学科的核心素养本质上,应不断提升自身的学科核心素养,从而为基于核心素养培养的外语教学提供智力支持。

《国标》对外语类教师素质提出了明确要求:

(1) 符合《中华人民共和国教师法》和《中华人民共和国高等教育法》规定的资格和条件,履行相关义务;(2)具有外国语言文学类学科或相关学科研究生学历;(3)具有丰厚的专业知识,熟悉外语教学与学习的理论和方法,对教育学、心理学等相关学科知识有一定了解;(4)具有扎实的外语基本功、教学设计与实施能力、课堂组织与管理能力、现代教育技术和教学手段的应用能力,以及教学反思和改革能力;(5)具有明确的学术研究方向和研究能力。

杨志成(2017: 19)指出,应参考学生和学科核心素养,逐步建构教师发展核心素养体系,提升教师的专业素养。孙有中等(2018)依据《国标》从职业道德、教学能力、研究能

力和学科知识四个维度提出了高校外语类专业教师能力框架。梦雪等(2023)从平等沟通与融洽互动、适切示范与专业诊断、前提性省思与多元化创新以及教学专业自主发展四个方面对新时代教师的核心素养进行了阐释。此外,王立非等(2019)还从专业知识、专业能力和职业素养三个维度提出了商务英语教师专业核心素养的理论框架。

根据外语学科核心素养和有关教师核心素养的文献研究,本研究将高校外语专业教师的核心素养内涵定义为高校外语教师在培养专业外语人才中,应具备的培养学生核心素养和专业发展的必备品格和关键能力。具体应包含对核心素养(语言能力、文化品格、思维品质和学习能力)的认知水平、外语教师为培养核心素养所具备的关键专业素养与能力(道德素养、外语专业知识与能力、教育学和心理学知识与能力、教学能力和研究能力)。其中,对核心素养的认知水平是教师核心素养体系发展的前提,而教师所具备的关键专业素养与能力则是核心素养发展的必要条件和保障。

3. 研究设计

为明确应用型本科高校外语教师的核心素养发展现状,本研究采用定量与定性研究相结合的方法,通过问卷调查和访谈对高校外语专业教师核心素养发展现状进行了调查。

3.1. 被试

本研究对象为山东省两所应用型本科高校外语专业教师,参与问卷调查的人数共 35 人,回收有效问卷 34 份,回收率为 97.1 %。被试分别来自英语、商务英语、大学英语、日语、朝鲜语专业,其中男教师 2 人,女教师 32 人。具体情况见下表:

表 1 受试对象

	英语类专业	日语专业	朝鲜语专业
人数	28	4	2
合计	34		

3.2. 研究工具和设计

本研究采用问卷和访谈方式进行对教师的核心素养认知和专业素养与能力情况进行调查。首先，问卷是依据教师核心素养内涵，自制《应用型本科高校外语专业教师核心素养发展现状调查问卷》，试测后对个别题目表述进行优化，随后对被试进行现场测试，并使用 SPSS26.0 对问卷数据进行分析。问卷包含两部分共 28 题，其中第一部分主要是对教师基本情况的调查（共 6 题），内容涵盖教师性别、年龄、教龄、教育背景、职称、专业；第二部分主要调查教师对核心素养四个维度的认知水平和教师的专业素养与能力（共 22 题）。题目维度如下：

表2问卷第二部分题目类型

	语言能力	文化品格	思维品质	学习能力	专业素养与能力
题目数量	4	4	5	5	4
合计（题）	22				

此外，为了更好地了解教师的核心素养现状，研究中还对 3 名教师进行了开放性访谈，深入了解教师对自身核心素养发展中的困境、压力和渴望得到的外部支持情况。

3.3. 研究问题

3.3.1. 应用型本科高校外语专业教师核心素养认知水平和各维度之间是否存在相关性？

3.3.2. 应用型本科高校外语教师的专业素养与能力有何特点？

3.3.3. 应用型本科高校外语专业教师的核心素养发展现状如何？

4. 结果与分析

研究通过对34份有效问卷结果进行分析，以探究应用型本科高校外语专业教师的核心素养现状。

4.1. 应用型本科高校外语专业教师核心素养认知水平

数据分析中对外语专业教师的核心素养认知水平的研究主要进行了信度检验和相关性分析。

4.1.1. 核心素养各维度信度检验

将问卷数据录入SPSS软件之后，对数据进行校对，信度检验结果如下：

表 3 核心素养各维度信度检验结果

维度	信度	均值
语言能力	.564	3.95
文化品格	.717	3.90
思维品质	.817	4.17
学习能力	.623	4.15
核心素养整体	.795	4.03

从表 3 可见,在核心素养各维度的认知水平上,教师对思维品质的认知最高,其次依次是学习能力、语言能力及文化品格,整体上较令人满意,说明应用型本科高校外语专业教师能够对核心素养的组成要素和重要性有较清晰的结构性认识。

4.1.2. 外语专业教师核心素养各维度相关分析

为了进一步了解教师对核心素养各维度的认知水平是否具有相关性,研究中对核心素养各维度数据进行了皮尔逊 r 分析。一般来说,相关系数绝对值在 0.7 以上,我们称之为高相关;相关系数绝对值介于 0.3 到 0.7 之间,我们称之为中等相关;相关系数绝对值低于 0.3 时,我们称之为低相关(许宏晨, 2013: 64)。皮尔逊 r 相关分析结果显示,应用型本科高校外语专业教师对核心素养语言四个维度的认知上,即语言能力、文化品格、思维品质与学习能力之间均存在显著的中等正相关关系($r_{\text{语言能力-文化品格}}=0.517, p<0.05$; $r_{\text{语言能力-思维品质}}=0.455, p<0.05$; $r_{\text{语言能力-学习能力}}=0.538, p<0.05$; $r_{\text{文化品格-思维品质}}=0.615, p<0.05$; $r_{\text{文化品格-学习能力}}=0.359, p<0.05$; $r_{\text{思维品质-学习能力}}=0.502, p<0.05$)。

4.2. 应用型本科高校外语教师专业素养

为了厘清应用型本科高校外语专业教师的核心素养和发展状况,研究中还深入探究了教师专业素养与发展中的问题,问卷中主要观察教师的专业素养满意度、亟待提高的专业素养、专业发展压力状况和专业发展外部支持需求四个方面的问题,同时研究中对 5 名教师进行开放性访谈,了解教师专业发展中的困境、压力与渴望外部支持的意愿。具体分析如下:

4.2.1. 教师的专业素养满意度

教师的专业素养满意度均值为 2.97,其中很满意占 0.00%;满意占 29.41%;基本满意占 50.00%;不太满意占 8.82%;非常不满意占 11.77%,详见图 2。从调查结果来看,外语专业教师对自身的专业素养整体上基本满意,但教师也能认识到自身在专业素养上所存在的问题,访谈中,有 2 名教师认为自身的专业素养存在较大问题,亟待提高。这也反映出应用型本科高校外语专业教师在专业素养发展中存在的不平衡状态。

4.2.2. 教师亟待提高的专业素养

问卷和访谈中还对教师亟待提高的专业素养进行了调查,从调查结果来看,教师最想提升的专业素养为研究能力(占 64.71%),其次分别为教学能力(占 20.59%)、外语专业知识与能力(占 11.76%)、教育学与心理学知识与能力(占 2.94%)、道德素养(占 0.00%),访谈中教师认为研究能力和教学能力提升十分必要,也是教师在工作中需要重视的两项专业核心素养。

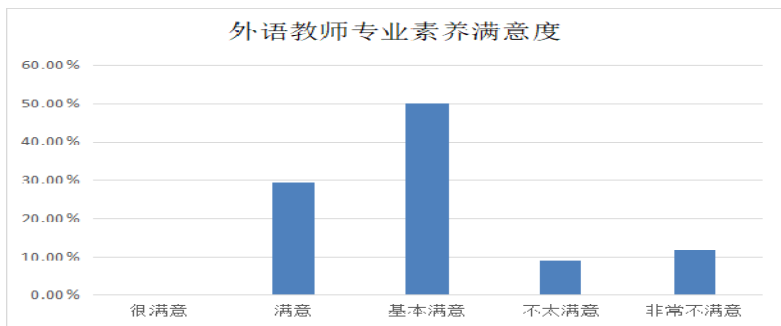

图2外语教师专业素养满意度柱状图

4.2.3. 教师专业发展压力状况

在对教师的核心素养进行调查中，还关注了教师的专业发展压力状况，从结果来看，14.71 % 的教师认为自己的专业发展压力非常大；64.70 % 的教师认为自己的专业发展压力比较大；17.65 % 的教师认为自己的专业发展压力一般，2.94 % 的教师认为自己的专业发展压力比较小。

4.2.4 专业发展外部支持需求

对外语专业教师的专业发展外部支持需求分析中，发现61.77 % 的教师认为自己需要外部支持，29.41 % 的教师认为自己非常需要，但2.94 % 的教师持无所谓的态度，另有5.88 % 的教师认为自己不太需要外部支持。

4.3. 外语专业教师核心素养现状

结合高校外语专业教师的核心素养认知、专业素养及发展状况的数据分析结果，可以看出外语专业教师对核心素养的整体认知较为清晰，能够认识到核心素养各维度在教学中的重要意义和教学需求，同时，教师对于自身的专业素养也存在一定困惑，能够认识到自身的专业素养中的不足，并存在较高的专业发展压力，从而对自身的专业素养发展整体上有较高的外部支持需求。

5. 结论与建议

本文以应用型本科高校外语专业教师为研究对象，探究高校外语专业教师的核心素养现状。研究结果表明，教师对外语专业核心素养的认知度较好，能够正确理解语言能力、文化品格、思维品质和学习能力在外语教学中的地位和价值，其中教师对思维品质的认知最高，对文化品格的认知最低。同时，核心素养四个维度之间均存在显著的中等正相关关系。此外，教师对于自身的专业素养水平不太满意，并对自己的专业发展感到较大压力，渴望获得外部支持，说明教师能认识到自身的专业

素养不足,并希望通过学习和外部支持来获取更大的发展。这对外语教学和外语专业教师发展具有以下启示:第一,应加强教师对核心素养文化品格的认知,而教师也应当加强自身的文化品格提升。第二,加强教师的专业素养培养和能力提升。教师的专业素养和能力势必影响教师的教学质量和学生的核心素养培养。与此同时,高校应采取积极措施主动服务于教师的专业发展需求,如鼓励教师进修、访学、参加学术会议等形式,为外语专业教师的专业发展提供更多机会。第三,外语专业教师应顺应教育创新发展新形势,加强自身学习,不断提高自身的理论素养和教学实践能力,主动求新求变,以更好适应时代对外语专业教师的新要求。

参考文献

- 程晓堂,赵思奇.英语学科核心素养的实质内涵[J].课程·教材·教法,2017,36(5):7-14.
- 程晓堂.英语学科核心素养及其测评[J].中国考试,2017(5):7-14.
- 李惠敏.基于核心素养的高校英语教师职业能力发展[J].山西财经大学学报,2023(S1):196-198.
- 林崇德.中国学生核心素养研究[J].心理与行为研究,2017,15(2):145-154.
- 刘晟,魏锐,周平艳,等.21世纪核心素养教育的课程、教学与评价[J].华东师范大学学报,2016(3):38-45,116.
- 冀小婷.英语学科核心素养培养的实现途径[J].天津师范大学学报(基础教育版),2016,17(3):48-51.
- 孟雪,张安迪,刘鹏.新时代教师教育者核心素养内涵、特征与构成[J].当代教师教育,2023,16(2):80-85,95.
- 孙有中,张虹,张莲.《国标》视野下外语类专业教师能力框架[J].中国外语,2018,15(2):4-11.
- 王立非,金钰珏.《国标》指引下商务英语教师专业核心素养阐释[J].外语电化教学,2019,(188):61-66.
- 许宏晨.第二语言研究中的统计案例分析[M].北京:外语教学与研究出版社,2013.
- 杨志成.核心素养的本质追问与实践探析[J].教育研究,2017(7):14-20.
- 张春雷.核心素养视角下课堂结构的审视与重构[J].教师教育研究,2018,30(5):66-71.
- 张铭凯,靳玉乐.基于核心素养的课程创新动因、本质与路向[J].中国教育学刊,2016(5):71-75.
- 张楠.中小学英语教师的核心专业素养培养探究[J].新疆教育学院学报,2017(2):53-56.
- 中华人民共和国教育部.《义务教育英语课程标准(2022年版)》[M].北京:北京师范大学出版社,2022.
- 中华人民共和国教育部.《普通高中英语课程标准(2017年版2020年修订)》[M].北京:人民教育出版社,2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аврил Нерисса Адонна Эдвардс, докторант Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань, КНР).

Адилханян Нина Леоновна, старший преподаватель кафедры китаеведения, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Алепо Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (г. Хабаровск).

Анганаева Наталья Алексеевна, стажер Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Андропова Лариса Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения Томского государственного университета (г. Томск).

Ахмедиева Алия Тохтаровна, доктор экономических наук, и.о. профессора кафедры макроэкономической политики и прогнозирования Ташкентского государственного экономического университета (г. Ташкент, Узбекистан).

Бояркина Анна Владимировна, кандидат политических наук, доцент, доцент Академического департамента английского языка Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург).

Брюггеман Марина Анатольевна, консультант отдела юридической и кадровой работы Министерства экономики и регионального развития Красноярского края (г. Красноярск), магистрант Иркутского государственного университета, программа «Междисциплинарные исследования языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии первый иностранный язык – китайский, второй иностранных языков – английский») (г. Иркутск).

Бу Сяотянь, доктор литературы Шаньдунского университета технологий и бизнеса (г. Яньтай, КНР).

Бурдель Елена Андреевна, студент аспирантуры Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли (г. Гуанчжоу, КНР).

Бянь Цзяхао, руководитель управления по работе с иностранными студентами Института международного обмена Шаньдунского университета технологий и бизнеса (г. Яньтай, КНР).

Ван Мэн, аспирант Забайкальского государственного университета, преподаватель Цзилинского университета иностранных языков (г. Цзилин, КНР).

Ватолина Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Вербицкая Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Верюжская Евгения Романовна, ассистент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Владиминова Людмила Павловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного института международных отношений МИД России (г. Одинцово).

Леонтьева Эльвира Октавьевна, доктор социологических наук, доцент, профессор высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета.

Воробьева Лариса Александровна, старший преподаватель кафедры востоковедения, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Воропаев Николай Николаевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН (г. Москва).

Дамбуева Софья Валентиновна, аспирант Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ).

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (г. Красноярск), главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (г. Москва).

Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, профессор Севастопольского государственного университета, руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург).

Долженко Денис Александрович, магистрант Иркутского государственного университета, программа «Междисциплинарные исследования языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (первый иностранный язык – японский, второй иностранных языков – английский)» (г. Иркутск).

Дюндик Юлия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Дышенов Александр Валерьевич, ассистент кафедры филологии стран Дальнего Востока Восточного института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ).

Иващенко Анна Андреевна, магистрант Иркутского государственного университета, программа «Междисциплинарные исследования языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (первый иностранный язык – японский, второй иностранных языков – английский)» (г. Иркутск).

Игнатенко Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва).

Игнатьева Анастасия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Ильичева Инна Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета (г. Минск, Беларусь).

Каверина Оксана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Кадыров Абдурашид Маджидович, доктор экономических наук, профессор, НИЦ «Научные основы проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете (г. Ташкент, Узбекистан).

Казанцева Анжела Анатольевна, начальник департамента обеспечения образовательного процесса ИИЯ ГАОУ ВО МГПУ, доцент кафедры романских языков и лингводидактики Московского государственного педагогического университета (г. Москва).

Казачкова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (г. Одинцово).

Какпови Геованни Лауриас, магистрант Аньхойского университета (г. Хэфэй, КНР).

Калинина Виталия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Калихман Аркадий Давидович, доктор физико-математических наук, профессор, ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», (г. Иркутск).

Калиш Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, соруководитель сектора региональной транскulturации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Карапетян Карина Арменовна, магистрант Иркутского государственного университета, программа «Комплексные исследования стран Азиатско-Тихоокеанского региона» (г. Иркутск).

Кижватова Екатерина Олеговна, магистрант Иркутского государственного университета, программа «Междисциплинарные исследования языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (первый иностранный язык – японский, второй иностранных языков – английский)» (г. Иркутск).

Кирьянова Елизавета Владимировна, преподаватель кафедры специальной лингвистической подготовки Национального исследовательского ядерного университета МИФИ (г. Москва).

Ключникова Варвара Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, соруководитель сектора региональной транскulturации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Кобжицкая Ольга Германовна, кандидат философских наук, доцент кафедры китаеведения, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Козлова Юлия Владиславовна, кандидат психологических наук, доцент, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета (г. Москва).

Козодой Ольга Андреевна, старший преподаватель кафедры востоковедения, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Коробко Виолетта Олеговна, старший преподаватель кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Котовская Анастасия Евдокимовна, старший преподаватель кафедры востоковедения, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Кремнёв Евгений Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой китаеведения, руководитель Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск), ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург).

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, зав. кафедрой регионоведения АТР, руководитель сектора трансрегионализации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск), ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург).

Кузьмина Лариса Григорьевна, кандидат педагогических наук, зав. кафедрой перевода и профессиональной коммуникации Воронежского государственного университета (г. Воронеж).

Кульгавова Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Куражев Сергей Дмитриевич, аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (г. Санкт-Петербург).

Курдюмов Владимир Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета (г. Москва).

Лебединцева Любовь Александровна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической социологии, факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Севастопольский государственный университет, ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург).

Ли Вэнчжао, доктор педагогических наук, доцент Института иностранных языков Шаньдунского университета технологий и бизнеса (г. Яньтай, КНР).

Луань Вэй, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета, преподаватель русского языка Хэйлунцзянского института иностранных языков (г. Харбин, КНР).

Ли Тунцзянь, магистр лингвистики Шаньдунского университета технологий и бизнеса (г. Яньтай, КНР).

Лу Шань, магистр искусств кафедры гуманитарных наук Университета Флоренции (г. Флоренция, Италия).

Лю Жуйвэй, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета, преподаватель Хэйхэского университета (г. Хэйхэ, КНР).

Лю Тяньси, аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

Лян Чуньюй, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета, преподаватель Шэньянского технологического института (г. Шэньян, КНР).

Мартьянова Дарья Игоревна, старший преподаватель кафедры востоковедения, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Меркулова Алина Станиславовна, преподаватель, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург).

Морозова Татьяна Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

Нарендрамохан Анукурушна, докторант Педагогического университета Центрального Китая (г. Баттикалоа, Шри-Ланка).

Нгалубали Кен Джонтони, магистрант Педагогического университета Центрального Китая (г. Браззавиль, Конго).

Новикова Ольга Сергеевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

Новосёлова Маргарита Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Попов Федор Алексеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института социальных наук Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (г. Москва).

Разумовская Вероника Адольфовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор научно-учебной лаборатории поведенческой экономики и развития коммуникаций Сибирского федерального университета, руководитель Красноярского регионального отделения Союза переводчиков России (г. Красноярск).

Савкович Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (г. Томск).

Савченко Ирина Александровна, доктор социологических наук, доцент, профессор Московского городского педагогического университета, руководитель проектного офиса гуманитарной аналитики (г. Москва).

Салангина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Саукова Елизавета Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политических наук и международных отношений историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (г. Челябинск).

Сейтова Лейла Пулатовна, свободный соискатель, НИЦ «Научные основы проблемы развития экономики Узбекистана» (г. Ташкент, Узбекистан).

Серебренникова Евгения Федоровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии, руководитель магистерской программы «Междисциплинарные исследования языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии», руководитель сектора региональной семиотизации и дискурсивизации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Сидорова Лариса Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева (г. Чебоксары).

Скрибченко Елизавета Романовна, ассистент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Солсоев Иван Николаевич, старший преподаватель кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Стефановская Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Сюй Луньхуэй, аспирант кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

Терехова Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры китаеведения, сотрудник Научно-исследовательского центра транс-

дисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии Восточного Института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург).

Пруцких Андрей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург).

Пруцких Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, и. о. зав. кафедрой восточных языков Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург).

Тразанова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения кафедры регионоведения АТР, соруководитель сектора региональной лингвокультуры Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Хлызова Наталья Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, соруководитель сектора регионального знания и медиатизации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Хо Ольга Александровна, кандидат филологических наук, Средняя школа иностранных языков г. Санья при Шанхайском университете иностранных языков (г. Санья, КНР).

Цуй Хунхай, доцент, доктор философии, директор Института иностранных языков Шаньдунского университета технологий и бизнеса (г. Яньтай, КНР).

Цуй И, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета, преподаватель Шэньянского технологического института (г. Шэньян, КНР).

Чайкисова Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, соруководитель сектора регионального знания и медиатизации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Чэнь Хунли, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета, преподаватель Хейлуцзянского института иностранных языков (г. Харбин, КНР).

Шавгарова Анна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры режиссуры, актерского мастерства и сценической

речи Хабаровского государственного института культуры, руководитель литературно-драматической части театра Хабаровского театра юного зрителя (г. Хабаровск).

Шалина Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, соруководитель сектора региональной лингвокультуры Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Шаравьёва Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Шишмарева Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китаеведения, руководитель сектора каноноведения и трансфера культурного опыта Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ (г. Иркутск).

Юй Цяоли, доцент, декан факультета иностранных языков, Яньтайский технологический университет (г. Яньтай, КНР).

Юй Ян, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

Яковлев Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Центра сохранения исторических традиций и геральдики России Северо-Западного института Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Терехова Н. В. Вопросы моделирования этимологического анализа китайских иероглифических знаков. Памяти О. М. Готлиба	4

РАЗДЕЛ I. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ватолина Е. В., Вербицкая О. Ю. Подходы к социологическим исследованиям в современных американских высших учебных заведениях: опыт анализа	13
Дамбуева С. В. Кросс-дисциплинарная методология: обращение к китайскому знаку	19
Дерюгин П. П., Кузнецова О. В., Куражев С. Д., Карапетян К. А., Юй Ян. Диагностика связанности структур дополненной социальности: пилотаж сетевой методики	25
Ильичева И. Л. Конструирование региональной идентичности в СМИ (на примере Брестского региона)	31
Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Ватолина Е. В. Отечественные регионалогические исследования: комплексное vs доминантно-дисциплинарное знание	35
Сюй Луньхуэй, Дерюгин П. П., Лю Тяньси, Лебединцева Л. А. Экономическая социология рынков: предпосылки для теоретического развития в Китае	41

РАЗДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Алепко А. В. Социально-экономические преобразования президента Филиппин Ф. Маркоса в 1965–1986 гг.: основные направления и итоги	45
Верюжская Е. Р. Репрезентация концепта «региональное управление» в англоязычном медийном дискурсе Японии, КНР, США, Канады	54
Игнатьева А. С. К вопросу об оценке уровня экологической культуры человека в России и США	60
Кадыров А. М., Ахмедиева А. Т., Одилов Ш. Повышение конкурентоспособности национальной экономики на основе инновационного развития	68
Леонтьева Э. О., Ван Н. Китайская диаспора в Хабаровском крае	74
Луань Вэй. «Мягкая сила» как внутренний механизм формирования культурной безопасности	80

Печерица В. Ф. Строительство ледокольного флота – важное звено в модернизации и развитии арктических маршрутов: проблемы и перспективы	87
Савкович Е. В. Проблема перехода от регионального к глобальному: «мессианская» роль Китая	96
Сентова Л. П. Региональный социально-экологический мониторинг как инструмент социально-экономического развития регионов	99
Скрибченко Е. Р. Стратегический подход банков развития к обеспечению устойчивого развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона	104
Чэнь Хунли. Тенденция взаимовлияния модернизационных процессов и динамики традиционной культурной идентичности в XXI в. в Китае	114
Avril Nerissa Adonna Edwards, Tendai Kaponda. The human capital development of BRICS member states through education: an analysis of women's empowerment in India	120
Bian Jiahao. Current status and prospect of Sino-Russian educational cooperation / Бянь Цзяхао. Современное состояние и перспективы сотрудничества в сфере образования между Китаем и Россией	128
Kakpovi Géovanny Laurias, Ngaloubali Ken Jhontony. Resolutions des conflits et ingerences politiques: exemple de la CEMAC et de la CE-DEAO	134
Ngaloubali Ken Jhontony. Penalties for corruption and related offenses	140

РАЗДЕЛ III. ТУРИСТИКА И УРБАНИСТИКА

Владимирова Л. П. Современные тенденции языкового образования в туристической сфере	145
Каверина О. А. Маркетинговые коммуникации в рекламном дискурсе: продвижение туристской дестинации в Китае	149
Казачкова М. Б. Из опыта организации сотрудничества в проектной деятельности (на примере подготовки бакалавров по направлению «Туризм»)	156
Калиш Е. Е. Итак, туризм. С чего начать дата-майнинг?	160
Козлова Ю. В. Текст города как знаково-смысловая практика	167
Новосёлова М. В. Контентный туризм: Акихабара, «Лёд» и BTS	170
Савченко И. А. Проектирование Zero Waste в урбанистической динамике Восточной Азии	176

РАЗДЕЛ IV. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Анганаева Н. А. К вопросу о гендерных особенностях формирования образа цзюнь-цзы в китайских современных исторических сериалах	181
Бояркина А. В. Китайская школа международных отношений: история, тенденции развития, перспективы	186
Дацышен В. Г. Советско-китайское взаимодействие и сотрудничество в области культуры и искусства в Иркутске	195
Калихман А. Д. Картография и живопись в атласе династии Цин	201

Кижватова Е. О., Шалина И. В. Христианство в послевоенной Японии	209
Попов Ф. А. «Операция 1027»: вмешательство Китая в гражданскую войну в Мьянме	213
Саукова Е. С. Образование Китайской Народной Республики в освещении австралийской прессы	222
Солсоев И. Н. Верховный суд в политической системе США	232
Цюй И. Исследование путей культурного обмена между Китаем и Россией в рамках инициативы «Один пояс, один путь»	236
Шавгарова А. В. Национальные театры на Дальнем Востоке России в 1920–1940-е гг.	240
Яковлев В. В. Русские карты Монголии XVIII – начала XX в. в собраниях архивов и библиотек Санкт-Петербурга	245
Burdzel E. A. Language situation in China and Belarus: a brief overview	255

РАЗДЕЛ V. ВОСТОКОВЕДЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Воробьёва Л. А. Цветообозначение в японских антропонимах	260
Воропаев Н. Н. От дяньгу к чэньюй	264
Долженко Д. А., Тразанова Н. Ю. Фрагменты текстов песен как интертекстуальные включения в художественном кинотексте на примере сценария Кудо Канкуро к многосерийной телеповести с продолжением «Аматян»	275
Игнатенко А. В. Лингвоэстетическое миромоделирование в новейшей китайской литературе рубежа XX–XXI вв.	281
Козодой О. А. Лингвокультурологические особенности текстов песен жанра каёкёку 1940–1970-х гг.	286
Курдюмов В. А. Парадигмы в китаеведческой лингвистике и значение тезиса «слов нет»	289
Пруцких А. А., Пруцких Т. А. Отражение реалий современной действительности в наиболее частотной лексике китайского языка	301
Тразанова Н. Ю. Способы репрезентации и функции метеонимов «снег» и «дождь» в устойчивых выражениях японского языка	307
Lu Shan. Three values in cognitive communication in China	313

РАЗДЕЛ VI. СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Адилханян Н. Л. Символика пиона в китайской культуре как одно из средств существования социокультурной памяти	320
Брюггеман М. А. Продвижение территориального бренда «Енисейская Сибирь» во внешнеэкономическом медийном дискурсе: аттрактивность и вопросы перевода на китайский язык	324

Бурдель Е. А. Цветовые коннотации в китайских и русских идиомах и их влияние на цветовосприятие носителей языка (на примере красного цвета)	333
Дышенов А. В. Метапозиция как особенность мировоззрения Линь Юйтана по отношению к кросс-культурному диалогу между Китаем и Западом на примере произведения «От язычника к христианину»	342
Иващенко А. А., Шалина И. В. Типы интертекстуальных включений в современные музыкальные произведения (на примере японоязычных текстов)	353
Ключникова В. Ю. Концепция Всемирного фестиваля молодежи – 2024 как основа дискурсивного конструирования образа России	359
Коробко В. О. Репрезентация структурирования высказывания и референция как характеристики конструирования коллективной идентичности	363
Кульгавова Л. В. Лингвокультурологические тайны <i>ham</i> : о ветчине, менестрель-шоу и роли Гамлета	368
Мартянова Д. И. Роль агентства JE в формировании лингвокультурного образа «айдол» в Японии	376
Разумовская В. А. Астафьевский текст в китайской культуре: объект изучения и перевода	381
Серебrenникова Е. Ф., Салангина Е. С. Проницаемость и интердискурсивность цифрового пространства как факторы влияния на национальную медийную картину мира (на материале южнокорейского медийного пространства)	386
Сидорова Л. А., Иванова И. П. Становление английского языка как одного из государственных языков на Филиппинах и языковые особенности филиппинского варианта английского языка	391
Хо О. А., Кобжицкая О. Г. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с компонентом 七 (семь) в китайском языке	396
Kulgavova L. The adjective cool in parametric descriptions: money and distance	402

РАЗДЕЛ VII. ОБРАЗОВАНИЕ

Андропова Л. А. Опыт разработки образовательных программ по зарубежному регионоведению в Томске	407
Ван Мэн. Стратегия модернизации образования в Китае: теории и концепции международного образования китайских исследователей	412
Дюндик Ю. Б. Презентизм как следствие эмоционального и профессионального выгорания преподавателя	417
Дюндик Ю. Б., Каверина О. А., Калиш Е. Е., Новосёлова М. В., Хлызова Н. Ю., Чайкисова А. В. Совершенствование языковых навыков и навыков критического мышления студентов на материале учебно-методического пособия «English Dimensions: Language, Region, Cultures»	423
Казанцева А. А. К вопросу о методической подготовке будущих учителей английского языка: опыт ГАОУ ВО «МГПУ»	432

Калинина В. В. Стандартизированный экзамен по английскому языку: опыт некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона	435
Кириянова Е. В. Обучение будущих специалистов в области международного научно-технологического сотрудничества работе со специальным текстом на китайском языке (на примере научной статьи)	441
Кобжицкая О. Г. Обучение изобразительно-выразительным средствам китайского языка на материале поэзии и прозы	451
Котовская А. Е. Ономастопозитические выражения в японских сказках на занятиях японского языка со студентами средних курсов	457
Кузнецова О. В., Дерюгин П. П., Карапетян К. А. Социокультурная адаптация иностранных студентов из КНР на примере вузов Иркутска	463
Лю Жуйвэй. Современное состояние образования в Китае: национальные проблемы культурной политики	468
Лян Чуньюй. Философский взгляд на язык как фактор образовательного сотрудничества России и Китая	473
Меркулова А. С. Способы формирования коммуникативной компетенции с помощью интерактивной онлайн-доски в обучении корейскому языку	476
Стефановская С. В. Проблемы обучения произношению китайского языка на начальном этапе в неязыковых вузах	480
Хлызова Н. Ю. Терминологический анализ понятия критического мышления в исследованиях ученых Азиатско-Тихоокеанского региона	490
Чайкисова А. В. Использование интернет-мемов в процессе обучения профессионально ориентированному языку студентов-регионоведов	498
Bu Xiaotian, Li Tongjian. Study on the practical integration of ideological and political components in the Japanese translation course in the context of “Three entrances”	504
Narendramohan Hanukrushna. Differentiated instruction in South Asian classrooms: a case of Sri Lanka	515
Shishmareva T., Dyundik Yu. Leon Wieger's experience in teaching hieroglyphics in mission schools (based on “Sho Wen Ze Zi”)	521
Zhao Liwen. A study to scrutinize the education of new college students based on corpus interview	528
于巧丽, 崔洪海. 应用型本科高校外语专业教师核心素养发展现状研究 / Yu Qiaoli, Cui Honghai. Research on the current status of core literacy among foreign language teachers in application-oriented universities	540
Сведения об авторах	547

VII ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Материалы
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 1–3 октября 2024 г.

ISBN 978-5-9624-2316-6

Редакторы: *Ю. А. Балашова, А. Н. Шестакова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2024 г. Поз. 91
Уч.-изд. 35,0

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
e-mail: izdat@law.isu.ru